

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

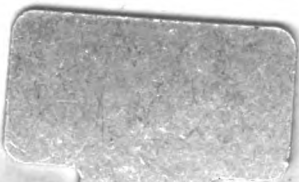
Р. 8. 233. 4 ($\frac{1872}{120}$)

ПРОБЕД 49
1240

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

4217

ДЕКАБРЬ.

1872.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

6
1872
12

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ОШИБКА. Повѣсть. (Окончаніе.) П. ЛѢТНЕВА.
- II. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ — БУРЯ. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. Книга шестая. ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.
- III. ЛИТЕРАТУРА ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЪЕДИНЕНІЯ Э. ДЕНЕГРИ.
- IV. РАВОЧІЙ ДОМЪ. Стихотвореніе. Изъ Корнуэля ОЛЬГИ ОХТЕНСКОЙ.
- V. БРИЛЛІАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ. Романъ. (Окончаніе.) АНТОНИ ТРОЛЛОПА.
- VI. ТИРОЛЬСКАЯ ДѢВА. (Легенда съ англійскаго.) Стихотвореніе В. И. СЛАВЯНСКАГО.
- VII. СРЕДНІЯ И ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ С. С. ШАШКОВА.
- VIII. НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАВЛЬ. Изъ Шулькса. Стихотвореніе. А. Ш.
- IX. «ЗОВЕТЬ»... Записки Семена Долгаго. (Окончаніе.) Н. Ф. БАЖИНА.
- X. СЪ НАТУРЫ. Стихотвореніе ПЕТРА БЫКОВА.

См. на оборотѣ.

- XI. О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?** Романъ. (Гл. XXV — XXXI) ФР. ШПИЛЬГАЕНА.
- XII. ЯДЫ.** Изъ Густава Надб. Стихотвореніе . В. И СЛАВЯНСКАГО.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XIII. ТАШКЕНТЕЦЪ ВЪ НАУКѢ** П. И.
(«Политика, какъ наука». Соч. А. Стронина. Спб. 1872.)
- XIV. НЕПОДБРАШЕННАЯ СТАРИНА.** (Окончаніе.) (По поводу послѣднихъ повѣстей г. Тургенева.) ПОСТНАГО.
- XV. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**

Издатели въ бѣгахъ. — Журнальныя лавочки и ихъ рекламы. — Кавалерственныя выходки «Русскаго Мира». — Совѣтъ не кавалерственное самовосхваленіе гг. Шрейера и Львова. — Плачь «Гражданина» о равнодушіи въ нему публики. — Восьмидесятилѣтніе читатели и сотрудники «Русскаго Вѣстника». — Беллетристы и поэты «Вѣстника Европы». — Гостинница «Доброе Пристаніе» или московскій журналъ «Бесѣда». — «Русскій Архивъ». — «Русская Старина». — «Отечественныя Записки» и безтактность ихъ полемизаторовъ. — Общее заключеніе:

- XVI. ВѢДНЯКЪ.** «Les pauvres Gens: Noel Rambert», par Jules Claretie. (Окончаніе.)
- XVII. ПОЗИТИВИСТЫ О ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.** (Письмо въ редакцію.) П. Б.
- XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.**

Гдѣ-же земскія силы и земскіе дѣятели? — Сны и дѣйствительность земскаго дѣла. — Подвиги земской управы смоленскаго уѣзда. — Сборникъ пермскаго земства, какъ образецъ бюрократической формалистики. — Система налоговъ, установленная пермскимъ земствомъ. — Количественная и качественная ея диспропорція. — Смертность населенія пермской губерніи и ея медицинскія средства. — Степень образованія и отношеніе его къ общей массѣ невѣжества. — Первобытная дикость населенія темныхъ угловъ. — Отчетъ вятскаго земства. — Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ — девизъ вятскихъ земцевъ.

- XIX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА**

Вмѣшательство клерикальной партіи во Франціи въ администрацію страны. — Вліяніе иезуитовъ. — Дѣятельность клерикальной партіи въ послѣдніе два года. — Генераль Кателино. — Приѣздъ Генриха V во Францію. — Бурбонскій договоръ. — Клерикальныя манифестаціи въ южной Франціи. — Неудачи, постигшія бурбонскіе замыслы. — Дѣятельность Шаррета. — Обѣдъ въ Курьерѣ. — Политическія колебанія клерикальной партіи. — Выразитель клерикализма, Люи Вельо. — Его хамелеоновскія политическая дѣятельность. — Причины, по которымъ клерикалы соединились съ легитимиста-

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же на правленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Сольвьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Книги журнала отправляются иногороднимъ запакованными въ плотную бумагу, подъ бандеролями съ печатными адресами.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція жалобъ не принимаетъ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КЪ

- Ошибка. Повѣсть. (Окончаніе). *П. Ль*
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англій-
ской провинціальной жизни). Романъ.
(Книга шестая). *Джорджа Э...*
Литература итальянскаго объединенія . . . *Э. Денери.*
Рабочій домъ. Стихотвореніе. Изъ Кор-
нуэля *Ольги Охтенской.*
Бриллиантовое ожерелье. Романъ. (Окон-
чаніе) *Антони Тролона.*
Тирольская дѣва. (Легенда съ англійскаго.)
Стихотвореніе *В. Н. Славянскаго.*
Среднія и высшія учебныя заведенія въ
Англіи *С: С. Пашкова.*
Невольничій корабль. Изъ Шульцса. Сти-
хотвореніе. *А. Ш.*
«Зоветь...» Записки Семена Долгаго.
(Окончаніе). *Н. Ф. Бажина.*
Съ природы. Стихотвореніе *Петра Быкова.*
О чемъ пѣла ласточка? Романъ. (Гл.
XXV—XXXI) *Фр. Шильманена.*
Яды. Изъ Густаво Надо. Стихотвореніе. . *В. И. Славянскаго.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Ташкентецъ въ наукѣ *И. Н.*
Неподкрашенная старина. (Окончаніе) . . *Постмаго.*
Биднякъ. «Les pauvres Gens: Noel Rambert»,
par Jules Claretie. (Окончаніе).
Позитивисты о женскомъ вопросѣ. (Пись-
мо въ реакцію) *П. Б.*
Внутреннее обозрѣніе
Политическая и общественная хроника. .

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Кнв. № 24470

№ 12

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГЕРОВСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 89.

△
P. 36. 4 (1875)
12.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ. 21 декабря, 1872 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

124?

В
зна
пра
тел
кли
ла
на
в
с

О Ш И Б К А.

П О В Ъ С Т Ъ .

IV.

Въ домѣ Соболевыхъ происходила съ ранняго утра та невыразимая суматоха, которая характеризуетъ каждый престольный праздникъ въ деревнѣ. Въ залѣ и гостиной, подъ предводительствомъ самого Соболева, охрипшаго отъ крика, садовникъ, ключникъ, кучеръ и двѣ бабы разстанивали мебель, чистили лампы и снимали чехлы съ кресель. Вся эта прислуга, набранная изъ крестьянъ и непосвященная, какъ прежніе вѣрнопостные, въ тайну угадыванія господскихъ желаній по одному мановенію бровей, рѣшительно не понимала, чего отъ нея требуютъ, и съ каждой минутой одурѣвала болѣе и болѣе.

— Что ты дѣлаешь? вскрикнулъ Соболевъ, вдругъ увидѣвъ, что одна изъ бабъ усердно мыла кипяткомъ лакированный столъ.

— О, Господи, какъ вы меня испужали! обиженно возразила баба;—сами-же приказали мыть!

— Я велѣлъ тебѣ мыть окно!

— А я думала—столъ!

— Аксинья! крикнула вбѣжавшая дѣвчонка,—гдѣ отъ погреба ключъ? Барыня спрашиваетъ.

Аксинья, обрадовавшись случаю улизнуть, поспѣшно скрылась, вслѣдъ за дѣвчонкой.

— Егоръ! Аксинья! раздался голосъ старшей дочери Соболева,

баронессы Вейсъ,—принесите воды; во всеѣ домѣ нѣтъ воды ни капли, что за безпорядокъ!

— Егоръ, открой ставни! кричалъ еще кто-то.

— Аксиныя! ставь самоваръ! Егоръ, поди сюда!

— Лей керосинъ въ лампу, тебѣ говорить! бѣшено крикнулъ Соболевъ на Егора, который вертѣлся во все стороны, не зная, куда прежде бѣжать. Оторопѣвъ, онъ перелилъ черезъ край керосинъ, и удушливый запахъ распространился въ комнату.

— Я пойду лошадей поить, сказалъ кучеръ, боясь, чтобъ и съ нимъ не случилось какого-нибудь несчастья.

— Постой! возразилъ Соболевъ, — я тебя посылаю спросить у барыни вазы отъ цвѣтовъ, отчего ты не принесешь?

— Барыня не даетъ.

— Какъ не даетъ?

— Ругается; говоритъ, и такъ много вещей переколотили.

Соболевъ отчаянно пожалъ плечами и отправился къ женѣ. Тотчасъ, по его уходѣ, прислуга разсыпалась въ разныя стороны, оставивъ керосинъ пролитымъ на полу, лампы развинченными и столы, сдвинутыми въ кучу.

Жена Соболева, Авдотья Ефимовна, черноватая, сухопарая женщина, въ линючемъ ситцевомъ капотѣ, находилась въ кладовой и занималась нарѣзываніемъ невѣроятно тонкихъ кусочковъ сыру и икры на тарелку; стараясь при этомъ выбирать все сухія и попорченныя мѣста, а свѣжія тщательно опять заворачивала въ бумагу и прятала. При неожиданномъ появленіи мужа, она вздрогнула, какъ пойманная на мѣстѣ воровка, и, инстинктивнымъ движеніемъ скупыхъ, загородила собою тарелку. Ей всегда казалось, что у нея хотять что-то вырвать изъ рукъ.

Привыкнувъ уже къ продѣлкамъ жены, Соболевъ прежде всего подозрительно посмотрѣлъ на тарелки съ икрой и сыромъ.

— Это ты обрѣзала верхи и негодныя мѣста! сказалъ онъ съ упрекомъ:—кто-же будетъ это ѣсть?

Авдотья Ефимовна отчаянно махнула рукой.

— Вѣдь я твое-же добро сберегаю, начала она патетично и почти со слезами въ голосъ; — при твоёмъ безумствѣ вѣдь мы давно-бы ужъ съ сумой пошли, если-бъ не я. Такое-ли теперь время, чтобъ на цѣлый день гостей къ себѣ звать, когда у насъ ни повара, ни кухарки, ни плиты, ни провизіи, ни людей?.. Са-

мый дрянной лакейшка просить полтора рубля въ мѣсяць, а кухаркѣ не меньше двухъ рублей плати, да еще корми говядиной...

— Однако... однако! возразилъ Соболевъ, хватаясь за голову;— я платилъ деньги за свѣжую икру и сыръ, а не за обрѣзки, и я хочу, чтобъ подавали свѣжія...

— Илья Тимофеевичъ! воскликнула жалобно жена;— съѣдятъ и такъ, божусь тебѣ Богомъ! Все подберутъ до послѣдней крошки, нынче не такое время, чтобъ кушанье разбирать, когда у всякаго на тѣлѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ... Хорошо, что и это-то дадутъ, а то не угодно-ли хлѣба съ квасомъ...

— О Боже! пошли мнѣ терпѣніе, вскричалъ трагически Соболевъ;—эта скарденость—это, я не знаю, что такое! Не вмѣшивайся ты, по крайней мѣрѣ, въ мои распоряженія. Заказывала ты кушанья повару?

— Этому новомодному, петербургскому-то повару, который три рубля запросилъ за одно приготовленіе?.. Лучше онъ мнѣ и не попадайся; я его и видѣть не могу! Сюртукъ на немъ изъ англійскаго сукна, часы серебряные позолоченные, на головѣ хохоль взбитъ... Да развѣ такіе повара бываютъ?..

— Ну, и прекрасно; я очень радъ, что ты съ нимъ не вступала въ разговоръ,—только-бы осрамилась! Нимфа все закажетъ и отпуститъ провизію.

Съ этими словами Соболевъ ушелъ и мимоходомъ приказалъ слугѣ позвать къ нему Нимфодору Ильинишну.

Это вычурное имя было дано его дочери затѣмъ, чтобъ можно было называть ее уменьшительнымъ, поэтическимъ именемъ Нимфы, которое очень нравилось Соболеву. Къ несчастью, природа пошла ему наперекоръ, одаривши эту самозванку нимфу наружностью и свойствами, нисколько несоотвѣтствовавшими ея воздушному имени. Росту она была колоссальнаго, и все въ ней было громаднѣхъ размѣровъ, начиная съ лица, до безконечно длинныхъ и неуклюжихъ ногъ.

Когда ей передали желаніе отца, чтобъ она заказала повару кушанья, она сидѣла на своей постели въ измятомъ ситцевомъ капотѣ и въ старыхъ туфляхъ и курила трубку.

— Съ какой стати я буду заказывать кушанья, спросила Нимфа:—я отроду не заказывала!

— Папенькѣ самому некогда, отвѣчалъ слуга.

— А маменька что-же?

Слуга мрачно усмѣхнулся.

— Маменька говорятъ, что вовсе никакого обѣда не надо, — и провизіи не хотятъ выдавать!.. Развѣ съ ними сладить?

— Наказаніе съ этими папенькиными затѣями! сказала Нимфа, оставляя трубку.

Она стала во весь свой огромный ростъ, покачалась немного, какъ будто морскія волны колебали ея тѣло, и, подойдя къ столу, взяла въ ротъ немного одеколону, чтобъ заглушить запахъ трубки, приводившій въ отчаяніе ея эстетичнаго родителя. Затѣмъ нагнула на плечи большой платокъ и пошла въ кабинетъ.

— Я, папаша, не знаю, что заказывать, сказала она, входя.

— Ты не хочешь ни въ чемъ помочь отцу? прервалъ Соболевъ трагическимъ тономъ; — отецъ для васъ всеѣмъ жертвуетъ, послѣднюю копейку ребромъ ставитъ, чтобъ не уронить свое семейство лицомъ въ грязь, а вы пальцемъ не хотите пошевелить! Вамъ все подавай готовое!

— Если-бъ вы мнѣ сказали, какія кушанья, я-бы хоть знала...

— У меня, матушка, голова трещитъ съ четырехъ часовъ утра; вездѣ я одинъ, вездѣ мой умъ дѣйствуетъ! Если я еще стану придумывать кушанья, то меня навѣрное хватитъ апоплексическій ударъ. Пріятно тебѣ будетъ, если это случится?

Устрашенная такимъ предположеніемъ, Нимфа пошла въ столовую, гдѣ дожидался поваръ въ щегольскомъ пиджакѣ и безукоризненныхъ воротничкахъ. При видѣ деревенской барышни въ ситцевомъ капотѣ и съ непричесанной головой, онъ слегка улыбнулся и этимъ окончательно уничтожилъ бѣдную Нимфу, у которой выступили по лицу красныя пятна отъ смущенія.

— Сдѣлайте... сдѣлай красный супъ, начала она, путаясь и запкаясь, и не зная, говорить-ли ему „ты“ или „вы“.

— Безъ устрицъ этотъ супъ никуда не годится-сь, развязно и надменно отвѣчалъ поваръ, небрежно играя цѣпочкой часовъ.

— Устрицъ здѣсь нѣтъ, прошептала подавленная Нимфа.

— Гдѣ-же здѣсь быть, помилуйте!.. Здѣсь о нихъ, я полагаю, и не слыхивали. Впрочемъ, если здѣшніе господа привыкли что ни на есть кушать, такъ я, пожалуй, сдѣлаю простой супъ красный; наброшу моркови, рѣпы... Больше-то вѣдь нечего!

— Къ супу надо пирожки, продолжала Нимфа.

— Съ какой начинкой-съ? Вѣроятно, съ мозгами?

— Съ какими мозгами?

— А то можно сдѣлать фаршъ на раковомъ маслѣ; изрубить вмѣстѣ мясо рябчиковъ, свѣжихъ бекасовъ, пуляртки и оленины: очень вкусные пирожки будутъ...

— Нѣтъ... сдѣлай съ яйцами, сказала Нимфа;—ну... потому надо соусъ? Какой-же?

— Это мнѣ неизвѣстно-съ; какой вамъ будетъ угодно-съ.

Прошла минута унылаго молчанія; потомъ Нимфа произнесла, запинаясь:

— Поросенокъ подъ сметаной.

Поваръ прыснулъ со смѣху.

— Извините-съ, возразилъ онъ; — мнѣ сказали, что у васъ званый обѣдъ будетъ, такъ ужь поросенокъ тутъ не встаетъ!

— Такъ что-же? прошептала Нимфа съ покорностью отчаянія.

— Мало-ли какіе мы готовимъ соусы! Можно сказать, что и не перечтешь. Вотъ не угодно-ли галантиръ изъ маринованныхъ угрей? онъ дѣлается на шампанскомъ и на венгерскомъ... Или форель подъ соусомъ? ее обладываютъ анчоусами и омарами. Есть у васъ артишоки?..

Вмѣсто отвѣта Нимфа вскочила и, колеблясь всѣмъ тѣломъ, какъ погибающій въ волнахъ корабль, выбѣжала изъ столовой. Не оглядываясь и не останавливаясь, она поднялась на верхъ въ свою комнату и, запыхавшись, упала на диванъ, гдѣ въ это время сидѣла сестра ея, баронесса Вейсъ, съ четырехлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала та, вскакивая;—можно-ли такъ врывать въ комнату, когда ты видишь, что тутъ ребенокъ? Ты могла испугать Али!

— Чѣмъ это я его испугала? возразила Нимфа.

— Если не испугать, то произвести дурное впечатлѣніе. Ты знаешь, какъ сильно дѣйствуютъ впечатлѣнія въ этомъ возрастѣ...

— Ничего я не знаю, прервала Нимфа; — знаю только, что обѣда я заказать не могу, пусть заказываетъ кто хочетъ!

— Что такое? ты, вѣрно, сконфузилась передъ петербургскимъ поваромъ: какая невидаль! сказала Поликсена.—Ты, пожалуйста, этого не говори при Али; онъ можетъ подумать, что поваровъ надо бояться.

— Отстань ты съ своимъ Али; что онъ можетъ понимать?

— Вотъ и видно твое невѣжество! ничего ты не читала, ничего ты не слыхала. Въ Али теперь работаетъ точно такой-же умъ въ маленькомъ видѣ, какъ у насъ въ большомъ...

Али, дѣйствительно, казалось, понималъ, что его мать бранить за что-то тетку, и онъ начиналъ сердито смотрѣть на Нимфу.

— Мама, а ее палкой? вопросительно пролепеталъ онъ картavyмъ дѣтскимъ голосомъ.

— Ахъ, другъ мой, кто это тебя внучилъ?.. Ты не долженъ знать о палкѣ!

— А я палкой! повторилъ ребенокъ и началъ размахивать аршиномъ, найденнымъ на стулѣ.

— Постой, это вовсе не палка, возразила мать;—это аршинъ, которымъ мѣряютъ...

Не взирая на такое объясненіе, Али ударилъ изо-всей силы по ногамъ Нимфы, которая, ничего не ожидая, причесывала волосы. Она вскрикнула и, обернувшись, вырвала аршинъ.

— Боже мой, Нимфа! можно-ли такъ обращаться, вскричала Поликсена, вся покраснѣвъ отъ досады:—ты должна была не отнимать аршинъ, а убѣдить Али, чтобъ онъ самъ его оставил!

— Да когда онъ меня чуть не изуродовалъ!

— Зачѣмъ; зачѣмъ я сюда пріѣзжала... Въ этой трущобѣ не люди живутъ, а звѣри, безъ всякихъ понятій, безъ всякихъ идей!

Съ этими словами Поликсена выбѣжала изъ комнаты, прижимая къ груди хныкавшаго ребенка.

Черезъ нѣсколько часовъ нельзя уже было узнать ни дома, ни его обитателей; всѣ слѣды безпорядка исчезли; пыли и сора какъ не бывало; новыя драпировки замѣнили старыя, новая мебель—изломанную. Лица настроились также на праздничный ладъ и носили на себѣ отпечатокъ небрежнаго равнодушія, по которому невозможно было предположить, что они всѣ еще такъ недавно волновались, досадовали и бранились. Только одна Авдотья Ефимовна, завернутая въ ковровую шаль, какъ въ одѣяло, выдавала себя, судорожно хватаясь по временамъ за карманъ съ ключами: ей все казалось, что не вынулъ-ли ихъ кто-нибудь у нея тихонько... Поликсена, въ лиловомъ шелковомъ платѣ съ оборками, развалившись на диванѣ, читала „Политическую Экономію“; невдалекѣ сидѣлъ ея мужъ, баронъ Вейсъ, полу-слѣпой и совсѣмъ

глухой старикъ и, съ блаженной, идиотической улыбкой, жеваль смову, которую подарила ему теща. Нимфа боялась пошевелиться, чтобъ не измять свое бѣлое тарлатановое платье, и даже, несмотря на усталость, не рѣшалась садиться до пріѣзда гостей.

Въ такомъ изящномъ видѣ застали хозяевъ первые пріѣхавшіе гости. Въ залѣ слышалось удивленно радостное восклицаніе Соболева: первый явился къ нему давно желаемый и ожидаемый князь Арбенинъ, въ сопровожденіи предводительскаго сына, съ которымъ онъ успѣлъ уже подружиться.

Князю было не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ, но онъ уже успѣлъ испробовать себя на многихъ поприщахъ дѣятельности. Побывавши поочередно въ правовѣденіи, въ лицей, въ петровской академіи, онъ все-таки вышелъ безъ атестата и поступилъ въ юнкера, потомъ въ конно-гвардейцы; потомъ вышелъ въ отставку, поѣхалъ зачѣмъ-то въ Ташкентъ, но тамъ соскучился по Петербургу. Въ Петербургѣ сталъ мечтать о путешествіи за-границу и дѣйствительно отправился, благодаря богатству матери, которой средства позволяли рыскать гдѣ угодно.

Теперь, не зная рѣшительно куда дѣваться, онъ вздумалъ пріѣхать на лѣтніе мѣсяцы въ свое родовое имѣніе съ тѣмъ, чтобы разыгрывать роль либерала и благодѣтельнаго помѣщика, что было для него еще ново. Родство съ барономъ Вейсомъ, натурально, повело къ тому, что онъ прежде всего познакомился съ Соболевыми.

Не прошло двухъ минутъ послѣ его входа въ гостинную, какъ уже полился живой, веселый, непринужденный разговоръ, въ который были вовлекаемы постепенно всѣ пріѣзжавшіе гости. Князь былъ созданъ на то, чтобъ очаровывать провинціальное общество: кромѣ замѣчательной красоты и ловкости, онъ обладалъ той мягкостью взгляда, тѣмъ тономъ голоса, тѣмъ измѣняющимся выраженіемъ лица, которые непривычному человѣку могутъ показаться и сердечной теплотой, и благородствомъ души, и блескомъ живого ума.

— До чего неуклюжа, шепталъ онъ своему пріятелю, предводительскому сыну, указывая глазами на Нимфу: — это настоящій жирафъ... Вотъ ее-бы въ клетку и возить показывать виѣсто жирафа!

Съ этими словами онъ пошелъ и сѣлъ возлѣ Нимфы.

— Въ послѣдній разъ, какъ я былъ у васъ, я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, началъ онъ, смотря на нее такими ласково-почтительными глазами, что она почувствовала даже пріятное волненіе;—вы были у себя въ комнатѣ?.. читали или мечтали?..

— Я... я, кажется, ничего не дѣлала, отвѣчала она съ запинкой.

— Ничего—это невозможно! улыбаясь возразилъ князь: — вы о чемъ-же nibудь думали, а мысль—это тоже дѣло; не такъ-ли?

Нимфа стала втупикъ; Поликсена поспѣшила ее выручить.

— Какъ вы сказали? вмѣшалась она;—дѣйствительно, мысль есть тоже дѣло, еще неперешедшее въ исполненіе. Я нахожу, что мы должны ограничиваться извѣстнымъ числомъ мыслей и строго ограничивать ихъ для того, чтобъ не мѣшать исполненію.

Тутъ пришла очередь князя стать втупикъ, но, будучи гораздо находчивѣе Нимфы, онъ быстро вышелъ изъ затрудненія, вскричавъ съ восторгомъ:

— Какой у васъ прелестный ребенокъ!.. Его зовутъ Али? Позвольте мнѣ приласкать его!

— Ахъ, пожалуйста, не ласкайте, возразила Поликсена: — я воспитываю его на разумныхъ началахъ...

Однако, Али, увидѣвъ протянутую къ нему руку красиваго господина, ухватился за нее и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ понять, въ чемъ дѣло, началъ проворно водить по блестящему суконному рукаву какииъ-то предметомъ, который былъ зажатъ у него въ рукѣ.

— Что это у тебя? покажи, сказала мать, разжимая ему руку;—ахъ, сальный огарокъ?.. Ты теперь брось его, Али; я тебѣ послѣ объясню, изъ чего дѣлаются свѣчи...

— Я знаю... изъ сала! со смѣхомъ отвѣчалъ мальчикъ, очень хорошо понимавшій, что огарокъ въ рукѣ его былъ страшнымъ оружіемъ, пугавшимъ всѣхъ, и вдругъ устремился съ нимъ на мать, чтобъ мазнуть ее по шелковому лифу. Къ счастью, пріѣздъ новыхъ гостей и послѣдовавшая затѣмъ суета остановили дальнѣйшее развитіе этой сцены.

— Это чортъ знаетъ что, говорилъ князь, задыхаясь, своему пріятелю, отводя его въ сторону;—посмотри, Дубининъ, замѣтны у меня на рукавѣ пятна!..

— Конечно, замѣтны; что это тако е?

— Воспитаніе дѣтей на разумныхъ началахъ... Ужь я-бы ему даль знать разумныя начала, этому пострѣленку!

Въ тотъ-же мигъ лицо князя приняло опять мягкое, очаровательное выраженіе, и онъ предупредительно подошелъ къ Соболеву, который желалъ представить ему нѣкоторыхъ гостей.

Въ числѣ ихъ были Путивлевы, то есть, Кирилль Андреевичъ и Маруся, въ сопровожденіи приживалокъ Булаткиныхъ.

Красота Маруси бросилась князю въ глаза, также какъ живописная простота ея костюма, рѣзко отличавшагося отъ другихъ отсутствіемъ оборокъ, подборовъ, панье, бантовъ и всѣхъ подобныхъ модныхъ украшеній, безъ которыхъ ни одна провинціальная дама не рѣшалась-бы обойтись.

— Откуда взялась эта Маргарита Гёте?.. шепнулъ опять князь Дубинину.—Ее хоть сейчасъ въ живныя картины: только волосы-бы распустить по плечамъ... А какіе волосы!

— Да, это у насъ красоточка! самодовольно отвѣчалъ Дубининъ, гордясь тѣмъ, что князю хоть кто-нибудь да понравился у нихъ въ провинціи.

Въ залѣ между тѣмъ происходило накрываніе стола и при этомъ суматоха, сопровождаемая топаніемъ неуклюжихъ сапоговъ, въ которые были обуты садовникъ, кучеръ и истопникъ, представлявшіе на этотъ разъ изъ себя лакеевъ. По временамъ они совѣщались между собою такъ громко, что Соболевъ, слушавшій, съ притворнымъ участіемъ, рассказъ одного важнаго гостя, блѣднѣлъ, закусывалъ губы и слѣшилъ разразиться болѣзненнымъ хохотомъ, чтобъ заглушить долетавшіе изъ залы звуки. Къ тому-же его бѣсило поведеніе Авдотьи Ефимовны, которая оставалась глуха и непреклонна ко всѣмъ воззваніямъ прислуги, таинственно манившей ее къ себѣ изъ дверей. Она знала, что ее зовутъ затѣмъ, чтобъ что-нибудь у нея потребовать, и рѣшилась не давать ничего.

— Наливки, мамаша, нужно, шепнула ей Нимфа.

— Тамъ есть наливка, увѣренно отвѣчала мать.

— Гдѣ-же?

— Гдѣ слѣдуетъ быть, тамъ и есть, повторила неспокобимо Авдотья Ефимовна и повернулась спиною къ дочери.

ГЛАВА V.

У Соболева сердце екнуло, когда позвали, наконецъ, къ столу: онъ имѣлъ сильное основаніе бояться многихъ промаховъ, и дѣйствительно, при первомъ взглядѣ на сервировку, побагровѣлъ. Горчица, уксусъ и прочія приправы, долженствовавшія подаваться въ красивомъ серебряномъ судкѣ, были изъ него вынуты и разставлены по одиночкѣ передъ каждой тарелкой, такъ что одному гостю доставался перецъ, другому прованское масло, третьему уксусъ и такъ далѣе. Впрочемъ, гости хотя сначала и улыбнулись такой странной разстановкѣ, но, при видѣ дымящагося краснаго супа, скоро позабыли о ней и предалися удовлетворенію аппетита. Въ провинціи праздничные и именинные обѣды до того разнятся отъ обыкновенныхъ будничныхъ, что нисколько не удивительно было тайное нетерпѣніе многихъ узнать, какое будетъ второе кушанье.

Князь Арбенинъ, съ своею обычною ловкостью, еще во время шествія изъ гостиной въ залу, подалъ одну руку Нимфѣ, а другую Марусѣ и, такимъ образомъ, приобрѣлъ себѣ пріятное сосѣдство, не нарушивъ вѣжливости въ отношеніи къ хозяйкѣ дома.

Разговоръ съ Марусей князь началъ прямо съ комплиментовъ, но она смотрѣла на него съ такимъ удивленіемъ и недоумѣніемъ, что онъ счелъ за лучшее свести разговоръ на другую тему и началъ спрашивать ее, какъ она проводитъ время? Ея искренніе и оригинальные отвѣты заинтересовали его такъ, что онъ забылъ любезничать съ остальными дамами, между которыми тотчасъ-же воцарилось глубокое молчаніе.

— Какъ ты невнимательна, Маруся, замѣтила ей вполонинѣ обѣда баронесса Вейсъ: — я въ третій разъ тебѣ говорю, что у тебя развязалась ленточка на шеѣ.

Маруся завязала ленту, продолжая разговаривать съ княземъ.

— И опять не такъ, продолжала Поликсена: — смотри, она опять развяжется. Вы такъ увлекли разговоромъ свою даму, что она сдѣлалась до крайности разсѣянна, обратилась она къ князю съ язвительной улыбкой.

— Развѣ я разсѣянна? спросила у него Маруся.

— Я этого не замѣчалъ, отвѣтилъ онъ.

— Въ отношеніи васъ, возразила Поликсена; — но въ отношеніи къ обществу есть также свои обязанности, которыя мыслящій человѣкъ не долженъ нарушать... Какъ ваше мнѣніе объ этомъ?

Волей-неволей князь долженъ былъ вступить съ нею въ словопреніе, но лишь только обѣдъ кончился, какъ онъ поспѣшилъ уйти на балконъ, чтобъ не быть долѣе ея жертвой.

Послѣ обѣда общество бываетъ обыкновенно въ нерѣшимости, что ему дѣлать, и толпится на одномъ мѣстѣ, какъ стадо барановъ, видая другъ на друга нерѣшительные взгляды. Большая часть мужчинъ вскорѣ ускользнула въ кабинетъ хозяина покурить и, если возможно, прилечь; другіе съ нетерпѣніемъ поглядывали на зеленые столы, приготовленные въ диванной, и разсматривали мѣлки и щеточки. Осиротѣлыя дамы томно и вяло усѣлись въ гостиной, находя, что въ саду слишкомъ жарко.

Только князь Арбенинъ, Маруся и двѣ дѣвочки подростки не обращая вниманія на яркое солнце, весело ходили по дорожкѣ вдоль забора, обсаженного кустами красной рябины.

— Я единственно затѣмъ сюда пріѣхалъ, съ жаромъ говорилъ князь, — чтобъ устроить участь крестьянъ, а потомъ я примусь строить больницу и домъ призрѣнія для стариковъ и калѣкъ, которые не могутъ работать.

— Какъ-же вы устроите участь крестьянъ? спросила живо заинтересованная Маруся.

— Очень просто: я подарю имъ всю ихъ землю съ усадьбой и, кромѣ того, такъ какъ они поселены на неудобномъ мѣстѣ, какъ вы сами это замѣтили, то я переселю ихъ на свой счетъ...

— Неужели, вскричала Маруся, — но вѣдь это будетъ стоить очень дорого.

— Что-жъ изъ этого? Я могу на время отказаться отъ извѣстнаго комфорта, отъ нѣкоторыхъ удобствъ жизни, могу жить въ избѣ и ѣсть черный хлѣбъ, для того, чтобы другимъ доставить средства улучшить свое существованіе.

Говоря это, онъ заглядывалъ въ лицо Маруси, которое сіяло неподдѣльнымъ удовольствіемъ.

— О да, конечно, возразила она, — разумѣется, это улучшить

ихъ существованіе; ваши крестьяне живутъ въ такомъ болотѣ, что они почти не выходятъ изъ лихорадокъ.

— Вотъ потому-то я такъ и благодаренъ вамъ, что вы навели меня на эту мысль, рассказывая мнѣ о больныхъ; я еще такъ недавно пріѣхалъ и для меня всякое свѣденіе драгоценно. Могу-ли я надѣяться, что вы будете принимать участіе въ моихъ преобразованіяхъ и помогать мнѣ вашими совѣтами?

— Совѣтовъ я не могу вамъ дать никакихъ, искренно сказала Маруся, — но если-бъ вы познакомились съ однимъ... съ однимъ молодымъ человѣкомъ, Туманскимъ, то онъ-бы могъ дать вамъ настоящее понятіе о томъ, что надо дѣлать...

— Кто-же этотъ господинъ? Здѣшній помѣщикъ?

— Нѣтъ; онъ бывшій студентъ. Онъ знаетъ много такого, чего я не знаю.

— А! значительно протянулъ князь и слегка закусилъ губу.

— Такъ вы занимаетесь съ нимъ длинными разговорами? продолжалъ онъ.

— О да; мы съ нимъ говоримъ очень много, отвѣчала Маруся, — я-бы желала, чтобъ вы съ нимъ познакомились.

— Я готовъ исполнить ваше желаніе, сказалъ князь вкрадчиво и съ обольстительнымъ взглядомъ, — но позвольте вамъ замѣтить, что одно ваше простое слово будетъ имѣть на меня болѣе вліянія, чѣмъ всѣ ученныя теоріи господина Туманскаго.

— Почему-же?

— Потому что всѣ эти теоріи могутъ дать мнѣ только знанія, которыя я, вѣроятно, и безъ того имѣю, или могу пріобрѣсти изъ любой книги; — вы-же дадите мнѣ рѣдкую и неоцѣненную вещь—теплое участіе женщины.

Въ эту минуту раздались зовущіе ихъ голоса, и на дорожкѣ появился пріятель князя, Дубининъ.

— Арбенинъ! визави со мной: я танцую съ Поликсеной Ильиной.

— Хорошо, *permettez moi de vous engager*, обратился князь къ Марусѣ.

— Пойдемте, отвѣчала она.

Князь подумалъ, что, вѣрно, она не говоритъ по-французски и это нѣсколько его смутило.

Дѣйствительно, въ залѣ составлялась кадрили, и скоро, подъ звуки рояля, раздалось мѣрное шарканье ногъ.

Маруся съ большимъ удовольствіемъ проговорила съ Арбенинымъ во все продолженіе кадрили, все болѣе и болѣе изумляясь смѣлости и обширности его проектовъ, которые онъ объяснялъ ей съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Князь съ наслажденіемъ видѣлъ производимый имъ эффектъ: красота Маруси, ея оживленное лицо и разгорѣвшіеся глаза совершенно вскружили ему голову.

Вдругъ онъ замѣтилъ что Маруся замолкла и пристально глядѣла въ одно изъ оконъ, выходившихъ на дворъ. Въ эту минуту кадрили кончилась, и Маруся поспѣшно пошла къ этому окну, не обративъ вниманія на то, что князь, раскланиваясь съ нею, нѣжно сжалъ кончики ея пальцевъ. Это раздосадовало Арбенина, ожидавшаго, что она или сконфузится, или сдѣлаетъ ему замѣчаніе, которое поведетъ къ дальнѣйшему разговору; онъ послѣдовалъ за Марусей, взглянулъ въ окно и прищурился.

— Какой-то господинъ идетъ сюда, замѣтилъ онъ. — Вы его знаете?

— Это Туманскій, отвѣчала Маруся тревожно: — что-бы это значило? Онъ не пришелъ-бы безъ необходимости...

Дѣйствительно, Туманскій приближался быстрыми шагами въ бѣломъ домашнемъ пальто и бѣлой фуражкѣ, далеко негармонировавшими съ парадными костюмами хозяевъ и гостей. Походка его была тороплива; лицо—какъ показалось Марусѣ—покрыто непривычнымъ румянцемъ. Она повернулась и сдѣлала шагъ къ двери, въ которую входилъ Туманскій, намѣреваясь спросить его о причинѣ его прихода, но онъ даже не взглянулъ на нее и прошелъ мимо, отыскивая глазами хозяина дома!

— Я къ вамъ по дѣлу, Илья Тимофеечъ, заговорилъ онъ, подходя къ группѣ, среди которой ораторствовалъ Соболевъ;— и потому прошу извинить и мой домашній костюмъ, и мое несвоевременное появленіе.

Соболевъ сначала изумился; потомъ весьма догадливо сообразилъ, что дѣла никакого не было и не могло быть, а просто Туманскій придрался къ случаю, чтобъ попасть какъ-нибудь къ нему на праздникъ. Польщенный такой уступкой со стороны молодого человека и желая облегчить для него объясненіе по поводу небы-

валаго дѣла, онъ возразилъ любезнымъ тономъ, тряся Туманскаго за руку:

— Завтра мы будемъ говорить о дѣлахъ сколько угодно; но сегодня я — не мировой судья, но хозяинъ, который отъ души благодарить васъ, что вы его вспомнили!

— Нѣтъ, ужъ я попрошу васъ удѣлить мнѣ полчаса времени, сказалъ Туманскій:—дѣло неотлагательное.

— А! это другое дѣло; не угодно-ли пожаловать въ мой кабинетъ, съ важностью сказалъ Соболевъ, не вѣря ни одному слову, но охотно поддаваясь тому, что онъ считалъ тонкой политикой гостя.

— Надѣюсь, папаша, что вы этого не сдѣлаете, виѣшалась вдругъ баронесса Вейсъ:—развѣ нельзя говорить при насъ? Развѣ мы должны участвовать въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ? Я обращаюсь къ вамъ, г. Туманскій,—справедливо-ли это?

— Въ чемъ дѣло? раздался голосъ Алевтины; — расскажите намъ, Туманскій; я знаю, что если вы пришли, то это не даромъ.

Туманскій нетерпѣливо мялъ свои волосы и смотрѣлъ на Соболева, который преспокойно усѣлся въ кресло, улыбаясь и предоставляя дамамъ судить и рядить за него.

— Что-же, Илья Тимофеичъ, можете вы меня выслушать? спросилъ онъ.

— Я не могу идти противъ желанія дамъ, возразилъ тотъ, указывая на составившійся вокругъ нихъ кругъ изъ разноцвѣтныхъ платьевъ, лентъ и шиньоновъ:—онѣ желаютъ гласнаго судопроизводства. Такъ-ли, mesdames?

— Да, да! нечего отъ насъ прятаться! мы тоже хотимъ слушать, защебетали звонкіе голоса. Одна Маруся не сказала ни слова, хотя не сводила глазъ съ Туманскаго; брови ея слегка нахмурились.

Туманскій подавилъ движеніе досады и сказалъ холодно:

— Извините, мнѣ все равно, гдѣ ни говорить. Илья Тимофеичъ, цѣловальникъ, Григорій Матвѣевъ, пришелъ съ народомъ ломать избу крестьянки Авдотьи Семеновой...

Эти знакомыя имена и смутное воспоминаніе о какомъ-то связянномъ съ ними процессѣ окатили, какъ холодной водой, Илью Тимофеича. Онъ началъ подозрѣвать, что дѣло было настоящее, но все еще не вѣрилъ, чтобы можно было рѣшиться, въ такой

праздникъ потревожить его дрязгами какой-нибудь Авдотьи Семеновой съ Григоріемъ Матвѣевымъ.

— Позвольте... Это, кажется, сухая матерія будетъ, прервалъ онъ Туманскаго и, поспѣшно вставъ, ушелъ съ нимъ въ кабинетъ. Общество проводило ихъ взглядомъ разочарованія.

— А я думала, что-нибудь интересное будетъ, замѣтила одна дама, презрительно надувая губы.

— Это про что? Манифестъ что-ли, привезли? спрашивала старуха помѣщица, выползая изъ другой комнаты.

— Да! манифестъ, чтобы мужики въ кабакахъ не дрались, пошутилъ кто-то и громко засмѣялся.

Алевтина прошла залу рѣшительнымъ шагомъ и, съ видомъ дѣловой женщины, отворила дверь въ кабинетъ хозяина. Слышно было какъ она спросила: „Я, вѣроятно, не помѣшаю?“... и вслѣдъ затѣмъ дверь захлопнулась передъ носомъ двухъ любопытныхъ дамъ, которыя собирались попытаться проскользнуть вслѣдъ за Алевтиной, сами не зная зачѣмъ.

Марусѣ очень бы хотѣлось слышать, что говоритъ Туманскій, но врожденный тактъ не допускалъ ее врваться въ кабинетъ, по примѣру Алевтины. Къ ней подошелъ Кирилль Андреичъ и отозвалъ ее въ сторону.

— Какъ это Митя такъ неловко сдѣлалъ! началъ онъ шопотомъ, качая головой: — знаетъ, что тутъ праздникъ, гости, — и приходитъ въ будничномъ пальто!

— Вѣдь онъ не въ гости пришелъ, папенька, онъ по дѣлу.

— Да все-же сюртукъ могъ-бы надѣть... Ну, хоть мой-бы взялъ! А то могутъ счесть за неуваженіе, за невѣжество...

— Я не понимаю, въ чемъ тутъ можетъ быть невѣжество, возразила Маруся.

— Пожалуй, подумаютъ, что это онъ нарочно, въ насмѣшку сдѣлалъ.

— Какъ это вы, папенька, не пойдете у него спросить, что тамъ такое случилось, что онъ пришелъ? съ нетерпѣніемъ прервала Маруся и, завидѣвъ выходящую изъ кабинета Алевтину, поспѣшно пошла къ ней.

— Алевтина Михайловна, не случилось-ли чего у насъ дома? спросила она.

Алевтина, поправляя на груди брошку, посмотрѣла на нее холодно и отвѣчала тономъ снисходительнаго пренебреженія:

— Будьте покойны, дома у васъ все благополучно: ничто не украдено, ничто не съѣдено. А у крестьянки Авдотьи несчастье: у нея стали ломать избу, а сынъ ея лежалъ въ тифозной горячкѣ...

Маруся поблѣднѣла. Это былъ тотъ самый больной, за которымъ она неутомимо ухаживала, съ страстнымъ желаніемъ поднять его на ноги.

— Что-же съ нимъ? спросила она тревожно.

— Испугали его; подняли шумъ, гамъ. Мать вопить. Больной съ испуга, говорятъ, вскочилъ и побѣжалъ къ вашему пруду...

— И утонулъ?.. пропентала Маруся, мѣняясь въ лицѣ.

— Говорятъ, будто вытащили.

— Какъ вы поблѣднѣли! тихо сказалъ позади Маруси Арбенивъ;—не угодно-ли, я принесу воды?.. Это очень васъ взволновало?.. Въ самомъ дѣлѣ, такой случай!..

— Ахъ, вѣдь я его знала, я всѣхъ ихъ знала!.. И онъ выздоравливалъ... проговорила она съ уныніемъ.

Между-тѣмъ изъ полуотворенной двери кабинета доносились громкія восклицанія и горячій споръ. Илья Тимофеичъ, весь въ поту, ударялъ себя въ грудь и кричалъ:

— Поймите-же, что вѣдь это несчастная случайность, что этотъ больной попалъ въ пруд!.. Развѣ этому причиной мое приказаніе?

— Я вамъ говорю совсѣмъ не о больномъ, отвѣчалъ въ десятый разъ Туманскій, возвышая голосъ; — и даже убѣдительно васъ прошу оставить этотъ предметъ и обратиться къ настоящему дѣлу.

— Еслибъ вы сами были мировымъ судьей, могли-ли бы вы отвѣчать, что произойдетъ въ селѣ?.. продолжалъ Соболевъ.

— Илья Тимофеичъ, рѣшительно прервалъ Туманскій,—время не терпитъ: дворъ сломать недолго, а опять его выстроить—не шутка. За это вѣдь всѣ заплатятъ, потому что вы сами знаете, что ломать дворъ у Авдотьи Семеновой никто не имѣетъ права.

— Какъ?.. какже не имѣютъ права, если за долгъ? бормоталъ Соболевъ, опрометчиво давшій наканунѣ позволеніе ломать дворъ своему пріятелю пѣловальнику. Этотъ хитрецъ давно втерся къ нему въ милость разными услугами и наканунѣ доставилъ ему

откуда-то сотню чудесных персиковъ за очень дешевую цѣну. Вслѣдствіе этого его угостили чаемъ, во время котораго онъ очень искусно навелъ рѣчь на то, что крестьянинъ Семеновъ отдаетъ ему за долгъ свою лишнюю избу, и спрашивалъ, можетъ-ли онъ по закону завтрашній день начать ломать ее. Соболевъ смутно помнилъ, что эта изба была спорная между Семеновымъ и его невѣсткой-вдовой, но во-первыхъ, ему надоѣли ихъ дразги и споры, а во-вторыхъ, неловко было какъ-то отказать человѣку, только-что привезшему персиковъ и могущему привезти еще что-нибудь въ этомъ родѣ.

Теперь Соболевъ, загнанный доводами Туманскаго, видѣлъ свое спасеніе только въ томъ, чтобъ запутать дѣло такъ, чтобъ никто уже не могъ разобрать ничьихъ правъ.

— Избу онъ добровольно отдаетъ за долгъ, говорилъ онъ,— а съ невѣсткой у нихъ тамъ особенные счета... ихъ не разберешь!

— Какъ не разберешь? возражалъ Туманскій;—изба принадлежитъ ей маленькому сыну по наслѣдству отъ отца, который жилъ отдѣльнымъ дворомъ. А свекоръ хочетъ у нея отнять и отдать за свой долгъ: это грабежъ!

— Да вы не знаете подробностей...

— Я все знаю; я самъ писалъ Авдотѣ прошеніе, которое она вамъ подавала. Ну, пусть у нея ломаютъ дворъ; я сегодня-же напишу ей прошеніе въ окружной судъ, а оттуда и дальше, если понадобится.

— Э! на это денегъ у ней неостанетъ, по судамъ-то шляться! замѣтилъ одинъ пожилой господинъ, дремавшій въ кабинетѣ и разбуженный разговоромъ.

— Я дамъ ей денегъ; я самъ повезу ее куда нужно, возразилъ Туманскій,—и ей все возвратятъ, что противузаконно взяли.

Господинъ испуганно поднялъ брови, пристально посмотрѣлъ на Туманскаго; потомъ крѣпко сжалъ губы и бросилъ значительный взглядъ на Соболева, который понялъ и раздѣлилъ мнѣніе сосѣда. Ихъ обоихъ поразила мысль, что, въ положеніи Туманскаго, онъ никогда-бы не могъ говорить такъ увѣренно и заносчиво, если-бъ у него не было гдѣ-нибудь сильной и тайной протекціи.

Туманскій взялъ фуражку, поклонился и хотѣлъ выйти, но Соболевъ остановилъ его:

— Пойдите... Зачѣмъ-же, однако, вы ко мнѣ приходили? я хорошенько не понялъ, чего вы хотите, потому что вѣдь это дѣло нельзя вдругъ...

— Я просилъ васъ только послать сію минуту запретить ломать дворъ. Я было остановилъ ихъ тамъ—угрозой, что иду къ вамъ жаловаться.

— Дѣйствительно, это ужасно глупо начать ломать дворъ въ праздники!.. Вотъ дураки!

— Они еще только начали. Пошлите сейчасъ десятника сказать, чтобъ не ломали; онъ здѣсь—я привелъ его съ собой. А то этого горячечнаго некуда будетъ дѣвать: уреть на улицѣ.

— Ахъ да, да! поспѣшно согласился Соболевъ;—это ваша правда. Дѣло я разберу послѣ, а покажѣть ломку надо приставить.

Соболевъ пошелъ отдать приказаніе десятнику и, при этомъ, долженъ былъ почти расталкивать толпу гостей, скучившихся у дверей кабинета, въ надеждѣ услышать что нибудь интересное.

— Митя! вполголоса остановила Маруся Туманскаго, шедшаго по слѣдамъ Соболева,— что съ нашимъ больнымъ? Ты видѣлъ его?..

— Да, я его самъ оттиралъ, отвѣчалъ Туманскій останавливаясь;—онъ вѣрнѣе заснулъ и ему даже какъ будто лучше стало. Какая ты блѣдная!.. Хочешь пойти посмотрѣть его? я иду туда.

— Я спрошу у паленки.

Маруся быстро повернулась и чуть не наткнулась на князя Арбенина, который ходилъ по ея пятамъ и прислушивался къ каждому ея слову.

— Такъ вотъ каковъ этотъ Туманскій... И онъ говорить ей ты!.. растерянно думалъ онъ, провожая глазами статную фигуру Туманскаго, спѣшившаго къ дверямъ.

— Это вашъ другъ дѣтства? обратился онъ къ Маруси;— и вы его очень любите?.. Какъ брата? или больше?..

Маруся почувствовала на себѣ его пытливый, отчасти дерзкій, взглядъ, обернулась и выдержала его въ упоръ, не опуская глазъ.

— Да, я его люблю какъ только могу, сказала она серьезно и, ускоривъ шагъ, пошла отыскивать отца.

— Что за личность этотъ Туманскій? спросилъ князь у Алевтины, обмахивавшейся вѣромъ въ дверяхъ балкона, выставивъ кончикъ изящной ботинки, одинакового цвѣта съ платьемъ.

— Я очень хорошаго мнѣнія о немъ, отвѣчала она;—а я рѣдко ошибаюсь въ людяхъ. Въ моей жизни было столько случаевъ видѣть различные кружки общества, наблюдать за людьми въ различныхъ обстановкахъ, что я теперь очень богата опытомъ... По опыту, я старая, старая старуха! и никого изъ васъ нѣтъ старше меня! добавила она, кокетливо улыбаясь.

— Хорошо, что старость опыта не оставляетъ слѣдовъ на наружности, замѣтилъ князь, съ заученной улыбкой, скользнувъ взглядомъ по ея лицу и фигурѣ.

— Вы, можетъ быть, думаете, что я напрашиваюсь на complimentъ? возразила она;—напротивъ, я знаю, что моя наружность совершенно отцвѣла, и неумудрено: я себя не щадила никогда; не жалѣла ни здоровья, ни силъ, если что было нужно для общей пользы. Отъ этого у меня темные круги подъ глазами...

— Они увеличиваютъ глубину глазъ, возразилъ Арбенинъ съ той-же льстивой улыбкой.

— За кого вы меня принимаете? сказала Алевтина, стараясь скрыть подъ личиною рѣзости свой восторгъ;—такія вещи вотъ кому надо говорить... Вотъ тутъ и глазки, и румяныя щечки, и подбородокъ съ ямочкой!..

Она указала на Марусю, которая торопливо надѣвала на голову носовой батистовый платокъ, тогда какъ отецъ ея шепталъ съ ужасомъ:

— Шляпа гдѣ-же?.. Нельзя тебѣ безъ шляпы!.. Погоди, я ужъ самъ съ тобой пойду...

— Куда это?.. домой? нѣтъ, васъ не пустать! заговорили Поликсена и Нимфа.—Безъ чаю нельзя! скоро чай будетъ.

Авдотья Ефимовна подошла сзади и дернула обѣихъ дочерей за платье: перспектива сбереженія чая представлялась ей въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, что она рѣшилась обратиться къ Кириллу Андреичу съ замѣчаніемъ.

— По холоду, вѣрно, хотите?... Солнышко хочетъ за тучку

зайти. Да, по холодку пріятно... А то ночь темная будетъ; я по ночамъ боюсь ѣздить.

Но Маруся объяснила, куда они идутъ, и тотчасъ-же вокругъ нея раздались голоса:

— Ахъ, и мы!.. Пойдемъ и мы!

Началась суматоха: исканіе шляпъ и зонтиковъ.

— Чего тамъ смотрѣть-то? Избу какую-то? спрашивали тѣ, которые не знали, въ чемъ дѣло, но тѣмъ не менѣе слѣдовали за общимъ движеніемъ.

— Неужели идти по солнцу въ такой жаръ? восклицали нѣкоторые.

— Стало быть, идти: всѣ идутъ.

— Одолжите мнѣ, ради Бога, вашъ зонтикъ! говорила въ пыхахъ одна дѣвица пожилой дамѣ.—Я свой потеряла: взяла его въ садъ, да и не помню, куда потомъ его дѣвала.

— А я свой совсѣмъ не взяла съ собой, отвѣчала та, — потому что знаю, все равно потеряешь.

— Да, ужъ зонтикъ непремѣнно потеряешь!

Во время этихъ сборовъ, Маруся съ Туманскимъ успѣли уже пройти половину дороги, въ сопровожденіи догонявшаго ихъ Кирилла Андреича, рѣшившагося не отпускать дочери отъ себя ни на шагъ въ этотъ день. Соболевъ, увидѣвъ, что всѣ его гости высыпали на крыльцо, вызвался также имъ сопутствовать и дорогой вратцѣ рассказалъ имъ исторію ломки избы въ такомъ видѣ, будто сдѣлано было нападеніе на домъ бѣдной вдовицы и теперь необходимо его присутствіе, чтобъ защитить ее и прогнать разбойниковъ.

Шли по открытому мѣсту, по пыльной улицѣ, подъ лучами солнца, ботинки дамъ становились изъ черныхъ сѣрыми, лица краснѣли, шлейфы, придерживаемые въ рукахъ, поминутно выскользали и волочились по пыли. Тайное отчаяніе овладѣвало всѣми; нѣкоторые лептали:

— Скоро-ли?.. куда-же мы придемъ?.. Гдѣ-же будемъ отдыхать?..

Одна Алептина, съ лицомъ, осыпаннымъ пудрой и, въ короткомъ, модномъ платьѣ, легко и плавно выступала подъ руку съ княземъ, который не скупился на лестъ и комплементы, въ надеждѣ, что она употребитъ свое вліяніе на Марусю въ его пользу.

Между тѣмъ притѣснители бѣдной вдовы, предупрежденные десятникомъ, что самъ мировой судья идетъ на нихъ съ разгромомъ, мгновенно скрылись; народъ, собравшійся было глазѣть на происходившее, также разсыпался въ разныя стороны, такъ что, при приближеніи компаніи, все вокругъ завѣтной избы оказалось пусто и безмолвно. Единственными слѣдами преступленія остались двѣ доски, выдернутыя изъ воротъ, и поверженный на землю ветхій плетень. Общество, видѣвшее издали, какъ Маруса съ Туманскимъ вошли на крыльцо и скрылись во внутренности избы, потянулось туда-же, вслѣдъ за ними, какъ-бы ожидая найти тамъ вознагражденіе за всѣ мытарства пройденнаго пути. Но Туманскій выбѣжалъ къ нимъ навстрѣчу и закричалъ:

— Зачѣмъ вы идете? здѣсь лежатъ больной въ тифозной горячкѣ!

При этихъ словахъ толпа, съ восклицаніями ужаса, негодованія, недоувѣрія или тупого изумленія, отпрянула назадъ къ воротамъ; изъ нея отдѣлился одинъ Арбенинъ, спокойно вошелъ на крыльцо и, вѣжливо попросивъ Туманскаго посторониться, прошелъ въ избу.

— Куда-же теперь идти?.. Неужели назадъ? раздавались отчаянные голоса; всѣ безнадежно глядѣли на пыльное, знойное пространство, которое предстояло пройти снова, и жались въ скудную тѣнь, отбрасываемую навѣсомъ воротъ. Смятеніе было всеобщее.

Соболевъ сконфузился и началъ увѣрять дамъ, что это была шутка, что никакого горячечнаго тутъ не было, а просто больной лихорадкой. Въ этомъ ему помогъ Дубининъ, съ жаромъ толкуя дамамъ, что никто никогда не осмѣлился и не рѣшился-бы рисковать ихъ драгоценной жизнью.

— Ну да, конечно, успокоились онѣ,—но все-таки *c'est une mauvaise plaisanterie!*.. Такъ можно испугать!

— Завели Богъ знаетъ куда, затѣмъ чтобъ пугать! Удивительно мило!

— Хоть-бы показали что-нибудь интересное, а то ничего!

— Хоть-бы скамейки вынесли сѣсть.

— Охъ, смерть моя, устала! раздалось восклицаніе, и толстая, пожилая барыня, тяжело дыша и приподнявъ юбку шелковаго члатья, опустила на землю, прислонившись спиной къ подво-

ротѣ. Къ ней присоединились двое или трое мужчинъ, размѣстившись кто на пенъѣ, кто на обрубкѣ и, снявъ фуражки, отирали потъ съ лица носовыми платками. Остальные нерѣшительно и завистливо поглядывали на нихъ, ужасаясь нечистоты и грязи, угрожавшей погубить ихъ щегольскіе костюмы.

Наконецъ, кто-то нашель выходъ изъ этого ужаснаго положенія, усмотрѣвъ на другомъ концѣ улицы два бревна. Съ помощью проходившаго мужика, ихъ перетасили въ тѣнь, и добровольные мученики могли, наконецъ, дать отдохнуть измученнымъ членамъ. Сравнительно съ ходьбой по солнцу, такое положеніе показалось имъ даже пріятнымъ; начались опять шутки и разговоры. Маруся съ Арбенинымъ возвратились изъ избы, съ довольными лицами, дружески разговаривая. Больному было лучше, несмотря на купанье въ пруду; Арбенинъ выказывалъ къ нему такое горячее участіе, щупалъ голову, слушалъ грудь, собственноручно поилъ его, что Маруся стала смотрѣть на него съ особеннымъ довѣріемъ и внимательно его слушать. Туманскій все время говорилъ съ матерью больного, Авдотьей, и мелькомъ взглядывалъ на нихъ.

— Вотъ-бы теперь *gouter champêtre*: яйца и молоко! сказала одна изъ дамъ, томно прислоняясь къ плечу другой.

— Какъ? вы уже захотѣли кушать? съ упрекомъ возразила та.

— Ахъ, нѣтъ! я не хочу ѣсть, но сельская обстановка такъ и требуетъ чего-нибудь въ этомъ родѣ...

— Я-бы выпила стаканъ молока или сливокъ, сказала Алевтина и подозвала къ себѣ выглядывавшую изъ-за плетня бабу.

— Принеси намъ, голубушка, сливокъ въ кувшинѣ и подай стаканы, продолжала она, доставая портмоне и вынимая оттуда серебряныя деньги.

Баба съ любопытствомъ смотрѣла на нее и на портмоне.

— Вотъ возьми; поди-же принеси сливокъ, продолжала Алевтина.

— Сливкокъ-то?

— Да.

— А вамъ на что ихъ?

— Конечно, пить.

— Это сливки-то пить-то?

Алевтина пожала плечами; одинъ изъ помѣщиковъ прыснулъ со смѣху.

— Барыня-то надъ тобой смѣется, сказалъ онъ бабѣ.

— Однако, скажите-же ей, чтобъ она дала сливокъ, возразила Алептина съ легкимъ нетерпѣніемъ;—я не знаю, почему она меня не понимаетъ.

— Что вы, Алептина Михайловна! вмѣшалась Маруся съ негодованіемъ,—откуда имъ взять сливокъ? у нихъ и молока отъ одной коровы на семью не хватитъ. Теперь мясоѣдъ, откуда-же набрать сливокъ?

Алептина, пораженная своимъ незнаніемъ крестьянскаго быта, не знала, что сказать; одна изъ дѣвицъ вывела ее изъ затрудненія, воскликнувъ:

— А хорошо было-бы жить въ избѣ! Я-бы желала. Ужь такъ надоѣли эти комнаты да коридоры. А тутъ—захочешь гулять и—сейчасъ на улицѣ!

— Это мнѣ напоминаетъ, сказалъ Соболевъ, лежа на кучкѣ навоза, прикрытой чѣмъ-то зипуномъ, — одинъ преоригинальный случай. Одна дѣвица изъ знатной фамиліи имѣла вотъ точно такой вкусъ, какъ у васъ, и объявляла всѣмъ, что никогда не выйдетъ замужъ, потому что мужъ посадить ее въ хоромы, — какъ она выражалась,—тогда какъ самое задушевное ея желаніе—жить въ простой избѣ, совершенно по-крестьянски. Сами посудите—какъ-же женихамъ не стать въ тушии? Всѣ они знатные господа, князья, графы, и вдругъ по-крестьянски жить! Наконецъ, одинъ, который былъ страстно въ нее влюбленъ, далъ ей честное, благородное слово, что удовлетворитъ ея желаніе и, прямо послѣ вѣнчанія, привезетъ ее въ крестьянскую избу...

— Ахъ, это преинтересно! И вѣрно она разочаровалась? слышались замѣчанія.

— Нѣтъ, вы послушайте. На самоѣ дѣлѣ, послѣ вѣнчанія онъ сажаетъ ее въ карету, привозитъ въ свое имѣніе и — она видитъ передъ собой крестьянскую избу съ соломенной крышей, съ покривившимся крыльцомъ... Какъ вы думаете, что это такое было?

— Что? что? вскричали всѣ съ любопытствомъ.

— Представьте себѣ, что это былъ каменный павильонъ, въ видѣ избы, такъ искусно разрисованный подъ наше русское, простое дерево, что на немъ видны были будто-бы и трещины, и червотчины, и плесень! Ступени — изъ сѣраго мрамора съ жилками,

знаете, какъ будто почернѣли отъ пыли... Входить она: внутри деревянныя лавки, поставецъ, въ углу образа, на столѣ краяха хлѣба, солонка и нѣсколько огурцовъ... Вы представьте, что лавки и столъ—изъ слоновой кости; образа—лучшей старинной греческой живописи, въ золотыхъ ризахъ; краяха хлѣба—превосходное кондитерское пирожное, а въ солонкѣ... въ солонкѣ, *mes-dames*, насыпанъ вмѣсто соли мелкій жемчугъ!

Крикъ восторга раздался въ кружкѣ дамъ.

— А огурцы? что-же огурцы? Вѣрно, изъ малахита? закричали онѣ, старая отъ нетерпѣнія.

— Вы угадали; они точно изъ малахита, но это не все: каждый огурецъ раскрывается и въ нихъ находятся: серьги, брошка, браслетъ, кольцо; разумеется, все изъ драгоценныхъ камней.

— Вотъ такъ мужъ! замѣтила одна дама со вздохомъ.

— Ну, ужъ не спрашивайте, сколько все это стоило, продолжалъ Соболевъ; — онъ для этой штуки долженъ былъ заложить имѣнiе. За то казая деликатность въ этомъ подаркѣ! Какое-то утонченное рыцарство!

— Я сначала думала, что невѣста, въ самомъ дѣлѣ, желала жить въ крестьянской избѣ, сказала Маруся.

— Она этого и желала, отвѣчалъ Соболевъ; — все это было для нея сюрпризомъ.

— Такъ это обманъ, а не сюрпризъ, продолжала она:—на ея мѣстѣ я была-бы горько разочарована.

— Какъ? вѣдь онъ ей далъ гораздо больше противъ того, что она просила! заговорили вокругъ.

— Не знаю, больше-ли это; во всякомъ случаѣ, это было не то, чего она желала.

Другіе заспорили; Арбенинъ, наклонившись къ Марусѣ, спросилъ:

— Вы презираете богатство?

— Вовсе я его не презираю; оно можетъ сдѣлать столько пользы.

— Отереть столько слезъ, продолжалъ князь;—дать нищимъ кровъ, голоднымъ хлѣбъ... Поэтому меня такъ и возмущаетъ анекдотъ Ильи Тимофеича: подумать, что на деньги, брошенныя на эту смѣшную избу, можно было-бы перестроить цѣлую деревню, вырыть колодцы, осушить болота!..

Онъ граціозно махнулъ рукой и задумчиво понявъ своей красивой головою съ роскошными бѣлокурыми кудрями. Маруся ласково на него посмотрѣла. Туманскій, сидѣвшій сзади ихъ, возразилъ:

— Но такъ какъ эти деньги ни въ какомъ случаѣ не были-бы употреблены на то, что вы сказали, то я нахожу, что все равно, бросить-ли ихъ на такую фантастическую избу, или на другую фантазію.

— На чемъ-же вы основываете ваше первое мнѣніе? спросилъ князь.

— На опытѣ. Какъ-бы много не было у кого денегъ, онъ никогда не вздумаетъ перестроивать на нихъ деревню, а отдѣляетъ себѣ домъ или дачу.

— Ну, это слишкомъ одностороннее сужденіе, возразилъ князь.

— И ты прежде никогда этого не говорилъ, сказала Маруся.

— Можетъ быть, сухо отвѣчалъ Туманскій, вставая.

Общество, отдохнувъ, пустилось въ обратный путь. Путивлевъ хотѣлъ было съ дочерью воротиться домой, но Марусю не пустили, увѣряя, что сейчасъ будутъ танцевать легкіе танцы. Арбенинъ тотчасъ-же ангажировалъ ее на вальсъ и польку, и только что всѣ вошли въ домъ Соболевыхъ, какъ начался плясъ.

Послѣ танцевъ Арбенинъ, какъ опьянѣлый, схватилъ своего confident Дубинина за руку и увелъ его въ садъ.

— Знаешь-ли, я хочу жениться на ней! сказалъ онъ ему.

— На комъ? на Путивлевой? въ изумленіи произнесъ Дубининъ.

— Ну-да! вѣдь это прелесть что такое! Это не женщина — это олицетворенная грація!.. И притомъ въ ней таетъ своего рода!

— Однако, вѣдь она тебѣ не партія. Ты мнѣ говорилъ, что тебѣ сватаютъ какую-то княжну...

— Чортъ съ ней: она мнѣ не нравится. Я, mon cher, два раза былъ помолвленъ, но ни разу не былъ влюбленъ, какъ теперь!

— Какъ-же ты ее повезешь къ своимъ роднымъ? Что они скажутъ?

— О, это ничего не значитъ. Ты не думай, чтобы въ этой женитьбѣ не было своего рода шикю; теперь сословные предразсудки

отодвинуты на задній планъ; а въ нѣкоторыхъ кружкахъ положительно стоятъ за то, чтобъ жениться на такъ называемыхъ непосредственныхъ натурахъ. И вдругъ при непосредственной-то натурѣ найти такую красоту и грацію! Ты подумай, какъ это оригинально! Ахъ, какъ она хороша! Вѣдь хороша?

— Хороша-то хороша, да только скоро очень это у тебя загорѣлось, глубокомысленно замѣтилъ Дубининъ.

— Я сегодня пробылъ съ ней цѣлый день и почти, могу сказать, сблизился съ нею. Ей не чужды никакіе современные вопросы: она умѣетъ разсуждать о крестьянскомъ бытѣ, о социальной экономіи; конечно, настоящаго jargon у нея еще нѣтъ, но, подъ моимъ руководствомъ, она можетъ поддерживать разговоръ на эту тему хоть куда. Вотъ сейчасъ, дорогой, мы съ ней все толковали о ботаникѣ: я предложилъ бывать у нихъ и учить ее ботаникѣ. Она въ восторгѣ: такая воспримчивая натура! Завтра-же отправлюсь къ нимъ съ визитомъ и начну свои лекціи...

— А мнѣ показалось, что ты какъ будто ухаживалъ за этой сухопарой петербургской...

— Еще-бы! Необходимо имѣть союзниковъ для всякаго дѣла; она живетъ у Путивлевыхъ и, вѣроятно, пользуется авторитетомъ въ ихъ домѣ. Я и за отцемъ ухаживалъ; завтра познакомлюсь съ матерью.

— А за Туманскимъ также будешь ухаживать? нѣсколько насмѣшливо спросилъ Дубининъ.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, отвѣчалъ князь, слегка нахмурившись, — но мнѣ такой соперникъ не страшенъ. Я знаю женщинъ вдоль и поперекъ; повѣрь, что я сумѣю приобрѣсти расположеніе всякой, если только сильно пожелаю!

VI.

Было опять утро; солнце ярко свѣтило въ окна спальни Ирины Матвѣевны Путивлевой, гдѣ она сидѣла на диванѣ съ ногами и, лѣниво перебирая спицами, вязала шерстяной шарфъ.

Кириллъ Андреевичъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погружившись въ раздумье.

— Чѣмъ-же это, наконецъ, кончится? спросилъ онъ внезапно, остановившись передъ женой.

— Что это? безмятежно возразила она.

— А вотъ что: взгляни-ка сюда!..

Онъ указалъ рукою въ окно, за которыми разстилались зеленныя деревья и дорожки сада.

— Я отсюда не вижу, сказала Путивлева.

— Хотя разъ въ жизни, полюбопытствуй: встань!

— Не стану я вставать, когда ты мнѣ и такъ долженъ сказать.

— Про дочь твою я говорю, про Марусю! Она ужъ часа три носится съ княземъ въ саду все по одной дорожкѣ: точно маятникъ, — даже въ глазахъ зарябило!

— Вѣдь они всякій день такъ гуляютъ.

— Про то-то я у тебя и спрашиваю: чѣмъ это гулянье кончится?

Довольная улыбка освѣтила лицо Ирины Матвѣевны.

— Сватъбой, отвѣчала она.

— Вотъ ты ужъ и составила себѣ идею, что все какъ по маслу пойдетъ. А я дальше гляжу, я соображаю... Ты читала комедію „Гражданскій бракъ?“

— Нѣтъ, не читала.

— А я читалъ. Нынче вѣдь сватъбы-то разныя бываютъ. Пожалуй, что и ничѣмъ не кончится: князь уѣдетъ, а Маруся будетъ тосковать. Я самъ въ молодости такую штуку сдѣлалъ: ухаживалъ за сосѣдкой, да потомъ и оставилъ; такъ она чуть не зачахла!

— И не ври, Кириллъ Андреичъ; я знаю, про кого ты говоришь: она живетъ себѣ здоровехонька и дѣтей у нея дюжина.

— Да не о томъ рѣчь! Какъ намъ съ Марусей-то быть? Какъ нарочно Митя опять вчера уѣхалъ за лѣсомъ; хоть-бы съ нимъ посоветоваться.

— Ну, Дмитрій Львовичъ теперь точно бирюкъ сталъ; почти и глазъ не кажетъ.

— Когда-же ему передъ тобой разсыпаться: ему дѣла по горло! Въ эти послѣднія двѣ недѣли онъ три раза сѣзидилъ къ подрядчику, да два раза въ городъ. Безъ него я былъ-бы какъ безъ руки!

— Ну, Богъ съ нимъ. Это лучше, что онъ не мѣшаетъ Марусѣ съ княземъ: князь съ нимъ, кажется, не очень-то сошелся.

— Чѣмъ-же это лучше?

— Какой ты глупый, Кирилль Андреичъ; когда въ домѣ наклеивается свадьба, тогда никто не долженъ мѣшать. Я ужь тебѣ говорю, что быть свадьбѣ.

— Охъ, я и вѣрить-то не смѣю! Хорошо ужь очень!

Дверь открылась и вошла Маруся съ большой корзиной спѣлыхъ, желтыхъ грушъ.

— Маменька, вы приказали приготовить грушъ для соленья, сказала она,— вотъ я набрала; сейчасъ наложу ихъ въ банку и залью кипяченымъ уксусомъ.

— А гдѣ-же князь? спросилъ отецъ.

— Онъ въ гостиной.

— Какже это ты его одного оставила? Это не хорошо, мой другъ: онъ можетъ обидѣться.

Съ этими словами онъ поспѣшно пошелъ къ гостю; а Маруся отправилась солить груши.

Между тѣмъ, дѣла князя въ отношеніи Маруси подвигались далеко не такъ быстро, какъ онъ предполагалъ при первомъ своемъ знакомствѣ съ нею. Его увѣренность, что онъ можетъ вскружить ей голову въ какіе-нибудь пять-шесть дней, сильно поколебалась; его болѣе всего озадачивала простота обращенія съ нимъ Маруси. Она была мила, довѣрчива, иногда ласкова, какъ съ братомъ,—но никогда не замѣчалъ онъ въ ней ни тѣни смущенія, разсѣянности или волненія при его входѣ,—и это отнимало у него возможность пускать въ ходъ тѣ тонкости оболъщенія, на которыя онъ былъ такой мастеръ. Впрочемъ, въ послѣднее время, онъ сталъ замѣчать въ ней какъ-будто какую-то перемѣну, странную задумчивость, иногда тревогу и грусть. Не давая себѣ труда вникнуть въ причину этого, онъ вдругъ начиналъ надѣяться, сердце его стучало, и онъ позволялъ себѣ смотрѣть на нее влюбленными глазами и говорить загадочныя рѣчи. Но вдругъ его обливалъ, какъ ушатою холодной воды, удивленный, недоумѣвающий и недовольный взглядъ Маруси и совершенно сбивалъ его съ толку. Что это? кокетство? думалъ онъ съ сильно бьющимся сердцемъ;—но гдѣ-же могла она набраться такого опыта? Неужели съ этимъ своимъ *Митей*, который съ ней такъ грубъ и

рѣзокъ?.. Князь, чуть не со скрежетомъ зубовъ выговарилъ это имя, хотя Туманскій оставался, повидимому, совершенно равнодушнымъ къ его сближенію съ Марусей, никогда не вмѣшивался въ ихъ разговоры и предоставлялъ ему полную свободу давать ей нескончаемые уроки ботаники. Но Арбенинъ не переставалъ наблюдать за нимъ тайно и ежминутно, завидовалъ рѣдкимъ словамъ, которыми тотъ перебрался съ Марусей, завидовалъ короткости его съ нею: это *ты*—такое цѣломудренное въ устахъ Маруси, казалось ему такъ страстно-дерзкимъ въ устахъ Туманскаго, что сводило его съ ума. Онъ пробовалъ возбудить ревность и самолюбіе Маруси, ухаживая за Алевтиной, но это не достигало цѣли, и Арбенинъ, измученный, сбитый съ толку, влюблялся все болѣе и болѣе и былъ уже на пути къ тому состоянію, когда человѣкъ лишается сна и аппетита. Странный характеръ Маруси отнималъ у него главныя его оружія—самонадѣянность и смѣлость. Онъ робѣлъ передъ нею и не смѣлъ пускаться въ ходъ комплименты и намеки на любовь, боясь потерять ея довѣріе и ласковость.

Въ одно воскресенье, когда солнце начинало садиться и послѣдніе лучи его обливали окрестность теплымъ, розовымъ свѣтомъ, семейство Путивлевыхъ собралось въ саду, въ широкой аллеѣ изъ акацій. Ирина Матвѣевна возсѣдала на деревянной лавочкѣ со спинкой, окруженная и обставленная множествомъ разнообразныхъ предметовъ, какъ-то: миской съ толченымъ сахаромъ, тарелкой льду, нѣсколькими ложками и банками; передъ ней, на высокой жаровнѣ о трехъ ножкахъ, кипѣла и бурлила прозрачная жидкость въ мѣдномъ тазикѣ. Горничная, стоявшая возлѣ, внимательно слѣдила за процессомъ кипѣнія и снимала ложкой пѣну. Однимъ словомъ, происходило одно изъ торжественнѣйшихъ таинствъ деревенскихъ хозяекъ: варилось варенье шпанскихъ вишенъ. Онѣ были только-что принесены со льда и насыпаны грудой на большомъ блюдѣ, на соблазнъ всѣмъ подходящимъ.

Алевтина Михайловна, прохаживаясь по аллеѣ, кушала крупныя спѣлыя вишни, разостланныя на носовомъ платкѣ, который она держала на ладони. Въ нѣсколькихъ шагахъ, въ круглой дерновой бесѣдкѣ, расположились Маруся и Арбенинъ надъ огромной кучей набранныхъ ими травъ и цвѣтовъ. Они только-что окончили урокъ ботаники, и князь старался заинтересовать Мару-

сю рассказами изъ естественной исторіи. Но на этотъ разъ ученица была какъ-то странно разсѣянна и, по временамъ, вглядывалась то въ глубину аллеи, то въ прогалины между деревьями.

Алевтина зорко наблюдала за нею; ее лично интересовалъ романъ, происходившій передъ ея глазами, и она твердо рѣшилась взять его нити въ свои руки и способствовать всѣми силами его окончанію въ ту сторону, въ какую ей хотѣлось. Доказать Туманскому несостоятельность и негодность этой дѣвочки, въ которую, — какъ она должна была себѣ сознаться, — онъ имѣлъ слабость быть влюбленнымъ, сдѣлалось ея мечтой, ея пламеннымъ желаніемъ.

— О чемъ это у васъ рѣчь? спросила она князя, подходя: — кажется, съ ботаники онъ сошелъ на что-то болѣе живое?..

— Я говорю о красотѣ, отвѣчалъ князь; — я говорю, что культъ красоты есть чувство присущее человѣку, которое никогда не можетъ въ немъ уничтожиться. Оно всегда будетъ сильнѣйшимъ рычагомъ въ жизни обществъ...

— О, это еще вопросъ, сказала Алевтина.

— Да; одно время вздумали было опровергать это, но оно такъ и осталось одними словами. На опытѣ мы видимъ, что власть красоты неотразима надъ каждымъ...

— Не говорите этого, прервала Алевтина; — я знаю очень многихъ, которые относятся вполне равнодушно къ женской красотѣ. Возьмите, напримѣръ, Туманскаго: въ этомъ отношеніи онъ черствъ и безчувственъ, какъ дерево. Для него не существуетъ ни въ природѣ, ни въ искусствѣ никакихъ красотъ: онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія утилитаризма...

При этихъ словахъ Маруся быстро подняла голову и, казалось, хотѣла что-то сказать, но вдругъ раздумала и, снова наклонившись къ цвѣтамъ, стала перебирать ихъ разсѣянной рукой. Но движеніе ея не укрылось отъ князя, и, не выпуская ее изъ виду, онъ продолжалъ:

— Этого мало, что онъ равнодушенъ вообще къ красотѣ. Онъ могъ-бы быть привязанъ, по крайней мѣрѣ, къ идеѣ, какъ многіе другіе съ его развитіемъ, но — этого нѣтъ. Скажите, пожалуйста, что за дѣятельность онъ избралъ себѣ... Устраивать для помѣщика новые скотные дворы, заводить машины на англійскій манеръ и не обращать вниманія на улучшеніе быта крестьянъ.

Маруся вспыхнула. Она подняла на него глаза, изъ которыхъ какъ будто свергнула молнія.

— Если вы такъ думаете, горячо сказала она, — то это доказываетъ только то, что вы его совсѣмъ не знаете... Мнѣ странно и больно видѣть, что вы беретесь судить человѣка, о которомъ составили такое фальшивое понятіе...

— Но вамъ-то чего-же горячиться, Маруся, если ваше понятіе вѣрно? насмѣшливо замѣтила Алевтина, покровительственно хлопая ее по плечу.

— Затѣмъ, что мнѣ больно, когда объ людяхъ думаютъ не то, что они есть... и притомъ, могли-бы думать скорѣе хорошее, чѣмъ дурное, если-бъ только взяли на себя трудъ заглянуть поглубже въ чужую дѣятельность, а не судили о ней по какимъ-то предвзятымъ понятіямъ...

— Что-же это вы такъ принимаете къ сердцу, душа моя, не волнуйтесь, пожалуйста... Я, пожалуй, готова вѣрить, что Туманскій только съ виду такой безчувственный, а въ глубинѣ души у него неугасимое пламя... Такъ-ли?

Алевтина шутливо хотѣла потрепать Марусю по плечу, но та отклонилась отъ нея незамѣтнымъ движеніемъ, и, съ неостывшей еще краской на щекахъ, направилась къ матери.

Въ эту минуту, появился Туманскій съ непокрытой головой, съ нахмуренными бровями и озабоченнымъ видомъ.

— Гдѣ моя фуражка? сурово спросилъ онъ у Маруси.

— Твоя фуражка?.. повторила она, смутившись.

Онъ съ нетерпѣніемъ прошелъ мимо къ дерновой бесѣдкѣ, гдѣ сидѣлъ князь, пошарилъ тамъ и отыскалъ свою фуражку подъ кучей цвѣтовъ.

Маруся покраснѣла почти до слезъ. Она употребила эту невинную хитрость — спрятать фуражку Туманскаго для того, чтобъ знать минуту, когда онъ соберется куда-нибудь, и спросить его, почему онъ постоянно уходитъ и пересталъ давать ей уроки французскаго языка. Но на лицѣ Туманскаго было столько холодной суровости, почти презрѣнія, когда онъ взялъ свою фуражку, — Маруся не могла понять, почему онъ догадался, что она взяла ее, не подозрѣвая, что онъ, не глядя на нее, слѣдилъ за каждымъ ея поступкомъ и его злило все, что-бы она ни дѣлала.

— Вотъ еще цвѣтокъ новаго рода! вскричала со смѣхомъ Алевтина;— князь, въ какому разряду вы его причисляете?

— Ни въ какомъ случаѣ не къ цвѣтамъ, возразилъ князь дрожащимъ голосомъ. Предыдущая сцена съ Марусей еще тяжело лежала у него на сердцѣ и онъ едва могъ владѣть собой.

— Откуда-же, однако, взялась эта фуражка? приставала Алевтина;— это вы, Маруся, причислили ее къ вашимъ драгоценностямъ?

— Да, я! отвѣчала Маруся и бросила на Туманскаго взглядъ вызова; ее оскорбляло до боли сердечной иронически холодное выраженіе его лица.

— Это милая, граціозная, необыкновенно красивая шутка, чтобы заставить человѣка потерять нужное время въ исканіи фуражки, замѣтилъ онъ.

Она вдругъ вспыхнула, потомъ поблѣднѣла. Молнія рѣшимости свернула въ ея глазахъ.

— Я могла имѣть другія причины, кромѣ желанія шутить съ тобой, сказала она какимъ-то глубокимъ, нѣсколько измѣнившимся голосомъ;— ты не желаешь ихъ знать?..

Туманскій сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ послѣднихъ ея словъ, и повернулся, чтобы идти. Ирина Матвѣевна остановила его на поддорогѣ.

— Куда вы, Дмитрій Львовичъ? Мы ужъ безъ васъ соскучились. Подождите, вотъ сейчасъ подадутъ чай, варенецъ, творогъ со сливками, а на закуску мое варенье. Отвѣдайте—каково!

— Мнѣ, право, некогда, Ирина Матвѣевна. Я хочу идти на Гусевскую ферму—смотреть новыхъ коровъ, которыхъ тамъ купили. Потрудитесь оставить мнѣ варенца.

— Я иду велѣть ставить самоваръ, сказала Маруся, поравнявшись съ нимъ и вдругъ отдавая его какимъ-то теплымъ, прослящимъ взглядомъ;— дождись лучше чаю, прибавила она.

— Ждать? спросилъ онъ рѣзко,—чего я буду ждать?.. и ради чего?

Она гордо отвернулась и поспѣшно пошла впередъ; Туманскій невольно ускорилъ шаги, чтобы поспѣть за нею, хотя и самъ не зналъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Повернувъ къ дому и увидѣвъ себя въ первый разъ, послѣ многихъ дней, наединѣ съ нею, подъ сѣнью знакомыхъ липъ, посреди цвѣтника, гдѣ они, бывало,

сидѣли по вечерамъ и любовались на звѣздное небо, Туманскій почувствовалъ сладкое волненіе, смѣшанное съ тоской, грустью и, можетъ быть, раскаяніемъ. Но по принципу или, можетъ быть, по другому чувству, онъ не хотѣлъ сдѣлать ни шага къ примиренію и говорилъ себѣ, что не желаетъ имѣть ни прямого, ни косвеннаго вліянія на свободный выборъ Маруси. О! если-бы она въ эту минуту опять спросила у него, желаетъ-ли онъ знать, зачѣмъ она взяла его фуражку... Онъ многое-бы отдалъ за это, но Маруся шла рѣшительнымъ шагомъ, не повертывая къ нему головы, и онъ зналъ, что она не повторитъ въ другой разъ вопроса, на который она не получила отвѣта.

Какъ враги, они разошлись въ разныя стороны, она—въ домъ; онъ—мимо дома, по дорогѣ. Приказавши подавать самоваръ, Маруся пошла въ залу и, прислонившись лбомъ къ окну, стала пристально слѣдить за удалявшимся Туманскимъ.

— Чего онъ отъ меня хочетъ? думала она;—неужели онъ не видитъ, что отталкиваетъ меня съ каждымъ днемъ дальше?.. А впрочемъ, прибавила она съ непривычной тоскою, — быть можетъ, ему этого-то и нужно?

Она задумалась еще глубже, и темные глаза ея, словно туманомъ, застелились слезами. Вдругъ она вздрогнула, услыхавъ голосъ Алевтины, который раздавался изъ калитки сада.

— Дмитрій Львовичъ, звала она.

Туманскій обернулся. Алевтина показалась на дворѣ, граціозно укутанная съ головой газовымъ вуалемъ и натягивая на руку лайковую перчатку. Туманскій послѣшно вернулся къ ней на встрѣчу; они сошлись посреди двора и обмѣнялись нѣсколькими словами, которыхъ Маруся не могла слышать, но она видѣла, что пасмурное лицо Туманскаго совершенно прояснилось при видѣ Алевтины и онъ почти весело улыбался, говоря съ нею. Она взяла его подъ руку и они вмѣстѣ направились, не по дорогѣ на Гусевскую ферму, а къ пруду за домою, любимому мѣсту прогулокъ Алевтины.

Маруся вспомнила, какъ они, бывало, гуляли съ нимъ вмѣстѣ, какъ она беззаботно неслась къ нему навстрѣчу, какъ онъ съ веселымъ смѣхомъ снималъ ее на рукахъ съ плетня, и какъ, доврѣчиво ухвативъ его за руку, она быстро мчалась по полямъ и оврагамъ, оглашая окрестность звонкимъ, молодымъ смѣхомъ... Те-

перь не то: она не смѣла идти за нимъ, она чувствовала, что между ними стоитъ преграда. Что-то тяжелое, какъ свинець, сдавило ей грудь; и она, съ невыплаканными слезами, машинально пошла въ гостиную, гдѣ пили чай.

Князя уже не было; онъ, въ порывѣ досады, ушелъ домой, не простившись ни съ кѣмъ.

— Отчего князь ушелъ? озабоченно спросилъ у нея Кирилль Андреевичъ, нарѣзывая бѣлый хлѣбъ акуратными ломтями.

— Не знаю, меня тутъ не было, отвѣчала Маруся.

— Куда-же ты уходила? стало-быть, онъ не прощался съ тобой?

— Нѣтъ, не прощался.

— Это довольно странно! Какъ это — уйти прямо отъ чаю... Ты ему ужъ не сказала-ли чего?

Маруся молчала.

— Вѣрно, онъ за что-нибудь разсердился? Не можетъ-же быть, чтобы такъ...

— Что это ты, Кирилль Андреевичъ, какъ ржа къ желѣзу присталь! вмѣшалась Ирина Матвѣевна, перекладывая вишневое варенье въ банку.—Рѣдкость какая, что князь ушелъ; вѣдь цѣлый день сидѣлъ!

— Однако, онъ у насъ гость... Ежели онъ чѣмъ-нибудь обидѣлся, такъ это съ нашей стороны нехорошо!

— Кто-же виноватъ, ежели онъ вдругъ сидитъ, сидитъ, да и обидится? Къ Марусѣ-то ты что-же присталь! Бѣгать ей за нимъ, что-ли? Не добру ты учишь, Кирилль Андреевичъ.

Пораженный этими словами, Кирилль Андреевичъ поперхнулся чаемъ и началъ бормотать что-то въ свое оправданіе.

— Я только говорю, что Маруся не должна быть невѣжлива, сказалъ онъ.

— Ну, да и въ глаза-то смотрѣть очень имъ нечего, возразила жена.—Знаю я вашу братью! дай вамъ только волю, такъ вы на голову сядете. А по моему, если князь обидѣлся, такъ пусть Маруся обидится на него вдвое.

Маруся нехотя засмѣялась, поцѣловала у матери руку и пошла опять въ домъ.

— И тѣ двое тоже хороши, продолжалъ ворчать Кирилль Андреевичъ, въ волненіи проливая сливки.—Алевтина Матвѣевна

съ Дмитріемъ Львовичемъ изволили гулять отправиться, когда самоваръ на столѣ!

— Сливки-то ты зачѣмъ пролил? спросила жена.

— Что-же мы за хозяева послѣ этого, продолжалъ онъ, вытирая скатерть носовымъ платкомъ, — если всякій на наше угощеніе, можно сказать, плюетъ!

— На что они тебѣ понадобились? Пускай себѣ шляются. Кушай лучше варенецъ, пока холодный со льда.

Философія жены подѣйствовала на Путивлева и онъ принялся за варенецъ.

Между-тѣмъ Маруся вспомнила, что она уже три дня не раскрывала ни одной французской книги и не принималась за переводъ, такъ какъ Туманскій пересталъ заниматься съ нею.

— Неужели я могу учиться только съ нимъ и только ради его общества, подумала она и вдругъ съ какимъ-то испугомъ схватилась за книги. — Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!.. я не хочу этого!

Съ страннымъ чувствомъ одиночества, принялась она за свой переводъ; она знала, что ей болѣе нечего надѣяться на объясненія Туманскаго и что ей придется одной идти по тернистому пути знанія, не ожидая ни откуда ни поддержки, ни помощи. Но это только подстрекало ея гордость и самолюбіе, и она съ какимъ-то особеннымъ жаромъ накинута на свои тетради и книги. Она писала до тѣхъ поръ, пока перо не вышло изъ ея утомленныхъ рукъ и сумерки не начали сгущаться. Странныя мысли вихремъ носились въ ея головѣ; ей представлялся ихъ широкій прудъ, озаренный серебристымъ свѣтомъ луны, и на его отвѣсныхъ берегахъ одинокая пара, ведущая безконечный, задушевный разговоръ, въ которомъ Туманскій изливалъ всю свою душу, высказывая самые сокровенные свои мысли и планы; то вдругъ въ ухахъ ея раздавался голосъ князя, звенѣли его нѣжныя рѣчи, приводя на память другой голосъ... другія рѣчи... Не зная, чѣмъ разогнать эти мысли, Маруся развернула первую попавшуюся книгу и стала машинально читать, несмотря на усилившуюся темноту. Она только-что хотѣла перевернуть страницу, какъ передъ ней вдругъ легла черная тѣнь на столъ, совершенно застилая отъ нея свѣтъ. Она подняла голову и увидѣла Туманскаго, остановивша-

гося передъ ея окномъ. Глаза его были насмѣшливо устремлены на лексиконъ и исписанные листы перевода.

— Что это? сказалъ онъ.—Новая игрушка надоѣла?.. Опять принялась за старую?

При звукѣ его голоса, Маруся очень покраснѣла, быстро взглянула на него и тотчасъ-же отодвинулась отъ окна, на которое Туманскій опирался локтями. Онъ находился въ возбужденномъ и нервномъ состояніи, и это движеніе окончательно раздражило его.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, смотря ей прямо въ глаза.—Мы уже нынче сторонимся другъ отъ друга... Ты, кажется, боишься оставаться со мной вмѣстѣ... Не лучше-ли тебѣ совсѣмъ убѣгать отъ меня?

И слова, и тонъ были такъ непривычны Туманскому, такъ не похожи на его обыкновенное обращеніе, что Маруся затрепетала съ головы до ногъ. Что-то неудержимое влекло ее къ нему... они оба чувствовали, что между ними встаетъ что-то давно минувшее и сладкое, какъ призракъ пережитаго счастья... Она наклонилась къ окну.

— Не я, а ты бѣжишь отъ меня! трепетно зазвучалъ ея голосъ среди ночной темноты.

Какое-то смятеніе охватило Туманскаго. Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли другъ на друга.

— Я бѣгу отъ тебя, Маруся? выговорилъ онъ, наконецъ, съ усиленіемъ.

— Да, ты. Отъ того тебѣ и приходятъ такія сравненія въ голову, что ты самъ бросилъ меня, какъ негодную игрушку.

Голосъ ея задрожалъ отъ сдержанныхъ слезъ.

— Если-бъ ты былъ добрѣе... если-бъ ты думалъ о другихъ...

Она вдругъ остановилась, застигнутая врасплохъ яркимъ, свѣтымъ взглядомъ, которымъ смотрѣлъ на нее Туманскій.

— Развѣ тебѣ это такъ тяжело было?.. прервалъ онъ ее тихо, чуть слышно, и незамѣтно овладѣлъ ея рукой, лежавшей на окнѣ.

Она молчала. Онъ продолжалъ съ прежней, довѣрчивой улыбкой:

— А ты вѣдь почти никогда и не говорила со мною... Ты всегда только спорила? Такъ вѣдь, Маруся?

Она засмѣялась прежнимъ, веселымъ смѣхомъ.

— Это ничего не значить, Митя, развѣ тебѣ было-бы пріятно, если-бъ я на вѣру принимала всѣ твои слова, или повторяла-бы за тобой, какъ попугай... Я этого не могу, Митя, за то... докончила она съ застѣнчивой улыбкой, оставляя свою руку въ его рукахъ,—кабая разница въ той Марусѣ, которая была до тебя и тою, которая могла-бы быть... если-бъ ты... Знаешь-ли, я съ каждымъ твоимъ разговоромъ становилась умнѣе...

— Маруся! Маруся! Зачѣмъ ты мнѣ говоришь все это?.. вскричалъ Туманскій, бросая ея руку.—Зачѣмъ, для кого ты хочешь быть умнѣе, ты, моя мраморная Галатея?

Онъ вдругъ разразился насмѣшливымъ хохотомъ надъ собою, потомъ сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Твои слова, какъ сладкій ядъ... но все-же ядъ, Маруся! Она покраснѣла и отступила на шагъ.

— Митя! что это значить?.. спросила она въ недоумѣніи.

— То, Маруся, что я имѣю болѣе права жаловаться на перемѣну твоего обращенія со мною, чѣмъ ты на мою, сказалъ онъ тихо и съ волненіемъ.

— Какое право? Митя! скажи въ чемъ ты меня обвиняешь?.. Объяснись разъ навсегда!.. Я хочу знать, за что я утратила твоё довѣріе, твою дружбу... Говори скорѣе... Я жду, чтобъ мочь говорить въ свою очередь!

Она совсѣмъ высунулась изъ окна, руки ея сжимали руки Туманскаго, онъ чувствовалъ, что голова его идетъ кругомъ... Впервые онъ понялъ среди безмолвной, ночной тишины, что его охватываетъ жгучая, безпредѣльная нѣжность къ этой дѣвочкѣ, и съ трудомъ могъ усмирить біеніе своего сердца.

— Маруся! могъ онъ только выговорить,—ты ждешь отвѣта, подожди, я тебѣ дамъ его.

Съ этими словами онъ наклонился, чтобъ прильнуть губами къ ея рукамъ. Но вдругъ эти губы искривились, какъ будто ихъ укусила змѣя, блѣдность разлилась по лицу Туманскаго, черная туча повисла надъ ея бровями. Отвѣтъ явился самъ собою. Онъ увидѣлъ князя Арбенина, пробиравашагося къ дому вдоль плетня, съ видомъ любовника, идущаго на тайное свиданіе. Онъ перемѣнилъ свое бѣлое пальто на сѣрое, сливавшееся съ сумракомъ ночи, и шелъ поспѣшно къ калиткѣ, все посматривая въ садъ.

— Прощай, Маруся! сказалъ Туманскій твердымъ голосомъ,

отталкивая ея руки; — извини, пожалуйста, что я задержалъ тебя такъ поздно. На дворѣ совсѣмъ ночь, а дѣвушки-невѣсты, ты сама знаешь, должны заботиться о своей репутаціи.

Онъ засмѣялся короткимъ, рѣзкимъ смѣхомъ. Маруся глядѣла на него испуганными глазами.

— Какой-же отвѣтъ? съ безпокойствомъ спросила она, видя, что онъ повертывается, чтобъ уйти.

— Отвѣтъ? разсѣянно и холодно повторилъ онъ. — Это я такъ сказалъ. Какіе нужны тебѣ отъ меня отвѣты!.. Они у тебя уже всѣ разрѣшены. Прощай.

Онъ отошелъ, не взглянувъ больше въ лицо пораженной Маруси.

ГЛАВА VII.

Арбевинъ, впрочемъ, вовсе не имѣлъ тѣхъ ловеласовскихъ замысловъ, которые приписывалъ ему Туманскій. Гнѣвъ его на Марусю давно остылъ; онъ сталъ жалѣть, что ушелъ, не простившись съ нею, и такъ какъ было еще не поздно, то рѣшился идти опять къ Путивлевымъ, въ надеждѣ встрѣтить Марусю гдѣ-нибудь въ саду или на балконѣ.

Дѣйствительно, на верхнихъ ступеняхъ балкона бѣлѣло женское платье; но когда князь, съ бьющимся сердцемъ, взошелъ по нимъ, то, вмѣсто ожидаемаго голоса Маруси, его привѣтствовалъ голосъ Алевтины, сидѣвшей съ папирской между двумя горшками левкоевъ.

— Что это? ужъ не на свиданіе-ли? спросила она шутливо.

— А развѣ ужъ такъ поздно? въ смущеніи сказалъ князь, — въ такомъ случаѣ извините... Я думалъ еще найти всѣхъ въ сборѣ.

— Наши старички, кажется, ужъ отправились на покой. Но я сижу долго, вы знаете. Садитесь; вѣроятно, Маруся также сюда придетъ.

Князь опустился на верхнюю ступень. Довольно долго длилось молчаніе. Алевтина начала вполголоса напѣвать оперный мотивъ.

Въ эту минуту Маруся подходила къ балкону съ боковой до-

рожки сада, гдѣ она блуждала послѣ разговора съ Туманскимъ. Увидѣвъ группу на балконѣ, она остановилась и, надѣясь, что ее не видали въ темнотѣ, отступила за кустъ сирени и сѣла тамъ на лавочкѣ. Ей смертельно не хотѣлось говорить ни съ кѣмъ въ эту минуту, а тѣмъ болѣе съ княземъ.

Арбенинъ, сидѣвшій къ ней спиною, дѣйствительно не видалъ ее; но Алевтина съ своей скамейки могла обнять взглядомъ все пространство вокругъ балкона и разглядѣла платье Маруси между кустами сирени, гдѣ она пріютилась.

— Отчего вы спросили, иду-ли я на свиданіе?.. заговорилъ Арбенинъ, ощущая непреодолимую потребность говорить о Марусѣ съ кѣмъ-бы то ни было.

— Мнѣ-бы не надо было спрашивать, возразила Алевтина,— я это и такъ знаю.

— Что вы знаете?

— Я не люблю играть словами, князь; я иду прямо къ дѣлу. Мнѣ кажется, что мы оба понимаемъ настолько, чтобъ говорить безъ обиняковъ. Конечно, я знаю, что привело васъ сюда, и уважаю въ васъ это чувство, такъ какъ оно искренно.

Алевтина сумѣла придать своимъ словамъ тонъ задушевной мягкости, ласкавшій слухъ Арбенина; уединенная и поэтическая обстановка, tête-à-tête съ женщиной, еще молодой и хорошо къ нему относившейся, располагали князя къ сердечнымъ изліяніямъ.

— Да, сказалъ онъ тихо, — женское участіе драгоцѣнно въ этомъ случаѣ. Я теряюсь въ сомнѣніяхъ... Я не могу понять всѣхъ этихъ противорѣчій...

— Какіхъ противорѣчій?

— Я не могу понять странностей въ характерѣ Марьи Кирилловны...

— Странностей?.. Да у нея одна только странность и есть, отъ которой, я надѣюсь, она скоро вылечится.

— Что вы хотите сказать?

— Извините князь,—это вещь довольно щекотливая и едва-ли я вправѣ говорить ее вамъ.

— Алевтина Михайловна! Ради Бога! вы видите, что со мною! вскочилъ князь въ волненіи.

— Будьте-же благоразумны, князь, ничего особеннаго не случилось... Я говорю только объ ея привязанности къ Туманскому.

Арбенинъ схватилъ себя за волосы.

— Привязанность, которая, вѣроятно, наконецъ, пройдетъ, когда она пойметъ, что роняетъ этимъ свое достоинство...

— Почему-же вы знаете... Въ чемъ вы замѣтили это? Стало быть, они давно любили другъ друга?... пролетѣлъ князь задыхаясь и отбидывая со лба волосы, увлажненные холоднымъ потомъ.

Алевтина не обращала вниманія на его волненіе. Она говорила не для него: она впиалась глазами въ свѣтлое пятно между листовъ и продолжала, медленно и отчетливо выговаривая слова:

— Послушайте, князь, вы такъ взволнованы, что, понимая и исполнѣ вамъ сочувствуя, я прибавлю вамъ въ утѣшеніе, но — чтобъ это осталось между нами... Она любить одна, безъ взаимности... Я имѣю положительныя данныя знать, что онъ ее не любитъ...

Князь слушалъ едва переводя дыханіе.

— Но она? она?.. вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Она?.. Видите-ли?.. Она обманута ихъ прежними отношеніями... Она не знаетъ о перемѣнѣ его чувствъ, не замѣчаетъ его удаленія, его отчужденія... Она все еще цѣпляется за него, и признаюсь, мнѣ даже совѣстно смотрѣть, какъ она иногда за нимъ бѣгаетъ, какъ напрашивается на объясненія, на разговоръ съ нимъ...

Князь вскочилъ съ мѣста, оскорбленный, уязвленный до глубины души за предметъ своей любви.

— Извините меня, Алевтина Михайловна, прервалъ онъ горячо, — вы меня чрезвычайно удивляете; я никогда не замѣчалъ того, что вы говорите, и не допускаю даже мысли, чтобъ Марья Кирилловна могла когда-нибудь забыть свое достоинство до такой степени. Я не знаю, любить-ли она Туманскаго, но положительно отрицаю, чтобъ она бѣгала за нимъ, какъ вы выражаетесь... Скорѣе-же онъ бѣгаетъ за нею!..

Если-бъ Арбенинъ могъ знать, сколько благодарности и теплаго чувства его тирада возбудила въ раненомъ сердцѣ Маруси, слушавшей съ смертельной блѣдностью на лицѣ, съ полуоткрытыми сухими губами и замирающимъ дыханіемъ ядовитую рѣчь Алевтины, — онъ-бы пожалѣлъ, что сказалъ такъ мало!..

Алевтина увидѣла, что зашла слишкомъ далеко, но такъ какъ

это не портило ея дѣла, то она отвѣчала хладнокровно и не смутившись:

— Я не говорю, чтобъ она выказывала свои чувства при всѣхъ: она для этого имѣетъ слишкомъ много ума и такта. Но я, какъ человѣкъ домашній, иногда вижу то, чего и не желала-бы видѣть.

— Что-же такое вы видите? съ волненіемъ спросилъ князь.

— Если-бы Маруся была довѣрчивѣе и откровеннѣе со мною, продолжала Алевтина, — я-бы постаралась показать ей ея ошибку, но я боюсь, чтобъ она не приняла въ дурную сторону мое вмѣшательство, не обидѣлась-бы имъ. Туманскій, какъ человѣкъ практическій и честный, желаетъ съ нѣкотораго времени отдалиться отъ нея, и — какъ я вамъ уже это говорила, — имѣетъ на это серьезныя причины.

— Вы хотите сказать, что онъ не занимается съ ней больше... старается оставлять ее со мною... да? спросилъ Арбенинъ, съ сомнѣніемъ слушая Алевтину и истолковывая поведеніе Туманскаго совсѣмъ другимъ образомъ.

— Ну-да, онъ не хочетъ болѣе возиться съ нею... Я говорю вамъ, что теперь у него есть другіе интересы! докончила она съ самодовольной улыбкой счастливой и любимой женщины.

Маруся не хотѣла и не могла слушать болѣе. Она встала и, какъ тѣнь, пробралась въ домъ, въ большую, пустую гостинную. Все было тихо. Мѣсяцъ блѣдными полосами ложился на поду, рисуя прихотливыми узорами стекла большого венеціанскаго окна. Сердце Маруси билось. Виски ея стучали, невыразимая боль сжимало ея горло. Вотъ оно, это первое горе, о которомъ говорилъ ей Туманскій, твердя, что она мраморная Галатея, недоступная земному страданію... Теперь не Галатея стояла у окна, а бѣдное, одинокое, страдающее созданіе. Все въ ней возмущалось противъ того, что она слышала... она цѣплялась за малѣйшую надежду, какъ утопающій хватается за соломенку... Но слова Алевтины были такъ ясны! Факты послѣднихъ дней такъ вѣрно совпадали съ ними. И вотъ горькія слезы частою сѣтью застедили ея глаза, со dna души поднялся отчаянный крикъ. Одинокая, всѣми покинутая, никѣмъ не любимая!.. И глухія рыданія потрясли ея молодую грудь, она оперлась о балконную дверь и плакала со всей силой бурнаго, перваго, молодого отчаянія!

— Марья Кирилловна! Маруся! что съ вами? послышался возлѣ нее трепещущій, измѣнившійся голосъ, и князь Арбенинъ, вошедши въ комнату, схватилъ ее за руки.

Она вырвала руки и снова закрыла ими лицо. Онъ увидалъ, что она дрожить съ головы до ногъ, что лицо ея покрыто смертною блѣдностью, и испугавшись, чтобы она не упала, онъ почти насильно усадилъ ее въ кресло. Мягкій, лунный свѣтъ облилъ всю ея фигуру, съ безнадежно-опущенной на руки головой, съ безмолвными рыданіями на губахъ.

Въ первый разъ въ жизни неподдѣльное чувство жалости закралось въ душу князя.

— Маруся, родная моя! не плачьте такъ! заговорилъ онъ, самъ не зная, какъ очутившись передъ ней на колѣняхъ, и тихо отнимая отъ лица ея руку, которая осталась недвижно лежать въ его рукахъ.

— Скажите мнѣ свое горе, продолжалъ онъ съ сильно бьющимся сердцемъ, угадывая настоящую причину ея слезъ, потому что передъ уходомъ онъ видѣлъ, какъ мелькнуло ея платье въ кустахъ. Онъ смутно чувствовалъ, что для него настала минута дѣйствовать, что Маруся почти въ его рукахъ, что съумѣй онъ только повести дѣло и онъ нанесетъ смертельный ударъ своему врагу, ненавистному Туманскому. Притомъ онъ былъ влюбленъ!.. страстно, слѣпо влюбленъ въ первый разъ въ своей жизни!

— Маруся! дорогая! милая! шепталъ онъ съ дрожью въ голосѣ, боясь спугнуть доврчиво прильнувшую къ нему Марусю, — Скажите мнѣ... скажите ваше горе... Не бойтесь! Вы знаете, я человѣкъ безъ предразсудковъ... Что-бы ни было... Что-бы вы ни сдѣлали, я весь вашъ... я люблю васъ!

Онъ тихо и робко обвилъ ея станъ рукою. Она рыдала почти въ его объятіяхъ. Голова князя была какъ въ огнѣ, онъ чувствовалъ, что почти не владѣлъ собою.

— Марья Кирилловна! Маруся! Неужели вы не видите — не чувствуете... что я васъ люблю... И какъ люблю!

Онъ, какъ безумный сжалъ ее въ объятіяхъ.

Она вдругъ высвободилась отъ него и зарыдала еще сильнѣе. Ошеломленный, испуганный, боясь потерять ее, боясь упустить единственный случай завладѣть ею, онъ сначала вскочилъ, потомъ бросился опять къ ней и заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Маруся! Маруся! жизнь моя! счастье мое! не отталкивай меня! Будь моей женой!

Она тихо отвела от себя его руки и устремила на него глаза полные слезъ:

— Я васъ не стою, князь! твердо сказала она.—Вы видѣли, какъ я плакала, и о комъ я плакала!

По сердцу князя какъ будто провели каленымъ желѣзомъ, но онъ былъ слишкомъ поглощенъ интересомъ настоящей минуты, чтобы дать волю чувству ревности. Притомъ онъ сознавалъ глубоко, что если молодымъ людямъ удастся объясниться, то все пропало для него, и онъ утратитъ навсегда эту прихотливую Марусю, сводившую его съ ума, недавнюю ему покая ни днемъ, ни ночью! Теперь-же, пока шансы на его сторонѣ, надо пользоваться ими во чтобы то ни стало.

— Я понялъ все давно, Марья Кирилловна, продолжалъ онъ тихо,—и, можетъ быть, знаю больше, чѣмъ слѣдовало-бы... Но не хочу говорить объ этомъ... Скажу только, что вы никогда не любили.. Ваше чувство—не любовь; это дѣтская привязанность! Настоящая любовь... вотъ она! О взгляни, взгляни на меня, Маруся!

И, увлеченный собственными словами и поэтической обстановкой, онъ упалъ къ ногамъ, съ выраженіемъ истинной страсти. Она взрогнула отъ звука его голоса и взглянула ему прямо въ глаза.

— Такъ я не одинока?.. Такъ меня еще можно любить?.. прозвучалъ ея трепетный, какъ будто увлажненный слезами голосъ, въ которомъ было столько обаятельной прелести, что князь, какъ сумасшедшій, не помня себя, покрылъ поцѣлуями ея колѣни.

— Ты согласна? ты любишь меня? скажи?.. Отвѣчай скорѣ! лепеталъ онъ безсвязно.

Маруся трепетала и молчала.

Озаренный внезапною мыслью, Арбенинъ вскочилъ и бросился въ спальню Ирины Матвѣевны. Онъ понималъ, что нужно ковать желѣзо, пока горячо, и привлечь какъ можно больше союзниковъ на свою сторону.

Путивлева сидѣла въ кофтѣ на постели и приготовляла себѣ на ночь питье изъ воды съ вареньемъ.

— Кто это? спросила она съ испугомъ, когда дверь отворилась и Арбенинъ рѣшительными шагами вошелъ въ комнату.

— Это я, Ирина Матвѣевна, сказалъ онъ задыхаясь,—я при-

шелъ къ вамъ просить васъ... отдать мнѣ вашу дочь!.. Я прошу у васъ руки Марьи Кирилловны, прибавилъ онъ болѣе яснымъ и твердымъ голосомъ.

— Господи! что такое? пробормотала она, роняя съ испугу чайную ложку.

— Извините... Простите! умоляющимъ голосомъ продолжалъ князь,—я не могъ ждать... Мы объяснились... ваша дочь согласна быть моей женой...

На порогѣ явилась блѣдная, какъ тѣнь, Маруся, и сказала тихо, но твердо:

— Князь! Я вамъ не давала на это согласія.

Затѣмъ, обвивши руками шею матери, она прибавила:

— Не давайте за меня слова... Не требуйте и отъ меня внезапнаго согласія... Я должна подумать!

Князь стоялъ, какъ громомъ пораженный этими словами.

Ирина Матвѣвна плакала отъ волненія.

— Какъ-же это такъ! говорила она, — не разберешь! одинъ говорить одно... другая другое... Вотъ и Кирилль Андреевичъ ничего не знаетъ... Охъ, что мнѣ дѣлать! И не уснешь теперь всю ночь!

Маруся нѣжно поцѣловала мать и вышла, князь вышелъ вслѣдъ за нею.

— Маруся! проговорилъ онъ, хватая ее за руку и дрожа какъ въ лихорадкѣ,—скажите мнѣ разомъ мой приговоръ.

— Не могу теперь. Я дамъ отвѣтъ, рѣшительный отвѣтъ, но не сегодня, отвѣчала она съ усиленіемъ и ускользнула въ свою комнату. Голова ея кружилась. Какіе-то обрывки мыслей вихремъ пронеслись въ ея головѣ. Она подошла къ окну и хотѣла открыть его, когда вдругъ на дворѣ послышались колокольчики.

— Груша, что это? спросила она у горничной.

— Это Дмитрій Львовичъ уѣзжаетъ на дальніе хутора... дѣсь, что-ли, покупать.

Маруся толкнула окно, отдернула занавѣску и увидала тройку лошадей, быстро мчавшую Туманскаго по большой дорогѣ.

ГЛАВА VIII.

День обѣщаль быть пасмурнымъ, сѣрые облака заволакивали небо и начиналъ моросить дождь. Было еще очень рано и въ домѣ Путивлевыхъ никто не вставалъ; только Туманскій, пріѣхавшій полчаса тому назадъ изъ лѣсу, ходилъ по двору, осматривая амбары, въ которыхъ оказалась кое-гдѣ течь. Онъ намѣревался уже войти въ домъ съ тѣмъ, чтобы лечь спать, когда его окликнули по имени съ другого крыльца. Обернувшись, онъ увидѣлъ, что тамъ стояла Маруся, въ большомъ платкѣ на головѣ, опершись на перила. Ея лицо было блѣдно, глаза безъ блеску и вся она казалась сѣрымъ, туманнымъ призракомъ, который долженъ исчезнуть при первыхъ яркихъ лучахъ солнца. Подходя къ ней, Туманскій сталъ закуривать папироску затѣмъ, чтобы это занятіе помогло ему скрыть овладѣвшее имъ волненіе.

— Ты сегодня опять уѣдешь? спросила Маруся тихо и съ какимъ-то усиленіемъ.

Прежде чѣмъ отвѣчать, Туманскій потушилъ двѣ сѣрныхъ спички, одну послѣ другой; наконецъ, закуривши папироску, сказалъ:

— Нѣтъ, я сегодня не уѣду.

Наступило молчаніе. Кругомъ не было ни души; только дворовыя собаки вертѣлись вокругъ крыльца, махая хвостомъ. Маруся, съ утомленнымъ видомъ, присѣла на верхнюю ступень, надвинувъ на лицо свой сѣрый платокъ.

— Вчера въ лѣсу меня спрашивали, скоро-ли твоя свадьба съ княземъ Арбенинымъ, началъ Туманскій;— у нихъ тамъ уже прошелъ слухъ, что ты помолвлена. Я сказалъ было, что это вздоръ, но теперь вижу, что ошибся, прибавилъ онъ улыбаясь: — стоитъ взглянуть на тебя, чтобы понять, что ты невѣста.

— Почему такъ? беззвучно спросила Маруся.

— Не спала ночь, встала до свѣту, вышла на крыльцо помечтать— блѣдная, растрепанная, какъ героиня романа... Невѣсты всегда такъ себя ведутъ... Одно только непоэтично, что ты нынче очень неавантажна. Впрочемъ, жениха вѣдь здѣсь нѣтъ; а передъ его пріѣздомъ все уже будетъ подправлено, подкрашено; надѣнется самый свѣжій нарядъ и все будетъ отлично!

Невнятный вздохъ или стонъ вырвался изъ груди Маруси. Нѣ-сколько секундъ она молчала, потомъ отбинула платокъ на плечи и, поднявъ глаза на Туманскаго, стоявшаго передъ нею на нижней ступени крыльца, сказала серьезно:

— Князь вчера сдѣлалъ мнѣ предложеніе; ты угадать.

При всемъ своемъ самообладаніи, Туманскій сильно вздрогнулъ: онъ этого не ожидалъ: ударъ оглушилъ его.

— Я давно искала случая поговорить съ тобою, продолжала Маруся,—но ты избѣгалъ меня; ты безпрестанно уѣзжалъ.

— Для чего-же я могу быть тебѣ нуженъ? спросилъ онъ, едва собравшись съ духомъ.

— Именно для того, чтобъ сказать мнѣ, хорошо-ли я сдѣлаю, если приму предложеніе князя.

Туманскій отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе; Маруся опустила голову: они не смотрѣли другъ на друга.

— Если ты дѣлаешь мнѣ такой вопросъ, отвѣчалъ, наконецъ, Туманскій, — то какъ-же я могу отвѣчать на него иначе, какъ утвердительно?..

— Почему это—я не понимаю.

— Потому-что, если ты не сознаешь никакой необходимости отказать Арбенину, то и я не могу выставить тебѣ на видъ этой необходимости.

— Но почему-же, въ самомъ дѣлѣ, должна-бы я отказать Арбенину? Мнѣ вѣжется, что всякой женщинѣ было-бы пріятно сдѣлаться подругой человѣка, который такъ сочувственно относится ко всему хорошему и готовъ всею жертвовать для блага другихъ.

— А ты, прервалъ Туманскій,—вполнѣ сочувственно къ нему относишься, сходишься съ нимъ во всемъ? Ты любишь его?..

— Любовь, отвѣчала Маруся, дрожащимъ голосомъ, — рѣдкій цвѣтокъ, который не достается на долю cadaго, такъ помнится, говорилъ ты самъ когда-то. Я рѣшилась не думать о ней, не ждать ее и идти обыкновеннымъ путемъ всехъ моихъ сестеръ... Лучшаго я ожидать не вправѣ.

— Чего-же лучшаго, какъ быть княгиней и блистать на столпчныхъ балахъ? Говорятъ, что для женщины нѣтъ завиднѣе этой участи; притомъ ты такъ хороша собой, что тебѣ нельзя и не прельститься такой будущностью, сказалъ Туманскій съ горькой усмѣшкой.

— Однако, ты мнѣ все-таки не сказалъ, почему-бы я не должна была выходить за Арбенина?.. Отчего ты не отвѣчаешь на этотъ вопросъ?

— Вѣдь уже рѣшено, что тебѣ быть княгиней; къ чему-же еще бесполезныя разглагольствованія?.. возразилъ онъ рѣзко.

— Такъ ты ничего мнѣ не скажешь, Митя? повторила Маруся вставая и пристально глядя ему въ лицо.

— Что-же мнѣ сказать тебѣ?..

— Благодарю. Прощай, сказала она твердымъ голосомъ и исчезла въ дверяхъ, прежде чѣмъ онъ созналъ, что она уходитъ. Пока она была тутъ, пока она сидѣла передъ нимъ, унылая, грустная и ласковая, онъ находилъ жгучее удовольствіе въ томъ, чтобы отталкивать ее отъ себя; теперь-же ему показалось, какъ-будто у него что-то оторвали отъ сердца. Онъ взбѣжалъ на крыльцо и бросился къ двери, съ неудержимымъ желаніемъ прижать Марусю къ своей груди и, безъ словъ, высказать ей все. Но Маруся заперла дверь за собою изнутри и это обстоятельство отрезвило Туманскаго.

— Такъ лучше, подумалъ онъ: — хорошо, что я не сдѣлалъ еще этой глупости. Любовь, вѣдь правда, не на долю каждаго достается; это роскошь не по насъ!

Лицо его стало сурово и блѣдно; онъ ушелъ къ себѣ въ комнату и хотѣлъ лечь спать, но тяжелыя мысли гнали отъ него сонъ. Чтобы заглушить тоску, онъ опять всталъ, умылся и сѣлъ за счеты и смѣты по строенію и писалъ до тѣхъ поръ, пока, совершенно утомленный, упалъ на кровать и заснулъ какъ убитый.

Было часовъ одиннадцать утра, когда его разбудила суета въ домѣ и говоръ хлопотавшей прислуги. Повару заказывали пирожное къ обѣду, варили кофе, выдавали сахаръ, упоминали что-то о шампанскомъ.

— Уже?.. подумалъ Туманскій, — кончено? Такъ скоро? въ одну минуту? Сколько-же я проспалъ?

У него захватило духъ. Сначала онъ подумалъ было уѣхать сейчасъ куда нибудь, но его все не покидала какая-то безумная надежда, что это сватовство есть мифъ, или что если оно и было, то можетъ внезапно разстроиться, и князь опять уѣдетъ въ Петербургъ. Что-то неудержимое влекло его туда, гдѣ онъ зналъ, что найдетъ Марусю, и онъ быстрыми шагами отправился внизъ.

Дѣйствительно, она сидѣла въ гостинной, нарядная, причесанная, между княземъ Арбенинымъ и матерью, которая не могла удержать слезъ восторга и умиленія. Кириллъ Андреевичъ, потирая руки отъ волненія, ходилъ по комнатѣ и, при входѣ Туманскаго, дружески схватилъ его за обѣ руки, воскликнувъ:

— Рекомендую тебѣ жениха и невѣсту. Сейчасъ только рѣшено было у насъ дѣло; ты не подумай, чтобы я срывалъ отъ тебя, я самъ ничего не зналъ до вчерашняго дня!

Два яркія пятна зажглись на щекахъ Маруси, когда она увидѣла Туманскаго; она какъ-то особенно развязно протянула ему руку и сказала съ нервной веселостью:

— Ты видишь, я точь-въ-точь исполнила то, что ты мнѣ совѣтывалъ сегодня утромъ: причесалась, нарядилась и теперь все отлично, прекрасно,—не такъ-ли?..

Князь бросилъ на него взглядъ, котораго выраженіе невозможно передать, и, взявъ руку Маруси, приблизилъ ее къ себѣ, какъ-будто говоря, что отнынѣ онъ одинъ имѣетъ право на нее, и не подѣлится имъ ни съ кѣмъ.

Маруся стояла, какъ отуманенная: нервная дрожь пробѣгала по ея тѣлу; Туманскій поздравлялъ князя и пожималъ ему руку.

— А ты Маруся, сама знаешь, чего я тебѣ желаю, сказалъ онъ, обращаясь къ ней, и, взявъ ея руку,—ту самую, которую держалъ ея женихъ,—онъ медленно поцѣловалъ ее. На минуту глаза ихъ встрѣтились, лицо Маруси страшно поблѣднѣло, а Туманскій тотчасъ вышелъ изъ комнаты.

Арбенинъ слѣдилъ за ними съ ревнивымъ подозрѣніемъ и посмотрѣлъ на Марусю съ выраженіемъ упрека, которое она, впрочемъ, не замѣтила въ своемъ волненіи.

Между тѣмъ Туманскій вышелъ изъ дому черезъ заднія ворота и направился къ далекому, синѣющему лѣсу. Собака, принесенная имъ когда-то изъ оврага по просьбѣ Маруси, побѣжала за нимъ, радостно виляя хвостомъ, но Туманскій рѣзко оттолкнулъ ее.

— Пошла прочь, сказалъ онъ,—мнѣ никого не нужно!

Привыкнувшая къ его ласкамъ собака, боязливо легла на землю передъ нимъ, и робкими шагами хотѣла было слѣдовать за нимъ, но онъ опять прогналъ ее и пошелъ еще быстрѣе.

Нѣсколько разъ онъ улыбался самъ себѣ—странной улыбкой:

— Когда пройдетъ эта глупая пора, прощенталъ онъ почти

вслухъ, — когда изъ-за всякой бездѣлицы готовъ плавать, какъ женщина!..

Но только одни уста его произнесли скептическую рѣчь; прежде чѣмъ онъ докончилъ ее, онъ почувствовалъ, что сердце его разрывается, и всѣ философскія разсужденія ума замолкли передъ скорбнымъ голосомъ чувства... Осмотрѣвшись вокругъ, не идетъ-ли за нимъ кто, Туманскій быстро побѣжалъ впередъ и, спустившись на дно какой-то лощины, бросился ничкомъ на песокъ и далъ волю горькимъ слезамъ, тѣснившимъ его грудь...

Но когда эхо повторило его безумное рыданіе, онъ самъ вздрогнулъ отъ звука собственнаго голоса и, задушивъ свой стонъ, продолжалъ безмолвно орошать слезами горячій песокъ. Тогда прогнанная имъ собака осмѣлилась тихонько подойти къ нему и съ тихимъ, жалобнымъ визгомъ легла возлѣ него. На этотъ разъ Туманскій не оттолкнулъ ее. Нѣсколько часовъ солнце жгло его своими лучами, раскаляя песокъ вокругъ него, потомъ черныя тучи заволокли небо, градъ и дождь полились на него, — онъ все лежалъ на томъ-же мѣстѣ, не чувствуя ничего. Вдругъ онъ вскопчилъ, какъ подъ ударомъ электрической искры. Глаза его были сухи, губы сжаты, во всемъ лицѣ проявилось выраженіе неумолимой рѣшимости. Я сломя, сокрушу въ себѣ эту слабость! проговорилъ онъ: — я хочу быть человѣкомъ вполне и буду имъ!

ГЛАВА IX.

Прошло двѣ недѣли. Въ домѣ Путивлевыхъ царили, повидимому, общій миръ, любовь и согласіе. Но при болѣе внимательномъ наблюденіи, становилось замѣтно, что всѣ находились въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Туманскій почти не бывалъ въ домѣ; онъ весь погрузился въ лихорадочную дѣятельность. Устройство скотнаго двора подходило къ концу, и онъ предпринялъ новое, великое дѣло, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ: склонить Кирилла Андреича на переселеніе его крестьянъ съ болотистой почвы на здоровую. Работа кипѣла; на новой усадьбѣ рыли колодцы, заплетали плетни, становили срубы; Туманскій самъ постоянно при-

существовалъ при работахъ, рисовалъ планы построекъ, училъ и совѣтовалъ. Крестьяне вѣрили ему и охотно его слушались во всемъ; они знали, что если-бы не онъ, то имъ никогда-бы, какъ ушей своихъ, не видать такого благополучія.

Маруся съ какой-то тоской слѣдила за всѣмъ этимъ, распрашивала и разузнавала, что сдѣлано новаго. Ее преслѣдовала и мучила одна мысль, которую она теперь уже не смѣла никому высказать: почему ея женихъ, говорившій еще недавно съ такимъ жаромъ о переселеніи своихъ крестьянъ и увѣрявшій, что онъ всѣмъ готовъ для этого пожертвовать, теперь не упоминалъ больше объ этомъ предметѣ, какъ будто никогда о немъ и рѣчи не было. Мало того, Арбенинъ явно недоброжелательно относился къ дѣйствіямъ Туманскаго и всегда двусмысленно отзывался о нихъ. Маруся томилась желаніемъ откровенно объясниться съ лучшимъ, узнать его настоящія мысли и мнѣнія, но въ обращеніи князя съ нею было что-то такое, что препятствовало всякому серьезному и душевному разговору. Арбенинъ, съ самаго дня ихъ помолвки, какъ будто потерялъ способность говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ своей любви, которая ежеминутно выражалась въ страстныхъ взглядахъ, восторженныхъ комплиментахъ и просьбахъ поцѣлуевъ и объятій... Она пробовала было прибѣгнуть къ урокамъ ботаники, обѣщаннымъ ей прежде; но эти уроки ограничились тѣмъ, что Арбенинъ находилъ въ каждомъ цвѣткѣ сходство съ Марусей и граціозно сравнивалъ ея талью, плечи и руки съ разными формами растительнаго царства. Ей стало совѣстно и неловко вызывать его на эти изліянія и она замолчала о ботаникѣ.

Однако, она напрягала всѣ свои силы, чтобы привязаться къ князю, жить его интересами и изгнать навсегда изъ души своей образъ Туманскаго. Сознывая, что, согласившись быть женою Арбенина, она сдѣлала рѣшительный и невозвратный шагъ, Маруся стремилась всей своей волей оторваться отъ прошлаго, создать себѣ другую жизнь, другую любовь, другіе интересы, съ жадностью спрашивала своего будущаго мужа объ его планахъ и просила его учить ее всему, что считаетъ нужнымъ. Ей страшно и невыносимо было самой себѣ сознаться, что, утративъ Туманскаго, она утратила все, чѣмъ жила до сихъ поръ, и не приобрѣла ничего взамѣнъ. Напрасно она порывалась схватить призракъ

какого-то счастья, какого-то свѣтлаго будущаго;—какъ во снѣ, когда мы силимся обнять любимаго человѣка и просыпаемся на одинокой постели, ея призывно протянутыя руки ощущали только пустоту...

— Гдѣ-же счастье быть любимою, о которомъ я такъ мечтала? думала она;—я искренно любима и должна-бы быть счастлива.

Тогда она припоминала всѣ ласковыя названія, всѣ нѣжныя слова, которыми надѣлялъ ее Арбенинъ впродолженіи дня, и въ тишинѣ ночи, вдали отъ присутствія жениха, съ ней совершался странный феноменъ. Эти слова воскресали передъ ней и звучали въ ухахъ ея, произнесенные другимъ голосомъ, съ другимъ колоритомъ болѣе могучей страсти... И тогда они жгли и волновали ее отвѣтнымъ чувствомъ; образъ князя стирался и оставался одинъ только, полный таинственнаго обаянія, образъ Туманскаго. Опомнившись отъ этой мечты, Маруся прятала лицо въ подушку, съ жгучими слезами стыда и раскаянія. Она худѣла день ото дня и отношенія ея къ Туманскому становились все натянутѣе, холоднѣе и почти враждебнѣе.

Разъ за обѣдомъ, въ отсутствіи Туманскаго, зашла рѣчь объ его хлопотахъ по поводу переселенія крестьянъ.

— Я ужь теперь ни во что и не вмѣшиваюсь, сказала съ добродушной улыбкой Кирилль Андреевичъ:—Дмитрій Львовичъ такъ это дѣло принялъ къ сердцу, какъ будто его самого переселяютъ!

— Да, онъ представляется крестьянамъ въ видѣ истиннаго благодѣтеля, возразилъ князь съ отѣнкомъ ироніи:—они, кажется, думаютъ, что все дѣлается на его счетъ, а не на вашъ.

— Ну, какъ-же можно! торопливо заговорилъ Кирилль Андреевичъ:—они знаютъ!

— Я потому это говорю, холодно продолжалъ князь,—что я имѣлъ разговоръ съ моими крестьянами по этому поводу. Мнѣ очень страннымъ показалось, что Туманскій внушаетъ имъ какія-то странныя о себѣ понятія.

— Какія понятія? спросила Маруся, повернувшись къ нему. Князь слегка пожалъ плечами, съ видомъ собственнаго достоинства, не позволявшимъ ему распространяться о сплетняхъ, и началъ медленно пить воду.

— А что я слышалъ, замѣтилъ Кириллъ Андреевичъ,—что будто ваши мужички также просятъ переселенія, по примѣру моихъ? Мыѣ сказывали, что у васъ вчера былъ становой по этому дѣлу?

Въ глазахъ Маруси выразилась надежда; она съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта князя.

— Становой былъ у меня по другому дѣлу, сказалъ онъ:— на счетъ недоимки...

— Да, да, я и это слышалъ. Много долгу на вашихъ крестьянахъ? они, кажется, не въ состояніи уплатить?

— Я помогу имъ чѣмъ могу, уклончиво отвѣчалъ князь и продолжалъ, возвысивъ голосъ:—а что касается до переселенія, то я думаю, что прежде чѣмъ представляться благодѣтелемъ челоувѣчества и выставять на показъ свои гуманныя чувства, надо войти въ настоящіе интересы крестьянъ, обезпечить ихъ будущность и обо всемъ сначала позаботиться, а потомъ уже начать дѣйствовать. Вотъ почему я не стану переселять своихъ крестьянъ ни въ нынѣшнемъ, ни въ будущемъ году.

— Вы хотите этимъ сказать, что Туманскій дѣлаетъ все на показъ? замѣтила Алевтина, съ какимъ-то злорадствомъ наводя разговоръ на эту почву. Она была выведена изъ себя поведеніемъ Туманскаго, не обращающаго на нее вниманія и жаждала облегчить свою душу, злослова и осуждая его.

— Я не позволю себѣ объяснять его мотивы, возразилъ князь, — но скажу только, что на его мѣстѣ я поступилъ-бы иначе. Я-бы никогда не посоветовалъ Кириллу Андреевичу начать это переселеніе нынѣшней осенью, потому что ясно, что крестьяне будутъ на слѣдующій годъ безъ хлѣба и безъ овощей и имъ придется плохо.

— Почему-же это? спросилъ встревоженно Кириллъ Андреичъ.

— Ту землю, на которую ихъ переселяютъ, надо было сначала приготовить, унавозить, узнать, глубока-ли тамъ вода и не будутъ-ли тамъ пересыхать колодцы; а покамѣстъ крестьяне пользовались-бы старыми усадьбами.

— Да помилуйте, виѣшталась Маруся,—это земля извѣстная, хорошая. Неужели самимъ крестьянамъ не пришло-бы въ голову всего, что вы говорите, и неужели они-бы стали такъ охотно переселяться, если-бъ могли остаться безъ хлѣба и воды?

— Я не спорю, тихо сказалъ князь, обращаясь къ ней и глядя

на нее съ нѣжностью, — время покажетъ, правъ я или нѣтъ. Я больше не скажу ни слова.

Маруся повѣрила его искренности, но ей было непріятно, что слова князя, повидимому, встревожили и возбудили сомнѣнія въ ея отцѣ.

Послѣ обѣда князь взялъ ее за руку и повелъ въ садъ.

— Что вы такъ пасмурны? спросилъ онъ.

— Я думаю о томъ, что вы сейчасъ говорили. Неужели вы находите, что Туманскій дурно совѣтовалъ моему отцу?

— Туманскій считается въ вашемъ домѣ оракуломъ; но мнѣ вы позволите не раздѣлять этого мнѣнія. Я сознаюсь, что поступаю такъ, какъ онъ, я вмѣгъ прослылъ-бы и популярнымъ, и гуманнымъ, и дѣльнымъ; но я не могу и не хочу быть героемъ фразы и пускать пыль въ глаза разными эффектами.

Маруся слушала, опустивъ голову. Она-бы охотно спросила у князя поясненія его словъ и яснаго опредѣленія того, что онъ разумѣлъ подъ ними, но знала по опыту, что онъ отвѣтитъ ей еще болѣе блестящей, неопредѣленной и бездоказательной фразой.

— Я ничего не дѣлаю для эффекта, продолжалъ князь, — и не забочусь о томъ, что обо мнѣ думаютъ. Сегодня за столомъ мнѣ не хотѣлось говорить причину, почему я не переселяю своихъ крестьянъ; но вамъ я скажу, такъ какъ я говорю вамъ все. На нихъ была огромная недоимка и я взялъ ее на себя; вслѣдствіе этого мнѣ положительно не на что переселить ихъ нынѣшній годъ. Понимаете теперь?

— Я слышала объ этой недоимкѣ, сказала Маруся оживляясь, — такъ вы внесли за нихъ долгъ? Они теперь свободны.

— Да, конечно, это меня стѣснить на время. Я долженъ буду отказать себѣ въ нѣкоторыхъ желаніяхъ...

— Въ какихъ-же? спросила Маруся.

— Развѣ вы не знаете, что цѣль, предметъ моихъ желаній есть—ваше удовольствіе!

— Мое удовольствіе? Что это значить?

— Это значить то, что я-бы желалъ положить къ вашимъ ногамъ все, что можетъ возвысить вашу красоту, все, что-бы вамъ понравилось...

— Ахъ, это вы о свадебныхъ подаркахъ! прервала Маруся: — вотъ не ожидала, чтобъ вы о нихъ думали! Я надѣялась,

что наша свадьба будетъ безъ этихъ условныхъ церемоній, которыя мнѣ всегда не нравились.

На губахъ князя мелькнула тонкая улыбка, которой Маруся, къ счастью, не поняла.

— Какъ она ловка! думалъ онъ;—презрѣніе къ нарядамъ неподражаемо хорошо разыграно; совершенно въ современномъ вкусѣ!

— Я самъ нахожу, что доказательство любви подарками—нелѣпо, продолжалъ онъ;—но видѣть восторгъ любимой женщины, доставить ей все, чего она желаетъ...

— Восторгъ? прервала Маруся:—восторга надъ дорогими нарядами я не понимаю, вы это знаете. Зачѣмъ-же вы мнѣ это говорите?..

— Затѣмъ, что для меня самого высочайшее наслажденіе было бы видѣть васъ въ такомъ костюмѣ, который-бы шелъ къ вашей чарующей красотѣ!

— Какая-же это чарующая красота, для которой трудно подобрать соответственный костюмъ? возразила Маруся, качая головой:—вы говорите мнѣ далеко не комплиментъ!

— Вы придираетесь къ словамъ, Маруся, сказалъ онъ, нѣжно поднося ея руку къ губамъ;—я знаю только одно, что каждая женщина желаетъ украшать себя: это желаніе такъ невинно и такъ законно, что не для чего скрывать его...

— Такъ вы думаете, что я имѣю это желаніе и скрываю его? спросила Маруся, смотря на него съ такимъ изумленіемъ, что онъ спохватился и смѣшался.

— И вы такъ мало меня знаете? продолжала она;—послѣ всего того, что мы съ вами говорили, вы можете такъ думать?

— Вѣдь я говорилъ о *женщинахъ*, прервалъ князь;—понимаете-ли о женщинахъ дюжинныхъ, о большинствѣ!.. А вы въ моихъ глазахъ развѣ дюжинная женщина? Развѣ я могу думать, что вы придаете какую-нибудь цѣну нарядамъ? Развѣ могу оскорблять васъ подарками въ родѣ той малахитовой или мраморной избы, про которую рассказывалъ Соболевъ?

Маруся улыбнулась, хотя все-таки въ душѣ была не совсемъ довольна, но съ нѣкотораго времени она принуждена была со многимъ примиряться, что ей не нравилось. Къ нимъ подошла Алевтина Михайловна и разговоръ сдѣлался общимъ, потомъ мало-по-малу продолжался только между княземъ и Алевтиной, пото-

му что Маруся чувствовала положительное отчужденіе отъ этой женщины и никогда не высказывалась въ ея присутствіи.

Подъ предлогомъ какого-то дѣла, она оставила ихъ и ушла въ свою комнату. У нея, въ самомъ дѣлѣ, болѣла голова и она собиралась лечь; но когда князь, послѣ разныхъ изъясненій участія и безпокойства объ ея болѣзни, простился съ ней и ушелъ домой, ею овладѣло желаніе встать, ходить, уйти одной куда-нибудь далеко, какъ она прежде хаживала. Чувство свободы прогнало головную боль и возвратило ей бодрость: все это время она такъ мало принадлежала себѣ собой!

Ей захотѣлось опять навѣстить знакомыхъ крестьянъ, распросить о больныхъ, которыхъ она давно уже перестала лечить, и, накинувши на голову бѣлый кисейный шарфъ, Маруся быстро пошла вдоль садоваго плетня къ деревнѣ.

Подходя къ околицѣ, она увидѣла двухъ разговаривавшихъ мужиковъ; одинъ изъ нихъ отдѣлился и, снявъ шапку, поспѣшно подошелъ къ Марусѣ. Это былъ староста имѣнія князя Арбенина: Маруся хорошо его знала.

— Здравствуй, Максимъ, сказала она;—чего тебѣ?

— Я къ вамъ, Марья Кирилловна, въ домъ идти не посмѣлъ, а меня давно наши ребята посылаютъ... Сходи, говорятъ, къ самой барышнѣ, можетъ, она за насъ постарается.

— Чего-же нужно? спросила Маруся.

— Вы, можетъ, слышали, бѣда надъ нами стряслась. Уплаты требуютъ, становой вчера пріѣзжалъ имущество описывать...

— А, знаю, перебила Маруся,—мнѣ князь говорилъ объ этомъ. Да развѣ вы не знаете, что онъ внесъ за васъ деньги?

— Никакъ нѣтъ, мы не знаемъ! отвѣчалъ Максимъ.—А насъ становой вчера понуждалъ платить.

— Ну такъ теперь больше понуждать не будетъ. Князь взялъ все это на себя.

— Разсрочку, значить, дали? А до какихъ поръ? спросилъ Максимъ, повеселѣвъ.

— Этого я, право, не знаю. Я думаю, что князь вовсе не станетъ съ васъ требовать, такъ какъ у васъ былъ неурожай въ прошломъ году. Такъ вы объ этомъ не тревожьтесь, ваше имущество не тронутъ.

— Дай Господи! Какъ-же это князь-то это надъ нами смиловался, значить?

— Да, да, сказала Маруся и, спѣша увлечься отъ благодарности, пошла дальше.

— Покорно благодаримъ. Дай Бога вамъ здоровья! закричалъ староста ей вслѣдъ и пустился почти бѣгомъ сообщать радостное извѣстiе своимъ односельцамъ.

Маруся только-что хотѣла завернуть за уголь крестьянскаго огорода, какъ вдругъ, на самомъ поворотѣ, очутилась лицомъ къ лицу съ Туманскимъ.

Оба остановились и молча смотрѣли другъ на друга, пораженные перемѣной, происшедшей въ нихъ обоихъ въ такое короткое время. Туманскій былъ худъ и блѣденъ, глаза его впади и горѣли лихорадочнымъ блескомъ, между бровями легла глубокая складка. Маруся также замѣтно похудѣла и всѣмъ выраженiемъ своей фигуры напоминала сорванный и увядающiй цвѣтокъ, тогда какъ еще такъ недавно она цвѣла здоровьемъ и красками жизни.

Они какъ будто встрѣтились послѣ долгой разлуки; и, машинально, несговариваясь, не произнося ни слова, повернули на тропинку, ведущую въ поле, хотя имъ обоемъ совсѣмъ не туда лежала дорога. На нихъ пахнуло свѣжестью солнечнаго заката, слабымъ ароматомъ васильковъ и запахомъ меда изъ сосѣдняго пчельника.

— Вы сейчасъ говорили съ Максимомъ? разсѣянно спросилъ Туманскій.

— Да, онъ просилъ на счетъ недоимки. Я ему сказала, что князь внесъ уже за нихъ деньги.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Туманскій, слегка поднимая брови;—князь самъ вамъ это сказалъ?

— Да, отвѣчала Маруся и болѣзненно вздохнула: это *вы*, произносимое Туманскимъ, становилось между ними, какъ ледяная стѣна, отдѣлявшая ихъ отъ прошлаго. Они опять пошли молча. Собака Туманскаго, слѣдовавшая за нимъ, весело ласкалась къ Марусѣ и всячески старалась обратить на себя вниманiе, потомъ вдругъ пустилась по дорогѣ, подняла пучокъ колосевъ, кѣмъ-то сорванный и брошенный, воротилась медленными шагами къ Марусѣ и, махая хвостомъ, ласково сунула его ей въ руку въ видѣ подарка. Удивленная Маруся взяла пучокъ колосевъ и вдругъ

сердце ея переполнилось, изъ глазъ едва не брызнули слезы. Она схватила голову собаки, прижалась къ ней лицомъ и сказала дрожащимъ, невнятнымъ голосомъ:

— Ты меня не забылъ! ты меня не чуждаешься!

Они остановились. Туманскій сталъ еще блѣднѣе. Передъ ними лежала та самая лощина, гдѣ двѣ недѣли тому назадъ, подъ лучами палящаго солнца, онъ выплакалъ горькими слезами свое отчаянное горе. Теперь она была полна тѣни и прохлады, и навѣяла на Марусю много другихъ воспоминаній о счастливыхъ, ясныхъ дняхъ.

— Вы хотите, можетъ быть, сказать, началъ, наконецъ, Туманскій,—что я чуждаюсь васъ?..”

— Да! Но я не чуждаюсь тебя, отвѣчала Маруся, глядя ему въ лицо;—я не могу понять, за что мы сдѣлались врагами? отчего мы всегда врозь и не говоримъ больше другъ съ другомъ?—

— Я между вами лишній, прошепталъ Туманскій съ горечью.

— Если-бъ ты хотѣлъ, ты никогда не былъ-бы лишнимъ, мы были-бы вмѣстѣ по-прежнему...

— Вмѣстѣ съ тобой и съ нимъ?.. Ходить одиноко за вами, когда вы ходите рука объ руку?.. видѣть и смотрѣть на васъ, когда вы сидите рядомъ и шепчетесь?.. Ты этого-бы хотѣла? Къ чему это все?.. Ты принадлежишь *ему* по праву, чего же ты требуешь отъ меня? Зачѣмъ ты начала этотъ разговоръ? Зачѣмъ ты тревожишь меня, когда буря во мнѣ улеглась?

Чѣмъ суровѣе старался Туманскій сдѣлать свою рѣчь, тѣмъ сильнѣе въ ней прорывалась страсть.

— Я тебя не понимаю, возразила тихо Маруся,—ты говоришь загадками. А я думаю, что мы оба были-бы счастливые, если-бъ ты все говорилъ мнѣ прямо.

— Что-же изъ этого? Развѣ я не знаю, что все мое поведеніе полно ошибокъ, нелѣпостей, противорѣчій? И развѣ великодушно упрекать меня тѣмъ, чего я уже не могу поправить?

Маруся уныло вздохнула.

— Не будемъ ссориться, сказала она,—оставимъ прошлое: оно жжется, какъ огонь!.. Давай лучше говорить о будущемъ. Доволенъ-ли ты этимъ переселеніемъ крестьянъ, все-ли идетъ такъ, какъ-бы ты желалъ?

— Все идетъ такъ хорошо, что я начинаю желать, чтобы шло хуже, отвѣчалъ онъ.

— Почему-же такъ?..

— Потому что... Но тебѣ этого не понять!

Туманскій провелъ рукою по своему блѣдному лбу.

— Когда-то я тебя понимала, сказала Маруся дрогнувшимъ голосомъ.

— Потому что, продолжалъ Туманскій,—нѣтъ ничего горче, какъ сознавать, что дѣлаешь дѣло, приносишь пользу, проводишь въ жизнь свою идею, и въ то-же время не только не чувствовать себя удовлетвореннымъ, но томиться все больше и больше нравственнымъ голодомъ и жаждой, чувствовать, что лучшее время, лучшія силы уходятъ въ бесплодной борьбѣ съ самимъ собою!..

— Отчего-же борьба, спросила Маруся;—мнѣ кажется, что ты... долженъ-бы былъ быть удовлетворенъ во всемъ... Я хочу сказать...

Она внезапно остановилась, щеки ея вспыхнули и опять поблѣднѣли. Ей хотѣлось заговорить объ его отношеніяхъ къ Алевтинѣ и разрѣшить, наконецъ, всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, томившія ее днемъ и ночью. Имя Алевтины жгло ей губы, но не могло сойти съ языка.

— Что значать эти слова, Маруся, договаривай!—быстро перебилъ ее Туманскій, повернувшись къ ней и глядя ей прямо въ лицо.

— Я хочу сказать... начала Маруся, запинаясь и теребя концы своего кисейнаго шарфа, — что ты... что у тебя есть другъ, съ которымъ ты можешь дѣлиться во всякое время своими интересами. Туманскій былъ такъ далекъ отъ мысли объ Алевтинѣ, что не понялъ этого намека.

— Что это, насмѣшка?.. или княжеская любезность, милая шутка?.. прервалъ онъ ее съ гнѣвомъ и горькой ироніей.

— Что съ тобой, Митя? возразила Маруся почти съ испугомъ.— Я и не думаю шутить...

— О комъ-же ты говоришь?.. Кто этотъ другъ?..

Она молчала, стараясь придать своему отвѣту самую приличную форму.

— Мнѣ кажется, у тебя есть такой другъ... заговорила она, наконецъ, съ трудомъ подбирая слова для похвалы Алевтины,—

серьезная и дѣловая женщина, вполне понимающая тебя и твои общественные интересы... Это не то, что какая-нибудь незначащая, неопытная дѣвочка... ничему неучившаяся и ничего незначащая. — Слова останавливались у нея въ горлѣ. — Съ такою... вѣдь ты никогда не могъ-бы быть счастливъ, не правда-ли, Митя?..

На этотъ разъ Туманскій понялъ, что хотѣла сказать Маруся. Мягкій блескъ зажегся въ его глазахъ и легкій румянецъ покрылъ его щеки, но онъ подавилъ въ себѣ неожиданный приливъ этого радостнаго волненія и заговорилъ полу-шутя, полу-серьезно:

— Прекрасно, Маруся, я тебѣ очень благодаренъ! Тебѣ—красавецъ мужъ, любовь, блескъ и радость жизни, а мнѣ — серьезная женщина! Ты щедра къ твоему старому другу, Маруся!

Она молчала, не смѣя вести дальнѣйшій разговоръ, боясь выказать свои чувства, выдать свои ревнивыя подозрѣнія... Туманскій смотрѣлъ на нее съ замираніемъ сердца; онъ упивался ея робкой, дѣтской граціей, ея неувѣренностью въ себѣ. Онъ многое далъ-бы за то, чтобъ могъ прижать ее въ эту минуту къ своей груди.

— Ты говоришь, что мнѣ предстоитъ блескъ и радость жизни, начала она, послѣ долгаго молчанія,—но ты забываешь, что я не могу довольствоваться отвлеченностями... Я на тебя не похожа, Митя; мнѣ нужно полное удовлетвореніе моихъ вкусовъ и наклонностей... Даже для того, чтобъ приносить пользу и дѣлать другихъ счастливыми, я должна сама быть счастлива... А въ чемъ заключается счастье, какъ ты думаешь?

Они стояли уже передъ калиткой сада, и Маруся отворила ее, дѣлая этотъ вопросъ.

— Въ чемъ? переспросилъ Туманскій, придерживая калитку и устремляя на Марусю какой-то странный, лучистый взглядъ;— мало-ли въ чемъ?.. Для одного въ честолюбіи, для другого въ трудѣ, для третьяго .. для меня, напримѣръ...

Онъ вдругъ остановился и голосъ его дрогнулъ мягкими и нѣжными звуками.

— Для меня — въ томъ, чтобъ воротить назадъ то, что я такъ глупо утратилъ!.. Калитка затворилась. Маруся съ туманомъ въ головѣ и въ глазахъ вошла въ садъ; но не успѣла она скрыться за первой купой деревьевъ, какъ до нея долетѣлъ призывъ, полный тоски и нѣжности:

— Маруся!

Это было произнесено почти шепотомъ, но раздалось въ ухахъ ея съ отчетливостью музыкальнаго аккорда. Она вздрогнула и остановилась.

— Маруся... вернись на минуту! повторилъ Туманскій.

— Зачѣмъ? говорила она самой себѣ.— Я не хочу двоиться... что рѣшено, то рѣшено! Но ее тянуло назадъ какой-то невѣдомой силой и она, какъ околдованная, противъ воли, повиновалась призыву.

— Что?.. спросила она едва слышно, останавливаясь въ двухъ шагахъ отъ калитки, на которую Туманскій оперся обѣими руками, не отворяя ее.

— Скоро будетъ твоя свадьба?.. спросилъ онъ.

— Скоро, отвѣчала Маруся, нервически ломая вѣтку кустарника.

— Такъ это нашъ послѣдній разговоръ... послѣднее свиданіе... Прощай, Маруся!

Онъ протянулъ руку, она молча положила въ нее свою.

— Пока ты здѣсь стоишь, ты для меня еще прежняя Маруся, заговорилъ онъ тихимъ, прерывистымъ шепотомъ, и она чувствовала, какъ его руки становились то холодны, какъ ледъ, то горячи, какъ огонь. — Завтра я уже не подойду къ тебѣ и мы станемъ чужіе... Исполни мою послѣднюю просьбу, Маруся!..

— Какую? спросила она съ волненіемъ, не поднимая глазъ.

Онъ медлилъ и мѣнялся въ лицѣ. Маруся хотѣла отнять свою руку; онъ удержалъ ее и притянулъ къ себѣ.

— Позволь поцѣловать тебя на прощаніе... Дай мнѣ эту послѣднюю долю счастья, послѣднюю кроху, которая упадетъ для меня со стола твоего пѣра.

Маруся хотѣла что-то сказать, но не могла. Она дрожала.

— Не откажи мнѣ, продолжалъ Туманскій... Я прошу одного только поцѣлуя, сладкаго, тайнаго поцѣлуя любви, чтобъ закончить имъ всю мою прошлую жизнь, всю мою молодость... Маруся!

Онъ привлекалъ ее къ себѣ и она невольно подавалась впередъ... Но вдругъ она отшатнулась и вырвала руки.

— Я не играю своимъ словомъ, произнесла она дрожащимъ голосомъ: — мой выборъ сдѣланъ.... Ты самъ этого хотѣлъ.... прощай!

Заглушенное рыданіе сорвалось съ ея губъ и Туманскій остался одинъ у калитки сада.

X.

На другой день у Маруси болѣла голова и она не выходила изъ своей комнаты; князь далъ знать запиской, что уѣзжаетъ по дѣлу въ городъ и не воротится до вечера.

Солнце было уже низко, когда Путивлевы, въ ожиданіи вечерняго чая, расположились на терасѣ. Разговоръ клеился плохо; Маруся, завернувшись въ мантилью, вздрагивала отъ лихорадочнаго озноба и представляла себѣ, о чемъ теперь разговариваютъ Алевтина съ Туманскимъ, такъ какъ Алевтина съ часъ тому назадъ взяла зонтикъ, шляпу и корзинку вишенъ и объявила, что идетъ на новыя крестьянскія усадьбы посмотрѣть, какъ идутъ работы. Она удалилась съ видомъ увѣренной въ себѣ и знающей себѣ цѣну женщины, а Маруся вспомнила то время, когда бывало ея всюду звалъ съ собой Туманскій и обо всемъ рассказывалъ ей.

Вниманіе Кирилла Андреевича было привлечено взѣхавшей на дворъ подводой, нагруженной ящиками разной величины, и онъ отправился узнавать, что это значило. Вслѣдъ затѣмъ Ирина Матвѣевна и Маруся услышали въ передней стукъ, шумъ, говоръ, топаніе ногъ и опусканіе на полъ чего-то тяжелаго. Кириллъ Андрейчъ, съ сіяющимъ лицомъ, суетливо вбѣжалъ на терасу.

— Маруся! женихъ прислалъ подарки!.. Иди скорѣй... Людямъ надо водки... Ирина Матвѣевна, нѣтъ-ли у тебя мелкихъ денегъ? Да брось ты свою дѣнь, Христа ради! выдь въ залу, осмотри, приברי!..

Удивленная Маруся пошла въ залу, которая была вся заставлена ящиками и картонками. Мать послѣдовала за нею съ пробудившимся чувствомъ любопытства.

— Изъ Петербурга... нарочно выписывалъ... Прислали съ какимъ-то экстреннымъ поѣздомъ, говорилъ Путивлевъ, задыхаясь отъ волненія и разрѣзывая ножомъ веревки, связывавшія ящики. Ему помогала подоспѣвшая горничная; она раскрывала картонки и, совершенно одурѣвъ отъ изумленія, восторга и любопытства,

выкладывала содержимое въ нихъ на столы и стулья. Прежде всего бросались въ глаза куски бархата: зеленаго, чернаго и синяго, потомъ дорогія шелковыя матеріи, перемѣшанныя съ кружевами, лентами и дюжинами перчатокъ.

— Что это такое? вскричала Маруся;—кто сказалъ, что это прислалъ князь?.. быть не можетъ!

— Какъ богато! шептала Ирина Матвѣевна, раскрывая футляры съ серьгами, брошками и перстнями.

— Молитвенникъ! воскликнулъ Кирилль Андреевичъ; — какъ милъ! съ золотными застежками и съ крестомъ изъ аметистовъ!

Маруся машинально взяла молитвенникъ и повертѣла его въ рукахъ съ какимъ-то недоумѣніемъ; потомъ глаза ея, еще съ большимъ недоумѣніемъ, перешли на коллекцію китайскихъ вѣровъ и на разныя бездѣлушки, въ родѣ пресъ-папье и фарфоровыхъ куколокъ, выглядывавшихъ изъ хлопчатой бумаги.

— Это изъ чистаго золота! раздался восторженный шопотъ Кирилла Андреевича и онъ бережно поднесъ Марусѣ миниатюрный золотой пароходъ.

— Для чего-же это? полюбопытствовала Ирина Матвѣевна:— это похоже на дѣтскую игрушку.

— Что это? насмѣшка? думала Маруся, роняя изъ рукъ оспанную жемчугомъ крышечку чернилицы:—это не хуже той мраморной избы... Чѣмъ онъ хотѣлъ показать мнѣ этимъ?..

— Что ты, Маруся? спросила мать, пораженная ея молчаніемъ и страннымъ выраженіемъ лица;—ты какъ будто не рада?

— Что тамъ еще; въ послѣднемъ ящикѣ? спросила Маруся, уклоняясь отъ отвѣта.

Тамъ было четыре пуда конфетъ.

Маруся сжала руки. Мысли ея совсѣмъ спутались. Давно-ли говорилъ ей князь, потчуя ее заграничными консервами, что ему совѣстно ѣсть ихъ, когда у крестьянина весь обѣдъ состоитъ изъ огурцовъ съ квасомъ?..

— А вотъ и счетъ изъ магазина, сказала Путивлева, подавая ей листъ бумаги.

— Пять тысячъ! прошептала Маруся, съ оцѣпененіемъ глядя на бумагу:—онъ употребилъ на *это* пять тысячъ! А вчера сказалъ мнѣ, что у него нѣтъ средствъ на переселеніе крестьянъ!.. Какъ это объяснить?..

У нея шумѣло въ ухахъ. При другихъ обстоятельствахъ ей могло-бы быть пріятно получить какое-нибудь красивое платье или кольцо; но теперь, когда она такъ далека была отъ всего этого и увѣрена, что князь прежде всего занятъ высоко-гуманными цѣлями, его необъяснимый поступокъ совершенно сбивалъ ее съ толку.

Ирина Матвѣевна примѣривала на нее серьги; всѣ весело болтали вокругъ нее и удивлялись ея смущенному виду. Маруся принуждена была сослаться на головную боль: у нея не было никого, кому-бы она могла повѣрить свои мысли.

На слѣдующее утро Маруся, въ своемъ нетерпѣливомъ желаніи увидѣться съ княземъ и спросить у него объясненія его поступка, готова была писать къ нему записку, но разсудила, что, вѣроятно, онъ самъ не замедлитъ явиться. Предчувствіе ея оправдалось и скоро она увидала въ окно своего жениха, въ пиджакѣ послѣдней модной картинки, съ сигарой въ рукѣ и съ самодовольной улыбкой на губахъ, направлявшагося, черезъ дорожки сада, прямо къ дому. Маруся послѣшно пошла къ нему на-встрѣчу. На ней было сѣрое холстинковое платье и на головѣ батистовый платочекъ, защищавшій ее отъ солнца. Хотя ея красота ничего не теряла отъ этаго пуританскаго костюма, но онъ непріятно подѣйствовалъ на князя, также какъ и серьезное, почти суровое выраженіе лица его невѣсты, которую онъ ожидалъ увидеть въ шелку и брилліантахъ, съ сіяніемъ радости на лицѣ. Онъ никогда не принималъ за серьезное отказъ Маруси отъ подарковъ; но ему нравился ея тактъ въ этомъ случаѣ, и онъ считалъ тѣмъ болѣе своимъ долгомъ не уступать ей въ великодушіи и безкорыстіи. Онъ не только не видѣлъ тутъ противорѣчія между дѣломъ и словомъ, но считалъ, что если-бы было иначе, то вышла-бы сухая мѣщанская проза, тогда какъ теперь—деликатный отказъ Маруси совершенно подходилъ подъ аристократическое понятіе о возвышенныхъ и поэтическихъ чувствахъ. Богатство его подарка было рассчитано на то, чтобы окончательно ослѣпить и покорить Марусю, такъ-какъ, по убѣжденію Арбенина, никакая женщина не въ состояніи контролировать того, кто можетъ такъ великолѣпно дарить...

Въ отвѣтъ на вопросительный и неудомѣвляющій взглядъ своего жениха Маруся взяла его подъ руку и повела въ аллею изъ акцій.

— Объясните мнѣ, начала она взволнованно и торопливо, — съ какой цѣлью вы прислали мнѣ всѣ эти подарки?.. Я даже сомнѣвалась, что они мнѣ назначены!..

Князь съ нѣжной улыбкой пожалъ ея руку. Ему казалось, что онъ угадалъ причину страннаго волненія Маруси: ей было совѣстно, страшно, — она не могла самой себя повѣрить, что все это великолѣпіе принадлежитъ ей, что она обладательница такихъ сокровищъ, о которыхъ и мечтать не смѣла!.. Поэтому она и не рѣшилась надѣть на себя никакихъ украшеній. Такая деликатность съ ея стороны очень понравилась и польстила Арбенину.

— Какъ-же вы могли сомнѣваться во мнѣ? сказалъ онъ тономъ нѣжнаго упрека; — неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, подумали, что я не позабочусь о доставленіи вамъ всего, что только въ моей власти?

Эти слова были такъ непохожи на то, что ожидала услышать Маруся, что она выдернула свою руку и, въ недоумѣніи, смотрѣла на князя большими глазами.

— Но вѣдь третьяго дня мы разговаривали съ вами объ этомъ, возразила она; — и вы сами говорили!..

— Я говорилъ всегда одно, прервалъ князь, — что нѣтъ безумія, на которое-бы я не былъ для васъ способенъ!

— Такъ вы сами сознаете, что эти подарки — безуміе?

— Положимъ, что такъ... Къ какому-же вы меня приговорите наказанію?..

— Вы все шутите, князь, слегка дрожащимъ голосомъ сказала Маруся, — а я-бы желала говорить серьезно.

Брови Арбенина немного сдвинулись: онъ находилъ, что его невѣста слишкомъ утрируетъ свою роль, и винилъ въ этомъ ея провинціальное воспитаніе.

— Ну-съ, давайте говорить серьезно, возразилъ онъ нѣсколько покровительственнымъ тономъ.

— Вѣдь эти подарки... Я не понимаю... Они стоятъ такъ дорого: пять тысячъ, кажется? А вѣдь вы говорили мнѣ, что вы нуждаетесь въ деньгахъ, что вы во многомъ должны себя отказывать...

— Я могу отказывать *себя*, но не *вамъ*! прервалъ князь: — какія-бы ни были мои лишенія, они не должны падать на любимую женщину!

— Но вы знаете,—вы должны знать, что для меня не составляет лишения не имѣть бархатныхъ платьевъ, вѣровъ, зонтиковъ и разныхъ золотыхъ игрушекъ, которыя я нахожу совершенно бесполезными.

— Вы мнѣ это говорили; но развѣ благородно было-бы съ моей стороны воспользоваться вашимъ безкорыстіемъ, вашей дѣтской наивностью, совѣстливостью?.. Послѣ этого вы имѣли-бы право разочароваться въ людяхъ и смотрѣть на міръ съ самой мрачной точки зрѣнія; а я этого не хочу!

— Такъ вотъ какое ваше мнѣніе! прервала съ волненіемъ Маруся: — зачѣмъ-же вы мнѣ сказали не далѣе какъ третьяго дня, что я въ вашихъ глазахъ не такая дюжинная женщина, чтобы придавать цѣну нарядамъ, и что это было-бы оскорбленіемъ подарить мнѣ что-нибудь въ родѣ мраморной избы?

— Послушайте, Магіе... Какъ странно вы это все понимаете! говорилъ князь, отчасти еще досадуя на безтактность Маруси, наставившей на объясненіи вещей и безъ того ясныхъ; а отчасти начиная сильно беспокоиться и робѣть при нѣкоторыхъ звукахъ ея голоса и выраженіи лица.

— Я тутъ совсѣмъ ничего не понимаю, возразила она,—объясните мнѣ, что все это значитъ? Вѣдь не могу-же я думать, что вы нарочно хотѣли оскорбить меня?

— Да что такое? Въ чемъ вы меня допрашиваете? вскричалъ князь, потерявъ терпѣніе,—что я такое сдѣлалъ? Вы точно уличаете меня въ преступленіи! Объясните сами, что вы хотите сказать?...

Маруся опустила глаза въ землю и, послѣ довольно долгаго молчанія, возразила тихо и серьезно:

— Можетъ быть, я точно забылась. Я не имѣю ни малѣйшаго права спрашивать у васъ отчета въ употребленіи вашихъ денегъ. Но я думала, что вы меня любите и вѣрите мнѣ... По крайней мѣрѣ, вы это говорили...

Она опять замолчала и сдѣлала нѣсколько шаговъ въ сторону. При этомъ движеніи страхъ потерять ее овладѣлъ княземъ; вся кровь егò отхлынула къ сердцу и, блѣдный, какъ полотно, онъ схватилъ Марусю за платье.

— Простите меня!.. милая моя, дорогая!.. не уходите! бормо-

таль онъ прерывающимся голосомъ, — вы имѣете право на всего меня: на мою душу, совѣсть и жизнь! Спрашивайте о чемъ угодно, приказывайте! Обвиняйте! Только не сомнѣвайтесь въ моей любви, — этого я не могу вынести!

Онъ почти ползаль у ея ногъ. Его страсть была такъ искренна, что Маруся невольно тронулась и подала ему руку.

— Ну скажите, чего вы хотите, говорилъ Арбенинъ, нѣсколько успокоившись, но все еще взволнованнымъ голосомъ, — я не угодила вамъ подарками, — забудьте о нихъ! бросьте ихъ въ воду!

— Не то! ахъ, совсѣмъ не то! сказала Маруся съ глубокимъ вздохомъ, — отъ меня слишкомъ далека мысль бросить въ воду то, что имѣетъ цѣнность, на которую такъ много-бы можно сдѣлать пользы!

— Я обожаю васъ за эти благородные порывы! отвѣчалъ князь, цѣлуя ея руки, — сколько добра вы будете дѣлать, когда получите мое состояніе!.. Съ какимъ наслажденіемъ я отдамъ и его, и себя самого въ такія руки!

— Я не загадываю о будущемъ, прервала Маруся съ невольнымъ отгвѣнкомъ горькой ироніи, — а въ настоящемъ мы съ вами еще, покажѣтъ, особеннаго добра не дѣлаемъ.

— Вы меня колете, Магіе?.. вы еще не помирились со мною?.. Ну, я виновать!

— Я вовсе не обвиняю васъ, но желала-бы спросить у васъ о многомъ.

— О чемъ-же? говорите, сказалъ князь, скрывая свое беспокойство при этомъ упорномъ возобновленіи прежняго разговора.

— Помните, о чемъ мы съ вами говорили третьяго дня, продолжала Маруся, — на счетъ переселенія вашихъ крестьянъ. Если я только не ошибаюсь, если я не ослышалась, то вы мнѣ сказали, что принуждены отложить это дѣло, потому что уже истратили всѣ наличныя деньги въ пользу крестьянъ и у васъ ничего не остается... Простите меня за нескромный вопросъ; но откуда же взялись эти пять тысячъ, которыя вы заплатили за все то, что прислали мнѣ вчера?

Этотъ вопросъ дѣйствительно базался князю не только нескромнымъ, но въ высшей степени неприличнымъ и грубымъ. Въ основѣ его воспитанія лежало правило, что на свѣтѣ есть нѣкоторыя вещи, которыя благовоспитанный человѣкъ долженъ обходить тон-

кимъ молчаніемъ: напริมѣръ, если ему случится застать своего пріятеля, одинаковаго съ нимъ круга, запускающаго руку въ чужой карманъ, то приличіе требуетъ, чтобъ онъ и виду не показалъ, что считаетъ это воровствомъ. Арбенинъ медлилъ отвѣтомъ, ерошилъ свои волосы и сжималъ губы съ значительнымъ видомъ глубоко-оскорбленнаго человѣка.

Маруся пристально смотрѣла на него и, видя, что онъ молчитъ, продолжала твердымъ голосомъ:

— Вы сейчасъ общались отвѣчать мнѣ на все, что-бы я ни спросила. Всякое недоразумѣніе между нами дѣлаетъ меня несчастной!.. Скажите мнѣ, какимъ образомъ вы были въ состояніи истратить пять тысячъ на подарки? И вслѣдствіе-ли этой траты вы теперь находитесь въ нуждѣ?

Арбенина бросило въ потъ: онъ увидѣлъ, что съ Марусей шутить нельзя. Въ другое время онъ непремѣнно-бы отвѣтилъ, что эти пять тысячъ—плевое дѣло, что онѣ не могутъ раззорить его; но предыдущее стольновеніе показало ему, что нельзя безнаказанно говорить одинъ день одно, другой—другое.

Однако, отвѣчать было надо, и Арбенинъ призвалъ на помощь все свое искусство окрашивать вещи извѣстнымъ колоритомъ.

— Да, я вамъ это скажу, Магіе, началъ онъ, самъ еще не зная, чѣмъ кончитъ, но надѣясь на внезапное вдохновеніе, — я искренно исповѣдуюсь передъ вами во всемъ и, если я виноватъ, то знаю, что вы будете милосерды ко мнѣ.

Маруся ласково улыбнулась. Она жадно желала услышать чистую правду.

— Видите-ли, продолжалъ Арбенинъ съ задумчивымъ видомъ, — я уже рассказывалъ вамъ про мою мать, такъ что вы можете имѣть нѣкоторое понятіе объ ея характерѣ. Я долженъ еще прибавить, — прежде мнѣ не хотѣлось этого говорить, — что она не можетъ слышать объ этомъ переселеніи крестьянъ на мой счетъ и въ послѣднее время отказывала мнѣ въ деньгахъ изъ опасенія, что я употреблю ихъ на это дѣло, тогда какъ обыкновенно она ничего для меня не жалѣетъ... Ну! осуждайте меня, пожалуй: я написалъ ей, что мнѣ нужны деньги и далъ торжественное обѣщаніе, что не употреблю ихъ на переселеніе крестьянъ. Она обрадовалась, потому что я своему слову никогда не измѣнялъ, и прислала мнѣ пять тысячъ. Вотъ и вся исторія.

Маруся молчала. Хотя она и повѣрила разсказу, потому что не вѣрить было-бы ужь слишкомъ невыносимо, но чувствовала, что разсказъ этотъ очень слабъ и несостоятеленъ.

— Вы недовольны мной? печально спросилъ Арбенинъ.

— Нѣтъ; но я не понимаю вашихъ побужденій. Я вамъ говорила сто разъ, что мнѣ не нужно нарядовъ.

— Marie! если-бъ вы вполонину любили меня такъ, какъ я васъ люблю, вы бы понимали, что когда страсть овладѣваетъ человѣкомъ, то онъ готовъ отдать жизнь за то, чтобъ что-нибудь сдѣлать для любимой женщины!

— Стало быть, вы никогда не вѣрили, что я искренно отзывалась отъ подарковъ?

Князь вскочилъ съ скамейки, на которой они сидѣли.

— Это жестоко, Marie! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ; — неужели естественное, неудержимое желаніе человѣка восхищаться предметомъ своей любви, лелѣять, украшать его—такое преступленіе, такая низость въ вашихъ глазахъ?

— Я этого не говорила, князь...

— Это говорить ваше лицо, ваши глаза, вашъ тонъ!.. Я не думалъ никогда, чтобъ вы могли такъ меня мучить!

Онъ закрылъ лицо руками и весь дрожалъ отъ нервнаго волненія. Марусѣ стало жаль его; она подвинулась и отвела его руки отъ лица.

— Не сердитесь, сказала она.

Арбенинъ схватилъ ее руками и съ страстнымъ увлеченіемъ прижалъ къ груди. До сихъ поръ Маруся не позволяла ему цѣловать себя и, увидѣвъ его лицо такъ близко отъ своего лица, закрыла глаза въ какомъ-то испугѣ; и въ эту минуту ею овладѣла странная иллюзія: передъ ней, какъ во снѣ, мелькнуло другое лицо—характеристическое, блѣдное, съ рѣшительнымъ взглядомъ, лицо Туманскаго; ей живо представилось, что горячее дыханіе, которое жгло ее, было его дыханіе... Полная волненія и трепета, она раскрыла глаза и увидала передъ собой красивое лицо и свѣжія губы своего жениха... Вмигъ все снова улеглось въ ней, будто застыло, и она безстрастно, безотвѣтно и дѣвственно-холодно поворилась поцѣлюю этихъ губъ.

Князь продолжалъ извиняться, оправдываться и клясться въ своей любви. Маруся старалась быть къ нему ласковой и казаться

веселой; но въ глубинѣ души она чувствовала какой-то ужасъ, какъ будто стремглавъ летѣла въ бездонную пропасть. Чтобы уцѣпиться за что-нибудь, она цѣплялась за любовь князя и успокоивала себя мыслью, что со временемъ они будутъ относиться другъ къ другу вполне довѣрчиво и искренно.

Въ этотъ день у нихъ были гости, и Маруся, по просьбѣ матери, согласилась пережѣнить платье и надѣть серьги. Она съ горечью сознавала, что, сдѣлавши одну уступку, — принять подарки, она не имѣла уже причины протестовать противъ другихъ уступокъ.

Къ обѣду Туманскій почему-то запоздалъ и его послали искать; онъ явился только ко второму кушанью.

— Гдѣ ты былъ? спросила у него Маруся, передавая ему полную тарелку своего нетронутаго супа.

— Я замѣшался съ этой старухой, у которой болитъ рука, отвѣчалъ онъ: — дѣлалъ ей перевязку.

— Ахъ да! вѣдь всѣ мои больные теперь у тебя одного на рукахъ, замѣтила Маруся съ болѣзненной усмѣшкой; — я три дня не смотрѣла руку у этой женщины и не давала ей чистой корпіи. Что, ей стало хуже?

— Да; вѣдь это требуетъ чистоты; теперь, впрочемъ, ничего опять.

— Не пойдешь къ ней послѣ обѣда? предложила Маруся.

— Развѣ можно тебѣ идти въ этомъ платьѣ? Ты его испортишь.

— Ахъ да, я и забыла! согласилась Маруся, и горькая нотка зазвенѣла въ ея смѣхѣ.

— О чемъ идетъ рѣчь? спросилъ князь, который, разговаривая въ это время съ своими сосѣдомъ, сидѣлъ какъ на иголкахъ.

— Не спрашивайте и не слушайте, отвѣчалъ ему Туманскій: — рѣчь идетъ о вещахъ неязящныхъ, которыя вамъ не понравятся слушать за обѣдомъ.

— Я, кажется, никогда не повѣрялъ вамъ, что можетъ мнѣ нравиться и что нѣтъ, возразилъ князь, слегка мѣняясь въ лицѣ.

— Нѣтъ; но я могу дѣлать свои заключенія.

— Я ими не интересуюсь.

— Да вы-же первые спросили, о чемъ мы говоримъ? виѣшалась Маруся.

— Ну да; а вы мнѣ не отвѣчали, возразилъ князь, съ ласкающей улыбкой повертываясь къ ней.

— Мы собирались послѣ обѣда идти къ одной больной.

— А я развѣ буду исключенъ изъ этой прогулки?

— О нѣтъ, если только вы желаете.

— Вы знаете, что на это я всегда готовъ. Это мое постоянное занятіе, за которыми мнѣ случалось иногда проводить цѣлые дни.

— О какомъ это вы занятіи говорите? спросилъ Туманскій.

— О посѣщеніи больныхъ, отрывисто отвѣтилъ князь и началъ что-то шептать Марусѣ.

Послѣ обѣда, когда всѣ прошли въ гостиную, Туманскій незамѣтно остановилъ Марусю и воротилъ ее въ столовую.

— Я надѣюсь, что этой комедіи не будетъ и что вы не пойдете къ этой несчастной старухѣ, сказалъ онъ рѣзко.

— А что? спросила Маруся, растерявшись.

— Для чего ты хочешь идти, скажи мнѣ? Для развлечения отъ скуки? Какую пользу ты можешь тамъ сдѣлать, когда я сказалъ тебѣ, что я уже осмотрѣлъ и перевязалъ больную руку? Что же тебѣ тамъ нужно? Показаться въ крестьянской избѣ въ твоемъ нарядномъ платьѣ подъ руку съ красавцемъ женихомъ? Для тебя вѣдь это *partie de plaisir*, а для этихъ бѣдняковъ, повѣрь, ничего нѣтъ пріятнаго въ такихъ визитахъ; оставь ужь ихъ въ покоѣ!

Маруся прислонилась къ столу и нѣсколько секундъ молчала, потомъ подняла лицо съ поблѣднѣвшими губами и сказала твердо:

— Да, ты правъ.

Туманскій послѣдовалъ за ней смягченнымъ задумчивымъ взглядомъ, когда она пошла отъ него. Много-бы отдалъ онъ за то, чтобы говорить съ нею долго и безъ помѣхи, какъ въ прежнее время, и высказать ей свою мысль въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ, но князь сторожилъ ее и поспѣшилъ завладѣть ею.

На балконѣ сидѣли гости: Нимфа и Поликсена Соболевы, и къ нимъ подвелъ князь свою невѣсту.

— Вы хотѣли куда-то идти послѣ обѣда? сказалъ онъ ей;— вѣроятно, все общество такъ же захочетъ прогуляться.

— Нѣтъ, я раздумала, отвѣчала Маруся.

— Отчего-же? погода отличная; мы можемъ зайти въ нѣсколько

крестьянскихъ избъ, посмотрѣть на ихъ житье-бытье, освѣдомиться, чего не достаетъ, продолжалъ князь, отчеканивая слова свои такъ красиво, что Поликсена совершенно плѣнилась имъ.

— Ахъ да! вскричала она, — пойдѣте въ жилища бѣдныхъ: я это такъ люблю! Я приучаю къ этому моего Али!

— Я не пойду, сказала Маруся и, поспѣшно сойдя съ балкона, скрылась за густыми кустами шиповника. Грудь ея неровно поднималась: она чувствовала себя недовольной, несчастной, глубоко-униженной... Минуть черезъ десять князь догналъ ее и, взявъ ее руку, сталъ нѣжно допрашивать, что съ нею?

— Ничего, отвѣчала она, — сначала я просто хотѣла пойти къ больной старухѣ; но я вовсе не намѣрена тащить туда цѣлое общество для забавы.

— Конечно; но вы напрасно такъ рѣзко выразились, что не пойдете; этимъ вы можете подать поводъ предполагать въ васъ недостатокъ гуманности.

— Пусть предполагаютъ. Я удивляюсь, что вы мнѣ это говорите. Помните, какъ разъ вы мнѣ доказывали, что я не должна сама прикасаться къ больнымъ, а теперъ посылаете меня!

— Это разница; теперъ мы пошли-бы вмѣстѣ, цѣлымъ обществомъ, навѣстили-бы этихъ бѣдныхъ людей, утѣшили-бы ихъ. Я не одобряю только того, къ чему приучилъ васъ этотъ Туманскій: самой перевязывать раны, растирать, давать лекарства...

— Почему-же вы этого не одобряете?

— Потому что это низшая степень труда, которую нужно предоставить людямъ неразвитымъ: а нашъ трудъ гораздо шире, возвышеннѣе и благотворнѣе!

— Какой-же нашъ трудъ?

— Пропагандировать идеи, громко и горячо высказывать свои убѣжденія; вотъ настоящее дѣло! Вы думаете, что вы много сдѣлаете здѣсь въ деревнѣ, между крестьянами? Никогда! поѣзжайте въ столицу, описывайте яркими красками крестьянскій бытъ, собирайте пожертвованія, вступите въ члены благотворительнаго комитета, — и всѣ тогда увидятъ, что вы дѣйствительно гуманная и развитая женщина!

Въ его тонѣ было что-то возмутительное для правдивой души Маруси.

— Мнѣ душно! прервала она его вдругъ,—пойдемте на свѣ-
жій воздухъ; пойдемте въ поле!

Князь охотно пошелъ за нею, отчасти радуясь, что его невѣста такъ капризна и измѣнчива, потому что капризной женщиной съ трудомъ можетъ придти въ голову серьезная мысль; а его больше всего пугало серьезное направленіе, замѣчаемое имъ иногда въ Марусѣ.

XI.

Когда все общество собралось гулять и вышло въ поле, Арбе-
нинъ предложилъ дойти до его усадьбы, отстоявшей версты за
полторы. Эту мысль искусно внушила ему баронесса Вейсъ,
сгаравшая нетерпѣніемъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ.

Подходя къ небольшому флигелю, который князь успѣлъ по-
красить и отдѣлать для своего временного пребыванія, они уви-
дѣли на крыльцѣ трехъ мужиковъ, въ числѣ которыхъ былъ ста-
роста Максимъ. Всѣ они были съ смущенными и встревоженными
лицами и, при видѣ князя, сняли шапки и подошли къ нему.
Маруся замѣтила, что женихъ ея весь вспыхнулъ, и выраженіе не-
удовольствія промелькнуло на его лицѣ.

— Ну, mesdames, извините, сказалъ онъ, обращаясь къ да-
мамъ съ любезной улыбкой;—я долженъ пріостановиться и выслу-
шать, чего нужно мужикамъ. Потрудитесь войти въ домъ; я сей-
часъ буду къ вашимъ услугамъ.

Маруся хотѣла идти вслѣдъ за другими, но ее остановилъ умо-
ляющій, разстроенный, жалобный взглядъ Максима, устремленный
на нее и какъ будто взывавшій о помощи.

— Это, вѣрно, все на счетъ той недоимки, вполголоса прого-
ворила Маруся своему жениху, подходя къ нему и взявъ его подъ
руку.

— Нѣтъ, то дѣло давно кончено, сказалъ холодно князь:—
это совсѣмъ о другомъ. Пожалуйста, Marie, подите къ дамамъ и
замѣните меня; вы у меня въ домѣ почти хозяйка!

Въ его тонѣ было что-то рѣзкое и нетерпѣливое, похожее на
приказаніе или на намекъ оставить его въ покоѣ. Маруся не
привыкла къ такому обращенію съ его стороны: она слегка по-

крася́ла, холодно выпустила его руку и пошла въ домъ, не говоря ни слова.

Все это ее чрезвычайно смущало, въ особенности то, что князь очевидно желалъ скрыть отъ нея, о чемъ онъ будетъ говорить съ крестьянами. Неопредѣленные подозрѣнія возникали въ ея умѣ и она невольно прислушивалась къ голосамъ на крыльцѣ, но тамъ говорили такъ тихо, что слова не долетали въ комнаты.

Между тѣмъ дамы, по обыкновенію, проникли въ самую отдаленную и завѣтную комнату—спальню Арбенина; и тамъ, толкая и мѣшая другъ другу, начали поправлять прическу передъ прекраснымъ, серебрянымъ туалетомъ, который возбудилъ ихъ восторгъ своей изящной отдѣлкой. Онѣ перепробовали на своихъ волосахъ всѣ гребенки и щетки, надушились одеколономъ, просыпали пудру, раскрыли разныя коробки, потомъ стали мыть руки изъ серебрянаго умывальника и чистить ногти щеточкой. Поликсена покушалась даже почистить зубы незнакомымъ ей душистымъ зубнымъ порошкомъ, но посовѣстилась Алевтины. Однако, Алевтина нисколько не уступала другимъ и тотчасъ начала взбивать свои бубли, съ помощью моднаго гребня. Потомъ увидѣвъ, что Туманскій пересматриваетъ книги на столѣ, она вдругъ вспомнила, что она ученая женщина и, небрежно спутавъ волосы на лбу, какъ будто они ей надоѣдали, нагнулась съ дѣловымъ видомъ надъ плечомъ Туманскаго.

— Это, кажется „Гексли“? спросила она, прищурившись.

— Почему вы думаете? возразилъ Туманскій, улыбнувшись и закрывая книгу.

— Похоже по переплету и формату... А что-же это?

— Это „Боккаччо“, отвѣчалъ Туманскій.

— А!

Алевтина сдѣлала гримасу и взяла другую книгу.

Маруся полюбопытствовала также посмотрѣть книги своего жениха. Онѣ состояли изъ французскихъ романовъ.

— Я никогда этого не читала, говорила она, пересматривая заглавія: „Mademoiselle Giraud“, „la Comtesse de Chalis“, „Gustave“, „le Mari de ma femme“... Отчего князь никогда не давалъ мнѣ ихъ читать?

Князь, появившійся въ это время на порогъ, не могъ удержатъ восклицанія отчаянія и смущенія, при видѣ безпощаднаго

осмотра, производившагося въ его спальнѣ. Онъ ожидалъ найти гостей въ пріемной комнатѣ и никакъ не воображалъ, что имъ станутъ извѣстны всѣ его туалетныя и другія тайны.

Бросивъ бѣглый взглядъ на туалетный столъ, осыпанный пудрой, на опрокинутый кольдкремъ и раскрытую баночку съ губной помадой, Арбенинъ съ ужасомъ устремилъ глаза на Марусю, читавшую Поль-де-Кока, и на Туманскаго, разсматривавшаго какую-то гравюру, заслоняя ее рукой и книгой отъ дамскихъ глазъ.

— Mesdames... пожалуйста въ гостиную, началъ князь, проклиная въ душѣ провинціальную безцеремонность.—Это моя спальня, я здѣсь никого не принимаю... Я не осмѣлился-бы пригласить васъ сюда.

— Ахъ, напротивъ! здѣсь все такъ мило! замѣтила Нимфа.

— Мнѣ кажется, все равно, гдѣ ни сидѣть, сказала Алевтина:—гостиная или спальня—развѣ не одно и то же?

— О да! но тамъ гораздо просторнѣе, удобнѣе. Пойдемте туда... Пожалуйте, Марья Кирилловна! Дмитрій Львовичъ! сказалъ князь, обращаясь съ сосредоточеннымъ гнѣвомъ къ Марусѣ и Туманскому, которые толковали что-то про польдекоковского „Gustav'a“.

Всѣ высыпали въ гостиную, одна половина которой превращена была въ кабинетъ. Тамъ у окна стоялъ большой письменный столъ, заваленный бумагами, конторка и этажерка съ массивными книгами въ переплетахъ, на корешкахъ которыхъ красовались имена Дарвина, Бокля, Тиндаля и всѣхъ возможныхъ новѣйшихъ ученыхъ. Арбенинъ, какъ будто желая загладить впечатлѣніе, произведенное романами спальнаго столика, началъ класть книги на столъ, говоря:

— Марья Кирилловна, я вамъ показывалъ эту ботанику? Это самая пространная. А вотъ сводъ законовъ. Алевтина Михайловна, посмотрите, вотъ полный курсъ математики. Физику Гано вы знаете?

— Это популярная физика Гано, небрежно отвѣчала Алевтина;—я терпѣть не могу популярныхъ сочиненій.

— У меня есть и другая, спеціальная.

— А тѣ книги, что въ вашей спальнѣ, прервала Маруса, — вы мнѣ дадите ихъ прочесть?

— Да... конечно. Позвольте, mesdames, предложить вамъ чаю.

Слуга внесъ на подносѣ налитой чай, ромъ и лимонъ, нарѣзанный ломтиками на серебряномъ блюдечкѣ. Ученые разговоры на минуту прекратились, и всеобщее вниманіе было поглощено чаемъ.

— А вы, Дмитрій Львовичъ, не пьете чаю? спросила Алевтина, польщенная тѣмъ, что Туманскій сѣлъ возлѣ нея и подаль ей лимонъ. Хотя она сердилась на него, но, при малѣйшемъ знакъ вниманія, готова была сейчасъ-же снова обратиться къ нему.

— Нѣтъ, мнѣ не хочется, отвѣчалъ онъ, углубившись въ книгу.

— Вѣроятно, мой чай не по вкусу Дмитрію Львовичу, замѣтилъ князь съ язвительной усмѣшкой и значительнымъ взглядомъ.

— Я его не пробовалъ, холодно отвѣчалъ Туманскій.

Напившись чаю, Поликсена и Нимфа опять начали осматривать комнату, шарить по столамъ и окнамъ, и отыскиали микроскопъ. Арбенинъ, любезно исполняя обязанности хозяина, подошелъ помочь имъ уставить микроскопъ.

Потомъ, попросивъ у Маруси булавку, онъ изящно укололъ себѣ кончикъ пальца, и вытекшую оттуда каплю крови подставилъ подъ стекло. Марусю это чрезвычайно заинтересовало и она начала спрашивать о свойствахъ и отправленіяхъ крови. Князь щеголялъ фразами изъ Фохта и Мошота и чрезвычайно картинно описывалъ, какъ обращается кровь; но Маруся не довольствовалась картинностью, а хотѣла проникнуть въ самую суть дѣла. Какъ ни былъ Арбенинъ влюбленъ въ нее, подробные ея вопросы возбуждали въ немъ тайную досаду: онъ не понималъ, чего и зачѣмъ она добивается?

Они положили подъ микроскопъ часть зеленого листочка, и рѣчь зашла о растеніяхъ.

— Почему-же запахъ цвѣтовъ вреднѣе для человѣка ночью, чѣмъ днемъ? спрашивала Маруся.

— Потому что ночью они выдѣляютъ изъ себя углекислоту, отвѣчалъ князь.

— Какая-же причина этой перемѣны? Составъ цвѣтка не измѣняется: почему-же онъ перестаетъ выдѣлять кислородъ?

— Растенія, какъ и человѣкъ, началъ князь, красиво показывая рукой, — имѣютъ определенное время для сна и отдыха, соотвѣтствующее дню и ночи. Въ лунную, лѣтнюю ночь, присмотритесь, прислушайтесь къ жизни цвѣтовъ...

— Стало быть, растенія выдѣляютъ углекислоту, когда спятъ? перебила Маруся, боясь потерять нить разговора.

— Жизнь растеній такъ многосложна, что для опредѣленія всѣхъ феноменовъ, которымъ они подвергаются, нужно предварительно изучить ботанику, законы физическихъ явленій, химическія соединенія...

— Но я желала-бы только понять, почему ночью они выдѣляютъ не то, что днемъ...

— Для того, чтобъ понять, нужно выучиться, съ улыбкой превосходства прервалъ ее князь, — а вы думаете, легко обогатиться обширными знаніями! Для этого цѣлые года нужно просидѣть на школьной скамейкѣ, такъ, какъ мы сидимъ!..

Тутъ Туманскій, молча слушавшій разговоръ, вмѣшался въ него.

— Этотъ феноменъ совсѣмъ не такъ необъяснимъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Марусѣ, — растенія выдѣляютъ кислородъ днемъ, подъ вліяніемъ свѣта; чѣмъ менѣе они получаютъ свѣта, тѣмъ медленнѣе становится выдѣленіе; а ночью, при совершенномъ отсутствіи солнца, оно совсѣмъ прекращается и взамѣнъ его начинается выдѣленіе углекислоты. Однимъ словомъ, тутъ главную роль играетъ свѣтъ.

— Теперь я, наконецъ, понимаю, сказала Маруся.

— Я вамъ то-же самое говорилъ, поспѣшно возразилъ князь, вспыхнувъ отъ задѣтого самолюбія.

— Вы ничего не сказали о вліяніи свѣта, замѣтилъ Туманскій.

— Позвольте; я только выразился не языкомъ старинныхъ учебниковъ, иронически возразилъ князь, — но это еще не значить, чтобъ я не зналъ о вліяніи свѣта на растенія!

— Отчего-же вы не хотѣли этого сказать Марѣ Кирилловнѣ?

— Вы, стало быть, ничего не поняли изъ того, что я ей говорилъ, сказалъ князь, измѣнившись въ лицѣ отъ досады, и пустился въ запутанное объясненіе, противоположное тому, которое давалъ Марусѣ. Она молчала, потому что видѣла ясно, что онъ отпирается отъ своихъ словъ и старается, по обыкновенію, громкими фразами замаскировать недостатокъ точнаго знанія. Подъ конецъ онъ до того сбился съ толку, что Туманскій пересталъ ему возражать, отвернулся и сталъ читать книгу.

— Давно пора домой; идейте, сказала Маруся, вставая.

Арбенинъ былъ блѣденъ отъ злости и не удерживалъ ихъ: его одно только еще утѣшало—надежда, что дамы не поняли смысла его разговора съ Туманскимъ.

— Да, да! пора!.. Какъ пріятно было! Не видали, какъ прошло время! защебетали дамы, надѣвая тальмы и шляпы.

— До свиданія, сказала Маруся и направилась къ двери, вслѣдъ за Туманскимъ, вышедшимъ прежде всѣхъ.

— Нѣтъ еще, не до свиданія, я иду васъ провожать, возразилъ Арбенинъ.

При выходѣ изъ дома, староста Максимъ опять несмѣло вышелъ изъ-за угла и, когда Туманскій съ нимъ поровнялся, шопотомъ окликнулъ его по имени. Тотъ подошелъ къ нему и, пропустивъ все общество впередъ, пошелъ съ нимъ позади, тихо разговаривая. Скоро они оба значительно отстали. Князь насмѣшливо на нихъ оглянулся и сказалъ:

— Какія у этого господина смѣшныя манеры заговорщика! Шепчется съ мужикомъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто рѣшаетъ судьбу Россіи.

— Ахъ да, да, точно! подтвердила Поликсена, оглядываясь.

— Уморительны эти недоучки, продолжалъ князь, съ слегка раздувающимися ноздрями и дрожащимъ отъ внутренняго раздраженія голосомъ,—вѣдь также этотъ Туманскій имѣетъ духъ увѣрять, что чему-нибудь учился! Признаюсь, я до сихъ поръ не считалъ, чтобъ онъ былъ до такой степени тупъ и неразвитъ.

— Да, онъ что-то такое перевралъ? спросила Поликсена, впадая въ тонъ князя.

— Перевралъ — это-бы еще ничего, но какъ имѣть дерзость начать говорить о томъ, о чемъ онъ понятія не имѣетъ! Пускайтесь въ объясненія до того нелѣпныя, что всякій гимназистъ 3-го класса могъ-бы его пристыдить!

— Странно, раздался голосъ Маруси, — что вы говорите это теперь, безъ него, а при немъ не могли опровергнуть тѣхъ объясненій, которыя называете нелѣпными.

Арбенинъ посмотрѣлъ на свою невѣсту такъ, какъ будто она выстрѣлила въ него изъ пистолета. Она также взглянула ему прямо въ глаза, блѣдная отъ негодованія.

— Какъ вы говорите, что я не опровергнулъ его? заговорилъ

князь, задохнувшись отъ злобы и волненія;—развѣ вы не слышали, какъ я доказалъ ему, что онъ говоритъ вздоръ?

— Нѣтъ, я этого не слыхала. Напротивъ, вы старались доказать, что говорите то-же, что онъ.

— Значить, вы ничего не поняли; я нарочно смягчалъ выраженія, чтобы пощадить его; но все-таки, подъ конецъ, онъ принужденъ быть замолчать, какъ школьникъ!

— Да, да! подтвердила Поликсена,—совершенно какъ школьникъ.

— Молчаніе—не признакъ слабости, сказала Маруся,—точно такъ, какъ громкія фразы—не признакъ силы.

— Я не понимаю, какъ вы беретесь судить объ этомъ, возразилъ Арбенинъ, совершенно потерявшись отъ бѣшенства:—вы тутъ не можете быть судьей... А я вамъ говорю, что Туманскій невѣжда, пошлый фатъ, тупоумная личность, нестоящая вниманья!

— Я молчу, сказала Маруся и, дѣйствительно, послѣ этихъ словъ, воцарилось мрачное молчаніе. Соболевы спѣшили ѣхать домой; проводивши ихъ, князь остался, по приглашенію Кирилла Андреевича, поѣсть ананасной дыни, а самъ все высматривалъ, куда дѣвалась Маруся, и собирался прочесть ей нотацию.

Маруся, между-тѣмъ, прошла въ свою комнату, сняла свое нарядное платье и серьги, надѣла ситцевую блузу, накинула на голову платокъ и вышла на дворъ, на-встрѣчу Туманскому и старостѣ, за которыми она все время наблюдала изъ окна. Они, все продолжая разговаривать, направились къ срубѣ, посреди двора, и тамъ остановились. У Маруси билось сердце и руки дрожали: она рѣшилась разъяснить причину всѣхъ этихъ таинственныхъ переговоровъ и узнать самое худшее.

— Что у васъ случилось, Максимъ? спросила она, подойдя.

Тотъ, мереминаясь, кашлянулъ и взглянулъ на Туманскаго.

— О дѣлахъ своихъ толкуютъ, дѣла ихъ плохи, нехотя сказали Туманскій.

— Какія дѣла?

Опять молчаніе; вдругъ по лицу Максима ручьемъ потекли слезы, и онъ повалился въ ноги Марусѣ.

— Заступитесь за насъ, матушка, заступитесь! несвязно проговорилъ онъ всхлипывая.—Мы все заплатимъ, все до копѣйки, только-бы повременили сколько-нибудь.

Маруся поблѣднѣла и взглянула на Туманскаго.

— Что это значитъ? проговорила она;—развѣ еще что-нибудь случилось? Вѣдь казенная недоимка за нихъ уплачена?

— За ними и не было казенной недоимки, сказалъ Туманскій;— а дѣло вотъ въ чемъ: у арбенинскихъ крестьянъ описываютъ имущество за долгъ помѣщицѣ, княгинѣ Арбениной. Въ прошломъ году она, по ихъ просьбѣ, не брала съ нихъ денегъ за арендную землю, потому что имъ нечѣмъ было уплатить подати, по случаю неурожая.

— Мы было и думали, прервалъ съ глубокимъ вздохомъ староста,—что она намъ эти деньги совсѣмъ уступила, по бѣдности нашей, такъ-какъ намъ вѣсть было нечего. Ужь мы не знали, какъ и благодарить! Сколько мы ей за это работы справили — и не перечесть: плетни кругомъ огородовъ загородили, канавой поле обрыли, скотный дворъ поправили, дуга скосили!.. Намъ-бы надо было все это въ волостномъ правленіи заявить и въ тетрадку записать; тогда-бы мы хоть вычли изъ своего долгу то, что намъ за работу приходится; а мы спросту и понадѣялись на господскую совѣсть! Вотъ теперъ съ насъ и требуютъ по условію за прошлогоднюю землю; становой все у насъ описалъ, въ четверткѣ аукціонъ назначенъ.

— Что-же говорить князь? тихо спросила Маруся, надвигая платокъ на лицо и прислоняясь къ срубѣ.

— Они-то тутъ и орудуютъ, по довѣренности отъ мамыши своей. Ужь мы и просили, и въ ноги кланялись: „нѣтъ, говорятъ, ничего не могу сдѣлать“.

— Да не можетъ этого быть! вскричала Маруся, стиснувъ руки одна о другую: — вѣрно, вы не поняли... вѣрно, князь поручится за васъ или самъ заплатитъ?

— Гдѣ ужъ заплатить! уныло махнулъ рукою Максимъ;—мы просили хоть до ярмарки обождать: и слышать не хотятъ, за становымъ послали. Мы ужъ вотъ васъ просимъ, Марья Кириловна, поговорите нашему князю отъ себя! Можетъ, онъ васъ и послушаетъ.

— А сколько нужно вамъ выплатить денегъ?

— Три тысячи двѣсти рублей серебромъ всего сполна. А если-бы вычесть за нашу работу, такъ убавилось-бы на третью часть, коли не больше.

— Вы говорили князю о вашей работѣ?.. Князь знаетъ про то? что онъ говорить? выговорила съ трудомъ Маруся.

— Они говорятъ что мы работали за проценты. Если-бы мы это знали, намъ дешевле-бы обошлось эти деньги прошлаго года завячь да выплатить!

— Я сдѣлаю что могу, сказалъ ему Туманскій, видя, что Маруся стоитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не въ состояніи выговорить ни слова; — ты ступай теперь, я тебѣ дамъ знать завтра, если что-нибудь перемѣнится.

Староста ушелъ, а Туманскій и Маруся нѣсколько минутъ молча смотрѣла другъ на друга.

Наконецъ она прервала молчаніе:

— Стало быть, только этотъ долгъ разыскивали съ крестьянъ? спросила она почти шопотомъ, потому что ей трудно было повѣрить, — о какой-же недомыѣ говорилъ мнѣ тогда князь, которую онъ *будто-бы* уплатилъ?

Туманскій не отвѣчалъ. На его лицѣ Маруся прочла приговоръ послѣдней надеждѣ, за которую она цѣплялась, — извинить хоть сколько нибудь поведеніе ея жениха. Руки ея опустились; двѣ жгучія слезы медленно скатились на щеки и тутъ-же высохли отъ внутренняго жара.

— Ты знаешь, продолжала Маруся, — что вещи, которыя онъ мнѣ подарилъ, стояли пять тысячъ?..

— Знаю; вѣроятно, вся это исторія происходитъ больше изъ-за этихъ денегъ: хотять наверстать истраченное.

— О! это жестоко! это низко! вскричала Маруся, выпрямляясь, и въ глазахъ ея снова заблестѣла энергія; — скажи мнѣ, Митя, что я должна дѣлать? Какъ мнѣ обратить въ деньги эти проклятые подарки и уплатить ими долгъ крестьянъ?

— Это довольно трудно въ такое короткое время, потому что аукціонъ назначенъ въ четверть.

— Аукціонъ будетъ отложенъ, прервала она нетерпѣливо; — я сейчасъ пойду говорить съ княземъ. Я должна съ нимъ объясниться, наконецъ... Кто знаетъ, можетъ быть, все это не такъ, какъ намъ представляется... Вѣдь это почти невозможно! чему-же вѣрить, послѣ того? выговорила Маруся въ невыразимомъ смятеніи и волненіи и, съ этими словами, порывисто-быстро пошла въ домъ.

Туманскій слѣдилъ за ней глазами, пока она скрылась; потомъ зашелъ за уголь сруба и легъ на траву; его была лихорадка ожиданія.

Когда Маруся вошла въ гостиную, князь собирался уже уходить, несмотря на убѣжденія Путивлевыхъ остаться ужинать; раздраженный тѣмъ, что Маруся скрылась и не выходитъ къ нему, онъ нарочно хотѣлъ уйти, не простившись съ ней, чтобъ показать ей свой гнѣвъ.

Но она остановила его и, безъ всякихъ приготовленій, въ короткихъ и рѣзкихъ словахъ передала ему свой разговоръ съ старостой и спросила, нельзя-ли отложить аукціонъ.

Князь, находившійся и безъ того въ самомъ скверномъ расположеніи духа, вслѣдствіе полученныхъ въ этотъ день чувствительныхъ щелчковъ, былъ совершенно взбѣшенъ этимъ послѣднимъ ударомъ. Такъ какъ онъ былъ глубоко убѣжденъ, что участію крестьянъ можно интересоваться только на словахъ, то ему казалось, что Маруся никогда не разумеетъ суть всей этой исторіи, а если и услышитъ что нибудь, то нетрудно ее успокоить какой-нибудь философской фразой.

Красивое лицо его побагровѣло; во взглядѣ засверзали злость и досада: онъ почти потерялъ голову.

— Кто вамъ это рассказалъ? вскричалъ онъ, задыхаясь. — Вашъ Туманскій? Скажите ему, что онъ лжетъ, что это пошлое наушничество!..

Маруся поблѣднѣла, изъ глазъ ея сверкнула такая молнія, что Арбенинъ вмигъ опомнился и опѣшилъ.

— Вы забываетесь, сказала она поблѣвшими губами; — если вы будете такъ продолжать, разговоръ нашъ конченъ.

Но Арбенинъ уже неистово цѣловалъ ея руки, которыя она съ негодованіемъ вырвала.

— Да, я забылся, но вы довели меня до этого! говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — если вы справедливы, то, вы поймете, какъ горько мнѣ было слышать такое обвиненіе!.. Ирина Матвѣевна! Бириль Андреевичъ! будьте судьями... Чѣмъ я заслужилъ то, что мнѣ сейчасъ сказала Марья Кирилловна?..

— Что такое я сказала вамъ, говорите, пожалуйста, безъ обиняковъ? Вы не хотите ждать на крестьянахъ долгъ?

— Такъ вы вѣрите этому гнусному обвиненію? возразилъ князь. Маруся стиснула руки и закусила до крови губы. Глаза ея опустились въ землю; лицо сдѣлалось мрачно, какъ грозовая туча.

— Это—недоразумѣніе, которое я могу объяснить однимъ словомъ, продолжалъ Арбенинъ.

— Ну, объясните, сказала Маруся, приподнимая голову.

— Крестьяне имѣютъ дѣло не со мной, а съ моей матерью; я тутъ непричемъ: я только слѣпой исполнитель ея воли!

— Но ваша мать дала вамъ полную довѣренность; вы можете поступать такъ, какъ сочтете за лучшее.

— То-есть вы хотите, чтобъ я злоупотреблялъ довѣріемъ моей матери? Чтобъ я ее обманывалъ? Чтобъ я лгалъ? возразилъ князь, отступая съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

— Вы мнѣ говорили, что хотите переселить крестьянъ на свой счетъ; такъ если вы имѣете на это средства, то не лучше-ли заплатить за нихъ долгъ или поручиться за нихъ передъ вашей матерью?

— Ручаться за то, въ чемъ я не увѣренъ, я считаю безчестнымъ, я считаю это воровствомъ въ отношеніи моей матери. Заплатить-же за нихъ долгъ—это значитъ поощрять крестьянъ къ незаконному удержанію за собою непринадлежащей имъ собственности. Это значитъ развивать въ нихъ безнравственность, лѣнь и склонность къ воровству!

Маруся опять бросила на него такой взглядъ негодованія, который окатилъ, какъ ушатою воды, его краснорѣчіе.

— А брать безбожные проценты съ людей, которыхъ ѣсть нечего, это—нравственно? Пользоваться ихъ невѣденіемъ и заботостью, чтобъ заставить ихъ работать на себя даромъ, это какъ называется? сказала Маруся, едва переводя дыханіе.

Князь провелъ рукою по растрепаннымъ, смоченнымъ потомъ волосамъ. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи мыши, попавшей въ мышеловку; всѣ выходы были заперты; очевидно, Маруся такъ ясно понимала дѣло, что лишала его всякой возможности вывернуться.

Тутъ, на его счастье, родители Маруси, сначала изумленные, потомъ утрашенные и встревоженные оборотомъ разговора, вступились за князя, начали останавливать Марусю и говорить безсвязныя и неидущія къ дѣлу рѣчи, которыя имѣли, однако, тотъ

результатъ, что ослабили бурное значеніе этой сцены. Между тѣмъ Арбенинъ нѣсколько оправился отъ своего пораженія и глубоко-укорененныя въ немъ воспитаніемъ самонадѣянность и свѣтское нахальство всплыли опять поверхъ всѣхъ другихъ чувствъ. Онъ въ одномъ только видѣлъ свое спасеніе: въ туманѣ трескучихъ фразъ и эффектовъ.

— Марья Кирилловна, сказалъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ, — вы говорите со мной такимъ тономъ, какого я не потерпѣлъ-бы отъ мужчины. Но вы ребенокъ, непонимающій жизни, непонимающій оскорбительнаго значенія своихъ словъ; вы — любимая мною женщина, и я могу только скорбѣть о томъ, что между нами еще не установилось полного довѣрія и пониманія.

Маруся прервала его холодно и рѣшительно.

— Мнѣ остается повторить вамъ ту просьбу, съ которой я начала, сказала она; — вельзя-ли отложить аукціонъ недѣли на двѣ?

— Приказывайте! воскликнулъ Арбенинъ, обрадовавшись ея спокойному тону; — я вамъ докажу, что нѣтъ ничего, чего-бы я не сдѣлалъ ради васъ.

— Вторая моя просьба вотъ въ чемъ, продолжала Маруся. — Я хочу заложить или продать брилліанты и вещи, которыя вы мнѣ подарили. Отшлите ихъ въ Москву къ знакомому ювелиру съ тѣмъ, чтобъ онъ скорѣе доставилъ сюда за нихъ деньги: или можно прямо доставить эти деньги вашей матушкѣ, въ уплату крестьянскаго долга.

Съ этими словами Маруся на минуту вышла и, прежде чѣмъ Арбенинъ успѣлъ опомниться, принесла и подала ему футляры съ брилліантами, золотой молитвенникъ и малахитовый прессъ-папье

Князь былъ ошеломленъ; онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ слова могли когда-нибудь перейти въ дѣло. Совсѣмъ потерявшись, онъ машинально принималъ изъ рукъ Маруси подаваемые ему вещи и не находилъ ни слова въ отвѣтъ.

Родители вполголоса ахали и водновались.

— Вы пошлете ихъ завтра въ Москву? продолжала Маруся съ той-же холодной твердостью; — вы пошлете сказать становому, чтобъ отложили аукціонъ? Да или нѣтъ?

Арбенинъ видѣлъ по ея глазамъ, что возражать опасно: онъ рѣшился не только не противурѣчить, но перейти въ другую крайность и превзойти въ гуманности саму Марусю.

— Да, я все это сдѣлаю, сказалъ онъ восторженно;—я понимаю, насколько вы выше этихъ мелочей,—онъ указалъ на брилліанты,—вы употребите ихъ на полезныя дѣла, но не на уплату этого долга!

— Какъ? спросила Маруся.

— Долгъ этотъ я беру на себя, продолжалъ Арбенинъ, наслаждаясь предполагаемымъ эффектомъ; — я одинъ буду отвѣчать за все передъ моею матерью. Я одинъ заплачу за крестьянъ.

— Но вы даете мнѣ честное слово, что продадите эти вещи и дадите до тѣхъ поръ разсрочку крестьянамъ? перебила Маруся, сдвинувъ брови.

— Оскорбляйте меня, но не сомнѣвайтесь во мнѣ! отвѣчалъ князь съ благородной грустью непонятой души:—неужели вы до сихъ поръ недостаточно узнали мой характеръ, мои стремленія? Стремленія, можетъ быть, слишкомъ идеальныя, но все таки честныя!.. Надѣюсь, что со временемъ вы отнесетесь ко мнѣ справедливѣе. До свиданія, Маріе! завтра я все улажу.

Онъ протянулъ къ ней руку; но Маруся стояла неподвижная и блѣдная, прислонившись къ столу, и не глядѣла на него. Тогда онъ взялъ ея холодную руку и вѣжно сжалъ, но не дождался отвѣтнаго пожатія.

Смущенный, боясь гнѣва Маруси и не зная, какъ надо съ нею дѣйствовать, князь счелъ за лучшее тотчасъ уйти и не раздражать ее болѣе своимъ присутствіемъ.

ХІІ.

Никогда еще Арбенину не случилось проводить такую бессонную, тревожную ночь. Онъ не могъ скрыть отъ себя, что Маруся серьезно раздражена противъ него и что его поступки и слова произвели на нее самое невыгодное впечатлѣніе. Перейдя отъ чрезмѣрной самонадѣянности къ полному смиренію и страху, онъ далъ себѣ слово загладить это дурное впечатлѣніе, исполнить волю Маруси, отославши въ Москву ея брилліанты, отсрочить уплату крестьянскаго долга на неопредѣленное время и, вѣсто аукціона, назначеннаго въ четвертъ, ознаменовать этотъ день сельскимъ праздникомъ и роскошнымъ обѣдомъ для крестьянъ. Маруся должна,

конечно, присутствовать на этомъ обѣдѣ и слышать выраженія благодарности бѣдныхъ людей. Потомъ можно еще предоставить имъ какія-нибудь льготы, чтобъ умилостивить Марусю и заставить ее переимѣнить о немъ мнѣніе. Эти проекты нѣсколько успокоивали князя, но образъ ненавистнаго Туманскаго, безпрестанно становившійся между нимъ и Марусей, не давалъ ему заснуть.

Арбенинъ всталъ въ семь часовъ и, едва дождавшись девяти, отправился къ Путивлевымъ; ему страстно хотѣлось поскорѣе увидѣть Марусю, вымолить окончательное примиреніе и увѣдомить ее о всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ.

Онъ шелъ поспѣшно по знакомой тропинкѣ, пролежавшей между кустарниками вдоль рѣки; хотя солнце скрывалось за облаками, въ воздухѣ было душно, какъ бываетъ передъ грозой; огромная синяя туча медленно шла съ запада и надвигалась все ближе. Всѣ предметы приняли какой-то неестественный цвѣтъ; деревья стояли недвижно, какъ окаменѣлыя: картина была великолѣпная, но Арбенинъ не обращалъ ни на что вниманія.

Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, на берегу рѣки, онъ услышалъ голоса, которыхъ звукъ заставилъ его вздрогнуть. Прислушавшись нѣсколько секундъ, онъ быстро пошелъ къ кустамъ, скрывавшимъ отъ него крутой сватъ рѣки, раздвинулъ вѣтви—и остолбенѣлъ.

Маруса и Туманскій хлопотали тамъ вдвоемъ около лодки, которую старались стащить съ берега и пустить на воду.

— Оставь, ты расцарапаешь себѣ руки, говорилъ Туманскій.

— Что-жъ за бѣда! Я хочу сама что-нибудь дѣлать, а не стоять, пока меня посадятъ, говорила Маруса.—Если-бъ тебя не было, я поѣхала-бы одна!

Она смѣялась, откидывая волосы назадъ, и была, очевидно, въ возбужденномъ состояніи; на щекахъ ея горѣлъ лихорадочный румянецъ. Наконецъ, лодка была сдвинута, и Маруса прыгнула въ нее, какъ птица, прямо съ того мѣста, гдѣ стояла. Туманскій послѣдовалъ за ней.

— Куда вы? закричалъ Арбенинъ не своимъ голосомъ.

Оба они оглянулись и, въ свою очередь, остолбенѣли, при видѣ его. Щеки Маруси слегка зарумянились.

— Отчаливай, шепнула она Туманскому, который тотчасъ уперся весломъ въ берегъ.

- Куда вы? постойте! кричалъ князь.
- Я хочу кататься на лодкѣ, отвѣчала Маруся.
- Это невозможно: сейчасъ будетъ гроза! возразилъ Арбенинъ.
- Въ грозу-то я и хочу кататься, чтобъ кругомъ были воды, чтобъ гудѣлъ вѣтеръ, чтобъ лодку подбрасывало! Я надѣюсь, что это будетъ весело.

Она взяла весло, поданное ей Туманскимъ, и начала править, какъ вдругъ страшный толчокъ потрясъ лодку, обрызгавъ всѣхъ водою и чуть-чуть не опрокинулъ въ рѣку. Это князь Арбенинъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ съ берега и упалъ, какъ бомба, между Марусей и Туманскимъ, цѣпляясь за бортъ накренившейся лодки. На минуту они всѣ трое смѣшались въ одну кучу и съ трудомъ сохранили равновѣсіе. Туманскій вспыхнулъ и сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ столкнуть Арбенина съ лодки, но Маруся повелительно сказала ему:

— Оставь!.. Гроби!

Князь молча усѣлся на крошечной средней лавочкѣ, придерживаясь за края лодки, сжавъ губы и дрожа отъ волненія. Туманскій и Маруся какъ-будто не видѣли его; они забрали на средину рѣки; вода начала сильно волхаться отъ вѣтра; громъ гремѣлъ глухо вдали и, съ каждымъ ударомъ, слышался явственнѣе и ближе.

Несмотря на всю неловкость своего положенія, Арбенинъ былъ все-таки доволенъ, что не допустилъ этой прогулки вдвоемъ. Желая показать, что не замѣчаетъ невниманія къ себѣ своихъ спутниковъ, онъ досталъ портъ-сигаръ, не слѣша закурилъ сигару, слегка развалился на днѣ лодки и спросилъ у Туманскаго:

- У васъ на сегодняшній день отложена стройка?
- Нѣтъ, плотники работаютъ, отвѣчалъ тотъ.
- А!.. Я думалъ, что вы всегда присутствуете при работахъ.
- Обыкновенно да.
- Такъ сегодня что-нибудь необыкновенное?..
- Да, потому что я катаюсь, такъ когда вовсе не долженъ бы былъ кататься.

На самомъ дѣлѣ Туманскій очутился тутъ, самъ не зная какъ. Поутру онъ находился возлѣ рабочихъ, когда вдругъ подошла Маруся, сказала, что хочетъ кататься, взяла его подъ руку и повела къ рѣкѣ. Онъ шелъ за ней, какъ околдованный; сердце

у него сильно билось, въ головѣ носился туманъ и сладко ему было чувствовать руку своей прежней Маруси, довѣрчиво опиравшейся на его руку. Куда-бы ни повела она его, онъ послушно пошелъ-бы всюду.

Разговоръ опять упалъ, да, впрочемъ, и некогда было разговаривать, потому что управленіе лодкой требовало полного вниманія. Туча надвинулась надъ всей поверхностью рѣки; крупныя капли дождя посыпались, какъ горохъ, вокругъ лодки; вдругъ стало темно, какъ въ сумерки; загудѣлъ вѣтеръ и поднялся вихрь, который завертѣлъ лодку. На обоихъ берегахъ съ воемъ и шумомъ поднялся прибрежный песокъ, вмѣстѣ съ сучьями, камнями, клочками травы, и густымъ столбомъ повнесся по дорогѣ.

Лодка уже нѣсколько разъ захлебывалась и сидящіе въ ней должны были цѣпляться другъ за друга, чтобъ не слетѣть въ воду.

— *Magie!*.. Марья Кирилловна! задыхаясь говорилъ князь, — держите къ берегу... Что вы дѣлаете? я вамъ говорю, держите къ берегу!

Онъ пытался вырвать руль изъ рукъ Маруси, но она смѣялась звонкимъ смѣхомъ и не давала, продолжая править въ самую средину рѣки.

— Я васъ не просила быть моимъ спутникомъ, обернулась она къ князю и глаза ея сверкнули; — мнѣ нѣтъ дѣла до васъ... *Мнѣ* хорошо и весело!

— Но я не о себѣ забочусь, а о васъ! прервалъ съ жаромъ князь: — вы не понимаете опасности!.. Послушайте, Туманскій, вы рискуете жизнью женщины: это не честно! Правьте къ берегу!

Но Туманскій глядѣлъ, улыбаясь, въ лицо Маруси и повиновался только ея волѣ. Она была похожа на сказочную русалку; глаза ея горѣли, волосы совершенно распустились и вѣтеръ взвѣивалъ ихъ, вмѣстѣ съ бѣлымъ платкомъ, стоявшимъ, какъ парусъ, вокругъ ея головы; она жадно вдыхала въ себя воздухъ большими глотками и упивалась сознаніемъ борьбы и опасности. Буря стихій успокоивала, утишала бурю ея души.

Туманскій видѣлъ, что въ эту минуту ей все нипочемъ: онъ зналъ и чувствовалъ, что дѣлаетъ глупость, слушался ее, но — даже ради спасенія ея и своей жизни, — онъ не въ силахъ-бы былъ пожертвовать ни одной изъ этихъ опяняющихъ, драгоценныхъ минутъ, которыя такъ рѣдко выпадаютъ на долю человѣка.

Наконецъ, Маруся вняла отчаяннымъ мольбамъ своего жениха и повернула къ берегу. Качка была сильная, но, несмотря на то, они скоро благополучно приблизились къ выдававшемуся песчаному мысу. Князь, не дождавшись, пока причалить, выпрыгнулъ на землю и, тотчасъ обернувшись, протянулъ обѣ руки Марусѣ, чтобъ принять ее изъ лодки. Но съ нимъ случилось то, что случается иногда во снѣ, когда хотять обнять милое видѣніе и обнимають воздухъ... Лодка, мгновенно оттолкнутая отъ берега, быстро удалилась и скоро исчезла изъ его глазъ, посреди плеска волнъ, вихря и рева вѣтра. Надо отдать справедливость Арбенину: вмѣсто того, чтобъ радоваться своей безопасности, онъ схватилъ себя за волосы и разразился страшными проклятіями...

— Остановимся здѣсь, сказала Маруся своему спутнику, когда они проплывали мимо лѣсистаго полуострова, поросшаго молодымъ березнякомъ. Гроза пронеслась дальше, громъ раздавался уже глухо и лучи солнца кидали по временамъ золотистый отблескъ изъ-за массы облаковъ, несшихся въ бурномъ безпорядкѣ вслѣдъ за уходящей тучей.

Туманскій молча причалилъ къ берегу и они вышли. Возбужденіе Маруси прошло вмѣстѣ съ грозой: она была блѣдна и казалась смертельно утомленною. Туманскій замѣтилъ, что она едва передвигаетъ ноги, и робко предложилъ ей свою руку. Они вошли въ узкую долину, полную тѣни и прохлады; густая трава доходила имъ почти до колѣнъ. Туманскій молчалъ и дрожаль: его охватило ожиданіе чего-то таинственнаго, томительнаго и знойнаго, — чего онъ самъ не могъ опредѣлить. Взглянувъ на Марусю, онъ замѣтилъ, что глаза ея влажны.

— Ты плачешь, шепнулъ онъ чуть слышно.

Вмѣсто отвѣта слезы градомъ хлынули изъ ея глазъ; она высвободила свою руку и быстро пошла впередъ, какъ-будто стыдясь своей слабости. Онъ мигомъ догналъ ее и, стараясь снова взять ея руку, проговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Что съ тобою, Маруся? Скажи мнѣ свое горе!

Она остановилась и, обернувшись, посмотрѣла ему прямо въ лицо. Губы ея поблѣднѣли и задрожали.

— Что-же ты не смѣешься надо мною? заговорила она, — что-же ты не радуешься моему успѣху?.. Вѣдь тебѣ удалось исполнить меня одурчить!..

— Мнѣ—Маруся?..

— Конечно! Ты производилъ надо мной естественно-научные опыты... Я была для тебя та бабочка или жукъ, которыхъ распластываютъ, придерживаютъ булавкой и слѣдятъ за ихъ агоніей...

Она замолчала на минуту; Туманскій хотѣлъ прервать ее, но она остановила его быстрымъ движеніемъ руки.

— Сначала ты училъ меня, продолжала она,—заботился обо мнѣ, поправлялъ мои сужденія, взгляды, потомъ нашелъ, вѣроятно, что я не довольно интересный субъектъ для этого, что игра не стоитъ свѣчъ; ты отнялъ свою руку и оставилъ меня одну, откинутую отъ берега въ середину мутной, глубокой рѣки...

Она съ трудомъ подавила рыданіе и продолжала:

— Ты любопытно и равнодушно смотрѣлъ на мои мученія, ты не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ помочь мнѣ... И когда я, измученная, обезсиленная борьбой, протянула къ тебѣ руки,—ты оттолкнулъ меня...

— Маруся!

Туманскій, вѣ себя, схватилъ ее за руки, но она вырвала ихъ и, съ дрожью въ голосѣ, сказала:

— Говорятъ, впрочемъ, что это отличное средство выучить плавать неумѣющаго: бросить его въ воду и оставить выплывать, какъ знаетъ. Можетъ быть, ты и хотѣлъ оказать мнѣ эту услугу; но я протестую противъ нея: живымъ человѣческимъ сердцемъ нельзя играть... нельзя употреблять его для опытовъ!

— Маруся, выслушай меня!.. Дай объяснить тебѣ...

Но она опять перебила его:

— А то роковое утро — помнишь, когда я пришла къ тебѣ и всю мою участь, всю мою жизнь положила къ твоимъ ногамъ... а ты отвѣчалъ мнѣ—вспомни какъ?..

— Потому что я любилъ тебя и ревновалъ, какъ безумный! проговорилъ Туманскій, вѣ себя.

— Своими собственными руками, продолжала Маруся надорваннымъ голосомъ,—ты бросилъ меня въ объятія... другого, твоими самыми руками, которыя были для меня... дорожѣ... милѣе... всего на свѣтѣ!..

— Ты любишь меня, Маруся! вырвался у него блаженный, задыхающійся крикъ. И все, что до сихъ поръ было въ немъ сдав-

лено, сковано суровымъ аскетизмомъ и строгимъ анализомъ, вся пылкость молодой страсти и пробудившейся жажды счастья—все въ немъ затрепетало, закипѣло и забило бурнымъ ключомъ. Долина, небо, цвѣты и Маруся слились для него въ одно необъятное, радужное сіяніе. Жгучая до боли радость потрясла все существо его и онъ бросился къ Марусѣ.

Страстнымъ, могучимъ объятіемъ охватили ее эти дорогія для нея руки... Она пошатнулась и закрыла глаза, какъ въ ту минуту, когда князь хотѣлъ поцѣловать ее. Потомъ медленно раскрыла ихъ, почувствовала трепетаніе горячихъ губъ на своихъ губахъ и неудержимо, порывисто отдалась отвѣтному поцѣлую любви.

Палящее солнце полудня уже стояло надъ всей природой, еще сверкавшей каплями дождя, когда Туманскій и Маруся медленно, рука объ руку, подошли къ балкону дома. Едва ступили они на крыльцо, какъ ихъ привѣтствовалъ громкій возгласъ Алевтины Михайловны, сидѣвшей, по своему обыкновенію, между двумя кустами левкоевъ.

— Прекрасно, Дмитрій Львовичъ! позвольте узнать, какую роль вы здѣсь разыгрываете: донъ-Жуана или Фоблаза? Честное слово, это преуморительно... Я отъ васъ этого не ожидала!

Она пронзительно хохотала, говоря это, но въ глазахъ ея выражалась досада, смятеніе и злоба; румянецъ то пропадалъ, то выступалъ темными пятнами на ея щекахъ. Маруся смотрѣла на нее въ недоумѣніи.

— Это во вкусъ старинныхъ романовъ, продолжала Алевтина:—похитить чужую невѣсту, столкнуть съ лодки жениха и пропадать чортъ знаетъ гдѣ!.. Вы, вѣроятно, объяснялись въ любви въ лермонтовскомъ вкусѣ?

Алевтина почти не помнила себя. Серьезный и холодный взглядъ Туманскаго отрезвилъ ее.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Туманскій.

— Дѣло въ томъ, что князь прибѣжалъ сюда, какъ съумасшедшій, и разослалъ гонцовъ за вами, отвѣчала Алевтина, тщетно стараясь попасть въ небрежно насмѣшливый тонъ.—Ирина Матвѣевна въ истерикѣ, чуть не умираетъ; Кириллъ Андреевичъ рветъ на себѣ

волосы; князь отказывается отъ Марьи Кирилловны! Однимъ словомъ, я не разберу, что это такое: водевиль или драма.

Маруся и Туманскій, не отвѣчая, вошли въ домъ. Алевтина обмахивалась платкомъ въ сильномъ волненіи и прислушивалась къ происходившему тамъ. Все это время она съ тайнымъ нетерпѣніемъ ожидала сватъбы Маруси, рассчитывая, что тогда Туманскій, потерявъ всякую надежду, будетъ нуждаться въ утѣшеніи и участіи женщины, и тутъ-то она, Алевтина, протянетъ ему руку и поведетъ за собою въ новую жизнь... Но происшедшая сцена заставляла ее теперь сильно опасаться за развязку всего этого.

Ей пришлось ждать недолго. Черезъ четверть часа послышались поспѣшные, неровные шаги и Арбенинъ, смертельно блѣдный, съ взерошенными волосами, появился на балконѣ. Устремивъ мутные глаза впередъ, ничего не видя и не замѣчая Алевтины, онъ хотѣлъ спуститься со ступеней, когда она обликнула его:

— Князь, что случилось?

— Я уѣзжаю сегодня въ Петербургъ, отвѣчалъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Алевтина поблѣднѣла, быстро подошла къ нему и взяла его за руку.

— Развѣ все кончено? прошептала она:—*они сошлись?*

Арбенинъ посмотрѣлъ на нее и понялъ по ея лицу, какъ близко касался ея этотъ вопросъ.

— Да, отвѣтилъ онъ отрывисто, и, помолчавъ немного, прибавилъ:—поѣдемте со мною въ Петербургъ!

Блѣдныя щеки Алевтины слегка зарумянились; какая-то мысль мелькнула въ ея умѣ.

— Я сама это думала, поспѣшно отвѣтила Алевтина: — мнѣ давно уже опротивѣлъ этотъ проклятый домъ и всѣ его обитатели! Ѣдемъ отсюда!

И. Лѣтневъ.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЪ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

ГЛАВА LX.

Вскорѣ послѣ этого въ Мидльмарчѣ случилось событіе, оживившее на нѣсколько дней весь городъ. Эдвинъ Ларчеръ, торгова котораго шла блистательно, купилъ себѣ близъ Риверсмона великолѣпный домъ, вслѣдствіе чего распродалъ съ аукціона всю свою мидльмарчскую движимость: мебель, книги и картины. Аукціонистомъ былъ м-ръ Бортронъ Трѣмбель.

Для мидльмарцевъ аукціонъ представлялся всегда чѣмъ-то въ видѣ праздника. Въ домѣ м-ра Ларчера, стоявшемъ на самомъ концѣ города, съ огромнымъ садомъ, что дѣлало его еще привлекательнѣе въ это время года — въ августѣ мѣсяцѣ, была устроена великолѣпная закуска, какъ на какихъ нибудь важныхъ похоронахъ; вино, которое должно было развить въ покупателяхъ щедрость и желаніе пріобрѣсти ненужныя имъ вещи, лилось рѣкой. Весь городъ стекался, обыкновенно, на аукціонъ, какъ на ярмарку; для нѣкоторыхъ онъ представлялъ всю прелесть азартной игры, такъ какъ они торговались исключительно только для того, чтобы набивать цѣну на совершенно ненужныя имъ вещи.

На второй день, когда была назначена распродажа мебели, отъ публики не было отбою; мидльмарчскія леди расположились на стульяхъ вокругъ стола, на которомъ помѣстился м-ръ Бортронъ

Трембель съ своимъ молоткомъ. Мужчины толпились вокругъ стола.

Одного только м-ра Бюльстрода не было на аукціонѣ: онъ не выносилъ тѣсноты и духоты. Но м-съ Бюльстродъ хотѣлось пріобрѣсти картину „Ужинъ въ Эммаусѣ“, которая значилась по каталогу произведеніемъ Гвидо. Поэтому наканунѣ аукціона м-ръ Бюльстродъ зашелъ въ редакцію „Піонера“ (теперь онъ былъ однимъ изъ собственниковъ этой газеты), и попросилъ м-ра Владислава, какъ знатока въ живописи, сдѣлать ему великое одолженіе посмотрѣть картину, которую желала пріобрѣсти его жена, — „если только, прибавилъ вѣжливый банкиръ, — присутствіе на аукціонѣ не помѣшаетъ вашимъ сборамъ въ дорогу“.

Виль отвѣчалъ, что онъ нашелъ нужнымъ отложить на нѣкоторое время свой отъѣздъ и съ удовольствіемъ пойдетъ на аукціонъ. Онъ былъ въ самомъ вызывающемъ настроеніи духа отъ сознанія, что всякій встрѣчный и поперечный въ правѣ смотрѣть на него, какъ на человѣка низкаго, отъ происковъ котораго слѣдуетъ ограждать людей такими энергическими мѣрами, какъ лишеніе состоянія. Поэтому онъ съ наслажденіемъ ухватился за возможность побравировать передъ миддльмарчской публикой, смотрѣвшей на него, какъ на авторитетъ. Онъ сталъ на самое видное мѣсто, около аукціониста, засунувъ руки въ карманы и откинувъ голову назадъ, не удостоивая никого разговоромъ, не смотря на то, что м-ръ Трембель очень любезно привѣтствовалъ его, какъ знатока.

М-ръ Трембель былъ въ эту минуту самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ; онъ находился въ своей тарелкѣ, потѣшая публику остротами, которыя болѣе всего смѣшили его самого и удивляя ее своими энциклопедическими познаніями. Ему-бы хотѣлось, чтобы вся вселенная находилась подъ его молоткомъ, такъ глубоко былъ онъ убѣжденъ, что его рекомендація возвысила-бы ей цѣну. Пока-же ему приходилось довольствоваться мебелью гостиной м-съ Ларчеръ.

Въ ту минуту, какъ Виль Владиславъ вошелъ, аукціонистъ выставлялъ на видъ необыкновенныя достоинства каминной рѣшотки. Онъ былъ необыкновенно справедливъ въ своихъ похвалахъ, расточая ихъ въ наибольшемъ количествѣ тѣмъ вещамъ,

которыя всего болѣе въ нихъ нуждались. Рѣшотка была изъ полированной стали съ острымъ ободкомъ.

— Леди, вскрикивалъ аукціонистъ, — я обращаюсь къ вамъ. Эту рѣшотку не на всякомъ аукціонѣ рѣшились-бы предлагать, потому что она по своему стилю не можетъ понравиться людямъ съ обыкновеннымъ вкусомъ. Но позвольте предупредить васъ, что скоро этотъ стиль снова войдетъ въ моду... полкроны, говорите вы? Благодарю васъ... полкроны за каминную рѣшотку въ античномъ стилѣ, и этотъ стиль въ большомъ ходу у аристократіи. Три шиллинга... три и шесть пенсовъ... Джозефъ, держите ее хорошенько. Полюбуйтесь, леди, на строгость рисунка. Это работа прошлаго столѣтія, нѣтъ сомнѣнія. Четыре шиллинга, м-ръ Моисей? Четыре шиллинга.

— Я-бы не поставила такую рѣшотку въ свою гостиную, замѣтила м-съ Моисей громко, въ предостереженіе черезъ чуръ увлекающемуся мужу. — Удивляюсь м-съ Ларчеръ. Стоитъ ребенку наткнуться на рѣшотку, онъ себѣ раскроитъ голову. У нея ободокъ остеръ, какъ ножъ.

— Совершенно вѣрно, подхватилъ м-ръ Трембель, — и какъ полезно имѣть подъ рукой такую рѣшотку; вамъ понадобится обрѣзать какую-нибудь тесемочку, какой-нибудь снурочекъ, а ножа нѣтъ подъ рукой. Сколько людей умирало въ петлѣ, потому что не находилось подъ рукой ножа, чтобы обрѣзать веревку. Дженгельмены, вотъ рѣшотка, которая подрѣжетъ вамъ веревку въ одну секунду, если вы будете имѣть несчастье повѣситься... четыре шиллинга и шесть пенсовъ... пять шиллинговъ, пять и шесть пенсовъ... какая удобная вещь для спальни, въ которой у васъ поимѣтился гость не совсѣмъ въ здоровомъ умѣ... шесть шиллинговъ... благодарю васъ, м-ръ Клинтонъ... шесть шиллинговъ, кто больше... никто!

Глаза аукціониста, бѣгавшіе во всѣ стороны, опустились на бумагу передъ нимъ и онъ произнесъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ: — За м-ромъ Клинтономъ. Проворнѣе, Джозефъ.

Джозефъ внесъ поднось съ мелкими вещами.

— Ну, леди, началъ м-ръ Трембель, взявъ въ руки одну изъ вещицъ, — этотъ поднось представляетъ собою по истинѣ дорогое приобрѣтеніе... тутъ цѣлая коллекція бездѣлушекъ для украшенія стола въ гостиной... Джозефъ, обнесите поднось, пусть леди осмотрятъ

эти вещицы. Взгляните сюда, какая остроумная штука, можно сказать, ребусъ въ лицахъ. Посмотрите вотъ такъ: вы видите передъ собою изящную коробочку сердечкомъ, которую можно носить въ карманѣ; поверните: у васъ выходитъ великолѣпный мохровый цвѣтокъ, который украситъ любой столъ; встряхните его, и вы получите сборникъ загадокъ! 500 загадокъ, отпечатанныхъ яркимъ красивымъ шрифтомъ. Джентельмены, если-бы я былъ человекомъ менѣе совѣстливый, я-бы пожелалъ, чтобы вы предложили самую низкую цѣну за эту коллекцію... мнѣ-бы хотѣлось оставить ее за собою. Остроумныя загадки! Да, что можетъ болѣе способствовать невинному веселью, можно даже сказать, добродѣтели. Онѣ удерживаютъ отъ вольныхъ рѣчей и привязываютъ мужчину къ обществу образованныхъ женщинъ. Да, если-бы даже въ этой коллекціи не было еще изящнаго домино, корзиночки для визитныхъ карточекъ и пр. и пр. такъ уже изъ-за одной этой остроумной вещицы за нее можно было-бы дать высокую цѣну. Вѣдь съ этой вещицей въ карманѣ вы будете желаннымъ гостемъ во всякомъ обществѣ. Четыре шиллинга, сэръ? четыре шиллинга за эту замѣчательную коллекцію загадокъ и пр., четыре шиллинга шесть пенсовъ... пять шиллинговъ.

Цѣна на коллекцію все росла и росла, въ торги вмѣшался м-ръ Бойеръ исключительно съ цѣлью набить цѣну, которая дѣйствительно возрасла до гинеи. Коллекція осталась за м-ромъ Спилкинсомъ, молодымъ щеголемъ, очень щедрымъ на карманные деньги и лишеннымъ всякой способности отгадывать загадки.

— Послушайте, Трембель, вѣдь это просто подло... вы сбываете хламъ какой-то старой дѣвы... проворчалъ Толлеръ, протиснувшись къ аукціонисту.—Мнѣ некогда долго оставаться, а я пришелъ для картинъ.

— Сейчасъ, м-ръ Толлеръ. Это было дѣло благотворительности, которому ваше благородное сердце не можетъ не сочувствовать. Джозефъ! проворчѣе картины. Номеръ 235. Теперь, джентельмены знатоки, начинается вашъ праздникъ. Вотъ картина, изображающая герцога Веллингтона, окруженнаго своимъ штабомъ на ватерлооскомъ полѣ; событія послѣдняго времени набросили, правда, нѣкоторую тѣнь на нашего великаго героя, но тѣмъ не менѣе я беру на себя смѣлость сказать, что умъ человѣческій не въ состояніи былъ-бы выбрать болѣе прекраснаго сюжета

изъ современной намъ исторіи: для ангельскихъ умовъ это, можетъ быть, и возможно, но не для человѣческихъ, господа, не для человѣческихъ.

— Чья эта картина? спросилъ м-ръ Поудерель, видимо заинтересованный.

— Имя живописца неизвѣстно, процѣдилъ Трембель сквозь зубы и окинулъ толпу испытующимъ взглядомъ.

— Предлагаю фунтъ! вскричалъ м-ръ Поудерель, взволнованнымъ тономъ человѣка рѣшающагося идти на проломъ. Изъ страха или изъ состраданія никто не надбавилъ больше.

Затѣмъ были принесены двѣ гравюры фламандской школы, которыхъ добивался м-ръ Толлеръ и, купивъ, ушелъ; потомъ еще гравюры и картины, которыя раскупила мидльмарчская аристократія, специально ради нихъ и пріѣхавшая на аукціонъ. Въ залѣ стало замѣтно болѣе оживленное движеніе; публика, купившая, что ей было нужно, уходила; взамѣнъ уходившихъ появлялись новыя лица, многіе ходили закусьвать подъ навѣсъ на лугу и возвращались обратно. М-ръ Бембриджъ, желавшій купить этотъ навѣсъ, ходилъ подъ него чаще всѣхъ, вѣроятно, для болѣе близкаго ознакомленія съ своимъ будущимъ пріобрѣтеніемъ. Возвращаясь послѣ одной изъ такихъ прогулокъ, онъ привелъ съ собою господина въ черномъ, сильно поношенномъ сюртукѣ, котораго ни м-ръ Трембель, ни даже никто изъ присутствовавшихъ въ залѣ не зналъ въ лицо. Огромныя бакенбарды, самодовольный видъ и размашистая походка этого господина невольно бросались въ глаза.

— Бого это вы привели, Бэмъ? спросилъ м-ръ Горрокъ.

— А я почему знаю, отвѣчалъ Бембриджъ. — Говорить, что шелъ мимо.

М-ръ Горрокъ устремилъ пристальный взглядъ на незнакомца, державшаго въ одной рукѣ трость, а другой ковырявшаго въ зубахъ зубочисткой; на лицѣ его выражалось смущеніе.

Наконецъ, къ величайшей радости Виля, котораго такъ утомила вся эта процедура, что онъ отошелъ въ уголь и прислонился къ стѣнѣ, очередь дошла до ужина въ Эммаусѣ. Виль подошелъ ближе и глаза его встрѣтились съ глазами незнакомца, пристально на него устремленными. Это удивило его, но м-ръ Трембель обратился къ нему въ эту самую минуту:

— Да, м-ръ Владиславъ, да, затрещалъ онъ,—это должно васъ интересовать, какъ знатока. Пріятно, продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ, — пріятно имѣть возможность показать избранному обществу леди и джентельменовъ такую картину; за такую картину заплатить груды золота всякій, чьи средства соотвѣтствуютъ его познаніямъ въ живописи. Эта картина итальянской школы, произведеніе знаменитаго *Гвйдо*, величайшаго живописца въ мірѣ, главы старыхъ мастеровъ, какъ ихъ называютъ, потому что они знали такія вещи, которыя даже и теперь недоступны массѣ. Позвольте сказать вамъ, джентельмены, я видалъ много картинъ старыхъ мастеровъ, но немногія могутъ сравниться съ этой; нѣкоторыя изъ нихъ такъ темны, что не понравились-бы вамъ, у другихъ совершенно незнакомы намъ сюжеты. Но это *Гвйдо*... одна рама стоитъ десятки фунтовъ!.. картина эта скраситъ любую гостиную. А какъ-бы она пошла для столовой какого-нибудь благотворительнаго заведенія, если бы кто-нибудь изъ господъ членовъ благотворительнаго комитета пожелалъ показать свою щедрость. Повернуть немножко, сэръ? извольте. Джозефъ, поверните картину къ м-ру Владиславу... м-ръ Владиславъ бывалъ за границей, онъ понимаетъ цѣну такимъ вещамъ.

Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на минуту на Вила, который произнесъ холодно:

— Пять фунтовъ.

— Ахъ! м-ръ Владиславъ, заговорилъ аукціонистъ укоризненнымъ тономъ,—да одна рама больше стоитъ, леди и джентельмены, будьте щедры ради чести города! Представьте себѣ, что со временемъ откроется, что въ нашемъ городѣ находился такой перлъ искусства и никто изъ мидльмарчцевъ не сумѣлъ оцѣнить его... пять, гиней... пять шиллинговъ... десять. Надбавляйте, леди, надбавляйте! Это перлъ, а... сколько перловъ, говоритъ поэтъ, расходятся по ничтожной цѣнѣ, потому что публика не умѣетъ цѣнить ихъ, потому что ихъ предлагаютъ публикѣ... я чуть не сказалъ: съ неразвитымъ эстетическимъ чувствомъ, но нѣтъ! шесть фунтовъ... шесть гиней... первоклассный *Гвйдо* за шесть гиней, это оскорбленіе религіи, леди, можемъ ли мы, какъ христіане, джентельмены, допустить, чтобы такой сю-

жетъ сошелъ за такую низкую цѣну... шесть фунтовъ десять шиллинговъ...

Торги шли очень оживленно, Виль продолжалъ принимать въ нихъ участіе, рѣшившись не отставать до двѣнадцати фунтовъ, такъ какъ м-съ Бюльстродъ сильно хотѣлось приобрести эту картину. Она досталась ему за десять гиней и онъ немедленно удалился. Выйдя изъ залы, онъ зашелъ подъ навѣсъ выпить воды; подъ навѣсомъ никого не было; не успѣли ему подать стаганъ, какъ туда вошелъ, къ великой досадѣ Вилия, незнакомецъ, такъ пристально смотрѣвшій на него въ залѣ. Вилію пришло на мысль, что это одинъ изъ тѣхъ политикановъ-паразитовъ, которые нерѣдко навязывались къ нему на знакомство послѣ рѣчей произнесенныхъ имъ по поводу билиа о реформѣ, и что этому барину желательно выманить у него шиллингъ сообщеніемъ какой-нибудь новости. Такая догадка не могла никакъ расположить его въ пользу незнакомца и онъ отвернулся отъ него. Но Рафль, — это былъ онъ, — ни мало не смутился этимъ. Онъ подошелъ къ Вилію и спросилъ его:

— Извините, м-ръ Владиславъ... позвольте спросить, имя вашей матушки — Сара Дюнكيرъ?

Виль вскочилъ со скамьи, на которую присѣлъ, въ ожиданіи воды, и, бросивъ на незнакомца вызывающій взглядъ, спросилъ:

— Да, сэръ. А вамъ какое до этого дѣло?

Рафль вовсе не желалъ затѣвать ссоры. Владиславъ, несмотря на свою женственную наружность, походилъ въ эту минуту на тигренка, готоваго вспрыгнуть на него. При такихъ обстоятельствахъ м-ръ Рафль никогда не дразнилъ своихъ собесѣдниковъ.

— Извините меня, сэръ, пожалуйста, извините! Я зналъ вашу матушку, когда она была еще не замужемъ. Но вы похожи на отца, сэръ. Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться и съ вашимъ отцомъ. Родители ваши живы, м-ръ Владиславъ?

— Нѣтъ! прогрѣлъ Владиславъ, не перемѣняя позы.

— Почту за счастье оказать вамъ услугу, м-ръ Владиславъ! До пріятнаго свиданія.

Приподнявъ шляпу, Рафль сдѣлалъ свое обыкновенно антраша ногою и вышелъ.

Виль проводилъ его глазами и увидѣлъ, что онъ не во-

шелъ обратно въ залу. Въ первую минуту Вилю стало досадно, что онъ не разговаривался съ этимъ человѣкомъ, но нѣтъ, рѣшилъ онъ, лучше ничего не знать, чѣмъ почерпнуть свѣденія изъ такого источника.

Однако, въ тотъ-же вечеръ Рафль нагналъ его на улицѣ, онъ, повидимому, забылъ его неучтивость или хотѣлъ наказать его снисходительнымъ прощеніемъ и потому привѣтливо раскланялся съ нимъ и пошелъ рядомъ, рассказывая, какъ ему нравится ихъ городъ. Вилю показалось, что его собесѣдникъ пьянъ, и онъ уже соображалъ, какъ-бы отъ него избавиться, какъ вдругъ Рафль сказалъ:

— Я самъ бывалъ за границей, м-ръ Владиславъ, видалъ людей, говорю немножко по французски. Съ отцемъ вашимъ я встрѣтился въ Булони, вы поразительно похожи на него: ротъ, носъ, глаза, волосы, зачесанные назадъ, точь въ точь какъ у него—нѣсколько на иностранный ладъ—Джонъ Буль этого не долюбиваетъ. Но вашъ отецъ былъ очень боленъ, когда я его видѣлъ; руки у него были совсѣмъ прозрачныя. Вы тогда еще были совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ. Поправился онъ?

— Нѣтъ.

— Такъ. Меня сильно интересовала судьба вашей матушки. Она убѣжала отъ своей родни совсѣмъ молоденькой дѣвушкой; гордая она была дѣвушка, и красивая, чортъ возьми. Я знаю, почему она убѣжала, добавилъ онъ подмигивая.

— Вы не можете знать ничего, что-бы клонилось къ ея безчестию, сэръ, вскричалъ Виль запальчиво.

— Безъ сомнѣнія! Напротивъ, она была чересчуръ честна, совсѣмъ не то, что ея родня.

И Рафль снова подмигнулъ.

— Вѣдь я ихъ очень хорошо зналъ... Они занимались самою почтенною отраслью воровскаго промысла... у нихъ былъ родъ ломбарда, все велось на широкую ногу, барыши были вѣрные, безъ обмана. Сара этого и не подозрѣвала; она только что окончила курсъ въ первоклассномъ пансіонѣ; любой лордъ женился-бы на ней. Но Арчи Денкантъ все ей рассказалъ, съ досады, что она не хотѣла съ нимъ знаться. Оттого она и убѣжала... А вотъ и „Синій Быкъ.“ Не зайти-ли намъ выпить по стаканчику? а, какъ вы думаете, м-ръ Владиславъ?

— Нѣтъ, мнѣ некогда, отвѣчалъ Виль, завертывая въ перулокъ, который велъ къ Ловикскимъ воротамъ, и пускаясь почти бѣгомъ, чтобы избавиться отъ Рафля. Онъ зашелъ слишкомъ далеко отъ города по ловикской дорогѣ, радуясь окружавшей его темнотѣ. Ему казалось, что его закидали грязью и нахально надъ нимъ наглумились. Слова незнакомца подтверждались тѣмъ фактомъ, что мать его ни за что не хотѣла открыть ему, почему она убѣжала изъ своей семьи.

Ну, что-же! Если даже предположить, что все, что онъ слышалъ объ этой семьѣ, правда, такъ развѣ онъ, Виль Владиславъ, сталъ отъ этого хуже. Мать его обрекла себя на бѣдность, чтобы только не жить съ этой семьей. Но если-бы родня Доротеи, если-бы Читамы знали объ этой исторіи, она-бы утвердила ихъ въ ихъ подозрѣніяхъ, послужила-бы имъ удобнымъ предлогомъ признать его недостойнымъ ея. Но пусть они подозреваютъ, что хотятъ, они ошибутся; они увидятъ, что въ его жилахъ течетъ такая-же незапятнанная кровь, какъ и въ ихъ.

ГЛАВА LXI.

Въ тотъ-же вечеръ, когда м-ръ Бюльстродъ, издившій по дѣламъ въ Брассингъ, вернулся домой, жена вышла его встрѣтить въ переднюю и увела въ кабинетъ.

— Николась, сказала она, съ безпокойствомъ устремляя на него свои честные глаза.—Безъ тебя приходилъ сюда какой-то ужасно непріятный господинъ; онъ спрашивалъ тебя. Меня это очень встревожило.

— Каковъ онъ съ виду, моя милая? спросилъ Бюльстродъ, предугадывая съ замираніемъ сердца отвѣтъ.

— Багровое лицо, огромныя бакенбарды и ужасно нахальные манеры. Онъ сказалъ, что онъ твой старинный другъ и что ты, вѣроятно, будешь очень жалѣть, что онъ не засталъ тебя. Онъ хотѣлъ дожидаться тебя здѣсь, но я ему сказала, чтобы онъ лучше зашелъ къ тебѣ завтра утромъ въ банкъ. Онъ держалъ себя ужасно нахально, глядѣлъ мнѣ прямо въ лицо и сказалъ, что его другу, Нику, везетъ на женъ. Онъ-бы ни за что не ушелъ, если-бы Блюхеръ въ это время не сорвался съ цѣпи, я была

въ саду и сказала ему:—уходите лучше, эта собака ужасно злая и не слушаетъ меня. Неужели ты съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, знакомишь?

— Я догадываюсь, кто это, моя милая, отвѣчалъ м-ръ Бюльстродъ своимъ обыкновеннымъ тихимъ голосомъ;—это одинъ несчастный, спившійся гуляка, которому я когда-то помогаль. Онъ не будетъ тебя болѣе беспокоить, вѣроятно, онъ придетъ ко мнѣ въ банкъ за пособіемъ.

Разговоръ на этомъ и кончился. На другой день м-ръ Бюльстродъ, вернувшись изъ города, переодѣвался къ обѣду. Жена, не зная навѣрное, дома-ли онъ, заглянула въ его уборную и увидала, что онъ стоитъ безъ куртки и галстука, прислонившись къ комоду. При входѣ ея, онъ вздрогнулъ.

— Какой у тебя нездоровый видъ, Николасъ. Что съ тобой?

— Голова страшно болитъ, отвѣчалъ м-ръ Бюльстродъ. Онъ такъ часто хвораль, что жена вполнѣ повѣрила ему.

— Такъ садись, я тебѣ сдѣлаю примочку изъ уксуса.

Въ физическомъ отношеніи м-ръ Бюльстродъ не нуждался ни въ какой помощи; но въ нравственномъ нѣжная заботливость жены была весьма кстати, она произвела на него самое благотворное дѣйствіе. Обыкновенно онъ принималъ такія заявленія привязанности очень холодно, какъ нѣчто должное. Но въ этотъ разъ, когда она стала хлопотать около него, онъ сказалъ ей: „Какъ ты добра, Гарриэтъ“, и сказалъ это такимъ тономъ, который поразилъ ее своею новизной. Ей сейчасъ пришло на мысль, что онъ серьезно расхварывается.

— У тебя была какая-нибудь непріятность сегодня? спросила она.—Заходилъ къ тебѣ въ банкъ вчерашній посѣтитель?

— Да. Это именно тотъ человекъ, о которомъ я тебѣ говорилъ. Изъ него могла выйти очень порядочная личность, но онъ спился.

— Что-же, онъ совсѣмъ уѣхаль или нѣтъ? спросила м-съ Бюльстродъ съ безпокойствомъ и чуть не прибавила: „ужасно было непріятно слышать, что онъ называль себя твоимъ другомъ“, но удержалась: ей не захотѣлось въ эту минуту высказывать свое затаенное убѣжденіе, что въ молодости мужъ ея водилъ знакомства съ людьми, которыхъ-бы она не пожелала видѣть въ своей гостиной. Впрочемъ, это убѣжденіе не основывалось ни

на какихъ положительныхъ данныхъ. Ей было очень мало извѣстно объ его прежней жизни. Она знала только, что онъ сперва служилъ гдѣ-то въ банкѣ, потомъ самъ принималъ участіе въ какомъ-то коммерческомъ предпріятіи, въ тридцать лѣтъ съ небольшимъ приобрѣлъ себѣ состояніе и женился въ первый разъ на вдовѣ-диссентерѣ, гораздо старше его годами. Болѣе она ничего не знала объ его прошломъ. Она считала его превосходнымъ человѣкомъ, набожность котораго дѣлала ему тѣмъ болѣе чести, что онъ не принадлежалъ къ духовному званію; она со знавала, что подъ его вліяніемъ приобрѣла серьезный складъ ума и обязана ему тѣмъ положеніемъ, которое занимала въ обществѣ. Но ей казалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что и м-ръ Бюльстродъ выигралъ во всѣхъ отношеніяхъ, женившись на ней, Гарриэтъ Винци, принадлежавшей къ одной изъ самыхъ почтенныхъ миддлмарчскихъ фамилій.

М-ръ Бюльстродъ до извѣстной степени боялся своей жены, въ которой привитое имъ благочестіе соединялось съ прирожденнымъ тщеславіемъ. Потеря ея уваженія была-бы смертельнымъ ударомъ для него. На вопросъ ея: „Что-же, онъ совсѣмъ уѣхалъ или нѣтъ?“ онъ отвѣчалъ самымъ безучастнымъ, повидимому, тономъ:

— Да, я полагаю.

Но, на самомъ дѣлѣ, онъ далеко не былъ въ этомъ увѣренъ. Рафль показалъ ему въ это утро, что страсть мучить людей въ немъ почти также сильна, какъ страсть къ деньгамъ. Онъ откровенно сообщилъ, что заѣхалъ въ Миддлмарчъ нарочно, чтобъ посмотреть, не удобно-ли ему будетъ тамъ поселиться. Долги его, говорилъ онъ, оказались значительнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, но онъ все-таки не истратилъ еще всѣхъ 200 фунтовъ, такъ что пока съ него будетъ довольно какихъ-нибудь 25 фунтовъ. Пріѣхалъ онъ главнымъ образомъ для того, чтобы повидаться съ своимъ другомъ, Никомъ, и его семействомъ и собрать точныя справки на счетъ матеріальнаго положенія человѣка, къ которому такъ искренно привязанъ. Какъ нибудь онъ пріѣдетъ погостить подольше. Но на этотъ разъ онъ не желаетъ, чтобы ему указывали дверь, и ни за что не уѣдетъ изъ Миддлмарча, если м-ръ Бюльстродъ вздумаетъ настаивать на этомъ. Завтра онъ, можетъ быть, уѣдетъ въ дилижансѣ, да и то не навѣрное.

Бюльстродъ былъ въ отчаяніи. Всякія обѣщанія и угрозы были безсильны. Онъ былъ убѣжденъ, что если провидѣнію не угодно будетъ наслать смерть на Рафля, то онъ навѣрное вернется въ Миддльмарчъ въ самое скорое время. И эта увѣренность леденила его сердце ужасомъ.

Ему грозило не уголовное наказаніе и не раззореніе, а разоблаченіе передъ свѣтомъ и женою такихъ фактовъ его прошлой жизни, которые возбуждаютъ въ нему всеобщее презрѣніе, сдѣлаютъ его позоромъ религіи, съ которой онъ такъ искренно отождествлялъ себя. Въ перепуганномъ воображеніи его денно и ночью проносились картины его прошлой жизни. Онъ снова видѣлъ себя молодымъ, красивымъ и способнымъ клеркомъ при одной банкирской конторѣ, вліятельнымъ, несмотря на свою молодость, членомъ кальвинистской диссентерской церкви въ Гайбюри, братомъ Бюльстродомъ, — какъ его называли на религіозныхъ митингахъ, — проповѣдующимъ въ публичныхъ собраніяхъ и частныхъ домахъ, мечтающимъ о духовномъ званіи и миссіонерской дѣятельности. Это было самое счастливое время его жизни; ему-бы хотѣлось начать жить снова съ этого времени. Кружокъ, среди котораго пользовался вліяніемъ братъ Бюльстродъ, былъ не великъ, но за то состоялъ изъ людей близкихъ къ нему; вліяніе его обнимало тѣсную сферу, но оно было весьма сильное. Онъ вѣрилъ, что въ немъ дѣйствуетъ благодать, и что Богъ предназначаетъ его орудіемъ своего промысла.

Затѣмъ наступила переходная пора, бѣдный сирота, обучающийся въ благотворительной школѣ, былъ приглашенъ въ гости къ м-ру Дюнкирку, богатѣйшему члену конгрегациі. Съ какою гордостью отправился онъ въ его роскошную виллу. Вскорѣ онъ сдѣлался тамъ домашнимъ человѣкомъ, понравившись м-съ Дюнкиркъ своею набожностью, а м-ру Дюнкиркъ, разбогатѣвшему отъ выгоднаго коммерческаго предпріятія, своими дѣловыми способностями. Передъ честолюбіемъ его открылась новая дорога, онъ сталъ находить, что для болѣе успѣшнаго выполненія призванія, возложеннаго на него промысломъ, ему слѣдуетъ создать себѣ матеріальное благосостояніе.

Обстоятельства благоприятствовали этому новому направленію его мыслей: младшій компаньонъ фирмы Дюнкиркъ умеръ и глава фирмы выбралъ на его мѣсто Бюльстрода. У м-ра Дюнкирка

быль ломбардъ, приносившій громадныя барыши; присмотрѣвшись къ дѣлу, Бюльстродъ замѣтилъ, что крупная цифра барышей образовывалась, благодаря той легкости, съ которою принимались всякія вещи безъ разбора, каковъ-бы ни былъ ихъ источникъ. Но дѣло велось на такую широкую ногу, было окружено такимъ блескомъ, что никому-бы и въ голову не пришло заподозрить тутъ какую-нибудь фальшь. Бюльстродъ вспомнилъ свои колебанія, свои сомнѣнія, разрѣшившіяся софизмами. Онъ пристраивался къ предпріятію уже старому, пустившему корни, не онъ начиналъ его. „Ты знаешь, Господи, обращался мысленно къ Богу молодой Бюльстродъ по поводу своихъ сомнѣній, — ты знаешь, что душа моя не лежитъ къ этимъ суетнымъ благамъ, что я смотрю на нихъ только, какъ на средство прославить имя твое“. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній прошлаго, Бюльстродъ чувствовалъ надъ собой и теперь силу этихъ мотивовъ; онъ такъ сросся съ ними, что и теперь вѣрилъ, что дѣлалъ все ради славы божіей, а не ради себя лично. А все-таки, если-бы онъ могъ вернуться опять къ этому времени своей жизни, онъ-бы выбралъ себѣ теперь миссіонерскую дѣятельность.

Въ роскошной видлѣ м-ра Дюнкирка жилось далеко не весело. Единственная дочь его убѣжала отъ родителей и поступила на сцену; вскорѣ умеръ и единственный сынъ, а за нимъ и самъ м-ръ Дюнкиркъ. Жена его, простодушная, набожная женщина, и не подозрѣвавшая объ источникѣ окружавшей ее роскоши, вѣрила въ Бюльстрода и благоговѣла передъ нимъ. Понятно, что между ними скоро рѣчь зашла о бракѣ. Но м-съ Дюнкиркъ сильно тосковала по дочери; извѣстно было, что она вышла замужъ, но послѣ того она какъ въ воду канула. Мать ея, потерявъ сына, особенно страстно желала отыскать дочь, въ надеждѣ, что она ей дала уже внука. Она отказалась выйти замужъ, пока не разыщетъ дочь. Бюльстродъ вызвался помогать ей въ розыскахъ, но всѣ розыски оказались тщетными и м-съ Дюнкиркъ согласилась, наконецъ, выйти за него замужъ съ предоставленіемъ всего ея имущества въ его полное распоряженіе.

А между тѣмъ дочь ея была отыскана; но объ этомъ зналъ, кромѣ Бюльстрода, только одинъ человекъ въ мірѣ и этому человеку было заплочено за то, чтобы онъ молчалъ и убирался куда нибудь подальше.

Когда теперь въ памяти Бюльстрода возсталъ этотъ фактъ во всей наготѣ, рядомъ съ нимъ возстали и мотивы, которыми онъ оправдалъ его тогда, да готовъ былъ оправдать и теперь. Провидѣніе видимо вело его своими неисповѣдимыми путями къ обладанію громаднымъ богатствомъ, чтобы это богатство шло на прославленіе имени Господня. Удовлетворилъ-ли-бы онъ цѣлямъ провидѣнія, удѣливъ большую часть этого богатства молодой женщинѣ и мужу ея, которые-бы легкомысленнымъ образомъ растратили его. Бюльстродъ принялся за розыски дочери и-съ Дюн-киркъ безъ предвзятаго намѣренія не розыскать ее. Но когда розыски увѣнчались успѣхомъ, онъ скрылъ отъ матери существованіе дочери, и постарался поселить въ ея умѣ убѣжденіе, что, по всей вѣроятности, ея дочь умерла.

Находили на Бюльстрода минуты, когда онъ сознавалъ, что сдѣлалъ безчестный поступокъ, по возврата уже не было. Онъ успокаивалъ себя молитвой, самоуниженіемъ и продолжалъ выполнять будто-бы возложенное на него призваніе. Черезъ пять лѣтъ жена его умерла, онъ мало-по-малу извлекъ свой капиталъ изъ предпріятія, положившаго ему основаніе, и сдѣлался провинціальнымъ банкиромъ, лицомъ вліятельнымъ и почетнымъ, филантропомъ, всѣхъ поражающимъ своимъ благочестіемъ. И вдругъ теперь черезъ тридцать лѣтъ, прошлое возстаетъ передъ нимъ страшнымъ судьбою.

Но въ разговорѣ съ Рафлемъ онъ узналъ нѣчто, подававшее ему надежду на спасеніе не только въ загробной, но и въ этой жизни. Спасеніе души было въ немъ внутреннею потребностью. Бюльстродъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ грубыхъ лицемѣровъ, которые исповѣдываютъ извѣстные вѣрованія для обмороженія окружающихъ. Онъ былъ просто человекомъ, въ которомъ личныя эгоистическія побужденія оказались сильнѣе теоретическихъ вѣрованій и который счумѣлъ убѣдить себя въ томъ, что удовлетвореніе этихъ побужденій совмѣстимо съ этими вѣрованіями. Если онъ обманывалъ кого нибудь, то обманывалъ прежде всѣхъ самого себя и обманывалъ совершенно искренно.

Онъ былъ убѣжденъ, что служеніе дѣлу религіи составляетъ побудительный мотивъ всѣхъ его поступковъ. На этотъ мотивъ опирался онъ въ своихъ молитвахъ. Кто могъ лучше его употребить свое состояніе и значеніе въ обществѣ на прославленіе

имени Господня. Въ умѣ м-ра Бюльстрода прославленіе имени Господня шло совершенно въ разрѣзъ съ его собственною нравственною личностію; оно требовало гоненія враговъ религіи, пресѣченія имъ возможности наживать себѣ состоянія, приобретать вліятельныя положенія.

Но каковы-бы ни были теоретическія убѣжденія человѣка, у него непремѣнно есть свой нравственный идеаль, къ которому онъ стремится болѣе или менѣе успѣшно. Нравственнымъ идеаломъ Бюльстрода было служеніе Богу: „Я грѣшникъ, я червь, я недостойный сосудъ, но Ты, Господи, можешь освятить его, предназначивъ на служеніе Тебѣ“, — вотъ формы, въ которыхъ выливались его честолюбивыя стремленія къ вліянію и первенству. И вдругъ въ настоящую минуту этому освященному сосуду грозила опасность быть разбитымъ въ дребезги.

Что, если поступки, съ которыми онъ счумѣлъ примирить свою совѣсть, убѣдивъ себя, что они способствовали прославленію религіи, послужать, напротивъ, къ униженію ея? Вѣдь въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть извергнутъ изъ храма, какъ принесшій нечистую жертву.

До сихъ поръ онъ изливалъ свое покаяніе въ однѣхъ молитвахъ. Но послѣ того, что онъ узналъ отъ Рафля, это покаяніе явилось передъ нимъ въ формѣ болѣе ослзательной. Отъ него требовалось матеріальное вознагражденіе за причиненное имъ зло и онъ рѣшился, послѣ мучительной борьбы съ самимъ собою, дать это вознагражденіе, въ надеждѣ, что Богъ спасетъ его отъ послѣдствій его дурныхъ поступковъ, если онъ сдѣлаетъ доброе дѣло.

Онъ видѣлъ, какъ Рафль сѣлъ въ дилижансъ, и это было ему минутнымъ облегченіемъ. Вернувшись домой, онъ написалъ письмо къ Вилю Владиславу, прося его къ себѣ въ 9 часовъ вечера.

Приглашеніе это не удивило Виля; онъ думалъ, что банкиръ жаждетъ поговорить съ нимъ на счетъ „Піонера“. Но когда его провели въ кабинетъ Бюльстрода, его такъ поразило страдальческое выраженіе лица банкира, что Виль едва не спросилъ: „вы больны?“ но удержался и только освѣдомился о здоровьи м-съ Бюльстродъ и о томъ, понравилась-ли ей картина.

— Благодарю васъ, очень понравилась; жены нѣтъ дома. Я пригласилъ васъ къ себѣ, м-ръ Владиславъ, такъ какъ имѣю

сдѣлать вамъ одно конфиденціальное сообщеніе. Вамъ, вѣроятно, никогда и въ умѣ не приходило, что прошлое связываетъ меня съ вами весьма тѣсными узами?

Виль вздрогнулъ. Всякое напоминаніе о прошломъ вызывало въ немъ раздраженіе. Онъ измѣнился въ лицѣ и отвѣчалъ:

— Никогда.

— Вы видите передъ собою, м-ръ Владиславъ, человѣка, убитаго нравственно. Ничто, кромѣ голоса совѣсти и сознанія, что я долженъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ Судьѣ, читающему въ сердцахъ людей, не могло-бы заставить меня сдѣлать вамъ то открытіе, ради котораго я васъ пригласилъ къ себѣ. По человѣческимъ законамъ вы не имѣете на меня никакихъ правъ.

Виль находился въ самомъ тяжеломъ недоумѣніи. М-ръ Бюльстродъ остановился на минуту, опершись головой на руку и опустивъ глаза. Но вотъ онъ снова поднялъ ихъ и устремилъ пылкій взглядъ на Вилья.

— Я слышалъ, заговорилъ онъ,—что вашу матушку звали Сара Дюнкирь, что она убѣжала отъ родныхъ и поступила на сцену и что вашъ батюшка страдалъ изнурительною болѣзнью. Могу я васъ спросить, правда это?

— Правда.

— Знаете вы что-нибудь о родныхъ вашей матери?

— Нѣтъ, она никогда о нихъ не говорила. Мать моя была благородная, честная женщина, закончилъ Виль запальчиво.

— Я и въ мысляхъ не имѣю сказать что-нибудь противъ нея. Говорила она вамъ когда-нибудь о своей матери?

— Она говорила, что мать, по всей вѣроятности, не знала, что побудило ее убѣжать. Она отзывалась о ней съ состраданіемъ, называла ее „бѣдная матушка“.

— Эта мать сдѣлалась моей женой.

И, помолчавъ съ минуту, м-ръ Бюльстродъ прибавилъ:

— Вы имѣете права на меня, м-ръ Владиславъ, права, не освященныя закономъ, какъ я уже сказалъ, но признаваемыя моею совѣстью. Этотъ бракъ обогатилъ меня, что не могло-бы случиться, по крайней мѣрѣ, въ такой мѣрѣ, если-бы ваша бабушка отыскала свою дочь. Этой дочери теперь уже нѣтъ въ живыхъ, по всей вѣроятности?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Виль. Ему сдѣлалось такъ противно въ

эту минуту, что онъ всталъ и, самъ не понимая хорошенько, что дѣлаетъ, взялся за шляпу.

— Пожалуйста, сядьте, м-ръ Владиславъ, заговорилъ Бюль-стродъ встревоженнымъ тономъ. — Васъ поразила неожиданность сообщеннаго мною вамъ извѣстія. Но, прошу васъ, имѣйте терпѣніе съ человѣкомъ, убитымъ нравственными пытками.

Виль сѣлъ, онъ чувствовалъ состраданіе, смѣшанное съ презрѣніемъ къ этому добровольному самоуничтоженію человѣка уже стараго.

— Я-бы желалъ, м-ръ Владиславъ, вознаградить васъ за лишенія, которыя понесла ваша матушка. Вы человѣкъ безъ средствъ, позвольте мнѣ удѣлить вамъ часть состоянія, которое, по всей вѣроятности, было-бы вашимъ, если-бы ваша бабушка знала навѣрное, что мать ваша жива, и могла отыскать ее.

М-ръ Бюльстродъ остановился. Онъ чувствовалъ, что совершаетъ покаянный подвигъ передъ лицомъ Бога, а собесѣдника поражаетъ своимъ благородствомъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что происходило въ эту минуту въ душѣ Вили. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Вдругъ Виль, глядя въ упоръ на м-ра Бюльстрода, произнесъ:

— Я догадываюсь, что вы знали о существованіи моей матери и знали объ ея мѣстопребываніи.

Бюльстродъ вздрогнулъ. Онъ не ожидалъ такого отвѣта на свое предложеніе, не ожидалъ, что будетъ вынужденъ отерпеть болѣе, чѣмъ ему казалось нужнымъ. Но въ эту минуту онъ не рѣшался сказать ложь, чувствуя, какъ ускользаетъ подъ его ногами почва, по которой онъ такъ увѣренно ступалъ за нѣсколько минутъ до этого.

— Ваша догадка справедлива; я этого не отрицаю, отвѣчалъ онъ слегка дрожавшимъ голосомъ, — и желаю вознаградить васъ, какъ единственное оставшееся въ живыхъ лицо, потерпѣвшее черезъ меня. Надѣюсь, вы оцѣните мои побужденія, м-ръ Владиславъ, вытекающія изъ высшихъ духовныхъ потребностей и не вызванныя давленіемъ закона, — давленіемъ, котораго, повторяю опять, и быть не могло. Я сокращу свои собственные расходы и отниму у своего семейства часть состоянія, на которую оно рассчитываетъ, чтобы выдавать вамъ по 500 ф. ежегодно, пока я живъ; когда-же я умру, я оставлю вамъ соотвѣтствующій ка-

питаль, я готовъ сдѣлать и еще болѣе, если вамъ деньги понадобятся на какое-нибудь похвальное предпріятіе.

М-ръ Бюльстродъ вошелъ въ такія подробности, въ надеждѣ вызвать въ Владиславѣ признательность, которая заглушитъ всѣ другія чувства.

Но Виль не былъ, повидимому, ни мало тронутъ и заговорилъ сухо:

— Прежде, чѣмъ отвѣчать на ваше предложеніе, м-ръ Бюльстродъ, позвольте мнѣ задать вамъ нѣсколько вопросовъ. Вы имѣли какое-нибудь отношеніе къ предпріятію, создавшему то состояніе, о которомъ вы говорите?

Первою мыслью м-ра Бюльстрода было: Рафль все ему сказалъ, и онъ отвѣчалъ: „Да, имѣлъ“.

— Было-ли это предпріятіе предпріятіемъ нечестивымъ, т. е. такимъ, что если-бы вся истина обнаружилась, то лица, завѣдывавшія имъ, попали-бы на свамью подсудимыхъ, какъ воры и мошенники.

Бюльстродъ покраснѣлъ отъ негодованія. Онъ приготовлялся къ сценѣ самоуничженія, но гордость его и привычка властвовать возмутились тономъ и словами Вилия, и заглушили и потребность покаяться, и даже страхъ за будущее.

— Предпріятіе это было устроено раньше, чѣмъ я принялъ въ немъ участіе, сэръ; и вы не въ правѣ подвергать меня такому инквизиторскому допросу, отвѣчалъ онъ съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, въ правѣ, вскричалъ Виль, вставая и берясь за шляпу.—Я въ правѣ задавать вопросы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ, захочу-ли я вступить съ вами въ сдѣлку и принять отъ васъ деньги. Мнѣ дорога моя незапятнанная честь, и я дорого-бы далъ, чтобы не было пятна и на моей фамиліи. Но этого пятна я уже не могу смыть. Моя мать чувствовала весь позоръ его и старалась держаться какъ можно далѣе отъ этой грязи. Оставьте при себѣ ваши нечистыя деньги. Если-бы у меня у самого было состояніе, я охотно отдалъ-бы его тому, кто доказалъ-бы мнѣ, что вы сказали ложь. Мнѣ остается только поблагодарить васъ за то, что вы удержали у себя эти деньги до настоящей минуты, когда я могу отказаться отъ нихъ. Доброй ночи, сэръ.

И, не давъ Бюльстроду произнести ни слова, Виль стре-

нительно выбѣжалъ изъ комнаты и черезъ секунду входная дверь хлопнула за нимъ. Его такъ возмущало это наслѣдственное пятно на его имени, что онъ и не подумалъ о томъ, не слишкомъ-ли жестоко, не слишкомъ-ли безсердечно поступилъ онъ съ этимъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, пытавшимся, хотя уже поздно, вознаградить причиненное имъ зло.

Никто со стороны не понялъ-бы настоящей причины запальчивости Виля и горечи его словъ. Никто не зналъ, кромѣ него самого, какъ тѣсно связывалось въ немъ чувство собственнаго достоинства съ мыслью о Доротеѣ и о припискѣ къ завѣщанію Казобона. Однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ его такъ рѣзко отклонить предложеніе Бюльстрода, было смутное чувство, что онъ никогда не въ силахъ былъ-бы сказать Доротеѣ, что онъ принялъ это предложеніе.

Когда Виль ушелъ, у Бюльстрода наступила сильная реакція и онъ заплакалъ, какъ ребенокъ. Въ первый разъ онъ услышалъ открытое выраженіе презрѣнія къ себѣ со стороны человѣка, стоявшаго такъ много выше Рафля. Его нѣсколько утѣшала только мысль, что Виль Владиславъ, конечно, никому не станетъ рассказывать о томъ, что произошло между ними.

ГЛАВА LXII.

Вилю Владиславу хотѣлось теперь только одного: повидаться съ Доротеей и затѣмъ немедленно уѣхать изъ Миддлмарча. На другой день послѣ свиданія съ Бюльстродамъ онъ написалъ ей записку, въ которой, объясняя, что отъѣздъ его былъ задержанъ непредвидѣнными обстоятельствами, просилъ назначить день, когда она можетъ его принять у себя въ Ловикѣ, только поскорѣе, такъ какъ ему хотѣлось-бы уѣхать, а уѣхать онъ не хочетъ не повидавшись съ нею.

Владиславъ чувствовалъ всю неловкость своей просьбы. Первое прощанье его состоялось въ присутствіи сэра Джамса Читама; всѣ въ домѣ знали, что онъ пріѣзжалъ проститься, а возвращаться вторично, когда никто этого не ожидаетъ всегда бываетъ нѣсколько жутко для самолюбія. Если первое прощанье можетъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе, то вторичное уже

сильно смахиваетъ на комедію. Но Виль все-таки рѣшилъ добиваться свиданія съ Доротеей и добиваться прямо, не прибѣгая къ такимъ уловкамъ, которыя могли-бы придать этому свиданію видъ случайной встрѣчи. Когда онъ видѣлся съ Доротеей въ послѣдній разъ, онъ не зналъ еще тѣхъ фактовъ, которые придавали совершенно новый характеръ ихъ отношеніямъ, и ставили между ними преграду болѣе неодолимую, чѣмъ онъ думалъ. Не зная, что у Доротей было свое собственное состояніе, онъ полагалъ, что въ силу приписки м-ра Казобона къ завѣщанію, она останется безъ гроша, если захочетъ выйти замужъ за него. Принять отъ нея такую жертву онъ ни за что-бы не согласился. Въ добавокъ онъ узналъ о пятиѣ, лежавшемъ на его семьѣ, — пятиѣ, которое могло послужить новымъ поводомъ роднымъ Доротей смотрѣть на него, какъ на недостойнаго ея руки. При такихъ обстоятельствахъ надежда, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернется, составивъ себѣ имя, которое позволитъ ему, не унижая своей гордости просить руки богатой вдовы, представлялась ему нелѣпой бредней. Вотъ почему онъ считалъ себя вправѣ повидаться съ Доротеей еще разъ.

Записка его не застала Доротей дома. Она только что получила отъ дяди письмо съ извѣщеніемъ, что онъ вернется домой черезъ недѣлю, и отправилась въ Фрешитъ сообщить объ этомъ роднымъ, съ тѣмъ, чтобы на возвратномъ пути заѣхать въ Гранджъ и сдѣлать тамъ распоряженія по порученію дяди, находившаго, „что такого рода занятія очень полезны для молодыхъ вдовъ.“

Если-бы Виль Владиславъ подслушалъ то, что о немъ говорили въ это утро въ Фрешитѣ, онъ-бы увидѣлъ, что предчувствія его сбылись, что затягиваніе имъ своего отъѣзда подаетъ поводъ къ самымъ злымъ толкамъ. Сэръ Джемсъ внимательно слѣдилъ за всѣми его поступками, при посредствѣ м-ра Стэндиша, и услыхалъ отъ м-ра Стэндиша такое извѣстіе, которое, подтверждая вполнѣ его невысокое мнѣніе о Вилѣ, давало средство сдѣлать его совершенно безвреднымъ для Доротей; нужно было только сообщить ей объ этомъ. Но какъ это сдѣлать? Сэръ Джемсъ совершенно терялся. Поручить Целію передать это извѣстіе онъ не могъ, потому-что не хотѣлъ выѣшивать Целію въ такое дѣло. Заговорить-же съ ней объ этомъ самому, при его

робости и неумѣнны выразаться, казалось совершенно невозможнымъ, и эта невозможность представилась ему въ самой осязательно й формѣ, когда Доротея неожиданно пріѣхала къ нимъ. Но критическое положеніе пробудило въ немъ изобрѣтательность; онъ отправилъ грума на несѣдланной лошади за м-съ Кадваладеръ, которая знала о ходившей на счетъ Вилы сплетни и, конечно, не затруднится повторить ее хоть въ сотнй разъ.

М-ръ Читамъ задержалъ Доротею, подъ тѣмъ предлогомъ, что Калебъ, съ которымъ ей нужно было повидаться, сейчасъ пріѣдетъ, и она еще гуляла съ м-ромъ Гартомъ по саду, когда явилась м-съ Кадваладеръ.

Сэръ Джемсъ, подстерегавшій ее, тотчасъ вбѣжалъ къ ней на встрѣчу и передалъ, чего онъ отъ нея желаетъ.

— Понимаю, понимаю, сказала м-съ Кадваладеръ, — вы остаетесь совершенно въ сторонѣ, а я такой арапъ, что ко мнѣ никакая грязь не пристанетъ.

— Видите-ли, я не придаю этому особеннаго значенія, послѣшилъ объяснить сэръ Джемсъ, не желая, чтобы м-съ Кадваладеръ поняла болѣе, чѣмъ слѣдовало. — Мнѣ-бы просто хотѣлось дать понять Доротеѣ, что по нѣкоторымъ причинамъ ей не слѣдуетъ принимать его; но самъ я рѣшительно не въ состояніи сказать ей этого. Вамъ это будетъ гораздо удобнѣе.

И оно дѣйствительно вышло совершенно удобно. Когда Доротея, простившись съ м-ромъ Гартомъ, подошла къ нимъ, то оказалось, что м-съ Кадваладеръ зашла въ паркъ совершенно случайно, поболтать съ Целіей объ ея ребенкѣ. Такъ м-ръ Брукъ ѣдетъ назадъ? Превосходно, — онъ возвратится, конечно, совершенно излеченный отъ своей парламентской горячки и піонерства. Кстати о „Піонерѣ“, въ городѣ ходили слухи, будто онъ скоро совсѣмъ слиняетъ оттого, что протеже м-ра Брука, блестящій молодой Владиславъ, уѣхалъ или собирается уѣхать. Слыхалъ объ этомъ сэръ Джемсъ?

Они шли въ это время всѣ втроемъ по аллеѣ и сэръ Джемсъ, сбивая хлыстомъ листья съ кустовъ, пробормоталъ, что онъ слышалъ что-то въ этомъ родѣ.

— Все это оказались чистѣйшія враки! продолжала м-съ Кадваладеръ. — Онъ не уѣхалъ, да, какъ кажется, и не собирается ѣхать; „Піонеръ“ сохраняетъ свой цвѣтъ, а м-ръ Орландо Влади-

славъ проводить самымъ скандальнымъ образомъ все свое время съ женой м-ра Лейдгата, которая, говорятъ, очень хороша собою. Кто-бы ни приполъ къ Лейдгатамъ, м-ръ Владиславъ постоянно тутъ какъ тутъ, либо валяется на диванѣ, либо акомпанируетъ хозяйкѣ на фортепьяно.

— Вы начали съ того, что переданные вами раньше слухи оказались пустяками, м-съ Кадваладеръ, я увѣрена, что и этотъ слухъ точно также не вѣреть, вскричала Доротея съ негодованіемъ.—Я не потерплю, чтобы при мнѣ отзывались дурно о м-рѣ Владиславѣ; онъ и безъ того слишкомъ пострадалъ отъ людской несправедливости.

Щеки ея горѣли, губы дрожали. Сэръ Джемсъ, взглянувъ на нее, раскаялся въ томъ, что устроилъ эту сцену; но м-съ Кадваладеръ сохранила полную невозмутимость.

— Дай-то Богъ, моя милая, сказала она, — дай-то Богъ, чтобы всякіе дурные слухи, о комъ-бы то ни было, оказывались невѣрными. Но жалко, что Лейдгатъ женился на уроженкѣ Миддльмарча. Съ его связями онъ могъ-бы взять себѣ жену изъ хорошей фамиліи и не слишкомъ молодую, которая умѣла-бы прижириться съ его профессією. Да вотъ, напримѣръ, чего онъ не женился на Клэрѣ Гарфѣджеръ; родные ея не знаютъ, что съ ней дѣлать, и у нея есть и приданое. Тогда-бы, по крайней мѣрѣ, мы приняли ее въ свой кругъ. Ну, да у всякаго свой разсудокъ. Гдѣ-же Целія? Пойдемте, пожалуйста, къ ней.

— Мнѣ нужно сейчасъ-же ѣхать въ Типтонъ, отвѣчала Доротея сухо.—Прощайте.

Сэръ Джемсъ молча проводилъ ее до кареты. Онъ страшно злился на самого себя.

Едва Доротея сѣла въ карету, какъ слезы градомъ покатились изъ ея глазъ, но она ихъ не замѣчала. „Это не правда, это не правда“, повторяла она самой себѣ, но противъ воли въ памяти ея возникала первая встрѣча ея съ Вилемъ въ Миддльмарчѣ, когда она застала его съ м-съ Лейдгатъ и слышала, какъ онъ пѣлъ подъ ея акомпаниментъ.

„Онъ говорилъ, что никогда не сдѣлаеть ничего такого, что я могу найти дурнымъ. Какъ-бы мнѣ хотѣлось сказать ему, что я нахожу это дурнымъ“, думала она. Досада на Виля боролась

въ ней съ страстнымъ желаніемъ оправдать его. „Они всѣ стараются очернить его въ моихъ глазахъ, но мнѣ это все равно, я знаю, что онъ хорошій, благородный человѣкъ“. Въ ту минуту, когда она это думала, карета ея вѣзжала подъ ворота Грэнджа и она поспѣшно вытерла глаза. Кучеръ попросилъ позволенія распрячь лошадей на полчаса, такъ какъ одна лошадь потеряла подкову; Доротея позволила и, снявъ перчатки и шляпу, обратилась къ ключницѣ, вышедшей ее встрѣтить въ переднюю.

— Я побуду у васъ немножко, м-съ Келль, и займусь въ библіотекѣ, велите тамъ отворить ставни, пожалуйста.

— Ставни отворены, сударыня, отвѣчала ключница, идя слѣдомъ за Доротеей. — М-ръ Владиславъ здѣсь, онъ пришелъ за чѣмъ-то.

Виль пришелъ за портфелемъ съ своими рисунками, котораго хватился при уборкѣ вещей и не хотѣлъ оставлять въ Миддльмарчѣ. У Доротеи замерло сердце отъ радости, что она еще разъ увидитъ Вилья. Но, дойдя до двери библіотеки, она остановилась и сказала м-съ Келль:

— Войдите сперва, скажите ему, что я пріѣхала.

Виль нашель свой портфель и приводилъ въ порядокъ свои рисунки, думая о томъ, что въ Миддльмарчѣ его ждетъ, можетъ быть, письмо отъ нея, когда услышалъ подъ самымъ своимъ ухомъ голосъ м-съ Келль:

— М-съ Казобонъ пріѣхала, сэръ.

Онъ быстро обернулся и увидалъ Доротею, вошедшую вслѣдъ за ключницей. М-съ Келль немедленно удалилась.

Доротея машинально подошла къ креслу дяди у письменнаго стола, Виль послѣдовалъ за нею и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

— Пожалуйста, садитесь, сказала Доротея, складывая руки на колѣняхъ,—я очень рада, что застала васъ здѣсь.

Снявъ свою траурную шляпу, она осталась съ ненакрытыми волосами, и Вилью показалось, что она теперь точно такая, какою онъ ее видѣлъ при первой встрѣчѣ въ Римѣ; на лицѣ ея видны были еще слѣды слезъ, но она уже перестала сердиться на него.

— Я послалъ вамъ сегодня записку въ Ловикъ, съ просьбою назначить день, когда вы можете принять меня, заговорилъ

Виль, садясь напротивъ нея. — Я уѣзжаю наднихъ и мнѣ хотѣлось до отъѣзда повидаться съ вами еще разъ.

— Вы, кажется, пріѣзжали ко мнѣ нѣсколько недѣль тому назадъ проститься, вы тогда еще собирались уѣхать, произнесли Доротея слегка дрожащимъ голосомъ.

— Да, но тогда я не зналъ того, что узналъ теперь, и что измѣняетъ нѣсколько мои планы на будущее. Когда я видѣлся съ вами въ послѣдній разъ, я мечталъ, что когда-нибудь вернусь сюда, теперь же я думаю, что мнѣ никогда не придется снова увидѣть здѣшнія мѣста.

— Вы желали объяснить мнѣ, почему ваши намѣренія измѣнились? спросила Доротея робко.

— Да, вскричалъ Виль, закидывая назадъ голову. — Я желалъ этого. Мнѣ нанесено грубое оскорбленіе въ вашихъ глазахъ и въ глазахъ всего общества. Моя честь заподозрѣна самымъ пошлымъ образомъ. Я желалъ объяснить вамъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ я не унижился бы до того, чтобы дать людямъ поводъ говорить, что я искалъ денегъ подъ предлогомъ... чегонибудь другого. Противъ меня вовсе не нужно было принимать никакихъ другихъ мѣръ предосторожности... богатство вполне ограждало отъ меня...

Онъ всталъ и машинально подошелъ къ этому самому окну, у котораго годъ тому назадъ разговаривалъ съ Доротеєю. Она въ эту минуту сочувствовала всѣмъ сердцемъ его негодованію; ей хотѣлось увѣрить его, что она никогда не подозрѣвала его ни въ чемъ дурномъ, а онъ отвертывался отъ нея, какъ будто и она была въ числѣ его враговъ.

— Съ вашей стороны, сказала она, — было бы жестоко думать, что я когда-нибудь заподозрѣвала васъ въ какой-нибудь низости.

И, подойдя къ нему, она продолжала:

— Неужели вы думаете, что я могла когда-нибудь усомниться въ васъ?

Виль вздрогнулъ при ея приближеніи и отошелъ отъ окна, избѣгая ея взглядовъ. Это движеніе сильно оскорбило Доротею. Она хотѣла сказать ему, что вполне раздѣляетъ его негодованіе, но странность ихъ отношеній заставляла опасаться, что она можетъ сказать что-нибудь лишнее. Ей и въ голову не прихо-

дило, что Виль могъ мечтать жениться на ней, и потому-то бол- лась сказать что-нибудь такое, что могло навести его на мысль, что она это предполагаетъ.

— Противъ васъ, сказала она,— конечно, не нужно было ни- какихъ мѣръ предосторожности.

Виль ничего не отвѣчалъ. Слова эти ему показались через- чуръ равнодушными. Онъ подошелъ къ столу и сталъ завязы- вать свой портфель, Доротея издали слѣдила за нимъ. Они мол- чали. Въ душѣ его въ эту минуту было только одно чувство,— чувство страстной любви къ ней, но этого чувства онъ ни за что не позволилъ-бы себѣ обнаружить и потому не говорилъ ни- чего. Она тоже молчала потому, что не могла предложить ему помощи, потому, что вынуждена была пользоваться деньгами, ко- торыя должны были принадлежать ему, потому, наконецъ, что въ этотъ разъ онъ какъ-то сторонился отъ нея.

Но вотъ Виль завязалъ свой портфель и снова подошелъ къ окну.

— Я уйду, сказалъ онъ, глядя на нее сухими, воспали- ными глазами.

— Чѣмъ-же вы будете заниматься, уѣхавъ отсюда? спросила Доротея робко.— Ваши намѣренія на этотъ счетъ не измѣнились?

— Нѣтъ, что первое попадется подъ руку, тѣмъ и стану за- ниматься. Я думаю, что можно привыкнуть работать и безъ на- дежды на счастье.

— Къ чему такое отчаяніе!

Слезы начинали душить Доротею, она сдѣлала надъ собою уси- ліе и докончила, улыбаясь:

— Впрочемъ, мы съ вами давно уже замѣтили за собой одинъ общій грѣшочекъ: мы любимъ выражаться черезчуръ сильно.

— Я вовсе не выражался сильно. Бываютъ минуты, которыя человѣкъ переживаетъ только разъ въ жизни, послѣ которыхъ ему приходится проститься навсегда съ надеждой на его счастье. Мнѣ пришлось пережить такія минуты очень рано — вотъ и все. Я разлученъ на всю жизнь съ тѣмъ, что для меня дороже всего на свѣтѣ, — разлученъ не потому, чтобы это счастье было недо- стижимо для меня, а потому, что честь, гордость, чувство соб- ственнаго достоинства запрещаютъ мнѣ стремиться къ нему. Я буду жить теперь какъ человѣкъ, видѣвшій въ экстазѣ небо.

Виль остановился; ему казалось, что Доротея не могла не понять его. Но въ Доротеѣ, настроенной тѣмъ, что она слышала въ Фрешитѣ, слова его пробудили совершенно другія мысли. Она подумала, что Виль намекаетъ на свои отношенія къ м-съ Лейдгату, и сердце ея болѣзненно сжалось, хотя она сама не умѣла себѣ объяснить почему. Въ его словахъ она увидѣла желаніе убѣдить ее, что и въ этомъ отношеніи поведеніе его стоитъ выше всякихъ подозрѣній...

Молчаніе ея не удивило Виль; онъ самъ былъ слишкомъ взволнованъ въ эту минуту, чтобы замѣчать время. Ему казалось, что должно случиться что-то такое, что помѣшаетъ ихъ разлукѣ, онъ ждалъ какого-то чуда.

Долго простояли они такимъ образомъ. Наконецъ, Доротея подняла глаза, хотѣла уже что-то сказать, какъ вдругъ дверь отворилась и лакей ея вошелъ съ докладомъ:

— Лошади готовы, сударыня, прикажете подавать?

— Да, отвѣчала Доротея и, обернувшись къ Вилу, прибавила:—Мнѣ нужно оставить письменныя распоряженія ключницѣ.

— Я ухожу, сказалъ Виль, когда дверь за лакеемъ затворилась.—Послѣ завтра я уѣду изъ Миддльмарча.

— Вы поступили честно во всѣхъ отношеніяхъ, произнесла Доротея тихимъ голосомъ.

Она протянула ему руку, Виль молча пожалъ ее; ея слова показались ему слишкомъ холодными и черствыми. Глаза ихъ встрѣтились; въ его глазахъ она прочла недовольство, онъ въ ея—только грусть. Онъ отвернулся и взялъ портфель подъ мѣшку.

— Я никогда не думала о васъ дурно. Пожалуйста, не забывайте меня, заговорила Доротея, слезы душили ее.

— Къ чему вы это говорите? отвѣчалъ Виль съ раздраженіемъ.—Какъ будто я не рискую забыть все, кромѣ васъ?

Слова ея дѣйствительно взбѣсили его и онъ поспѣшно вышелъ. Повязка спала съ глазъ Доротеи и она все поняла. Бросившись въ кресло, она просидѣла нѣсколько минутъ неподвижно подъ наплывомъ новыхъ ощущеній. Радость охватила все существо ея при мысли, что Виль любилъ, въ самомъ дѣлѣ, ее, а не другую; что любовь къ ней, а не любовь болѣе преступная гнала его изъ Миддльмарча. Они все равно должны были разстаться, но она могла думать о немъ безъ всякихъ упрековъ совѣсти.

Разлука показалась ей легка въ эту минуту: сознание, что она любить и любима, вытѣсняло всякія грустныя мысли. Она бодро принялась за выписки изъ письма дяди, весело распрощалась съ ключницей и сѣла въ карету счастливая, улыбающаяся.

Кучеръ м-ра Казобона привыкъ еще при жизни покойнаго ѣздить скоро, такъ что карета быстро катилась по слегка смоченной дождемъ дорогѣ. Сквозь сѣрыя тучи проглядывало голубое небо. Доротеѣ казалось, что никогда еще природа не была такъ прекрасна, какъ въ эту минуту. Ей хотѣлось нагнать Виля и взглянуть на него еще разъ. Дѣйствительно, на одномъ поворотѣ дороги карета обогнала его; онъ приподнял шляпу, но она не успѣла сдѣлать ни малѣйшаго движенія, какъ уже была далеко отъ него.

„Отчего я не знала этого прежде... отчего онъ не зналъ... тогда-бы намъ было наслажденіемъ думать другъ о другѣ, несмотря на разлуку. Ахъ, если-бы я могла дать ему денегъ, облегчить для него дорогу жизни“. Эти мысли неотвязно вертѣлись у нея въ головѣ. Но, несмотря на всю независимость ея характера, она не въ состояніи была стать выше мнѣнія свѣта и, подобно всемъ окружающимъ ее, считала неприличными болѣе тѣсныя сношенія съ нимъ. Она вполнѣ сочувствовала мотивамъ, заставившимъ Виля бѣжать отъ нея. Могъ-ли онъ надѣяться, что она перешагнетъ преграду, поставленную ея мужемъ между ними, когда она сама считала себя на это неспособною.

Мысли Виля были болѣе безотраднато свойства. Въ его тогдашнемъ настроеніи духа всякая мелочь въ состояніи была поддѣять въ немъ желчь. Видъ кареты, мчавшей Доротею, напомнилъ ему слишкомъ наглядно разницу ихъ положенія, и поведеніе его стало ему казаться вынужденнымъ необходимостью, а не внутреннимъ благороднымъ побужденіемъ. Онъ даже не зналъ навѣрно, любить-ли она его? Этотъ вечеръ Виль провелъ у Лейдатовъ; на слѣдующій день онъ уѣхалъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЛИТЕРАТУРА ИТАЛЬЯНСКАГО СЪЕДИНЕНІЯ.

I.

ЦЕЗАРЬ БАЛЬБО.

XVIII-й вѣкъ на поприщѣ политической литературы въ Италіи обозначаетъ собою рубежъ или переломъ, весьма интересный и назидательный во многихъ отношеніяхъ. Мы обратимъ вниманіе только на одну особенно выдающуюся черту его: а именно, съ концомъ XVIII-го столѣтія политическая мысль въ Италіи утрачиваетъ свою самобытность, которую мы пытались обрисовать въ предыдущихъ очеркахъ. Сильный импульсъ, данный итальянской гражданственности политическими бурями и тревоженіями XIII-го и XV вѣковъ, очевидно, истощился среди безотраднaго гнета, наступившаго здѣсь съ испанскимъ завоеваніемъ. — Съ другой стороны, съ XVII столѣтіемъ Галилей открываетъ для итальянской пытливости новое поприще. Втеченіи всего XVIII вѣка дѣятельность чисто-научная, повидимому, совершенно поглощаетъ собою лучшія интеллектуальныя силы страны. По крайней мѣрѣ, исторія этого времени не даетъ намъ ни одного политическаго имени, которое заслуживало-бы чести быть сопоставленнымъ съ именами Мальпиги, Гальвани, Вольты и столь многихъ другихъ, обогатившихъ великими открытіями ту или другую изъ отраслей естествознанія...

Эти соображенія заставляютъ насъ прекратить на Кампанеллѣ рядъ нашихъ очерковъ политической литературы въ Италіи.

Мы начнемъ новый рядъ этюдовъ съ того времени, къ которому относится начало либерально-унитарнаго движенія, столь недавно увѣичавшагося, на нашихъ глазахъ, неожиданнымъ успѣхомъ.

По всеобщему признанію даже крайнихъ итальянскихъ патріотовъ, толчокъ или поводъ къ національному пробужденію дало нашествіе французовъ съ Наполеономъ I. Такимъ образомъ, почти насильственно пробужденная Италия уже болѣе не возвращается къ своему вѣковому сну, когда утихаетъ буря, поднятая во всей Европѣ великою французскою республикою и вышедшею изъ нея имперією. Съ тѣхъ поръ и по самое присоединеніе Рима къ объединенному итальянскому королевству, политическое движеніе здѣсь не прекращалось. Мы обратимъ вниманіе на одну только литературную сторону этого движенія, а потому пропустимъ здѣсь даже такого почтеннаго патріарха итальянскаго возрожденія, каковъ былъ Мадзини, стяжавшій главнѣйшимъ образомъ свою славу на политическомъ, а не на литературномъ поприщѣ.

Интеллектуальное движеніе, предшествовавшее событіямъ 1789 г. во Франціи, было исполнено мірового значенія: въ сравненіи съ нимъ итальянская политическая жизнь этого времени столь блѣдна и ничтожна, что подпаденіе итальянской политической литературѣ подъ французское вліяніе представляется намъ фактомъ весьма естественнымъ и не нуждающимся въ объясненіяхъ. Возьмите любого изъ немногихъ ломбардскихъ, тосканскихъ или неаполитанскихъ публицистовъ этого времени, и вы увидите, что лучшіе изъ нихъ только пытаются акклиматизировать въ своемъ отечествѣ идеи и начала, выработанныя Жан-Жакомъ Руссо, фізіократами или энциклопедистами. Весьма немногіе успѣваютъ сдѣлать самостоятельный шагъ впередъ хотя-бы только въ примѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи изучаемаго заимствованныхъ ими принциповъ. Въ числѣ этихъ немногихъ съ особымъ почетомъ слѣдуетъ упомянуть Цезаря Беккарію, столь много сдѣлавшаго для примѣненія гуманныхъ началъ къ уголовной практикѣ. Остальные, — часто при замѣчательной силѣ личнаго дарованія и при чувствѣ національной гордости, развитомъ иногда до абсурда, — остаются рабскими кописцами чужеземныхъ образцовъ. Ненависть противъ французовъ, которою такъ щеголялъ, которою прославился Альфіери, очевидно, не имѣетъ себѣ другого источника, какъ оскорбительное для его національнаго самолюбія сознаніе невозможности высвободиться изъ-подъ французскаго вліянія.

То обстоятельство, что Италия самым своимъ пробужденіемъ обязана событіямъ, корень которыхъ принадлежитъ французской исторіи, естественно должно было только усилить и упрочить эту умственную крѣпостную зависимость. Даже подражаніе другимъ чужеземнымъ образцамъ (англійскому и нѣмецкому) не освобождаетъ итальянскую мысль отъ французскихъ оковъ. При этомъ должно замѣтить, что англійское и нѣмецкое вліяніе замѣтны здѣсь исключительно на беллетристическомъ поприщѣ и что Фосколо, ознакомившій впервые итальянскую публику съ Байронизмомъ и съ воззрѣніями нѣмцевъхъ философскихъ школъ, мало находитъ себѣ подражателей: вальтеръ-скоттовское направленіе, начатое Александромъ Манцони, быстро перерождается въ чисто-французскій пустозвонный жанръ à la Dumas.

Наконецъ, достаточно замѣтить, что самъ Мадзини, этотъ *italianissimo* по преимуществу, платитъ обильную и слишкомъ очевидную дань яacobинскому идеалу единой и нераздѣльной демократической республики и еще болѣе существеннымъ образомъ вяжется съ родоначальникомъ всѣхъ идеалистически-реформаціонныхъ сектъ—Жанъ-Жакомъ Руссо.

Съ Наполеономъ I-мъ устанавливается фактическая связь между политическими судьбами Италіи и Франціи, и съ паденіемъ Наполеона I-го связь эта не исчезаетъ: всѣмъ извѣстна роль, которую итальянскіе карбонары играютъ во французскомъ государственномъ переворотѣ іюля 1830 г., точно также какъ и вліяніе, въ свою очередь, оказанное на итальянскія дѣла орлеанскою революціею, а позже событіями 1848 г.

Если мы распространились о томъ вліяніи, которое Франція оказываетъ на Италію въ первой половинѣ текущаго столѣтія, то это потому, что оно играетъ очень существенную роль въ дѣятельности всѣхъ безъ изъятія итальянскихъ публицистовъ періода борьбы за національное освобожденіе.

Цезарь Бальбо, которому мы посвящаемъ этотъ первый очеркъ, можетъ быть, менѣе всѣхъ другихъ своихъ собратій отражаетъ на себѣ это чуждое вліяніе; или, по крайней мѣрѣ, на немъ оно замѣтно менѣе, чѣмъ на другихъ. Политическій вождь узко-національной итальянской партіи, (прозванной *нео-ибеллинами* въ *pendant* *нео-гвельфамъ*, предводительствуемому аббатомъ Винченцо Джіоберти), Бальбо всего себя посвятилъ на служеніе

тѣмъ эфемернымъ политическимъ интересамъ, которые на первый взглядъ легко могутъ показаться совершенно реальными, вытекающими изъ глубокихъ потребностей народной жизни и принадлежащими исключительно тому времени и той мѣстности, въ которой они возникаютъ.

А между тѣмъ Цезарь Бальбо, уроженецъ Пьемонта, (т. е. именно той мѣстности, которая представляетъ собою какъ-бы переходный членъ отъ Италіи къ Франціи), большую часть своей жизни провелъ не только во Франціи (это-бы еще ничего не значило), но на французской службѣ въ Италіи. Потомокъ аристократической семьи, онъ предназначалъ себя къ ученому поприщу и изучалъ астрономію; но при посѣщеніи Наполеономъ Италіи, недостигши еще двадцатилѣтняго возраста, онъ, по увлеченію, вступаетъ на императорскую службу. Впослѣдствіи Цезарь Бальбо самъ отрывается отъ возрѣвній, которыми онъ руководился во время своей молодости; свою приверженность къ французскому владычеству въ Италіи и къ наполеонидамъ называетъ увлеченіемъ (см. записки графа Цезаря Бальбо и нѣкоторыя изъ его предисловія). Увлеченіе это было, однако-же, довольно продолжительно и оставило глубокіе слѣды на всей жизни и дѣятельности разбираемаго нами публициста.

Мы не намѣрены рассказывать здѣсь всю политическую и дипломатическую карьеру графа Бальбо. Замѣтимъ только, что онъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ ряду былъ членомъ различныхъ французскихъ государственныхъ учреждений въ Тосканѣ, въ Римѣ и въ Парижѣ.—Послѣ паденія императора, Бальбо, очевидно, остается вѣренъ бонапартизму; будируетъ реставрацію, отказывается отъ довольно важнаго дипломатическаго поста при дворѣ Людовика XVІІІ-го и отправляется въ качествѣ незначительнаго чиновника при пьемонтскомъ посольствѣ въ Испанію. Эта, повидимому, ничтожная подробность получаетъ, однако-же, нѣкоторый вѣсъ, если вспомнить, что Испанія въ эпоху реставраціи, была центромъ и разсадникомъ либеральнаго движенія на весь романскій міръ. Правда, выборъ, сдѣланный Цезаремъ Бальбо, можетъ быть объясненъ чисто-домашними обстоятельствами: посланникомъ Виктора Эмануила I-го въ Мадридѣ былъ графъ Просперо Бальбо, отецъ Цезаря.

Такъ или иначе, роль политическаго агента сардинскаго пра-

вительства скоро надѣдаетъ нашему публицисту. Онъ возвращается въ Туринъ и вступаетъ въ армію, которая тогда значительнѣйшимъ образомъ состояла изъ наполеоновскихъ ветерановъ и нетерпѣливо ждала случая поднять знамя возстанія.

Случай, какъ извѣстно, не заставилъ себя долго ждать. Сигналь къ борьбѣ подала Испанія, откуда только-что вернулся Цезарь Бальбо 1-го января 1820 г. Капитанъ Ріего, во главѣ сильнаго войска, провозгласилъ въ Андалузіи конституцію, которую Фердинандъ VII-й тотчасъ-же призналъ... Движеніе это тотчасъ-же отразилось и въ Италіи; на сторону его стала значительная часть арміи, въ которую только-что поступилъ Цезарь Бальбо. Въ Неаполѣ генераль Попе, — въ Генуѣ капитанъ Пальма не замедлили провозгласить себя сторонниками испанской конституціи. Викторъ Эммануилъ I-й не принялъ никакихъ мѣръ къ подавленію возстанія, а немедленно отрекся отъ престола въ пользу своего брата, Карла-Феликса, извѣстнаго своимъ крутымъ нравомъ и своею приверженностью къ старому государственному порядку. Но Карль-Феликсъ былъ въ это время въ Моденѣ, и Викторъ-Эмануилъ, за его отсутствіемъ, передалъ регентство молодому Кариньянскому принцу Карлу Альберту, котораго дружескія сношенія съ генуэзскими заговорщиками не подлежатъ никакому сомнѣнію.

14 марта новый регентъ издалъ нижеслѣдующую прокламацію:

„Въ столь трудную минуту, какъ переживаемая нами нынѣ, мы не можемъ удержаться въ узкой роли регента, намъ предоставленной. Наша глубочайшая преданность его величеству Карлу-Феликсу побуждаетъ насъ воздержаться отъ всякихъ коренныхъ измѣненій государственнаго строя, или, по крайней мѣрѣ, обождать его присутствія для ихъ осуществленія. Но, съ другой стороны, обстоятельства требуютъ немедленнаго рѣшенія; и мы хотимъ передать новому монарху народъ благополучный и благоустроенный, а неистощенный междуусобіями и неурядицею. По зрѣломъ обсужденіи и руководясь мнѣніемъ нашего государственнаго совѣта, мы рѣшили, что испанская конституція будетъ принята за основаніе государственнаго права нашей страны.“ Затѣмъ слѣдуетъ заявленіе надежды, что король одобритъ эту мѣру, и оговорки на счетъ тѣхъ измѣненій, которыя Карль-Феликсъ сочтетъ нужными сдѣлать въ этомъ декретѣ.

Карль-Феликсъ не поспѣшилъ, однако-же, своимъ возвращеніемъ въ страну, ждавшую его какъ своего правителя. 3 апрѣля онъ изъ Модены отвѣтилъ на манифестъ регента нижеслѣдующимъ посланіемъ:

„Долгъ всякаго вѣрнопопданнаго требуетъ добровольнаго подчиненія тому порядку, который утвержденъ въ государствѣ Богомъ и верховною властью. Вслѣдствіе этого, мы, принимая верховную власть только въ силу божіей милости, не поддадимся ничьимъ постороннимъ внушеніямъ касательно тѣхъ средствъ, помощію которыхъ нашъ народъ долженъ быть приведенъ къ своему благополучію. Всякій, кто осмѣлится роптать противъ иѣръ, которыя мы заблагоразсудимъ принять, перестанетъ считаться передъ нами за вѣрнопопданнаго. Мы ждемъ заявленія со стороны нашего народа его вѣрнопопданническихъ чувствъ, прежде чѣмъ вернемся въ нашу столицу.“

Въ то-же самое время король назначилъ военно-судную комиссію, которая должна была судить конституціоналовъ, какъ измѣнниковъ. Семьдесятъ-три изъ 170 подсудимыхъ были приговорены этою комиссіею къ смертной казни...

Карль-Альбертъ поспѣшилъ отправиться въ Модену; но король не захотѣлъ его принять; а моденскій герцогъ велѣлъ ему немедленно удалиться изъ своихъ владѣній.

Ходили слухи, будто Карль-Феликсъ вступилъ въ переговоры съ Австріею о томъ, чтобы навсегда отстранить своего племянника отъ наслѣдства сардинскаго престола въ пользу герцога моденскаго; но за кариньянскаго принца вступился Людовикъ XVIII. Однако-же, для заявленія чистосердечнаго своего раскаянія, Карль-Альбертъ долженъ былъ отправиться въ качествѣ простаго капрала съ французскою арміею, отправлявшеюся въ Андалузію для приведенія въ подчиненіе Фердинанду VII испанскихъ конституціоналовъ. Самнымъ знаменательнымъ слѣдствіемъ этого похода была пѣсня, сочиненная Беранже, „l'Ordre du jour“:

«Mon ancien, qu'a donc fait l'Espagne?
— Mon fils, elle ne veut plus qu'aujourd'hui
Ferdinand fasse périr au baigne
Ceux-là qui se sont battus pour lui.
Nous allons tirer de peine
Les moines blancs, noirs et roux,
Dont on prendra la graine
Pour en replanter chez nous.

II.

Какую роль игралъ Цезарь Бальбо въ событіяхъ, которыя мы рассказали въ концѣ предыдущей главы? Это не представляетъ достаточнаго интереса. Дѣло въ томъ, что передъ лицомъ Карла-Феликса онъ оказался скомпрометированнымъ и вынужденъ былъ искать убѣжища во Франціи. Съ другой стороны, мы знаемъ, что Бальбо не былъ въ числѣ зачинщиковъ или руководителей движенія.

Время своего изгнанія Бальбо посвятилъ немногимъ литературнымъ работамъ чисто беллетристическаго характера, не замѣчательнымъ ни въ какомъ отношеніи. Изъ его записокъ мы узнаемъ, что онъ употребилъ эти годы на пополненіе многочисленныхъ пробѣловъ, оставленныхъ его слишкомъ рано прерваннымъ образованіемъ. Онъ вознамѣрился посвятить себя преимущественно изученію итальянской исторіи съ древнѣйшихъ временъ и собиралъ матеріалы для большого историческаго сочиненія. Въ свѣтъ онъ издалъ, однако-же, только переводъ Тацита.

Вотъ какъ онъ самъ объясняетъ побужденія, заставившія его обратиться къ изученію національной исторіи:

„Безполезно жаловаться на неудовлетворительность настоящаго; надо умѣть измѣнить его тамъ, гдѣ оно зависитъ отъ насъ. То-же, что мы не можемъ измѣнить на дѣлѣ, мы должны, по крайней мѣрѣ, умѣть удовлетворительно объяснить съ точки зрѣнія разумной и обыденной національной политики. Въ странѣ, которая, подобно Италіи, распадается на множество государствъ, хотя-бы всѣ эти государства держались представительной системы правленія, — истинная національная политика не можетъ быть создана ни парламентскими ораторами, ни журнальными публицистами. Такую политику могутъ создать только писатели, глубоко изучившіе политическій механизмъ и умѣющіе собрать въ одно стройное и строго обдуманное цѣлое разрозненные результаты частныхъ стремленій и изслѣдованій, многочисленныя ученія, вытекающія изъ историческихъ примѣровъ... Вы одни можете создать ее, молодые итальянскіе писатели, родившіеся въ болѣе счастливое время, чѣмъ мы, — въ то время, когда вы не только можете свободно и безпрепятственно высказывать свои мысли, но

когда передъ вами уже ясно опредѣлилась цѣль, къ которой вы должны стремиться. Прекрасная цѣль: свобода и независимость...

„...Только то единичное или коллективное существованіе почтенно, которое неуклонно и настойчиво преслѣдуетъ какую-нибудь благую цѣль. Для всякой націи такою цѣлью должна быть ея національная политика...

„Что касается собственно значенія исторіи въ подобномъ дѣлѣ, то я весьма желалъ-бы избѣжать той педантической склонности къ преувеличенію значенія своего дѣла, которая вообще свойственна людямъ, долго занимавшимся однимъ предметомъ. Я не считаю исторію за наилучшую школу для людей и для народовъ; я думаю, что изъ жизни непосредственно и тѣ, и другіе могутъ почерпнуть еще больше полезныхъ уроковъ. Но гдѣ политической жизни нѣтъ (а Италія, къ сожалѣнію, находится именно въ этихъ условіяхъ), исторія даетъ единственную прочную основу для національной политики... Политика не можетъ основаться на однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, какъ-бы хороши и глубокомысленны они ни были сами въ себѣ. Для каждой страны, политикъ всего прежде долженъ принять въ расчетъ ея естественныя условія: климатъ, почву, близость морей и пр. Затѣмъ, множество условій, созданныхъ человекомъ,—какъ, напр., крѣпости, дороги, каналы, портовые и большіе города, въ свою очередь становятся какъ-бы естественными условіями. Точно также предки оставляютъ намъ въ наслѣдство преданія, нравы, воспоминанія, имена, которые всѣ привходятъ, какъ элементы, въ сложное зданіе нашей исторической дѣйствительности. Исторія есть какъ-бы реестръ, въ которомъ помѣченъ всѣ эти условія и вытекающія изъ нихъ отношенія. Изъ нея мы узнаемъ, какимъ образомъ въ различныхъ случаяхъ были приводимы въ дѣйствіе эти многосложныя пружины,—эти естественные и искусственные элементы,—пассивныя и активныя силы страны“...

„...Я нахожу, что страна, неимѣющая исторіи (какъ, наприм., Америка), находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ: у нея есть новыя люди и свѣжія силы, и нѣтъ освященныхъ временемъ нелѣпостей и предрасудковъ; ея взоры, за неимѣніемъ прошлаго, устремлены только впередъ. Но народъ, который имѣетъ исторію и не знаетъ ее, находится въ самомъ невыгодномъ положеніи, какое только можно себѣ вообразить... Бесплодно было-бы отрѣ-

паться отъ условій, среди которыхъ слагается наше существованіе: надо владѣть ими для того, чтобы изъ болѣе разумнаго ихъ сочетанія сдѣлать возможнымъ лучшее будущее“... (Предисловіе къ „Итальянск. исторіи“, лозанское изд. 1846 г.).

Мы не побоялись привести эту длинную выписку, во-первыхъ, потому, что она позволитъ намъ впослѣдствіи воздержаться отъ частыхъ ссылокъ на разбираемаго автора; во-вторыхъ, и главнѣйшимъ образомъ, потому, что она, по нашему мнѣнію, въ значительной степени рисуетъ литературный и интеллектуальный характеръ этого родоначальника и вождя той унитарной итальянской партіи, за которую, въ концѣ концовъ, осталась фактическая побѣда. Бальбо принадлежитъ къ числу тѣхъ тяжеловѣсныхъ и солидныхъ натуръ, которыхъ достоинство заключается не въ разносторонности и богатствѣ мотивовъ и побужденій, не въ размахистости и смѣлой самобытности мысли, а гораздо болѣе въ искренности и твердости убѣжденія,—въ извѣстной цѣлостности, недопускающей разлада мысли и дѣла. Такимъ натурамъ ничто не дается легко; за то онѣ крѣпко стоятъ за однажды добытое и, принявъ одинъ опредѣленный строй, не измѣняютъ его до самаго конца своей жизни. Каковъ человекъ, таковъ и слогу его: чуждый реторики и многословія, нелишенный извѣстной глубины и нѣкотораго оригинальнаго суроваго оттѣнка, Цезарь Бальбо очень поздно, т. е. уже болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ отъ роду, выступаетъ на ту публицистическую дорогу, на которой онъ прославился; но за то онъ выходитъ на нее уже во всеоружіи, твердо обозначивъ для себя самого не только свою главную цѣль, но и тѣ чисто практическія политическія средства, при помощи которыхъ онъ надѣется дойти до ея осуществленія. Этой своей законченности и опредѣленности, неоставляющей ничего недосказаннымъ, онъ обязанъ значительною долею своего успѣха...

Впрочемъ, приводя здѣсь строки, написанныя нашимъ авторомъ почти наканунѣ 1848 г., мы впали въ анахронизмъ, для сглаженія котораго мы должны вернуться къ историческимъ событіямъ того времени.

Въ 1831 г., т. е. тотчасъ послѣ іюльской революціи въ Парижѣ и въ самое время возстанія въ Романіяхъ, эксъ-карбонаріи Карль-Альбертъ смѣняетъ на пьемонтскомъ престолѣ Карла-

Феликса. Слишкомъ извѣстны тѣ надежды, которыя были пробуждены въ сердцахъ итальянскихъ патриотовъ его восшествіемъ на престолъ. Мадзини пишетъ вдохновенное письмо новому королю, прославившему свое кратковременное регентство 1820 г. смѣлымъ, хотя и неудачнымъ подвигомъ. Извѣстно также, что надежды эти не осуществились: первая пятнадцать лѣтъ царствованія Карла-Альберта не ознаменовываются рѣшительно ничѣмъ и, по всей справедливости, могутъ быть названы продолженіемъ царствованія его предшественника. Изъ этого, однако-же, не слѣдуетъ заключать, будто надежды итальянскихъ патриотовъ были лишены всякаго основанія.

Вѣнскій конгрессъ создалъ для сардинскаго королевства такое положеніе, котораго неустойчивость была черезчуръ очевидна для каждаго, мало-мальски способнаго понимать немногосложный механизмъ международныхъ и политическихъ отношеній. Будучи поставленъ въ непосредственныя и ежедневныя столкновенія съ Австрією, сардинскій король долженъ былъ или утратить всякую свою самостоятельность передъ лицомъ этого сильнаго соуды, постоянно вмѣшивавшагося въ его дѣла и часто даже требовавшего территоріальныхъ уступокъ, или-же опереться на враждебный Австріи итальянскій національный элементъ и въ его содѣйствіи найти силу, достаточную для того, чтобы противустоять Австріи съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха. Эта необходимость лавировать между двухъ опасныхъ рифовъ существовала и для предшествовавшихъ королей Сардиніи, но для Карла-Альберта самая возможность дальнѣйшаго лавированія значительно затруднилась тѣмъ, что въ Вѣнѣ не довѣряли его раскаянію, несмотря на всѣ его геройскіе подвиги въ качествѣ гренадера при осадѣ Трокадеро,—одного изъ фортовъ Кадикса, въ которомъ заперлись испанскіе конституціоналисты.

Несмотря на эту трудность, Карль-Альбертъ втеченіи пятнадцати лѣтъ дѣлаетъ геройскія усилія, чтобы продолжать безжалостную внутреннюю политику своего дяди, имѣвшаго девизомъ доводить въ своихъ владѣніяхъ абсолютизмъ до такихъ размѣровъ, въ которыхъ онъ рѣшительно несовмѣстимъ съ требованіями нашего времени. Ошибочно было-бы приписывать эту политику личнымъ склонностямъ короля. Это была первая изъ уступокъ, требуемыхъ отъ него Австрією, для которой необхо-

димо было имѣть право сказать итальянскимъ націоналистамъ: „вы ропщете на чужеземное владычество, но сравните цвѣтущее положеніе Ломбардіи, подъ нашимъ управленіемъ, съ бѣдствіями и угнетеніемъ Пьемонта“.

Чтобы объяснить себѣ политику Карла-Альберта, надо вспомнить, что король этотъ, въ бытность свою наслѣдникомъ, успѣлъ хорошо узнать положеніе дѣлъ и настроеніе партій въ своемъ государствѣ. Онъ видѣлъ, что конституціоналисты и карбонары, съ которыми онъ нѣкогда вступилъ въ добровольный союзъ, утратили уже всякую силу и съ каждымъ днемъ выдыхались все болѣе и болѣе передъ лицомъ „Молодой Италіи“, противъ которой оказывались безсильными все преслѣдованія и „строгости“. Принять-же союзъ національныхъ итальянскихъ силъ въ той формѣ организаціи, которую давалъ имъ Мадзини, король считалъ для себя еще опаснѣе, чѣмъ остаться лицомъ къ лицу съ своимъ врагомъ, т. е. съ Австріей. Среди такихъ условій король прибѣгъ въ тому, къ чему вообще прибѣгаютъ лица, когда не могутъ найти рациональнаго выхода изъ труднаго положенія:—къ рутинѣ.

Рутинѣ же привела его къ тому, къ чему она вообще приводитъ людей, т. е. на край гибели. Въ 1846 г. умеръ папа Григорій XVI и на папскій престолъ былъ избранъ кардиналъ Мاستаи-Ферретти, ознаменовавшій свое вступленіе нѣкоторыми благими начинаніями. Этого обстоятельства оказалось совершенно достаточно для того, чтобы нанести роковой ударъ застою во всѣхъ итальянскихъ государствахъ; въ томъ числѣ и въ Пьемонтѣ. Восшествіе Пія IX на престолъ отрывало для итальянскихъ патріотовъ перспективу осуществленія ихъ стремленій не революціоннымъ путемъ. Итальянское общественное мнѣніе жадно хватается за эту вновь отерывшуюся возможность. Передъ пьемонтскимъ королемъ возникаетъ новый опасный соперникъ въ лицѣ римскаго святого отца. Въ самомъ Пьемонтѣ абать Винченцо Джіоберти воскрешаетъ старую гвельфскую доктрину св. Фомы Аквинскаго, желавшаго объединить всю Италію подъ духовнымъ верховенствомъ папы. Джіоберти издаетъ свою книгу о „Верховенствѣ Италіи“ (il Primato d'Italia), а вслѣдъ затѣмъ своего „Новѣйшаго іезуита“, — написанныхъ съ замѣчатель-

нымъ дарованіемъ памфлетиста и приноровленныхъ какъ нельзя лучше къ тогдашнему настроенію общественнаго мнѣнія всей Италіи. Съ эклектическою ловкостью, изобличающею въ немъ слишкомъ тѣсное знакомство съ французскою философіею своего времени, Джіоберти обходитъ все трудности, вытекающія изъ несовѣстности фанатическихъ стремленій средне-вѣкового католическаго монаха съ требованіями новѣйшей цивилизаціи. Амальгамирова Руссо и св. Терезу, Ламенэ и Гизо, онъ создаетъ заманчивую картину католической демократіи, примиряющую суевѣріе католическихъ монастырей съ требованіями политическаго равноправія и прогресса, заставляющую закоренѣлыхъ вольтерьянцевъ и демагоговъ лобызать апостольскую туфлю намѣстника св. Петра съ восторженнымъ крикомъ:— „да здравствуетъ Пій IX!“...

Среди такихъ-то, пагубныхъ для савойской династіи обстоятельствъ, Цезарь Бальбо встаетъ въ первый разъ во весь ростъ, со всею своею, на долгомъ досугѣ пріобрѣтенною, историческою и политическою эрудиціею...

III.

Литературная извѣстность Бальбо начинается съ 1839 г., т. е. нѣсколько раньше, чѣмъ нео-гвельфское движеніе въ Италіи достигло до своего апогея. Однако, его первый шагъ на публицистическомъ поприщѣ есть уже полемика противъ возраждающагося демократическаго пализма.!

Если уже въ XIV столѣтіи Данте могъ составить противъ теологической политики св. Фомы Аквинскаго неотразимый обвинительный актъ и подавить его клерикально-демократическій идеалъ своимъ гибелинскимъ идеаломъ благоустроенной свѣтской монархіи,—то въ половинѣ XIX вѣка, задача, взятая на себя Цезаремъ Бальбо, съ теоретической точки зрѣнія не должна-бы представляться особенно трудною. Но не надо забывать, что имена нео-гвельфовъ и нео-гибелиновъ,—св. Фомы и Данте,—не болѣе, какъ классическія прозвища, довольно удачно придуманныя для обозначенія современнаго рода борьбы, — борьбы тасущной, будничной, политически мелочной и отнюдь не теоретичной. Сила обоихъ лагерей черпается вовсе не изъ возрожденія классическо-

аргументаціи отжившихъ міровыхъ идеаловъ. Сила ихъ заключается въ умѣнїи найти практической компромисъ между тогдашнимъ положеніемъ Италїи, невыносимостъ котораго слишкомъ живо сознавалась общественнымъ мнѣніемъ, и между тѣми рѣшительными революціонными путями къ выходу, которые предлагалъ Мадзини.

Нѣкоторыя, чисто-практическія, трудности ставились Цезарю Бальбо именно тѣми, чью защиту онъ бралъ на себя. Когда, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Бальбо приходитъ къ сознанію, что уже не время болѣе заниматься солидными историческими изысканіями, — что эфемерное публицистическое поприще манитъ къ себѣ всѣ интеллектуальныя силы страны, — и когда онъ, наконецъ, рѣшается выступить на это поприще. — онъ находитъ его загроможденнымъ всякаго рода цензурными препятствіями. Сознательно преслѣдуя политическую цѣль, Бальбо долженъ, однако-же, своему сочиненію придать чисто-литературную форму, чтобы сдѣлать его доступнымъ для читателей. Онъ начинаетъ свое поприще трактатомъ о Данте и его „Божественной комедіи“ съ поэтической и исторической точки зрѣнія.

Надо сознаться, что съ точки зрѣнія пропаганды тѣхъ политическихъ началъ, которыя выработалъ себѣ графъ Бальбо и которыя, подъ названіемъ „національной политики“, онъ хотѣлъ положить въ основу итальянскаго либеральнаго движенія, выборъ предмета не могъ быть удачнымъ. Данте даетъ ему возможность возражать одновременно и республиканцамъ, которыхъ онъ считаетъ за опасныхъ для народнаго дѣла утопистовъ, и нео-гвельфамъ. Кромѣ того, республиканская пропаганда въ Италїи слишкомъ успѣшно эксплуатировала историческія преданія своей страны, начиная отъ Брута и кончая Мазаниелло. Цезарь Бальбо избираетъ своимъ героемъ едва-ли не единственную монархическую славу Италїи и, подъ почетнымъ флагомъ творца „Божественной комедіи“, пускаетъ въ свѣтъ свою собственную политическую доктрину.

У Данте Бальбо заимствуетъ собственно только его основной монархическій догматъ (*unum regge est necessarium*) и положеніе о томъ, что верховная власть, долженствующая положить предѣлы внутренней неурядицѣ и политическому угнетенію Италїи, должна быть свѣтскою (а не духовною), организованною

сообразно съ принципомъ аристократіи заслугъ и достоинствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ способною совершенствоваться. Но въ то-же время Бальбо укоряетъ Данте за отсутствіе въ немъ націоналистическаго итальянскаго элемента и за его часто-безцеремонное отношеніе къ папству.

Отъ сочиненія болѣе литературнаго, чѣмъ политическаго, нельзя требовать строгой опредѣленности относительно заключавшейся въ немъ политической программы, особенно, принимая во вниманіе неблагоприятныя условія, среди которыхъ находилась итальянская пресса того времени. Но, съ одной стороны, тогдашняя итальянская публика обладала въ высшей степени умѣньемъ читать между строкъ. Съ другой стороны, Бальбо говорилъ тономъ человѣка, твердо убѣжденнаго и хорошо знающаго, чего онъ хочетъ. Такимъ образомъ, съ выхода въ свѣтъ этого перваго его замѣчательнаго произведенія, его литературная и политическая репутация уже упрочилась. Партія приверженцевъ представительной формы правленія и съ тѣмъ вмѣстѣ національнаго освобожденія Италіи, только-что потерпѣвшая рѣшительное пораженіе съ неудачею моденскаго, а позднѣе анконскаго возстанія, признала въ Цезарѣ Бальбо своего вождя и обновителя.

Тѣмъ не менѣе, по изданіи въ свѣтъ своего трактата о Данте, Бальбо снова сходитъ на нѣсколько лѣтъ съ публицистической арены.

Въ 1846 г. въ Лозаннѣ вышла его исторія Италіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая 1814 годомъ. Бальбо неоднократно говорилъ, что лучшею его мечтою во времена молодости было созданіе національной итальянской исторіи. Мы знаемъ также, что онъ лучшую часть своей жизни провелъ въ собираніи матерьяловъ для этого капитальнаго труда. Его „Storie d'Italia“, изданныя книгопродавцемъ Буонамичи въ Лозаннѣ, не представляютъ, однако-же, осуществленія этой задушевной мечты, а скорѣе служатъ указаніемъ на то, что онъ отказался отъ ея осуществленія. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, — для Италіи наступаютъ такія времена, когда добросовѣстнымъ гражданамъ становится не до кабинетныхъ изслѣдованій. Самому Бальбо было уже въ это время около шестидесяти лѣтъ отъ роду (онъ родился въ 1789 г.), а потому нельзя не сознаться, что онъ поступилъ весьма благоразумно, не

отылаживая въ долгій ящикъ изданія въ свѣтъ тѣхъ, хотя-бы и не вполне удовлетворительныхъ результатовъ, которые онъ добылъ многолѣтнимъ трудомъ.

Оцѣнить на немногихъ страницахъ сочиненіе столь объективное и столь обширное по своему содержанію, какъ итальянская исторія Цезаря Бальбо, конечно, невозможно. Скажемъ, что она и до сихъ поръ еще считается въ Италіи за образцовое сочиненіе и что успѣхъ ея, при ея первомъ появленіи въ свѣтъ, былъ весьма замѣчательный; въ самый непродолжительный промежутокъ времени, т. е. до 1853 г., она выдержала пять изданій. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ недостатковъ этого сочиненія, можетъ быть, еще больше, чѣмъ самыя его достоинства, послужили поводомъ къ этому успѣху. Нельзя не счесть за недостатокъ подобнаго труда то, что личность автора, его политическія симпатіи и стремленія играютъ на его страницахъ гораздо болѣе видную роль, чѣмъ историческая истина. Въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ самъ считаетъ нужнымъ оговорить эту выдающуюся сторону своего произведенія:

„Многимъ можетъ показаться, что, издавая по возможности сокращенный учебникъ итальянской исторіи, я долженъ-бы былъ воздержаться отъ изложенія въ немъ собственныхъ своихъ взглядовъ и воззрѣній. Но я считаю рѣшительно невозможнымъ писать не только исторію, но хотя-бы простыя хронологическія таблицы, не высказывая при этомъ съ большею или меньшею ясностью собственныхъ своихъ воззрѣній и склонностей. Недаромъ Наполеонъ говорилъ, что даже числа и запятая отражаютъ на себѣ убѣжденія писавшаго ихъ ¹⁾. Да, кромѣ того, мнѣ кажется, что именно при краткомъ и сжатомъ изложеніи фактовъ всего необходимѣе дополненіе ихъ личною оцѣнкою и соображеніями автора... Мое руководство предназначено не для ученыхъ, не для литераторовъ, а для тѣхъ, которыхъ образованіе не вполне закончено, т. е. для самой многочисленной и самой дѣятельной части публики. Могъ-ли я упустить столь удобный случай оказывать на умы своихъ читателей то вліяніе, которое всегда оказываетъ на нихъ писатель съ искренними убѣжденіями и горячо преданный своему дѣлу?.. Пусть моя книга будетъ слишкомъ

¹⁾ «Les opinions se découvrent jusque dans les dates et les virgules».

исключительнымъ плодомъ своего времени. Что касается до исторіи (и я желалъ-бы, чтобы читатели и писатели, критики и цензоры глубоко прониклись этимъ),—то ее нужно либо вовсе задумать, либо-же предоставить ей быть отраженіемъ не только того времени, про которое она говоритъ, но также и того, въ которое она пишется“. (Предислов. къ первому изданію въ „Народн. энциклопедіи“ Буонамичи).

Въ другомъ предисловіи къ одному изъ позднѣйшихъ изданій Бальбо высказываетъ сожалѣніе о томъ, что краткость заставляетъ его слишкомъ часто придавать своимъ сужденіямъ и приговорамъ о событіяхъ и людяхъ такую абсолютность и рѣзкость, которой самъ онъ не придастъ имъ въ своемъ сознаніи.

Излагать содержаніе этой исторіи мы, конечно, не станемъ. Объ общемъ-же характерѣ труда читатель, кажется, легко составитъ себѣ нѣкоторое понятіе изъ того, что здѣсь уже сказано о книгѣ и объ авторѣ. Бальбо, очевидно, не принадлежитъ къ числу тѣхъ обширныхъ умовъ, которые открываютъ передъ публикою новые горизонты. Но онъ мастерски умѣетъ собрать разрозненные элементы исторической картины въ одно стройное цѣлое и освѣтить ихъ такъ, что читатель непременно замѣтитъ тѣ ихъ стороны, на которыхъ авторъ хочетъ сосредоточить его вниманіе. Вопросы историческаго метода, какъ и вообще чисто-теоретическіе, научные вопросы, для Бальбо не существуютъ. Исторія въ его рукахъ не наука (онъ самъ говоритъ это), а только орудіе политической пропаганды, и должно соznаться, орудіе весьма мощное. Бальбо пишетъ исторію по французскимъ образцамъ, но образчикомъ ему служилъ не Гизо, котораго лекціи объ исторіи цивилизаціи Европы и Франціи такъ высоко цѣнили Мадзини и Гверраци. Бальбо самъ указываетъ намъ свои образцы въ Миньѣ и въ Боссюэтѣ.

Политическій идеалъ, проповѣдуемый Бальбо въ его исторіи, есть та-же конституціонная монархія, которую онъ уже вскользь очертилъ въ своемъ трактатѣ о Данте,—но монархія не по англійскому и не по дантовскому образцу, а скорѣе на подобіе наполеоновскаго цезаризма съ легкимъ аристократическимъ и весьма сильнымъ военнымъ оттѣнкомъ. „Было-бы пустымъ тщеславіемъ, говоритъ онъ въ своей автобіографіи, „гордиться своимъ происхожденіемъ изъ семейства, извѣстнаго уже въ древ-

немъ Римѣ; но я не поступлюсь другою фамильною славой, а именно тѣмъ, что пятьдесятъ членовъ нашей семьи легли костьми на поляхъ Леньяно“ (гдѣ ломбардцы одержали побѣду надъ войсками Фридриха Барбароссы).

Основной мотивъ итальянской исторіи, благодаря которому она стала настольною книгою цѣлаго либеральнаго итальянскаго поколѣнія, безъ различія политическихъ партій, составляетъ его неподдѣльная любовь къ національной независимости. Ее онъ возводитъ въ догматъ, и ради нея онъ готовъ жертвовать всѣмъ рѣшительно. Для Бальбо независимость составляетъ *ultima ratio*, нѣчто, не требующее никакихъ поясненій и дополненій. Его вѣчный упрекъ славнымъ итальянскимъ предкамъ заключается въ томъ, что они, въ вѣчной погонѣ за гражданскою свободою, утратили національную независимость своей страны. Погибель Италіи, по его мнѣнію, имѣетъ своею единственною причиною раздоры муниципалитетовъ и кичливость итальянскихъ республикъ. За это онъ однажды навсегда устраняетъ возможность республиканской формы правленія въ возродившейся Италіи. Въ особенности сильна его ненависть къ тосканской демократіи XVI вѣка, увлекающая его въ мелочную борьбу противъ героевъ, триста лѣтъ тому назадъ покончившихъ свое земное странствіе. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что время паденія итальянской независимости привыкли считать съ завоеванія Флоренціи войсками Карла V. Но это значитъ придавать флорентійской демократіи слишкомъ высокое значеніе, и Бальбо лѣзетъ изъ кожи, чтобы показать неосновательность такого лѣтосчисленія. Изъ того-же самаго источника проистекаетъ недоброжелательство Бальбо противъ Макиавелли, которому онъ едва удѣляетъ въ своей исторіи нѣсколько строкъ...

IV.

Появленіе въ свѣтъ третьяго замѣчательнаго сочиненія Цезаря Бальбо вполнѣ равнялось политическому событію. Сочиненіе это носитъ смѣлое названіе: „*Надежды Италіи*“ и есть какъ-бы сводъ политической доктрины автора.

Изъ записокъ Мадзини, Брофферіо, Сантарози, самого Бальбо и многихъ другихъ мы знаемъ, что Карль-Феликсъ довель притѣсненіе печати въ своихъ владѣніяхъ до такого предѣла, о ко-

торомъ не имѣютъ даже понятія жители другихъ, хотя-бы и весьма несвободныхъ государствъ. Достаточно сказать, напр., что въ его время были запрещены всякія безъ исключенія литературныя періодическія изданія. Мадзини въ Генуѣ былъ вынужденъ прикрывать формою каталога книжныхъ магазиновъ бѣглыя замѣтки объ итальянской и иностранной литературѣ, съ которыхъ онъ началъ свое публицистическое поприще. Карлъ Альбертъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, до 1847 г. продолжалъ политику своего дяди. Исторія Бальбо, — какъ уже сказано, — была отпечатана на вольной Швейцарской почвѣ, и итальянское общественное мнѣніе ставило въ немало-важную заслугу ея автору то, что онъ имѣлъ смѣлость оставаться послѣ ея выхода въ свѣтъ въ сардинскихъ владѣніяхъ.

Бальбо, однако-же, повелъ свою смѣлость еще дальше: онъ хотѣлъ во что-бы-то ни стало издать новое свое сочиненіе („Надежды Италіи“) въ самомъ Туринѣ, понимая очень хорошо ту особую прелесть, которую получить въ глазахъ современныхъ ему читателей первое свободное слово, сказанное на итальянской землѣ человѣкомъ, несчитающимъ за нужное оградить себя отъ могущихъ возникнуть для него непріятныхъ послѣдствій. Правда, все то, что по искреннему убѣжденію говорилъ Бальбо, служило въ пользу Карла Альберта и савойской династіи гораздо лучше, чѣмъ все, что могли-бы сказать по этому поводу подкупные литературныя агенты. Но при тогдашнемъ порядкѣ вещей это еще не представляло для Цезаря Бальбо гарантіи противъ преслѣдованій. Сказанное въ пользу Пьемонта eo ipso было нападеніемъ противъ Австріи, и, пока Карлъ Альбертъ держался въ покорной роли намѣстника вѣнскаго двора, не могло быть сомнѣнія, что онъ, — даже если-бы пожелалъ, — не могъ оградить своего апологиста отъ австрійской систительности.

Чтобы исполнить свой планъ, Бальбо долженъ былъ получить особое разрѣшеніе короля. Здѣсь встаетъ замѣтить, что между Карломъ-Альбертомъ и Бальбо съ давнихъ поръ существовали близкія отношенія, впоследствии ставшія почти дружескими. Одно изъ позднѣйшихъ изданій исторіи Италіи снабжено ниже-слѣдующимъ посвященіемъ:

„Памяти моего короля Карла-Альберта посвящаю я этотъ трудъ, исполненный среди волненій и надеждъ, возбужденныхъ

его великимъ предпріятіемъ. Да будетъ это позднимъ для него выраженіемъ моей благодарности и моей преданности, оставшихся неизмѣнными среди смутъ, ошибокъ и раздоровъ; еще усилившихся со смертью этого мученика нашей національной независимости, — этой послѣдней жертвы итальянскихъ несогласій.“

Точно также и Гиро Менотти въ Моденѣ былъ другомъ герцога. Это, однако-же, не спасло его отъ австрійской петли.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ни личныя связи Цезаря Бальбо съ королемъ, ни его выгодное положеніе при туринскомъ дворѣ не доставили-бы ему желаемого разрѣшенія, если-бы Карлъ-Альбертъ не былъ уже доведенъ въ это время до той крайности, о которой мы уже говорили по поводу избранія на папскій престолъ Пія IX.

Благодаря, однако-жъ, этимъ условіямъ, книга Бальбо дѣйствительно была отпечатана въ Туринѣ. Такимъ образомъ, она собственно обозначаетъ собою поворотную точку въ политикѣ пьемонтскаго короля: съ выходомъ ея въ свѣтъ начинается разрывъ между Вѣною и Туриномъ. Въ самомъ дѣлѣ, впоследствии ничтожное столкновеніе по таможенному вопросу даетъ поводъ облечь этотъ разрывъ требуемою дипломатическою формальностью.

„Надежды Италіи“ представляютъ собою полный сводъ и какъ-бы руководство той „національной политики“, о которой Бальбо такъ много говоритъ въ предисловіи къ итальянской исторіи и которую онъ прикрываетъ почетнымъ именемъ дантовскаго гибелинства. Книга эта, весьма обильная политическимъ значеніемъ, можетъ быть разсматриваема съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія, но ни въ какомъ случаѣ не съ научной и не съ чисто-литературной. Всего точнѣе, она есть прямой отвѣтъ на „Primato d'Italia“ абата Джіоберти, составлявшую какъ-бы кодексъ нео-гвельфизма, и въ то-же время полемика противъ Мадзини и „утопистовъ“, съ которыми Бальбо полемизируетъ всегда, о чемъ-бы онъ ни говорилъ.

Безспорно, самый лучший изъ полемическихъ приѣмовъ заключается въ заимствованіи у своихъ противниковъ того, что, не будучи неразрывно связано съ цѣлою ихъ системою, служить существеннымъ элементомъ ихъ успѣха. Бальбо отлично пользуется этимъ приѣмомъ. Краеугольнымъ камнемъ популярности „Молодой Италіи“ и нео-гвельфизма была ихъ пропаганда національнаго

освобожденія. Бальбо въ своемъ идолопоклонствѣ предъ итальянскою независимостью превосходить и тѣхъ, и другихъ. Однимъ изъ существеннѣйшихъ догматовъ ученія Бальбо былъ конституціонализмъ — принципъ представительства. Но тамъ, гдѣ дѣло касается независимости, Бальбо не задумывается пожертвовать и имъ. „Предположимъ, что отъ произвола итальянскихъ государей зависитъ принять или не принять принципъ представительства — должно-ли желать, чтобы они его приняли? Будемъ говорить откровенно (*parliamo schietto*). Если они примутъ этотъ принципъ, то развѣ это не можетъ послужить источникомъ новыхъ опасностей, разочарованій, пожалуй, даже отвлечь отъ главнаго дѣла — независимости. Въ такомъ случаѣ я не задумаюсь назвать этотъ переходъ вреднымъ“ (гл. X, стр. 153, пят. изд.).

Самый свой монархизмъ Бальбо подчиняетъ условіямъ борьбы за независимость; но такъ-какъ именно съ точки зрѣнія этой борьбы превосходство монархическаго начала не подлежитъ, по его мнѣнію, никакому сомнѣнію, то онъ и ставитъ его внѣ вопроса, ограничиваясь простымъ отрицаніемъ революціонныхъ средствъ и республиканской организаціи.

Рядомъ съ вопросомъ національной независимости мадзиніевская программа ставила вопросъ политическаго единства, рѣшая его абсолютно и въ самомъ рѣзкомъ реформаціонномъ смыслѣ. Программа нео-гвельфовъ на этотъ счетъ гораздо неопредѣленнѣе. Правда, Джіоберти распространяется о верховномъ главенствѣ папы, но онъ въ то-же время не упускаетъ случая воскурить и Карлу-Альберту хвалебный фимиамъ и ни слова не говоритъ о той политической формѣ, въ которую должна вылиться римское церковное преобладаніе.

Бальбо въ своихъ „Надеждахъ“ рѣшаетъ безъ обиняковъ вопросъ единства отрицательнымъ образомъ. Онъ не вѣритъ въ возможность единаго итальянскаго королевства при тѣхъ раздорахъ и при томъ разнообразіи условій общественнаго быта, которые до сихъ поръ еще существуютъ въ Италіи. Крімъ того, онъ считаетъ въ высшей степени неpolitичнымъ возбуждать этотъ вопросъ въ то время, когда нужны соединенныя усилія всѣхъ итальянскихъ государей для того, чтобы освободиться отъ иностраннаго владычества. Италія должна принять строй федераціи, въ которой „Пьемонтъ будетъ меченосцемъ, Римъ — сердцемъ“.

Федерированніе італьянскіе государи должны сьумѣть „поднять народное благосостояніе на такую высоту, чтобы отнять у Австріи всякую возможность соперничать съ ними, и, такимъ образомъ, приготовить тотъ вождедѣнный часъ, когда они оставятъ Италію, довольствуясь територіяльными вознагражденіями на счетъ Турціи“ *).

Несмотря на это недвусмысленное рѣшеніе у Бальбо унитарнаго вопроса, въ идеалѣ онъ все-таки остается унитаріемъ, принимая федерацію, какъ вынужденную уступку обстоятельствамъ. При господствѣ парламентской системы управленія во всѣхъ федеративныхъ государствахъ и при благоразумной свободѣ прессы (безъ которой Бальбо считаетъ парламентаризмъ совершенно немислимымъ) въ Италіи, по его мнѣнію, не замедлитъ возникнуть нѣкоторое сильное, единомыслящее большинство, которое и совершитъ требуемое объединеніе путемъ мирной пропаганды. Безъ возникновенія такого большинства Бальбо считаетъ возникновеніе итальянской національности неосуществимымъ.

„Я считаю несерьезными и основанными на случайности, говорить онъ,—тѣ надежды, которыя въ дѣлѣ итальянскаго возрожденія возлагаются на одного какого-нибудь государа или государственнаго человѣка“. Бальбо осторожно обходитъ вопросъ о великомъ значеніи „Молодой Италіи“ или о всесвѣтномъ „верховенствѣ“ ея, потому что его отношеніе къ этому предмету легко могло-бы задѣть стихійное самолюбіе итальянскихъ массъ. Собирая его отрывочныя замѣчанія по этому вопросу, мы приходимъ къ заключенію, что Бальбо не давалъ мѣста этому поэтическому и льстивому элементу въ своихъ воззрѣніяхъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, обращаясь къ итальянской образованной молодежи:

„Нашъ народъ не лучше и не хуже другихъ цивилизованныхъ народовъ; правда, онъ болѣе страстенъ и менѣе другихъ освоенъ съ представительною формою правительства. Но и то, и другое — бѣда поправимая. Вы одолѣете страсть разсудкомъ, лишь-бы только въ васъ была охота разсуждать. Вы побѣдите невѣже-

*) «...Si concedano tanti beni ai popoli, che il dominatore straniero perda ogni nerbo, sin che la provvidenza non conduca il tempo di farli abbandonare l'Italia compensandolo conacquisti sulla Turchia.

ство наукою, если только вы сумеете должнымъ образомъ направить ваши труды и затѣмъ изложить ихъ результаты въ формѣ искренней, простой и энергичной... Только не увлекайтесь несбыточными надеждами и не робѣйте передъ призрачными угрозами: и то, и другое — порожденія лѣности, препятствія, представляемыя лицемѣриемъ вслѣдствіе плодотворному труду“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе. Въ первомъ предисловіи къ своей исторіи, желая убѣдить своихъ читателей въ справедливости своего положенія о томъ, что „счастье всегда склоняется на сторону того, кто умѣетъ настойчиво идти до конца по однажды избранному пути“, онъ ссылается на примѣръ Америки, Пруссіи, Англіи и Франціи, силою своей политики, стяжавшихъ себѣ верховенство въ политическомъ мірѣ. „Для насъ, продолжаетъ онъ, — рѣчь идетъ пока еще не о томъ. Мы слишкомъ далеки отъ подобной доли. Намъ надо помншлять не о томъ, чтобы вырвать пальму политическаго первенства у тѣхъ, кто держитъ ее теперь. Намъ ждуть болѣе скромныя, хотя и не менѣе доблестныя побѣды. Свобода и независимость для насъ нужнѣе, чѣмъ господство надъ міромъ; но мы ихъ не добьемся никогда, если не сосредоточимъ на этой борьбѣ всѣ наши умственныя и интеллектуальныя силы. Посмотрите на примѣръ Испаніи... Или, еще лучше, посмотрите на ваше собственное политическое существованіе втеченіи послѣднихъ четырнадцати вѣковъ и почти-что до настоящей минуты...“

Такимъ образомъ, и при всемъ своемъ исключительномъ націонализмѣ, Бальбо, однако-жъ, заботится не о томъ, чтобы изолировать Италію среди какого-то мистическаго величія, а о томъ, чтобы вовлечь ее въ общій потокъ европейской цивилизаціи.

Черта, которою Бальбо всего рѣзче отличается отъ націоналистовъ мадзиніевской школы, это — его рѣшительно консервативное направленіе, доводимое имъ иногда до крайности. По вопросу папства Бальбо, не менѣе чѣмъ самъ Джіоберти, остается правовѣрнымъ сыномъ Ватикана. Онъ ни на минуту не подвергаетъ сомнѣнію необходимость сохраненія въ римскихъ владѣніяхъ свѣтской власти папъ; но онъ хотѣлъ-бы, чтобы правительство Церковной Области преобразилось согласно свѣтскому идеалу конституціонной монархіи. Этимъ онъ и отличается до-

вольно существенно отъ нео-гвельфовъ, желавшихъ всю Италію подчинить теократическому римскому господству.

Ахиллесову пятую теорію Бальбо составляетъ его крайній милитаризмъ—результатъ молодости, проведенной въ школѣ и подъ обаяніемъ Наполеона I. Впрочемъ, желая сдѣлать борьбу противъ Австріи дѣломъ исключительно правительственнымъ, въ принципѣ отвергая въ этомъ дѣлѣ всякое патріотическое содѣйствіе народныхъ массъ, Цезарь Бальбо весьма естественно долженъ былъ прійти къ преувеличенію военныхъ функций государственности... Замѣтимъ, что, начиная съ самого Макиавелли, едва-ли хоть одинъ изъ апологистовъ итальянской независимости не сѣтовалъ на упадокъ въ своихъ соотечественникахъ воинственнаго духа. Но Макиавелли писалъ о необходимости замѣнить кондотьеровъ отрядами вооруженныхъ гражданъ; Мадзини проповѣдывалъ партизанскія банды и даже оставилъ сочиненіе о партизанской войнѣ въ примѣненіи къ итальянской территоріи. Цезарь Бальбо хочетъ солдатъ, и именно такихъ, какіе нужны были Наполеону. Въ бытность свою предсѣдателемъ кабинета пьемонтскихъ министровъ, въ самую критическую эпоху, —весною 1848 г.,— Бальбо оставляетъ Туринъ и министерство, чтобы отправиться въ дѣйствующую армію съ тремя своими сыновьями и въ качествѣ бригаднаго генерала принять участіе въ ничтожномъ сраженіи при Пастренго...

Если изъ всего, сказаннаго выше, читатель не составитъ себѣ вполне опредѣленнаго понятія о причинахъ, обусловившихъ блестящій политическій успѣхъ и громкую извѣстность Цезаря Бальбо, то мы постараемся въ немногихъ словахъ пополнить здѣсь оставленный нами пробѣлъ. Бальбо первый заговорилъ о національномъ освобожденіи Италіи языкомъ простымъ, яснымъ и вполне удобопонятнымъ для каждаго, какъ о дѣлѣ будничномъ, такъ сказать, практичномъ. Онъ отрѣшилъ это великое дѣло отъ той мистической, восторженной обстановки, которую оно имѣетъ въ твореніяхъ лучшихъ итальянскихъ патріотовъ и публицистовъ новаго времени. Онъ сумѣлъ обратить въ свою пользу весь тотъ пылъ благородныхъ порывовъ, который пробудилъ Мадзини своею „Молодою Италіею“, но направилъ этотъ пылъ на тотъ путь „благоразумной середины“, на которомъ не требовалось отъ его агентовъ ни великодушія, ни геройскихъ порывовъ.

вовъ, а только извѣстной доли здраваго смысла, — качества несравненно болѣе распространеннаго, чѣмъ тѣ республиканскія добродѣтели, на которыхъ строилъ свое величавое зданіе генуэзскій агитаторъ. Бальбо не оставилъ по себѣ величавой доктрины національнаго возрожденія; но онъ первый задумалъ начертать родъ удобоисполнимаго политическаго рецепта, по которому, безъ особенныхъ затратъ, такъ сказать, домашними средствами, могъ быть приведенъ въ исполненіе планъ, отвѣчавшій самымъ настоятельнымъ требованіямъ итальянскаго народонаселенія. Короче говоря, Цезарь Бальбо въ дѣйствительности создалъ ту консервативную партію итальянскаго объединенія, которая, тѣмъ или инымъ путемъ, благодаря многимъ непредвидѣннымъ, но благопріятнымъ случайностямъ, въ концѣ-концовъ все-таки довела свою ладью до благополучной гавани.

Быть можетъ, Цезарь Бальбо тою ролью, которую онъ разыгралъ въ итальянской борьбѣ за независимость, обязанъ не однимъ только своимъ достоинствамъ, но, въ значительной степени, также и выгодному своему общественному положенію. Тѣмъ не менѣе, благодарное отечество зачло ему всѣ его заслуги и почтило его памятникомъ, воздвигнутымъ въ 1856 году (три года спустя по смерти Бальбо) на одной изъ площадей Турина. И оно было право: Карлъ-Альбертъ долго-бы колебался въ выборѣ между цѣпями Австріи и итальянской свободой, пока послѣдняя представлялась ему въ революціонномъ плащѣ заговорщика „Молодой Италіи“. Но когда онъ облекся въ генеральскій мундиръ и принялъ графскій титулъ въ лицѣ Цезаря Бальбо, то колебанія короля исчезли сами собою. Едва убѣдившись въ существованіи за собою сколько-нибудь значительной монархически-національной партіи, Карлъ-Альбертъ, не задумываясь, бросаетъ перчатку Австріи и, весной 1848 года, тому же самому Бальбо поручаетъ составить первое въ Пьемонтѣ конституціонное министерство.

Дѣятельность Бальбо, какъ предсѣдателя пьемонтскаго кабинета, не входитъ въ рамки этой статьи. И благо, потому-что этотъ почтенный публицистъ и добросовѣстный кабинетный мыслитель оказывается крайне плохимъ политическимъ дѣятелемъ. Его аристократическій темпераментъ, — если не убѣжденія, — оказывается совершенно несоответственнымъ съ требованіями и ду-

хомъ того труднаго времени; и вскорѣ Бальбо вынужденъ передать свой портфель абату Джіоберти, котораго министерство носить названіе „демократическаго“, въ отличіе отъ гибелинскаго кабинета его предшественника.

Министерская дѣятельность Бальбо можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ неудовлетворительности его политической программы. Это, впрочемъ, не умаляетъ его публицистическихъ заслугъ: онъ указалъ новое направленіе итальянскому національному движенію. При этомъ не могли замедлить явиться люди, которые-бы пополнили пробѣлы и исправили недостатки своего родоначальника. Такимъ исправителемъ и поподнителемъ программы Бальбо явился Даніилъ Манини съ своимъ „духовнымъ завѣщаніемъ“, — талантливый трибунъ, но рѣшительно ничѣмъ не заявившій себя, какъ мыслитель.

Въ этомъ новомъ своемъ видѣ программа Бальбо становится достояніемъ графа Кавура, котораго самъ Бальбо, такъ сказать, возвелъ на министерскія кресла въ 1853 году и котораго удачная политическая дѣятельность слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна.

Э. Денегри.

РАБОЧИЙ ДОМЪ *).

(Изъ Корнуэля).

Въ безплодномъ кварталѣ веселой столицы
Красуется каменный домъ;
Построенъ руками бродягъ неприютныхъ,
И ими набить онъ биткомъ.
Въ оконныхъ рѣшоткахъ угрюмыя лица
Мелькаютъ и ночью, и днемъ.

Поодаль змѣнится терновникъ колючій —
Граница пустынныхъ болотъ,
Откуда залитый водою проулокъ
На каменоломню ползеть.
А въ домъ загляните: тамъ бѣдность со злобой
Какъ мачиха, нянчить свой плодъ.

Взойдешь-ли на дворъ—за высокой оградой
Тамъ бродитъ измученный людъ
На почвѣ безплодной; взойдешь-ли въ палаты—
Тамъ блѣдныя женщины шьютъ,
Съ зари до зари изгибаясь безмолвно...
И смѣха не слышится тутъ.

Отверженнымъ этимъ давно уже чужды
Участье, любовь и привѣтъ:
Отчаянье въ будущемъ, скорбь о прошедшемъ —
Вотъ горькой ихъ жизни завѣтъ.
Въ тюрьмѣ имъ отрада—хоть скудная пища,
На волѣ—и этого нѣтъ.

*) Печальное устройство англійскихъ рабочихъ домовъ, куда сажаются люди не за преступленіе, а за нищету, вызываетъ въ Англии съ давнихъ поръ самыя горячіе протесты. Особенно горячо протестовали такіе поэты, какъ Томасъ Гудъ, Барри Корнуэль и т. д. Мы считаемъ не безынтереснымъ познакомить читателя съ подобными произведеніями англійскихъ поэтовъ, хотя они и рисуютъ социальныя отношенія, неизмѣющія мѣста у насъ.

Куда златокудрая дѣвочка дѣлась,
 Съ задумчивымъ, кроткимъ лицомъ?
 Гдѣ мальчикъ, котораго мать такъ любила,
 Какъ звѣздочку въ мракѣ ночномъ?
 Онъ вырванъ у матери: волей закона
 Ее разлучили съ отцомъ.

Ихъ въ школу отправятъ—тамъ грамотѣ учать,
 Имъ школа познанья даетъ...
 Но гдѣ то вліянье, та искра святая,
 Что мать лишь въ ребенка вдохнетъ?
 Тамъ чувства не зрѣютъ, природа въ загонѣ,
 Тамъ ломка, тамъ выправки гнетъ.

Вотъ дѣвушка: съ дѣтства ее не ласкали
 Ни мать, ни отецъ на рукахъ;
 А вотъ девятнадцати-лѣтній бродяга,—
 Слѣдъ бурь отпечатанъ въ чертахъ...
 Она добываетъ свой хлѣбъ въ переулкахъ,
 Онъ—въ цѣпи закованъ на южныхъ моряхъ.

О власть, о законы, о разумъ! Взгляните
 На этихъ несчастныхъ людей,
 Которыхъ безжалостно вы оторвали
 Съ пеленокъ отъ ихъ матерей.
 Есть множество истинъ,—вы знать ихъ не знали,
 Сановники, въ жизни своей.

О. Охтенская.

БРИЛЛАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА XXXI.

Мнимое похищеніе брилліантоваго ожерелья.

Скромная и уединенная жизнь, которую вела леди Эстасъ въ Портрѣ, въ Шотландіи, наконецъ ей сильно надоѣла. Послѣ отъѣзда Франка Грейстока она рѣшительно не знала, что ей дѣлать, до того одолевала ее скука. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, молодой, красивой и богатой вдовѣ, желавшей жить весело, удовольствоваться обществомъ вѣчно хныкавшей миссъ Мэкнелти? Правда, Лиззи была очень разсчетлива, и именно разсчетливость побудила ее оставить Лондонъ и поселиться въ Шотландіи, но тѣмъ не менѣе, она страстно желала показать своимъ знакомымъ, что у нея прекрасный собственный домъ и что она можетъ съ достаточной пышностью принимать у себя гостей. Конечно, она не могла разчитывать, что къ ней съѣдутся многіе изъ ея лондонскихъ знакомыхъ, но нѣкоторые изъ нихъ въ то время проживали въ Шотландіи,—ихъ-то и имѣла въ виду Лиззи, когда у нея явилась идея жить такъ-же открыто, какъ жили женщины ея круга.

Лиззи разослала приглашенія всѣмъ безъ исключенія своимъ лондонскимъ знакомымъ, хотя знала, что большинство изъ нихъ къ ней не поѣдутъ въ Шотландію. Она послала приглашеніе епископу въ Бобборо и получила въ отвѣтъ любезное письмо отъ дяди своего мужа: епископъ очень жалѣлъ, что дѣла епархіи лишаютъ его удовольствія повидаться съ милой племянницей. Пригласила она также Джона Эстаса, и онъ далъ слово пріѣхать на два дня, что очень обрадовало Лиззи: теперь она смѣло могла утверждать, что всѣ розказни о ссорѣ ея съ родными покойнаго мужа, просто

бабьи сплетни. Разумѣется, Франкъ былъ въ числѣ приглашенныхъ, но могъ прїѣхать тоже только на два дня, — и то послѣ отъѣзда Джона Эстаса.

Съ особенной охотой приняли приглашеніе Лиззи: м-съ Карбонкль, миссъ Роннокъ, лордъ Джоржъ де-Брюкъ Карутерсъ и сэръ Гриффинъ Тьюнтъ. Они прїѣхали прежде всѣхъ. Вслѣдъ за ними явился Джонъ Эстасъ и наконецъ модный лондонскій проповѣдникъ, англиканскій пасторъ, м-ръ Эмилиусъ. Въ свѣтѣ утверждали, что молодой пасторъ родомъ изъ Венгрии и происходитъ изъ еврейскаго семейства, но это нисколько не мѣшало знатнымъ леди находить его весьма интересной особой и по воскресеньямъ наполнять церковь, въ которой онъ говорилъ свои элегантныя проповѣди.

Гости собрались 30 октября и надѣлали много хлопотъ почтенному управляющему Анди Гаурону, который, несмотря на свое нерасположеніе къ Лиззи, честно охранялъ ея интересы. Онъ поворчалъ на то, что приходится увеличивать расходы, но озаботился, чтобы все было готово къ приему гостей, чтобы каждый изъ нихъ могъ найти въ Портрѣ необходимый комфортъ.

Гости, прибывшіе теперь въ домъ леди Эстасъ, будутъ играть роль въ послѣдующемъ разсказѣ, и потому необходимо познакомиться съ ними читателя. О м-рѣ Эмилиусѣ будетъ сказано въ свое время, теперь же займется остальными.

М-съ Карбонкль принадлежала къ числу весьма интересныхъ личностей. Чѣмъ занимался ея мужъ, откуда онъ добывалъ деньги — никому не было извѣстно; изъ знакомыхъ м-съ Карбонкль никто его не зналъ, такъ что многіе готовы были считать его мифомъ, созданнымъ воображеніемъ м-съ Карбонкль. Тѣмъ не менѣе онъ существовалъ, но жилъ врознь съ своей женой.

Объ отцѣ м-съ Карбонкль было извѣстно только то, что онъ уѣзжалъ въ Нью-Йоркъ съ цѣлю обогатиться, но прогорѣлъ и умеръ тамъ совершеннымъ банкротомъ. Все состояніе м-съ Карбонкль заключалось въ маленькомъ домѣ въ Лондонѣ, гдѣ она жила во время лондонскаго сезона, и куда приглашала знакомыхъ на чай въ пять часовъ, но только на чай, — другихъ приглашеній она не дѣлала. Во время лондонскаго сезона она держала экипажъ, а зимой имѣла охотничьихъ лошадей, но опять-таки было неизвѣстно, кто платилъ за эти предметы аристократической роскоши, но было несомнѣнно, что платила не сама ихъ владѣлица. Одѣвалась м-съ Карбонкль превосходно и всегда по модѣ; она славилась искусствомъ подбирать цвѣта въ своемъ туалетѣ, хотя, нельзя было не замѣтить, что подборъ этотъ нѣсколько эксцентриченъ.

М-съ Карбонкль была красивая женщина; ей было далеко за тридцать, но она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ. Она была высока ростомъ, отличалась смѣлостью взгляда и твердой поступью, но болѣе всего привлекало въ ней румянецъ во всю щеку и превосходныя черныя брови.

Ея восемнадцатилѣтняя племянница, миссъ Люцинда Ронокъ могла назваться въ полномъ смыслѣ слова красавицей. Она была серьезна, молчалива и надменна. Въ обществѣ она слыла мраморной статуей, но не смотря на то за ней ухаживало множество мужчинъ, и молодыхъ и старыхъ. Миссъ Люцинда относилась къ своимъ обожателямъ холодно и надменно, она, повидимому, ненавидѣла всѣхъ мужчинъ безъ исключенія. Люцинда родилась въ Нью-Йоркѣ и жила тамъ до шестнадцати лѣтъ, потомъ ее отвезли въ Парижъ, гдѣ она пробыла девять мѣсяцевъ, а оттуда пріѣхала къ своей теткѣ, м-съ Карбонкль, въ Англію.

Обѣ дамы страстно любили охоту и были замѣчательными наѣздицами, въ особенности миссъ Люцинда.

Лордъ Джоржъ де-Брюкъ Карутерсъ связанъ былъ дружбой съ обѣими дамами; никто не зналъ, когда начались его дружескія отношенія къ теткѣ, знали только, что съ давнихъ поръ. Лордъ Джоржъ все еще слылъ молодымъ человѣкомъ, хотя ему было уже сорокъ пять лѣтъ. Рассказывали, что въ молодости, когда онъ назывался просто Джоржъ Карутерсъ, онъ былъ клеркомъ у стряпчаго въ Абердинѣ. Его троюродный братъ, маркизъ Килликранки, былъ убитъ на охотѣ, второй братъ маркиза тоже убитъ въ сраженіи подъ Балаклавой, третій погибъ въ Индіи; ни одинъ изъ нихъ не былъ женатъ; четвертый братъ тоже умеръ въ молодыхъ лѣтахъ и хотя оставилъ потомство, но одиѣхъ дочерей. Титулъ маркиза перешелъ къ старшему брату Джоржа, а самому Джоржу правительство дало титулъ лорда.

Трудно было сказать, чѣмъ могъ жить лордъ Джоржъ; братъ его маркизъ былъ не богатъ и едва-ли удѣлялъ ему много изъ своихъ небольшихъ доходовъ, если только удѣлялъ чтонибудь. Самъ Джоржъ ничѣмъ не занимался, и всѣмъ было извѣстно, что онъ никогда не бралъ займы у своихъ пріятелей и не былъ долженъ ни одному изъ торговцевъ. Онъ имѣлъ собственныхъ верховыхъ лошадей, но въ Лондонѣ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ и обѣдалъ въ клубѣ. Ему предлагали было выступить кандидатомъ въ депутаты палаты общинъ, но онъ заявилъ своимъ избирателямъ, что онъ тогда только согласится принять кандидатуру, если они заплатятъ избирательныя издержки и назначатъ ему жалованье. Избиратели не согласились на такія условія.

Дружба съ м-съ Карбонкль не помѣшала лорду Карутерсу сблизиться съ Лиззи во время послѣдняго сезона и она подумала, не онъ-ли тотъ корсарь, котораго она жаждала и надѣялась встрѣтить.

Сэръ Грифинъ Тьюитъ, бѣловурый, невзрачный, любившій выпить, мыслилъ умомъ лорда Джоржа. Тридцатилѣтній баронетъ Тьюитъ былъ не любезенъ и не нравился женщинамъ. Онъ былъ мраченъ и угрюмъ—и было отчего? Владѣлецъ значительнаго состоянія, онъ получалъ самыя ничтожныя доходы, благодаря многочисленнымъ процессамъ, начатымъ его отцомъ, вслѣдствіе которыхъ на большую часть его доходовъ было наложено запрещеніе по опредѣленію суда.

Сэръ Тьюитъ находилъ Люцинду красавицей и не разъ дѣлалъ ей предложеніе вступить съ нимъ въ бракъ, но надменная дѣвушка постоянно ему отказывала. На настоянія тетки принять это предложеніе, Люцинда постоянно отвѣчала, что ей противны вообще мужчины, а сэръ Тьюитъ противнѣе всѣхъ.

Послѣ отъѣзда Джона Эстаса, общество, собравшееся въ замкѣ Портрэ, за исключеніемъ м-ра Эмилиуса и миссъ Мэкнелти, отправилось на охоту, гдѣ къ нему присоединился Франкъ Грейстоуъ. На охотѣ лордъ Джоржъ постоянно сопровождалъ леди Эстасъ, что сблизило ихъ еще болѣе. Въ первый же день охоты Лиззи выказала себя неустранимой наѣздницей; въ слѣдующіе же дни, въ которые не участвовалъ Франкъ, возвратившійся въ Лондонъ, Лиззи превзошла даже миссъ Люцинду, за свое мужество получившую прозваніе героини.

Оставшіеся гости прожили въ Портрэ до Рождества, проводя время весьма весело и тѣснѣе сблизаясь другъ съ другомъ. Миссъ Люцинда согласилась наконецъ принять предложеніе сэра Грифина, что не помѣшало ей еще болѣе его возненавидѣть. Свадьба была отложена на неопредѣленное время и между женихомъ и невѣстой случались чуть не ежедневныя ссоры. За то Лиззи и м-съ Карбонкль почувствовали одна къ другой самую завадычную дружбу и рѣшились прожить лондонскій сезонъ вмѣстѣ, въ домѣ м-съ Карбонкль. Пріятельницы, однакожь, едва не поссорились, когда вопросъ зашелъ объ издержкахъ, которыя должны падать на каждую изъ нихъ, но, сдѣлавъ обоюдныя уступки, дамы сошлись въ условіяхъ: Лиззи обязывалась держать на свой счетъ экипажъ, которымъ онѣ будутъ обѣ пользоваться, а кучеру и лакею станетъ платить м-съ Карбонкль; Лиззи обязывалась сдѣлать Люциндѣ свадебный подарокъ цѣною въ тридцать пять фунтовъ, платить опредѣленную сумму за столъ и пр.

Лиззи, конечно, не вытерпѣла и рассказала своему другу о

бриллиантахъ, волновавшихъ общественное мнѣніе въ лондонскомъ фешенебельномъ кругу,

— Они стоятъ десять тысячъ фунтовъ, и мнѣ подарилъ ихъ покойный мужъ,—самъ надѣлъ ихъ на шею, сказала Лиззи.

М-съ Карбонкль усомнилась въ правдивости словъ Лиззи, но когда Лиззи сказала, что въ такую цѣну ожерелье оцѣнено известными лондонскими ювелирами, почтенная дама замѣтила съ умиленіемъ:

— Какой великодушный человѣкъ! Но, говорить, что опекуны надъ имѣніемъ вашего сына признаютъ это ожерелье фамиліной собственностью и требуютъ его у васъ?

— Они требуютъ его, это правда; но мой кузень Франкъ, знающій законы лучше ихъ, говорить, что ожерелье не можетъ считаться фамиліной собственностью.

М-съ Карбонкль не повѣрила знаніямъ Грейстока, однакожь, сказала рѣшительно:

— Я ни за что не отдала бы этого ожерелья.

— Я и не отдамъ, отвѣчала Лиззи.

Въ это время были получены какія-то бумаги отъ м-ра Кампердауна, порядкомъ напугавшія Лиззи. Она обратилась за совѣтомъ къ кузену, и онъ предложилъ ей избрать повѣреннаго, которому одна должна поручить вѣдаться съ Кампердауномъ. Лиззи отослала бумаги къ своимъ стряпчимъ, Мобрэ и Мопюсу.

Между тѣмъ лордъ Джоржъ и сэръ Грифинъ (м-ръ Эмилиусъ уже возвратился въ Лондонъ), уѣзжавшіе изъ Портрэ по своимъ дѣламъ, возвратились туда, чтобы сопровождать дамъ въ Лондонъ. Но сэръ Грифинъ, сильно поссорившійся съ Люпиндой, отправился раньше и обязанность охранять дамъ во время пути легла на одного лорда Джоржа.

Лорда Джоржа передъ самымъ отъѣздомъ тоже посвятили въ исторію о бриллиантахъ.

— Бриллиантовое ожерелье, стоющее десять тысячъ фунтовъ, замокъ и четыре тысячи фунтовъ дохода—не дурная партія для такого бездомнаго холостяка, какъ я, подумалъ лордъ и рѣшился поухаживать за вдовушкой, которая къ тому же еще была красавицей.

Въ день отъѣзда долговязый лакей, пріѣхавшій съ Лиззи изъ Лондона, вынесъ известный сундукъ съ бриллиантами и поставилъ его на стулъ въ передней.

— Что, если кто-нибудь украдетъ у васъ этотъ сундукъ, замѣтилъ лордъ Джоржъ вовсе не шутивнымъ тономъ.

— Что вамъ за охота предсказывать такіе ужасы, сказала Лиззи, усиливаясь захохотать, что ей, однакожь, не удалось.

— Признаюсь вамъ, я былъ бы очень недоволенъ, еслибъ это случилось, сказалъ лордъ.

— Меня это, впрочемъ, нисколько бы не опечалило. Мое ожерелье надѣлало мнѣ столько хлопотъ и огорченій, что я желала бы отъ него освободиться; мнѣ не разъ приходила охота забросить его въ море.

Когда наши путешественники пріѣхали на станцію желѣзной дороги и усѣлись въ вагонъ, сундукъ съ ожерельемъ былъ поставленъ подъ ноги Лиззи и долженъ былъ во время дороги служить ей вмѣсто скамеечки. Путешественники предположили доѣхать до Карлейля и тамъ переночевать. Изъ прислуги были взяты лондонскій лакей и двѣ горничныя.

Миссъ Мэкнелти и юный представитель фамиліи Эстасовъ остались въ Портрѣ.

Во время дороги до Карлейля леди Эстасъ рѣшила, что лордъ Джоржъ настоящій корсаръ. Его повелительный голосъ, рѣшительныя движенія и особенная нѣжность, съ которой онъ обращался съ нею, дѣлали его совершенно похожимъ на байроновскаго корсара. Онъ вполнѣ равнодушно относился къ свѣтскимъ приличіямъ и обычаямъ; онъ ничего не уважалъ; относился съ презрѣніемъ къ титуламъ, парламенту, даже самой полиціи—ну, словомъ, настоящій корсаръ!

Его, конечно, нельзя было назвать красавцемъ, но онъ имѣлъ прекрасные глаза, въ которыхъ въ одно время выражались любовь и кровожадность; его громадный ростъ, сила, рѣшительный взглядъ показывали въ немъ человѣка, на котораго можно положиться, мужеству котораго можно было смѣло довѣряться. Лиззи находила, что, при ея поэтическихъ наклонностяхъ, для нея будетъ истинной отрадой связать свою судьбу съ человѣкомъ, который то станетъ выказывать ей суровую строгость, то будетъ относиться съ предупредительною любовію; который, разсердившись на нее, не будетъ говорить съ ней цѣлую недѣлю, за то слѣдующую недѣлю станетъ цѣловать, безконечно цѣловать и ласкать... Да, она нашла, наконецъ, своего корсара, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ прежніе ея идеалы.

Пріѣхали въ Карлейль.

— Опять мнѣ пришло въ голову ваше противное ожерелье, сказалъ лордъ Джоржъ.—Мнѣ кажется, его слѣдуетъ поставить въ вашей спальнѣ, леди Эстасъ.

— А я хотѣла просить васъ принять его къ себѣ въ комнату на сохраненіе, отвѣтила Лиззи.

— Ну, нѣтъ, увольте пожалуйста. Если украдутъ его изъ моей комнаты, я подвергнусь большимъ непріятностямъ. Не лучше ли отдать ихъ хозяину гостинницы?

Лиззи на это рѣшительно не согласилась.

— Я боюсь, что Кампердаунъ можетъ сыграть со мной дурную шутку, сказала она.

Сундукъ былъ поставленъ въ ея спальнѣ.

Вечеръ путешественники провели вмѣстѣ, весьма пріятно въ общей комнатѣ. Дамы сильно ухаживали за лордомъ Джоржемъ. Поздно вечеромъ онъ ушелъ погулять и въ его отсутствіе дамы, конечно, стали говорить о немъ и м-съ Карбонкль наговорила о немъ такъ много хорошаго, что онъ сталъ представляться Лиззи идеаломъ честности и великодушія. М-съ Карбонкль сдѣлала очень прозрачный намекъ на то, что лордъ Джоржъ могъ бы быть весьма приличной партіей для леди Эстасъ, что такого мужа не легко отыскать.

Въ десять часовъ дамы разошлись по своимъ комнатамъ спать. Лиззи тотчасъ же отпустила свою горничную Пашіенсъ Крабстикъ, раздѣлась сама и улеглась въ постель, положивъ подъ подушку часы, перстни, кошелекъ и небольшой пакетъ, который она вынула изъ дорожной шкатулки.

Въ два часа ночи какой-то человѣкъ тихонько подошелъ къ двери, ведущей въ спальню леди Эстасъ, и тонкой нилой, при пособіи другихъ инструментовъ, вырѣзалъ ту часть двери, гдѣ находилась задвижка. По его спокойнымъ, рѣшительнымъ движеніямъ можно было предположить, что онъ предварительно хорошо ознакомился съ этою дверью. Безъ шума, въ самое короткое время, онъ вырѣзалъ кусокъ двери, открылъ ее и вырѣзанный кусокъ положилъ на полъ. Потомъ, переступая какъ можно тише, вошелъ въ комнату, всталъ на колѣни подлѣ кровати, осторожно приподнял сундукъ съ брилліантами, также осторожно поднялся съ колѣнъ и тихо вышелъ изъ комнаты, не потревоживъ крѣпко спавшую вдовушку. Съ добычею въ рукахъ, онъ спустился съ лѣстницы, прошелъ въ трактиръ и, въ отворенное окно, передалъ сундукъ своему товарищу; затѣмъ вылѣзъ изъ окна, приперъ его, надѣлъ сапоги, оставшіеся на дворѣ, и вмѣстѣ съ товарищемъ отправился вдоль стѣны гостинницы.

Ночь была темная и дождливая,—такая ночь, которую любятъ авантюристы, подобные ворами, похитившимъ знаменитое ожерелье леди Эстасъ. Воры, находя, что сундукъ можетъ обратить на нихъ

вниманіе на желѣзной дорогѣ, рѣшили, что гораздо удобнѣе взломать его и бросить. Съ ними были все нужные инструменты. Подъ прикрытіемъ ночи одинъ изъ нихъ занялся взломомъ, другой сталъ караулить.

Лиззи проснулась довольно рано утромъ и, къ своему удивленію, увидѣла, что дверь въ ея комнату отперта. Въ комнатѣ находилась миссъ Крабстикъ, трактирная служанка и жена содержателя гостиницы. Эти почтенныя леди съ плачемъ рассказали ей о постигшемъ ее несчастіи.

Едва успѣла леди Эстасъ вскочить съ постели, переодѣнуться ночной чепчикъ, слегка поправить волосы и накинуть блузу, въ комнату ея ворвались: лордъ Джоржъ, хозяинъ гостиницы, ея лондонскій лакей, начальникъ карлейльской полиціи и капитанъ Фитцморицъ, глава всехъ констеблей графства.

Лиззи довольно холодно приняла извѣстіе о покражѣ и на лицѣ ея выразился скорѣе испугъ, чѣмъ сильное горе.

— Надо полагать, что воры дѣйствовали по давно задуманному плану, замѣтилъ лордъ Джоржъ.

— Несомнѣнно, отвѣтилъ капитанъ Фитцморицъ, покачивая головой. Капитанъ былъ человекъ подозрительный и не любилъ много говорить.

Хозяинъ гостиницы поспѣшилъ высказать свое негодованіе противъ легкомыслія постояльцевъ, незнающихъ, что цѣнныя вещи всегда отдаются на сохраненіе хозяину.

— Любезный другъ, сказалъ лордъ Джоржъ, — развѣ кто-нибудь упрекаетъ васъ?

— Нѣтъ, милордъ, но...

— Васъ не упрекаютъ и вы никого не осуждайте, замѣтилъ лордъ Джоржъ. — Полиція исполнитъ свою обязанность и, нѣтъ сомнѣнія, откроетъ виновныхъ.

Когда мужчины ушли и Лиззи осталась вдвоемъ съ м-съ Карбонкль, она нѣкоторое время оставалась нѣмой, какъ-бы пораженная ужасомъ; наконецъ она сказала:

— Я такъ убита, что рѣшительно не могу придумать, что мнѣ дѣлать. Я полежу и отдохну: можетъ быть, это нѣсколько успокоитъ меня.

М-съ Карбонкль удалилась и Лиззи осталась одна.

Прежде, чѣмъ лечь, она заперла на ключъ испорченную дверь,

вынула изъ подъ подушки свертокъ, раскрыла его и съ любовью стала разсматривать свое милое ожерелье.

Воры украли пустой сундукъ. Но не надо думать, что самое воровство произведено съ согласія Лиззи. Нѣтъ, воровство это было тщательно задумано, исполнено съ большимъ искусствомъ и стоило большихъ денегъ человѣку, подговорившему воровъ. Это воровство задало работы англійской полиціи и долгое время приводило ее въ рѣшительное отчаяніе.

Молчаніе Лиззи о томъ, что брилліанты находились у нея и что былъ похищенъ одинъ сундукъ, вначалѣ не было предумышленнымъ обманомъ. Ей стыдно было сказать, что она, опасаясь воровства, везла изъ Портрѣ пустой сундукъ. Потомъ ей пришло въ голову, что не дурно будетъ, если дойдетъ до Кампердауна, что брилліанты похищены.

Лежа въ кровати, Лиззи, конечно, думала только объ однихъ брилліантахъ. Она представляла себѣ фигуру м-ра Кампердауна въ тотъ моментъ, когда онъ получитъ извѣстіе о несчастномъ случаѣ, и улыбалась своему торжеству. Теперь по неволѣ придется прекратить дѣло о брилліантахъ и лордъ Фаунъ снова будетъ у нея ногъ.

Но явился вопросъ: куда дѣвать ожерелье? Лучше-бы всего продать его, тѣмъ болѣе, что Лиззи нуждалась въ деньгахъ: роскошное гостепримство въ Портрѣ значительно уменьшило ея денежныя средства. Обратиться развѣ къ знакомому ювелиру Бенджамину, но этотъ жидъ, пожалуй, предложитъ самую ничтожную цѣну. Однакожь, если-бъ онъ далъ пять или шесть тысячъ фунтовъ,—такая сумма пригодилась-бы ей теперь очень кстати. Но надежда на Бенджамину была плохая.

Ей нужепъ былъ другъ,—такой другъ, на котораго-бы она могла вполне положиться. Лордъ Джоржъ?... Но въ качествѣ корсара онъ непремѣнно завладѣетъ ожерельемъ безвозвратно. А если онъ не настоящій корсаръ, то, пожалуй, выдастъ ее полиціи. Она перебрала всѣхъ своихъ знакомыхъ и слугъ, мужскаго и женскаго пола, но ни на комъ не могла остановиться. Послѣ долгихъ размышленій она рѣшила, что необходимо молчать о томъ, что украденный сундукъ былъ пустъ.

Она наконецъ заснула, держа въ рукахъ пакетъ съ брилліантами, но черезъ часъ была разбужена стукомъ въ дверь. М-съ Карбонкль звала ее завтракать. Лиззи отказалась и просила, чтобъ ей прислали въ спальню чашку чаю.

Между тѣмъ остальные путешественники собрались въ общей

комнатъ и обсуждали странное поведеніе Лиззи. Ихъ удивляло ея спокойствіе.

— Она истинная героиня, сказалъ лордъ Джоржъ.

— Я полагаю, она оттого такъ спокойна, что это воровство избавляетъ ее отъ скандальнаго процесса. У нея все равно отняли-бы это ожерелье судомъ, замѣтила м-съ Карбонкль.

— Я получу о ней самое высокое мнѣніе, если окажется, что она сама наняла этихъ воровъ, сказалъ лордъ Джоржъ.

Желѣзный сундукъ былъ найденъ полиціей и принесенъ въ гостиницу. Онъ былъ взломанъ чрезвычайно искусно и констебль выразилъ убѣжденіе, что такая ловкая штука могла быть дѣломъ столичныхъ воровъ, но никакъ не провинціальныхъ. Очевидно, что воры знали о днѣ выѣзда леди Эстасъ изъ Шотландіи и весьма искусно составили планъ воровства. Начальникъ полиціи, повидимому, держался другого мнѣнія; онъ очень косо и подозрительно поглядывалъ на лорда Джоржа, весьма резонно предполагая, что достопочтенный лордъ не долженъ питать отвращенія къ такимъ цѣннымъ вещамъ, какъ брилліантовое ожерелье. Осторожный чиновникъ, однакожъ, не высказалъ своего подозрѣнія и заявилъ только, что леди Эстасъ можетъ легко обойтись безъ долговязаго лакея, котораго ему необходимо оставить въ Карлейлѣ.

Прибылъ слѣдственный судья и снялъ допросъ со всѣхъ. Лиззи показала, что ожерелье цѣнилось въ десять тысячъ фунтовъ, что о немъ былъ процессъ, что брилліанты подарены ей мужемъ и составляютъ ея неотъемлемую собственность; что она сама заперла ихъ въ сундукъ въ Портрѣ. Она показала ключъ къ этому сундуку; замокъ такъ мало былъ поврежденъ, что ключъ дѣйствовалъ. Миссъ Крабстикъ подтвердила показанія своей госпожи, хотя нѣсколько запиналась. Крабстикъ сказала, что она видѣла брилліанты, но очень давно. Вообще она говорила такъ уклончиво, что на нее могло пасть подозрѣніе, что она сказала меньше, чѣмъ знала. М-съ Карбонкль и лордъ Джоржъ заявили, что они видѣли брилліанты, при чемъ лордъ замѣтилъ, что это ожерелье, вслѣдствіе процесса, надѣлало такъ много шума, что является весьма естественнымъ предположеніе, что лондонскіе воры, зная цѣнность ожерелья, пожелали завладѣть имъ. Долговязаго лакея не допрашивали, но онъ, какъ мы знаемъ, по требованію полиціи, былъ задержанъ въ Карлейлѣ.

Карлейльская полиція разслала въ разныя мѣста телеграммы и вскорѣ получено было извѣщеніе, что въ этотъ день изъ Карлейля на поѣздѣ, отходящемъ въ четыре часа утра, выѣхало двое неизвѣстныхъ подозрительныхъ людей; одинъ изъ нихъ вышелъ въ

Аннаѣ, а другой въ Думфри. Они-то, по мнѣнію карлейльской полиціи, украли ожерелье; но какъ пропажъ замѣчена была только въ семь часовъ, то и не оказывалось возможности схватить ихъ на дорогѣ; по всей вѣроятности, они доберутся до Лондона какимъ нибудь боковымъ путемъ. Когда лордъ Джоржъ сообщилъ Лиззи эти подробности, она въ душѣ пожалѣла воровъ, которымъ приходится укрываться отъ полиціи, хотя они украли пустой сундукъ.

Однакожь, въ Карлейлѣ дѣлать было нечего и наши путешественники, запасшись билетами, усѣлись въ вагонъ, и поѣздъ учалъ ихъ къ Лондону.

— Каково вамъ покажется, сказала лордъ Джоржъ во время пути,—полицейскіе подозрѣваютъ, что укралъ ожерелье я!

Дамы восклицаніями выразили свое удивленіе и недоумѣніе.

— Увѣрю васъ, я не ошибаюсь, продолжалъ лордъ Джоржъ.— Посмотрѣли-бы вы, какіе взгляды бросалъ на меня начальникъ карлейльской полиціи; онъ, какъ будто, хотѣлъ сказать мнѣ: нѣтъ, братъ, меня не проведешь. Проницательность полиціи бываетъ иногда изумительна; когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ украли церковные сосуды въ соборѣ въ Барчестерѣ, одному изъ полицейскихъ пришла блистательная мысль въ голову, что это воровство сдѣлано самимъ епископомъ.

— Можетъ-ли это быть? спросила Лиззи.

— Это вѣрно. Я убѣжденъ, что между карлейльскими полицейскими находится молодець, который доказываетъ теперь, что ожерелье украли вы сами, для того, чтобы отнять оружіе изъ рукъ Кампердауна и тѣмъ заставить его прекратить процессъ.

— Но что-бы я стала съ нимъ дѣлать, еслибъ дѣйствительно украли его? замѣтила Лиззи.

— Развѣ трудно сбыть подобную вещь; покупщикъ всегда найдется.

— Врядъ-ли.

— Ну, еслибъ вы распорядились такъ ловко съ своимъ ожерельемъ, я нашель-бы вамъ покупщика. Пришлось-бы, правда, уѣхать изъ Англіи, хоть въ Вѣну: тамъ такое дѣло смастерить было-бы вовсе не трудно.

— Смотрите, чтобъ я не поймала васъ на словѣ и въ самомъ дѣлѣ не попросила-бы васъ поѣхать туда вмѣсто меня.

Въ лондонскій домъ м-съ Карбонель путешественники пріѣхали поздно, въ 11 часовъ, но Лиззи тотчасъ-же послала записку къ Франку. Сообщая ему о пропажѣ брилліантовъ, она просила его прійти къ ней завтра утромъ какъ можно раньше.

Франкъ пріѣхаль раньше, чѣмъ Лиззи проснулась. Разбуженная своей горничной, леди Эстасъ поспѣшила одѣться. Она почти цѣлую ночь не спала и думала о томъ, что она дала ложное показаніе подъ присягой. Она вышла вся взволнованная и стремительно бросилась къ своему кузену, почти заключивъ его въ свои объятія.

— Такъ брилліанты украдены? спросилъ Франкъ.

— Да, украдены дорогой, въ Карлейлѣ, въ гостинницѣ; сундукъ взломанъ и брошенъ подъ аркой желѣзной дороги, отвѣчала Лиззи.

— Что говорятъ полицейскіе?

— Не знаю. Лордъ Джоржъ увѣряетъ, что они подозрѣваютъ его въ кражѣ ожерелья.

— Пусть ихъ подозрѣваютъ; однакожъ, надо приняться за дѣло по горячимъ слѣдамъ. Я побываю у начальника здѣшней полиціи и переговорю съ нимъ. Заѣду также къ Кампердауну сообщить о всемъ случившемся.

Лиззи поблагодарила кузена за его заботливость и онъ уѣхаль.

— Еслибъ у меня украли десять тысячъ фунтовъ, говорила м-съ Карбонкль,—то, вѣжета, я проплакала-бы себѣ всѣ глаза.

Но глаза Лиззи оставались сухи; напротивъ, она радовалась и торжествовала, что ненавистное дѣло объ ожерельѣ развязалось для нея такимъ удобнымъ способомъ.

ГЛАВА XXXII.

Дѣйствительное похищеніе ожерелья.

Лондонская полиціа дѣятельно занялась розысканіемъ украденнаго ожерелья. Это дѣло было поручено знаменитому сыщику м-ру Бенфиту. Изучивъ всѣ подробности дѣла, Бенфитъ остановился на томъ предположеніи, что ожерелье украдено лордомъ Джоржемъ съ согласія леди Эстасъ. Когда-же лордъ Джоржъ побываль у брилліантника Бенжамина, это предположеніе въ сознаниіи м-ра Бенфита обратилось въ несомнѣнный фактъ. Онъ сталъ часто посѣщать лорда Джоржа подъ предлогомъ полученія отъ него необходимыхъ свѣденій по дѣлу о пропавшихъ брилліантахъ. Эти посѣщенія такъ надобли лорду Джоржу, что онъ съ досадою проговорилъ:

— Можно подумать, что вы убѣждены, что брилліанты находятся у меня.

— Милордъ, человекъ въ моемъ положеніи ни въ чемъ не можетъ быть убѣжденъ, онъ можетъ только подозрѣвать.

— Значитъ, вы подозрѣваете, что я украдъ это ожерелье?

— Какъ можно, милордъ, я этого не осмѣлюсь сказать, но согласитесь, что эта попража чрезвычайно странна и запутана.

Затѣмъ онъ очень ловко перешелъ къ вопросу о свиданіи лорда Джоржа съ Бенжаминомъ и Гартеромъ, которыхъ полиція знала за людей, увѣренныхъ, что можно безопасно братья за всякое „темное и рискованное дѣло“, лишь-бы умѣло прятать концы.

— Къ несчастію, эти господа имѣютъ вежеселя на меня, отвѣчала лордъ Джоржъ,—и я поневолѣ посѣщаю ихъ.

— Мы знаемъ, что у нихъ есть ваши вежеселя, отвѣтилъ совершенно безстрастно Бенфитъ, раскланиваясь съ взбѣшеннымъ лордомъ Джоржемъ.

М-ръ Бенфитъ имѣлъ совѣщаніе также и съ леди Эстасъ. Ему пришло на мысль, что если ожерелье украдено дѣйствительными ворами, то они попользовались только сундукомъ, а ожерелье, вѣроятно, осталось у Лиззи. Руководимый этой мыслью, Бенфитъ сталъ спрашивать леди Эстасъ о всѣхъ подробностяхъ воровства и вскользь замѣтилъ, что, можетъ быть, ея сіятельство забыла, что въ разсѣянности оставила ожерелье въ Портрѣ, взявъ съ собой только пустой сундукъ, почему просилъ у нея позволенія сдѣлать обыскъ въ замкѣ. Посовѣтовавшись съ Франкомъ, Лиззи дала согласіе на обыскъ. Разумѣется, тамъ ничего не нашли. Но этотъ обыскъ былъ только прелюдіей къ другому обыску. Въ свое пятое посѣщеніе м-ръ Бенфитъ намекнулъ Лиззи, что ему приказано, съ содѣйствіемъ женщины, оставленной въ передней, произвести обыскъ въ вещахъ ея сіятельства.

— Мы должны пересмотрѣть все до послѣдней нитки, въ утѣшеніе сказалъ Бенфитъ.

М-съ Карбонкль, присутствовавшая при этомъ свиданіи, вознегодовала и рѣшительно объявила, что не допуститъ производить полицейскій обыскъ въ своемъ домѣ. Когда же Бенфитъ увѣрилъ ее, что обыскъ будетъ произведенъ только въ комнатахъ, занимаемыхъ леди Эстасъ, домохозяйка заявила, что она позволяетъ ему исполнять его обязанность.

Едва м-съ Карбонкль проговорила свое согласіе, Лиззи почувствовала себя совершенно одинокой и брошенной во власть непреклоннаго врага. Она сознавала, что если покажетъ свою слабость, то это будетъ уликой противъ нея. Она услышала, какъ Бенфитъ объяснялъ, что этотъ обыскъ простая формальность, необходимая для успокоенія публики, въ которой ходятъ самыя странныя слухи

на счет воровства ожерелья. Но далѣе она ничего не слыхала и упала въ обморокъ.

— Бѣдная, ей очень тяжело переносить всю эту исторію, сказала м-съ Карбонкль, схватившись за сонетку.

— О, конечно, ей не легко, отвѣчалъ Бенфитъ.—Нашему брату часто приходится видѣть такіе обмороки. Немного свѣжаго воздуха и воды столько, чтобъ можно было окрестить ребенка, и милледи тотчасъ-же воспрянетъ.

— Вы-бы сдѣлали очень хорошо, если-бъ ушли, сказала м-съ Карбонкль строго.

— Нѣтъ, ужъ позвольте остаться до тѣхъ поръ, какъ она придетъ въ себя. Случается, что такіа нѣжныя леди падаютъ въ обморокъ отъ одного взгляда на нашего брата, но намъ должно все выносить. Пустите побольше воздуху, да окропите ее нѣсколькими каплями воды. Капля на такую леди дѣйствуетъ лучше, чѣмъ цѣлое ведро воды. Посмотрите, она сейчасъ придетъ въ себя.

Предсказаніе Бенфита торжественно оправдалось: Лиззи вскорѣ открыла глаза. Первымъ ея движеніемъ было схватить себя за грудь, чтобы удостовѣриться, здѣсь-ли ключъ отъ шкатулки. Бенфитъ, конечно, замѣтилъ это движеніе, и тотчасъ подумалъ, что у нея, вѣроятно, припрятанъ на груди документъ, указывающій, какъ найти настоящій слѣдъ для отысканія брилліантовъ. Но ему сразу не пришло въ голову, что здѣсь запрятанъ ключъ отъ шкатулки, въ которой заперто ожерелье. Однакожъ, силой произвести обыскъ онъ не посмѣлъ.

— Я только что объяснялъ, что подобные припадки видывалъ не разъ въ своей жизни, сказалъ Бенфитъ.—Воры,—конечно, настоящіе,—нисколько не теряются въ нашемъ присутствіи; женщины, пожалуй, будутъ еще похрабрѣе мужчинъ. Ну, а если нашъ братъ вмѣетъ дѣло съ знатными дамами, тогда онъ непременно падаютъ въ обморокъ. Случалось, что онъ падали въ обморокъ при одномъ взглядѣ на полицейскаго... Позвольте приступить къ обыску?

— Я должна прежде посоветоваться съ моимъ кузеномъ, отвѣтила Лиззи.

Сколько ни убѣждалъ ее сыщикъ, она твердо стояла на своемъ и онъ принужденъ былъ удалиться, получивъ отъ нея право отправиться къ м-ру Грейстоку и переговорить съ нимъ по этому поводу.

Не смотря на неудачу, Бенфитъ возвращался домой въ очень хорошемъ расположеніи духа. Его подозрѣнія отчасти оправдались. Онъ былъ убѣжденъ, что дверь была вырѣзана при помощи псуснаго вора съ содѣйствіемъ лорда Джоржа. Бенфитъ пытался узнать

кое-что отъ долговязаго лакея, но тотъ стоялъ на своемъ: „знать ничего не знаю“, такъ что его принуждены были выпустить на свободу. „Ожерелье слишкомъ цѣнное, разсуждалъ Бенфитъ,—и если-бъ его украли обыкновенные воры, то полиція навѣрное напала-бы на его слѣды. Слѣдовательно, оно находится или у лорда Джоржа или передано имъ Бенжамину, чтобы скрыть его отъ преслѣдованія Кампердауна. Лордъ Джоржъ непременно любовникъ леди Эстасъ. Она упала въ обморокъ и прежде всего схватила за грудь, желая убѣдиться, цѣла-ли та вещь, сохранить которую было для нея необходимо.“ Но Бенфитъ одинъ держался этого мнѣнія. Остальные сыщики были убѣждены, что въ покражѣ ожерелья навѣрное участвовали двое самыхъ опытныхъ воровъ въ Лондонѣ: м-ръ Смайлеръ, къ которому полиція относилась чуть не съ благоговѣнiемъ, и малорослый, но очень ловкiй Билли Канъ. А если участвовали эти молодцы, то нечего и думать, что они дѣйствовали по наущенiю лорда Джоржа. Главнымъ противникомъ Бенфита былъ молодой, проворный сыщикъ Гаджэръ. Онъ произвелъ наблюденiя надъ м-ромъ Смайлеромъ и убѣдился, что этотъ искусный воръ ходитъ повѣся голову и скрежещеть зубами,—ясно, что его провели, т. е. онъ не нашель въ сундукѣ брилліантовъ (м-ръ Гаджэръ согласился съ Бенфитомъ, что ворами достался пустой сундукъ). И крошка Билли тоже не весель. Слѣдовательно между ворами вопросъ теперь идетъ о томъ: кто кого надулъ? Т. е. можно-ли придавать вѣру утвержденiю воровъ, лично участвовавшихъ въ предпріятiи, что имъ достался только пустой сундукъ, и не обманывали-ли они своихъ товарищей или кого-нибудь другого,—воротилу всего дѣла,—распуская такую нелѣпницу. Несомнѣнно также, что Бенжаминъ долженъ былъ участвовать въ продѣлкѣ, но его-ли надули или надулъ онъ,—этотъ пунктъ именно и не разъясненъ.

— Тогда, гдѣ-же, по вашему, находится ожерелье? спросилъ съ видимымъ презрѣнiемъ Бенфитъ у своего молодого товарища.

— Ну, положимъ, что у „него“ (подъ „нимъ“ подразумѣвался лордъ Джоржъ), но вы знаете, что теперь ихъ нѣтъ тамъ.

Въ томъ-то и дѣло, что ни Бенфитъ, ни его товарищъ не знали этого навѣрное. Однакожъ, послѣ обморока Лиззи, опытный сыщикъ еще болѣе утвердился въ своемъ предположенiи, что леди Эстасъ, такъ или иначе, причастна къ воровству ожерелья, о чемъ онъ не замедлилъ сообщить начальнику лондонской полиціи, маіору Макинтошу, когда отдавалъ ему отчетъ о своей попыткѣ произвести обыскъ у леди Эстасъ.

— Она упала въ обморокъ, докладываль онъ.—Извѣстно, женщина нѣжная, съ ними всегда такъ бывасть.

— И, разумѣется, не допустила произвести обыскъ?

— Не допустила, сэръ. Видите-ли, она должна прежде посоветоваться съ м-ромъ Грейстокомъ.

— Я и не рассчитываль, чтобы она согласилась.

— Я тоже не рассчитываль, но убѣдился, что она все знаетъ. У нея навѣрное есть какая-нибудь тайна, которая ее сокрушаетъ. Знаете-ли, мнѣ кажется, что брилліанты находятся у нея подъ замкомъ или она носитъ ихъ на себѣ.

— Я согласенъ съ вами, что такое предположеніе весьма вѣроятно.

— Какъ хотите, но я стою за то, что въ Карлейлѣ произведено не воровство, а самая тонкая мошенническая продѣлка. Лордъ и миледи дѣйствовали за одно и который нибудь изъ нихъ сохраняетъ у себя это ожерелье.

Леди Эстасъ находилась еще подъ впечатлѣніемъ утреннихъ событій, когда пришелъ лордъ Джоржъ. Слабымъ взволнованнымъ голосомъ она рассказала ему о посѣщеніи Бенфита.

— Этотъ господинъ безпрестанно шатается и ко мнѣ, сказалъ раздражительно лордъ Джоржъ. — Никогда въ жизни не приходилось мнѣ выносить столько оскорбленій! По дорогѣ изъ Карлейля мы шутили надъ тѣмъ, что какой-то глупецъ изъ членовъ провинціальной полиціи вздумалъ подозрѣвать меня въ воровствѣ вашего ожерелья, но теперь ужъ не до шутокъ. Этотъ Бенфитъ почти требовалъ, чтобы я позволилъ ему обыскать мою квартиру.

— А мнѣ заявилъ объ этомъ прямое требованіе, произнесла плачущимъ голосомъ Лиззи.

— Тутъ есть еще какой-нибудь смыслъ. Это проклятое ожерелье принадлежало вамъ. Даже, если предположить, что оно и теперь находится у васъ, то вы скрываете только то, что составляетъ вашу собственность. Но я-то тутъ при чемъ. Если-бъ я укралъ ихъ... Я вообще мало обращаю вниманія на толки разныхъ людшекъ, но согласитесь, прослыть воромъ по цѣлому Лондону — это уже изъ рукъ вонъ гадко, — и прослыть потому, что мнѣ вздумалось оказать вѣжливость дамамъ, провожая ихъ въ Лондонъ, и одна изъ этихъ дамъ, по непростительной безпечности, дала по-

воду похитить свои брилліанты... Послушайте, что толкуетъ вашъ другъ, лордъ Фаунъ: онъ увѣряетъ, что ожерелье находится постоянно у меня въ карманѣ. Но пусть онъ не очень разглагольствуетъ, а какъ разъ поверну ему шею.

Лордъ Джоржъ проговорилъ это рѣзкимъ, даже грубымъ тономъ. Въ умѣ Лиззи сейчасъ-же промелькнуло, что корсаръ, поставленный въ такія странныя обстоятельства, конечно, не можетъ и не долженъ отличать изысканной вѣжливостію.

— Я буду очень рада, если вы это сдѣлаете, замѣтила Лиззи.

— И сдѣлаю. Я никакъ не думала, что могу выходить изъ терпѣнія. Но когда дѣло доходить до кражи этого проклятаго ожерелья, когда лондонская полиція на каждомъ шагу проявляетъ свою предупредительную заботливость обо мнѣ, я бѣшусь до послѣдней возможности... Леди Эстасъ, вы знакомы съ Бенжаминъ?

— Я его знала прежде, отвѣтила Лиззи, краснѣя.—Я когда-то была должна ему.

— Онъ мнѣ говорилъ объ этомъ. Это самый отвѣщенный мошенникъ въ Лондонѣ. Я тоже ему кое-что долженъ. Я убѣжденъ, что брилліанты не миновали его рукъ. Можете судить, когда я сказалъ ему объ этомъ, онъ съ своей отвратительной жидовской усмѣшкой возразилъ, что онъ полагалъ, что брилліанты находятся у меня. Каково вамъ это покажется. Но что-бы онъ ни говорилъ, для меня несомнѣнно, что этотъ мошенникъ уже успѣлъ спустить ожерелье за границу... Право, я спать не могу, все эти проклятыя брилліанты мерещатся мнѣ. Мнѣ противно встрѣчаться съ людьми на улицѣ, такъ какъ въ каждомъ взглядѣ, брошенномъ на меня, я читаю убѣжденіе, что я воръ. Людямъ очень пріятно вѣрить, что лордъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, носящій титулъ лорда, сдѣлался воромъ...

— Бѣдный, и все это вы терпите за меня, сказала Лиззи.

Лордъ Джоржъ наклонился къ ней и произнесъ тихо, но внятно:

— Умоляю васъ, расскажите мнѣ все, что вы знаете объ этомъ дѣлѣ?

— Что знаю? спросила Лиззи едва слышнымъ голосомъ.

— Гдѣ ожерелье? Какъ вы устроили это дѣло?

— Я и не думала ничего устраивать.

Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на Лиззи, и въ его глазахъ появилось такое грозное выраженіе, что она перепугалась.

— Вамъ извѣстно, гдѣ находятся брилліанты, отчеканилъ онъ, все еще не спуская съ нея глазъ.

Она сдѣлала утвердительный знакъ головою.

— Ну такъ говорите-же скорѣй... гдѣ они? Если не хотите сказать мнѣ, скажите кому-нибудь другому. Повторяю вамъ, мое положеніе невыносимо.

— А вы не выдадите меня полиціи.

— Конечно, не выдамъ, если вы будете вполне откровенны со мною.

— Я ничего отъ васъ не скрою. Все это вышло случайно. Я вынула ихъ изъ сундука только для большей безопасности.

— Такъ они вынуты изъ сундука. Гдѣ-же они? у васъ? У Бен-жамина?

— Бенжаминъ ничего объ этомъ не знаетъ.

— Сознаюсь, что оклеветалъ этого сына Израиля и беру свое слово назадъ... И вы никому ничего не говорили?

— Рѣшительно никому; я сказала вамъ первому.

— Гдѣ-же они спрятаны теперь?

— У меня въ спальнѣ, въ моей письменной шкатулкѣ.

— Ну ловкая-же вы барыня: вся лондонская полиція поставлена на ноги; искусные воры завидуютъ и подозрѣваютъ одинъ другого; всѣ и каждый толкуютъ о вашемъ ожерельѣ; полиція мечется, какъ угорѣлая, слѣдя то за мной, то за Бенжаминомъ, то за всѣми, кого она подозрѣваетъ, — а ожерелье преспокойно лежитъ въ вашей-же письменной шкатулкѣ. Но, объясните мнѣ, какъ могли вы взломать сундукъ и вынести его на желѣзную дорогу.

— Это сдѣлали настоящіе воры; они въ самомъ дѣлѣ хотѣли завладѣть ожерельемъ; но обманулись въ своихъ расчетахъ. Я хотѣла рассказать все въ Карлейлѣ... но все случилось такъ неожиданно... я перепугалась, а потомъ, разъ сказавъ ложь подъ присягой, я не рѣшилась измѣнить прежнее показаніе...

— Однакожъ, ваше дѣло не хорошо. Вспомните, что изъ-за вашего ожерелья начатъ былъ процессъ; потомъ въ Карлейлѣ вы дали ложное показаніе подъ присягой. Кампердаунъ воспользуется этимъ и потребуеетъ чтобы взыскали съ васъ убытки.

— Охотно сознаюсь, что я дѣйствовала безумно, но вы-то не оставьте меня, помогите мнѣ.

— Я рѣшительно не вижу, чѣмъ могу пособить вамъ.

— Я вамъ подарю ожерелье; оно стоитъ десять тысячъ фунтовъ... развѣ я не могу располагать своей собственностію какъ мнѣ заблагоразсудится?

— Конечно, можете, но я не возьму вашего ожерелья... что стану я съ нимъ дѣлать?

— Вы можете его продать.

— А гдѣ я найду покупателя. Но если-бъ я и нашелъ, то чрезъ недѣлю меня посадятъ въ тюрьму, а чрезъ два мѣсяца я попаду на скамью подсудимыхъ, послѣ чего меня, какъ вора, отправятъ куда-нибудь далеко.

— Но вы — мой другъ, должны-же вы сдѣлать что нибудь для меня.

Лордъ Джоржъ сознавалъ, что онъ долженъ сдѣлать что-нибудь для нея, хотя уже потому, что она откровенно во всемъ ему созналась. Къ тому-же замокъ Портрэ, красота Лиззи, ея молодость были весьма соблазнительны. Онъ обнялъ ее за талию, но скорѣе какъ дитя, чѣмъ женщину. Кротко приняла она его ласку и, положивъ свою голову на его плечи, вѣжно смотрѣла ему въ глаза.

— Джоржъ, воскликнула она, прижалась своимъ лицомъ къ его рукѣ и зарыдала.

— Право, не придумаю, что вамъ дѣлать, говорилъ онъ, все еще держа ее въ своихъ объятіяхъ. — Мнѣ кажется, что вамъ всего лучше отправиться къ Кампердауну и рассказать ему все.

Она продолжала рыдать и ничего не отвѣтила.

— Другого исхода я не вижу: надо отдать ожерелье Кампердауну—и всему дѣлу конецъ. Я увѣренъ, что онъ не станетъ преслѣдовать васъ судомъ за ложную присягу.

— А что могутъ со мной сдѣлать за это?

— Право, не знаю навѣрное; кажется, засадятъ васъ лѣтъ на пять въ тюрьму.

— Это за то, что я собственное ожерелье положила подъ подушку... хороши ваши законы... Но нѣтъ, ни за что не отдамъ ожерелья Кампердауну. М-ръ Грейстокъ говорилъ мнѣ, что мои враги не могутъ отнять его у меня. Нельзя-ли продать ожерелье Бенжамну?

— Въ такомъ дѣлѣ нельзя довѣрять отъявленному мошеннику, каковъ Бенжаминъ.

— Но я вамъ довѣряю.

И она крѣпко прижалась къ нему и страстно смотрѣла ему въ глаза.

— Конечно, я вамъ не измѣню, но смотрите, никому ни слова о нашемъ разговорѣ.

— О, Джоржъ! вы знаете, что теперь вы мой единственный другъ!

Онъ обнялъ ее, крѣпко поцѣловалъ, далъ обѣщаніе заботиться объ ея спокойствіи и ушелъ.

Лиззи рѣшила, что она нашла, наконецъ своего корсара. Это,

однакожь, не помѣшало ей тутъ-же подумать, что Франкъ Грейстокъ такой мужчина, котораго каждая женщина пожелаетъ имѣть своимъ мужемъ, и что ей необходимо употребить всѣ усилія, чтобы снова привлечь лорда Фауна къ своимъ ногамъ и поступить съ его сѣятельствомъ, какъ уважутъ обстоятельства.

Въ тотъ-же вечеръ леди Эстасъ, вмѣстѣ съ своими пріятельницами, отправилась въ театръ. Въ домѣ оставалась только женская прислуга. Лиззи, разумѣется, все время думала объ отысканномъ ворсарѣ, тѣмъ болѣе, что всю дорогу м-съ Карбонкль не переставала трещать о томъ, какъ много неприятностей вытерпѣлъ лордъ Джоржъ по случаю пропажи брилліантоваго ожерелья.

Послѣ театра леди возвратились прямо домой, и каково-же было ихъ удивленіе, когда, подъѣзжая къ своему дому, онѣ увидѣли, что наружная дверь расперта настежь. Дамы быстро поднялись по лѣстницѣ; Лиззи страшно поблѣднѣла, что не укрылось отъ вниманія м-съ Карбонкль. „Слѣдовательно, она все знаетъ“, подумала почтенная дама.

Въ передней онѣ застали двухъ полицейскихъ и женскую прислугу м-съ Карбонкль.

— Миледи, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ, обращаясь къ м-съ Карбонкль,—въ вашемъ домѣ произведено воровство. Вся прислуга ушла со двора, кромѣ одной, но та скрылась и полиція ее еще не отыскала. Ясно, что воры знали, за чѣмъ идутъ, и эта дѣвушка была ихъ сообщницей.

У Лиззи мучительно сжалось сердце, ей казалось, что говорятъ о воровствѣ въ ея комнатѣ, хотя о брилліантахъ не было произнесено ни слова.

— Воры побывали во многихъ комнатахъ, продолжалъ полицейскій;—одна шкатулка взломана.

Лиззи невольно вскрикнула.

— Да, миледи, взломана, такъ-же какъ и комоды въ бюро и рабочій столикъ. Вамъ, ваше сѣятельство, лучше всего отправиться въ свою комнату и убѣдиться самой, что именно похищено.

Сняли допросъ съ прислуги. Кухарка и горничная м-съ Карбонкль рассказали, что онѣ отправились погулять немного, поручивъ присмотръ за домомъ миссъ Крабстикъ. Когда-же онѣ вернулись назадъ, то, какъ ворота, такъ и подъездъ были заперты

изнутри. Онъ долго стучались, но, не достучавшись, обратились къ помощи полиціи, которая и отперла дверь подъезда.

— Здѣсь былъ опытный воръ, сказалъ полицейскій,—это видно изъ того, какъ взломаны вещи.

Лиззи, блѣдная, почти помертвѣвшая, ничего не видѣла и не слышала. М-съ Карбонкль вмѣстѣ съ полицейскими побывала въ своихъ комнатахъ и пришла въ ужасъ, убѣдившись, что и у нея сдѣлана покража, хотя у нея было украдено на весьма незначительную сумму, такъ какъ, уѣзжая въ театръ, она облачилась во всѣ свои лучшія и цѣнныя вещи. По правдѣ сказать, вору съ амбиціей и не для чего-бы было пускаться на воровство въ имущество м-съ Карбонкль, потому что почти всѣ украшенія у почтенной дамы были изъ фальшивыхъ камней и поддѣльнаго металла. Однакожь, м-съ Карбонкль нашла нужнымъ вопить благимъ матомъ и проклинать безсовѣстныхъ злоумышленниковъ, обидѣвшихъ ее, бѣдную, слабую женщину.

Наконецъ Лиззи зарыдала, слезы нѣсколько облегчили ее, она встала и, поддерживаемая Люциндой, отправилась въ свою комнату, куда за ней послѣдовали полицейскіе. Здѣсь царствовалъ страшный беспорядокъ: ящики изъ комодовъ вынуты, кое-что изъ мебели поломано, шкатулка-же отворена. По словамъ Лиззи, у нея пропало деньгами сорокъ три фунта и много драгоценныхъ вещей. О главной пропажѣ—бриллиантовомъ ожерельѣ—она, конечно, не сказала ни слова.

— Нельзя сомнѣваться, что воры рассчитывали на большую поживу, сказалъ старшій полицейскій.—Васъ рѣшительно преслѣдуетъ судьба, обратился онъ къ Лиззи, намекая тѣмъ на воровство бриллиантоваго ожерелья въ Карлейлѣ.

— Это все оттого, что попалась мерзкая горничная, глубоко-мысленно замѣтила м-съ Карбонкль.

Такимъ образомъ знаменитое ожерелье, стоющее десять тысячъ фунтовъ, на этотъ разъ уже дѣйствительно пропало.

По уходѣ полицейскихъ Лиззи тотчасъ-же удалилась въ свою комнату, заявивъ непремѣнное желаніе остаться одной. Первой ея мыслью было: кто могъ украсть ожерелье? Ей тотчасъ-же представилась фигура лорда Джоржа. Кто-же, какъ не онъ? Онъ одинъ на свѣтѣ зналъ, что ожерелье не украдено, что оно лежитъ въ ея шкатулкѣ. Онъ зналъ, что дамы поѣдутъ въ театръ. И отчего-жь было не взять; вѣдь сама Лиззи дарила ему ожерелье; онъ, правда, отказался, но истинный корсаръ и не могъ поступить иначе: простой, прозаической передачѣ изъ рукъ въ руки онъ всегда долженъ предпочесть романическій способъ отобранія имущества.

Она не чувствовала къ нему негодованія и вражды; напротивъ; не ясно-ли, что онъ хотѣлъ избавить ее отъ неприятностей, какія она накликала на себя своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ? Сознайся онъ ей въ своемъ подвигѣ (такое воровство въ ея глазахъ было подвигомъ), и она полюбитъ его еще больше. Какъ не удивляться его мужеству, отвагѣ и уму?

На другой день пришлось снова имѣть дѣло съ судьей. И на этотъ разъ Лиззи, не сморгнувъ, дала ложное показаніе подъ присягой; и на этотъ разъ она умолчала, что въ Карлейлѣ былъ украденъ пустой сундукъ. Ее обрадовало, что въ камерѣ судьи не было лорда Джоржа, о которомъ она постоянно думала. Она жаждала его видѣть, но онъ не показывался и, по словамъ м-съ Карбонкель, не желалъ ее видѣть. Лиззи не повѣрила своей хозяйкѣ, но постоянныя волненія довели ея нервы до того, что она слегла въ постель. Лордъ Джоржъ по прежнему уклонялся отъ свиданія съ нею. Лиззи плакала, выходила изъ себя и, наконецъ, утѣшилась.

Сначала утѣшилъ ее кузень Франкъ, котораго она довела было до того, что онъ готовъ былъ оставить свою милую, скромную Люси Морисъ и жениться на ней. Но исторія съ покражей бриллантовъ, сперва возбудившая въ немъ еще большее сочувствіе къ кузинѣ, заставила его наконецъ призадуматься. Онъ внутренно былъ убѣжденъ, что ожерелье украдено лордомъ Джоржемъ, и хотя не могъ согласиться съ тѣмъ, что покража произведена съ согласія и при содѣйствіи Лиззи, однакожъ, къ нему невольно закрадывалось подозрѣніе въ ея соучастіи. Его мучила эта мысль, ему не нравилась короткость кузины съ лордомъ Джоржемъ, и онъ охладѣвалъ къ ней. Однакожъ, во время болѣзни онъ очень часто посѣщалъ кузину. Онъ уговаривалъ ее какъ можно скорѣе бросить Лондонъ и удалиться въ Портрѣ; такъ какъ ей теперь нечего болѣе беспокоиться о процессѣ, то не мѣшаетъ ей позаботиться о томъ, чтобы поскорѣе затихли разные толки.

— Вы знаете, что въ свѣтѣ распускаютъ разныя сплетни на счетъ вашъ и лорда Джоржа.

— Что-же я могу сдѣлать для уничтоженія этихъ сплетень? Въ Шотландію я не могу ѣхать, я боюсь холодовъ.

— Ну, положимъ, что на морскомъ берегу вовсе не холодно; во всякомъ случаѣ вамъ надо ѣхать, если эти слухи несправедливы.

— Какіе слухи?

— Говорятъ, что вы выходите замужъ за лорда Джоржа.

— Это неправда. И кому-же это знать лучше, какъ не вамъ. Вы знаете, что я люблю только васъ.

Франкъ почти безсознательно пожалъ ей руку.

— Какъ вы смѣете жать мнѣ руку, когда вы знаете, что съ вашей стороны это чистое коварство.

— Ошибаетесь, Лиззи, вы знаете, что я васъ люблю.

— Любите, но какой любовью? Франкъ, отдайте мнѣ мое сердце назадъ. Развѣ забыли вы, что обѣщали мнѣ у подножія скалъ въ Портрѣ?

Трудно мужчинѣ отказываться отъ женской любви. Положеніе Франка было очень неприятное. Правда, онъ покончилъ уже съ любовью къ своей кузинѣ, къ которой, впрочемъ, онъ никогда не чувствовалъ настоящей любви, а только увлекался ея красотой,—но какъ сказать ей объ этомъ въ глаза. Къ тому-же Франкъ не могъ не сознаться, что ему льстила любовь къ нему кузины.

— Лиззи, сказалъ онъ наконецъ послѣ нѣкотораго раздумья,— я вижу, вы вовсе не понимаете моего положенія.

— Какъ не понимаю! Дрянная дѣвчонка околдовала васъ и вырвала у васъ обѣщаніе, отъ котораго вы не знаете, какъ отдѣлаться... А я мечтала васъ сдѣлать богатымъ и великимъ. Вѣдь вы имѣете много долговъ?

— Имѣю, но помощи отъ васъ никогда не приму.

Неизвѣстно, какой-бы оборотъ принялъ этотъ разговоръ и не привелъ-ли-бы онъ снова къ побѣдѣ Лиззи, но въ эту минуту вошла м-съ Карбонкль и объявила, что пришелъ м-ръ Эмилиусъ и желаетъ видѣть леди Эстасъ.

— Кто такой этотъ м-ръ Эмилиусъ? спросилъ Франкъ.

— Знаменитый проповѣдникъ. Вы видѣли его у меня, въ Портрѣ, отвѣчала Лиззи.

— Помню, помню, онъ бросалъ нѣжные взгляды на миссъ Мэкнелти и пилъ много вина за обѣдомъ.

— Можно-ли такъ зло говорить о священнослужителѣ? замѣтила м-съ Карбонкль.

Но Франкъ ничего не отвѣчалъ. Онъ поспѣшилъ проститься съ дамами и вышелъ изъ комнаты.

Скоро явился м-ръ Эмилиусъ. Прежде всего онъ прочелъ молитву, стоя на колѣняхъ подлѣ кровати больной; затѣмъ прочиталъ главу изъ библіи, послѣ чего принялся за чтеніе „Чайльдъ-Гарольда“, выбравъ четвертую пѣснь. Онъ такъ превосходно читалъ стихи, что въ Лиззи явилось внезапное сознаніе, что поэзія есть жизнь, а жизнь—поэзія.

ГЛАВА XXXIII.

Счастливое окончаніе похжденій Люси Морисъ.

Получивъ письменное согласіе своего жениха, м-ра Грейстока, на то, что она должна пробыть гдѣ нибудь шесть мѣсяцевъ компаньонкой, Люси Морисъ, въ полномъ собраніи семейства Фаунъ, объявила, что она принимаетъ предложеніе леди Линлитгау. И мать семейства, и ея дочери съ горестью и слезами выслушали рѣшеніе Люси Морисъ, какъ потому, что имъ жаль было разставаться съ дѣвушкой, къ которой онѣ привыкли и любили отъ всего сердца, такъ еще болѣе изъ страха, что она будетъ жить у такой ужасной женщины, какъ леди Линлитгау. Взапуски одна передъ другою онѣ стали уговаривать Люси остаться въ ихъ домѣ. Болѣе всѣхъ хлопотали, конечно, сама леди Фаунъ и миссъ Нина. Но ихъ просьбы не привели ни къ чему: Люси рѣшительно объявила, что она не можетъ и не должна оставаться въ томъ домѣ, гдѣ къ ея жениху относятся враждебно.

— Я убѣждена, что уживусь съ леди Линлитгау, тѣмъ болѣе, когда знаю, что останусь тамъ недолго.

— Обѣщайте, по крайней мѣрѣ, считать нашъ домъ убѣжищемъ, куда вы можете всегда удалиться, если измѣнятся обстоятельства, сказала леди Фаунъ.

Дѣлать нечего, пришлось исполнить желаніе упрямой дѣвушки. Леди Фаунъ приказала запретъ свою карету и предложила ее Люси для переѣзда къ леди Линлитгау. Передъ отъѣздомъ Люси помирилась съ лордомъ Фауномъ. Помощникъ статсъ-секретаря до того умилился, что предложилъ Люси остаться въ домѣ его матери. Когда-же Люси объявила, что она только потому мирится съ нимъ, что уѣзжаетъ совсѣмъ изъ дома, достопочтенный лордъ снова возимѣлъ дурное мнѣніе о непокорной дѣвушкѣ.

По приѣздѣ Люси въ домъ леди Линлитгау, графиня встрѣтила ее вопросомъ:

— Это вы изволили приѣхать въ собственной каретѣ?

— Я. Леди Фаунъ очень добра и пожелала доставить мнѣ это удобство.

— Все это вздоръ, моя милая. Надѣюсь, вы не боитесь ѣздить въ кэбѣ?

— Не боюсь, леди Линлитгау.

— Вамъ здѣсь не придется разъѣзжать въ каретахъ. Ранѣе

Рождества я никогда не держу лошадей. Я полагаю, вы знаете, что я бѣдна, какъ Іовъ.

— Я этого не знала.

— Ну, такъ знайте. Я могу вамъ предоставить только здоровую пищу. Однакожь, не могу ручаться, что она всегда будетъ здорова: мясники отъявленные плуты, а булочники еще хуже ихъ. Что вы дѣлали у леди Фаунъ?

— Давала уроки двумъ младшимъ дочерямъ.

— Здѣсь некому давать уроковъ, если не вздумаете давать ихъ мнѣ. Сколько жалованья вы получали?

— Восемьдесятъ фунтовъ.

— Слишкомъ много.

— Я имѣла больше того. Вся семья считала меня своимъ другомъ, я чувствовала себя тамъ, какъ дома. Чѣмъ больше я смѣялась, тѣмъ было имъ пріятнѣе.

— У меня вы не найдете поводовъ къ смѣху; по крайней мѣрѣ, я сама не нахожу. Но если вамъ вздумается смѣяться, смѣйтесь въ своей комнатѣ. Кстати, почему вы оставили домъ леди Фаунъ? Отказала она вамъ?

— Нѣтъ. Я оставила этотъ домъ потому, что такъ было нужно.

— Вѣрно, замѣшался какой-нибудь обожатель?

Люси не нашла нужнымъ отвѣчать на такой вопросъ и получила разрѣшеніе отправиться въ свою комнату. Когда она снова вернулась въ гостиную она застала леди Линлитгау погруженной въ счеты. Люси увидѣла на столѣ книгу, раскрыла ее и принялась читать,—это была поэма Тупера.

— Умѣете вы считать? спросила леди Линлитгау.

— Да, я считаю скоро.

— Можете-ли вы сдѣлать такъ, чтобы на одной страницѣ два сложившыя съ двумя составляли пять, а на другой три.

— Этого сдѣлать я не могу.

— Тогда для меня вы ровно ничего не стоите, отрѣзала графиня.

— Вы, вѣрно, пожелаете знать, какія будутъ возложены на васъ обязанности? сказала леди Линлитгау, когда окончила свои счеты. — Да ровно никакихъ. Въ каминѣ я сама мѣшаю, сама разрѣзываю баранину. Нѣтъ у меня маленькой собачонки, которую надо чесать. Разныя вышиванья по мнѣ не стоятъ ни гроша. Чулки мнѣ штопаютъ горничная. Васъ я пригласила къ себѣ въ компаньонки потому только, что не люблю быть одна. Утромъ я пью чай въ девять часовъ и, если вы въ это время не станете сходить ко мнѣ, каждый разъ на меня будетъ находить дурное расположеніе духа.

Завтракаю я въ два—хлѣбомъ съ масломъ и сыромъ. Обѣдаю въ семь; въ половинѣ одиннадцатаго ложусь спать. Жалѣю, что вы такъ молоды, трудно будетъ вамъ устроить свои выѣзды. Впрочемъ, зачѣмъ они вамъ, вѣдь вы не хороши собой.

— Да, не хороша.

— Кто васъ знаетъ, можетъ быть, вы и считаете себя хорошенькой. Сколько переменъ произошло съ той поры, какъ я была молодая. Дѣвушки теперь страшно уродуютъ себя, напяливая на себя цѣлыя лукошки изъ фальшивыхъ волосъ, отъ которыхъ стошнить даже собаку. Удивляюсь, какъ рѣшаются мужчины цѣловать лицо, вокругъ котораго мотается грязный лошадиный хвостъ. Я полагаю, что цѣловать такую госпожу противно для мужчины, но онъ поневолѣ покоряется необходимости: надо-же ему кого-нибудь цѣловать.

— Я не ношу даже самаго маленькаго жеребчяго хвостика.

— Такъ васъ, вѣроятно, мужчины цѣлуютъ очень охотно.

— Нѣтъ, не цѣлуютъ.

— Я еще не разсмотрѣла васъ, но вѣдь вы не красавица. Я ненавижу красавицъ. Моя племянница, Лиззи Эстасъ красавица. На свѣтѣ нѣтъ женщины хуже ея. Она лгунья, безчестное, бездушное существо, не уважаетъ религiи, неблагодарна, жестока, зла, сущая невѣжда, жадна и подла.

— Боже милостивый, леди Ливлитгау, какъ низко вы ее цѣните.

— Она еще хуже, чѣмъ я ее описала; но, сознаюсь, нѣтъ женщины красивѣе ея. Впрочемъ, что вамъ говорить, — вы сами ее знаете.

Люси писала къ Франку, спрашивая его, можетъ-ли она назвать его своимъ женихомъ, если леди Линлитгау пожелаетъ узнать, за кого она выходитъ замужъ, но не получила отвѣта. Между тѣмъ леди Фаунъ сказала графинѣ, что Люси невѣста. Поэтому Люси была сильно сконфужена, когда черезъ нѣсколько дней леди Линлитгау сказала ей:

— Терпѣть не могу никакихъ тайнъ. Какъ зовутъ молодого человека, за котораго вы выходите замужъ?

— Я не могу сказать вамъ этого теперь, леди Линлитгау.

— Почему-же не можете. Надѣюсь, партiя приличная; онъ джентльменъ?

— Въ полномъ смыслѣ.

— Богатъ?

— Онъ много зарабатываетъ.

— Повторяю, не терплю тайнъ. Если не можете назвать его

имени, то къ чему-же говорили мнѣ, что вы выходите замужъ. Я начинаю терять въ васъ вѣру.

— Если мнѣ не вѣрите, то, надѣюсь, можете положиться на леди Фаунъ.

— Нисколько не больше, какъ на васъ. Титуль и сѣдые волосы не даютъ еще права на довѣріе. Въ Лондонѣ живетъ вашъ женихъ?

— Большею частію въ Лондонѣ; онъ адвокатъ.

— Племянникъ моей сестры, Франкъ Грейстокъ, тоже адвокатъ и засѣдаетъ въ парламентѣ. Онъ, говорятъ, тратитъ больше денегъ, чѣмъ получаетъ. Знаете вы его?

— Знаю.

— Я полагаю, онъ женится на Лиззи Эстасъ и хорошо сдѣлаетъ: онъ поправитъ свои обстоятельства.

— Но вѣдь вы такого дурного мнѣнія о Лиззи Эстасъ.

— Такъ чтожъ! Должна-же она подцѣпить себѣ какого-нибудь мужчину, пусть лучше ея деньги достанутся ему, а не другому. Повѣрьте, что этимъ кончится.

— Никогда. Съ его стороны было-бы подлостью жениться на ней, если онъ ее не любитъ.

— Все это вздоръ. Онъ непремѣнно женится на Лиззи. Да съ чего-же вы кипятитесь... ужь не онъ-ли вашъ женихъ? Онъ? спросила хитрая графиня и пристально посмотрѣла въ глаза Люси.

Взволнованная молодая дѣвушка покраснѣла и ничего не отвѣчала.

— Такъ вотъ оно какъ! Вы избрали мой домъ пріютомъ, пока вашъ женихъ найдетъ возможнымъ на васъ жениться.

— Я не вижу въ этомъ ничего дурного.

— Хитрая женщина его матушка, она изволила помѣстить васъ ко мнѣ, чтобы въ это время ея сынъ забылъ васъ. А старая ричмондская дура постаралась спихнуть васъ ко мнѣ, чтобы избавить свой домъ отъ разныхъ продѣловъ.

— Никакихъ продѣловъ тамъ не было.

— А онъ станетъ шататься сюда, когда меня не будетъ дома.

— Онъ не покажется въ вашемъ домѣ. Но съ какой стати вы говорите все это: никто не думалъ наносить вамъ оскорбленія.

— Онъ не можетъ жениться на васъ. Хитра жена декана, нечего сказать. Помните мое слово, вы никогда не выйдете за него замужъ.

Предсказанія старухи, повидимому, начинали сбываться. Люси все чаще и чаще получала извѣстія объ измѣнѣ Франка, объ его тѣсныхъ сношеніяхъ съ Лиззи, но она все еще ничему не вѣрила. Самъ Франкъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Безъ волненія и даже досады онъ не могъ вспомнить о томъ, что сдѣлалъ предложеніе Люси Морисъ. Это волненіе особенно усилилось, когда, въ Бобсборо, жена декана получила слѣдующее письмо отъ леди Линлитгау:

„Вашъ сынъ обѣщаль жениться на миссъ Морисъ, по крайней мѣрѣ, она сама сказала мнѣ объ этомъ, писала графиня,—поэтому меня крайне удивляетъ, что, не сообщивъ мнѣ о такомъ событіи, вы прислали ко мнѣ эту дѣвушку. Она говоритъ, что и вы знаете о ея помолвкѣ, и что я могу написать вамъ объ этомъ, если хочу. Разумѣется, мнѣ не зачѣмъ спрашивать у ней позволенія. Но если вы знаете объ этомъ бракѣ и желаете его, то дѣвушка слѣдовало бы жить у васъ, а не у меня. Но, вѣрно, вы хотите разстроить этотъ бракъ, иначе вы сказали-бы мнѣ о немъ. Дѣвушка можетъ прожить у меня шесть мѣсяцевъ, а потомъ должна уѣхать“.

— Ты видишь, она выболтала, сказала м-съ Грейстокъ, показывая письмо сыну.

— Почему-жъ ей было и не сказать, отвѣтилъ Франкъ.

Однакожъ, онъ былъ недоволенъ, что Люси, не дождавшись его позволенія, рассказала о помолвкѣ.

Произошелъ далеко не откровенный разговоръ между матерью и сыномъ. М-съ Грейстокъ разными намеками старалась убѣдить Франка, что ему слѣдуетъ взять свое слово назадъ и не думать больше о женитьбѣ на Люси. То-же самое, но другими словами, больше съ философской точки зрѣнія, совѣтовалъ ему отецъ. Франкъ, находясь еще подъ обаяніемъ красоты Лиззи, внутренно былъ согласенъ съ доводами родителей, но наружно желалъ соблюсти приличія и закончилъ свой разговоръ съ ними слѣдующими словами:

— Вамъ не зачѣмъ отвѣчать графинѣ. Я самъ повидаюсь съ Люси и переговорю съ нею.

Эти слова были сказаны такимъ тономъ, что м-съ Грейстокъ почувствовала облегченіе на своей душѣ.

Однакожъ, Франкъ не видался съ Люси и предпочелъ написать къ леди Линлитгау. Что писалъ онъ въ этомъ письмѣ,—Люси не узнала. Одно только она замѣтила, что въ рѣдкихъ письмахъ къ ней ея жена проглядывала холодность, они были коротки и не откровенны.

Между тѣмъ жизнь ея въ домѣ леди Линлитгау проходила

крайне скучно. Люси никакъ не могла понять, для чего она живетъ въ домѣ графини. Старуха рѣшительно не позволяла ей ни до чего дотрогиваться. Леди Линлитгау, — какъ она сама говорила Люси въ первый день ихъ знакомства, — все дѣлала сама и не терпѣла ничьихъ услугъ. Выѣзжала она одна и очень рѣдко приглашала съ собой Люси въ лавки. Единственнымъ утѣшеніемъ для Люси были посѣщенія леди Фаунъ и ея дочерей, что, впрочемъ, случилось всего два раза. Но какъ ни пріятны были эти свиданія, они растрavляли рану бѣдной дѣвушки. Леди Фаунъ, женщина добрая, готовая всегда помочь своимъ ближнимъ, была заражена аристократическими предрасудками. Она была убѣждена, что еслибъ у нея былъ второй сынъ и вздумалось бы ему жениться на такой бѣдной дѣвушкѣ, какъ Люси, она употребила-бы всѣ усилія, чтобы отговорить его отъ такого ошибочнаго, по ея мнѣнію, шага. Она считала Люси лучшей дѣвушкой, какую только ей приходилось встрѣчать въ своей жизни, но въ то же время находила, что Франкъ поступить неразсчетливо, если женится на этой дѣвушкѣ, которую онъ любитъ. Она постоянно твердила Люси, что свадьба ея не состоится, въ особенности съ той поры, какъ возвратилась изъ Шотландіи ея замужняя дочь, м-съ Гитауэй. Клара ѣздила туда съ главной цѣлью разузнать кое-что о Лиззи Эстасъ. Клара вошла въ сношенія съ Гаурономъ и узнала отъ него о сценахъ въ скалахъ между леди Эстасъ и м-ромъ Грейстокомъ.

Убѣжденіе леди Фаунъ еще болѣе укрѣпилось, когда она узнала, что Люси не получила приглашенія отъ семейства Франка пріѣхать въ Бобборо, когда окончится шестимѣсячный срокъ пребыванія ея въ домѣ леди Линлитгау.

— Васъ не приглашали въ Бобборо? спросила она.

Люси сильно покраснѣла.

— Еще ничего не рѣшено, милая леди Фаунъ, отвѣтила Люси.

— Однакожъ, надо рѣшить. Вы будете поставлены въ чрезвычайно затруднительное положеніе, когда леди Линлитгау скажетъ, что она не нуждается въ вашихъ услугахъ.

Люси снова покраснѣла.

— Я спрошу м-ра Грейстока, сказала она и, замѣтивъ, что леди Фаунъ повачала головой, прибавила: — вы не довѣряете м-ру Грейстоку, я же ему вполне вѣрю.

— Душа моя, теперь не время толковать о довѣрін. Дѣвушка должна сама думать объ устройствѣ своей судьбы и нечего ей расчитывать на мужчину, пока онъ не сдѣлается ея мужемъ. Примите мой совѣтъ: когда окончится срокъ вашего пребыванія въ домѣ графини, переѣзжайте снова къ намъ.

Миссъ Діана и Лидія Фаунъ, присутствовавшія при этомъ разговорѣ, присоединили свои просьбы къ просьбамъ матери.

Люси отъ полноты чувствъ не могла выговорить ни слова, она заплакала и бросилась въ объятія леди Фаунъ. Она понимала, что семейство декана не желаетъ помѣстить ее въ своемъ домѣ, иначе, м-съ Грейстокъ давно бы пригласила ее. Она ничего не отвѣтила леди Фаунъ, но и безъ словъ все было сказано.

Послѣ этого свиданія положеніе Люси съ каждымъ днемъ ухудшалось. М-съ Гитауэй на каждомъ перекресткѣ трубила о томъ, что Лиззи Эстасъ подцѣпила себѣ новаго жениха, м-ра Франка Грейстока, съ которымъ, кажется, уже обручилась. Клара дѣлала это съ той цѣлью, чтобы заставить своего брата рѣшительно отказать отъ женитьбы на леди Эстасъ. Эти слухи доходили до Люси, и какъ ни вѣрила она твердо въ своего жениха, но и ее стало брать сомнѣніе. Она не видѣла его нѣсколько мѣсяцевъ, письма его были холодны и кратки. Скука стала одолевать ее.

— Говорила я вамъ, что м-ръ Грейстокъ женится на Лиззи, и вышло по моему. Весь городъ говоритъ объ этомъ. Леди Эстасъ теперь вездѣ желанная гостя. Покража у нея брилліантовъ вознесла ее на высоту. Сама леди Паллизеръ была у нея и вездѣ говорить въ ея пользу. Повѣрьте, что Лиззи добьется своего; всѣмъ своимъ ухаживателямъ она предпочитаетъ м-ра Грейстока и онъ будетъ ея мужемъ... Надо смотрѣть на все прямо и не давать воли чувствительности. Развѣ не видите вы, что м-ръ Грейстокъ относится къ вамъ пренебрежительно?

— Я этого не вижу и буду вѣрить ему, не смотря ни на что.

Но Люси уже сомнѣвалась, она не хотѣла только признаться въ этомъ.

Бѣдная Люси получала со всѣхъ сторонъ удары. Леди Фаунъ, въ разговорахъ только намекавшая о возможности разрыва съ Франкомъ, написала къ Люси письмо, въ которомъ говорила объ этомъ предположеніи, какъ о фактѣ не подлежащемъ сомнѣнію. Она совѣтовала Люси выкинуть изъ сердца человѣка, который такъ явно выказываетъ къ ней пренебреженіе и, въ заключеніе, по прежнему приглашала Люси переѣхать въ Фаун-Кортъ.

Не успѣла Люси нѣсколько оправиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее этимъ письмомъ, какъ явилось новое, отъ Лиззи. Леди Эстасъ напоминала Люси объ ихъ прежней дружбѣ и просила ее заѣхать къ ней для переговоровъ о важномъ дѣлѣ.

Люси поѣхала.

— Я приступлю прямо къ дѣлу, сказала Лиззи, — кузенъ Франкъ какъ-то говорилъ мнѣ, что намѣренъ жениться на васъ.

— Если-бъ это было и такъ, но мнѣ странно, почему это можетъ составлять для васъ важное дѣло. Для уясненія этого факта, не стоило вамъ приглашать меня къ себѣ.

— Я обратилась къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ и любовію. Я-бы приѣхала къ вамъ сама, но старая колдунья не дала-бы намъ поговорить толкомъ... Я люблю Франка, люблю отъ всей души.

— Это меня вовсе не касается.

— Онъ сознался мнѣ во всемъ, онъ выговорилъ то, чего никогда не рѣшился-бы сказать вамъ. Онъ говорилъ о своихъ долгахъ. Я предложила ему взять, что я имѣю. Онъ отказался.

— Еще-бы не отказался!

— Онъ сказалъ мнѣ, что помолвленъ съ вами. Но, Люси, онъ любить меня, хотя и далъ слово жениться на васъ.

— Никогда этому не повѣрю.

— Вы хотите вывести меня изъ себя, но вамъ это не удастся, потому что сердце мое обливается кровью.

— Пустяки! ложь! У васъ нѣтъ сердца, у васъ только деньги.

— Но у него ихъ нѣтъ. Если я отдаю ему все, что имѣю, значитъ, я люблю его. Вы не можете сомнѣваться, что я дѣйствую безкорыстно.

— Не вѣрю я въ ваше безкорыстіе. Вы думаете только объ одной себѣ.

— А развѣ вы не думаете только о себѣ, желая заставить чело-вѣка честолюбиваго, но безъ средствъ, жениться на бѣдной дѣ-вушкѣ? Но вы заблуждаетесь. Жениться на васъ онъ не можетъ. Да онъ на каждомъ шагу доказываетъ, что не любитъ васъ. Развѣ онъ видится съ вами? Развѣ онъ пишетъ къ вамъ, какъ къ дѣ-вушкѣ, на которой онъ намѣренъ жениться? Вы должны возвра-тить ему слово, данное вамъ; онъ женится на мнѣ и будетъ счастливъ...

— Только за этимъ вы меня и приглашали? прервала ее Люси.

— Да, за этимъ.

— Если онъ раздѣляетъ ваши предположенія, то объ этомъ долженъ былъ сказать мнѣ онъ, а не вы. Писать я ему не хочу, но вы можете сказать ему, что онъ вправѣ поступить какъ ему заблагоразсудится. Но не смѣйте говорить ему, что я люблю его теперь меньше, чѣмъ прежде, — если это скажете, вы солжете. Точно также вы будете лгать, если станете утверждать, что онъ любитъ васъ больше, чѣмъ меня.

— Но, Люси...

— Слушать ничего не хочу. Онъ можетъ поступать, какъ ему

угодно. Если деньги онъ предпочитаетъ любви и честности, такъ пусть женится на васъ. Упрекать его я не стану. Съ вами-же, Лиззи, надѣюсь, мы больше никогда не увидимся.

Она поспѣшно вышла изъ комнаты. Она чувствовала теперь, что счастье ея совершенно разбито. Хотя Лиззи была извѣстной лгуньей, но Люси признавала, что на этотъ разъ она говорила правду.

— Все это оттого, что я бѣдна, сказала Люси сама себѣ, — но я убѣждена, что онъ меня любить.

Люси снова возвратилась въ домъ леди Фаунъ. Она ладила съ леди Линлитгау; втеченіи шести мѣсяцевъ между ними не было ни одной размолвки. Графиня при прощаніи до того расчувствовалась, что предложила Люси 50 фунтовъ, и когда Люси отказалась взять деньги, старуха стала убѣждать ее, говоря, что она честно заработала ихъ. Но Люси осталась непреклонна; она находила, что за тотъ трудъ, который несла въ домъ графини, она достаточно вознаграждена столомъ и квартирой. Онѣ разстались дружелюбно, но графиня не преминула снова ругнуть леди Фаунъ за то, что она прислала за Люси свою карету.

— Вѣрно, старая любить, чтобы ея лошади развѣзжали по лондонскимъ улпцамъ, заключила графиня.

Нечего и говорить, что леди Фаунъ и ея дочери встрѣтили Люси съ распростертыми объятіями. Объ ея помолвкѣ съ м-ромъ Грейстокомъ не было сказано ни слова.

— Я все та-же Люси, какой была и прежде, сказала молодая дѣвушка, и этими словами какъ-бы дала замѣтить, что объ ея помолвкѣ не должно быть и рѣчи, что она отказалась отъ мысли выйти замужъ за Грейстока.

Черезъ нѣсколько дней, въ отсутствіе леди Фаунъ и Августы, когда всѣ дѣвицы собрались въ столовой, пришла горничная и доложила, что какой-то господинъ желаетъ видѣть миссъ Люси.

— Кто это? спросила миссъ Діана Фаунъ.

— Тотъ самый, что и прежде нерѣдко посѣщалъ миссъ Морисъ, отвѣчала горничная.

— Это м-ръ Грейстокъ, сказала Люси, — я полагаю, мнѣ надо принять его. Скажите ему, Мэри, что я сейчасъ выйду къ нему.

Люси поднялась, но нѣсколько минутъ простояла молча, что-то обдумывая. Если онъ на столько порядочный человекъ, что откоро-

венно и честно признается ей, что онъ сдѣлалъ ошибку, предложивъ ей свою руку, что ему невозможно на ней жениться, она не скажетъ ему ни одного слова упрека. Если-же... но она сознавала, что не можетъ предвидѣть теперь, что сдѣлаетъ въ такомъ случаѣ.

Она отворила дверь медленно, намѣреваясь подойти къ нему не спѣша, но не успѣла она опомниться, какъ очутилась въ его объятіяхъ и онъ сталъ цѣловать ее въ лобъ, глаза и губы.

— Милая, дорогая Люси, прости меня, сказалъ онъ.

Вся въ слезахъ, она поднесла его руку къ своимъ губамъ.

Вскорѣ вернулась леди Фаунъ и увидѣла въ окно, что въ саду между деревьями мелькаютъ двѣ фигуры, прогуливающіяся рука объ руку.

— Это Люси? спросила она.

— Да, Люси, отвѣтила Августа съ ужасомъ, — и съ нею, кажется, м-ръ Грейстокъ.

Послѣдовало семейное совѣщаніе и рѣшено было пригласить м-ра Грейстока къ обѣду. Нинѣ поручено было передать это приглашеніе.

— Мама проситъ васъ прійти къ ней на минуту, шепнула она Люси.

Люси съ восторгомъ обняла своего друга.

— Вы помирились? спросила она также шопотомъ.

Люси снова отвѣтила только поцѣлуемъ.

Обѣдъ прошелъ весело и оживленно. Всѣ дамы, разумѣется, кромѣ Люси, были убѣждены, что Грейстокъ поступалъ дурно и нечестно съ своей невѣстой, но раскаявшася грѣшника слѣдовало простить, и онъ оказывали ему предупредительное вниманіе.

Послѣ обѣда Франкъ тотчасъ-же отправился на станцію желѣзной дороги; Люси провожала его. Во время дороги она окончательно убѣдилась, что Франкъ ни въ чемъ не былъ виновенъ, что поступить иначе ему было невозможно. Домой она возвратилась довольная и счастливая. Она старалась объяснить своимъ друзьямъ, что Франкъ только потому не видѣлся съ нею, что не могъ бывать въ домѣ леди Линлнктау. На вопросы о томъ, что она намѣрена дѣлать дальше, Люси объявила, что на дняхъ она переедетъ въ Бобсборо. Франкъ привезъ ей письмо отъ своей матери, которымъ она приглашаетъ Люси переѣхать къ ней въ домъ.

— Мой другъ, останьтесь у насъ еще на мѣсяцъ, просила леди Фаунъ, — пусть всѣ узнаютъ, что мы искренніе друзья.

Черезъ мѣсяцъ Люси переѣхала въ Бобсборо, въ домъ декана, гдѣ ее приняли предупредительно. Черезъ пятнадцать мѣсяцевъ

совершилась ея свадьба съ м-ромъ Грейстокомъ. Вѣнчалъ самъ деканъ. Леди Фаунъ и ея дочери, конечно, присутствовали на свадьбѣ.

ГЛАВА XXXIV.

Полицейскіе розыски.—Окончательный разрывъ съ лордомъ Фауномъ.

Второе воровство у леди Эстасъ случилось 30 января, а 28 февраля сыщики Бенфитъ и Гаджеръ, сидя въ полицейской конторѣ, съ меланхолической грустью разсуждали о томъ, что прошелъ цѣлый мѣсяцъ и ничего не открыто по этому загадочному дѣлу, никто до сихъ поръ еще не посаженъ въ тюрьму. А если присоединить воровство въ Карлейлѣ, по которому тоже ничего не сдѣлано, то прошло и цѣлыхъ восемь недѣль. Въ газетахъ сыпались осужденія на полицію; ея начальника, маіора Макинтоша, называли неспособнымъ человѣкомъ, а сыщиковъ честили именами трусовъ, лѣнтыевъ, вретовъ, слѣпцовъ, страусовъ и глупцовъ. Бенфитъ и Гаджеръ, разсуждая объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ, выходили изъ себя. Но они не чувствовали никакой вражды къ поносившимъ ихъ газетамъ, они негодовали на воровъ, счумѣвшихъ провести ихъ такимъ постыднымъ образомъ. Они старались извинить себя тѣмъ, что если-бъ дѣло шло о простыхъ ворахъ, то воровство было-бы давно открыто, но примѣшались титулованныя особы и сыщикамъ были связаны руки. Оба сыщика продолжали сходиться въ одномъ пунктѣ, что лордъ Джоржъ прямо или косвенно замѣшанъ въ этомъ воровствѣ. Но ихъ сбивало съ толку второе воровство: какой смыслъ имѣло оно, если лордъ Джоржъ, по всей вѣроятности, съ согласія самой леди Эстасъ, завладѣлъ брилліантами въ Карлейлѣ? Бенфитъ объяснялъ его желаніемъ сбить съ толку полицію; Крабстикъ, конечно, знала тайну и, для замазанія глазъ сыщикамъ, принявшимся энергично за дѣло, съ согласія своей хозяйки и лорда Джоржа, совершила второе воровство и скрылась изъ Лондона. Гаджеръ не соглашался съ мнѣніемъ своего старшаго товарища. Онъ говорилъ, что гораздо вѣроятнѣе предположить, что лордъ Джоржъ взялъ ожерелье въ Карлейлѣ, но, напуганный полицейскими розысками, снова отдалъ его леди Эстасъ; затѣмъ совершилъ второе воровство опять-таки съ согласія собственницы ожерелья. Но Гаджеръ никакъ не могъ сказать, на чемъ онъ основываетъ свое убѣжденіе.

— А его сіятельство и не думаетъ удирать изъ Лондона, замѣтилъ Бенфитъ.

— Зачѣмъ ему удирать? Онъ слишкомъ уменъ, чтобъ сдѣлать такую глупость. Знаете-ли, маіоръ говорилъ мнѣ сегодня, что ожерелье въ ящикѣ разнощика мелочныхъ товаровъ перевезено въ Гамбургъ; тамъ брилліанты обдѣлали по своему и переправили въ Нью-Йоркъ.

— Конечно, Бенжаминъ, сказалъ Бенфитъ, кивнувъ головой и подмигнувъ.

— Кому-же больше; онъ получилъ ихъ отъ лорда Джоржа. Но для чего въ это дѣло впутался Смайлеръ?

— Для виду. Дверь подпидилъ Вилли Канъ, а ящикъ взломали они оба, торжественно заявилъ Бенфитъ.

— Все это слишкомъ хитро, м-ръ Бенфитъ; и стоило-бы большихъ денегъ. Гораздо проще было, показавъ видъ, что брилліанты украдены, продать ихъ Бенжамину. Съ чего-же Смайлеръ метался, какъ угорѣлый?

— Онъ, можетъ быть, надѣялся найти въ сундукѣ что нибудь цѣнное, что досталось-бы ему безспорно.

— Экій вздоръ вы городите, м-ръ Бенфитъ, точно вы лицо, принадлежащее къ публикѣ. Ей дозволяется предполагать всякую чепуху, а нашего брата на мякинѣ не объѣдешь.

Долго еще спорили между собой сыщики, но ихъ споръ не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Каждый остался при своемъ мнѣніи, впрочемъ, Гаджеръ и не добивался никакого результата, онъ составилъ себѣ планъ дѣйствій и намѣревался немедленно привести его въ исполненіе.

Въ тотъ-же вечеръ м-ръ Гаджеръ отправился въ трактиръ „Восходящее солнце“; онъ переодѣлся въ скромный буржуазный костюмъ и его никто не принялъ-бы теперь за полицейскаго. Въ этомъ трактирѣ его знали подъ именемъ м-ра Говарда.

— Горячей водки на шесть пенсовъ, сказалъ мнимый Говардъ буфетчицѣ.

Онъ усѣлся подъ газовымъ рожкомъ и сталъ медленно пить водку. Онъ занялся разсматриваніемъ газоваго рожка и, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на посѣтителей, которые проходили черезъ буфетъ. Такъ сидѣлъ онъ болѣе часа, водка его совсѣмъ остыла; онъ сидѣлъ спокойно, безъ всякихъ признаковъ нетерпѣнія и не перемѣнялъ своего положенія. На нѣкоторое время м-ръ Говардъ снова остался одинъ. Наконецъ, въ комнату вошелъ маленькій человѣчекъ въ бѣломъ пальто, такъ застегнутомъ, чтобы былъ виденъ во всей прелести яркій шелковый платокъ,

повязанный поверхъ шеи изящнаго джентльмена, носившаго до крайности узкія панталоны и имѣвшаго въ рукахъ тонкую тросточку съ толстымъ серебрянымъ набалдашникомъ. Вошедшій привѣтливо поздоровался съ сыщикомъ.

— Здравствуйте, м-ръ Говардъ, сказалъ онъ, — очень радъ васъ видѣть.

— Чего вы желаете?

— Лучше-бы всего негуса изъ портвейна; положите, душечка, побольше мускатнаго орѣха, прибавилъ онъ, обращаясь къ буфетчицѣ.

Подали негусъ; м-ръ Говардъ выразилъ желаніе, чтобы ихъ никто не беспокоилъ минутъ десять.

— И такъ, м-ръ Говардъ, приказывайте, я къ вашимъ услугамъ, сказалъ м-ръ Канъ, воръ, имя котораго упоминалось въ бесѣдѣ Гаджера съ Бенфитомъ.

— Ну, Билли, что вы скажете на счетъ молодой женщины?

— Я не видалъ ее уже шесть недѣль, м-ръ Говардъ, да и недѣль-то ее всего одинъ разъ въ жизни. Она вовсе не въ моемъ вкусѣ, м-ръ Говардъ. Я люблю скромныхъ, миловидныхъ женщинъ. Конечно, и у этой есть хорошія стороны, напримѣръ, красивая нога, но за то носъ—ахъ, какой ужасный носъ, м-ръ Говардъ; а манеры—просто какъ у какой нибудь дворяшки.

— Она теперь въ Лондонѣ, Билли?

— А я почему знаю, м-ръ Говардъ.

— Для каковаго-же бѣса вы пришли сюда? сказалъ сердитымъ тономъ Говардъ.

— Объ этомъ вамъ знать. Вы желаете отыскать брилліанты, но не отыщете. Вы знаете мой образъ жизни?

— Еще-бы мнѣ не знать.

— Прекрасно, я также знаю вашъ. Я кое-что слышалъ объ этихъ брилліантахъ, вы тоже слышали, но мои уши длиннѣе. Я слышалъ объ этой ловкой штуцѣ и очень жалѣю, что не участвовалъ въ ней...

— Что-же вы слышали?

— Брилліанты улетучились туда, откуда вамъ не достать ихъ. Пятьсотъ фунтовъ, обѣщанные опекунами, останутся у нихъ въ сундукахъ... Вы желаете получить свѣденія, такъ-бы и сказали давно.

— А вы дадите мнѣ эти свѣденія?

— Нѣтъ... нѣтъ... не можетъ-же человекъ дать то, чего нѣтъ у него... но, можетъ быть, я могу добыть ихъ откуда нибудь.

— Какой вы осель, Билли! Вѣдь я все знаю.

— Какой вы глупецъ, м-ръ Говардъ! Я тоже хорошо знаю, что вы ничего не знаете. Вы кое-что подозрѣваете, но подозрѣвать—еще не значить знать... А сколько вы дадите, если я узнаю, гдѣ находится молодая женщина?

— Десятифунтовку, Билли.

— Пять теперь, остальные пять, когда увидите съ нею.

— Идетъ, Билли.

— Въ будущее воскресенье она намѣрена повѣнчаться съ Смайлеромъ въ Рамсетѣ. Если не прозѣваете, вы найдете ее въ трактирѣ „Скрипка съ одной струной“ въ Рамсетѣ.

Свѣденіе было такъ основательно, что м-ръ Говардъ вручилъ м-ру Кану пять совереновъ.

На слѣдующее утро Гаджеръ вошелъ въ дрянненькій трактиръ „Скрипка съ одной струной“, находившійся въ предмѣстьи Рамсгета. Войдя въ буфетъ, онъ прямо спросилъ, не живетъ-ли здѣсь молодая женщина. За прилавкомъ стояли хозяинъ трактира и его жена. Гаджеръ шепнулъ что-то хозяину.

— Здѣсь нѣтъ никакой молодой женщины, крикнула хозяйка.

Хозяинъ поспѣшно пошептался съ нею. Затѣмъ хозяинъ пригласилъ Гаджера въ сосѣдную комнату, а хозяйка куда-то убѣжала. Гаджеръ отворилъ дверь изъ этой комнаты, ведущую въ буфетъ, потомъ пошелъ къ выходной двери и посмотрѣлъ на крышу.

— Она не уйдетъ, сказалъ хозяинъ;—она не совсѣмъ здорова и лежитъ.

— Скажите, что ей незачѣмъ тревожиться изъ за меня. Скажите ей также, что чѣмъ скорѣе она меня приметъ, тѣмъ будетъ лучше.

И онъ снова ушелъ въ сосѣдней комнатѣ и вынулъ фотографическій портретъ. Этотъ портретъ былъ отобранъ отъ долговязаго лакея и, по его показанію, изображалъ миссъ Пашьенсъ Крабстикъ, горничную леди Эстасъ. Затѣмъ онъ убѣдился, что другого хода нѣтъ и дѣвица улепетнуть не можетъ. Прождалъ онъ нѣсколько времени и выразилъ нетерпѣніе.

— Не можетъ-же дѣвица, которой предстоитъ свиданіе съ молодымъ мужчиной, одѣться зря, какъ мужчина, отвѣтила хозяйка.

— Чѣмъ скорѣе она кончитъ эти сборы, тѣмъ будетъ для нея лучше, посовѣтовалъ Гаджеръ.

Прошло около часу, какъ онъ сидѣлъ въ трактирѣ; наконецъ

его попросили наверх. Понятно, что миссъ Крабстикъ почувствовала себя весьма неприятно, когда ей сказали, что ее спрашиваетъ полицменъ, пріѣхавшій изъ Лондона. Первой мыслью ея было бѣжать, но хозяйка объяснила ей, что это невозможно.

— Миѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ, моя милая, сказалъ м-ръ Гаджеръ.

Они остались одни и свиданіе ихъ продолжалось болѣе часа. Должно быть, они сошлись, потому что въ серединѣ ихъ бесѣды, м-ръ Гаджеръ потребовалъ завтракъ для дѣвицы, съѣлъ вмѣстѣ съ нею нѣсколько раковъ и выпилъ стаканъ пива.

— Молчокъ о нашемъ разговорѣ, сказалъ м-ръ Гаджеръ; — поручите сказать ему, что вы уѣхали въ Лондонъ.

— Онъ непременно все узнаетъ.

— Пусть узнаетъ, но, я полагаю, онъ не пріѣдетъ въ Рамсгетъ.

— Вы не обманываете меня, м-ръ Гаджеръ?

— Въ чемъ? Что я на васъ женюсь? Я всегда держусь своего слова. Какъ только подойдетъ конецъ этому дѣлу, вы будете м-съ Гаджеръ. Васъ надули, душа моя, безсовѣстно надули, и васъ прощаютъ.

— Надули, м-ръ Гаджеръ, сказала она, прикладывая платокъ къ глазамъ. — Отъ ожерелья я не получила никакой пользы; всѣ остальные вещи спустила за безцѣнокъ. М-ромъ Смайлеромъ я во все не интересуюсь, и никогда не интересовалась. Не такой онъ человѣкъ, чтобы могъ тронуть сердце нѣжной женщины. Слишкомъ онъ обыкновенный мужчина, м-ръ Гаджеръ.

— Съ нимъ скоро покончатъ, моя милая.

— Ахъ, какъ они мучали меня, м-ръ Гаджеръ, съ того самого дня, какъ они сдѣлали миѣ это отвратительное предложеніе; не знаю, какъ я вынесла все это. Конечно, миледи не изъ тѣхъ хозлекъ, къ которымъ привязываются слуги, но все-таки я сдѣлала дурно и теперь раскаяваюсь. А вы не надуете меня, м-ръ Гаджеръ?

Конечно, м-ръ Гаджеръ сильно рисковалъ, но ему нужна была свидѣтельница противъ Бенжамина, а, можетъ быть, также и противъ лорда Джоржа, — и онъ нашелъ ее. Одно его сбивало съ толку: миссъ Крабстикъ влялась, что лордъ Джоржъ не причастенъ ни къ одному воровству.

Вечеромъ м-ръ Гаджеръ воротился въ Лондонъ вмѣстѣ съ миссъ Крабстикъ. Этой дѣвицѣ было предоставлено комфортабельное помѣщеніе въ полициі, но, конечно, она была лишена свободы.

На другой день леди Эстасъ снова принимала у себя полицейскаго, который сообщилъ ей, что ея бѣжавшая горничная добровольно явилась свидѣтельницей въ дѣлѣ о похищенномъ ожерельи и содержится теперь въ полиціи. Лиззи натурально послала за кузеномъ и сообщила ему это извѣстіе.

— Отлично, сказалъ Франкъ, — наконецъ мы узнаемъ, какъ совершилось это воровство. До сихъ поръ всѣ убѣждены, что вашъ пріятель, лордъ Джоржъ, продалъ ваше ожерелье ювелиру Бенжамину. Теперь мы узнаемъ, кто былъ настоящій воръ.

— А я вовсе не желаю узнавать объ этомъ. Меня такъ замучали этими брилліантами, что я хотѣла-бы никогда не вспоминать о нихъ.

Въ тотъ-же день въ газетахъ появилось извѣстіе, что наконецъ схваченъ опытный воръ, противъ котораго существуютъ серьезныя улики въ томъ, что онъ укралъ извѣстное брилліантовое ожерелье. Подъ опытнымъ воромъ подразумѣвался м-ръ Смайлеръ, арестованный въ тотъ-же вечеръ, какъ м-ръ Гаджеръ вернулся изъ Рамсгета.

Лиззи сильно перетрусилась. Ей представилось, что ее непременно предадутъ суду за ложное показаніе подъ присягой. Съ Франкомъ она не рѣшалась совѣтоваться, иначе пришлось-бы ему открыть тайну, которую зналъ только одинъ лордъ Джоржъ. Онъ кстатѣ долженъ придти сегодня.

Послѣ второго воровства, которое казалось ему непонятнымъ, лордъ Джоржъ почти совсѣмъ отдалился отъ леди Эстасъ. Предлогъ былъ удобный: она лежала въ постели, больна, и ему не совсѣмъ ловко было входить въ ея спальню. Когда-же онъ прочиталъ въ газетахъ, что пойманъ воръ, лордъ Джоржъ поспѣшилъ въ полицію, чтобы узнать подробности. Ему сказали тамъ, что Бенжаминъ бѣжалъ изъ Лондона, но, конечно, при существованіи телеграфовъ, не трудно будетъ его настигнуть за границей. Отсюда лордъ Джоржъ отправился прямо къ леди Эстасъ. Она очень обрадовалась его приходу и попрекнула, что онъ давно не былъ; онъ сухо извинился тѣмъ, что ему неловко было посѣщать ее въ спальнѣ, когда она лежала больная, въ кровати.

— Разкажите же мнѣ, что вамъ извѣстно о второмъ воровствѣ? спросилъ онъ довольно грубымъ тономъ.

— Я ничего о немъ не знаю, отвѣчала Лиззи, чуть не плача.

— Ну, полноте, вѣроятно, вы устроили съ своей горничной новую продѣлку, чтобы половчѣе сбыть ожерелье.

— За кого вы меня принимаете, милордъ?

— За женщину, которая ловко умѣетъ водить за носъ всѣхъ

и каждого. Но теперь дѣло принимаетъ новый и довольно опасный оборотъ для васъ. Въ рукахъ полиціи воръ и ваша горничная. Бенжаминъ бѣжалъ. Совѣтую и вамъ принять мѣры.

— Но какъ же могутъ узнать мою вину? Только вы одни о ней и знаете, но вѣдь вы ничего не скажете, вы обѣщали мнѣ молчать.

— Обѣщаль?! Обѣщаль при другихъ обстоятельствахъ, а не теперь. Вызовутъ свидѣтелемъ,—долженъ буду все сказать. Мое обѣщаніе теперь ничего не значить, и я не вижу, почему я долженъ держать свое слово.

— Но тогда вы поступите нечестно.

— А честно вы поступали, два раза давая ложныя показанія подъ присягою? Вамъ остается теперь или бѣжать, подобно Бенжамину, или сознаться во всемъ. Обратитесь къ Джону Эстасу, сознайтесь ему во всемъ, ради покойнаго брата онъ поможетъ вамъ выпутаться изъ бѣды.

Онъ едва коснулся ея руки и поспѣшилъ уйти изъ комнаты.

Лордъ Джорджъ говорилъ съ нею грубо, простился холодно, о прежней нѣжности не было и помину. А она сочла его своимъ корсаромъ, выказала ему любовь, готова была отдать свое сердце и руку. Грубость она охотно простила бы ему,—она считала ее достоинствомъ въ корсарѣ,—но ее возмутило, что онъ не сдѣлалъ даже самаго легкаго намека на установившіяся было между ними близкія отношенія. Нѣтъ, онъ не настоящій корсаръ! Теперь все кончено между ними! она больше не обратится къ нему за помощью и совѣтомъ.

На другой день газеты сообщили слухъ о бѣгствѣ ювелира, который, по добытымъ полиціей свѣденіямъ, долженъ считаться главнымъ воромъ. Лиззи поняла, что полиціи уже все извѣстно, что Крабстикъ не скрыла, что въ Карлейлѣ былъ украденъ пустой сундукъ. И дѣйствительно, полиція все знала, и теперь употребляла всѣ усилія, чтобы найти способъ избавить леди Эстасъ отъ отвѣтственности. Начальникъ полиціи, маіоръ Макинтошъ, былъ убѣжденъ, что Лиззи дѣйствовала безъ злого умысла, что ея поступокъ слѣдуетъ приписать тому, что она потерялась и не знала цѣны его. Чтобы уяснить все это, маіоръ Макинтошъ самъ посѣтилъ Лиззи.

— Извините, что я тревожу васъ, леди Эстасъ, но я пріѣхалъ къ вамъ по дѣлу, которое должно интересовать васъ. Показанія двухъ захваченныхъ нами людей почти совсѣмъ раскрыли истину о покражѣ у васъ брилліантоваго ожерелья. Я опасаясь, что намъ

придется снять и съ васъ показаніе. Конечно я не могу требовать отъ васъ признанія, если вы поступили незаконно...

— Но въ чемъ-же я буду сознаваться? Въ томъ, что у меня украли ожерелье?—Но это вы и безъ того знаете.

— Трудно вамъ будетъ отвергать, что ожерелье находилось въ вашей письменной шкатулкѣ, когда воры вошли въ этотъ домъ. Ваша горничная, Крабстикъ, созналась во всемъ. На судѣ она покажетъ подъ присягой, что видѣла ожерелье въ Лондонѣ послѣ воровства въ Карлейлѣ, что она сообщила объ этомъ Бенжамину, какъ и прежде извѣщала его о днѣ вашего выѣзда изъ Шотландіи. При ней было вынута ожерелье изъ шкатулки ворами, которыхъ она-же пустила въ вашу комнату. Одинъ изъ этихъ воровъ будетъ судиться вмѣстѣ съ Бенжаминномъ, который куда-то продалъ ожерелье. Если ваша горничная говоритъ неправду, вы можете опровергать ее.

Лиззи молчала.

— Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, леди Эстасъ; узнайтесь, что все это справедливо.

— Ожерелье моя собственность, сказала она тихо, почти про себя,

— По крайней мѣрѣ, вы считали его своей собственностью. Вы вѣроятно, вынули ожерелье изъ сундука предъ тѣмъ, какъ ложились спать въ Карлейлѣ?

— Нѣтъ, я вынула его еще въ Портрѣ; меня напугали тѣмъ, что его могутъ украсть дорогой.

— Я не сомнѣвался въ этомъ и прежде. Судъ вызоветъ васъ, какъ свидѣтельницу.

— Что-жъ отъ меня потребуютъ?

— Вамъ предложатъ сказать всю правду.

— Я это сдѣлаю.

— Вамъ придется выдержать тяжелый допросъ. Дѣло въ томъ, что въ Карлейлѣ и здѣсь вы давали неправильныя показанія.

— Это справедливо. Не правда-ли, давая эти показанія, я не сдѣлала ничего безчестнаго? я считала ожерелье моей собственностью. Когда въ Карлейлѣ, въ мою комнату набралось много народа я потерялась и говорила почти безсознательно. А потомъ, разъ давъ ложное показаніе, я рѣшительно не знала, какъ мнѣ выпутаться.

— Я это понимаю, сказалъ маіоръ, съ участіемъ смотря на нее.

Затѣмъ онъ далъ ей подробное наставленіе, какъ держать себя на допросѣ у слѣдственнаго судьи, что говорить и пр. Онъ надѣялся, что судъ не станетъ преслѣдовать ее за ложное показаніе, и въ заключеніе посовѣтовалъ ей какъ можно скорѣе отправиться къ Кампердауну и Джону Эстасу и сознаться имъ во всемъ.

То-же самое посовѣтоваль ей и Фрацкъ Грейстоукъ, которому она передала разговоръ свой съ маіоромъ Макинтошемъ.

М-ръ Кампердаунъ уже зналъ о поведеніи леди Эстасъ. Когда дошло до него извѣстіе о ложныхъ показаніяхъ Лиззи, онъ побѣжалъ къ всезнающему мудрецу Дову, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, нельзя-ли заставить ее заплатить за украденное ожерелье. М-ръ Довъ находилъ, что едва-ли это будетъ возможно, и рѣшительно высказался противъ намѣренія Кампердауна преслѣдовать ее за ложное показаніе. Джонъ Эстасъ, какъ всегда, раздѣлялъ мнѣніе м-ра Дова.

— Не забывайте, м-ръ Кампердаунъ, что она вдова моего брата и мать представителя нашего рода, сказалъ Джонъ Эстасъ.— Намъ слѣдуетъ, напротивъ, употребить всѣ усилія, чтобы спасти ее отъ позора, который можетъ постичь ее, если ее стануть судить за ложное показаніе.

Предувѣдомленный леди Эстасъ объ ея посѣщеніи, м-ръ Кампердаунъ пригласилъ Джона Эстаса заѣхать къ нему въ контору въ этотъ часъ.

— Джонъ, очень рада васъ видѣть, сказала Лиззи, здороваясь съ нимъ,—я не ожидала встрѣтить васъ здѣсь.

— Я пріѣхалъ сюда, какъ вашъ другъ, отвѣчалъ онъ.

— Я никогда не сомнѣвалась въ вашей дружбѣ. Вотъ м-ръ Кампердаунъ навѣрное не позволитъ мнѣ считать его въ числѣ своихъ друзей.

— Но я не врагъ вамъ, леди Эстасъ. Однакожъ, приступимъ къ дѣлу. Вы намѣрены что-то передать намъ?

— Развѣ вы еще ничего не знаете?

— Не знаемъ, отвѣчалъ Кампердаунъ.

И Лиззи, краснѣя и запинаясь, рассказала всю правду. Нѣсколько разъ она упоминала, что брилліанты ея собственность; м-ръ Кампердаунъ, не смотря на знаки, дѣлаемые ему Джономъ Эстасомъ, каждый разъ возражалъ ей. Когда она окончила свой рассказъ, м-ръ Кампердаунъ, сказавъ, обращаясь къ Джону Эстасу:

— Теперь все ясно.

— Значитъ, я теперь могу уѣхать, поспѣшила сказать Лиззи, подала руку Джону Эстасу, низко присѣла м-ру Кампердауну и быстро вышла изъ комнаты.

— Замѣчательная женщина, сказалъ Джонъ Эстасъ, — еслибъ

женщинамъ открытъ былъ доступъ къ адвокатурѣ, она была-бы превосходнымъ адвокатомъ.

Леди Эстасъ оставалось еще выдержать допросъ у слѣдственнаго судьи. Отправляясь въ его камеру, она одѣлась въ черное платье и запаслась толстой черной вуалью. Ее сопровождалъ туда ея кузень, Франкъ Грейстокъ. Когда они вошли въ камеру судьи, м-ръ Грейстокъ подошелъ къ судѣ и тихо сказалъ ему нѣсколько словъ. Послѣ этого Лиззи пригласили въ отдѣльную комнату.

Бенжаминъ доставленъ былъ изъ Вѣны и сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Возлѣ него помѣщался Смайлеръ, по фізіономіи котораго не трудно было заключить, что онъ не разъ уже въ своей жизни имѣлъ дѣло съ полиціей и судомъ. Въ послѣдніе 15 лѣтъ, изъ 180 мѣсяцевъ 100 онъ провелъ въ тюрьмѣ и противъ него было произнесено 23 судебныхъ приговора. Смайлеръ не сомнѣвался, что дѣло кончится для него плохо, и казался совершенно хладнокровнымъ. Только когда его пріятель, Билли Канъ, франтовски разодрѣтый, былъ введенъ, чтобы дать показаніе противъ него, Смайлеръ бросилъ на него страшный взглядъ, въ которомъ ясно выражалась угроза безпощадной мести. Однакожь на м-ра Кана, этотъ взглядъ нисколько не подѣйствоваль, и онъ съ улыбкой кивнулъ головой своему товарищу.

Чтеніе обвинительнаго акта длилось очень долго. По окончаніи его, вызвали свидѣтельница, леди Эстасъ. М-ръ Грейстокъ ввелъ ее въ камеру и судья попросилъ ее поднять вуаль.

На первые вопросы ей отвѣчать было легко, но когда ее спросили: находилось-ли ожерелье въ сундукѣ, въ то время, какъ была произведена кража въ Карлейлѣ, она смутилась, но отвѣтила, какъ было дѣло.

— Какъ-же это, леди Эстасъ, вы дали тогда ложное показаніе?

— Я была такъ перепугана, что рѣшительно не сознавала, что говорю, отвѣчала Лиззи и зарыдала, съ умоляющимъ видомъ посмотрѣвъ на судью.

Судья почувствовалъ къ ней сочувствіе, публика также: ясно, что она невиновна въ своемъ поступкѣ, что она совершила его по невѣденію, подъ вліяніемъ испуга.

Но тутъ поднялся защитникъ Бенжаминъ и подвергъ ее безжалостному допросу. Онъ говорилъ мягкимъ, добродушнымъ тономъ, но въ его вопросахъ слышалась ѣдкая пронія. Онъ довелъ Лиззи почти до обморока. Судья не разъ замѣчалъ ему, что леди Эстасъ созналась уже въ томъ, что дала ложное показаніе подъ присягой, онъ не унимался и продолжалъ допытывать ее. Онъ дошелъ до того, что спросилъ ее, не выходитъ-ли она замужъ за

лорда Карутерса. Когда она отвѣтила, что нѣтъ, не выходить,—онъ спросилъ: не состоится-ли этотъ бракъ въ будущемъ? Тогда вступился Грейстокъ и просилъ судью оградить леди Эстасъ отъ такихъ бесполезныхъ, и, въ сущности, пошлыхъ вопросовъ. Между Грейстокомъ и адвокатомъ произошелъ крупный споръ, но допросъ Лиззи былъ оконченъ.

Ее снова отвели въ отдѣльную комнату и она не слышала показаній, которыя давали Билли Канъ и миссъ Крабстикъ.

Бенжаминъ и Смайлеръ признаны виновными и преданы суду; дѣло ихъ поступило въ центральный уголовный судъ; съ леди Эстасъ взята подписка явиться въ судъ и снова дать тамъ показаніе.

Обратимся теперь къ лорду Фауну, которому Лиззи желала отомстить, заставивъ его снова пасть къ ея ногамъ.

Надо признаться, почтенный помощникъ статсъ-секретаря и безъ того былъ сильно наказанъ. На лицахъ своей матери и сестеръ онъ постоянно читалъ сожалѣніе о томъ, что онъ былъ настолько слабъ, что позволилъ себѣ увлечься такой дрянной женщиной, какъ леди Эстасъ. Къ довершенію непріятнаго положенія его сіятельства, сестра его, м-съ Гитауэй, разглашавшая вездѣ, что его нарѣченная цѣлуется съ своимъ кузеномъ, устроила свиданіе своего брата съ м-ромъ Гаурономъ, который, съ грубой откровенностью, весьма рельефно изобразилъ сцену на скалахъ въ Портрѣ.

Безжалостная судьба не удовольствовалась этимъ и поразила новымъ ударомъ лорда Фауна. По возвращеніи Лиззи изъ Шотландіи, разнесся слухъ объ ея близкихъ отношеніяхъ къ лорду Джоржу. Лордъ Фаунъ вспылалъ гнѣвомъ, но, по своей всегдашней нерѣшительности характера, не могъ остановиться ни на одномъ планѣ разрыва своего съ коварною женщиною.

Тутъ случилось второе воровство у леди Эстасъ и общественное мнѣніе фешенебельнаго круга быстро обратилось на ея сторону. Сама леди Паллизеръ сдѣлала визитъ Лиззи, самъ герцогъ Оміумъ сталъ интересоваться ею. Леди Паллизеръ пришла въ голову блистательная мысль примирить лорда Фауна съ его невѣстой. Она горячо взялась за дѣло и добилась того, что лордъ Фаунъ посѣтилъ Лиззи. Помощникъ статсъ-секретаря явился къ ней растерянный, взволнованный; она встрѣтила его надменно, говорила съ нимъ рѣзко и такъ рѣшительно нападала на него, что лордъ Фаунъ окончательно струсилъ. Лиззи настоятельно требовала отъ него,

чтобы онъ сдержалъ свое слово, т. е. женился на ней. Потерянный, опутанный, лордъ Фаунъ прибѣгъ къ послѣднему средству, отъ котораго могъ ожидать благопріятнаго результата: онъ заявилъ довольно рѣшительно, что изложить свои намѣренія письменно. Лиззи, наслаждавшаяся своимъ торжествомъ, согласилась на это.

Почтенный лордъ задалъ себѣ чрезвычайно трудную работу, но, такъ или иначе, нужно было сдержать слово. Послѣ многихъ усилій лордъ Фаунъ вымучилъ наконецъ изъ своей головы длинное письмо, въ которомъ онъ разсмотрѣлъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и сдѣлалъ выводъ, что ихъ бракъ теперь едва-ли удобенъ, что онъ невыгоденъ для обѣихъ сторонъ, но въ заключеніе прибавилъ, что не намѣренъ отказываться отъ своего слова и, если леди Эстасъ пожелаетъ, онъ готовъ вступить съ нею въ бракъ.

Лиззи торжествовала, но торжество ея длилось недолго. Она медлила своимъ отвѣтомъ лорду Фауну, между тѣмъ въ городѣ распространилось извѣстіе о показаніи, которе дала Лиззи слѣдственному судѣ. Дошло это извѣстіе и до лорда Фауна и онъ не замедлил написать Лиззи новое письмо, въ которомъ заявлялъ, что послѣ всего случившагося считаетъ себя вправѣ отказаться отъ руки нарѣченной невѣсты.

Это письмо сильно поразило Лиззи. Она не могла простить себѣ, что она раньше не отвѣчала лорду Фауну, что сама отказывается отъ его предложенія. Но дѣлать было нечего, слѣдовало какъ нибудь исправить ошибку и она заднимъ числомъ написала къ нему письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала:

„Мнѣ никогда въ жизни не приходилось читать болѣе лживаго, трусливаго и низкаго письма, какъ ваше... Съ краской стыда сознаюсь, что когда вы сдѣлали мнѣ предложеніе, я не знала вашего характера. Вскорѣ послѣ своего предложенія, вы, изъ трусости, боясь стать лицомъ къ лицу съ моими врагами, старались запятнать мое доброе имя и воспользовались первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы взять свое слово назадъ. Все ваше поведеніе было олицетворенная трусость... Теперь, опять-таки изъ трусости, вы снова предлагаете мнѣ свою руку. Вы, кажется, боитесь, что васъ поколотятъ мои друзья, если вы откажетесь отъ своего предложенія. Но не опасайтесь, никакія просьбы не заставятъ меня быть вашей женой. Если-же вы замѣтите, что кто-нибудь изъ моихъ друзей захочетъ дать вамъ урокъ, вы только покажите ему мое письмо и онъ увидитъ, что я сама отказала вамъ въ своей рукѣ^d.”

Одной изъ главныхъ причинъ, по которымъ Лизза замедлила своимъ отвѣтомъ на первое письмо лорда Фауна, были приготовленія

къ свадьбѣ Люцинды съ сэромъ Грифиномъ. Въ это время Лиззи особенно тѣсно сблизилась съ своей хозяйкой. Подарокъ къ свадьбѣ, который Лиззи обязывалась сдѣлать по заключенному условію, былъ купленъ и оказался большей цѣны, чѣмъ слѣдовало по условію. Лиззи дала взаймы м-съ Карбонкль 150 фунтовъ и для свадебнаго обѣда предложила столовое серебро, бывшее съ ней въ Лондонѣ, конечно, на одинъ день. День свадьбы былъ назначенъ, хотя женихъ и невѣста по прежнему продолжали ссориться ежедневно и сэръ Грифинъ нѣсколько разъ хотѣлъ уѣхать изъ Лондона. Насталъ и этотъ день. Леди Эстасъ съ подругами невѣсты отправились въ комнату Люцинды, чтобы одѣвать ее къ вѣнцу; онѣ застали ее съ заплаканными глазами; надменная дѣвушка рѣшительно заявила, что она не пойдетъ вѣнчаться, а если ея тетка будетъ настаивать, она кончитъ жизнь самоубійствомъ. Просьбы тетки и леди Эстасъ не привели ни къ чему: Люцинда осталась при своемъ и пришлось отложить свадьбу. Несчастливая дѣвушка вскорѣ помѣшалась.

М-съ Карбонкль, конечно, не могла заплатить трактирщику, у котораго долженъ былъ происходить свадебный пиръ, и жестоко-сердный трактирщикъ завладѣлъ серебромъ, принадлежавшимъ Лиззи.

Желая на комъ нибудь выместить свои неудачи, м-съ Карбонкль стала дѣлать ежедневныя непріятности Лиззи и бывшіе друзья до того разсорились, что при каждой встрѣчѣ носили одна другую бранью. Лиззи требовала обратно своихъ денегъ и серебра, но не получила ни того, ни другого.

Не желая выносить непріятностей, леди Эстасъ поспѣшила отправиться въ Шотландію.

ГЛАВА XXXV.

Судъ. Леди Эстасъ находитъ себѣ муза.

Судъ надъ Бенжаминомъ и Смайлеромъ былъ назначенъ въ маѣ. Лиззи въ это время была въ Шотландіи. Къ ней послали повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ судъ, но она прислала медицинское свидѣтельство, что не можетъ прибыть въ означенный день. Судъ нашель, что отлагать разбирательство неудобно, такъ какъ свидѣтели изъ Гамбурга и Вѣны уже на пути и пріѣздъ ихъ стоитъ очень дорого. Въ назначенный день разбирательство состоялось. Обвинительная власть, недовольная тѣмъ, что Лиззи уклонилась отъ явки въ судъ (было извѣстно, что она совершенно здорова), сильно нападала на

нее въ своихъ рѣчахъ, выставляя ее главной виновницей преступленія (хотя, конечно, не обвиняя въ преступленіи), вовлекшей судившихся преступниковъ въ преступное дѣяніе, предусмотрѣнное такими-то и такими-то законами. Но эти рѣчи не подѣйствовали на присяжныхъ и они нашли Бенжамна и Смайлера виновными безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ; судъ приговорилъ ихъ къ пятнадцатилѣтней каторжной работѣ.

Ожерелье не было найдено, не смотря всѣ усилія м-ра Кампердауна. Можно было догадываться только, что, передѣланное, оно принадлежало теперь одной знатной аристократкѣ въ Вѣнѣ; но догадка—не фактъ, и м-ру Кампердауну оставалось утѣшаться хоть тѣмъ, что ненавистная ему леди Эстасъ не станетъ болѣе носить на своей шеѣ это ожерелье. Розысканіе брилліантовъ и процессъ Бенжамна и Смайлера стоили ему громадныхъ суммъ, конечно, отнесенныхъ на имущество юнаго представителя рода Эстасовъ.

М-ръ Гаджеръ сдержалъ свое слово и женился на миссъ Крабстикъ. Допрошенный, какъ свидѣтель, въ судѣ относительно этого обстоятельства, онъ объявилъ, что дѣйствительно женился на свидѣльницѣ и увѣренъ, что она будетъ честною женою; онъ высказалъ убѣжденіе, что миссъ Крабстикъ всегда была нравственно чиста, но поддавалась искушенію способствовать воровству только вслѣдствіе коварства еврея, который способенъ былъ оплетать людей и съ болѣе твердыми убѣжденіями, чѣмъ эта слабая женщина.

Модный проповѣдникъ, пасторъ англиканской церкви, происхожденіемъ еврей, м-ръ Эмилиусъ, неимѣвшій еще законной подруги жизни, бросилъ свой взоръ на красавицу вдову, леди Эстасъ. Вначалѣ своего знакомства, онъ смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ и ни словомъ, ни жестомъ не показывалъ, что былъ-бы готовъ соединить свою скромную судьбу съ блестящей судьбой красавицы-аристократки. Изучивъ ея характеръ и ознакомившись съ нѣкоторыми двусмысленными эпизодами изъ ея жизни, онъ выжидалъ случая явиться на арену дѣйствій въ то время, когда звѣзда леди Эстасъ начнетъ закатываться, и крупныя особы, въ родѣ лорда Фауна и м-ра Грейстока, отвернутся отъ нея. Мы знаемъ, что онъ посѣщалъ Лиззи во время болѣзни и увлекательно читалъ ей отрывки изъ духовныхъ и свѣтскихъ сочиненій. Въ это время онъ уже положилъ начало своему сближенію съ интересной вдовушкой

Но вотъ, въ фешенебельномъ кругу заговорили о ложныхъ показаніяхъ, данныхъ леди Эстасъ подѣ присягой, и м-ръ Эмплюсъ рѣшилъ, что наступило время и ему дѣйствовать энергично.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ Лиззи въ Шотландію онъ зашелъ къ ней, зная, что застанетъ ее одну. Онъ искусно навелъ разговоръ на городскіе толки о поведеніи леди Эстасъ въ дѣлѣ брилліантоваго ожерелья. Онъ думалъ напугать Лиззи, представляя ей опасности, которымъ она подвергается въ силу даннаго ею показанія судѣ о ложной присягѣ. Но когда Лиззи очень хладнокровно приняла его запугиванья и объявила, что ничего и никого не боится, онъ приступилъ къ дѣлу прямо.

— Еще осмѣлюсь сказать вамъ, леди Эстасъ, говорилъ онъ, — что я повергаю къ вашимъ ногамъ мое сердце, руку и карьеру. Я могу сказать про себя, что только своему уму и краснорѣчію я обязанъ своимъ положеніемъ въ этой столицѣ. Я знаю, что вы стоите несравненно выше меня, леди Эстасъ, что вы необычная красавица, что вы богаты. Но и я, осмѣливающійся явиться искателемъ вашей руки, — и я не полное ничтожество. Въ моихъ жилахъ течетъ знаменитая кровь, я потомокъ знатнаго и древняго рода. Родъ моей дѣятельности самый возвышенный. Мнѣ только тридцать два года и я уже извѣстенъ, какъ величайшій проповѣдникъ. Я могу двигать массы, въ какую сторону мнѣ заблагоразсудится, я умѣю трогать сердца. Раздѣлите мою судьбу, леди Эстасъ. Вы единственная женщина, которую я полюбилъ. Согласитесь быть моей женою.

Онъ былъ противенъ на видъ, неопрятенъ, извѣстный лжець и обманщикъ, еврей родомъ, ему было слишкомъ сорокъ лѣтъ, но онъ выказалъ мужество, онъ не краснѣлъ, не запинаясь, въ немъ не замѣтно было раболѣпства. Онъ почти понравился Лиззи; ее плѣнила его смѣлость; въ его обращеніи, въ его прямомъ и рѣшительномъ заявленіи своихъ чувствъ къ ней, она увидѣла что-то поэтическое, выходящее изъ ряда. Но въ эту минуту она все еще надѣялась, что Франкъ Грейстокъ не совсѣмъ потерявъ для нея, а Эмплюсъ не представлялъ собой особенно блистательную партію.

Лиззи отвѣтила ему, что она вынесла много испытаній, что она боготворила покойнаго мужа и рѣшалась выйти во второй разъ замужъ только для своего ребенка, но избранный ею женихъ оказался недостойнымъ человѣкомъ и она отказала ему. Поэтому она рѣшила теперь не выходить больше замужъ.

Когда Лиззи стала прощаться съ м-ромъ Эмплюсомъ, онъ въ

это время рассчитывалъ, во что обойдется ему поѣздка въ Шотландію.

М-ръ Эмилиусъ, узнавъ, что Лиззи представила въ судъ свидѣтельство о своей болѣзни, воспользовался этимъ, какъ благовиднымъ предлогомъ для посѣщенія ея въ Шотландію. Онъ пріѣхалъ въ сосѣднее съ ея замкомъ мѣстечко, и написалъ ей, что церковныя дѣла привели его въ Шотландію и что онъ не можетъ возвратиться въ Лондонъ, не заявивъ ей своего почтенія, тѣмъ болѣе, когда онъ знаетъ, что она нездорова. Вслѣдъ за письмомъ онъ явился самъ и его, конечно, приняли.

Онъ завелъ разговоръ о процессѣ Бенжамина, какъ о послѣдней новости дня, и таеъ-же, какъ въ первый разъ, рѣшительно перешелъ къ заявленію своихъ чувствъ. Онъ говорилъ настолько краснорѣчиво, что тронулъ сердце прекрасной вдовы, которая на этотъ разъ была уже вполне увѣрена, что не можетъ рассчитывать на Франка Грейстока, ускользнувшего изъ ея сѣтей.

Лиззи сообразила, что модный проповѣдникъ, имѣющій богатую и знатную жену, легко можетъ пробить себѣ дорогу къ почестамъ, въ особенности когда онъ одаренъ большимъ запасомъ честолюбія и имѣетъ блестящія способности. Наконецъ, выходя за него замужъ, она можетъ предписать ему какія ей угодно условія брачнаго контракта, чего ей не удалось-бы сдѣлать съ лордомъ Фауномъ, лордомъ Джоржемъ и Франкомъ Грейстокомъ. И наружность Эмилиуса ей показалась теперь привлекательнѣе, ей понравились его черные, вьющіеся волосы и горбатый носъ.

— Вы желаете немедленнаго отвѣта? спросила она его.

— Да немедленнаго, отвѣчалъ онъ.

Она зарыдала, потомъ стала говорить о своемъ ребенкѣ, о перенесенныхъ страданіяхъ и пр., но наконецъ выговорила то слово, котораго онъ ждалъ.

Въ тотъ-же вечеръ она извѣстила миссъ Мэкнелти, что выйдти замужъ за м-ра Эмилиуса.

— Онъ великій проповѣдникъ, сказала она:—его положеніе въ свѣтѣ достойно любви и уваженія всякой женщины.

Въ іюнѣ совершилась ихъ свадьба. Лиззи, однакожъ, ошиблась въ своемъ предположеніи заставить Эмилиуса подписать брачный контрактъ ея редакціи. Вышло на оборотъ: она принуждена была согласиться на всѣ условія, какія предписалъ ей женихъ.

Ея свадьба была предметомъ многочисленныхъ толковъ въ фе-

шенебельномъ обществѣ. Лиззи и на этотъ разъ суждено было снова завоевать себѣ сочувствіе этого общества. Ее жалѣли, находили, что она проведена хитрымъ интриганомъ, который женился на ней изъ-за денегъ. Это общество болѣе всего шокировала слухъ, что м-ръ Эмилиусъ имѣетъ жену, проживавшую въ Прагѣ. Но никто не могъ рѣшить, откуда взялся этотъ слухъ и насколько онъ былъ основателенъ. Правда, утверждали, что, будто-бы, у м-ра Эмилиуса жила какая-то родственница, которую онъ отослалъ обратно въ Прагу, когда у него явилась мысль жениться на леди Эстасъ. Но самъ м-ръ Эмилиусъ говорилъ, что эта родственница уѣхала отъ него потому, что ей сдѣлалъ предложеніе одинъ честный и хорошій человекъ и она обвинчалась съ нимъ въ Прагѣ.

Лордъ Джоржъ вмѣстѣ съ м-съ Карбонкль и миссъ Люциндой уѣхалъ куда-то за границу. Послѣ отъѣзда м-съ Карбонкль ея кредиторы убѣдились, что почтенная дама оставила громадныя долги, доказывающіе только изумительную довѣрчивость англійскихъ капиталистовъ и комерсантовъ *).

*) Не желая переносить печатаніе этого романа на будущій годъ, редакция рѣшилась передать его окончаніе въ возможно полномъ сокращеніи, выпустивъ всѣ излишнія подробности и эпизоды, которыми изобилуютъ романы не только авторстепенныхъ, но даже и весьма талантливыхъ англійскихъ писателей.

ТИРОЛЬСКАЯ ДѢВА.

(Легенда съ англійскаго *.)

Констанцское озеро горы кругомъ
Гранитнымъ кольцомъ обступаютъ,
Небесныя звѣзды, какъ въ зеркалѣ, въ немъ
Лучатся, горятъ и мерцаютъ.

Несется-ли по вѣтру тучка порой,
Она и въ водѣ отразится;
Плывешь-ли — и, кажется, сводъ голубой
Внизу, подѣ тобою, ложится...

Луна безмятежно по небу плыветъ
И въ озеро смотритъ, сияя,
На спящій, прекрасный Брегенцъ, что у водъ
Раскинуть, Тироль защищая.

Давно ужъ Брегенцъ у родныхъ береговъ
Въ покойныя смотрится воды.
Ужъ десять надъ нимъ пролетѣло вѣковъ—
То десять столѣтій свободы!..

Давно ужъ тѣнь башенъ и стѣнъ городскихъ
Утесы кругомъ осѣняетъ...

Въ скалистыхъ горахъ и долинахъ родныхъ
Кто старой легенды не знаетъ?

Кто этой легенды не знаетъ простой,
Какъ городъ отъ гибели явной
Три вѣка назадъ, полуночной порой,
Спасенъ былъ чудесно и славно.

Далеко отъ родины бѣдной своей
Въ долины швейцарскаго края
Бѣжала отъ милыхъ, родныхъ и друзей
Тиролька одна молодая.

Живетъ тамъ простою служанкой она,
Не слышитъ и слова родного.
Идетъ чередой за весною весна,
Слабѣетъ въ ней память былого.

Служила хозяевамъ добрымъ она,
Усердно и вѣрно служила.

*) Изъ диккенсова журнала (Исторія шести убогихъ странниковъ).

Ей стала родною чужая страна,
Швейцарцевъ она полюбила.

Съ зарей на луга, выгоняя стада,
Въ долинахъ бродя подъ дубами,
Она и глядѣть позабыла туда,
Гдѣ дремлетъ Брегенцъ надъ скалами.

Молчить объ отчизнѣ далекой своей,
О ней не вздыхаетъ на волѣ,
Не ловить тревожныхъ и смутныхъ вѣстей
О битвахъ австрійскихъ въ Тироли.

И пѣсень родимыхъ она не поетъ,
Чѣмъ дальше, — забывъ укоризны,
Спокойнѣй подъ кровлею тихой встаетъ
Въ селѣ своей новой отчизны.

Такъ жизнь ея въ мирной долинѣ текла,
Какъ вдругъ надъ прекрасной страной,
Что черная туча, тревога легла —
Все дышетъ суровой войною.

Несжатymi пшвы стоятъ, колосясь,
Хоть солнышко свѣтитъ такъ ярко.
Швейцарцы о чемъ-то толкуютъ, сходясь,
Тревожно, порывисто, жарко...

Угрюмы, задумчивы были мужья,
Потуплены въ землю ихъ очи.
А жены, тоску глубоко затая,
Томятся въ бессонныя ночи...

Заброшена пряжа. По селамъ не ткутъ
И съ лозъ виноградъ не собираютъ.
А дѣти все дома шумятъ и снуютъ,
Въ веселыхъ поляхъ не играютъ.

Однажды изъ селъ, пробудившись съ зарей,
Въ поля собрались поселяне,
Пришли къ нимъ нестройною, грозной толпой
На общій совѣтъ горожане.

Бесѣда была горяча и шумна,
Толпа все росла и кипѣла,
У берега долго стояла она,
На озеро, споря, глядѣла...

А вечеромъ тою-же шумной толпой
На берегъ народъ собирался.
Отважно и громко ихъ смѣхъ удалой
Въ зеленыхъ уоляхъ раздавался...

Поднялся ихъ вождь, озирая бойцовъ,
 И крикнулъ, стаканъ подымая:
 — „Друзья, за погибель презрѣнныхъ враговъ!
 Свершится судьба роковая:
 Пусть только туманная ночь отойдетъ,
 Лишь утро засвѣтитъ зарею,
 Брегенцъ, этотъ гордый, проклятый оплотъ
 Раздавимъ мы нашей пятою!..“

На лицахъ у женщинъ и гордость и страхъ, —
 Одна лишь стоитъ, замирая,
 Тиролька: воскресъ на родныхъ берегахъ
 Брегенцъ, передъ нею сияя...
 Вонъ высятся башни... бѣлѣтъ стѣна...
 И, полная чувства былого,
 Кругомъ лишь враговъ замѣчаетъ она —
 Враговъ ея края родного...

Воскресла въ ней память младенческихъ дней,
 Знакомыя лица мелькають.
 Какъ ласточки, пѣсни отчизны надъ ней
 Ласкаются, вьются, летаютъ...
 И диваго крика не слышитъ она,
 Не видитъ швейцарской долины.
 Какъ смутныя грезы счастливаго сна,
 Сіяють родныя картины.

Такъ ласково звуки родимыя льнуть,
 Все слышатся ближе и ближе:
 «Тебя пусть настигнутъ враги и убьютъ,
 Спаси-же Брегенцъ свой, спаси-же!»
 Въ село воротилась. Беретъ скакуна,
 Что ею былъ вскормленъ самою,
 И мчится въ родимую землю она,
 Въ Брегенцъ она мчится стрѣлою.
 «Скорѣе, скорѣе... во мракъ полночь!»
 Луга миновала... Скорѣе...
 Вонъ смутно каштаны мелькнули кругомъ
 И берегъ крутой передъ нею.
 Какъ пѣнятся волны, какъ бьется прибой!
 То Рейнь горделивый, могучій...
 И дѣвушка смотреть. На берегъ родной
 Одиѣ лишь проносятся тучи...
 Одинадцать бьетъ съ колокольни часовъ.
 „Уйми-же, о, Господи, волны!

Помилуй Брегенцъ мой отъ лютыхъ враговъ!⁴
 Но гнѣва могучаго полный,
 Шумнѣе вздымается Рейнъ и кипить.
 Поводья она опускаеть...
 Бросается конь и пугливо храпитъ
 И грудью волну разсѣкаетъ!
 Плыветъ онъ; огни надъ кипящей рѣвой
 Въ Брегенцѣ блистаютъ, мерцаютъ.
 Вотъ берегъ поднялся крутою стѣной,
 Утесы во мракѣ мелькаютъ.
 Она, замирая, къ коню прилегла,
 Ласкаеть, и молить, и просить...
 Рванулся впередъ онъ и, словно стрѣла,
 На берегъ скалистый выносить...
 Несется она къ молчаливымъ стѣнамъ.
 Бьетъ полночь; дремотой объятый,
 Брегенцъ неподвиженъ... Она къ воротамъ...
 На крики выходятъ солдаты...
 И вонны утромъ стоятъ на стѣнахъ,
 Ихъ латы горять и сверкаютъ,
 Дробятся лучи на щитахъ и мечахъ...
 Враги далеко убѣгаютъ...
 Спасенный Брегенцъ не забудетъ съ тѣхъ поръ
 Красавицы вѣрной и смѣлой:
 Веселыя нѣсни ликующихъ горъ
 Поютъ ея славное дѣло...
 Три вѣка прошло и съ вершины холма,
 Среди ароматнаго поля,
 Глядитъ на родныя долины сама
 Красавица дѣва Тироля.
 Брегенцскія дѣвушки, шумной толпой
 Сбираясь вокругъ пьедестала,
 Поютъ, какъ она полуночной порой
 Свой городъ родимый спасала.
 И ночью лишь сторожъ вдоль старыхъ домовъ
 Обходить Брегенцъ молчаливый,
 То восемь, то девять, то десять часовъ,
 Одинадцать крикнетъ лѣниво,
 Но только на башнѣ высокой пробьетъ
 Двѣнадцать — и гулко, и плавно,
 Онъ громко великое имя поетъ
 Тирольской красавицы славной.

В. И. Славянской.

СРЕДНЯ И ВЫСШЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ АНГЛІИ ¹⁾.

I.

Нигдѣ общественное мнѣніе и пресса не отстаиваютъ такъ энергично реформы воспитанія, какъ въ Англіи, и нигдѣ оно не поддерживается такъ упорно въ своемъ допотопномъ состояніи, какъ тамъ. О вопіющихъ нецѣлостяхъ этого стараго, престараго института идутъ самыя жаркіе дебаты, подаются проекты для преобразованія его, на эту тему пишутся многіе романы, воспоминанія и т. п. и все-таки среднее и высшее образованіе Англіи остается въ полной силѣ своего феодальнаго устройства. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что корни этого института глубоко лежатъ въ самомъ общественномъ строѣ Англіи и переплетаются съ ея главными историческими учрежденіями. Если господствующая церковь, аристократія и политическій духъ постоянно вліяли на англійскую школу, то она, въ свою очередь, поддерживала и укрѣпляла ихъ...

Среднія учебныя заведенія Англіи основываются и содержатся не государствомъ, а частными лицами и корпораціями, — университетами, различными церквами, политическими партіями, промышленными компаніями и т. д. Большая часть этихъ школъ существуетъ уже цѣлыя столѣтія и до сихъ поръ сохраняетъ

¹⁾ L'Instruction publique en Angleterre, par C. Hippeau. Paris 1872.
L'Instruction publique en Angleterre et la ligue de l'education nationale, par A. Esquiros (Revue des Deux Mondes, 1872, 15 juin).
Очерки Англіи, Имп. Тѣна. Спб. 1872.

свой средневѣковой характеръ. Онѣ устроены совершенно въ духѣ англиканской церкви или какой-нибудь секты и находятся въ рукахъ духовенства. Университеты, аристократія, духовенство ревниво заботятся, чтобы господствующую въ этихъ школахъ систему образованія сохранить во всей ея традиціонной чистотѣ. Эти англиканскія школы имѣютъ свои земли, свои значительные доходы и свои статуты, по которымъ онѣ управляются совершенно независимо отъ правительства посредствомъ своихъ совѣтовъ, состоящихъ изъ заслуженныхъ профессоровъ, принадлежащихъ болѣею частію къ духовенству, и почетныхъ лицъ изъ аристократіи. Воспитанниковъ въ этихъ школахъ не особенно много; въ Итонѣ 800, Гарроу 520, Регби 495, въ другихъ отъ 150 до 20; школа св. Павла, основанная Колетомъ, другомъ Эразма, по завѣщанію основателя, не должна заключать въ себѣ болѣе 153 воспитанниковъ, въ воспоминаніе о 153 рыбахъ, чудесно пойманныхъ апостолами, почему и самые воспитанники этой школы называются *рыбами!* Какъ всѣ англійскія учрежденія, такъ и эти школы ведутся на широкую ногу и среднее образованіе въ Англій, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ дороже, чѣмъ во Франціи. Учителя получаютъ въ годъ до 11,000 рублей; директоръ итонской школы до 28,000, а директоръ гарроуской до 40,000 рублей. Впрочемъ, эти доходы взимаются, главнымъ образомъ, съ воспитанниковъ; собственно жалованье директоровъ и учителей весьма незначительно, отъ 300 до 2,500 р. въ годъ. Но эти заведенія существуютъ исключительно для людей богатыхъ, которые и оплачиваютъ трудъ преподавателей. Бѣднякамъ закрытъ всякій доступъ въ эти привилегированныя школы и среднее образованіе въ Англій является такимъ образомъ роскошью, доступною лишь немногимъ. Въ Итонѣ и Гарроу каждый воспитанникъ стоитъ въ годъ своимъ родителямъ шіпішм 1,200 рублей. Дѣло въ томъ, что въ этихъ школахъ все пансіонеры, а англійскій пансіонъ не имѣетъ ничего походяго на пансіонъ континентальный. Каждый профессоръ содержитъ у себя 10, 20, 30 пансіонеровъ, которые живутъ въ его семействѣ. Такимъ образомъ, ребенокъ въ школѣ живетъ совершенно также, какъ у себя дома. Школа походитъ не на казарму, а скорѣе на дачу, а учебныя занятія, отнимая у ребенка не болѣе 6 или 7 часовъ, нисколько не мѣшаютъ ему забавляться,

рѣзвиться, играть. Школа чаще всего помѣщается въ маленькомъ городѣ, за городомъ и во всякомъ случаѣ среди хорошей окрестности. „Въ Итонѣ, говоритъ Тэнъ,—вокругъ стараго центрального двора, я видѣлъ розы, плющъ, жимолость, вьющуюся вдоль зданій; далѣе разстилаются богатныя пастбища, надъ которыми громадные вязы простираютъ свои вѣтвистыя вѣтви; рядомъ съ ними сверкаютъ изумрудныя волны рѣки, гдѣ плаваютъ лебеди; на островахъ пасутся стада; еще далѣе, теченіе заворачивается и теряется на горизонтѣ между зеленью. Въ Гарроу ландшафтъ менѣе граціозенъ, но нѣтъ недостатка въ зелени и свѣжемъ воздухѣ. Маленькіе воспитанники въ черныхъ курткахъ, въ маленькихъ соломенныхъ шляпахъ, попадались мнѣ не только въ городѣ, но и внѣ города, вдоль изгородей, по берегамъ прудовъ; ихъ запачканныя грязью сапоги свидѣтельствуютъ о томъ, что они находятся постоянно на большихъ дорогахъ и сырыхъ поляхъ... Они слѣдуютъ своему влеченію и бродятъ, гдѣ хотятъ. Ихъ можно встрѣтить на улицѣ, у кондитера, у колбасника; они гуляютъ по деревьямъ, удаятъ рыбу, бѣгаютъ на конькахъ, ищутъ птичьи гнѣзда. Они полныя хозяева своего времени и своихъ денегъ, устраиваютъ другъ для друга угощенія, покупаютъ украшенія для своихъ комнатъ. Если они надѣлаютъ долговъ, то маленькое имущество ихъ продается съ аукціона.“ Эта свободная жизнь лучшая сторона англійской школы, въ которой дѣти вырастаютъ въ живыхъ, энергическихъ, здоровыхъ, самостоятельныхъ и знакомыхъ съ жизнью молодежи. Физическое развитіе стоитъ въ англійской школѣ на первомъ планѣ и заботы о немъ доведены до такой крайности, что за нимъ забывается умственное развитіе. Англійская школа въ этомъ отношеніи служитъ близкимъ подобіемъ воспитанія юношества въ древней Спартѣ. Атлетическія упражненія, игры въ мячъ, въ шары, особенно въ крикетъ, гонка лодокъ занимаютъ значительную часть дня, а раза два или три въ недѣлю классы оканчиваются въ двѣнадцать часовъ и вплоть до вечера идутъ тѣлесныя упражненія, которыми воспитанники предаются съ энтузіазмомъ. Школы соперничаютъ одна съ другой не своими умственными успѣхами, а своимъ искусствомъ игры въ крикетъ, гонки лодокъ и т. д. „Лучшіе искусники по этой части болѣе важныя лица въ школѣ, чѣмъ первый ученикъ въ классѣ.“ Почти всѣ игры влекутъ за собою

ушибы; ставатся нечувствительнымъ къ нимъ считается честью. Ребенокъ становится воинственнымъ, драчунномъ. „Драгаться на кулакахъ, говорить авторъ Тома Броуна,— составляетъ вполне естественный и чисто англійскій способъ разрѣшенія ссоръ для нашихъ дѣтей.“ Этотъ видъ поединка имѣетъ свои особенныя правила, мѣсто, отведенное для него, свою публику и секундантовъ. Каждый изъ бойцовъ имѣетъ двухъ помощниковъ, которые освѣжаютъ его лицо мокрой губкой и подставляютъ ему колѣно, чтобы онъ могъ отдохнуть между двумя нападеніями; стычки эти возобновляются и продолжаются иногда цѣлые полчаса. По существующему правилу, надо продолжать, пока еще есть возможность видѣть ясно и держаться на ногахъ; по окончаніи драки оказываются подбитые глаза и щеки въ синякахъ, иногда вывихнутый палецъ или разсѣченная губа“ (Тэнъ). Такимъ образомъ, искусство „просвѣщенныхъ мореплавателей,“ возбуждающее такое благоговѣніе въ Расплюевѣ, составляетъ главный элементъ ихъ воспитанія. Физическія силы баричей развиваются до избытка и этотъ избытокъ ищетъ себѣ выхода въ дракахъ по всѣмъ правиламъ науки, въ охотѣ, въ гребной гонкѣ, въ безцѣльномъ лаваньи на Монбланъ, а не въ производительномъ трудѣ, заниматься которымъ они не имѣютъ никакой надобности.

Выносливость физической боли составляетъ репутацію порядочнаго мальчика и это доходитъ до того, что воспитанники не чувствуютъ никакого отвращенія даже къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Когда однажды въ Чертергоузѣ хотѣли замѣнить его штрафомъ, то воспитанники взбунтовались при громкихъ крикахъ: „долой штрафъ, да здравствуетъ плеть!“ Розги до сихъ поръ въ полномъ ходу и наказываетъ ими непремѣнно самъ начальникъ заведенія собственноручно. Въ этомъ отношеніи англійскія школы похожи на наши старинныя бурсы. Впрочемъ, и не въ одномъ этомъ, а въ очень многомъ они похожи на бурсы. Какъ въ послѣднихъ, такъ и въ англійскихъ заведеніяхъ школьная полиція составляется не изъ взрослыхъ надзирателей, а изъ самихъ же воспитанниковъ. Эти старшіе (monitors) наблюдаютъ за порядкомъ, доносятъ начальству и даже сами налагаютъ взысканія на своихъ подчиненныхъ, которыхъ они имѣютъ право бить и сѣчь. Для этой цѣли въ нѣкоторыхъ школахъ они вооружены палками и пускаютъ ихъ въ дѣло, когда имъ заблагоразсудится.

Кромѣ этой власти, которую одни воспитанники имѣютъ надъ другими, физическая сила играетъ вообще главную роль во внутренней жизни англійской школы. Въ нее нѣтъ доступа бѣдняку и бѣдный мальчикъ, случайно попавшій въ нее стипендіатомъ, подвергается всевозможнымъ униженіямъ со стороны своихъ товарищей; его давитъ масса богатыхъ юношей; точно также масса взрослыхъ и поэтому болѣе сильныхъ воспитанниковъ самымъ возмутительнымъ образомъ эксплуатируетъ младшихъ. Это уже не невинная дѣтская борьба на кулакахъ, а систематическое угнетеніе слабѣйшаго. Обязанность служить старшимъ воспитанникамъ, *fagging*, лежитъ на всѣхъ младшихъ. Каждый старшій ученикъ называется *господиномъ*, *master*, и имѣетъ нѣсколькихъ маленькихъ *макеевъ*, *fag*, изъ младшихъ воспитанниковъ, которые обязаны исполнять всѣ его приказанія, мести его комнату, чистить подсвѣчники, готовить закуски, бѣгать за его шарами во время игры и подавать ихъ ему и т. д. „Достоверный фактъ, говоритъ одинъ очевидецъ,—что съ 1 января по 31 января вновь поступившій воспитанникъ не располагаетъ ни одной минутой, которая была-бы обезпечена отъ перерывовъ. Въ половинѣ четвертаго утра двое изъ младшихъ, назначаемыхъ поочередно, встаютъ, чтобы развести огонь, вскипятить воду и разбудить тѣхъ старшихъ, которые дали на то приказаніе. Часто разбуженный въ четыре часа встаетъ не ранѣе половины осьмого; въ такомъ случаѣ необходимо будить его каждые полчаса. Обязанность эта выпадаетъ на долю каждаго ребенка два или три раза въ недѣлю.“ Прибавьте къ этому еще всѣ труды и хлопоты втеченіи дня и вечера, и будетъ понятно, что такая неустанная каторжная работа этихъ несчастныхъ дѣтей можетъ поддерживаться только посредствомъ постоянного террора. „Пощечины, пинки—самая обыкновенная вещь и не считаются даже наказаніемъ. Къ первой категоріи настоящихъ наказаній причисляются систематическія пощечины: наказуемый долженъ опустить руки по швамъ и подставить свое лицо подъ цѣлую дюжину оплеухъ, задаваемыхъ справа и слѣва.“ Другое наказаніе: по рукамъ, положенной на столъ ладонью вверхъ, бьютъ остриемъ деревяннаго ножа до тѣхъ поръ, пока не произведутъ насѣчку; далѣе, подвергаютъ дѣтей палочнымъ ударамъ; бьютъ по икрамъ ребенка ракеткой, употребляемой при игрѣ въ мячъ, и расцара-

инвають его ноги въ кровь, и т. д. Такое издѣвательство надъ своими малолѣтними товарищами доходитъ подчасъ до каннибальскаго звѣрства. „Я слыхалъ, говоритъ авторъ Тома Броуна— о случаяхъ, когда дѣти были такъ тяжело ранены, что долго не могли принять участія въ играхъ и другихъ упражненіяхъ. Тома Броуна раскочали однажды на одѣялѣ и бросили вверхъ съ такой силой, что онъ ударился о потолокъ. Разъ, вслѣдствіе отказа продать старшимъ свой лоттерейный билетъ, его схватили, положили вдоль пылающаго очага и буквально жарили его до такой степени, что онъ готовъ былъ лишиться чувствъ.“

Послѣдній фактъ дѣйствительно происходилъ въ одномъ заведеніи и описанъ романистомъ съ натуры. Развращаемые своими лакействомъ, первоклассники, перейдя въ слѣдующіе классы, развращаются снова точно такимъ-же деспотизмомъ надъ малолѣтними, гнетъ котораго они сами на себѣ испытали. Нѣтъ, конечно, нужды говорить о всей нелѣпости такихъ порядковъ, объ этомъ правѣ кулака, объ этихъ грубыхъ нравахъ, которые во многомъ стоятъ даже ниже нравовъ старинной русской бурсы. Правда, что это воспитаніе укрѣпляетъ характеръ и чувство самостоятельности, но сплошь и рядомъ оно вырабатываетъ только страстныхъ спортсменовъ, силачей, ѣдущихъ хвастаться своей силой даже въ Америку, да обжоръ и пьяницъ, которые не валяются по улицамъ потому только, что ихъ джентльменскій карманъ гарантируетъ ихъ отъ этого неудобства. Обжорство и пьянство—господствующіе пороки въ этихъ аристократическихъ школахъ.

Развитіе умственное, какъ мы уже говорили, стоитъ на второмъ планѣ и заключается въ такой-же гимнастикѣ ума и памяти, посредствомъ которой развивается и физическая сила. Послѣдняя, какъ мы видѣли, развивается не для труда, въ которомъ джентльменъ не нуждается, а для забавы, для игръ, для удовлетворенія своего самолюбія; точно также и умственная гимнастика имѣетъ свою цѣль такое развитіе, которое необходимо не столько для извѣстной практической дѣятельности, сколько для составленія репутаціи порядочнаго джентльмена, украшеннаго познаніями. Программа средняго образованія до сихъ поръ упорно сохраняетъ свой традиціонный средневѣковый характеръ. Образованіе это состоитъ почти исключительно изъ доскональнаго изу-

ченія двухъ древнихъ языковъ и частію математики. Глубина премудрости состоитъ въ томъ, чтобы по гречески и по латини хорошо говорить, свободно писать стихами и прозой, переводить Шекспира греческими ямбами въ стилѣ Софокла, знать наизусть какъ можно больше цитаты изъ древнихъ классиковъ и т. д. При этомъ самою скрупулезною изученіемъ классической древности, преподаватели и воспитанники почти вовсе незнакомы съ тѣми новѣйшими трудами по части исторической критики, которые прошли новый свѣтъ на эту область знанія. Изученіе классицизма дѣло почти одной памяти, и тѣмъ-же самымъ способомъ изучается даже математика. Учебникомъ до сихъ поръ служитъ текстъ Эвклида, который заучивается наизусть, причѣмъ собственное разсужденіе воспитанника играетъ совершенно второстепенную роль. И лучшіе изъ англичанъ не придаютъ этому образованію никакого другого значенія, кромѣ подготовительнаго. „Выйдя оттуда, говорятъ они, — мы принуждены передѣлывать или, вѣрнѣе, начинать снова наше образованіе, приобрѣтая самостоятельнымъ чтеніемъ все, что намъ необходимо знать изъ исторіи, философіи, политической экономіи, естественныхъ наукъ, искусства и литературы“. Даже знаній, слѣдующихъ по программѣ, воспитанники выносятъ очень мало. Около половины ихъ кончаютъ курсъ, дурно зная и древніе языки, и математику. Но для англичанина главная суть не въ этихъ знаніяхъ, а въ томъ нравственномъ и умственномъ дисциплинированіи, которому онъ подвергается въ школѣ. Отецъ Тома Броуна, отправляя послѣдняго въ школу, размышляетъ совершенно такъ, какъ большинство англичанъ: „Какой совѣтъ дамъ я ему? Посоветую-ли я ему быть прилежнымъ, скажу-ли, что его посылаютъ въ школу затѣмъ, чтобы онъ изучилъ греческій и латинскій языкъ? Нѣтъ, его въ школу посылаютъ не для этого. Я не далъ-бы гроша за то, чтобы онъ выучился греческимъ частіямъ рѣчи или диалектамъ, — и мать его также. Такъ затѣмъ-же его посылаютъ въ школу? Во-первыхъ, затѣмъ, что ему хочется туда идти. Пусть онъ сдѣлается честнымъ англичаниномъ, полезнымъ, услужливымъ, правдивымъ, джентльменомъ и христианиномъ, — вотъ все, чего я желаю“. Англійская школа служитъ одною изъ главныхъ рассадницъ и опоръ того консерватизма, той умѣренности, того джентльменства и того уваженія къ закону, кото-

рыми гордится и славится Англія. Въ этомъ отношеніи она какъ нельзя лучше достигаетъ своей цѣли. Религіозный элементъ играетъ главную роль въ воспитаніи. Воспитанники вообще очень религіозны и безъ всякаго принужденія ходятъ въ церковь, поютъ, читаютъ и прислуживаютъ тамъ. Ихъ наставники умѣютъ дѣлать изъ нихъ и людей набожныхъ, и горячихъ защитниковъ религіи въ общественной жизни. Далѣе, такъ какъ школа и общество въ Англіи имѣютъ совершенно одинъ и тотъ же характеръ, а воспитанникъ растетъ и развивается не въ изолированномъ искусственномъ мірѣ, а среди того-же общества, въ которомъ онъ будетъ жить и дѣйствовать, какъ самостоятельный членъ, и пріятномъ образованіе не сообщаетъ ему никакихъ такихъ знаній, никакого такого направленія, котораго могли-бы развить въ немъ скептицизмъ, то онъ и вступаетъ въ жизнь уже совершенно подготовленнымъ къ ея обыденнымъ требованіямъ и консервативному характеру. Школа прививаетъ къ воспитанникамъ такое уваженіе къ закону и такую любовь къ порядку, какихъ нѣтъ ни въ какой другой школѣ. „Повиновеніе закону, говорятъ въ своемъ отчетѣ объ англійскихъ школахъ Деможо и Монтуччи, — совершенно въ природѣ молодого англичанина. Съ ранняго дѣтства онъ имѣетъ передъ своими глазами поклоненіе закону и, если можно такъ выразиться, суевѣріе относительно его. Пусть законъ будетъ суровымъ, даже нелѣпымъ, англичанинъ все-таки будетъ повиноваться и поклоняться ему. Французъ разсуждаетъ о законѣ, уже дѣйствующемъ, на основаніи какаго-нибудь высшаго принципа. Англичанинъ же разсуждаетъ о законѣ лишь тогда, когда онъ составляется; коль скоро онъ уже началъ дѣйствовать, англичанинъ слѣпо повиноватся ему. Эти характеры, непреклонные передъ произволомъ и силой, безропотно склоняются передъ чернымъ жезломъ, представляющимъ абсолютнаго владыку Англіи,—законъ“. Но это уваженіе къ закону, этотъ консерватизмъ, прививаемые съ дѣтства, развиваются въ школьникахъ не до такой степени, чтобы подавлять ихъ личность. Напротивъ, ихъ учатъ повиноваться закону, какъ охранѣ и основѣ учреждений страны, и въ то-же время всѣми иѣрами поощряютъ въ нихъ чувства личнаго достоинства и гражданской самостоятельности. Англичанинъ воспитывается, какъ дѣятельный охранитель учреждений Англіи, а

не какъ пассивное лицо. Въ школахъ существуетъ уже нѣчто въ родѣ зародыша политическихъ клубовъ, такъ-называемые *debating societies*, въ которыхъ старшіе воспитанники, подъ почетнымъ предѣдательствомъ директора, занимаются нравственными и политическими вопросами, говорятъ рѣчи, ведутъ споры, подаютъ голоса, составляютъ резолюціи и протоколы. Вотъ, напр., нѣкоторыя темы подобныхъ дебатовъ: „была-ли справедлива и политична крымская война“? „Удобны и полезны-ли реформа и расширеніе избирательнаго права“? „Оцѣнка дѣятельности нынѣшняго министерства“. Подобныя-же вопросы разбираются и въ тѣхъ рукописныхъ журналахъ, которые нерѣдко издаются учениками. Вотъ какъ отзывался Тэнъ объ одномъ такомъ журналѣ, который онъ читалъ. „Цѣль издателей, по ихъ словамъ, состоитъ въ томъ, чтобы пробудить въ товарищахъ болѣе широкіе политическіе взгляды и заинтересовать ихъ дѣлами страны“. Они принадлежатъ къ консервативной оппозиціи, рассуждаютъ о союзѣ съ Франціей, о выборахъ, объ избирательномъ правѣ. Попадаются, конечно, общія мѣста и нѣкоторая напыщенность, но нѣтъ недостатка въ здоровомъ смыслѣ; такъ, напр., по поводу общей подачи голосовъ, которую они желали бы расширить, но только въ известной степени, они дѣлаютъ призывъ къ личному опыту молодого читателя, который во время вакацій въ деревнѣ могъ убѣдиться, что крестьяне и проектируемый разрядъ мелкихъ торговцевъ довольно умны и образованны, чтобы правильно подавать голосъ; такимъ образомъ, аргументъ становится чисто практическимъ, берется прямо изъ фактовъ, а не изъ эффектныхъ теорій“. Читатель, конечно, понимаетъ, что это практическое направленіе, незнакомое съ тѣми „эффектными теоріями“, къ которымъ не благоволилъ Тэнъ, и служитъ политической задачей школы. Она должна развить гражданина, который умѣлъ-бы понимать и отстаивать учрежденія и принципы, столь дорогіе ему, какъ англичанину вообще и, въ особенности, какъ члену известнаго класса... Развивая въ мальчикѣ джентльменское отвращеніе ко всему „неприличному“, *shocking*, ко всему, нарушающему традиціонныя нравы и обычаи, школа образуетъ изъ него самостоятельнаго человѣка. Онъ здѣсь старается, прежде всего, занять почетное мѣсто между своими товарищами; у него есть своя квартира, въ которой онъ при-

нимаешь, есть свое время, которымъ онъ располагаетъ совершенно свободно; онъ приучается обдумывать каждый шагъ и быть готовымъ ко отвѣту за всѣ свои дѣйствія; за долги его маленькое имущество продается съ аукціона; онъ знаетъ, что ему предоставлена почти полная свобода, но сопряженная съ неприятною отвѣтственностью за одни и съ наградою за другія дѣйствія. Какъ противовѣсь суровымъ наказаніямъ въ англійской школѣ существуетъ система чрезвычайно щедрыхъ наградъ, не только ласкающихъ самолюбіе, но и имѣющихъ реальную цѣнность. Въ Итонѣ, напр., ежегодно раздается двѣ преміи въ 62 рубля каждая за лучшее сочиненіе въ стихахъ; въ 32 руб. за лучшую рѣчь; въ Регби за лучшее латинское сочиненіе около 36 руб.; а за греческіе ямбы около 18 р. и т. д. Отличнымъ воспитанникамъ назначаются ежегодныя пенсіи отъ 180 до 630 руб. сер., которыя платятъ имъ въ продолженіи 5—6 лѣтъ съ условіемъ, чтобы они продолжали свое образованіе въ университетѣ.

Такимъ образомъ, школа вполне достигаетъ цѣли, предназначенной ей аристократическимъ обществомъ; она образуетъ браваго джентльмена въ консервативномъ духѣ. Но средневѣковой характеръ этихъ старинныхъ школъ уже не удовлетворяетъ болѣе прогрессивные слои народонаселенія. „Въ настоящее время, говоритъ Гиппо,—въ школьномъ дѣлѣ борются двѣ партіи. Одна поддерживаетъ традиціи прошедшаго, другая, болѣе чувствительная къ нуждамъ настоящаго времени, желаетъ реформъ и старается осуществить ихъ. Университеты, большія общественныя школы, древнія граматическія школы, почти все англиканское духовенство составляютъ первую партію; муниципальныя корпораціи, ассоціаціи негоціантовъ, фабрикантовъ, богатыхъ собственниковъ составляютъ вторую. Первые сохранили безъ всякихъ существенныхъ измѣненій старинную систему классическаго образованія; вторые-же даютъ должное мѣсто точнымъ наукамъ и новѣйшимъ языкамъ“. Эта новѣйшая система образованія господствуетъ въ постепенно заводимыхъ всюду реальныхъ заведеніяхъ, въ родѣ веллингтоновской коллегіи, школъ мальборогской, чельтенгемской и др. Въ дѣлѣ распространенія реального и техническаго образованія въ особенности отличаются главные промышленные центры — Манчестеръ и Ливерпуль. Ливерпульскій королевскій институтъ, основанный однимъ акціонернымъ обще-

«Дѣло», № 12.

ствомъ, представляетъ собою громадное учрежденіе, въ составъ котораго входятъ библіотека, картинная и скульптурная галлея, музеи естественной исторіи и технологіи, химическая лабораторія. Все это безплатно открыто публикѣ, а знаменитые ученые читаютъ здѣсь популярныя лекціи, сопровождаемыя опытами. При этомъ музеѣ находится среднеучебное заведеніе открытое, но съ двумя пансіонами, которые содержатся его преподавателями. Образование здѣсь реально-профессіональное; воспитанники кончаютъ курсъ, снабженные знаніями, приложимыми къ промышленности, торговлѣ и администраціи. Подобныхъ школъ не мало въ Манчестерѣ, Лидсѣ, Лондонѣ. Всѣ городскія школы (burgh schools), которыя въ послѣднее время начали такъ сильно развиваться, имѣютъ тотъ-же реально-профессіональный характеръ. Онѣ предназначены для среднихъ классовъ и принимаютъ учениковъ обоюга пола. Ни одинъ изъ предметовъ ихъ обученія не обязательенъ; родители выбираютъ предметы и платятъ за каждый изъ нихъ особю. Это новое направленіе начинаетъ понемногу проникать и въ старинныя школы. Даже Оксфордъ и Кембриджъ, эти главные центры традиціоннаго консерватизма, измѣнили свою рутинную программу для вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ, включивъ въ нее физическія и естественныя науки, англійскую литературу, все предметы, чуждыя стариннымъ школамъ. Этимъ преобразованіямъ содѣйствуетъ въ значительной степени правительство. Хотя оно и не вмѣшивается непосредственно въ школьное дѣло, но все-таки имѣетъ на него сильное вліяніе, объявляя, что для занятія многочисленныхъ должностей въ адмиралтействѣ, министерствахъ, таможенныхъ, тюрьмахъ и т. д., оно требуетъ отъ кандидатовъ такихъ-то и такихъ-то познаній.

Реальное направленіе, постепенно проникающее въ англійскія среднеучебныя заведенія, не устраняетъ однакожь главнаго ихъ недостатка. Школы по прежнему продолжаютъ быть привилегированными заведеніями для людей богатыхъ,—старинныя школы для аристократіи, а новыя реальныя для буржуазіи. На долю бѣдняковъ остаются одни только такъ-называемые курсы для взрослыхъ, учреждаемые ассоціаціями комерсантовъ и фабрикантовъ. Еще въ 1868 г. въ разныхъ мѣстахъ такихъ курсовъ было 1,600. Посѣщающіе ихъ работники взносятъ незначитель-

ную плату за слушаніе лекцій. Нельзя, конечно, отвергать извѣстной пользы, приносимой этими курсами, но никто не станетъ спорить, что они не могутъ дать такихъ благотворныхъ результатовъ, какъ среднеучебныя заведенія, доступныя богатому и бѣдному юношеству.

II.

Старинныя англійскіе университеты — это живые памятники глубокой старины, которая проглядываетъ въ каждой чертѣ ихъ. Оксфордъ и Кембриджъ, это не просто университеты, а города-университеты. „По обѣимъ сторонамъ улицы Оксфорда тянутся одинъ за другимъ настоящіе дворцы, угрюмые и въ то-же время великолѣпные, превосходные по плану и выполнению. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой характеръ и свою фязіономію. Фасадъ одного монотонно тянется на двѣсти футовъ стѣной, изъ тяжелыхъ, горизонтально сложенныхъ камней; это коллегія Альфреда Великаго. Другое зданіе (Christ Church), съ своими величественными башнями, съ своимъ обширнымъ квадратнымъ дворомъ, съ своимъ соборомъ VII столѣтія, съ своей столовой во 100 футовъ длины и 50 вышины, съ своими великолѣпными сводами, съ разноцвѣтными стеклами своихъ оконъ, съ королевскими гербами, съ гордостью считаетъ своими основателями Генриха VIII и кардинала Вольсея. Своею повелительною высотою оно владычествуетъ надъ всѣмъ городомъ. Надъ его главнымъ входомъ виситъ огромный оксфордскій колоколь, громкій звонъ котораго приглашаетъ студентовъ возвращаться въ свои коллегіи и возвѣщаетъ о запираніи всѣхъ воротъ. Вотъ далѣе Беллоль съ своею прекрасною новою часовнею; вотъ Экзетеръ, съ своимъ длиннымъ стрѣльчатымъ фасадомъ, производящимъ внушительный эффектъ; вотъ *Мѣдный Носъ*, съ сдѣланнымъ изъ мѣди носомъ надъ воротами; вотъ коллегія всѣхъ усопшихъ и ея уединенный дворъ съ библіотекою, высокіе контрфорсы которой походять на минареты. Далѣе, на одномъ изъ концовъ города возвышается прекрасная коллегія св. Маріи Магдалины, построенная въ XV столѣтіи. Кембриджъ, съ двумя своими единственными улицами еще болѣе достоинъ удивленія. Королевская коллегія — настоящій дворецъ короля; коллегіи

Троицы и св. Іоанна, можетъ быть, самыя великолѣпныя зданія подобнаго рода. Зданія Кембриджа, которыя больше и великолѣпнѣе оксфордскихъ, сохранились лучше послѣднихъ. Оксфордъ сокрушается рукою времени и грозитъ распасться въ прахъ; Кембриджъ-же молодъ и крѣпокъ въ своихъ вѣковыхъ сооруженіяхъ. Кембриджъ имѣетъ еще одну очаровательную особенность: большая часть его коллегій, расположенныхъ при рѣкѣ Кемъ, имѣетъ обширныя сады, или скорѣе, величественныя парки, которые спускаются къ рѣкѣ, черезъ которую переброшены восхитительныя мосты, которая окаймлена лугами и плакучими ивами, усѣяна лодками и расцвѣченными аликами“ (Demogeot et Montucci).

Эти мирныя убѣжища науки образуютъ собою самостоятельныя государства въ государствахъ. У нихъ есть своя земля и свои древніе статуты, по которымъ они управляются совершенно самостоятельно; у нихъ свои законодательныя собранія, своя выборная власть, своя внутренняя юрисдикція и свои депутаты въ парламентъ, посредствомъ которыхъ они принимаютъ участіе въ законодательствѣ всей страны. Многіе изъ ихъ членовъ имѣютъ право быть канониками извѣстныхъ соборовъ; начальники ихъ коллегій могутъ получать церковныя приходы безъ обязанности жить въ нихъ; они имѣютъ монополію печатанія и продажи богослужебныхъ книгъ и много другихъ привилегій.

Университетъ, состоящій изъ ряда профессоровъ, служитъ центромъ коллегій, въ которыхъ живутъ студенты. Многіе изъ профессоровъ читаютъ въ годъ лишь нѣсколько лекцій; есть и такіе профессора, которые вовсе не читаютъ лекцій, а пользуются кафедрой, какъ богатой синекюрой; нѣкоторые профессора получаютъ въ годъ до 40,000 руб. Что-же касается коллегій, то онѣ возникали одна за другой, начиная съ XIII вѣка, и теперь ихъ сгруппировано въ Оксфордѣ 24, а въ Кембриджѣ 17. Сначала эти коллегіи были настоящими монастырями, въ которыхъ занятіе богословіемъ и обрядовая набожность составляли главное. Потомъ постепенно вводилось преподаваніе наукъ. Въ настоящее время каждая коллегія состоитъ изъ директора (съ жалованьемъ отъ 6,300 до 19,000 р.), членовъ (отъ 1,200 до 1,900 р.), репетиторовъ-надзирателей (отъ 2,500 до 3,200 руб.), студентовъ, которые за свои успѣхи получаютъ стипендію

(около 180 р.), и студентовъ, платящихъ за свое образованіе; послѣднихъ въ коллегіи бываетъ отъ 40 до 80; всѣхъ-же студентовъ въ Оксфордѣ 1,800, а въ Кембриджѣ 2,000. Каждая оксфордская коллегія имѣетъ среднимъ числомъ около 95,000 р. ежегоднаго дохода, а магдаленинская коллегія до 258,000 р.

Старинные англійскіе университеты—это какіе-то клубы аристократической молодежи. Они недоступны бѣднякамъ, и большинство адвокатовъ, медиковъ, инженеровъ вовсе не получаютъ университетскаго образованія, а знакомятся съ своею профессіей на практикѣ у какого-нибудь адвоката, медика и т. д. Въ университеты-же поступаютъ почти исключительно аристократы и только незначительное меньшинство ихъ стекается сюда дѣйствительно для ученія. Большинство-же поступаетъ сюда по издавна-укоренившемуся обычаю, по модѣ, потому что этого требуетъ аристократическій *bon ton*. Многіе богачи посылаютъ сюда дѣтей своихъ единственно затѣмъ, чтобы они войдя здѣсь въ знакомство и дружбу съ важными баричами, заручились-бы ихъ протекціей на будущее время. Самые умѣренныя студенты проживаютъ здѣсь въ годъ не менѣе 1,200 р. Многіе изъ этихъ молодыхъ людей имѣютъ въ годъ до 3,000 р. однихъ только карманныхъ денегъ и входятъ въ большіе долги. Ихъ квартиры убраны роскошно, они держатъ лошадей, собакъ, лодку. „Виноторговцы Лондона“, говоритъ авторъ Тома Броуна, — „поставляютъ имъ ликеры по гинеѣ за бутылку и вино по двѣ гинеи за дюжину; сигары ихъ стоятъ двѣ гинеи за фунтъ; ананасы, апельсины, самые рѣдкіе консервы подаются за ихъ ужинами. Они даютъ другъ другу самыя утонченныя обѣды, развѣзжаются въ экипажахъ и соряютъ деньгами въ тавернахъ города и окрестностей. Днемъ они охотятся, играютъ въ стипль-чезъ и на билліардѣ вплоть до закрытія трактирныхъ дверей, и тогда приступаютъ къ *vingt-et-up* и къ безконечной бульотѣ (родъ карточной игры) въ своихъ комнатахъ, сопровождая все это пуншомъ и другими горячительными напитками, пока хоть кто-нибудь изъ нихъ еще способенъ сидѣть и играть“. Эта золотая молодежь живетъ совершенно изолированно отъ небогатыхъ студентовъ и презираетъ ихъ за ихъ бѣдность. Коллегіальные порядки вполнѣ поблажаютъ этимъ сословнымъ предразсудкамъ, и въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ студенты-аристократы обѣдаютъ

за особеннымъ столомъ, носятъ особую одежду и имѣютъ разныя привилегіи.

Въ настоящее время нравы студенчества нѣсколько смягчаются. Разврата между студентами почти вовсе нѣтъ и имѣть любовницу считается вообще предосудительнымъ. Пьянство уменьшается. Въ самомъ Оксфордѣ, напр., вовсе не бываетъ кутежей; кутить ѣздятъ въ окрестные города и въ Лондонъ. Послѣ девяти часовъ вечера университетская полиція обходитъ улицы и можетъ входить во всѣ трактиры и таверны, чтобы накрыть запоздавшихъ студентовъ. Студентъ непременно обязанъ въ 8 часовъ утра быть у богослуженія въ церкви, въ 5 часовъ являться въ залу къ обѣду, утромъ присутствовать на конференціи тьютора, послѣ полудня на какой-нибудь лекціи и возвращаться въ коллегію въ девять час. вечера. За нарушеніе этихъ правилъ слѣдуютъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, выговоръ, арестъ, денежный штрафъ отъ 1 р. 60 к. до 6 р. 30 к., временное или окончательное исключеніе.

Гимнастическія упражненія и забавы, какъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ университетахъ, служатъ главнымъ занятіемъ студента, который долженъ какъ слѣдуетъ выучиться играть въ крикетъ, грести, управлять парусными лодками, обращаться съ собаками, охотиться, плавать, ѣздить верхомъ, править лошадьми на длинныхъ возжахъ, фехтовать, боксировать. Всѣмъ этимъ занимаются со страстью, въ особенности-же гонкою лодакѣ. „Каждая коллегія, рассказываетъ Тэнъ, — имѣетъ свою лодку съ восемью гребцами и рулевымъ, которые избираются одинъ за другимъ и долго упражняются. Недѣль за пять или за шесть до гонки судовъ начинается всеобщее оживленіе. Проѣхать отъ двѣнадцати до двадцати миль ежедневно по рѣкѣ, обѣдать раньше, ѣсть только черствый хлѣбъ, больше мяса и пить какъ можно меньше вина, курить определенное количество табаку, пить не больше двухъ кружекъ пива въ день, не ѣсть ни пирожного, ни мороженого, не ужинать поздно, ложиться рано, — вотъ образъ жизни приготавлиющагося къ гонкѣ. Втеченіи первыхъ дней чувствуешь себя разбитымъ, втеченіи послѣднихъ умираешь отъ жажды; во время состязанія напряженіе такъ велико, что рискуешь порвать жилу; добравшись до цѣли, многіе чувствуютъ головокруженіе и не могутъ говорить. Весь Окс-

фордъ на лицо—и университетъ, и буржуазія: когда лодки пускаются въ ходъ, толпа бѣжитъ за ними вслѣдъ, крича, задыхаясь, перепрыгивая черезъ рвы, шлепая ногами въ водѣ, падая... Последняя минута та, что предшествуетъ сигнальному пушечному выстрѣлу, поистинѣ торжественна... Раздаются трубы, усиливаются рукоплесканія, въ воздухѣ колеблются вышитыя платки. Вечеромъ побѣдители пируютъ въ большой залъ коллегіи, раздаются рѣчи, рукоплесканія, тосты, пѣсни поются хоромъ, происходитъ веселая суматоха; ясно, что подобное торжество должно заманивать почти столько-же, какъ пальма, раздававшаяся на древнихъ олимпійскихъ играхъ. Интересъ еще болѣе усиливается, когда состязаніе происходитъ на Темзѣ между лодками двухъ университетовъ; въ продолженіи двухъ дней въ Лондонѣ нѣтъ другого разговора. „Гимнастическія страсти“ просвѣщенныхъ мореплавателей не имѣютъ ничего похожего на себя въ современномъ цивилизованномъ мірѣ. Студенты нерѣдко боксируютъ съ обывателями на улицѣ. Нѣкоторые джентльмены ведутъ точно такой-же образъ жизни, какъ атлеты древности; они держатся извѣстной діеты и подвергаютъ себя систематической дрессировкѣ; хорошо подготовившись, они отправляются состязаться на большія игры и гонки Англій, Австраліи, Америки, какъ нѣкогда ходили на олимпійскія игры атлеты изъ Марсели и другихъ отдаленныхъ мѣстъ.

Тѣлесныя упражненія и забавы оставляютъ очень мало времени для умственныхъ занятій; но для нихъ и не требуется много времени. Студенты остаются въ университетѣ среднимъ числомъ три года и посвящаютъ занятіямъ вообще не болѣе двухъ часовъ день. Главные предметы изученія: оба классическихкія языка и чистая математика. Весь первый годъ проходитъ въ повтореніи пройденнаго уже въ школахъ. Первые два экзамена исключительно грамматическіе и лингвистическіе, два-три латинскихъ или греческихъ автора, сочиненія въ прозѣ и стихахъ, нѣсколько вопросовъ изъ библіи — вотъ предметы этихъ экзаменовъ. Третій экзамень обнимаетъ тѣ-же предметы, но въ болѣе пространной формѣ. По окончаніи курса студентъ можетъ держать одинъ изъ трехъ экзаменовъ—первый изъ математики, второй изъ физики и естественныхъ наукъ, третій изъ классическихкія языковъ, исторіи, права и политической экономіи. Духъ

преподаванія отличается самымъ глубокимъ консерватизмомъ. Оксфордъ и Кембриджъ — центры англиканскаго правовѣрія. „Какъ школьникъ, такъ и студентъ, по словамъ Тэна, остаются хорошими протестантами; религія или, по крайней мѣрѣ, уваженіе къ ней господствуетъ. Изъ сотни молодыхъ людей, съ которыми другъ мой имѣлъ случай говорить, только двое объявили себя свободными мыслителями; семьдесятъ принадлежали къ либеральному протестантству, или *широкой церкви*, остальные въ двумъ отѣнкамъ, *высокой церкви* и *низкой церкви*, изъ которыхъ одинъ любитъ пышные обряды, другой-же походить на кальвинизмъ“. Въ настоящее время, впрочемъ, традиціонный характеръ университетовъ понемногу измѣняется. Члены коллегій могутъ жениться, въ слушанію лекцій допускаютъ диссидентовъ и католиковъ, основываются новыя кафедры, но все-таки университеты остаются пока какою-то смѣсью аристократическаго клуба, гимнастическаго заведенія и духовной академіи. Самый методъ преподаванія носитъ средневѣковый характеръ. Заботятся больше о фактахъ, чѣмъ объ идеяхъ, больше о подробностяхъ, чѣмъ объ общемъ, больше о формѣ, чѣмъ о содержаніи. Учившійся въ университетѣ англичанинъ знаетъ несравненно больше такого-же француза, но общихъ идей, привычки и способности къ свободному самостоятельному мышленію у него несравненно меньше.

Оксфордъ и Кембриджъ существуютъ исключительно для правовѣрныхъ англичанъ; никто не можетъ получить въ нихъ степень магистра или доктора, не заявивъ публично о своемъ исповѣданіи 39 членовъ англиканскаго символа. Диссиденты создали свой университетъ въ Лондонѣ, болѣе сообразный съ насущными потребностями страны и съ духомъ времени. Лондонскій университетъ былъ утвержденъ королевскою хартіей 5 декабря 1837 г. и, устранивъ совершенно клерикальные принципы Оксфорда и Кембриджа, открылъ свои двери всѣмъ и каждому, не обращая никакого вниманія на ихъ вѣроисповѣданіе. Но въ одномъ отношеніи онъ удержалъ характерную черту старинныхъ англійскихъ университетовъ, только довелъ ее до крайности. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, какъ мы уже видѣли, университетомъ называется только корпорація профессоровъ, главная обязанность которыхъ экзаменовать кандидатовъ на университетскія степени; нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе не читаютъ лекцій; посѣщеніе послѣднихъ

не обязательно для студеновъ, которые обязаны учиться не въ университетѣ, а въ состоящихъ при немъ коллегіяхъ. Лондонскій университетъ пошелъ еще далѣе по этому пути; въ немъ нѣтъ никакого преподаванія, никакихъ лекцій; это не учебное заведеніе, а постоянная экзаменаціонная комиссія, состоящая изъ экзаменаторовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и дающая всевозможныя степени. Программы этихъ экзаменовъ очень обширны, а полученныя въ этомъ университетѣ степени цѣнятся очень высоко во всей Англии. Въ 1867 г. университетъ получилъ право возводить въ ученныя степени и женщинъ по экзамену въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ. Женщинамъ дается двѣ степени. На первую изъ нихъ экзаменъ продолжается пять дней и обнимаетъ языки латинскій, греческій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, англійскій языкъ и литературу, исторію Англии, новѣйшую географію, математику, физику, химію, ботанику и физиологію растений. При экзаменѣ на вторую степень къ исчисленнымъ предметамъ прибавляются еще физиологія человѣка, геологія, палеонтологія, политическая экономія, логика и философія. Лондонскій университетъ даетъ вообще слѣдующія степени: бакалавра и магистра искусствъ, доктора словесности, бакалавра и доктора наукъ, бакалавра и доктора права, бакалавра и доктора медицины, бакалавра и магистра хирургіи. Кандидаты стекаются въ него со всѣхъ сторонъ, но главнымъ образомъ ихъ готовятъ два лондонскихъ высшихъ учебныхъ заведенія, *университетская коллегія* и *королевская коллегія*. Университетская коллегія, основанная въ 1830 г. на частныя средства и совершенно независимая отъ университета, и составляетъ собственно то, что называется университетомъ у насъ. Это лучшее высшее заведеніе въ Англии, совершенно очищенное отъ клерикальныхъ и средневѣковыхъ элементовъ. Королевская-же коллегія, студенты которой экзаменуются большею частію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, устроена совершенно въ старинномъ духѣ. Ея профессорами не могутъ быть ни католики, ни диссиденты, ни свободные мыслители, а ея ректоръ — непременно духовная особа англиканской церкви — обязанъ не только направлять ученіе, но и заботиться о дѣлахъ совѣсти студентовъ.

Четыре шотландскихъ университета занимаются и преподава-

ніемъ и экзаменами. Ректоры избираются посредствомъ подачи голосовъ всѣхъ студентовъ.

Высшее профессиональное образованіе, какъ мы уже говорили, до сихъ поръ остается въ Англіи дурно организованнымъ. Самая промышленная страна въ мірѣ имѣетъ чрезвычайно мало школъ, подготовляющихъ къ технической дѣятельности. Преподаваніе медицины регулировано только нѣсколько лѣтъ назадъ; давать медицинскія степени предоставлено только университетамъ и королевскимъ коллегіямъ, уполномоченнымъ на то специальными хартіями. Юриспруденція изучается большею частію на практикѣ и въ такъ называемыхъ *судебныхъ гостинницахъ*, *inns of court*. Въ эпоху уничтоженія ордена тамплиеровъ, юристы, покидая университеты, въ которыхъ занимались однимъ только каноническимъ правомъ, составили общество для изученія гражданскихъ законовъ и, съ разрѣшенія короля, жили въ обширныхъ зданіяхъ, принадлежавшихъ прежде рыцарямъ храма; эти-то зданія и начали называть судебными гостинницами. Желаящіе учиться могутъ имѣть въ этихъ старинныхъ юридическихъ училищахъ и квартиру и столъ. Четырехлѣтняя подготовка въ этихъ заведеніяхъ къ юридической дѣятельности стоитъ самое меньшее 5,000 руб. За слушаніе общаго курса студентъ платитъ въ годъ за каждый предметъ около 28 р., а за частный курсъ или домашнія конференціи у профессоровъ еще столько-же. Юридическое образованіе, какъ въ этихъ училищахъ, такъ и вообще въ Англіи, можно охарактеризовать однимъ словомъ, назвавъ его исключительно *законовѣдческимъ*.

Таковы общія характеристическія черты англійской системы, или лучше, англійскихъ системъ образованія. Въ нихъ отражаются вся исторія страны, всѣ ея политическія и религіозныя раздѣленія, предрасудки и нравы, всѣ мечты и тенденціи господствующихъ классовъ. Но въ этомъ хаосѣ замѣтно уже стремленіе къ рациональнымъ порядкамъ, въ этихъ кучахъ вѣкового мусора развивается уже новая жизнь со всѣми ея великими стремленіями...

С. Шашковъ

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАБЛЬ.

(Изъ Шультса.)

Съ побережья Конго вѣтеръ злой
На западъ тучи гонить прочь
И фосфорическимъ огнемъ
Блестить тропическая ночь.

Гонимый бурей корабль,
— Какъ челнъ, бросаетъ по волнамъ;
Онъ драгоценный грузъ съ собой
Уноситъ къ чуждымъ берегамъ,

Богатый грузъ! Шесть сотъ рабовъ
Въ далекій край уноситъ онъ!
И зъ трюма слышенъ звокъ цѣпей
И страшныхъ мукъ тяжелый стонъ.

Дѣтей и женъ, и край родной
Зоветь напрасно сонмъ рабовъ;
Имъ вторитъ только вѣтра вой
Съ родныхъ, любимыхъ береговъ.

И ревъ глухой, и рѣзкій свистъ
Слились надъ бездной въ ураганъ,—
Корабль трещитъ, какъ щепкой, имъ
Играетъ грозный океанъ.

Бѣгутъ разбойники на верхъ,
Забывъ свой сонъ, кричатъ они:
„Святая Дѣва, въ тьмѣ ночной
Отъ скалъ корабль нашъ охрани!“

И въ массѣ негровъ все сильнѣй
Несется вопль тяжелыхъ мукъ;
Опасность чувствуетъ капитанъ
И хмуритъ лобъ, глядя вокругъ.

„Ко мнѣ всѣхъ черныхъ! Кто сильнѣй,
Того къ рулю! Пусть буря въ борть
Волнами хлещетъ, мы найдемъ
Желанный путь въ ближайшій портъ.“

Подъ звонъ цѣпей толпа рабовъ
Идетъ на верхъ и передъ ней
Идетъ король. Онъ выше всѣхъ,
Онъ смотритъ всѣхъ другихъ смѣлѣй.

„Оковы снять съ него! Къ рулю!
Ты, черный песъ, сильнѣй другихъ!“
И цѣпь упала съ сильныхъ рукъ,—
Осталась только кровь на нихъ.

Избранникъ-вождь, онъ правый судъ
Чинилъ въ своей родной странѣ,
Онъ передъ войскомъ, какъ герой,
Шелъ первымъ въ битву на войнѣ.

Онъ палъ отъ возней роковыхъ
Своихъ предателей-враговъ
И въ плѣвъ съ дружиною своей
Быль взять у конгскихъ береговъ.

Онъ проданъ былъ и увезенъ,
Не могъ проститься онъ съ женой,
Не могъ дѣтей своихъ обнять,
На вѣкъ покинувъ край родной.

Въ добычу взялъ его тиранъ,
Его везуть на кораблѣ,
И тщетно раздается стонъ
Сиротъ и вдовъ въ его землѣ.

Онъ, тамъ, на конгскихъ берегахъ
Сидѣлъ на тронѣ золотомъ,
Съ могучимъ скипетромъ въ рукѣ,
Въ вѣнцѣ, блестящемъ жемчугомъ.

И вотъ, теперь онъ сталъ рабочи!
Но нѣтъ, онъ рабства не снесетъ!
Нѣтъ, онъ король,—онъ можетъ мстить,
Повуда съ нимъ его народъ.

Какъ грозно брови сдвинулъ онъ,
Смотря на недруговъ въ упоръ,—
Такъ надъ добычей предъ врагомъ
Зловѣще блещетъ львиный взоръ.

Онъ сжалъ кулакъ. Вотъ, вотъ, какъ левъ,
Сейчасъ онъ ринется впередъ...
Но не добычи жаждетъ онъ,—
Онъ жаждетъ выйти изъ тенетъ.

Простеръ онъ руку, указавъ
Своимъ властительно на бортъ,
И крикнулъ: „Бѣлый, посмотри,
Король ведетъ народъ свой въ порты!“

Пронесся стонъ и сонмъ рабовъ
Исчезъ во мракъ буйныхъ волнъ!...
Въ Доминго завернулъ корабль—
Безъ груза, но грѣхами полнъ.

А. Ш.

„З О В Е Т Ъ“...

(Записки Семена Долгаго.)

(Окончаніе.)

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Я былъ боленъ. Я страшно „простудился“, какъ выражался въ старыя годы одинъ мой пріятель, когда мнѣ случалось за-стать его лежащимъ въ постели, желтымъ, страдающимъ, обстав-леннымъ всевозможными бутылками изъ ближайшаго погребеа и окруженнымъ невыносимою, спиртуозною атмосферою. Я съ самой осени находился въ возбужденномъ состояніи, я „разгорячился“, какъ обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ, потомъ попалъ на северный сквозной вѣтеръ и что-же мудренаго, если въ результатъ схватилъ злую, тяжкую, продолжительную „про-студу“? Что мудренаго? повторяю я. И однако-же всё, кому-бы я ни говорилъ, что я сильно „простудился“, всё, начиная отъ многоопытной тетушки Дарьи Андреевны и кончая образован-нымъ, знающимъ специалистомъ, докторомъ С. — только покачи-вали головами, глядя на меня, только вздыхали, слушая мои болѣзненные жалобы, да преподносили мнѣ какія-то странныя утѣшенія и еще болѣе странныя увѣщанія „встать на ноги“, „справиться“... Наивные люди! Какъ-будто-бы какая-нибудь бо-лѣзнь изгоняется увѣщаніями, какъ-будто-бы „простуда“ изле-чивается утѣшеніями...

Впрочемъ, кажется, что я начинаю, наконецъ, понемногу по-правляться. Опять корабль пускается въ свой путь по успокоив-шимся житейскимъ волнамъ... Опять плыветъ онъ, но, только...

выброшенъ въ море его дорогой грузъ, погибли его мачты и унесенъ рангоутъ, порѣдѣли ряды его матросовъ и нѣтъ того, кто былъ нѣкогда душой этого разбитаго корабля, нѣтъ вожда, нѣтъ капитана... Нѣтъ, однимъ словомъ, ничего, и, право, мнѣ думается иной разъ, когда я оглянусь назадъ, что какіе-то ловкіе, хитрые воры посѣтили меня во мракѣ ночи и обобрали до послѣдней нитки...

Вонъ какъ ласково свѣтитъ теплое, іюньское солнышко, озаряя своими вечерними лучами и далекую, спокойную рѣку, и то обширное зеленое море, что разстилается за нею... Синѣютъ тамъ лѣса, сверкаютъ тамъ озера, полузаросшія камышами... чу... еще выстрѣлъ доносится оттуда глухо, слабо... Да, было время, когда я иными глазами смотрѣлъ на это зеленое море, когда я любилъ его и оно любило меня... Было время, когда я на цѣлыя недѣли пускался въ него съ ружьемъ за плечами и тамъ среди суроваго ропота лѣсовъ, среди безмолвія пустыни, нарушаемаго только воркованьемъ горлицы, да крикомъ кукушки, былъ спокоенъ, счастливъ, забывалъ и горести, и всякія тревоженія моей далекой юности... Было время и оно прошло... Я могу, пожалуй, опять натянуть свои охотничьи сапоги; я могу, пожалуй, зѣвая, обрядить свою охотничью сбрую, могу, какъ вчера, добраться кое-какъ даже до Кривого озера и, какъ вчера-же, заснуть глубокимъ, долгимъ сномъ на прибрежномъ пескѣ, чтобы затѣмъ лѣниво побрести домой обратно, даже не разрядивъ своего ружья... Нѣтъ, скучно, скучно!..

Было дальше время, когда у меня имѣлось въ достаточномъ количествѣ, если не счастья, — то нѣкотораго довольства жизнью, такъ сказать, спокойнаго, безмятежнаго отношенія къ ней. Я, какъ аккуратный поденщикъ, ходилъ на свои уроки. Я охотно пилъ хорошее вино съ хорошими пріятелями, приправляя его дружеской бесѣдой. Я любилъ провести вечеръ въ безкровномъ сраженіи за зеленымъ полемъ и быстро дни летѣли за днями, и безмятеженъ былъ мой сонъ, и спокойно было мое сердце... Я могу, пожалуй, и теперь повести ту-же жизнь, я даже пробую войти въ эту старую колею, ибо, повидимому, это не особенно трудно, но гдѣ ты, мое бывшее довольство?.. Гдѣ ты, мое минувшее спокойствіе?.. Скучкой вѣтъ отъ бесѣды доб-

рыхъ пріятелей; скукой подмѣшано нынче самое вино и безконечно долго тянутся дни пустыне, глухныя, сѣрые дни... Скучно, скучно!..

Есть за моими плечами и еще одинъ періодъ, который кажется мнѣ теперь какимъ-то счастливымъ, невозвратимымъ сномъ... Наивный, юный С.! Онъ глубоко и искренно недоумѣваетъ, что такое со мной дѣлается. По его мнѣнію, мнѣ рѣшительно ничто не мѣшаетъ идти дальше тою-же дорогой, которою я шелъ недавно рука объ руку съ Елизаромъ. По его убѣжденію, мнѣ положительно ничто не мѣшаетъ опять собрать около себя нашихъ бывшихъ учениковъ. Ему кажется, что они сохранили во мнѣ самыя теплыя чувства, что я могъ-бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заступить для нихъ мѣсто моего „покойнаго друга“. Да, повидимому, дѣйствительно такъ; повидимому, дѣйствительно все осталось на своихъ прежнихъ мѣстахъ; не достаетъ только совершенно ничтожной бездѣлицы, не достаетъ мнѣ только того огонька, который освѣщалъ прежде эту дорогу, не достаетъ мнѣ, однимъ словомъ, ни вѣры въ свои собственныя силы, ни вѣры въ лучшее будущее... Куда задѣвалась она, эта вѣра, я, право, не знаю. Я знаю только, что чуть-ли не вчера еще она была здѣсь, при мнѣ, чуть-ли не вчера еще она согрѣвала мое настоящее и озаряла розовыми лучами будущее, а теперь уже нѣтъ ее, она пропала...

Жечь сигару за сигарой, лежа подъ столѣтними деревьями нашего сада; крѣпко спать, если мнѣ придетъ фантазія раскрыть какую-нибудь книгу; бродить отъ одного знакомаго къ другому, по-братски дѣлаться съ нимъ снѣдающей меня хандрой и скукой, вотъ, кажется, все, что мнѣ осталось...

II.

Опять залазали всѣ эти откорюченные моськи, левретки, Нимфы и Толстухи; опять тихонько движется за кустами желтая, высокая, соломенная фуражка, которая была новою и модною, по всей вѣроятности, въ началѣ нынѣшняго столѣтія... А вонъ, я вижу теперь и частицу этой древней, засаженной, невѣроятной хламиды, отчасти похожей и на халатъ, и на чуйку, и на армякъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно ни на что не похожей...

Ну да, въ рукахъ у старика пачка моихъ газетъ, и я могу прятаться или не прятаться, уйти отъ огня или оставаться на своемъ мѣстѣ, эта развалина все-таки придетъ сюда, приподниметь занавѣску и, протягивая мнѣ газеты, скажетъ: добрый вечеръ, Семенъ Кириллычъ! Вотъ тутъ очень хорошо пишутъ о непогрѣшимомъ-то... Прочтите-ка, какъ ловко отдѣлали; будетъ вамъ хандрить-то...

Нѣтъ... мимо... въ свою бесѣдку... и Господь съ тобой, Господь съ тобой, ибо на моихъ губахъ уже сложился отвѣтъ тебѣ, далеко не радушный, далеко не вѣжливый, тяжелой отвѣтъ, отъ котораго ты навѣрное закашлялся-бы, смущенно пробормотавъ: „ну, ну, виноватъ, если помѣшалъ“, и поспѣшно заковылялъ-бы прочь, запахивая полы своей хламиды.

И за что онъ преслѣдуетъ меня этимъ „непогрѣшимымъ“, этими Наполеонами, Бисмарками, Изабеллами? И какое ему дѣло до того, что скучно-ли мнѣ или весело, что здоровъ-ли я или боленъ? Я исправно плачу ему за квартиру, занимаемую въ его домѣ, я готовъ отдать ему всѣ газеты и книги, какія есть у меня, я готовъ еще щедрѣе кормить его собаченочкѣ, но только пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ, пусть не заглядываетъ мнѣ въ лицо своими фальшивыми старческими глазами, пусть не допрашиваетъ меня о состояніи моей души... Къ моему карману онъ можетъ подбираться, какъ ему угодно, но пусть оставитъ попеченіе о моемъ сердцѣ.

Хитрый, льстивый старичина! Онъ чуть не со слезами увѣряетъ меня отъ времени до времени, что крѣпко привыкъ ко мнѣ втеченіи тѣхъ четырехъ-пяти лѣтъ, которыя я живу въ его домѣ, и всякій разъ, когда онъ заведетъ эту пѣсню, я навѣрное знаю, что онъ попроситъ у меня денегъ „впередъ“. Онъ говоритъ мнѣ, что давно уже смотритъ на меня, какъ на родного, и дѣйствительно, я знаю, что если не буду въ состояніи мѣсяць-другой заплатить ему за квартиру, то онъ хотя и нахмурится, заворчитъ, завздыхаетъ, будетъ чуть не ежечасно навѣдываться ко мнѣ, но все-таки не прибѣгнетъ къ какому-нибудь энергическимъ мѣрамъ и подождетъ еще немного, я полагаю, не дольше двухъ-трехъ недѣль...

— Бѣ-ло-чка!.. Да ты у меня хо-ро-шая!.. Да ты ум-ная!..

умасливаетъ онъ мою собаку, когда знаетъ, что я вижу и слышу его; а она, глупая, становится лапами къ нему на колѣни, ласково вертитъ хвостомъ и тянется своимъ носомъ къ его синеватымъ губамъ, выпачканнымъ въ табакъ, хотя должна-бы, кажется, была знать, что, не смотри я въ окно, добрыйшій Михайло Максимычъ не обратилъ-бы на нее ни малѣйшаго вниманія.

Онъ скупъ, этотъ старикашка, и мнѣ иногда даже жалко смотрѣть на него, когда онъ зимой, въ лютый морозъ, стоитъ скорчившись надъ своимъ дворникомъ, раскалывающимъ дрова, и дрожить, и посинѣть, и тоскливо переминается съ одной озябшей ноги на другую и все-таки не рѣшается уйти въ комнату, боясь, чтобы Павелъ не утаилъ для себя нѣсколькихъ полѣненьвъ. Я всегда смѣюсь, когда какой-нибудь торговецъ или мастеровой является къ нему за деньгами, ибо я хорошо знаю, что эти деньги давно уже приготовлены старикашкой, можетъ быть, даже лежать у него въ карманѣ, но ему до смерти жалко разстаться съ ними, онъ выдаетъ сначала рубль, потомъ другой, затѣмъ, можетъ быть, нѣсколько побольше, далѣе опять рубль и все со вздохами, съ болью сердечною, чуть не съ бранью. Мнѣ и смѣшно, и жалко, когда я слушаю жалобы его единственнаго дѣтища, злополучной старой дѣвы Софьи Михайловны, которой хотѣлось-бы хоть изрѣдка вырваться изъ „этой тюрьмы“, какъ она выражается о своемъ родномъ дошѣ, хоть изрѣдка побывать у кого-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ, да „не въ чемъ показаться въ люди“... Скупъ, безобразно свушь длинноносый, красненькій, сѣдовласый старичина, и, я полагаю, ни о какой изъ своихъ слабостей, ни о накомъ изъ изъ своихъ прегрѣшеній онъ не сокрушается такъ глубоко и искренно, какъ о своемъ чревоугодіи, поборающимъ даже его скупость.

— Какую, батюшка мой, осетрину я напелтъ! Ну, какую я, голубчикъ, телятину купилъ! въ восторгъ кричитъ онъ мнѣ иногда, возвращаясь съ базара, кричитъ за нѣсколько сажень и непременно цѣлуетъ при этомъ кончики своихъ пальцевъ.

Онъ называетъ себя христіаниномъ и зажигаетъ на праздники лампадки передъ своими дорогими образами, аккуратно посѣщаетъ приходскую церковь, облачаясь тогда въ свои лучшія одежды, но... „есть-ли на немъ крестъ?“ печально и сурово

спрашиваютъ въ одинъ годосъ всѣ бѣдняки, которымъ случилось повороче познакомиться съ нимъ.

— Есть-ли на немъ крестъ? говорилъ его старый дворникъ, Никифоръ, умиравшій въ сырой, холодной, почти темной коморкѣ, прѣстроенной кое-какъ къ банѣ.

— Есть-ли на немъ крестъ? восклицала несчастная жена писаря, жившая тамъ въ мезонинѣ, когда ея мужа разбилъ параличъ, и Михайло Максимычъ потребовалъ, чтобы она сейчасъ же очищала квартиру, ибо у него не богадѣльня.

Но онъ, разумѣется, только ядовито усмѣхается на эти укориженныя восклицанія, показывая свои черныя, рѣдкіе, гнилые зубы. Онъ только киваетъ головой, подмигиваетъ и ворчитъ, что „ладно, ладно“, что онъ „старый воробей“, что онъ „травленая лисица“, что онъ „насквозь все видитъ“.

— Народъ нынче подлецы, мошенники, пьяницы, — глазомъ моргнуть не успѣешь, какъ стащить что-нибудь, сокрушенно говоритъ онъ, понюхивая табакъ и бдительно наблюдая за какими-нибудь малярами, призванными подкрасить крышу и растирающими имъ самимъ закупленную краску, непременно „дорогую“, „лучшую“, — такъ-какъ онъ очень не прочь пустить пыль въ глаза.

— У меня, батюшка, тутъ цѣлая тысяча рубликовъ просажена да просѣяна, пресерьезно увѣряетъ онъ, показывая на свой полисадникъ, пестряющій простенькими, обыкновенными цвѣтами.

— А этимъ картинкамъ, я вамъ скажу, цѣны нѣтъ, торжественно говоритъ онъ, водя меня по своимъ комнатамъ и остановившись передъ огромными, почернѣвшими и потрескавшимися, но далеко не мудрыми картинами, висѣвшими въ его гостиной.

И все, что у него есть,—все это „дорогое“ и „рѣдкостное“; все, что ни говоритъ онъ,—сама мудрость глоголетъ его устами; всѣ, кто только ни слушались его совѣтовъ — непременно „выходили въ люди“. По его словамъ, онъ въ молодые годы красавецъ былъ; по его увѣреніямъ, онъ и теперь еще не уступитъ многимъ изъ молодежи ни въ силѣ, ни въ ловкости; по его глубокому убѣжденію, ему-бы „только на мѣсяць волю дать“, такъ онъ-бы „все“ „живо“ привелъ въ надлежащій порядокъ. Но стоитъ только показаться въ окнѣ желтому, мрачному лицу его

подруги жизни, стоитъ ей только подать свой рѣзкій, грубый голосъ „эй, ты!“ и нашъ бѣдный старикашка съезжится, замолкнетъ, задумается и засуетится.

— Иду, иду, матушка, торопливо отъливается онъ.

Когда къ нему на дворъ пришли недавно плотники и, смиренно снявши шапки, освѣдомлялись, нѣтъ-ли у него работы, тогда онъ науськалъ на нихъ своихъ собаченокъ и хохоталъ до упаду, схватившись руками за животъ. Когда я встрѣтилъ его третьяго дня короткой просьбой „убираться къ чорту“, — тогда онъ молча подобралъ полы своего халата и поспѣшилъ убраться изъ моей квартиры.

III.

Гмъ... Бѣдняга, бѣдняга Плясуновъ! Битыхъ два часа дождался онъ моего возвращенія домой; у него, я полагаю, закружилась голова отъ покачивания на качальномъ креслѣ и отъ куренья моихъ крѣпкихъ сигаръ; ему, я думаю, до смерти надоѣло покручивать свои усики и поглядывать на людъ, проходящій по улицѣ. Онъ, наконецъ, такъ обрадовался, когда я вошелъ въ комнату, такъ поспѣшно всеочилъ съ своего мѣста, такъ любезно началъ раскланиваться и извиняться, и вдругъ... о, ужасъ! я, кажется, не потрудился даже кивнуть ему головой, я смотрѣлъ на него вопросительными, мрачными глазами, я сухо и сурово спросилъ его, наконецъ:

— Вамъ что *нужно?*..

Да, да, я вполне сочувствую этому бѣднягѣ и въ совершенствѣ понимаю, что ему было отчего растеряться, покраснѣть, потомъ поблѣднѣть и какъ-то безсвязно бормотать, что „онъ слышалъ отъ кого-то... кажется, отъ Валерьяна Петровича... что у меня есть книга... книга о...“

— Да никакой книги я вамъ не дамъ, нетерпѣливо прервалъ я его и имѣлъ немалое удовольствіе видѣть, что этотъ жалкій рыцарь не нашелся сказать мнѣ ни одного слова больше, что онъ почелъ не лишнимъ еще разъ поклониться моей неподвижной особѣ и насилу могъ найти на вѣшалкѣ свое пальто.

Грубо! Невѣжливо! Это чортъ знаетъ, что такое! Онъ, должно

быть, совѣмъ съума спятилъ отъ пьянства! навѣрное заворчатъ и зашепчутъ его пріатели, которымъ онъ, конечно, расскажетъ эту маленькую исторію и, разумѣется, въ прикрашенномъ видѣ. Но, во-первыхъ, я могъ-бы и, надѣюсь, имѣлъ нѣкоторое право обойтись съ нимъ еще рѣзче, наприимѣръ, просто послать его ко всѣмъ чертямъ или еще хуже, — высказать ему откровенно все, что я о немъ думаю. Во-вторыхъ, я такъ долго отличался благодушіемъ, мягкостью, излишнею деликатностью, почти не встрѣчая взаимности, что мнѣ это, наконецъ, надоѣло; я такъ часто пускался въ длинныя и обстоятельныя разсужденія съ такими людьми, съ которыми совѣмъ не стоило-бы говорить, что, наконецъ, имѣю, кажется, право отдохнуть и быть краткимъ; я такъ неизмѣнно былъ со всѣми ласковымъ теленкомъ, что, право, не мѣшаетъ для разнообразія, показать моимъ ближнимъ острые, волчьи зубы. И въ-третьихъ, наконецъ... въ-третьихъ — могутъ думать, ворчатъ, пожалуй, даже громко говорить обо мнѣ все, что угодно, — ибо я, кажется, душевно радъ-бы былъ какой-нибудь самой глупѣйшей ссорѣ, — я, кажется, самъ придираюсь нынче чуть не къ каждому слову моихъ бѣдныхъ собесѣдниковъ, — я самъ, какъ-будто, ищу кого-то, на комъ мнѣ можно-бы было сорвать свое сердце... Горе только въ томъ, что эти господа точно чутьемъ какимъ-то понимаютъ мое душевное настроеніе и крайне вѣжливо со мной раскланиваются, въ высшей степени благоразумно отъ меня удаляются, — чрезвычайно предусмотрительно переходятъ на лѣвую сторону улицы, если видятъ, что я иду по правой... О, тонкіе знатоки человѣческаго сердца!

О, дипломаты! воскликну я, опять обращаясь къ Плясунову. Ему была нужна моя книга... Книга ему нужна была... Да, да, я знаю... Можетъ быть, ему нужно „практическое наставленіе бѣднымъ молодымъ людямъ, желающимъ въ нѣсколько дней сдѣлаться богатыми?“ Такой книги нѣтъ у меня; я не знаю даже, существуетъ-ли такая книга... Да, впрочемъ, ему и не нужны подобныя „наставленія“, ибо онъ самъ могъ-бы не хуже кого-нибудь другого поучать этой практической мудрости, — онъ самъ хорошо знаетъ, что ему дѣлать и какой дорогой идти.

Гмъ... Грубо! Я обошелся съ нимъ грубо! Но что сказалъ-бы онъ, что сказали-бы его друзья, если-бы я поступилъ съ нимъ слѣдующимъ образомъ:

— Вы говорите, что вамъ нужна книга? могъ-бы я сказать ему.— Но вы, вѣроятно, выражаетесь иносказательно; для меня открыта ваша игра и я очень хорошо знаю, что вамъ нужно нѣчто другое... Объяснитесь, поговорите...

Затѣмъ я пригласилъ-бы его садиться, предложилъ-бы ему сигару, закурилъ самъ и сказалъ-бы ему вотъ-что:

— Вы — единственный сынъ вашихъ покойныхъ родителей, которые были когда-то богаты, но потомъ, увы, въ конецъ разорились, не оставивъ въ наслѣдство рѣшительно ничего кромѣ долговъ, отъ которыхъ вы отказались, конечно,—не правда-ли? Вы получили такое образованіе, которымъ при случаѣ гордитесь,—не такъ-ли? Вы можете совершенно свободно объясняться по французски, говорите съ грѣхомъ пополамъ по нѣмецки, знаете немного музыку, прекрасно танцуете, умѣете держать себя во всякомъ обществѣ и въ состояніи вести кое-какой разговоръ о чемъ угодно, начиная съ лошадей и кончая политикой. Я знаю, что вы иногда рисуете карандашемъ очень миленькія вещицы; мнѣ извѣстно также, что вы умѣете и любите вышивать по канвѣ, но это все мелочно, я буду останавливаться только на болѣе существенномъ. У васъ великолѣпно выработано то, что многимъ угодно называть изящнымъ вкусомъ. Васъ тяготитъ, напримѣръ, ужасный жребій, выпавшій на вашу долю,—жить въ такой квартирѣ, въ которой одна и та-же комната играетъ роль и спаль-ной, и уборной, и столовой, и, пожалуй, кабинета... Вы очень любите изящныя, маленькія, но дорогія бездѣлушки, которыя въ такомъ изобиліи украшали жилище Алянова. Вы тяжело вздыхаете, когда смотрите на великолѣпный коверъ въ демократической квартирѣ Дѣдова, ибо въ вашихъ собственныхъ комна-тахъ—поль, правда, чистый, но голый, крашеный, мѣстами даже помытершійся. Однимъ словомъ, вы находите, что достойны были-бы лучшей участи, вы страдаете, вы завидуете людямъ болѣе богатымъ, вы мечтаете въ тишинѣ ночей о лучшемъ будущемъ; но,—о горе, горе! ни откуда не предвидится вамъ никакого наслѣдства,—вы существуете на одно только скудное жалованье, вы бѣдны, бѣдны, до такой степени бѣдны, что вамъ хотѣлось-бы самому играть въ карты, а вы принуждены смотрѣть только на игру другихъ; вамъ желалось-бы самому угощать хорошимъ виномъ своихъ друзей и знакомыхъ, а вы принуждены тереться

около Алянова, около кого-нибудь другого, даже около Дѣдова, который, правда, поить васъ, но за то прескверно обращается съ вами...

— Много, много жолчи и обиды, я полагаю, накопилось въ вашемъ сердцѣ. Вамъ, должно быть, ни въ какомъ случаѣ не больше двадцати восьми лѣтъ, — но посмотритесь въ зеркало, приглядитесь какъ-нибудь къ вашему обращенію съ людьми, прислушайтесь, если возможно, къ вашимъ собственнымъ рѣчамъ — и вы согласитесь со мной, — что вы смотрите старикомъ, опытнымъ, много испытавшимъ, хорошо узнавшимъ своихъ ближнихъ и желающимъ жить въ ладу со всѣми. Увлекаетесь-ли вы когда-нибудь?.. Нѣтъ. Говорите-ли вы съ кѣмъ-нибудь по душѣ, откровенно излагая свое мнѣніе, а не поддѣлываясь подъ взгляды вашего собесѣдника, не рассчитывая, что онъ, можетъ быть, вамъ пригодится впоследствии?.. Никогда, ни съ кѣмъ... Пропустите-ли вы что-нибудь безъ вниманія, не подумавши, что это нѣчто, можетъ быть, принесетъ вамъ пользу? Не пропустите; вы твердо запомните день ангела Марьи Антоновны и не преминете поздравить ее; вы хорошо замѣтите, въ какихъ платьяхъ были вчера въ саду Анна Петровна и Лизавета Андреевна и до мельчайшихъ подробностей опишите сегодня ихъ костюмъ почтенной Антонинѣ Ивановнѣ... Да, вы опытный, вы прагматическій, вы ловкій человекъ и я, право, не могу понять, какъ это вы до сихъ поръ не сдѣлали себѣ хорошей карьеры. Должно полагать, что ваша звѣзда не взошла еще, что давно желанный часъ не пробилъ еще...

— Но вотъ до васъ доходятъ слухи о существованіи въ нашемъ городѣ семейства Глазуревыхъ. Старикъ отецъ, говорятъ, очень богатъ, а слово „богатство“ чрезвычайно пріятно звучитъ для вашего слуха. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ нажилъ на службѣ это богатство, — но вы хорошо знаете, что къ золоту не пристаеетъ грязь. Старикъ этотъ скупъ, хвастливъ, грязенъ, жестокъ, — но вамъ не хуже другихъ извѣстно, что у всякого есть свои слабости. Вторая жена его полусумасшедшая, грубая, говорящая солдатскимъ языкомъ старуха, но вы думаете про себя, что до нея вамъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Единственная дочь ихъ цѣлыми десятью годами старше васъ, дурна, жеманна, почти научилась говорить съ людьми, — но что-же дѣ-

лать, если не представляется ничего лучшаго, мнѣ и такъ до смерти надобно ждать,—размышляете вы...

— Вы начинаете по нѣскольку разъ въ день прогуливаться подъ окнами вотъ этого самаго дома, въ которомъ мы сидимъ съ вами въ настоящую минуту... Вы поглядываете всякій разъ на тѣ два окна съ довольно грязными занавѣсками и съ жиденькими цвѣтами,—на тѣ два окна, за которыми томится „избранница вашего сердца“, — и она, конечно, скоро замѣчаетъ васъ, ибо очень интересуется всѣми молодыми людьми, проходящими по улицѣ. Далѣе вы начинаете писать ей записки, одна изъ нихъ доходитъ до моихъ рукъ, случайно попавшись въ книгу, которую брала у меня читать бѣдная, глупая, старая дѣва. Еще далѣе вы устраиваете маленькія, вечернія свиданія съ нею, на которыхъ опять таки повторяете, что „ваше сердце разрывается, глядя на ея печальное и одинокое существованіе“,—что вы „мечтаете устроить для нея рай въ жизни“,—что „если она и должна жить въ замкѣ, то не бѣдной плѣнницей, а пышной царицей“... Она, царица! Она, это тощее, ободранное, костлявое и почти лысое созданіе—пышная царица!.. Нѣтъ довольно; сознайтесь, изъ какого романа украла вы эти перлы, и согласитесь, что я отлично знаю всѣ ваши карты, что со мной ваша игра окончательно проиграна...

— Вамъ книга моя нужна!.. Боже мой, книга!.. Нѣтъ, вамъ извѣстно, что я давно уже живу въ этомъ домѣ, столь для васъ интересномъ; вы, можетъ быть, слышали отъ вашей „пышной царицы“, что я пользуюсь нѣкоторымъ благорасположеніемъ ея родителя, на сколько, разумѣется, онъ вообще способенъ имѣть расположеніе къ кому-бы то ни было. Вы быстро рассчитали, что я могу вамъ пригодиться. Вы почли не лишнимъ принять нѣкоторыя мѣры, чтобы я или прямо сталъ на вашу сторону,—что, конечно, было-бы не дурно,—или, по крайней мѣрѣ, не захотѣлъ-бы вредить вамъ. Вы сначала постарались довести до моего свѣденія, что глубоко разочаровались въ вашемъ бывшемъ другѣ Аляновѣ (навсегда покинувшемъ наши края), что горько рассказываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ противъ покойнаго Елизара,—а потомъ... потомъ вамъ понадобилась моя книга... ха-ха-ха! ха-ха-ха!..

Что-бы, я говорю, сказалъ онъ,—что-бы сказали его друзья,

если-бы я спокойно, вѣжливо изложилъ передъ нимъ все то, что повѣряю тебѣ этой молчаливой, блѣдной тетради? Но, конечно, въ такомъ случаѣ онъ ничего не сказалъ-бы своимъ друзьямъ;— и это правда...

И я грубъ, я дерзокъ, я невѣжливъ! Боже мой! А мнѣ думается напротивъ, что и сегодня съ Плясуновымъ—я обращался все-таки какъ мягкій, благодушный, деликатный и ласковый теленокъ.

IV.

Какъ восковая лежала она на прибрежномъ пескѣ, откинувъ немного назадъ свою темноволосую, гладкую, мокрую головку; точно черви тянулись темносинія полосы по ея дѣтскому личику; какъ мукой обсыпаны были ея побѣлѣвшіе тонкіе пальчики. Сѣренькое ситцевое платице плотно прилипло къ ея худенькому тѣлу; виднѣлся багровый рубецъ на нижней губѣ, должно быть закусенной въ предсмертную минуту; блестяли капли воды на длинныхъ рѣсницахъ и, казалось мнѣ, будто это слезы, крупныя слезы блестяли.

— И чья она?.. Изъ городскихъ вѣдь, въ раздумьѣ и недоумѣніи спрашивала какая-то старуха, знавшая, должно полагать, чуть не всѣхъ въ городѣ.

И когда я изложилъ передъ нею мои скудныя свѣденія, когда я сказалъ ей, что утопленницу звали Машей, что отецъ ея старовѣръ и торгуетъ чѣмъ-то, что онъ, какъ говорятъ, чловѣкъ злой и чуть не съ ножомъ бросается на жену и дѣтей, тогда моя старая всплеснула руками и, раскачивая головой, жалобно заголосила:

— Мать пресвятая Богородица! Да вѣдь и вправду она и есть! О-е-е-е-ей! О-е-е-ей!..

Чья она! А вѣдь это, право, не дурно было сказано: чья она? Я не знаю, чья еще была покойница по отцу, — Петрова-ли, Попова-ли, Пахомова-ли, — но насколько я знавалъ ее, — знавалъ какъ разъ подъ именемъ „Аляновской Маши“, или „Маши Алянова“. Однажды, съ годъ назадъ, я слышалъ разсужденія полуцѣпаной компаніи объ „Аляновской Машѣ“. Одинъ доказывалъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, что она еще совсѣмъ не сфор-

мировалась, совсѣмъ дѣвчонка, которой слѣдовало-бы ходить въ коротенькихъ платьицахъ, прыгать черезъ веревочку и играть въ куклы. Другой никакъ не могъ рѣшить, что она больше любить, — самого-ли Алянова, тѣ-ли конфеты, которыми онъ ее постоянно угощаетъ или, наконецъ, бездѣлушки, разставленныя по его письменному столу и до крайности ее занимающія. Третій-же, — самый пьяный изъ всѣхъ, — стучалъ кулакомъ по столу, вѣроятно, призывая ко вниманію, и безпрестанно повторялъ, обращаясь то къ тому, то къ другому, что если „старовѣръ“, отецъ Маши узнаетъ какъ-нибудь о „романѣ“ своей дочери, то „непремѣнно зарѣжетъ, сейчасъ-же зарѣжетъ, честное мое слово, зарѣжетъ ее“...

Это разъ. А въ другой разъ, потомъ, когда Аляновъ давно уже уѣхалъ отсюда, находя, вѣроятно, неудобнымъ оставаться въ томъ городѣ, гдѣ всѣ знаютъ, что на его щекѣ есть пощечина, — я засталъ у Дѣдова какую-то робкую, печальную, застѣнчивую дѣвочку, почти что ребенка, пришедшую въ сопровожденіи подозрительной, нѣтъ, даже и не подозрительной, а, очевидно, достойной висѣлицы — старухи няньки. Старуха объяснила видимо недоумѣвающему Дѣдову, что „господинъ“ Аляновъ уѣзжая, обѣщалъ въ скорости написать „вотъ ей“, — говорилъ, что къ себѣ „ее“ призоветъ, какъ только устроится на новомъ мѣстѣ, да вотъ ужъ который мѣсяцъ отъ него ни единого словечка нѣту, и „она, глупенькая“, такъ-то убивается, такъ-то убивается... А „глупенькая“ молча сидѣла, повѣсивъ свою хорошенькую головку, опустивъ свои печальные, добрые, умные глазки; она смущенно перебирала пальцами бахрому своего платка и только одинъ разъ воскликнула:

— Да, можетъ, онъ умеръ? Вы скажите мнѣ правду, пожалуйста! И столько тоски, столько любви послышалось въ этомъ восклицаніи, такая мольба свѣтилась въ ея глазенкахъ, обращавшихся то на меня, то на Дѣдова, что, право, у меня сердце перевернулось.

— Нѣтъ, нѣтъ, это я навѣрное знаю, что живъ, отвѣчалъ Дѣдовъ.

— Ну, вотъ; я вѣдь тебѣ говорила, что нечего понапрасну-то убиваться, обратилась къ ней старуха. — Господа, видишь, добрые; они напишутъ ему что надо... Они и отцу не позволяютъ

обижать да приневоливать тебя... Они хорошіе господа, ласковыя, повторяла эта вѣдьма и поглядывала на насъ такимъ одобряющимъ взглядомъ, одаряла насъ такими краснорѣчивыми улыбками, что Дѣдовъ удивлялся потомъ, какъ это она не вздумала еще поддѣлывать намъ на „глупенькую дѣвочку“.

— Это „Алянова — Мама“, объяснилъ онъ мнѣ, когда обѣ гостыи ушли.

И такъ, теперь извѣстно, — „чья она“. Она „Аляновская Мама“ или, что то-же, „Алянова—Мама“. Поняла-ли она, наконецъ, что одни ее продавали, другіе покупали? Поняла-ли она, наконецъ, что Аляновъ не больше какъ купилъ ее на время у ея няньки? Стало-ли ей невыносимо тяжело подъ родною кровлею или вообще ей показалось слишкомъ душно на бѣломъ свѣтѣ,—кто это знаетъ, — но только вчера ночью приняли ее въ свои холодныя объятія волны родимой рѣки и на вѣки успокоили ее... Спи, дитя!.. И если-бы была у меня сила снова возвратить тебя въ жизни, — нѣтъ, нѣтъ, я не думаю, чтобы рѣшился на такое злое дѣло... Спи, дитя, спокойно...

V.

Жалкій старикашка! Но я думаю самъ онъ, Михайло Миксичъ, виноватъ въ томъ, что у добрыхъ людей составилось такое, по всей вѣроятности, преувеличенное понятіе о его богатствѣ. Зачѣмъ ему нужно было придѣлывать къ своимъ вѣчно запертымъ дверямъ какую-то особенную трещочку, такъ что войти къ нему тихонько можно не иначе, какъ въ окно? Зачѣмъ ему необходимо нужно запираетъ свой дворъ въ девять часовъ лѣтомъ и въ семь зимою, на нескончаемое мученіе для дворника, которому безпрестанно приходится то отворять, то замыкать калитку? Зачѣмъ, наконецъ, престарѣлая подруга его жизни ложится спать въ семь часовъ вечера, встаетъ въ два, а самъ онъ до этого времени читаетъ газеты или книги, поглядывая въ окно, если залаютъ собаки или слышится какой-нибудь шумъ? Ничего нѣтъ мудренаго, что это не больше какъ невинныя привычки; но наблюдательные ближніе смотрятъ на дѣло иначе и говорятъ, что старики поочередно караулятъ свой домъ, — когда одна спитъ, тогда другой бодрствуетъ. И вотъ идутъ по сосѣдству толки о

будто-бы огромномъ богатствѣ „старого скряги“, — о цѣломъ сундукѣ, наполненномъ одною серебряною посудой, о большой шкатулѣ съ золотыми и брилліантовыми вещами, о комодахъ, которые биткомъ набиты шелковыми и другими дорогими матеріями... Что-же мудренаго, если Плясунову или кому-нибудь другому, — сребролюбивому или голодному человѣку придетъ охота взглянуть на всѣ эти драгоцѣнности своими собственными глазами...

Легко сказать — пятьдесятъ тысячъ! Господинъ Плясуновъ желалъ-бы получить въ приданое за своей „пышной царицей“ всего только пятьдесятъ тысячъ, — если вѣрить Михайло Максимычу, которому, впрочемъ, нѣтъ никакой возможности вѣрить, особенно когда онъ говоритъ о деньгахъ. Но если бѣдный старикашка преувеличилъ даже ровно вдвое, то и въ такомъ случаѣ я ему вполне сочувствую, я нисколько не удивляюсь, что съ самаго утра онъ вздыхалъ, охалъ, хмурился, — что у него „разломило поясницу“, ослабѣли ноги, разстроился желудокъ... Я нисколько не удивляюсь теперь, что вчера вечеромъ въ хозяйской квартирѣ слышался необычайный шумъ, крикъ, стукъ передвигаемой мебели; для меня, какъ Божій день, ясно теперь, что тамъ происходила одна изъ тѣхъ сценъ „у семейнаго очага“, которыя такъ краснорѣчиво описывала нѣкогда сама злополучная Софья Михайловна, наглядно показывая даже, какъ она защищалась ногами и руками...

Печалень, брызгливъ, еле передвигая ноги, явился ко мнѣ вечеромъ Михайло Максимычъ. Охая, усѣлся онъ въ кресло и долго говорилъ и о приключившемся ему нездоровьѣ, и объ имѣющемся у него чудодѣйственномъ элексиры отъ всѣхъ болѣзней, къ которому онъ прибѣгаетъ только въ крайнихъ случаяхъ. Отсюда онъ свелъ рѣчь на нынѣшнихъ докторовъ и ихъ сребролюбіе; далѣе перешелъ къ развращенію нравовъ вообще, наступившему въ „нынѣшнее время“, когда всякій норовитъ разбогатѣть, пальцемъ о палецъ не ударивши, да въ коляскахъ ѣздить, балы всякіе задавать, жену наряжать въ пухъ и прахъ...

— А тамъ, глядишь—фью! злобно закончилъ старичина свой приступъ.— Самъ бѣжалъ куда-нибудь или въ острогъ пристроился, крохи, какія остались, съ молотка проданы, а жена да дѣти по міру пошли... Такъ-то...

Тутъ онъ понюхалъ табакъ, гнѣвно запахнулъ полы своей хламиды и, смотря куда-то въ сторону, сказалъ: „есть здѣсь какой-то Плясуновъ“, — такъ что можно было подумать, будто Плясуновъ находится именно въ моей квартирѣ.

— Знаю Плясунова, замѣтилъ я.

— Ну, что?..

Я рассказалъ ему все, что зналъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ, подающемъ такія блистательныя надежды; я выставилъ его, разумѣется, не въ особенно привлекательномъ свѣтѣ, но старикъ, видимо, былъ не совсѣмъ доволенъ моимъ безпристрастнымъ повѣствованіемъ, онъ ожидалъ, вѣроятно, что человѣкъ, желающій получить отъ него нѣсколько десятковъ тысячъ непремѣнно долженъ быть, какимъ-то чудовищемъ, извергомъ, злодѣемъ...

— Мошенникъ, мошенникъ, однимъ словомъ, сказалъ онъ; — сей часъ видно, что мошенникъ. Гдѣ-то тутъ было у меня его письмо... Нѣтъ; должно быть въ кабинетѣ оставилъ... Руки Софьи у меня просить, бестія.

— Вотъ что!

— Да... За приданымъ, разумѣется, не гонится, ядовито продолжалъ онъ.—Всего только пятьдесятъ тысячъ просить!

— Недурно, недурно, согласился я.

— Ну, скажите на милость! воскликнулъ старикъ, приходя въ ужась, въ негодованіе и всплеснувъ руками.—Ну, на что это похоже? Развѣ есть у такого человѣка совѣсть? Я говорю дочери: „дура ты, дура, посмотри ты на себя въ зеркало, развѣ тебя ему нужно, а не твои деньги! Пятьдесятъ тысячъ! Пятьдесятъ тысячъ! Пятьсотъ рублей—вотъ что я ему дамъ; это я ему дамъ, хоть и то придется домъ заложить...“

Но это было уже до такой степени неожиданно, невообразимо нелѣпо,—что я какъ сидѣлъ на диванѣ, такъ и повалился лицомъ на него и хохоталъ, хохоталъ до слезъ, до того, что мнѣ, наконецъ, плакать захотѣлось, — плакать надъ людскою пошлостью, надъ житейскою грязью.

— А вы какъ думаете? нѣсколько обиженно спрашивалъ старикашка.—Да и то, я вамъ говорю, потѣсниться придется...

— Да я не о томъ, устало и горько пояснилъ я ему.—Какъ это вы мошеннику, бестіи родную дочь отдадите за пятьсотъ рублей?

Но на него напалъ вдругъ страшный кашель; у него неожиданно заняла спина, схватило желудокъ,—такъ что мой почтенный Михайло Максимычъ отрывисто пояснилъ мнѣ, помахивая рукой и кашляя, что... я „не такъ понялъ“, что онъ только „къ примѣру“ и поспѣшилъ домой. Боже мой! Что это, однако, за сжѣшная и вмѣстѣ съ тѣмъ грустная штука—жизнь!

VI.

Старичина и сегодня смотритъ на меня обиженными глазами; у жены его ротъ перекосило отъ „злости“, вся она „даже дочернѣла, такая стала страшная“,—таинственно сообщилъ мнѣ дворникъ. А Софья Михайловна точно зашипѣла, когда я встрѣтился съ нею въ саду и пожелалъ ей „добраго вечера“.

— Вы за что сердитесь на меня, Софья Михайловна? спросилъ я.

— Ни за что! отвѣчала она, вздернувъ свой длинный носикъ и не глядя на меня.

— За то, что я сказалъ вашему отцу правду про одного господина?.. За то, что я...

— Да какое вы имѣете право говорить о немъ нехорошо? всплила она, даже топнувъ по травѣ ногой.—Развѣ вы знаете о немъ что-нибудь дурное?.. Скажите, скажите...

И, по правдѣ сказать, она меня почти поставила въ тупикъ своимъ яростнымъ вызовомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, указать пятнышко на такомъ костюмѣ, который весь представляетъ собою одно сплошное сальное пятно?.. Что дѣлать, если васъ попросятъ найти хоть одну черную черточку на такомъ предметѣ, который весь, сплошь черенъ, какъ уголь?.. Затруднительное, затруднительное требованіе! А когда я началъ обстоятельно объяснять Софьѣ Михайловнѣ, что, конечно, за Плясуновымъ нѣтъ, по всей вѣроятности, какихъ-нибудь злодѣяній или какихъ-либо чудовищныхъ преступленій, но что онъ тѣмъ не менѣе совершенно испорченный жизнью человекъ, безсердечный человекъ, лживый человекъ, поклоняющійся только золотому тельцу,—тогда она замахала руками и заткнула уши.

— Лучше ужъ замолчите, не говорите... Я знаю, знаю, знаю, презрительно твердила она.

— Что вы знаете?..

— Я знаю, за что вы его не любите...

— За что?..

— За то, что онъ не хотѣлъ участвовать въ разныхъ вашихъ выдумкахъ,—вотъ за что...

За то, что онъ не хотѣлъ участвовать въ нашихъ выдумкахъ. Именно, именно за это, моя милая! Я засмѣялся, я махнулъ рукою и пошелъ лежать на свою любимую дерновую скамью подъ высокими березами, и ворчалъ про себя: иди, иди, моя милая, куда тебѣ угодно; иди, иди своею дорогою! Какое мнѣ дѣло до тебя, до всѣхъ васъ?.. Вонъ облака тихонько плывутъ тамъ, вверху,—вонъ ястребъ плаваетъ, паритъ подъ облаками; мнѣ и до нихъ тоже нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, но, по крайней мѣрѣ, тамъ, въ вышинѣ—просторъ, свѣтъ, тишина, глазъ отдыхаетъ...

— Мнѣ противно смотрѣть на эту древнюю, одичавшую и злую дѣвицу, говоритъ одинъ,—но если вы мнѣ дадите тысячь двадцать, то я, пожалуй, женюсь на ней...

— Я хорошо вижу, братецъ, что ты мошенникъ и бестія, отвѣчаетъ другой,—но такъ и быть, бери ее,—только больше пятисотъ рублей я не дамъ за нею...

А та, далеко не юная особа, о которой идетъ рѣчь, воображаетъ, что, наконецъ-то, явился передъ нею тотъ юный и влюбленный рыцарь, о которомъ она такъ долго, такъ страстно мечтала въ тишинѣ ночей. Она, въ самомъ дѣлѣ, воображаетъ себя „пышной царицей“. Она уже успѣла по уши влюбиться въ этого шута, перереяженнаго ея фантазіею въ блестящаго рыцаря. Она гнѣвно топаетъ ногой, у нея разгораются негодованіемъ ея обыкновенно тусклые глаза, у нея разрумяниваются отъ волненія ея постоянно желтыя щеки,—когда ей осмѣливаются доказывать, что избранникъ ея сердца не рыцарь, а шутъ, не больше какъ плутоватый шутъ, розыгрывающій заученную комедію и ожидающій, что по ея окончаніи его накормятъ вкуснымъ обѣдомъ... Что-жъ?.. Я не смѣю надъ нею,—мнѣ, пожалуй, даже жалко ее. Я не виню ее, ибо я понимаю, что ей тоже жить хочется. Она тридцать восемь лѣтъ сидѣла у своего холоднаго, угарнаго домашнего очага, и я вполне понимаю, что ей тоже жить хочется... Жить, жить,—но что такое жизнь для нея?.. Въ чемъ жизнь?..

Вонъ засвѣтился огонекъ въ комнатѣ швей и, можетъ быть, опять, какъ вчера, будетъ мерцать до разсвѣта, освѣщая наклоненную надъ работой головку... А вонъ зажигаются въ саду бумажные, безобразные, но издали довольно эффектные фонари, музыканты настраиваютъ тамъ свои инструменты,—и экипажъ за экипажемъ подъѣзжаетъ къ желѣзнымъ воротамъ, подвозя нарядныхъ дамъ, дѣвицъ и... „рыцарей“... Вонъ и на рѣкѣ опять слышится музыка, и на рѣкѣ пестрѣютъ разноцвѣтные фонари,—должно быть, возвращается та веселая компанія, которая отправилась вечеромъ кататься на лодкахъ,—съ развѣвающимися флагами, съ гребцами въ яркихъ красныхъ рубашкахъ,—съ пѣснями... „Вотъ гдѣ жизнь! Счастливые, счастливые!“ съ завистью думаетъ, вѣроятно, старая дѣва, сидя пригорюнившись у раскрытаго окна и слушая эти пѣсни, глядя на эти красные, синіе, зеленые фонари... И мечтается ей, что вотъ скоро освободитъ ее изъ этой „тюрьмы“ ея блестящій рыцарь. И поѣдутъ они тоже по этой рѣкѣ, и будутъ мерцать надъ ними свѣтлыя звѣздочки, и будетъ звучать во мракѣ такая-же музыка, и будетъ нашептывать *онъ* ей слова любви... Ха-ха-ха!..

Слава любви! Да, жди, терпи, несчастная, глупенькая! Рано или поздно снесутъ въ могилу старичину, отца твоего; рано или поздно, но покончится, наконецъ, земное странствіе твоей мамчухи. Рано или поздно, но наступитъ когда-нибудь это столь желанное тобою событіе и тогда ты радостно перекрестишься, вздохнешь полною грудью и воскликнешь: „вотъ она, моя очередь! пришла, слава Богу!“ Да, придетъ тогда твоя очередь. Тогда предстанетъ передъ тобою тотъ или другой прекрасный рыцарь и протянетъ руки къ твоей рукѣ и къ твоему золоту...

Слова любви! Онъ скоро скажетъ тебѣ, твой будущій мужъ, что если вставить тебѣ недостающіе зубы, что если искусно подвязать тебѣ фальшивые волосы, если ты отдашь себя въ полное распоряженіе опытной модисткѣ, если ты научишься, наконецъ, трудному искусству бѣлиться и румяниться,—то тогда можно будетъ равнодушно смотрѣть на тебя... издали... Онъ скоро скажетъ тебѣ, что съ тобой можно говорить,—если ты дашь клятву не произносить ни одного слова... И тогда придетъ твоя очередь мучиться ревностью, придетъ твой чередъ наводить ужасъ на всѣхъ своею бѣшеною злобою, какъ наводитъ теперь твоя ма-

чиха; тогда придетъ твой чередъ ругаться со всѣми—самыми циничными, грубыми, площадными словами, какъ ругается теперь твоя мачиха... Иди, иди, иди этою дорогой!..

VII.

Когда мнѣ сдѣлается невыносимо сидѣть дома, когда мнѣ до тошноты надоѣстъ играть въ пиветъ съ тетушкой,—на бильярдѣ съ кѣмъ ни попало,—когда я не знаю, наконецъ, куда мнѣ бѣжать отъ сплетень, грязи, скуки,—свившей прочное гнѣздо чуть не въ каждомъ домѣ и каждомъ углу,—тогда я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ начинаю думать о свиданіи съ Дѣдовымъ, на совѣсти котораго есть, конечно, свои маленькія прегрѣшенія, но нѣтъ грязи,—за которымъ водятся, разумѣется, свои слабости, но котораго никто не обвинить въ пошлости. Я всегда съ удовольствіемъ иду къ нему,—я крѣпко жму его широкую, бѣлую руку,—я съ нѣкоторою даже любовью смотрю на его широкое, честное лицо, я съ веселымъ смѣхомъ слушаю его юмористическіе рассказы и замѣчанія. Но... проходятъ два-три часа, и я чувствую, что намъ почти не о чемъ говорить, что старое все давнымъ давно извѣстно, а новаго ничего, ровно ничего нѣтъ... И когда, наконецъ, мы прощаемся съ нимъ, распивши двѣ, три бутылки хорошаго вина и покружившись около какого-нибудь „столба“,—какъ онъ выражается, то-есть поспоривши о какомъ-либо отвлеченномъ и мало интересномъ для насъ вопросѣ,—тогда я дѣйствительно чувствую себя *обновленнымъ*, тогда оставляетъ снѣдающая меня скука, оставляетъ злоба на всѣхъ и на все, а на мѣсто ихъ является раздумье и тоска, кажется, безъ конца и безъ просвѣта... Да, я чувствую себя тогда *обновленнымъ*, но за этимъ „обновленнымъ“ вовсе нельзя прибавить обычнаго „и освѣженнымъ“...

По выходѣ изъ университета, Евгенийъ Николаичъ попробовалъ было служить, но скоро нашель, что занятія въ канцеляріи почему-то располагаютъ его къ „слишкомъ неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ“. Потому онъ попробовалъ жениться и обзавестись семьей, но черезъ полгода увидѣлъ, къ своему не-

малому удивленію, что семейная жизнь почему-то располагает его къ мизантропіи и предложилъ своей покойной женѣ побывать въ Петербургѣ, если только она не боится ѣхать туда одна... Далѣе онъ собирался писать что-то и вотъ уже лѣтъ пять какъ, должно быть, собираетъ матерьялы для своего будущаго произведенія и обдумываетъ его, охотясь за зайцами и волками, истребляя коньякъ и мадеру, — волнулъ сердца скучающихъ женщинъ и ведя мелкую войну съ ихъ мужьями.

Дорогой коверъ покрываетъ весь полъ его кабинета, — но я, право, не могу себѣ представить, сколько мѣсяцевъ не вытряхался этотъ несчастный коверъ, на который немилосердно швыряются окурки папирозъ, сигаръ, спички, апельсиныя корки... Тысячи полторы томовъ хорошихъ книгъ смотрятъ съ покоевъ своими корешками, — но густымъ, краснорѣчивымъ слоемъ пыли покрыты ихъ печальныя ряды. Двѣ недурныя картины висятъ на противоположной стѣнѣ, оставленныя Евгенію Николаичу въ наслѣдство покойнымъ другомъ, — но они закоптѣли, загажены мухами и Дѣдовъ все никакъ не соберется отдать эти дорогія ему вещи почистить и покрыть лакомъ. У него есть умъ, характеръ, настойчивость, способность относиться добросовѣстно ко всякому дѣлу, за которое онъ возьмется, но всѣ эти драгоценныя качества подвергаются той-же печальной участи, кака я выпала на долю его ковра и его картинъ. У него довольно рѣдкая память; онъ успѣлъ приобрести себѣ многостороннія, основательныя познанія, — но и ихъ постигла та-же судьба, что его бібліотеку... На мой взглядъ этотъ человекъ — кака-то цѣнная кладовая, которую хозяева заперли десятью замками, а ключи бросили въ воду. Въ томъ душномъ, крошечномъ міркѣ, въ которомъ вращается онъ, не нужны его знанія, ни на что непригодны его способности, но почему онъ не выходитъ на ту широкую, свѣтлую дорогу, по которой шелъ Елизаръ, — я не знаю. Отчего онъ не идетъ на безмолвный призывъ той бѣдной, темной массы, которой онъ нуженъ, которой онъ можетъ и долженъ служить всѣми своими силами, знаніями, способностями, — я рѣшительно не знаю. Что стало съ его сердцемъ, если оно глухо къ этому призыву... я не знаю, я не знаю, я не понимаю...

— Ну, что подѣлываете? спросилъ я его на дняхъ.

— Удивительное это дѣло, отвѣчалъ онъ, глядя на меня своими спокойными глазами.— Вчера мнѣ думалось, что я съ величайшимъ удовольствіемъ примусь писать брошюру *сегодня*; сегодня мнѣ думается, что я съ жаромъ начну работу съ *завтрашняго* утра... И, представьте себѣ,—эта исторія продолжается уже очень давно,—три мѣсяца...

Что подѣлываетъ?..

Когда я подходилъ сегодня къ его двери, мнѣ показалось, что около оконъ его квартиры, выходящихъ въ палисадникъ, мелькнула какая-то человѣческая фигура. Когда я вошелъ въ комнаты, я засталъ въ гостяхъ у Евгенія Николаича его собесѣдку, а мою старую и добрую знакомую Елену Петровну Березину.

Вотъ, кажется, и еще одна погибшая душа, осужденная навѣки томиться въ медленномъ, маленькомъ огнѣ и не имѣть вапли живой воды, которая освѣжила-бы ея запекшіяся губы! Когда-то я зналъ ее хорошенькой, добродушной, нѣсколько мечтательной дѣвушкой. Когда-то она писала въ тишинѣ ночей горячіе, пламенные и поэтому недурные стихи,—что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей нести на своихъ плечахъ все домашнее хозяйство, возиться въ кухнѣ, учить, обшивать и обувать своихъ многочисленныхъ маленькихъ братьевъ и сестеръ. Когда-то она цѣлыя ночи просиживала тайкомъ за книгами, что тоже не было для нея помѣхой вставать раньше всѣхъ въ домъ и приниматься за черную, хозяйственную работу, по временамъ даже мыть полы... Когда-то она горячо говорила со мной о правахъ женщины, о „лучшей жизни“, — что, впрочемъ, нисколько не расширяло ея правъ и ни мало не скрашивало тяжелую жизнь въ домѣ ея грубыхъ, темныхъ родителей, обремененныхъ нуждой, семействомъ и заботами о насущномъ хлѣбѣ. Въ тѣ времена я былъ увѣренъ, что эта дѣвушка далеко пойдетъ и тайнѣ безнадежно вздыхалъ по ней. Теперь я тоже вздыхаю, когда встрѣчаюсь съ нею, но эти вздохи далеко не походятъ на тѣ старые...

Я не знаю, право, что побудило ее отдать свою руку Березину, который старше ея двадцатью годами. Показался-ли ей этотъ молчаливый, скрытный, блѣдный господинъ чѣмъ-то инымъ, нежели онъ былъ и есть на самомъ дѣлѣ? Уступила-ли она, мяг-

кая, слабохарактерная, всегда готовая на жертвы,—настояніямъ своихъ родныхъ, видѣвшимъ въ Березинѣ только то, что онъ достаточный человѣкъ и занимаетъ порядочное мѣсто? Мечтали она, наконецъ, обрѣсти въ жилищѣ этого человѣка ту свободу, то спокойствіе, которыхъ недоставало ей въ ея родномъ домѣ? Не знаю я, но когда я смотрю теперь на нее, когда я слушаю рассказы о ея жизни, когда я слышу, что Елена Петровна все чаще и чаще посѣщаетъ свою убогую приходскую церковь и по часу простаиваетъ на колѣняхъ, и слезы блестятъ на ея глазахъ,—когда я вижу, наконецъ, что она все еще не перестаетъ просиживать дни и ночи за книгами, которыми сужаетъ ее Дѣдовъ,—тогда я со вздохомъ шепчу про себя: о, если-бы на мѣстѣ Евгенія Николаевича былъ Елизаръ! О, если-бы всталъ онъ изъ своей могилы!... Тогда не погибла-бы задаромъ эта женщина!..

Я почти съ ненавистью смотрю на Березина, когда онъ проходитъ мимо меня, согнувъ дугой свою спину, опустивъ въ землю свои выпуклые, сѣрые, мрачные глаза и подолгу останавливаясь передъ каждой церковью. Я знаю, что онъ до страсти любитъ свою жену,—но я дорого далъ-бы, чтобы онъ поменьше любилъ ее. Говорятъ, что когда она уходитъ куда-нибудь, онъ садится у окна и ждетъ,—и если она возвратится не такъ скоро, тогда онъ весь день молча ходитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, молча лежитъ на своемъ диванѣ и ни одного, ни одного слова не скажетъ втеченіи этого дня. Говорятъ, что онъ способенъ отдать понравившемуся ему человѣку все, что имѣетъ, дѣлать для него все, что можетъ, исполнять его малѣйшія прихоти, но на томъ только условіи, чтобы этотъ человѣкъ сталъ сначала вполнѣ рабомъ его, предугадывалъ-бы всѣ его желанія, не имѣлъ-бы ни мыслей своихъ собственныхъ, ни стремленій, ничего... Если-же несоблюдено это условіе,—если страстно любимая имъ жена его, напримѣръ, уйдетъ въ гости, когда по его глазамъ могла-бы, кажется, видѣть, что это ему непріятно,—если она напишетъ и отошлетъ какое-нибудь письмо, не показавши ему,—если ему покажется, наконецъ, что у нея есть какая-то подозрительная, тайная, неизвѣстная ему мысль,—тогда, о, тогда онъ становится самымъ холоднымъ, суровымъ палачомъ. Онъ не кри-

читать, не бранится, не проситъ объясненій и не читаетъ проповѣдей; онъ начинаетъ придираться къ совершенно постороннимъ вещамъ, къ каждому шагу жены, — къ тому, что она хозяйство плохо ведетъ, что кушанье сегодня скверно приготовлено, что она слишкомъ много свѣчей жжетъ, что она мѣшаетъ ему спать, читая свои книги... И онъ довелъ, наконецъ, до того эту добрую, слабохарактерную женщину, что она боится ступить ногой изъ дома, что она слѣдитъ за каждымъ шагомъ прислуги, дрожитъ надъ каждой копѣйкой... Копѣйка! Но, можетъ быть, изъ-за этой презрѣнной копѣйки ее опять положить сегодня на костеръ и стануть пытать и мучить... Говорятъ, что Березинъ скупъ и жаденъ. Какой вздоръ! Онъ только слишкомъ старъ, слишкомъ любить свою жену, ревнуетъ ее, подозрѣваетъ ее, недовѣряетъ ей и изобрѣтаетъ для нея пытки. Когда онъ перестанетъ недовѣрять ей, — тогда будетъ расточителемъ, гостеприименъ, будетъ, можетъ быть, даже веселъ, и тогда Елена Петровна можетъ дѣлать съ нимъ, что захочетъ, можетъ изъ него хотъ вить веревку, какъ говорится, можетъ заставить этого мрачнаго, блѣднаго человѣка танцовать и пѣть пѣсни...

На мой вопросъ, — какъ она поживаетъ, она отвѣчала, что „ничего... больше сижу дома... не очень весело“, а Дѣдовъ предлагалъ подлить въ ея чай рому и увѣрялъ, что отъ этого не будетъ никакихъ дурныхъ послѣдствій, — будетъ только веселѣе и прибавится энергій.

На мой вопросъ о дѣлахъ и здоровьѣ ея мужа, она сказала, что тоже ничего, что Андрей Ивановичъ по какимъ-то дѣламъ уѣхалъ сегодня за городъ на нѣсколько дней. На нѣсколько дней! Почти сейчасъ-же, какъ только она сказала это, вбѣжала испуганная дѣвчонка-горничная и, запыхавшись, вскричала:

— Пожалуйте, барыня!.. Андрей Ивановичъ пришли и васъ спрашиваютъ!..

Какъ поблѣднѣла бѣдненькая Елена Петровна!.. Какъ испѣшно поднялась она съ своего мѣста! Она торопливо протянула намъ свою дрожащую, грубую отъ работы ручку и разрыдала при этомъ книги, забранныя ею у Дѣдова.

— Что мудренаго? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, это былъ онъ, сумрачно сказалъ Евгеній Николаичъ, когда я передалъ

ему о томъ, что я замѣтилъ или, лучше сказать, что мнѣ показалось въ палисадникѣ, у его оконъ.—Что вы мало подливаете себѣ рому?.. Хотите, я долю вамъ? прибавилъ онъ.

Онъ наклонилъ уже бутылку и вдругъ поставилъ, почти бросилъ ее на столъ. Сквозь отворенныя окна дома, стоявшаго по ту сторону палисадника, изъ квартиры Березинныхъ, до насъ долетѣлъ отрывистый, полный тоски, женскій крикъ и потомъ все смолкло.

— Куда васъ чортъ несетъ? спросилъ я, схвативъ за руку Дѣдова, рѣшительно поднявшагося съ кресла съ видимымъ намереніемъ куда-то идти и что-то предпринять.

Онъ какъ-то странно, какъ будто удивившись моему „чорту“, посмотрѣлъ на меня и опять сѣлъ. Я посмотрѣлъ въ окно. Въ квартирѣ Березинныхъ былъ видѣнъ свѣтъ въ двухъ окнахъ, должно быть въ столовой, и хорошо знакомая мнѣ, сухощавая, изогнутая чуть не въ видѣ буквы С фигура, ходила, какъ матицеъ, отъ стѣны до стѣны, между свѣчей и окнами. Все было тихо и спокойно... Мы опять принялись за чай съ ромомъ, и Дѣдовъ началъ даже говорить, что, можетъ быть, намъ такъ только показалось, что крикъ раздался гдѣ-нибудь на улицѣ, на другомъ дворѣ... Но онъ только началъ высказывать это мнѣніе и не кончилъ, потому что вдругъ ясно послышались опять голоса, какъ будто-бы разомъ отворилась дверь, плотно затворенная...

— Иди, иди... ступай! говорилъ одинъ голосъ, мужской, холодный, твердый.

— Но я тебѣ клянусь, Андрей Ивановичъ... слышался женскій, полный мольбы и отчаянія голосъ.—Клянусь всѣмъ...

Дверь опять глухо захлопнулась. Мы опять увидѣли въ освѣщенныхъ окнахъ прежде ненавистную букву С, потомъ женскую фигуру. Буква С взяла со стола свѣчу, понесла въ другую комнату и все потемнѣло, все смолкло.

Мы долго сидѣли и молчали.

— Нѣтъ, нѣтъ того, кто вывелъ жену Покосова изъ такого-же ада, со вздохомъ сказалъ я.—А мы...

— Мы выпьемте еще съ ромомъ, сказалъ Евгеній Николаичъ.

VIII.

Жди, надѣйся, не падай духомъ, Плясуновъ. Мнѣ кажется, близится уже тотъ часъ, когда твоя игра будетъ выиграна, не далеко уже то время, когда я съ хохотомъ укажу на тебя пальцемъ, буду тебѣ аплодировать и воскликну:

— Вотъ человѣкъ, который ясно видѣлъ свою цѣль и шелъ къ ней твердыми шагами; вотъ человѣкъ, который мало говорилъ, но за то много слушалъ и еще больше дѣйствовалъ! Bravo, bravo, — честь и слава ловкому шуту!!

Старикашка Михайло Максимычъ видимо опустился въ послѣднее время, пожелтѣлъ, сгорбился, постарѣлъ вдругъ десятью годами, не прогуливается больше по двору, окруженный своими собачонками, не всегда даже присматриваетъ за дворникомъ, когда тотъ колетъ дрова или достаетъ что-нибудь изъ сараевъ, до потолка наполненныхъ всякимъ хламомъ и вѣчно запертыхъ. Старичина до того проникся скорбнымъ взглядомъ на жизнь вообще, до того упалъ духомъ и преисполнился самыхъ мрачныхъ предчувствій, что даже не охаетъ, не жалуется на боль въ ногахъ, въ костяхъ, въ поясницѣ, когда я спрашиваю его о здоровьѣ, а совершенно просто, искренно, грустно отвѣчаетъ: „плохо, плохо, совсѣмъ плохо, голубчикъ...“

Не знаю я, но мнѣ сильно сдается, что его состарило и сразило совершенно неожиданное, ничѣмъ невызванное и, очевидно, мошенническое, злостное банкротство достопочтенной фирмы „Братья Хрящовы“. Старикъ ни однимъ словомъ не заикнулся мнѣ, чтобы и онъ, подобно многимъ другимъ, соблазнившійся десятью процентами, выдаваемыми „Братьями Хрящовыми“, — ввѣрилъ имъ свои деньги. Ему должно быть слишкомъ памятно еще, какъ онъ увѣрялъ меня, что для него трудно дать въ приданое за дочерью даже и пятьсотъ рублей; ему неловко сознаваться теперь, что у Хрящовыхъ хранились кое-какія и его „сбереженія“. Но... я хорошо помню тотъ эффектъ, который произвело въ нашемъ домѣ извѣстіе объ этомъ неожиданномъ банкротствѣ; я хорошо помню, что Михайло Максимычъ тотчасъ-же

облекся въ свое парадное платье, куда-то уѣхалъ на нѣсколько часовъ и возвратился разстроенный, ослабѣвшій, совсѣмъ убитый. Я знаю, что Лука Хрящовъ былъ у него и на другой, и еще на слѣдующій день. Мнѣ памятно, наконецъ, что когда я заговорилъ со старикашкой объ этомъ банкротствѣ, тогда его потухшіе глаза вдругъ засверкали страшною ненавистью, его сінія губы, обсыпаннаго табакомъ, злобно затряслись...

— Да ихъ повѣсить мало! заговорилъ онъ дрожащимъ, задыхающимся голосомъ. — Вонъ тамъ старуха домишко свой продала да имъ тысячу рублей повѣрила, чтобы на приданое дочери было, когда та выйдетъ изъ института! Теперь только съ восьмирублевой пенсіей своей осталась! А другіе по міру изъ-за нихъ должны пойти: все ограбили, разбойники! Хуже, чѣмъ на большой дорогѣ, ограбили! Я изъ нихъ жилы-бы велѣлъ вытянуть — клещами... каленными...

Мнѣ крайне подозрительно это горячее участіе его къ ограбленнымъ вдовамъ и сиротамъ. Если-бы не пострадалъ онъ самъ отъ банкротства „Братьевъ Хрящовыхъ“, если-бы они почему-нибудь разсудили за лучшее возвратить ему его деньги, въ такомъ случаѣ онъ спокойно понюхивалъ-бы свой табакъ и равнодушно говорилъ, поглаживая собаку:

— Что-жь! Несчастье со всякимъ случается, батюшка мой... Отъ несчастья не убережешься... Да вѣдь опять, — надо правду говорить, — на то *они* и шли, когда отдавали свои деньги Богъ знаетъ кому... Вотъ я такъ никогда ни копѣйки не повѣрилъ-бы въ такія руки...

Плохъ, совсѣмъ плохъ старикъ! Плоха и подруга его, у которой окончательно отнялись ноги. Каждый день посѣщаетъ ее какой-то дряхлый докторъ, который до того слабъ глазами, до того туго на ухо, что смерть, подбирающаяся къ его пациентамъ, конечно, совершенно безбоязненно можетъ хототать надъ нимъ и показывать ему языкъ. Каждый день прописываетъ этотъ почтенный старичокъ новыя рецепты и „драгоценное душевное спокойствіе“, что, впрочемъ, нисколько не иѣшаетъ больной попрежнему злиться, попрежнему мучить прислугу и мужа и громко обвинять свою падчерицу въ томъ, что „эта дѣвка отравила ее“... Отравила! Я нисколько не сомнѣваюсь, что если-бы возможно

было отравить словомъ, взглядомъ, мыслью, то Софья Михайловна давно, давно была-бы свободна; но отравить растительнымъ или минеральнымъ ядомъ, поднести отраву въ питьѣ или пищѣ... нѣтъ, нѣтъ, старуха или совсѣмъ вышла изъ ума, или никогда не знала свою злую, но трусливую, мстительную, но осторожную падчерицу. Отравила! Конечно, нѣсколько десятковъ лѣтъ, каждый день, каждый часъ, всѣ они отравляли другъ другу жизнь, отравляютъ ее теперь и будутъ отравлять до тѣхъ поръ, пока всепримиряющая смерть не разниметъ ихъ, но обвинять въ этомъ другъ друга, право, не слѣдуетъ, ибо они квиты.

Да, подожди немного, не робѣй, Плясунъ! Мнѣ сдается, не за горами уже то время, когда ты поведешь къ вѣнцу свою „пышную царицу“, близокъ уже тотъ часъ, когда ты положишь въ карманъ ключъ отъ ея шкатулки... И тогда широкая, торная дорога разстелется передъ тобою, ибо ты практиченъ, гибокъ и быстро пойдешь все дальше въ гору, все дальше по пути пріобрѣтенія новыхъ богатствъ, почета, вліянія... О, шутъ! не раздави когда-нибудь и меня тяжелыми колесами твоей побѣдной колесницы!..

IX.

И опять это нескончаемое „круженіе вокругъ столба“! Опять эти безконечныя препирательства, споры, разсужденія! „Что дѣлать? Какъ дѣлать? Стоитъ-ли что-нибудь дѣлать? Не лучше-ли каждому сидѣть подъ своею смоковницею? Это стыдно! Нѣтъ, нисколько не стыдно!“ Много горячности и жару, отъ которыхъ только разболѣвается голова... Много убѣдительности и краснорѣчія... Нѣтъ, право, я, кажется, возненавижу тѣхъ людей, которые могутъ говорить долго и краснорѣчиво... Право, я, кажется, возненавижу Дѣдова за его мефистофелевскій плащъ, подъ которымъ скрывается не больше, какъ халатъ, спокойный, мягкій халатъ, подпоясанный шелковымъ снуркомъ.

— Ну, пусть будетъ такъ, флегматично и, какъ мнѣ показалось, нѣсколько въ носъ говорилъ Евгеній Николаичъ,

обращаясь къ доктору С. — Вы не можете ночи провести спокойно, безъ того, чтобы васъ не разбудили и не позвали къ какому-нибудь больному... Вы никогда не можете пообѣдать во-время, у васъ рѣдко выдается минута свободная, вы всегда и во всякое время или принимаете у себя на квартирѣ, или сами бродите по чердакамъ, подваламъ и мастерскимъ... Прекрасно, я согласенъ... Но, во-первыхъ, на долго-ли васъ хватитъ при такомъ образѣ жизни? Во-вторыхъ, не походитъ-ли ваша дѣятельность на заливанье большого пожара маленькой чайной чашкой? Не замѣчаете-ли вы сами, что сегодня вы вылечиваете какого-нибудь бѣдняка, а завтра онъ опять заболѣваетъ, потому что бѣденъ, живетъ въ грязи, ѣсть Богъ знаетъ что...

— Ну, положимъ, доказывалъ онъ потомъ Вѣрѣ Николаевнѣ и Александрѣ Яковлевнѣ, — вы дадите порядочное образованіе этимъ дѣвочкамъ, подобраннымъ вами съ улицы. Положимъ, онѣ выйдутъ изъ вашей школы честными, хорошими женщинами. Но онѣ выйдутъ потомъ все на ту-же улицу, съ которой вы взяли ихъ прежде, выйдутъ все на тотъ-же рынокъ труда и житейской суеты, на который выходятъ и другіе... А тамъ, на этомъ рынкѣ, имъ предложить такую цѣну, при которой почти нѣтъ никакой возможности существовать самостоятельно... Что-же будетъ дальше?

О, Господи! Я хорошо знаю, что Евгеній Николаичъ самъ зналъ цѣну этимъ высказываемымъ имъ истинамъ; я хорошо знаю, что онъ самъ не хуже другихъ могъ бы разбить ихъ и насмѣяться надъ ними; я прекрасно понимаю, что онъ говорилъ это единственно потому, что ему хотѣлось поддразнить и доктора, и Вѣру Николаевну, и всѣхъ,—потому что „нужно же о чемъ-нибудь разговаривать“, нужно „какъ-нибудь провести вечеръ“, но это-то именно и бѣситъ меня. Эта-та необходимость „убиванія“ вечера, это-то бесплодное поддразниванье и выводить меня изъ себя, возмущаетъ меня...

О, Вѣра Николаевна! Она до сихъ поръ не снимаетъ еще своего черного, траурнаго платья и я не удивлюсь, если никогда не сниметъ его. Она блѣдна, худа, задумчива, молчалива, и это я понимаю, но для меня непонятно то, что сегодня она какъ-то странно тревожна, раздражительна, вздрагиваетъ при всякомъ не-

ожиданномъ крикъ ночной птицы, лаъ собаки, при всякомъ шумѣ, какой долетитъ въ растворенныя окна изъ сада... Какъ дружески журила она меня и за мою долгую „простуду“, и за мою хандру, и за мое бездѣйствіе! Какъ задрожала ея голосъ, когда она спросила меня: „а что сказалъ-бы Елизаръ, если-бы онъ увидѣлъ, что съ вами сталося?“ Да, да, мнѣ тоже очень интересно, что сказалъ-бы Елизаръ, если-бы онъ былъ среди насъ въ этотъ вечеръ...

Я ушелъ отъ нея очень поздно, когда уже и докторъ, и Дѣдовъ уѣхали вмѣстѣ въ городъ. Я тихо побрелъ около рѣшетки сада, направляясь къ рѣкѣ, гдѣ оставилъ свою лодку, на которой приплылъ изъ города. Ночь была такая теплая, славная, темная; какъ горы громоздились на небѣ неподвижныя, черныя тучки; какъ въ пропасть мерцали кое-гдѣ между ними рѣдкія звѣздочки; горѣлъ вдалекѣ, за рѣкою, рыбацкій костеръ; сверкала на горизонтѣ зарница, а соловей гремялъ и заливался въ чащѣ сада... Тамъ, недалеко отъ рѣшетки, стоятъ два старыя дуба съ поломанными грозомъ вершинами. Я остановился подъ этими старыми великанами, заслушавшись соловья, потомъ прилегъ на мягкую траву и лежалъ долго, долго. Вспомнился мнѣ тотъ вечеръ, когда я провожалъ къ этому самому мѣсту Елизара, рѣшившагося „покончить“ съ своей любовью и съ своей семейной драмой; вспомнился мнѣ самъ онъ, мой дорогой, наше дѣтство, наша юность, дружно прожитая тамъ, далеко, въ негостепріимной и сырой столицѣ, вспомнилось все, что пережили мы вмѣстѣ съ нимъ. Какъ живой, возсталъ онъ предо мной, и грустно мнѣ было, но какое-то хорошее, свѣжее, бодрое чувство пробудила во мнѣ даже тѣнь этого человѣка. Мнѣ стало стыдно своей хандры, когда я вспоминалъ о немъ, никогда нескладывавшемъ рукъ, вѣчно, неутомимомъ работникѣ. Мнѣ стало совѣстно за свою жизнь, когда я вспомнилъ его свѣтлую, трудовую, честно-пройденную житейскую дорогу...

Мнѣ, какъ сквозь сонъ, слышалось всплескиванье веселья внизу, на рѣкѣ... Потомъ я ясно слышалъ шаги: кто-то поднимался отъ рѣки по направленію къ саду... Все ближе, ближе... Вотъ выступила изъ мрака, шагахъ во ста отъ меня, высокая человѣческая фигура... Еще ближе, еще яснѣе... Это его строй-

ная, гибкая, сильная фигура, это его походка, его задумчиво склоненная голова, его манера закладывать при ходьбѣ правую руку за бортъ сюртука, пальто, или за ремень! Это онъ былъ или, лучше сказать, его тѣнь, его призракъ! Когда я вскочилъ на ноги, онъ точно исчезъ съвозъ землю или пропалъ въ туманѣ, поднимавшемся отъ рѣки. Все было тихо, сонно, пустынно...

Это скверно однако, если моя тяжкая и долгая „простуда“ оставила во мнѣ расположеніе видѣть знакомыхъ людей тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ чистаго воздуха или легкаго тумана, — слышать знакомые шаги тамъ, гдѣ другіе слышатъ только журчанье ручья и шопотъ дремлющихъ листьевъ... Скверно, скверно!

Х.

И на этотъ разъ еще рѣшительнѣе прежняго покачиваютъ головами и подшучиваютъ они, мои добрые друзья... И на этотъ разъ, какъ они увѣряютъ, мои собственные, зоркіе, здоровые глаза подшутили надо мною, мои собственные чуткія уши сыграли со мною злую, презлую шутку.

— Я не говорю, чтобы вы ничего не видѣли и не слышали, говоритъ докторъ С.;—но вы видѣли то, чего на самомъ дѣлѣ не было, вы слышали то, чего нѣтъ другой, случившіяся рядомъ съ вами, не услышалъ-бы...

Я могу, сколько мнѣ угодно, выставять имъ на видъ, что въ этотъ разъ не была вокругъ меня темная ночь, не клубился туманъ, что я не „дремалъ“, какъ они выражаются, но стоялъ бѣлый день, сіяло солнце.

— Это ровно ничего не значить, упорно твердилъ Дѣдовъ.

— Вы сами знаете, что это рѣшительно ничего не значить „въ подобныхъ случаяхъ“, подтверждаетъ докторъ С., и оба они выказывали большое юмористическое участіе къ моимъ разстроеннымъ нервамъ, оба они соглашались, что мнѣ слѣдуетъ избѣгать „простуды“ и оба они, я полагаю, были-бы не прочь посадить меня въ больницу и серьезно заняться восстановленіемъ моего здоровья.

Я не утверждаю ничего положительно. Я *могъ* ошибиться, но

изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что я непременно *ошибся*. Можетъ быть, *да*, а, можетъ быть, и *нѣтъ*... Я колеблюсь на ту и на другую сторону, какъ этотъ маятникъ; я не знаю ничего, рѣшительно ничего. Я знаю только то, что у меня горитъ лицо, кружится голова, сильно бьется сердце, когда я думаю объ этихъ „призракахъ“, объ этихъ „видѣнiяхъ“... Я знаю только то, что эти призраки пробуждаютъ во мнѣ тысячи подозрѣнiй, догадокъ, воспоминанiй,—такихъ воспоминанiй, что, право, для меня нѣтъ ничего удивительнаго, если „призракъ“ постучится когда-нибудь ко мнѣ въ окно, войдетъ въ комнату и крѣпко пожметъ мнѣ руку и будетъ пить мое вино...

Да, горитъ лицо, сильно бьется сердце!

Я не сводилъ глазъ съ Вѣры Николаевны, когда ей рассказывалъ объ этихъ „призракахъ“; я весь превратился въ слухъ, ожидая, что она скажетъ. Дѣйствительно она измѣнилась въ лицѣ, поблѣднѣла, потомъ вспыхнула,—но это, разумѣется, ровно ничего мнѣ не объяснило. Дѣйствительно, голосъ ея едва былъ слышенъ, когда она сказала „странное видѣнiе!“ послѣдно ушла въ другую комнату,—но и это нисколько не измѣняетъ положенiя моихъ вѣсовъ. Они точно также не склоняются ни на ту, ни на другую сторону. Какъ *до* свиданiя съ нею, такъ и *послѣ* него я не знаю ничего, рѣшительно ничего, не утверждаю, что *да*, но и не согласенъ, что *нѣтъ*...

XI.

Нѣтъ, пусть это призракъ, я согласенъ, я не спорю больше; но онъ преслѣдуетъ меня, онъ какъ живой стоитъ передо мною, онъ смотритъ на меня своими ясными глазами, онъ говоритъ мнѣ о нашихъ былыхъ, юношескихъ мечтанiяхъ и стремленiяхъ... И, когда я слушаю его, во мнѣ опять просыпается моя юношеская вѣра, моя юношеская сила... Когда я вспоминаю о немъ, мнѣ становится невыносимо душно въ этомъ крошечномъ мiркѣ скуки и сплетень, шутовъ и грязи... Я охотно ухожу въ подвалы и лачуги моихъ бывшихъ учениковъ; я по цѣлымъ днямъ посиживаю тамъ, и съ удовольствiемъ смотрю, какъ съ утра до ночи кипитъ работа; тамъ жизнь, какъ она ни тяжела и грязна, но

это жизнь труда — настоящая жизнь; тамъ люди — такіе-же люди, но они не приводятъ меня въ негодованіе... Мнѣ пріятно видѣть, что они всегда рады моему появленію; мнѣ легче дышется, когда я замѣчаю, что могу быть имъ многимъ, многимъ полезенъ; жизнь свѣтлѣе кажется, когда человѣкъ видитъ, что онъ нуженъ, что онъ многое можетъ сдѣлать.

Вчера ко мнѣ пришли два брата—рыбаки и просили меня „внучить“ ихъ, и обѣщали мнѣ „всячески“ заслужить... А сегодня ко мнѣ явились еще болѣе темные люди—„посоветовать“ся“, что дѣлать имъ съ ихъ новымъ, безпутнымъ хозяиномъ, мѣсяць отъ мѣсяца рассчитывающимся съ ними все хуже и неакуратнѣе, такъ что, наконецъ, „совсѣмъ житья не стало“...

И опять жизнь, я чувствую, во мнѣ просыпается... И опять вѣрится въ будущее и въ свои собственныя силы...

Н. Важинъ.

СЪ НАТУРЫ.

(Посв. М. С. Голубовской.)

Скрылся день лѣтній за дальней горою
И, потухая, алмазной нгрою
Въ зеркаль сонной рѣки отразился;
Ночь приближалась и міръ погрузился
Въ сумракъ таинственный, полный пролады,
Въ небѣ затеплись звѣздъ мириады.
Скоро все смолкло, лишь слышались гдѣ-то
Крики совы, ненавистницы свѣта...
На колокольѣ часы прозвучали
Ровно двѣнадцать. Пора и ложиться,
Тѣлу дать отдыхъ, душой освѣжиться;
Жаль, что не всѣхъ только сонъ посѣщаетъ...
Слабо подвальный этажъ освѣщаетъ
Тусклый ночникъ. Передъ образомъ старымъ,
Въ темномъ углу, съ увлеченіемъ, съ жаромъ,
Молится женщина, тихо рыдая,
Съ личиномъ кроткимъ, еще молодая;
Впалая грудь, исхудалыя руки,
Взглядъ ея, полный отчаянья, муки, —
Все это намъ выражаетъ такъ ясно,
Какъ ея доля тяжка и ужасна,
Смолкли рыданья, бѣдняжка забылась
Въ сладкой молитвѣ и вѣрно не слышитъ,
Какъ тяжело и прерывисто дышетъ,
Въ тряпки завернутый, вмѣсто пеленокъ,
Еле-живой, ея первый ребенокъ...
Стонетъ и мечется мужъ ея пьяный—
Ноютъ, болятъ его страшныя раны,
Жажда томить... Наконецъ его стоны
Будятъ жену. Отошла отъ иконы
Бѣдная женщина, съ смутной надеждой...
Мужа прикрыла послѣдней одеждой,

Пить подала. И на сына малютку
 Ей захотѣлось взглянуть на минутку,
 Но не успѣла взглянуть—обомлѣла:
 Въ люлькѣ лежало ужь мертвое тѣло.
 Мать отшатнулась:—Ни стона, ни звука...
 Мигомъ исчезла съ лица ея мука,
 Смѣнившись зловѣщей улыбкою... Тупо,
 Въ тусклыя очи холоднаго трупа,
 Мать злополучная долго смотрѣла,
 Ручки дитятѣ усоншему грѣла
 Жаркимъ дыханьемъ и что-то шептала...
 Вдругъ хохотать, она, бѣдная, стала,—
 Хохоть безумной былъ слышенъ далеко,
 Но почивалъ безмятежно глубоко
 Городъ большой... А на всю эту драму
 Мѣсяцъ глядѣлъ чрезъ оконную раму
 И озарялъ только лучъ его блѣдный
 Лица худыя семьи этой бѣдной!..

Петръ Выковъ.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ Фр. Шпильгагена.

XXV.

Переѣздъ на островъ продолжался сегодня какъ-то необыкновенно долго.

Сильный вѣтеръ переѣнилъ направленіе и дулъ какъ разъ напротивъ; пароходъ былъ биткомъ нагруженъ людьми и лошадьми, нужно было лавировать съ удвоенною осторожностью. Разговоръ между пассажирами-помѣщиками, фермерами и другимъ подобнымъ людомъ съ разныхъ сторонъ острова—почти исключительно сосредоточился на скачкахъ, которыя должны были начаться чрезъ нѣсколько дней. Говорили, что это будетъ такое блестящее лошадиное состязаніе, какого еще свѣтъ не видывалъ. Тутъ будутъ ретивые скакуны не только изъ Силезіи, но даже изъ Венгріи, и князь Прора будетъ сильно жалѣть, если не приметъ съ своими лошадьми участія въ этомъ торжествѣ. Главный призъ, говорятъ, увеличенъ на цѣлую тысячу талеровъ. Но самую важную часть состязанія все-таки будетъ составлять состязаніе въ наѣздничествѣ между господами помѣщиками. Сначала думали было, что изъ двадцати четырехъ скакуновъ, о которыхъ было объявлено, не явится и трехъ на скаковую арену, такъ какъ уже къ маю шесть соперниковъ заплатили обычную неустойку, испугавшись брандовскаго Браунлокка; но теперь всѣ какъ будто раздумали и желали скакать на пропалюю: всѣмъ извѣстно было, что тяжелому Браунлокку болото придется весьма не по сердцу,—слѣдо-

вательно, его нужно будетъ погнать въ объѣздъ, слѣдовательно, онъ отстанетъ. Далѣе за болотомъ было только одно, да и то незначительное препятствіе, а на открытомъ мѣстѣ и другіе скакуны могли отлично поспорить съ знаменитымъ Браунловкомъ...

Такъ вотъ о чемъ съ такимъ жаромъ трактовали между собою пассажиры, собираясь тамъ и сямъ бучками, тогда какъ дождь и разлетающаяся брызгами вода кропили ихъ дюжія, молодецкія плечи. Готтгольдъ сталъ шарить въ карманѣ полученное письмо.

— Гмъ, Браунловкъ не справится съ болотомъ, Брандовъ самъ это сказалъ и, вѣроятно, сказалъ это не для того только, чтобы подзадорить, вызвать на состязаніе другихъ своихъ соперниковъ, какъ это замѣтилъ одинъ изъ пассажировъ...

Наконецъ-то, пароходъ присталъ къ берегу. Готтгольдъ поспѣшилъ въ заѣзжій дворъ, чтобы нанять экипажъ въ Прору. Но три коляски Петерса были уже въ разгонѣ,—одинъ экипажъ долженъ былъ скоро вернуться, ему пора уже быть давно на мѣстѣ. Бучера-то, говорить, все такіе, что не на кого положиться,—вотъ былъ одинъ только совершенно надежный человекъ Іоханъ Пребровъ, да и тому вдругъ охота пришла жениться. Онъ тоже изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ былъ, изъ Доллана... то-есть не изъ самой деревни, а изъ кузницы, возлѣ которой недавно несчастье случилось,—слыхали, можетъ быть?..

— Ахъ, да никакъ это вы сами и есть! вдругъ закричалъ Петерсъ,—какъ-же это я... да и то правда, что узнать васъ трудненько... Еще блѣднѣе, да слабѣе стали, чѣмъ три недѣли назадъ, когда проѣзжали здѣсь съ ассесоромъ и г. Волльновымъ... А я вотъ еще недавно... можетъ, и двухъ часовъ не будетъ... говорилъ объ этой самой исторіи съ г. Брандовымъ... Жалко, что вы не поспѣли на тотъ пароходъ, что въ двѣнадцать часовъ отходить,—цоѣхали-бы дальше съ г. Брандовымъ... онъ вѣдь отсюда всегда ѣдетъ домой на собственныхъ лошадахъ... А о Генрихѣ Шелѣ—ни слуху, ни духу... навѣрное, давно уже отплылъ, мошенникъ эдакій, въ Америку...

Петерсъ долженъ былъ хлопотать возлѣ другихъ гостей, большою гурьбою наполнявшихъ сегодня довольно просторную комнату. Нѣкоторые любопытные взгляды посматривали и на Готтгольда—вѣрно, Петерсъ уже успѣлъ отрекомендовать имъ въ молодомъ пассажирѣ одного изъ героев плачевной исторіи на долланскомъ

спускъ, о которой ужь столько было толковъ, особенно теперь, когда публика такъ сильно интересовалась Брандовннмъ. Готтгольдъ вышелъ изъ закоптѣлой отъ табачнаго дыму комнаты и долго бродилъ безъ цѣли подъ мелко-моросившимъ дождевомъ, пока, наконецъ, спустя часъ самого лихорадочнаго ожиданія, пріѣхала обѣщанная коляска—весьма старенькая и неособенно изящная, но въ нее, къ счастью, оказалось возможнымъ запречь пару свѣжихъ лошадей. Петерсъ вышелъ пожелать Готтгольду счастливаго пути и сказать ему, что за обыкновенную цѣну, въ такое горячее время, отпустить экипажъ никакъ невозможно. Готтгольдъ согласился на требуемую прибавку, даль-бы Богъ знаетъ что, лишь-бы поскорѣ ѣхать.

— Гмъ, я сейчасъ-же смекнулъ, въ чемъ дѣло! объяснялъ Петерсъ своей публикѣ:—часа за два Брандовъ проѣхалъ, а теперь этотъ... все Генриха Шеля поймать хотятъ...

— Вотъ еще, что выдумалъ! отозвался какой-то фермеръ,—тотъ давно уже за море махнулъ...

— А, можетъ, еще и руки на себя наложилъ, догадывался другой.

— Или другіе съ этого свѣта спровадили! проворчалъ третій.

Ну, и пошли новые толки. Стоустая молва еще не успѣла принять никакой опредѣленной формы, но въ публикѣ вообще составилось уже мнѣніе, что не одинъ Генрихъ Шель воспользовался плодами преступленія, но что и другіе знатно его надули. Въ обществѣ никто не могъ или не хотѣлъ назвать никакого имени, напротивъ, дѣло становилось темнѣе и загадочнѣе, чѣмъ больше о немъ болтали и чѣмъ усерднѣе выпивалась крѣпительная зеленоватая влага изъ маленькихъ, толстыхъ стаканчиковъ. Петерсъ плотоядно заглядывалъ въ развеселую комнату. Кто первый изъ бесѣдовавшихъ потребуетъ кружку его знаменитаго глнтвейна—это, конечно, могло быть спорнымъ вопросомъ, но что крикъ этотъ непремѣнно раздастся втеченіи слѣдующихъ пяти минутъ, за это Петерсъ могъ поручиться своей опытной головою и потому уже подалъ своей дочери, стоявшей у очага, надлежащій знакъ чрезъ маленькое окошко, выходившее въ кухню.

Между тѣмъ Готтгольдъ ѣхалъ и ѣхалъ. Мелкій дождикъ окуталъ весь ландшафтъ сѣрватою, мутною завѣсою, слущавшеюся болѣе и болѣе съ каждымъ часомъ. Сквозь прорѣхи застег-

нутаго съ одной стороны кожанаго фартуха посвистывалъ вѣтеръ. Вѣтхая коляска трещала и будто охала каждый разъ, когда колеса справа или слѣва попадали въ глубоко-прорытую колею, что случалось нерѣдко. Но лошади были добрыя и кучеру было обѣщано на водку. Экипажъ, слѣдовательно, подвигался довольно скоро, хотя, разумѣется, и не такъ скоро, какъ было-бы желательно горячечному нетерпѣннѣ Готтгольда.

А между тѣмъ, онъ самъ долженъ былъ внутренно сознаться, что въ цѣли его поѣздки не было ничего срочнаго, что однимъ часомъ болѣе или менѣе ровно ничего не значило и даже, что одинъ лишній часъ могъ ему весьма пригодиться—дать ему время придти къ какому-нибудь опредѣленному плану. И, раздумывая обо всемъ этомъ, Готтгольдъ все-таки высовывался изъ коляски и кричалъ кучеру, что здѣсь дорога ровнѣе стала и что онъ послѣ выспится...

Потомъ Готтгольдъ опять завалился въ уголь своего вѣтхаго, тѣснаго футляра, вынулъ изъ кармана письмо Волльнова и опять заглянулъ въ него широко-раскрытыми глазами, будто не вѣря, чтобы можно было написать все это такою твердою рукою, такими отчетливыми, ровно выведенными строчками.

„Сегодня, уважаемый другъ мой, я долженъ повѣствовать вамъ о такихъ скверныхъ вещахъ, что ихъ не сдѣлаешь лучше никакимъ предисловіемъ. Итакъ, безъ всякихъ предисловій: ваше паденіе стремглавъ, на долланскомъ спускѣ, вовсе не было отвратительной случайностью, но дѣломъ злоумышленнымъ, моральный виновникъ котораго Брандовъ! Во-вторыхъ, деньги были украдены. Моральный виновникъ этого воровства, которое сильно смахиваетъ на открытый разбой,—опять-таки Брандовъ. Онъ, по всей вѣроятности, присутствовалъ лично при совершеніи этого подвига или явился туда непосредственно послѣ того, какъ дѣло было обдѣлано. Во всякомъ случаѣ, похищенное попало въ его руки. Спрашивается теперь, не составляли-ли оба преступленія одного общаго плана,—въ томъ смыслѣ, что первое нужно было совершить, чтобы было возможно второе... т. е. не было-ли второе совершено уже послѣ, когда было покончено съ первымъ?.. Этого я не знаю, да едва-ли знаетъ кто-нибудь, такъ какъ нужно опасаться, что слѣдствіемъ этихъ двухъ преступленій было третье, не менѣе ужасное...

„Вы спросите, кто открылъ мнѣ всѣ эти ужасы? Да все тотъ-же, кто такъ часто подкарауливаетъ преступленія, — случай...

„И ужъ правда, трудно себѣ представить чтонибудь случайнѣе этого случая...

„Дѣло въ томъ, что деньги въ пакетѣ состояли изъ банковыхъ билетовъ въ сто, пятьдесятъ и двадцать пять талеровъ. Какъ вамъ извѣстно, я пересчиталъ и сложилъ ихъ собственноручно. Само собою разумѣется, это-бы еще не дало мнѣ возможности узнать тотъ или другой изъ моихъ билетовъ, если-бы, какъ-нибудь случайно, онъ опять попалъ въ мои руки. Но въ одномъ изъ нихъ я, дѣйствительно, привѣтствовалъ стараго знакомаго. Бумажка эта опять находится въ моихъ рукахъ, и я могу указать, по чьимъ карманамъ она гуляла въ послѣднее время.

„Десять лѣтъ тому назадъ, мнѣ пришлось выдать кому-то этотъ билетъ въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ, — это были послѣднія мои деньги въ ту минуту. И вотъ, въ порывѣ какого-то особеннаго юмористическаго настроенія, я намѣтилъ этотъ билетъ словами „счастливаго пути“, съ обозначеніемъ числа. Все это было написано крошечными, почти микроскопическими буквами на оборотѣ билета, сверху въ правомъ углу. Четыре года тому назадъ билетъ опять вернулся въ мою кассу. Я встрѣтилъ стараго друга словами „добро пожаловать“ и опять, вмѣстѣ съ числомъ, вписалъ ихъ въ верхнемъ лѣвомъ углу, на оборотѣ. Въ моей кассѣ онъ занялъ почетное мѣсто, какъ нѣчто завѣтное, и пролежалъ тамъ въ невозмутимомъ спокойствіи довольно долго. Но съ мѣсяцъ тому назадъ, — вы помните, что наличный капиталъ у меня тогда нѣсколько поистощился, — дѣлать нечего, въ видѣ наказанія за свои суевѣрныя привычки, я присоединилъ къ другимъ билетамъ и этотъ — завѣтный...

„На слѣдующій день послѣ катастрофы г. Редебасъ получилъ этотъ самый билетъ, — тождество его я могу подтвердить хоть-бы присягою, — отъ Брандова, какъ часть своего выигрыша. Не удостоивъ билетъ никакого вниманія, г. Редебасъ заперъ его въ своей конторѣ и держалъ тамъ до вчерашняго дня, когда пришлось расплачиваться со мною. Тутъ-то, между другими билетами, очутился и мой завѣтный. Не распространяясь съ г. Редебасомъ насчетъ всѣхъ этихъ интересныхъ случайностей, я просто спросилъ его, точно-ли онъ увѣренъ, что получилъ эти деньги отъ Бран-

дова. Тотъ выпучилъ на меня удивленные глаза, но отвѣчалъ со всевозможной твердостью, что онъ готовъ подтвердить это даже клятвенно.

„Брандовъ тамъ и сямъ умышленно распускалъ слухъ, будто тѣ самыя пять тысячъ, которыми онъ около полудня расплатился съ господиномъ Редebasомъ, были получены имъ еще утромъ отъ здѣшняго хлѣбнаго барышника Якоба Демминера—въ счетъ семи тысячъ талеровъ, за которые онъ продалъ ему пшеницу. Все это съ перваго взгляда не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, и такъ какъ Якобъ Демминеръ пользуется репутаціей человѣка, жадно хватящагося за всякое дѣло, общающее хоть-бы грошовую наживу, то нѣтъ ничего невозможнаго допустить, что Брандовъ получилъ эти деньги дѣйствительно, за свою пшеницу и что эти-же самыя деньги, его кучеръ укралъ ночью у ассессора и потомъ, для большей сохранности, припряталъ ихъ у почтеннѣйшаго Демминера, вѣроятно, не въ первый разъ уже обдѣлывавшаго съ нимъ подобнаго рода дѣлишки. Повторяю, во всемъ этомъ есть, по крайней мѣрѣ, тѣнь правдоподобія,—такъ какъ вѣдь мы не знаемъ, гдѣ Генрихъ Шель провелъ остальную часть ночи. Вся исторія, однимъ словомъ, представляется возможною.

„На повѣрку выходитъ, однако, что почтенный Якобъ не только не имѣлъ этого грѣха на своей, впрочемъ, не особенно щекотливой совѣсти, но что между нимъ и Брандовымъ вовсе даже не было той сдѣлки, на которую ссылается Брандовъ. Ояъ, дѣйствительно, въ то утро былъ здѣсь, заглядывалъ также и въ темное, грязенькое подполье, называемое конторою Якоба Демминера. Взялъ даже у него деньги,—но только двѣ тысячи и притомъ за пшеницу будущаго года,—нынѣшняя-то, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, была продана имъ тому-же Якобу. Брандову нужно было продать за что-бы то ни было,—лишь-бы чѣмъ нибудь объяснить появленіе въ своемъ карманѣ денегъ въ такое крутое для него время. Само собою разумѣется, онъ могъ называть какую ему угодно цѣну продажи—въ твердой увѣренности, что почтенный Якобъ не обличитъ во лжи товарища, съ которымъ ему приходилось обдѣлывать такія выгодныя дѣла. Открытію этого маленькаго фокуса помогъ также случай—въ видѣ бѣднаго конторскаго писца-жиденка, проработавшаго уже нѣсколько лѣтъ у Якоба и пользовавшагося его полнымъ довѣріемъ.

Совѣсть-ли стала его вдругъ мучить или ужь не знаю, что съ нимъ приключилось,—только приходитъ несчастный юноша ко мнѣ со слезами раскаянія и убѣдительнѣйшей просьбой вырвать его изъ того грязнаго мѣста.

„Подведемте-же итогъ: въ день катастрофы Брандовъ остается безъ гроша въ карманѣ, на слѣдующій день достаетъ по утру двѣ тысячи, а къ двѣнадцати часамъ уплачиваетъ господину Редebasу сразу всѣ пять тысячъ,—и въ этой пачкѣ попадаетъ тотъ самый билетъ въ сто талеровъ, что такъ загадочно исчезъ съ другими деньгами,—при нашемъ ночномъ приключеніи...

„Исчезъ!! Вы можете, пожалуй, сказать—былъ потерянъ, найденъ и только не возвращенъ по принадлежности.

„Положимъ, но это уже значило-бы—украденъ. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ украденъ, похищенъ гораздо наглѣе и по заранѣе обдуманному плану. Припомните себѣ, что, выѣзжая изъ Доллана, вы могли ощупать денежную пачку въ боковомъ карманѣ ассессора. Въ кузницѣ пачки уже не оказалось на ея прежнемъ мѣстѣ, хотя застегнутое вами самими пальто все еще было застегнуто. Это, разумѣется, не можетъ служить уликою противъ вора, а послѣднее обстоятельство на первый взглядъ говорить даже противъ моего предположенія. Но спрашивается, съ какою стати хитрый и опытный воръ будетъ оставлять одною уликою больше послѣ своей работы?.. Впрочемъ, можно быть очень хитрымъ и все таки не знать, что въ продолженіи всего вечера вы не выпускали пачку изъ виду, а послѣ, застегивая на ассessorѣ куртку и пальто, могли даже ощупать ее пальцами. Защитникъ обвиняемаго, вещь понятная, заподозрить точность этихъ показаній, захочетъ, пожалуй... все это прекрасно, но мы здѣсь не передъ судомъ. Для меня оказывается совершенно несомнѣннымъ слѣдующее: въ минуту паденія ассessorъ имѣлъ деньги при себѣ, потомъ онѣ исчезли,—когда оба Преброва подыали несчастнаго изъ грязи, причемъ Генрихъ Шель стоялъ съ фонаремъ въ рукѣ. Слѣдовательно, деньги были украдены въ этотъ коротенькій промежутокъ времени.

„Но кѣмъ были украдены?

„Безъ сомнѣнія, именно этимъ-же Генрихомъ Шелемъ, но... весьма вѣроятно, также и не однимъ Генрихомъ Шелемъ.

„Могъ-ли Брандовъ находится на мѣстѣ приключенія?

„Разумѣется, онъ старался изо всѣхъ силъ устроить все такъ, какъ будто его тамъ не было,—старался объ этомъ прежде, чѣмъ могутъ притянуть къ допросу. И дѣйствительно, распорядился съ рассчитанной хитростью. Что онъ поѣхалъ черезъ Нейенгофъ, Ланкеницъ и Фашвицъ — это совершенно справедливо. Многие видѣли и слышали, когда онъ проѣзжалъ, какъ угорѣлый, черезъ эти деревни; съ нѣкоторыми встрѣчными обѣялся даже двумя-тремя словами. Если онъ скакалъ безостановочно по всему пути, то, дѣйствительно, не могъ быть на мѣстѣ несчастнаго приключенія. Это положительно невозможно для наилучшаго наѣздника, на самомъ быстромъ конѣ. Но что, если онъ проскакалъ такимъ образомъ не все разстояніе, а началъ только отъ Нейенгофа,—что, если призранный всадникъ, пронесшійся черезъ болото, какъ показалось вашей горячечной фантазій, былъ настоящій, живой человѣкъ и именно никто другой, какъ Карлъ Брандовъ?!

„Это невозможно, скажете вы. Гмъ, что невозможно для подобнаго субъекта, подгоняемаго адскими фуріями и скачущаго на такомъ конѣ, какъ знаменитый брандовскій Браунлоккъ?..

„А Брандовъ въ ту ночь, дѣйствительно, проѣзжалъ на Браунлоккѣ. Слуга въ гостинницѣ готовъ въ этомъ поклясться, потому что видѣлъ знаменитаго скакуна два дня тому назадъ, видѣлъ не ночью, а днемъ,—когда его, этого самаго Браунлокка, отправляли на зундинскія скачки. И когда такой человѣкъ, какъ Брандовъ, не жалѣетъ такого коня, какъ Браунлоккъ,—а конь, дѣйствительно золотой: съ нимъ Брандовъ уже зашибъ большія деньги въ закладахъ,—да, такъ если ему не жаль зарѣзать такого коня, то значить... очень ужъ къ спѣху пришлось!..

„Повторяю вамъ, уважаемый другъ мой, должно быть онъ очень торопился, а иначе едва-ли вы-бы въ живыхъ остались. Щадить васъ они вовсе не желали: не для этого-же, вѣроятно, заставили летѣть васъ съ шестидесяти-футовой вышины, и если этимъ не удалось вышибить душу вонъ изъ тѣла, то можно было покончить и послѣ, какъ-нибудь иначе, если-бъ... если-бъ не такъ ужъ пришлось къ спѣху.

„Впрочемъ, какъ я уже намекнулъ, это останется загадкой и для болѣе мудраго судьи, чѣмъ нашъ почтеннѣйшій юстиціи совѣтникъ фон-Цаденигъ. Одинъ изъ участвовавшихъ въ этомъ

подвигѣ, конечно, никогда не выдастъ тайны, а другой... вѣроятно, и не можетъ уже выдать ее...

„Возвращаясь изъ Б., я встрѣтился съ господиномъ Брандовымъ. Онъ весьма легко могъ узнать отъ моего вучера, что я около часу проговорилъ съ юстиціи совѣтникомъ. Брандовъ маршмаршемъ скачетъ домой. Часъ спустя является туда слѣдственный чиновникъ съ жандармомъ, Генриха Шеля уже не находятъ, хотя всю первую половину дня его видѣли въ деревнѣ, и онъ даже принялъ коня отъ прѣхавшаго назадъ хозяина. Нечего, разумѣется, и говорить, что Брандовъ прилагаетъ самое похвальное усердіе къ отысканію безъ вѣсти пропавшаго, самъ ведетъ розыскы и изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы...

„Впрочемъ, не буду развивать вамъ далѣе это ужасное предположеніе,—единственное во всемъ моемъ настоящемъ разсказѣ. Все остальное—факты, возмутительные факты, которые не могутъ, не должны пройти безнаказанно. Глубоко убѣжденъ, мой уважаемый другъ, что и вы вполне раздѣляете мое мнѣніе, хотя каждая жилка вашего благороднаго сердца должна болѣзненно содрогаться при мысли, что вы, именно вы...

„Послѣ завтра буду съ женою въ Зундинѣ. Тогда и посмотримъ сообща,—не говорю, что намъ дѣлать,—на этотъ счетъ едва-ли можетъ быть какое-нибудь недоумѣніе,—но какъ приняться за дѣло, объ этомъ, дѣйствительно, нужно было-бы хорошенько поразмыслить“.

Готтгольдъ сунулъ письмо въ карманъ и оглянулъ туманный, окропленный мелко моросившимъ дождекомъ ландшафтъ,—но такъ разсѣянно и безсознательно, что и не слышалъ, какъ по другую сторону проѣхалъ какой-то экипажъ,— по пути изъ Проры. До мѣста еще оставалось съ полчаса ѣзды. Нетерпѣливому Готтгольду это время показалось цѣлой вѣчностью. Наконецъ-то, ветхая коляска остановилась передъ домою Волльнова.

XXVI.

— Правда, мнѣ очень, очень не хочется васъ пустить отсюда! ласково смѣялась Оггилія:—мужъ мой вернется непрямѣнно передъ вечеромъ, и не шутя рассердитъ ся на-меня за то, что я позволила

вамъ уѣхать. Да и признайтесь, добрый Готтгольдъ,—вѣдь вы ѣдете безъ всякаго опредѣленнаго плана, безъ твердо обдуманнаго рѣшенія... и еще хотите сѣбѣниться съ такимъ человѣкомъ, какъ Брандовъ... Вѣдь это, право, значило-бы проиграть игру, и не начавъ ея...

Оттилія схватила Готтгольда за обѣ руки, какъ будто жалая оттащить его отъ двери въ комнату.

— Вы правы, совершенно правы! откланивался Готтгольдъ,—однако, есть случай, когда и тотъ, кто не правъ или не можетъ доказать, что онъ, съ своей стороны, правъ... долженъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Я не могу ни засадить Брандова въ исправительный домъ, ни подвести его подъ висѣлицу,—этого я не могу...

— Хоть-бы онъ оставался мужемъ Цециліи, неправда-ли?.. Я полагаю, вы этого и желать не можете...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Нужно, слѣдовательно, подыскать что-нибудь третье...

— То-есть то, что никогда не найдется. Нѣтъ, нѣтъ, милый, добрый Готтгольдъ, вы не разсердитесь, если я скажу вамъ то, что сказалъ-бы и мой мужъ, если-бы онъ былъ здѣсь: берегитесь! Если вы явитесь къ нему, такимъ образомъ, безъ всякой помощи, безъ угрозы суда и наказанія позади васъ, то вы съ нимъ никогда не справитесь. Вы должны были-бы доказать ему, что онъ весь въ вашихъ рукахъ, а теперь до этого еще далеко. Вотъ не-далеко, какъ вчера вечеромъ, мужъ мой сказалъ слѣдующее: „не-премѣнно нужно было-бы устроить очную ставку между нимъ и Генрихомъ Шелемъ; а безъ Шеля ничего нельзя сдѣлать. Но гдѣ онъ теперь, этотъ Шель?.. Можетъ быть, на днѣ одного изъ голландскихъ болотъ“. Нѣтъ, нѣтъ, добрый другъ мой, оставайтесь подалеку отъ этого разбойничьяго гнѣзда!..

— И оставить ее тамъ! съ горечью сказалъ Готтгольдъ.—Я никогда не прощу себѣ уже того, что такъ долго терпѣлъ это, что не употребилъ всѣхъ человѣческихъ усилій, чтобы вырвать ее оттуда... ее и ребенка, потому что только ребенокъ удерживалъ ее тамъ, а онъ... о, онъ навѣрно, продалъ-бы и ребенка, если-бы у меня хватило духу и догадливости предложить ему сходную цѣну... Теперь уже ничего не могу предложить ему... ничего, кромѣ боя на жизнь и на смерть... Но я твердо увѣренъ, — и

онъ самъ хорошо это знаетъ, — что на этотъ разъ не ему придется похвалиться побѣдой... И такъ, извините, сдѣлайте одолженіе, если я щеголяю такъ фразами, когда приличіе было-бы за дѣло вѣзаться... извините и прощайте!..

Оттилія расплакалась.

— Да, да, мой милый, уважаемый другъ! проговорила она, — да, вы должны ѣхать, должны все поставить на карту, если любите Цецилію, а что вы ее любите... Я знаю это не со вчерашняго дня. Мой добрый Эмиль также давно зналъ это и, повѣрьте мнѣ, на вашемъ мѣстѣ онъ не сдѣлалъ-бы иначе, на зло всей своей трезвой логикѣ... Онъ также знаетъ, что такое страстное чувство... да и не имѣлъ-бы противъ него рѣшительно ничего, если-бы... былъ на вашемъ мѣстѣ, двадцати-восьми лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ... Что-же прикажете дѣлать, если я не такъ прелестна и поэтична, какъ была ваша покойная мамаша, да притомъ тридцать лѣтъ тому назадъ меня еще и на свѣтѣ не было — это также, ей-богу, не моя вина!.. Ну, и въ концѣ концовъ, есть супружества и несчастіе нашего... однимъ словомъ, отъ души желаю вамъ въ будущемъ съ Цециліей полного, полного счастья...

Она сердечно обняла и поцѣловала Готтгольда. Потому подошла къ открытому окошку и, не обращая вниманія на дождикъ, хлеставшій ей въ заплаканное лицо, долго махала бѣлымъ платкомъ, когда коляска Готтгольда заковыляла по ухабистой мостовой.

До захода солнца оставалось еще около часу, когда Готтгольдъ выѣхалъ изъ Проры, и лошади бѣжали еще бодро. Передъ наступленіемъ ночи можно было поспѣть въ Долланъ. Онъ часто твердилъ себѣ это мысленно, — потому страннымъ ему показалось, съ какой стати онъ дѣлаетъ этотъ расчетъ. Не все-ли равно, подумалось ему, пріѣдетъ-ли онъ въ Долланъ ночью или за-свѣтло?.. Отвѣта онъ никакого не прибралъ, но, отыскивая его, опять повторилъ: ну, слава Богу, что пріѣду не ночью!.. „Ужъ не начали-ли его мысли безпорядочно путаться?.. Гмъ, это было-бы весьма скверно... его головѣ предстоитъ сегодня еще порядочная работа. „Потомъ пасмурные глаза опять взглянули на грязныя облака, на мокрыя пашни и черныя, недавно вспаханныя поля: „Однако, темнѣетъ скорѣе, чѣмъ я думалъ“, вертѣлось въ головѣ

у Готтгольда и, точно-бы съ этою мыслию неразрывно вязалась другая серьезная дума, Готтгольдъ прибавилъ мысленно: „Я ее тамъ больше не застаю“!

И вотъ эта новая, назойливая мысль стала гоняться за нишъ неотвязчиво: не застаю ее, да и только, — точно-бы ей, когда онъ прїѣдетъ, вздумается спрятаться, и онъ долженъ будетъ отыскивать ее и не найдетъ, потому что будетъ—темно и поздно!..

Не было-ли, впрочемъ, все это только бредомъ усталого человѣка, просидѣвшаго нѣсколько часовъ въ затхлои, тѣсной коляскѣ, и поминутно толкаемаго подъ бока на изрытой, тряской проселочной дорогѣ, — въ этомъ мутномъ, мокрымъ воздухѣ, становившемся мутнѣе и непрогляднѣе съ каждою минутою?.. Или это было предчувствіе чего-то очень, очень страшнаго!.. Генрихъ Шель принялъ отъ своего господина лошадь, когда тотъ домой вернулся, и чрезъ два часа Генрихъ Шель точно съвозъ землю провалился. Теперь господинъ его былъ дома уже, по крайней мѣрѣ, четыре часа... значить, имѣлъ вдвое болѣе времени, чтобы еще кого-нибудь...

Судорожной рукою Готтгольдъ оторвалъ застегнутый съ одной стороны фартукъ; ему показалось, точно онъ задохнется въ слѣдующую-же минуту. А, наконецъ-то! Въ нѣсколькихъ шагахъ впереди была кузница. Можно будетъ распросить кузнеца и его сына, — оба Пребровы люди честные и живутъ такъ близко отъ господской усадьбы. Они, конечно, скажутъ ему, что видѣли ее еще такъ недавно, пожалуй, даже говорили съ нею...

Въ кузницѣ—ни живой души. Кузнечный мѣхъ, надо полагать, былъ въ работѣ еще часа два тому назадъ. Толстый слой золы лежалъ сверху потухшихъ углей. По всему было видно, что отецъ и сынъ—давно уже жившіе въ своей ветхой лачужкѣ одиноко—были прямо отерваны отъ работы. На наковальнѣ еще лежалъ кусокъ желѣза, который они ковали передъ уходомъ изъ дому; щипцы и молоты валялись тутъ-же, на полу, какъ будто только-что были брошены второпяхъ, какъ будто отецъ и сынъ опрометью бросились куда-то въ дверь, оставленную настежь. Кучеръ Готтгольда, съ отчаянія, схватился за волосы: рессора въ его коляскѣ, говоритъ, еле-еле держалась, —здѣсь онъ рассчитывалъ починить ее, потому-что такъ врядъ-ли доѣдешь до мѣста. Готт-

гольдъ приказалъ ему тихонько ѣхать слѣдомъ, а самъ пожелалъ пройтись пѣшкомъ.

Нетерпѣніе рѣшительно брало надъ нимъ верхъ. Эта повинутая хозяевами кузница довела до высшей степени какой-то безотчетный, жуткій страхъ, мучившій его впродолженіи всей дороги. Онъ послѣшилъ внизъ по отлогому спуску, не обращая никакого вниманія на дождь и вѣтеръ, чуть не захватывавшіе ему дыханіе при такомъ бѣшено-ускоренномъ шагѣ. Готтгольдъ идетъ и не спускаетъ глазъ съ ближней холмистой возвышенности, будто нарочно убѣгавшей отъ него, по мѣрѣ того, какъ онъ впередъ подвигался. Потомъ вдругъ останавливается, еле переводя духъ, — останавливается уже на вершинѣ холма; но съ правой стороны по прежнему ничего нельзя различить впереди: надъ болотомъ поднимался густой туманъ, все ближе и ближе, такъ что за этой густой пеленою чуть просвѣчивалъ крутой обрывъ слѣдующаго холма и Готтгольдъ едва могъ узнать мѣсто несчастнаго ночного приключенія. Спустившись внизъ, Готтгольдъ припомнилъ себѣ, что если держаться какъ можно ближе къ краю отлогости, то можно пройти между нею и болотомъ. И вотъ онъ оставилъ подъемъ по лѣвую отъ себя руку.

Но спускаясь все ниже и ниже, онъ далѣе и далѣе уходилъ въ туманъ, грязною, тяжелою массою облежавшій болото или, у крутого холма, разрывавшійся на отдѣльныя полосы, — словно мутные валы моря, разбиваемые сильнымъ вѣтромъ о прибрежные утесы...

И въ то время, какъ слѣва его давила непроницаемая, крутая стѣна, а съ правой стороны, въ густомъ туманѣ, почти не видно было, гдѣ и какъ переступаютъ ноги, мучительный страхъ болѣе и болѣе схватывалъ Готтгольда за сердце. Ему казалось, точно вотъ-вотъ туманная завѣса приподыметя и разоблачитъ нѣчто ужасное... тогда какъ плотная стѣна справа нарочно для того и поставлена, чтобы онъ не убѣжалъ отъ этого ужаснаго!.. Однако, что это, что это?!...

Готтгольдъ остановился, трясаясь всѣмъ тѣломъ и широко раскрытыми отъ ужаса глазами стараясь взглянуть въ тяжелую густоту тумана.

Нѣтъ, ничего не видно, рѣшительно ничего, а между тѣмъ... но это-то ужъ было положительно только игрою его до безумія

запуганнаго воображенія: ему показалось... и съ изумительной отчетливостью показалось... точно-бы четыре или пять какихъ-то призраковъ стоять и розыскиваютъ что-то въ болотѣ длинными шестами... въ самомъ дѣлѣ, что за дикая туманная картина!..

Гмъ, да нѣтъ-же, не туманная картина!!.. Или призраки эти, по крайней мѣрѣ, умѣли говорить по человѣчески... совершенно отчетливыми голосами, хотя словъ онъ и не могъ разобрать, — слышалъ, можетъ быть, только, какъ будто кто-то изъ нихъ проговорилъ: „вотъ тутъ-бы, вотъ въ этомъ мѣстѣ поискать“!..

Нѣтъ, нѣтъ, сомнѣваться болѣе невозможно: теперь Готтгольдъ зналъ, что его такъ мучило...

Въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе, однимъ скачкомъ чрезъ высокую осоку, опоясывавшую въ этомъ мѣстѣ болото за широкимъ, зеленымъ поясомъ, — онъ былъ на страшной трясинѣ. Дерновая настилка опускалась и поднималась подъ его ногами, — онъ этого не замѣчалъ. Вода разбрызгивалась въ стороны изъ-подъ ногъ, — Готтгольдъ ничего не видѣлъ. Взглядомъ онъ, казалось, хотѣлъ пронизать насквозь туманъ въ томъ мѣстѣ, откуда и теперь до него доносились голоса, но уже гораздо явственнѣе и ближе, чѣмъ прежде. Туманная завѣса въ одномъ мѣстѣ разорвалась, опять проглянули прежніе призраки, — шага въ два-три Готтгольдъ былъ возлѣ нихъ.

— Братецъ Бославъ!..

— Стой дальше, дальше, и вы тоже не подходите близко! Насъ здѣсь много... болото не выдержитъ... справлюсь какъ-нибудь и одинъ...

Они отступили назадъ; въ рукѣ у старика былъ длинный шестъ съ желѣзнымъ врюкомъ на концѣ. Нѣсколько разъ онъ осторожно опускалъ его въ воду, образовавшую здѣсь, — между молодымъ камышемъ и травюю, — небольшую, темную лужу. Потомъ вынулъ шестъ назадъ и передалъ его одному изъ товарищей.

— Ничего нѣтъ... Больше и искать-то негдѣ... Назадъ пойдемъ... Оставайтесь позади меня... и ты тоже, Готтгольдъ! Такъ по моимъ слѣдамъ и переступайте...

Старикъ пошелъ впереди, съ ружьемъ на плечѣ, подаваясь равномернымъ, растянутымъ шагомъ охотника; другіе, между которыми былъ и Клаусъ Пребровъ, — братъ Йохена, — съ трудомъ

могли поспѣвать за нимъ. Раза два или три старшій Бославъ останавливался, чтобы опустить шесть въ болото. Но это изслѣдованіе продолжалось очень недолго, и затѣмъ старикъ опять шелъ далѣе и далѣе—въ густой туманъ. Другіе старались не отставать, зная, что имъ бояться нечего, если впереди идетъ Бославъ. И притомъ земля становилась тверже и тверже подъ ихъ ногами. Скоро они опять вернулись къ тому мѣсту, откуда вышли съ часъ тому назадъ. Бославъ подозвалъ Готтгольда къ себѣ поближе.

— Съ какихъ это поръ у васъ?.. спросилъ Готтгольдъ.

— Да еще вчера ночью, съ третьяго часу ея нѣтъ, какъ нѣтъ... Собаки всѣ заливались лаемъ... А я узналъ только три часа тому назадъ...

— Есть-ли какая-нибудь надежда?..

Старикъ пристально сталъ разглядывать туманъ.

— Да вотъ до сихъ поръ не нашли ея, отвѣчалъ онъ, — если-бы и другіе также не нашли, то... можно было-бы еще надѣяться, хотя и трудно допустить, чтобы она, съ ребенкомъ, далеко могла зайти въ такую темную ночь...

— Какъ, съ ребенкомъ... съ Гретхенъ?! вскричалъ Готтгольдъ:— о, въ такомъ случаѣ бояться еще нечего... ради ребенка она не сдѣлаетъ ничего худого...

— Гмъ, худого!! проворчалъ старикъ, — какъ понимать худое... Бываетъ горе и похуже самой смерти...

Готтгольдъ внутренно содрогнулся. Она не хотѣла разстаться съ ребенкомъ; ради ребенка считала долгомъ, считала возможнымъ нести свой тяжелый жизненный крестъ... Но тяжесть стала подъ конецъ невыносимою, и она вынуждена была ее съ себя сбросить. Что-же станетъ съ бѣдненькою Гретхенъ?.. Да, дѣйствительно, есть горе не въ примѣръ хуже и самой смерти...

XXVII.

Къ усадьбѣ они пошли уже скорѣе. Старикъ Бославъ шелъ по-прежнему впереди, то внимательно присматриваясь къ землѣ, то вглядываясь въ вечерніе сумерки. Однако, онъ не говорилъ ни слова, а Готтгольдъ ни о чемъ не спрашивалъ. Еще прежде,

чѣмъ они дошли до усадьбы, онъ успѣлъ разузнать многое изъ отрывочныхъ замѣчаній между своими спутниками, — узналъ, какъ около половины дня разнесся слухъ, что госпожа Брандовъ безъ вѣсти пропала вмѣстѣ съ ребенкомъ еще съ самаго утра, а, можетъ быть, еще со вчерашняго вечера, и какъ тогда сейчасъ-же стали поговаривать, что она рѣшилась на самоубійство. И нельзя было сказать, кто первый распустилъ этотъ слухъ, — всѣ такъ говорили, всѣ въ одинъ голосъ тутъ-же и рѣшили, что нужно послать кого-нибудь къ старому Бославу. Старикъ явился немедленно съ длиннымъ охотничьимъ ружьемъ на плечѣ и раздѣлилъ людей на три отряда: управляющаго Меллера съ однимъ изъ нихъ послалъ въ поле до прибрежнаго лѣса, кузнеца Преброва, тоже призваннаго въ усадьбу, отрядилъ съ другими людьми къ долланскому подъему до горной межи, а самъ съ остальными пошелъ внизъ по тому-же спуску къ болоту. Часа за два передъ возвращеніемъ домой, — туманъ еще не былъ тогда такой непроглядный, хотя Бославъ съ своими зашелъ уже далеко внизъ, — видѣли они, какъ Брандовъ вернулся въ усадьбу, но потомъ очень скоро изъ нея опять выѣхалъ, — и хорошо сдѣлалъ, потому что люди рѣшили между собою — не выпускать убійцу живого. Генриха Шеля, толковали они, положимъ, нисколько не жаль, — онъ такой-же негодяй, какъ и его хозяинъ, но съ госпожею и ея ребенкомъ дѣло было ужъ чересчуръ неладно, хотя всѣ они съ самаго начала думали, что, рано или поздно, это непременно случится.

Да, всѣ такъ думали и пустили случиться такому несчастью!.. Положимъ, они ничего не могли подѣлать, но онъ-то самъ, Готтгольдъ, о чемъ онъ думалъ! Сердце готово было у него разорваться на части отъ стыда и отчаянія!..

Въ усадьбу пришли почти въ одно время съ двумя другими отрядами. И они обыскали, обшарили всю мѣстность, какъ только могли, внимательно, и ничего не нашли, ни малѣйшаго слѣда!.. Что-же теперь оставалось дѣлать?..

Съ розысками на этотъ день было почти совсѣмъ покончено. Туманъ немного разсѣялся, но за то кругомъ уже сильно свечерѣло. Черезъ полчаса, и ужъ никакъ не дальше, какъ черезъ часъ, будетъ совершенно темно. Да и люди уже замѣтно устали, изъ силъ выбились, вѣдь съ половины дня безостановочно про-

шлялись по лѣсамъ и труппамъ, по рытвинамъ и болотамъ. Впрочемъ, они не отказывались обыскать еще далицскій лѣсъ, только-бы имъ позволили наскоро перекусить тѣмъ, что старшій Бославъ велѣлъ принести имъ на ужинъ. Самъ старикъ ничего не ѣлъ, не пилъ. Угрюмо сложивъ на груди руки, онъ прислонился къ одной изъ старыхъ липъ и съ нетерпѣннѣмъ ожидалъ, когда люди управятся съужиномъ и опять помогутъ ему розыскивать несчастную правнучку, послѣднюю въ его родѣ, — розыскивать на днѣ болотистыхъ провалинъ, въ глубинѣ лѣсныхъ овраговъ или гдѣ она, бѣдная, рѣшилась искать смерти вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ.

Готтгольдъ вошелъ въ дождь, чтобы отыскать Мину, — добрую, еще очень молоденькую дѣвочку, часто игравшую съ маленькою Гретхенъ. Дѣвочка эта, казалось, была всегда глубоко предана Цецили. Нельзя-ли разузнать отъ нея чего-нибудь такого, что позволило-бы придти къ какой-нибудь догадкѣ? Готтгольдъ засталъ ее въ кухнѣ, гдѣ она, съ красными, заплаканными глазами, помогала кухаркѣ готовить бутерброды для раздачи прислугѣ. Мина вскрикнула отъ радости, чуть завидѣла Готтгольда, и, выронивъ изъ руки ножъ, побѣжала къ нему на встрѣчу. Готтгольдъ повелъ ее за собою изъ кухни.

Сначала бѣдная дѣвочка отъ слезъ почти не могла выговорить ни слова. Въ послѣднее время, рассказывала она потомъ, — госпожа ея стала еще грустнѣе, чѣмъ обыкновенно: почти ничего не говорила, развѣ ужъ маленькой Гретхенъ скажетъ что-нибудь, да и то самое нужное. Бывало, постоянно держитъ Гретхенъ при себѣ, изъ рукъ даже не выпускаетъ. А вчера вечеромъ ея дома не было, — безъ Гретхенъ куда-то ходила, — приходитъ назадъ уже поздно, да блѣдная такая, усталая, а глазами такъ страшно около себя озирается... А въ постель ни за что не хотѣла ложиться, — въ Нейенгофъ, говорить, нужно сходить, матери ея, говорить, опять хуже стало, такъ придется пробыть тамъ, пожалуй-что, до половины дня. И съ тѣхъ поръ ея нѣтъ, какъ нѣтъ. Рика давно знала это, только побоялась людей въ господскомъ дворѣ, заперлась у себя наверху и молчала, пока самъ господинъ не пріѣхалъ. А онъ, какъ вернулся, сейчасъ-же сталъ Рика ерѣпко бранить, даже бичемъ ударилъ. Рика закричала во

весь голосъ: погодите, говоритъ, будете и вы меня помнить!.. ну, и стала говорить все такое нехорошее, что господинъ взялъ ее съ собою въ карету... А бѣдная, добрая госпожа пѣшкомъ ушла изъ дому—въ такую-то темную ночь!— да еще съ этою несчастной, крошечной Гретхенъ, — вѣдь у ней даже и башмачковъ на ножкахъ не было... заперты были въ шкапу, а ключъ былъ у нея, у Минны, въ карманѣ...

Дѣвочка опять расплакалась. Готтгольдъ сказалъ ей, въ видѣ утѣшенія, слова два-три, но самъ при этомъ долженъ былъ отвернуться, едва снося свое мучительное горе и отчаяніе. Эта плачущая дѣвочка такъ живо напомнила ему лучшіе, солнечные дни, когда онъ просиживалъ въ саду возлѣ Цециліи, тогда какъ Гретхенъ играла между цвѣточными грядками...

Когда онъ вышелъ во дворъ, люди уже справились съ своимъ ужиномъ и были готовы къ маршу. Бузнецъ Пребровъ долженъ былъ обойти лѣсъ съ лѣвой стороны далицкой дороги, управляющій Меллеръ — съ правой. Самъ Бославъ захотѣлъ слѣдовать дорогою. Когда они уже тронулись съ мѣста, во дворъ еле втащилась коляска Готтгольда. Ресора попомалась окончателно, съ одного колеса слетѣла шина. Бославъ спросилъ управляющаго, сохранилась-ли еще старая карета покойнаго господина Венгофа и можно-ли ею воспользоваться. Оказалось, что карету кое-какъ снарядить можно. Старикъ поручилъ заняться этимъ Клаусу Преброву, потомъ приказалъ ему заложить пару свѣжихъ лошадей и ѣхать за ними слѣдомъ. Готтгольдъ поглядѣлъ на старика просительно.

— Буду искать ее, пока не найду! отвѣчалъ Бославъ, поднимая выше на плечо ружейный ремень, — и ужь найду непременно... живую или мертвую!.. Въ обоихъ этихъ случаяхъ экинажъ намъ понадобится.

Подшли къ лѣсу. Отрядъ уже раздѣлился на обѣ стороны и сталъ пробираться черезъ опушку.

— А я на дорогѣ останусь, обратился Бославъ къ Готтгольду, — кажется, еще могу довѣриться моимъ старымъ глазамъ... Теперь я почти не сомнѣваюсь, что она должна была пойти этою дорогою. Здѣсь ей всего скорѣе можно было пройти въ лѣсъ, а тамъ, за лѣсомъ, сейчасъ-же возлѣ... есть большая яма, камень рыхлый ломаютъ... Да, такъ тамъ, еще когда она ребенкомъ

была, утопилась какая-то несчастная, задушившая своего новорожденного...

И, говоря все это, старикъ не переиънялъ своего равномернаго шага. Зоркіе глаза дѣда то внимательно осматривали дорогу, убѣгавшую въ лѣсъ нѣсколькими глубокими рывтинами, то поверхъ деревьевъ и ружья заглядывали въ глухую лѣсную чащу, направо и налево, откуда уже хмурилась темная ночь. Люди въ лѣсу перекинулись между собою, чтобы не разбрестись и не разорвать цѣпи; только по временамъ залаетъ какая-нибудь изъ взятыхъ для обыска собакъ, но потомъ опять все замретъ и стихнетъ. Развѣ лѣсъ пошелеститъ развѣсистыми верхами, отрывая дождевыя капли съ вымокшихъ листьевъ. Отъ времени до времени старикъ оганавливался, прислушивался въ ту и другую сторону и потомъ опять шелъ далѣе, убѣдившись, что спутники его двигались неразрывной цѣпью и нигдѣ не было замѣчено ничего особеннаго.

Такъ добрались они до выхода изъ лѣсу. Стеннѣвая опушка тянулась безконечнымъ поясомъ въ ту и другую сторону, теряясь гдѣ-то въ далекихъ-далекихъ сумеркахъ. Прочіе должны были пробираться медленнѣе между мелкаго, густого полѣся и кустовъ. Старикъ указалъ рукою направо, гдѣ, въ сторонѣ отъ дороги, большое, круглое пятно бѣлѣло посреди темнаго, вспаханнаго поля. То была глинистая яма, почти до краевъ залитая дождевой водою, втеченіи послѣднихъ дней.

Они перешли черезъ дорогу и стали пробираться по рывтинамъ. Старикъ и теперь шелъ впереди, но уже гораздо медленнѣе и низко наклонивъ голову, точно хотѣлъ рассмотреть и допросить каждый тоненькій стебелекъ короткой, мокрой травки. Вдругъ онъ приглядывается неподвижно и кричитъ: нашель, нашель!..

Онъ указалъ внизъ, на влажную землю. Въ томъ мѣстѣ, какъ легко могъ различить и Готтгольдъ, ясно обозначались слѣды ногъ — большій и рядомъ съ нимъ другой — поменьше... Слѣды направлялись отъ дороги, съ которой они только-что сошли, и проходили прямо къ глинистой ямѣ, почти подъ прямымъ угломъ съ ея окраиной. Старый охотникъ и молодой художникъ переглянулись между собою. Они знали, что теперь-то ихъ ждала загадка...

Медленно, осторожно пошли они по направленію слѣдовъ, уходившихъ равномерно все къ ямѣ, къ роковой ямѣ... Старикъ и Готтгольдъ уже видѣли сверху ея, на водѣ, маленькія волнистыя полоски, пригоняемыя сильнымъ вѣтромъ къ обрывистому краю. Еще, можетъ быть, только пятьдесятъ шаговъ—и все рѣшится...

Готтгольдъ не сводилъ глазъ съ зловѣщей воды, какимъ-то мертвымъ блескомъ обозначавшейся въ послѣднемъ, слабомъ свѣтѣ вечера. „Здѣсь, думалось ему,—у этой страшной окраины, стояла она, держа за руку несчастнаго ребенка, и дико глядѣла на эту холодную, мутную воду...“

Старикъ опустилъ одну руку на плечо Готтгольда, а другою указалъ внизъ.

— Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, она подняла маленькую Гретхенъ на руки.

Дѣйствительно, на землѣ оставался только одинъ слѣдъ—болѣе крупный—и слѣдъ этотъ былъ вдавленъ глубже, отчетливѣе. Пять шаговъ, десять, пятнадцать...

— Стой!

Вмѣстѣ съ этимъ крикомъ старикъ махнулъ рукою назадъ и опустился на колѣни. Слѣдъ былъ растоптанъ, точно-бы она въ нерѣшимости сдѣлала шага два впередъ и назадъ. Далѣе слѣдъ шелъ опять отчетливѣе, но уже параллельно съ окраиной ямы, потомъ повернулъ назадъ къ дорогѣ и продолжался до глубокой рывины, отъ остраго края которой отвалился комъ мокраго дерна, когда она, съ ребенкомъ на рукахъ, переступила черезъ дорогу.

Готтгольдъ и Бославъ опять стали на этой дорогѣ. Молодому художнику казалось, точно земля готова подъ нимъ провалиться. Онъ бросается на шею старику. Бославъ долго, долго держитъ его въ объятіяхъ.

— Есть еще надежда, милый, добрый... А только искать будемъ, еще не все кончено!..

— Я все перенесу, на все рѣшусь, лишь-бы... надежда была! простоналъ Готтгольдъ, высвобождаясь изъ рукъ старика.

Вотъ ужъ стали собираться изъ лѣсу то въ одиночку, то парно, и другіе—все къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ старикъ съ Готтгольдомъ. Они ровно ничего не нашли. Управляющій Меллеръ спросилъ, не порытыя-ли имъ въ ямѣ. Сегодня-то другого уже ничего не остается дѣлать—темно, да и люди устали.

— А впрочемъ, если господину Венгофу угодно, добавиль онъ, — что-жъ, мы рады стараться, — такъ-ли я говорю, друзья мои?..

— Да, извѣстно, искать будемъ, если нужно! всю гурьбою отвѣчали другіе.

— Благодарю, душевно благодарю васъ! отозвался Бославъ, — но больше вы, въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ не можете пособить. Дальше я отправляюсь одинъ вотъ съ этимъ господиномъ, когда Блаусъ Пребровъ экипажъ намъ привезетъ... теперь я надѣюсь найти мою правнучку еще на этомъ свѣтѣ...

Голосъ старика дрожалъ, когда онъ договаривалъ послѣднія слова. Товарищи поглядѣли на него съ удивленіемъ.

— Да, да, мою правнучку! повторилъ старикъ, но голосъ его уже отдавался твердо, какимъ-то особенно глубокимъ, торжественнымъ тономъ, — потому что она правнучка моя и Ульрики, жены Адольфа Венгофа... Вы, добрые мои, такъ вѣрно помогали мнѣ вчера, что... невольно хочется открыть вамъ всю правду... Да и на свѣтѣ уже никого нѣтъ, кому-бы отъ этого худо было, а вамъ всѣмъ можетъ быть только хорошо... вы узнаете, что рано или поздно, а придется говорить правду, хоть проживши, по-моему, девять десятковъ, а придется!.. Ну, а теперь по домамъ, друзья мои! Не думайте только, сдѣлайте милость, мстить тому, кто выгналъ мое дитя изъ дому... да и самому дому, въ сердцахъ, не дѣлайте ничего худого!.. Тамъ до него жили лучшіе люди, можетъ, и послѣ Богъ приведетъ туда лучшихъ людей... Еще разъ благодарю, отъ всей души благодарю васъ, друзья мои!

Остальные слушали молча. Тотъ или другой снималъ шапку — самъ не зная, для чего. Когда Готтгольдъ и Бославъ сѣли въ кое-какъ дотацившуюся къ нимъ карету, всѣ поселяне, кругомъ ихъ, обнажили головы; когда-же экипажъ тронулся съ мѣста, всѣ они также повернули назадъ въ деревню и долго-долго ни одинъ изъ нихъ не могъ заговорить громко и смѣло...

А карета стала пробираться, въ вечернихъ сумеркахъ, по дорогѣ къ береговой деревушкѣ Ралову. Подъ лѣтній вечеръ дорога эта была необыкновенно пріятна, и Цецилія часто прогуливалась здѣсь вмѣстѣ съ маленькою дочкою. Готтгольдъ замѣтилъ, что, кажется, этой дороги и имъ слѣдовало держаться. Старикъ согласился.

— Теперь твоя очередь, дружески улыбнулся онъ:—когда мы отыскивали трупъ, тутъ могла больше пригодиться сѣдая голова, а теперь мы ищемъ живую... ужь для этого молодость да бодрость — дѣло болѣе подходящее...

XXVII.

Два дня спустя, утромъ послѣ второго завтрака, Іохенъ Пребровъ стоялъ передъ дверью своего домика и глядѣлъ въ длинную подзорную трубу, опустивъ ее на воткнутый въ песчаную землю шестъ и обозрѣвая привольное море. Добраго Іохена довольно часто можно было застать въ этой позѣ и въ этомъ времяпровожденіи. И не то, чтобы онъ отыскивалъ или желалъ изслѣдовать въ морѣ что нибудь особенное,—нѣтъ, подзорная труба, висѣвшая надъ дверью, на двухъ желѣзныхъ крючьяхъ, подъ защитою выступившей впередъ крыши, была для него просто приятною забавою, въ досужія минуты обычнымъ развлеченіемъ, хоть бы, какъ въ настоящую минуту, на всемъ широкомъ просторѣ моря ничего не было видно, кромѣ пѣнистыхъ волнъ, рѣзко танцовавшихъ въ утреннемъ вѣтрѣ.

Но сегодня добрый Іохенъ не видѣлъ даже бѣлѣвшихъ и блестящихъ волнъ,—то-есть рѣшительно ничего не видѣлъ. Тѣмъ не менѣе, когда, минутъ пять спустя, онъ убралъ съ шеста и сложилъ свою трубу, широкая фигура его приняла такое озабоченное выраженіе, какъ если-бы какое-нибудь тяжело-нагруженное судно гнало сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ на виссовскую босу и его сосѣдъ, лоцманскій старшина Бонзакъ, сказалъ, что судну спасенія нѣтъ...

Не менѣе озабоченно выглядѣла и пухлая фізіономія его супруги, Штины, показавшейся въ двери домика. Вѣчно занятая и хлопотливая руки были засунуты подъ передникъ. Минуты съ двѣ глядѣла она на утреннее голубое небо, усѣянное бѣлыми, блестящими облачками, и, казалось, нисколько не замѣчала Іохена, стоявшаго всего шагахъ въ шести передъ нею.

— Нѣтъ, нѣтъ! вздохнула Штина.

— Да, да! отозвался Іохенъ.

— Ахъ, что это Юхенъ, ты опять чуть не до смерти перепугалъ меня...

— Да и правду сказать, дѣло-то страшное, какъ хорошенько подумаешь...

Юхенъ опять раздвинулъ свою трубу и, повидимому, хотѣлъ предаться прежнимъ наблюденіямъ; но Штина взяла у него инструментъ изъ рукъ, положила его на мѣсто и проговорила будто съ досадою:

— Довольно тебѣ, сдѣлай милость, глядѣть въ эту глупую дубину... у меня просто голова не на мѣстѣ...

— Поправь, что-бъ на мѣстѣ была...

— Чудакъ, ты, право, — откуда-же мнѣ все знать... Для чего ты мнѣ и мужъ, если я, несчастная, до всего сама доходить должна?! А вотъ маленькая опять меня спрашивала: скоро-ли, говорить, шведъ пріѣдетъ... Вотъ бѣдняжка-то... Въ какой-нибудь яхтѣ... настоящей душегубѣ... и такъ далеко въ море пускаться!! Да еще кто знаетъ, какъ-то ихъ тамъ примутъ. Родня въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ... вѣдь это, какъ говорится, десятая вода на киселѣ!..

Штина говорила съ видимымъ волненіемъ, хотя и тихимъ голосомъ. Въ этомъ разговорѣ довела она своего Юхена до терновой засѣки, отдѣлявшей занесенный пескомъ садикъ отъ такой-же песчаной деревенской улицы. Юхенъ подумалъ, что ему, въ качествѣ супруга и единственнаго трактирщика въ Виссовѣ, нужно-же что-нибудь сказать, и потому онъ обратился къ Штинѣ съ такимъ замѣчаньемъ:

— Да ужъ я тебѣ говорю, намъ, бѣднымъ, такая возня съ ними, что...

— И тебѣ не стыдно, Юхенъ... ну, не знала я, что у тебя совсѣмъ сердца нѣтъ! перебила его Штина, громко расплававшись и поднося красныя руки къ глазамъ. И затѣмъ, отвернувшись отъ своего благовѣрнаго, она поспѣшно скрылась въ двери дома.

Юхенъ остановился у засѣки и поднялъ обѣ руки. Но труба спокойно отдыхала на своихъ крючьяхъ, и Юхенъ, какъ человѣкъ безъ сердца, за одно уже рѣшился оставаться человѣкомъ безъ подозрительной трубы. Онъ снова опустилъ руки и засунулъ ихъ въ карманы. Ну, слава тебѣ Господи, трубочка подыскалась!.. А

только все-же и ее приходится оставить въ покоѣ,—Штина спосить не могла табачнаго дыму. А теперь баба и такъ сильно гнѣвается, да если къ тому увидитъ его съ трубкой въ зубахъ, то то потѣха поднимется...

Юхенъ выпустилъ трубку изъ пальцевъ и опять сталъ глядѣть въ искрившееся море,—съ такимъ видомъ, точно-бы и безъ всякого оптическаго инструмента онъ отлично умѣетъ различить то несчастное мѣсто, гдѣ только-что пошло ко дну великолѣпное судно—со всѣмъ грузомъ и пассажирами.

— День добрый, Пребровъ! произнесъ очень близко чей-то голосъ.

Юхенъ лѣниво поворачиваетъ свои голубыя глаза къ говорившему. Это былъ господинъ, быстро пробиравшійся чрезъ засѣвку, съ высоко-поднятымъ воротникомъ своего пальто.

— Ахъ, здравствуйте, г. инспе...

— Тссс!.. остановилъ его посѣтитель, прикладывая палецъ къ губамъ.

Юхенъ значительно кивнулъ головою.

— Такъ сегодня вечеромъ! проговорилъ незнакомецъ;— до сихъ поръ все шло хорошо... ну, а все-же лучше предупредить васъ,— на тотъ случай, если кто въ послѣднюю минуту догадываться станетъ... Такъ смотрите-же, вы меня совсѣмъ не знаете...

— Въ глаза никогда не видалъ! отозвался Юхенъ.

Неизвѣстный господинъ кивнулъ головою и хотѣлъ было уже идти далѣе, своею дорогою, но потомъ остановился и, точно-бы вытянутая физиономія Юхена бросилась ему въ глаза, проговорилъ второпяхъ:

— Никто изъ вашихъ не можетъ быть на меня за это въ претензіи, Пребровъ... потому этимъ негодьямъ Ранке достанется совершенно по дѣломъ... вѣдь, ей-богу, ихъ продѣлки—срамъ и стыдъ для всего Виссова, для всего нашего края. Да и, наконецъ, я думаю, всякій изъ васъ радъ отдѣлаться отъ эдакой чумы... Въ слѣдующій разъ, какъ пріѣду, остановлюсь у васъ, Пребровъ,—ужь это разумѣется... А теперь... теперь пока надо въ прятки играть!..

Онъ кивнулъ головою и легкими, чуть слышными шагами вошелъ къ лодманскому старшинѣ, предварительно осмотрѣвшись вокругъ себя во всѣ стороны.

— Вотъ еще распроклятая исторія!.. проворчалъ Иохень, самъ хорошенько не зная, какую это исторію онъ обругалъ, — ту-ли, что рознигривалась подъ его крышей, или другую, о которой только-что говорилъ таможенный инспекторъ.

Всего вѣроятнѣе, однако, первую, — потому что вторая нисколько до него не касалась. Но тутъ все-таки было однимъ темнымъ, загадочнымъ дѣломъ больше, а ему уже тошно становилось и отъ перваго...

— Здорово, Иохень!..

На этотъ разъ Иохена пробралъ порядочный переполохъ. Передъ нимъ стоялъ его братъ Клаусъ, какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ повстрѣчалъ инспектора.

— Тебя это откуда Богъ принесъ, съ какихъ мѣстъ ты взялся. Клаусъ?! удивился онъ.

— Да ужъ откуда-бъ ни взялся, а взялся! нахмурился Клаусъ.

И оба брата переглянулись между собою чрезъ высокую за-сѣку, но такъ странно и непривѣтливо, точно-бы не были, съ са-мыхъ малыхъ лѣтъ, лучшими друзьями.

— Отецъ померъ, что-ли? медленно спросилъ Иохень.

— Сохрани Боже...

— Кузница сгорѣла?

— Да что это ты, Иохень, все глупости такія спрашиваешь?!.

Имъ угрожала сцена вавилонскаго смѣшенія языковъ и окон-чательнаго непониманія другъ друга. Болѣе и болѣе представля-лось Иохену, будто весь свѣтъ составляетъ одну огромную тайну и будто онъ, несчастный, на вѣки-вѣчныя осужденъ хранить ее и няньчиться съ нею.

— Войдешь во мнѣ, что-ли, Клаусъ? предложилъ онъ.

Нужно-же было, наконецъ, предложить это: странно было-бы оставлять на улицѣ своего родного брата, да еще къ тому-же и старшаго.

Братское предложеніе, сдѣланное хотя и не совсѣмъ по-брат-ски, было, однако, принято Клаусомъ Пребровымъ съ готовностью. Онъ пожалъ Иохену руку и бѣглымъ взглядомъ окинулъ красивый домикъ.

— А тебѣ тутъ, должно быть, хорошо живется, Иохень, а?.. Иохень потнулъ головой.

— Отъ гостей, вѣрно, отбою нѣтъ?

— Да тебѣ-то что до этого за дѣла?! вскрикнулъ Йохенъ съ такою досадою, какъ-будто ему нанесли весьма чувствительную обиду.

— Ну, да такъ спрашиваю... развѣ спросить нельзя?.. отозвался Клаусъ.

— Никто у меня тутъ не живетъ, проворчалъ Йохенъ,—никого нѣтъ... живой души не отыщешь...

Онъ загородилъ дорогу брату, уже переступившему чрезъ порогъ.

— Ну, и отлично! замѣтилъ Клаусъ,—я, стало быть, сейчасъ же вернусь и скажу старому г. Венгофу и г. Готтгольду, что у тебя имъ можно расположиться... просторно будетъ...

Йохена точно обухомъ по лбу хватило. Что ему теперь дѣлать?.. Онъ обѣщалъ молчать. Но къ чему тутъ, съ какой радости молчать, если къ нему пожалуетъ г. Готтгольдъ, да еще и не одинъ, а съ старымъ господиномъ, всегда внушавшимъ ему благоговѣнное уваженіе?.. Ужъ какъ только г. Венгофъ посмотритъ на него своими старыми, но ясными, бойкими глазами, то Йохенъ не выдержитъ, все скажетъ...

— Штина! Штина! кричитъ онъ такимъ голосомъ, точно-бы единственный трактиръ въ Виссовѣ, отъ крыши до фундамента, обратился въ страшное пожарище...

— Да что тебя рѣжутъ тутъ, что-ли, Йохенъ? Будто ты не знаешь...

На крикъ благовѣрнаго, Штина опрометью бросилась въ дверь— и вдругъ остановилась, раскрывъ ротъ и выпучивъ шальные глаза на своего зятя.

— Ну, что, признала? самодовольно отнесся къ ней Йохенъ.

— А онъ... гдѣ-же онъ?.. спросила Штина.

Клаусъ Пребровъ понялъ, что съ такою догадливою женщиной, какъ Штина, его дипломатическая сдержанность ни къ чему не ведетъ и что тутъ ему, волею-неволею, приходится сбросить съ себя маску. Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ онъ потеръ себѣ большія, черныя, мозолистыя руки, оскалилъ бѣлые зубы, потомъ вдругъ принялъ необыкновенно серьезный видъ и сказалъ, оглянувъ окна верхняго этажа.

— А что, не лучше-ли будетъ къ вамъ войти, а?..

Они вошли въ маленькую хозяйскую комнату, смежную съ

просторной залой для заѣзжихъ посѣтителей. Штина достала изъ шкафа, стоявшаго въ этой пріемной, бутылку съ ромомъ и пару стакановъ, — пусть, думаетъ себѣ, братцы чокнутся на здоровье, и Клаусъ промочить языкъ на тотъ случай, если ему придется много рассказывать.

Клаусу было, дѣйствительно, кое о чемъ поразсказать, но, помня, что господа съ нетерпѣніемъ поджидали его назадъ, онъ старался передать все какъ можно короче.

Еще въ первый вечеръ.— сообщалъ Клаусъ,— они попали на настоящій слѣдъ, но на слѣдующій день опять потеряли его, такъ какъ ушедшая госпожа оставила въ Гульвицѣ экипажъ, взятый въ Раловѣ, и продолжала путь пѣшкомъ, чтобы за нею и слѣдъ простылъ. И это удалось ей такъ хорошо, что они провозились пѣлыхъ двадцать четыре часа, пока вчера, уже поздно вечеромъ, опять не попали на затерянный слѣдъ—въ Трентовѣ. Теперь-то для нихъ было совершенно ясно, въ какую сторону могла повернуть бѣжавшая. Однако, они оставили экипажъ и лошадей у господина Шорицъ, короткаго знакомаго господина Готтгольда, и далѣе уже шли пѣшкомъ, чтобы одурачить господина Брандова, если-бъ онъ вздумалъ слѣдить за ними сзади. Въ Трентовѣ передохнули часа два, а сегодня вотъ пришли прямо оттуда. Онъ-же, Клаусъ, обогналъ ихъ впередъ—не столько для того, чтобы узнать, здѣсь-ли бѣжавшая госпожа, сколько съ порученіемъ и просьбою къ женѣ Іохена — пусть-бы она приготовила госпожу къ пріему неожиданныхъ гостей, чтобы та не слишкомъ перепугалась.

— Ахъ, бѣдная, ахъ, горькая!.. убивалась Штина,—а вѣдь мы должны были повѣстаться ей, что никому, никому на цѣломъ свѣтѣ не откроемъ...

— Ну, намъ съ тобою, стало быть, тутъ ничего не подѣлать! замѣтилъ Іохенъ.

Въ глубинѣ сердца сама Штина еще вначалѣ такъ думала. Она горячо молилась даже, чтобы милосердное небо привело къ нимъ господина Готтгольда, пока еще не поздно. Само собою разумѣется, открыто она въ этомъ не признавалась, но и не могла также неварушимо сдержать данное Цециліи обѣщаніе. Въ этомъ затруднительномъ положеніи бѣдная Штина задилась горькими слезами.

Юхенъ одобрительно моталъ головою, будто желая намекнуть своей Штинѣ, что теперь годовая у нея на мѣстѣ.

— Черезъ четверть часа мы, стало быть, къ вамъ соберемся! рѣшилъ Клозь Пребровъ, допивъ свой стаканъ; — ты, Штина, хозяйшка, одно слово, перваго сорта... стало быть, дѣло свое туго знаешь... а мы съ Юхеномъ можемъ къ господамъ идти!..

Въ радостной поспѣшности добрякъ Юхенъ оставилъ даже стаканъ невыпитымъ. Штина хотѣла вылить остатокъ въ бутылку, но, по разсѣянности, отправила его въ свой желудокъ. Въ глазахъ у нея все закружилось, зазеленѣло...

— Ахъ, бѣдныя мы... женскій полъ, то-есть... ахъ, горькія!! вздохнула она.

XXIX.

Угрюмо усѣлась Цецилія къ постелькѣ своего ребенка, когда Штина вышла изъ ея комнаты. Гретхенъ уснула. Милое, родное личико показалось матери еще блѣднѣе, крошечныя, бѣленькія ручки тихонько вздрагивали. Что, если она заболѣетъ опасно, если... если умретъ, и вся эта пытка, весь ужасъ послѣднихъ часовъ пройдетъ совершенно бесполезно!..

Цецилія сдвинула руками горячую голову. И никого, никого кругомъ, кто-бы могъ посовѣтовать ей, помочь, какъ добрый другъ!.. И вѣдь она была еще между друзьями, у доброй, старенькой Штины, встрѣтившей ее вчера съ слезами радости и рѣшительно потерявшей голову отъ горя и восторга, при этомъ неожиданномъ визитѣ, тогда какъ честное лицо добраго Юхена вызывало такъ много воспоминаній изъ свѣжей ранней поры, изъ времени свѣтлой дѣтской веселости!.. Ну, что-же будетъ, когда она заберется далеко-далеко отсюда—въ совершенно чужой край!.. Не примутъ-ли ее, какъ взбалмошную искательницу приключеній?.. Да и чѣмъ они будутъ тутъ виноваты?.. Развѣ не все говорило противъ нея?.. Можетъ-ли она всему свѣту или даже хоть кому-нибудь одному рассказать свою страшную исторію?..

Мучительная тревога заставила ее вскочить съ мѣста, загнала въ смежную комнату — къ окошву... Между верхами сосѣднихъ домовъ и бѣлѣвшими отмеями выглядывала большая, лазоревая

полоса моря. Гдѣ-то въ безбрежной водяной дали нырялъ одинокій парусъ. Это была свѣжая, полными красками набросанная картина, — въ скромной рамѣ низенькаго окошка, — и Цецилія глядѣла на нее такъ, какъ *онъ* научилъ ее вглядываться и вдумываться въ природу. Но потомъ... потомъ вдругъ подумалось ей, что эта водяная пустыня, съ одинокимъ парусомъ, уплывавшимъ куда-то въ даль невѣдомую по своему безлюдному, холодному пути, — что вся эта картина для нея, для ея бѣднаго ребенка была ужасной, неумолимой дѣйствительностью...

Цецилія опустила голову на руку. Она не слышала легкаго шороха у двери и очнулась уже въ ту минуту, какъ вошла Штина, — съ заплаканнымъ лицомъ, будто робкимъ, чего-то высматривающимъ, но также радостнымъ взглядомъ. Потомъ она назадъ обернулась, будто отыскивая глазами кого-то. Цецилія вся вздрогнула отъ какого-то безотчетнаго предчувствія, пригнавшего всю кровь къ ея сердцу. Изъ коридора кто-то медленно входилъ въ комнату, — кто-же другой, какъ не тотъ, къ кому она льнула всей изболѣвшей душой, чьего прихода ждала съ такою полнотою вѣры, съ какою иной ждетъ благодѣтельнаго чуда?!.. Да, онъ былъ здѣсь, онъ пришелъ, потому что любилъ ее... а между тѣмъ... этому не бывать, нѣтъ, — никогда не бывать!..

Поднятыя руки опять болѣзненно опустились, и дрожаціе пальцы не отвѣчали на его сердечное пожатіе.

— А гдѣ твоя Гретхенъ?

Подошли къ постелькѣ дѣвочки, куда добрая Штина поспѣла ранѣе ихъ. Влѣдныя щеки малютки теперь раскраснѣлись, рученки вздрагивали сильнѣе. Уже когда они опять вернулись въ смежную комнату, губы Цециліи выговорили то, что давно уже высматривало въ ея тускломъ, безконечно уныломъ взглядѣ.

— Если она умереть, я... я ее убила!

— Нѣтъ, не умереть она еще у тебя, отозвался Готтгольдъ, — но... не иди упрамо противъ невозможнаго... Тебѣ одной, своими силами, не вынести болѣе этой борьбы... такъ не отталкивай-же моей помощи, какъ ты дѣлала это до сихъ поръ!..

— Чтобы и тебя погубить, совершенно неповиннаго въ этой ужасной жизни... Послушай, я и такъ долго принимала твой страшный рискъ, но далѣе — никогда и ни за что на свѣтѣ!..

— Скажи, пожалуйста, Цецилія, что значитъ это „далѣе?“ Я

люблю тебя—и этимъ все сказано, и слово это замыкаетъ и твою жизнь, и мою однимъ общимъ неразрывнымъ кругомъ... Можешь-ли ты страдать такъ, чтобы и я не страдалъ вмѣстѣ съ тобою?.. И развѣ все твое прошлое горе не было моимъ глубокимъ горемъ?.. Развѣ горе это не окутывало всю мою душу чернымъ, гробовымъ покровомъ, не отравляло всякой свѣтлой минуты жизни?.. И знаешь-ли, Цецилія, когда я раздумываю обо всемъ этомъ, невольно какъ-то хочется сказать: ну, слава тебѣ Господи! Саванъ этотъ уже разорванъ, — и жизнь лежитъ передо мною свѣтлой, отрадной дорогой... Конечно, намъ предстоятъ еще многія трудности и препятствія, но мы побѣдимъ ихъ. Если прежде когда-нибудь я сомнѣвался въ этомъ, то теперь уже не сомнѣваюсь, теперь, когда ты мнѣ опять возвращена доброй судьбою...

Онъ сидѣлъ съ нею рядомъ, но говорилъ все это на ухо глубокомъ, почти неслышнымъ голосомъ, но она понимала каждый слогъ, — и каждый слогъ острымъ ножомъ вонзался ей въ сердце.

— Да, да, ты мнѣ отдана, моя Цецилія! Ты могла убить не себя только и ребенка, но также и меня. И если святой внутренней голосъ, въ правдивости котораго ты никогда не допускала ни малѣйшаго сомнѣнія, закричалъ тебѣ: живи! — то ты будешь жить ради меня, со мною, потому что безъ меня жить не можешь...

— Да и съ тобою не могу! простонала Цецилія, ломая себѣ руки: — нѣтъ, нѣтъ, не бросай мнѣ тяжелого упрека твоими честными глазами, милый мой, хорошій мой!.. О, съ какою радостью я сказала-бы тебѣ все, все, но... этого я не могу!.. Женщинѣ... то-есть женщинѣ вполне честной и порядочной... можетъ быть, этого и не нужно было-бы говорить, — она сама поняла-бы все безъ всякихъ объясненій...

— Нѣтъ, не любишь ты меня такъ, какъ должна была-бы любить человека, отъ котораго рѣшилась-бы принять всякую жертву... Любящее чувство не знаетъ никакихъ жертвъ, — то-есть, я говорю объ истинной любви... она все умѣетъ вынести, все выстрадать... А въ твоей любви, — нѣтъ правды!..

Онъ сказалъ это безъ всякой горечи, но дыханіе сперлось у него въ груди, и губы тихо задрожали...

— Не права-ли была я, когда говорила, что часто лучшій, наиболѣе развитый мужчина не умѣетъ понимать насъ, женщинѣ?

отозвалась Цецилія, приглаживая Готтгольду волосы съ разгорѣвшагося лица. И на одну минуту свѣтлая улыбка показалась на ея тонкихъ губахъ, въ прекрасныхъ глазахъ,—та улыбка, которую Готтгольдъ ловилъ только въ отрадномъ сновидѣніи, чтобы потомъ промечтать о ней цѣлый день. Но это было только на одну минуту. Улыбка исчезла, и прежняя жуткая боль выглядывала изъ каждой черты ея милого лица, слышалась въ каждомъ звукѣ мягкаго голоса.

— Истинная любовь!! Да можетъ-ли женщина, пережившая то, что я пережила, даже произнести эти слова?.. Истинная любовь!. Неужели ты нашелъ-бы въ моей любви правду, если-бъ...

И голосъ ея вдругъ оборвался. Она встала съ мѣста, подошла къ окошку, опять отъ него отошла и продолжала, остановившись передъ Готтгольдомъ и елживъ на груди руки:

— Если-бъ я далѣе угождала его алчности, если-бъ продолжала продавать себя и ребенка,—если-бъ ты дошелъ до послѣдняго кроваваго гроша въ своемъ желаніи выкупить насъ...

— Да, ты могла это сдѣлать и не сдѣлала! перебилъ ее Готтгольдъ тономъ необыкновеннаго унынія.

— Положимъ, могла и не сдѣлала... но не потому, чтобы хотя на одну секунду могла сомнѣваться, что ты беззавѣтно пожертвуешь послѣдней ниткой своего имущества... подобное сомнѣніе даже немислимо въ женщинѣ, увѣренной въ томъ, что она любима... если-бы случилась такая-же надобность, она сама пошла-бы нищенствовать подъ овнами для любимаго человѣка... но оттого не сдѣлала, что... нѣтъ, нѣтъ, Готтгольдъ, къ чему все это?.. Видишь-ли, я и словъ даже не умѣю подобрать... Вотъ оно настоящее, безысходное горе! Ему не дано даже отрады высказаться понятно и громко... оно осуждено оставаться нѣмымъ въ истерзанной душѣ, Боже мой, Боже мой!!

Она стала бродить по комнатѣ, ломая себѣ руки. Угрюмо слѣдилъ за нею Готтгольдъ, когда она проходила мимо него назадъ и впередъ. Чувство неизъяснимой горечи зашевелилось въ сердцѣ. Да, да, счастливая возможность представлялась, и она... она не ухватилась за нее, а теперь уже поздно!..

Готтгольдъ сталъ объяснять ей, почему было поздно. Жалкій остатокъ его капитала былъ еще прежде назначенъ для другихъ цѣлей, да если-бы онъ и могъ покрыть эти расходы ресурсами

своей работы, все-таки его послѣднее денежное имущество было-бы нуль въ жадныхъ глазахъ негодяя, и онъ не поцеремонился бы швырнуть обратно эту малость, если-бъ ему предлагали ее,—швырнуть съ своимъ подлымъ, презрительнымъ хохотомъ...

Цецилія остановилась посреди комнаты и слушала, тяжело переводя дыханіе.

— Бѣдный ты, Готтгольдъ! проговорила она, наконецъ;—а я... дѣло другое: меня не мучить даже вся заманчивость этой счастливой, несбывшейся развязки... Нѣтъ, Готтгольдъ, все кончено, и ничему этому не бывать! Можетъ быть, на какую-нибудь минуту онъ и послушался страшной жадности, но потомъ... потомъ смертельная ненависть къ тебѣ взяла-бы верхъ. Нѣтъ, не выпустить онъ меня изъ своихъ когтей. Смерти я не искала и не желала искать, пока еще остается послѣднее средство къ спасенію—бѣгство... Такъ позволь-же мнѣ, Готтгольдъ, бѣжать... бѣжать далеко... не останавливай меня!.. Ты хочешь меня спасти, а между тѣмъ роешь подъ моими ногами страшную пропасть!..

— Нѣтъ, если я останавливаю тебя, то для того, чтобы спасти, не дать погибнуть тяжкою смертью виѣсть съ ребенкомъ... съ жаромъ вскричалъ Готтгольдъ, схвативъ Цецилію за обѣ руки:—да, да, хочу спасти тебя и твоего ребенка, котораго ты навѣрное убьешь, если бѣдненькую больную дѣвочку рѣшишься подвергнуть всѣмъ опасностямъ далекаго переѣзда... Впрочемъ, и безъ этого бѣгство было-бы просто невозможно, — было-бы совершенно бесполезной жестокостью... потому что онъ найдетъ тебя, если захочетъ, и тамъ... вездѣ найдетъ, куда-бы ты ни скрылась... Туда бѣжать совершенно напрасно, да и здѣсь тоже нельзя остановиться. Однимъ словомъ, на всемъ бѣломъ свѣтѣ есть для тебя только одно мѣсто—подъ моею защитой. А я, повторяю тебѣ, сумѣю за тебя заступиться. Или ты не имѣешь ко мнѣ никакой вѣры, не довѣряешь моему мужеству, силѣ, находчивости?.. Конечно, я не могу тебѣ всего рассказать, чѣмъ и какъ думаю за тебя дѣйствовать; одного только прошу—довѣриться мнѣ вполне и безропотно. Вѣдь и для насъ, мужчинъ, какъ и для женщинъ, бываютъ случаи, когда мы должны дѣйствовать только по внутреннему долгу и чести, когда должны довериться для этого другому, болѣе опытному человѣку. А я, Цецилія, нашелъ такого человѣка и довѣрился ему. Ты сама, съ малыхъ лѣтъ, глядя на

него съ глубокимъ уваженіемъ, даже не подозрѣвая, какъ онъ заслуживаетъ отъ тебя это чувство. И этотъ человѣкъ одобряетъ мой планъ, мое твердое рѣшеніе и, съ своей стороны, употребить всѣ усилія, чтобы планъ не остался однимъ планомъ, чтобы рѣшеніе перешло въ дѣло. Онъ самъ, дорогая Цецилія, скажетъ тебѣ все это... я приведу его къ тебѣ,—этого почтеннаго старца, твоего предка... и когда ты преклонишь предъ нимъ колѣни, когда онъ положитъ на твою голову свою благословляющую руку, и прошлое перестанетъ быть для тебя слѣпой, безпощадной, неизмѣнной судьбою... тогда ты, можетъ быть, убѣдишься, что и настоящее не есть роковой, неизмѣнный приговоръ для того, кто... живетъ и любитъ!..

Готтгольдъ выбѣжалъ изъ комнаты. Цецилія неподвижно уставила изумленные глаза въ дверь, потрясаемая какимъ-то страннымъ предчувствіемъ. Дверь опять отворилась, вошелъ старикъ. Онъ долженъ былъ нагнуть нѣсколько голову. И вотъ съ проницашей головой, съ тихо опущеннымъ взглядомъ подходитъ старикъ къ ней. Цецилія вздрогнула. Точно такимъ видѣла она отца, когда онъ, въ предсмертную минуту, подзвалъ ее къ своему изголовью. И отецъ былъ такъ поразительно похожъ на портретъ дѣда, висѣвшій въ гостиной, рядомъ съ старыми стѣнными часами, что... колѣни Цециліи дрогнули, сами собой подогнулись, когда старикъ протянулъ къ ней свою добрую руку...

Готтгольдъ притворилъ дверь. Что было говорено между ними двумя въ комнатѣ—должно было оставаться тайною для всякаго третьяго...

XXX.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца еще дрожали пурпуровыми искорками на расколыхавшейся зыби. Пурпуровымъ блескомъ облило далеко бѣлѣвшіяся отмели и зеленую травку болотистыхъ луговъ, тянувшихся отъ западнаго взморья до самихъ отмелей.

Въ этой-же пурпуровой иллюминаціи стояли Готтгольдъ и Юхенъ Пребровъ, взобравшись, узкимъ восточнымъ побережьемъ, на высшую точку по всей береговой линіи. Готтгольдъ, прикрывъ глаза рукою, уже глядѣлъ въ вспыхнувшее пурпуромъ море, тогда

какъ Іохенъ все еще раздвигаль и прилаживаль свою подзорную трубу. Кое-какъ, наконецъ, онъ справился съ этой работой.

— Вотъ, извольте! проговорилъ онъ, передавая инструментъ Готтгольду, и затѣмъ прибавилъ, какъ-бы въ видѣ извиненія:

— Этой машинкой за тридцать земель можно видѣть...

— Спасибо, спасибо, добрый Іохенъ! улыбнулся ему Готтгольдъ.

Іохенъ оскалилъ свои бѣлые зубы, но потомъ оба стали необыкновенно серьезны. Готтгольдъ глядѣлъ въ трубу съ такимъ озабоченнымъ видомъ, какъ будто до сихъ поръ хотѣлъ различить въ морѣ судно, уплывшее еще четыре часа тому назадъ при попутномъ вѣтрѣ и теперь, вѣроятно, находившееся уже на высотѣ Зундина, если не въ самой гавани. А Іохенъ выглядѣлъ такъ пасмурно, точно-бы въ послѣдній разъ видѣлъ сегодня пухлыя щеки своей Штины, во что-бы ни стало желавшей пуститься въ путь вмѣстѣ съ доброй госпожею.

Честный Іохенъ, однако, нисколько не думалъ о себѣ. Безъ своей Штины онъ могъ обойтись по цѣлымъ днямъ, даже по недѣлямъ, если было нужно. Всѣ дѣла обстоили такъ благополучно, что онъ самъ даже дивился. А вотъ бѣдный господинъ Готтгольдъ,—такъ это совсѣмъ особая статья. Господи, какъ переглянулись они, горькіе, когда госпожа уже на корабль сходила и они на перекладнѣ еще разъ пожали другъ другу руки!.. Такимъ долгимъ да унылымъ взглядомъ,—а въ глазахъ у того и другого крупныя слезы нависли... На корабль она сейчасъ-же ушла въ каюту, куда Штина уже отнесла маленькую барышню... Потомъ, когда вѣтеръ надулъ паруса, и судно качнулось на мѣстѣ, госпожа опять вышла на палубу, остановилась, опершись на руку стараго господина, и долго махала своимъ платкомъ, долго не отводила глазъ отъ берега, хотя, разумѣется, за слезами-то и видѣть ничего не могла!..

— Ну, а судно у нихъ, одно слово, первый сортъ! замѣтилъ Іохенъ.—Мой тестъ радъ радешенекъ, былъ, что вотъ ему отыскалась работа по сердцу, а ужъ про брата, Клауса, и говорить нечего—малый расторопный... Все обдѣлаетъ, какъ слѣдуетъ: и карету притащить къ пристани, и гдѣ Волльновъ живетъ—тоже, говорить, знаетъ...

— Старый господинъ тоже всему толкъ даетъ...! ужъ такъ распо-

рядится, какъ никто другой... ну, и стало быть, все у меня пойдетъ по маслу...

Юхенъ перевелъ духъ. Забавнымъ ему ужь очень показалось, какъ это онъ могъ сегодня говорить такъ много. Пожалуй, даже свою Штину перещеголялъ. А господинъ Готтгольдъ все молчитъ да голой киваетъ,—ну, да что-же ему сказать-то?!

— И вамъ, стало быть, печалиться нечего, господинъ Готтгольдъ! продолжалъ Юхенъ еще болѣе убѣдительнымъ тономъ:—дастъ Богъ, все перемелется—мука будетъ. Вотъ хоть-бы, примѣрно, конь—ужь какъ закусилъ удила, такъ прыгаетъ чрезъ всякія препятствія, держись только!.. А коль скоро скотинѣ можно, такъ человѣку и подавно...

— Да я-то, разумѣется, употреблю все усилія, отозвался Готтгольдъ,—и съ этой стороны вовсе не печалюсь,—такъ или иначе добьюсь своего... хотя, правду сказать, думаю, что это очень трудная задача, пока мы не поймемъ Шеля. Надѣюсь, однако, что рано или поздно этотъ молодецъ попадетъ къ намъ въ руки... По крайней мѣрѣ, извѣстно, что онъ живъ, а это для насъ главное...

Юхенъ Пребровъ покачалъ большой головою.

— Ну, а какъ хотите, господинъ Готтгольдъ, дѣло-то хлопотливое! замѣтилъ онъ:—Старый пастухъ Арентъ, въ Горлицѣ,—говорить, что видѣлъ его, еще и недѣли тому не будетъ... знать онъ его отлично знаетъ... Старикъ долго прожилъ въ Далицѣ... этотъ самый Шель и съ мѣста его выжилъ... человѣкъ такой зловредный, ужь отъ него добра никто не жди... Ну, а все-же ночью разглядѣть трудно, да хоть-бы и видѣлъ... отсюда, моремъ, отличнымъ манеромъ улизнуть въ Швецію, въ Мекленбургъ или въ другое какое мѣсто... Такъ по этому и надо такъ полагать, что онъ въ наши мѣста зашелъ... Но здѣсь-ли онъ и по сію пору,—вотъ этого-то мнѣ и не думается.

Пурпуровый блескъ, охватившій западную окраину неба, уже погасъ, и когда они, спускаясь по гребню отмели, повернулись къ востоку, море, врывавшееся здѣсь въ берегъ довольно близко къ низу, тянулось въ неизмѣримую даль уже стемнѣвшей синевой, отъ которой ярко обозначался бѣлый песокъ прибрежья. Съ сѣверной стороны, въ фантастическомъ безпорядкѣ, были разбросаны группы отмелей, стираясь и сливаясь въ сумеречномъ

полу-свѣтъ. На одной изъ нихъ, самой возвышенной, Готтгольдъ и Йохенъ стояли до сихъ поръ. Мѣстами отдели эти были занесены густымъ сорнымъ дрокомъ и другой травой, далѣе лежали совершенно обнаженными рядами, округленной, продолговатой или плоской формы, цѣпляясь одна за другую острыми, обрывистыми ребрами, подобно морю, поднятому сильной бурей и внезапно застывшему въ песчаную массу. Тамъ, гдѣ западное взморье вдавалась наиболѣе далеко въ сушу, образуя узкую полосу, называемую виссовской косой, глазъ могъ еще различать посреди отделий какую-то единую крышу. Йохенъ Пребровъ указалъ трубою въ этомъ направленіи.

— Вы видите вонъ тамъ домикъ?

— Съ одного только боку.

— Тамъ живутъ наши Ранке... Ну, знаете, не желалъ-бы я быть сегодня въ ихъ кожѣ...

— А что такое? полюбопытствовалъ Готтгольдъ.

— Да тоже, знаете, прислужиться могутъ какому-нибудь мошеннику! продолжалъ Йохенъ, невольно понижая голосъ, хотя, кромѣ чаекъ, вспархивавшихъ надъ темнымъ побережьемъ, глазъ не различалъ ни одного живого существа на всемъ разстояніи, — они, стало быть, рыбацкимъ промысломъ занимаются, а при шведѣ еще и кабакъ держали и, вѣрно, торговали-бы напитками и по сіе время, да, говорятъ, нынѣшнее правительство, что-ли, не разрѣшило. Ну, да это, я полагаю, разговоръ одинъ, — хотятъ, знаете, предлогъ найти, съ какой радости, къ нимъ то и дѣло причаливаютъ суда съ разнымъ народомъ, — будто рыбаками, хотя всѣ они такіе-же рыбаки, какъ и сами Ранке. Иногда наберется этихъ самыхъ судовъ съ полдюжины... таможенные надсмотрщики про это рассказываютъ, — а чуть таможенные на нихъ нагрянутъ, — водою или сухопутьемъ, — никого ужъ и на мѣстѣ нѣтъ, всѣ въ море уплыли, а куда — знать, молъ, не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ... Ужъ таможенные было и караулъ тутъ устроили на отмеляхъ, да по цѣлымъ днямъ дозоромъ ходили... Но въ такіе дни не покажется, то есть, ни одно судно... развѣ проплыветъ какая-нибудь несчастная рыбацья лодка... Ну, а мошенники Ранке со смѣху помираютъ, глядя, какъ таможенные-то домой уходятъ съ длиннымъ носомъ... А вотъ сегодня вечеромъ попадутся, голубчики, въ сѣти...

— Отчего-же сегодня вечеромъ?..

— Видите, мнѣ собственно и завиднѣться объ этомъ самоѣ запрещено, — ну, да вы совсѣмъ другой человекъ и тоже между нами уже находитесь. Съ виду, это — рыбацки суда съ Узелина... опять-же и время такое подобрано, и по тому-же пути плывутъ... А только на судахъ сидятъ совсѣмъ не рыбаки, а таможенныя объѣзчики, только-что въ рыбацкія куртки принарядились... Ну, вотъ какъ подплывутъ они близко, такъ сейчасъ на виссовскую косу и поворотятъ; и въ ту-же минуту, какъ они, значить, поворотъ сдѣлаютъ, съ берега побѣгутъ впередъ со всѣхъ ногъ таможенныя солдаты и жандармы... Все это я отъ самого зундинскаго инспектора узналъ... онъ уже два дня здѣсь, въ Виссовѣ... А мы съ нимъ старые знакомые, прежде мнѣ частенько возить его случалось. Ну, вотъ онъ мнѣ все и рассказалъ. Ахъ, вонъ, поглядите-ка, поглядите, г. Готтгольдъ, уже начинается потѣха...

И Юхенъ, съ необыкновенною въ немъ живостью, указалъ рукою на три судна. До сихъ поръ они держали на сѣверъ и плыли гуськомъ на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, но въ эту минуту всѣ сразу переимѣнили направленіе и стали держать прямо къ берегу. Но въ то-же мгновеніе за виссовскою косою вынырнули, должно-быть, скрывавшіяся тамъ два судна, и скоро стало очевидно, что они хотѣли пробраться также къ сѣверу — между берегомъ и тремя прежде названными судами. Переднее изъ нихъ хотѣло загородить имъ путь. Но и теперь уже казалось сомнительнымъ, чтобы оно успѣшно справилось съ этой задачей, такъ какъ до того мѣста, гдѣ должны были встрѣтиться пути тѣхъ и другихъ судовъ, ему приходилось проплыть большее разстояніе, а между тѣмъ контрабандистскія суда не уступали имъ въ легкости на ходу и притомъ шли подъ попутнымъ вѣтромъ. Дѣйствительно, уже въ концѣ слѣдующихъ за тѣмъ десяти минутъ съ таможеннаго судна показалось маленькое сѣрое облачко, потомъ другое, третье, и все въ болѣе и болѣе короткіе промежутки. Ясно, что таможенныя начали отчаяваться въ успѣхѣ погони и скорое прекращеніе пальбы показало, что поимка совершенно не удалась. Контрабандистскія суда чуть замѣтными точками еще виднѣлись на стемнѣвшемъ горизонтѣ. Преслѣдующее судно повернуло назадъ, къ виссовской косѣ, куда

уже давно причалили два другія судна, вѣроятно, потому что воровское гнѣздо на этотъ разъ было найдено пустымъ. Такъ невольно подумалось Готтгольду.

— Ну, да и мошенники-же! проворчалъ Йохенъ Пребровъ.

Съ вершины болѣе возвышенной отмели, гдѣ они стояли, имъ легко было слѣдить за всей этой интересной продѣлкой, тѣмъ болѣе, что имъ, родившимся на взморѣ, каждая ея подробность была такъ ясна и понятна, какъ если-бы они сами были дѣйствующими лицами. Подзорная труба также, разумѣется, оказала имъ важныя услуги. Она то-и-дѣло переходила изъ рукъ въ руки. Теперь ею вооружился Готтгольдъ. Если разъясненія Йохена справедливы, подумаль онъ, то они должны были, по крайней мѣрѣ, на дальнихъ отмеляхъ, различать бродившихъ въ разсыпную таможенныхъ. И вотъ сталъ онъ обзрѣвать, переходя отъ бугра къ бугру, всю мѣстность передъ ними, уже затушеванную вечерними сумерками, — и вдругъ тихонько вскрикнулъ... Въ ту-же минуту онъ опускаетъ трубу и тащитъ за собой Йохена съ отмели внизъ — все дальше, дальше, пока головы ихъ не нырнули въ высокую, колеблющую вѣтромъ траву.

— А, что такое?..

— Да то, что я... Генриха Шеля видѣлъ... такъ ясно, какъ вотъ тебя вижу! Онъ стоялъ въ тысячѣ шагахъ отъ насъ, вонъ на той отмели, повернувшись къ намъ спиною...

— Помилуйте, откуда-же онъ?..

— Ужь этого я не знаю, а только это непремѣнно онъ... Я-бы узналъ его между десятками тысячъ... Вонъ, вонъ опять!..

Но человѣкъ этотъ былъ уже не на прежней отмели, а нѣсколько правѣе и, какъ показалось Готтгольду, ближе къ нимъ. Йохену, въ подзорную трубу, онъ также показался нигѣмъ другимъ, какъ Генрихомъ Шелемъ; только теперь онъ не стоялъ во весь ростъ, а лежалъ за рядомъ отмелей, совершенно также, какъ Готтгольдъ и Йохенъ, — и все поглядывалъ на домикъ Ранке, откуда выбѣжалъ недавно. Готтгольдъ, по крайней мѣрѣ, ни мало не сомнѣвался въ этомъ. Вся исторія показалась ему совершенно понятною. Что-нибудь помѣшало Генриху Шелю продолжать бѣгство, и потому онъ пріютился въ домикѣ Ранке — настоящимъ воровскомъ гнѣздѣ, по описанію Йохена. Оттуда онъ былъ выгнанъ внезапно напавшими таможенными. Генриху пришлось про-

бираться между отмелями и прибрежными буграми. Онъ имѣлъ всѣ шансы улепетнуть по добру по здорову, хотя-бы за нимъ гнались, такъ какъ наступившая ночь и чрезвычайно волнистая мѣстность, какъ нельзя лучше, помогали его намѣреніямъ.

Юхень вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Готтгольда. Но что имъ теперь приходилось дѣлать? Выждать-ли, пока Генрихъ, остановившійся неподвижно на одномъ мѣстѣ, будетъ продолжать бѣгство и подойдетъ къ нимъ ближе, или подкраться къ нему сейчасъ, такъ какъ съ этой стороны онъ не ожидалъ никакой опасности?.. И на то, и на другое было одинаково трудно разсчитывать. Темнота сгущалась съ каждой минутою; скоро на такомъ, все еще значительномъ разстояніи, человѣкъ покажется только темной точкой на слабо бѣлѣвшемъ пескѣ, а потомъ и совсѣмъ не будетъ видѣнъ. И притомъ ему стоило только оглянуться вокругъ, и такъ какъ они не были совершенно прикрыты мѣстностью, то въ слѣдующую-же секунду онъ, безъ всякаго сомнѣнія, скатится внизъ по отмели, на которой лежалъ, такъ какъ о преслѣдованіи, разумѣется, нечего было и думать.

Сердце готово было разорваться у Готтгольда на части, когда онъ раздумывалъ обо всемъ этомъ и перешептывался съ Юхеномъ. Вся его судьба, все ея будущее положеніе зависѣли отъ возможности заарестовать Шеля. Еще за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, Готтгольдъ не имѣлъ почти и тѣни надежды, что это когда-нибудь ему удастся. А тутъ вдругъ какой-то чудесный случай взялся помогать ему. Впереди прокрадывался этотъ ловкій мошенникъ, а здѣсь стоялъ онъ, съ своимъ вѣрнымъ Юхеномъ, и разстояніе между ними было такъ незначительно, что его можно было пробѣжать въ какія-нибудь двѣ-три минуты. И, однако, одинъ только бѣглый взглядъ, поворотъ вѣтра, — словомъ, самое ничтожное обстоятельство могло вырвать у него добычу, — какъ будто ничего этого не было въ дѣйствительности, какъ будто все это было только игрою его сильно встревоженной фантазіи, и ему стоило только протереть глаза, чтобы убѣдиться, что теперь даже стерлось темное пятнышко, принятое имъ за человѣка.

И, дѣйствительно, бѣглець исчезъ. Увидѣлъ-ли онъ гнавшихся за нимъ съ другой стороны и поспѣшилъ далѣе и далѣе, или, можетъ быть, назадъ повернулъ, увѣрившись, что опасность уже миновала — трудно было догадаться, но мѣсто, гдѣ онъ ле-

жалъ недавно, уже опустѣло. Ошибка была совершенно невозможна. Несмотря на залегшія кругомъ сумерки, окраина отмели еще довольно рѣзко отдѣлялась отъ стемнѣвшаго неба. Покажется-ли онъ гдѣ-нибудь, и притомъ гдѣ именно, — ближе или дальше отъ нихъ?!

Прошло нѣсколько секундъ. Готтгольдъ и Юхенъ боялись перевести дыханія. Ага, вонъ онъ, вонъ онъ, — и уже гораздо ближе... Онъ бѣжалъ прямо на нихъ — теперь въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ нѣсколько минутъ расстояние сократилось на половину. Они почти не рѣшались высунуть головы изъ-за высокой, колыхавшейся осоки, какъ это ни было необходимо, чтобы слѣдить за движеніями бѣглеца: вѣдь даже въ послѣднюю минуту онъ могъ переменить направленіе, и тогда... Но вотъ онъ прошмыгнулъ въ небольшую ложбинку между двумя буграми ближайшаго ряда и потомъ, глубокимъ, со всѣхъ сторонъ закрытымъ оврагомъ, выходилъ какъ разъ къ той отмели, за которой они лежали. Это была самая возвышенная точка во всей мѣстности, и онъ, очевидно, желалъ оглянуться отсюда еще разъ кругомъ, чтобы убѣдиться, что ни съ какой стороны уже не было опасности.

Готтгольдъ и Юхенъ сползли фута на два далѣе и старались, какъ только было можно, съежиться въ травѣ. Черезъ двѣ-три минуты предъ ними должна была вынырнуть голова Генриха Шеля. Они уже слышали совершенно отчетливо, какъ онъ карабкался по довольно-крутому подъему и отъ времени до времени усердно ругался, когда песокъ обрывался внизъ подъ его ногами.

Вдругъ...

Они выскакиваютъ изъ засады, — наверхъ, къ нему. Быстрымъ, какъ молнія, поворотомъ, Генрихъ выскользнулъ изъ рукъ Готтгольда, но, повернувшись налѣво, наткнулся прямо на Юхена. И оба они сцепились, вцепились другъ въ друга, и грязною, сплошною массою, клубкомъ покатались внизъ по отлогости — быстрѣе, чѣмъ успѣлъ подскочить къ нимъ Готтгольдъ. Юхенъ крѣпко охватилъ Шеля дюжими руками. Но при послѣднемъ оборотѣ очутился снизу. Съ отчаяннымъ усиліемъ Генрихъ отцепился отъ него, выхватилъ изъ кармана длинный складной ножъ и уже готовился нанести имъ ударъ со всего размаха, но въ эту самую минуту Готтгольдъ придержалъ его за поднятую руку и выхва-

тилъ изъ нея ножъ. Йохенъ опять насѣлъ сверху. Генрихъ Шель, въ свою очередь, ваялся въ песокъ, лицомъ внизъ, тогда какъ Йохенъ усѣлся на его плечахъ и уже собирался связать ему локти тонкой бичевою, которую постоянно носилъ при себѣ, по старой извощичьей привычкѣ.

— Если свяжете меня, такъ ужъ и растопчите за одно, потому я не встану!.. пропыхтѣлъ Генрихъ Шель.

— Пусти его! обратился Готтольдъ къ своему товарищу.

— Ну, а на всякій случай не мѣшаетъ вотъ это прибрать! замѣтилъ Йохенъ, вытаскивая изъ кармана Генриха пистолетъ и передавая его Готтольду: — теперь вставай!..

Генрихъ Шель поднялся на ноги. Звѣрская образина устала въ недруговъ свои отвратительные косые глаза. Вдругъ онъ съ ужасомъ попятился назадъ.

— Такъ это вы... вы здѣсь?.. Что-же вамъ нужно отъ меня!

XXXI.

Физиономія Генриха страшно вытянулась, въ грубомъ голосѣ слышалась хрипота.

— Что съ тобою? спросилъ Готтольдъ, трясая за плечо Генриха, еще неуспѣвшего очнуться отъ своего столбняка.

Усилія Готтольда вызвали въ негодѣй какое-то странное, отвратительное дѣйствіе. Онъ протянулъ длинныя руки къ ночному небу, съ силою потрясъ ими, — потомъ сталъ лѣвымъ коленомъ на песокъ, а правой рукою размахнулся раза два, точно-бы управлялъ кого-нибудь въ елисейскія, наконецъ, вскочилъ на ноги и прохрипѣлъ, будто отвѣчая на вопросъ Готтольда:

— Гмъ, что со мною?.. Ничего-съ... хотѣлъ только, чтобъ онъ попался мнѣ подъ руку...

— Кто онъ?..

— Вотъ навралъ, такъ навралъ... Про васъ сказалъ, что уже вы на томъ свѣтѣ, а другіе-то, говорить, за шиворотъ тебя хотятъ схватить, да еще спасибо скажи, если тюрьмой отдѣлаешься на всю жизнь... Ну, и опять-же, говорить, не грѣхъ-ли тебѣ будетъ погубить такого добраго барина, какъ онъ... насчетъ денегъ, говорить, я дамъ тебѣ столько, что хватить на всю жизнь...

А даль всего-то пятьсотъ талеровъ, какъ ночью прѣзжалъ къ большому кургану... тамъ я, спрятавшись, сидѣлъ... Ни гроша, говорить, у самого больше нѣтъ... остальное чиновнику нужно было отдать, чтобы порукою было, что онъ явится къ нимъ, когда востребуютъ... И все-то это навралъ, будто не правду я говорю, ваша милость, что все, все навралъ...

— Да, все... проговорилъ Готтгольдъ, — отъ первого слова и до послѣдняго...

— То-то, что до послѣдняго! повторилъ Генрихъ, какъ-бы еще не успѣвъ хорошенько разобрать всей этой продѣлки, — и зачѣмъ ему было врать... я и такъ-бы за него хоть въ каторгу пошелъ, коли нужно... вѣдь, для него одного и службу эту самую сослужилъ... Если-бъ ради денегъ хлопоталъ, такъ вѣдь они въ моихъ-же рукахъ были... стало быть, могъ дѣлать съ ними, что хотѣлъ... А я ему все отдалъ, — то есть всю пачку, вотъ какъ вынулъ ее у ассесора изъ кармана...

— И ты сдѣлалъ это для него? допрашивалъ Готтгольдъ, — можетъ быть, по его приказанію, а?..

— Съ какой стати по его приказанію? отозвался Генрихъ, — нужно еще приказывать такія штуки!.. Сказано, сдѣлалъ самъ, затѣмъ, что... ну, да я и самъ не знаю зачѣмъ... А онъ-то вѣчно на моемъ горбѣ выѣзжалъ... Опять-же ѣздить верхомъ выучилъ его никто другой, какъ я... то-есть до всего дошелъ черезъ меня... И если теперь Браунлюккъ выиграетъ ему здоровенный кушъ, кому онъ долженъ за это спасибо сказать, кому? Все тому-же Генриху Шелю...

Въ этомъ разговорѣ миновали они отмени, — Готтгольдъ съ Генрихомъ шелъ впереди, Іохенъ Пребровъ слѣдовалъ сзади, на такомъ разстояніи, чтобы можно было подоспѣть къ нимъ прыжка въ два, если-бы случилась надобность. Было уже очень темно, — такъ темно, что трудно было даже различить дикихъ кроликовъ, шмыгавшихъ передъ ними въ высокой прибрежной травѣ; большая, летѣвшая противъ нихъ сова быстро повернула въ сторону, испугавшись голоса Генриха, когда онъ, послѣ непродолжительной паузы, заговорилъ далѣе, съ грубой руганью, въ видѣ предисловія:

— Сдѣлалъ я это потому, что зналъ, какъ круто ему тогда и приходилось. Господину Редебасу нужно было пять тысячь тале-

ровъ выплатить до половины дня, а если-бъ не выплатилъ, то его-бъ къ скачкамъ не допустили... Это я хорошо зналъ... потому частенько бывалъ на скачкахъ и знаю тамошніе порядки не хуже любого господина... ну, и опять-же я зналъ, что ему самому этого хотѣлось, хоть, правда, онъ ни слова не сказалъ объ этомъ, да я полагаю, сначала-то и не думалъ совсѣмъ о деньгахъ, что были въ карманѣ у ассессора. Ну, а я цѣлый день объ этомъ самомъ дѣлѣ передумалъ и, передъ тѣмъ какъ намъ выѣхать, уже высмотрѣлъ отличное мѣсто. Отъ дождя-то тамъ вѣрнѣе намочло, трещины длинныя пошли туда и сюда, — лишь-бы, думалъ себѣ, экипажъ туда попалъ, какъ они вечеромъ домой поѣдутъ, все обвалится къ чорту... Ну, а чѣмъ тутъ кучеръ виновать... и съ первѣйшимъ кучеромъ можетъ несчастье приключиться, да еще ночью, въ такую проклятую непогодь...

— Однако, ты то-же весьма легко могъ совершить эту пріятную прогулку вмѣстѣ съ нами...

— То-есть, если-бъ не успѣлъ соскочить съ козелъ, такъ, что-ли? Эхъ, господинъ, господинъ, это еще легче, чѣмъ соскочить съ коня, когда онъ въ пропасть несется... Нужно замѣчать только, когда экипажу падать приходится... Я-то успѣлъ прыгнуть въ настоящую, то-есть, минуту, ну, и тутъ-же началась потѣха. Въ сторону, въ сторону—да потомъ сразу, бухъ всѣхъ!— тамъ только затрещало... а потомъ ужъ ничего и не слышно было... только два-три куска еще катились внизъ по спуску, да вѣтеръ сердитый вылъ надъ болотомъ... Ну, для меня это не въ диковинку, а внизу — хоть-бы тебѣ что шевельнулось... Стою я, знаете, сверху, поглядываю внизъ, да и думаю себѣ, куда-то ихъ, бѣдныхъ, откатило... Коли-бъ глина, да рыхлый камень не расколотили экипажа, то такъ-бы онъ, со всѣмъ что при немъ было, и влетѣлъ-бы въ болото, а тамъ знай шель-бы все ниже да ниже, потому тяжесть, опять-же и летѣлъ онъ больно шибко... А только, какъ онъ скатывался, черезъ-чуръ ужъ шуму да грохоту много было, такъ что у меня голова кругомъ пошла: стало-быть, думаю себѣ, онъ весь разлетѣлся въ щепки, и тогда всѣмъ имъ не попасть дальше края болота. Нужно было разузнать это дѣло. Вотъ я и сталъ внизъ спускаться. Что говорить, трудненько это было. Въ темнотѣ-то не туда ногою сту-

пишь, — одно слово, чуть самъ кубаремъ не свалился. Кое-какъ все-таки слѣзъ.

— Ну, дальше?..

— Ну, потомъ, знаете, давай по сторонамъ ощупывать. Мѣсяць-то немножко выглянулъ на небѣ, спасибо ему. Экипажъ розыскалъ скоро... или то, что отъ него осталось... потому все щепки да обломки... Тутъ-же, около, растянулась одна лошадь... затылокъ себѣ прошибла, стало-быть, тутъ-же и духъ вонь... Возлѣ лошади лежалъ господинъ ассессоръ: онъ еще дышалъ и, когда я его повернулъ на спину, простоналъ жалобно... потомъ это вдругъ скорчило его раза два. Что-жь, думаю себѣ, этотъ и безъ меня кончится... Вынулъ только деньги изъ кармана и опять сюртукъ застегнулъ... чтобъ, значить, лежалъ въ такомъ-же порядкѣ, какъ сверху сюда сватился...

— А меня ты не розыскивалъ?..

— Какъ не розыскивалъ... да только нигдѣ не нашель. Уже онъ послѣ говорилъ мнѣ, что вы лежали на половинѣ спуска... ну, а тутъ я времени пропасть потерялъ, пока пробирался въ потемкахъ по болоту... Въ травѣ зашелестѣло что-то... а тутъ еще другая кобыла кричать начала... она, знаете, сорвалась съ половиной дышла и забѣжала, дура эдакая, въ болото да и давай орать... на душѣ какъ-то не хорошо отзывается, когда скотина смерть чуетъ и плачетъ... я уже радъ былъ, что выбрался изъ болота на сухое мѣсто...

— Гдѣ тебя поджидалъ уже господинъ Брандовъ?..

— А вы откуда знаете? съ удивленіемъ спросилъ Генрихъ.

— Догадываюсь...

— Нѣтъ, его еще тамъ не было, а только скоро послѣ того и онъ пріѣхалъ. Ужь какъ только я на него сердился за то, что онъ Браунлокка взялъ!.. Чего ему тутъ нужно? спрашиваю. Лучше, говорю, домой вернуться. Онъ не хочетъ. Другіе, говорить, видѣли, какъ онъ выѣзжалъ... что-же ему сказать, когда спросятъ, гдѣ онъ былъ въ это самое время?.. Я, видите, хотѣлъ передать ему деньги. Но онъ вышибъ у меня пачку изъ рукъ, и такъ она и лежала между нами. Что-жь, говорю, валяться ей тутъ, что-ли?.. Да пусть, говоритъ, валяется, я, говоритъ, вовсе не за деньгами гнался... Потомъ, знаете, спрашиваетъ про васъ. Ну, я не сталъ тутъ съ нимъ много разгова-

ривать, сказалъ два-три слова,—потому очень ужъ на него рассердился. А онъ-то, знаете, и говоритъ мнѣ: не худо-бы, молъ, тебѣ сию-же минуту сходить туда, да... тово... порѣшить, значить... Нѣтъ, говорю, идите сами, да и справляйтесь, какъ знаете, а мнѣ, говорю, до смерти надоѣло все это дѣло... Тотъ меня умаливать и такъ, и эдакъ,—да нѣтъ, я заупрямился, очень ужъ сердитъ на него былъ... Тутъ опять ему страшно стало: какъ онъ отговорится, гдѣ былъ за все это время. Да что-жь, говорю я ему, коль скоро взяли съ собой Браунлокка, такъ скачите черезъ болото—будете въ Нейнгофѣ такъ скоро, точно-бы слѣдомъ выѣхалъ за этими господами изъ Доллана... то-есть, настоящимъ, проѣзжимъ трактомъ... Такъ-то такъ, говоритъ онъ мнѣ. А все-таки сразу духу не хватило, хоть у него въ такихъ штукахъ смѣлости хватить, да еще недавно я самъ проѣхалъ по болоту передъ его-же глазами. А коль скоро такъ, говорю я, такъ дѣлайте, что знаете, а я пойду въ кузницу Преброва, да людей позову, а то, чего доброго, говорю, на меня всю бѣду свалить... Наконецъ-то, онъ надумался да и поѣхалъ... любо было глядѣть, какъ онъ поскакалъ... мѣсяцъ, знаете, весь вынырнулъ изъ-за тучъ, такъ мнѣ отлично все было видно... одно слово, молодцомъ поскакалъ, только вода подъ копытами коня, въ стороны брызгала...

Генрихъ прошелъ нѣсколько шаговъ молча. Потомъ вдругъ останавливается.

— А со мною все-таки не хорошо поступилъ, ужъ такъ не хорошо... Провались я на этомъ самомъ мѣстѣ, если когда-нибудь не отплачу ему такъ, что долго будетъ помнить. Обѣщаль мнѣ десять процентовъ со всего, что выиграетъ ему Браунлоккъ, — а у него въ книгѣ уже тогда было десять тысячъ записано... скоро-бы вдвое столько покрылось!.. И вѣдь онъ знаетъ-же, что я позволилъ-бы обрубить себѣ руки, лишь-бы мнѣ на скачкахъ можно было взглянуть на Браунлокка и слышать, какъ другіе-то заговорили-бы обо мнѣ: вотъ она — выѣздка Генриха Шеля... куда въ чорту противъ него всѣ англичане... И за все это оставлять меня на цѣлую недѣлю подъ арестомъ у этихъ подлецовъ Ранке... или прихожу я въ Горлицъ ночью, — чтобъ завтра, то-есть, на яхтѣ въ Мекленбургъ отплыть... жду его въ словомъ лѣсу... потому двѣ тысячи пообѣщаль мнѣ дать на дорогу... и такъ ни-

чего и не дождался. Что-жь, думаетъ себѣ, завтра его нелегкая унесетъ отсюда, — съ деньгами-ли, безъ денегъ-ли, — все равно уѣдетъ... Думаетъ, такъ и пройдутъ ему даромъ всѣ эти штуки!!.. Нѣтъ, погоди, милый баринъ, подведу и я тебѣ такую штуку, что... одно слово, доволенъ останешься!!..

— Я думаю, впрочемъ, и тебѣ тутъ придется не лучше, чѣмъ ему! замѣтилъ Готтгольдъ: — или ты полагаешь, судъ умилосердится только потому, что ты все это надѣлалъ ради своего господина?..

— Вотъ ужъ такъ и судъ!!.. Развѣ вы меня въ судъ потащите, ваша милость?..

— А можешь-ли ты быть на меня въ претензіи, если-бы я это сдѣлалъ?..

Генрихъ на минуту остановился. Улизнуть было рѣшительно невозможно. Тяжелая рука Іохена Преброва лежала на его плечѣ; товарищъ его еще прежде взвелъ курокъ пистолета, и длинный стволъ оружія блестялъ при свѣтѣ перваго плавучаго маяка, къ которому они подошли уже довольно близко. Имъ стоило только крикнуть—ужъ если-бы нужно было принять рѣшительныя мѣры—и береговые сторожа въ ту-же минуту явились-бы къ нимъ на подмогу...

— Слушайте, ваша милость, заговорилъ Генрихъ,—я хоть и въ вашихъ рукахъ да не совсѣмъ. Вы одни можете заставить меня пересказать передъ судомъ, что я говорилъ теперь... Эка бѣда какая: скажу навралъ да и кончено...

— Такія увертки нисколько тебѣ не помогутъ, Генрихъ... У насъ есть доказательства, что деньги были не потеряны, а украдены и попали въ карманъ твоего господина...

Въ немногихъ словахъ Готтгольдъ передалъ ему содержаніе письма Волльева, не забывъ прибавить также и того, что на болотѣ ими были найдены слѣды лошадиныхъ копытъ на значительное разстояніе. Объ этомъ самъ Готтгольдъ узналъ еще недавно отъ старого Бослава.—Противъ этого обстоятельства и многихъ другихъ, совершенно положительныхъ свѣденій, заключилъ Готтгольдъ, ничего не подѣлаешь никакой хитрой ложью.

Генрихъ все слушалъ внимательно.

— А по моему, такъ всего лучше съ судомъ не связываться! отозвался онъ: — дѣло-то само по себѣ скверное, и чѣмъ меньше

толковать о немъ, такъ тѣмъ, я полагаю, лучше будетъ для всѣхъ... кого оно касается... Но ужь коли на то пошло, ваша милость, такъ нашему брату бѣдняку не привыкать къ собачьей жизни... а вотъ въ эти дни мнѣ довелось натерпѣться хуже, чѣмъ собакѣ иной... такъ ужь, стало быть, и въ тюрьмѣ годика два-три высидѣть можно... лишь-бы его со мной засадили, голубчика...

Бругомъ уже совершенно стемнѣло, и потому Готтгольдъ не могъ видѣть звѣрской улыбки, искривившей широкія губы Генриха.

— Отъ тюрьмы-то я, пожалуй, и могъ-бы тебя избавить, проговорилъ художникъ,—но въ такомъ только случаѣ, если ты пообѣщаешь мнѣ и не помышлять о побѣгѣ и вообще безусловно повиноваться всѣмъ моимъ приказаніямъ... Худою я ничего не прикажу тебѣ...

— Да ужь это-то мы знаемъ, ваша милость, обратился къ нему Генрихъ,—стало быть, и по рукамъ можно...

Готтгольдъ почувствовалъ въ своей рукѣ жесткую, какъ кусокъ кремня, пятерню Генриха; ея нервное сильное пожатіе убѣдило его, что обѣщаніе это произносилось не на вѣтеръ.

— Ну, такъ иди-же за мною, а ты, Йохенъ, ухитрись провести насъ къ себѣ такъ, чтобы никто ничего не зналъ и не видѣлъ...

(Продолженіе будетъ.)

Я Д Ы.

(Изъ Густава Надб.)

— Мой другъ! Васъ лихорадка мучить?
Что дѣлать! Можетъ быть она
Васъ осторожности научить;
Не пейте, главное, вина.

— Какъ, а шампанское?

— Бѣда!

Вѣдь это ядъ, вамъ говорятъ.

— Ахъ, докторъ, какъ пріятенъ ядъ!

* * *

Охоты бѣшеной бѣгите
И одѣвайтесь потеплѣй.
Корову дойную купите,
Забудьте кофе поскорѣй.

— Хотя полчашки въ день...

— Ей-ей,

Вѣдь это ядъ, вамъ говорятъ.

— Ахъ, докторъ, какъ пріятенъ ядъ!

* * *

Бродя, о палку опируйтесь,
Ну, если нравится, порой
Верхомъ на осликѣ катайтесь,
Сигары бросьте...

— Боже мой!

Я, докторъ, только по одной...

— Вѣдь это ядъ, вамъ говорятъ.

— Ахъ, докторъ, какъ пріятенъ ядъ!

.....

В. И. Славянскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТАШКЕНТЕЦЪ ВЪ НАУКЪ.

Политика, какъ наука. Соч. А. Стронина, Спб. 1872 г.

...«Разумы наши тупы и медлительны, ума нашего на заморскія истины не хватить». (Стронинская «Наука, какъ Политика», стр. 430).

I.

Любители всего „національнаго“ и въ особенности такихъ архи-національныхъ продуктовъ, какъ квасъ и каша, со временъ Кирѣвскаго, ощущали потребность въ „національной наукѣ“, — такой наукѣ, которая-бы, выражаясь языкомъ того-же Кирѣвскаго, „одностороннюю истину запада претворила-бы въ славянскомъ геніѣ“. Потребность эта была совершенно естественна и правомѣрна: человѣкъ, какъ извѣстно каждому семинаристу, состоитъ изъ тѣла и души; а потому, „не добро есть пещись“ лишь объ одномъ только „тѣлѣ“. Побаловавъ тѣло квасомъ и кашей, нужно-же чѣмъ-нибудь побаловать и душу. Чѣмъ-же? Конечно, *истиной*; но западная истина — несовершенна и одностороння, и потому славянофилы рѣшили сообщить ей запахъ національной кухни, а западную науку „обрусить“. Прекрасно, — отчего-же не обрусить? Мало-ли у насъ обрусителей! Послѣ славянофиловъ преименно явились гг. Страховы, Данилевскіе, Симоненко, Оресты Миллеры и имъ-же нѣсть числа. Къ этой-же категоріи обру-

«Дѣло», № 12. 1

сителей западной науки принадлежит и г. Стронинъ. Мы останавливаемся на немъ именно потому, что изготовленное имъ *мъсиво* (подъ именемъ „Политика, какъ наука“), по всей справедливости, можетъ быть принято за типическій продуктъ нашей національной кухни. Ознакомившись съ его составомъ, мы ознакомимся съ общимъ характеромъ цѣлой школы,—школы хотя и отвлеченныхъ теоретиковъ, но имѣющихъ много сходныхъ чертъ съ тѣми практиками, которыхъ г. Щедринъ остроумно охарактеризовалъ словомъ „ташкентцы“. Да, это ташкентцы — но только ташкентцы, устремляющіеся не къ „окраинамъ“ и не въ новые суды, а въ „науку“. На г. Стронинъ намъ не трудно будетъ убѣдиться въ этомъ. Но только онъ не долженъ слишкомъ гордиться тѣмъ, что мы посвящаемъ ему цѣлую статью: въ сущности его словоизверженіе ни на крошечку не умнѣе словоизверженій какого-нибудь Страхова или Данилевскаго; но онъ рѣзче опредѣляетъ характеръ школы и вотъ единственная причина, по которой мы обращаемъ на него наше вниманіе. Впрочемъ, мы это говоримъ не столько для г. Стронина, сколько для читателей. Самъ г. Стронинъ, конечно, намъ не повѣритъ, такъ-какъ онъ, въ качествѣ „истаго ташкентца“, страдаетъ манією самовозвеличенія. Ему кажется или, лучше сказать, онъ увѣренъ, что онъ работаетъ не въ интересахъ ограниченнаго кружка ташкентцевъ, а въ интересахъ всего человѣчества... ну, какъ вы думаете, читатель, кѣмъ онъ себя считаетъ? Вторымъ Страховымъ, Данилевскимъ? О нѣтъ, забирайте выше! Можетъ быть, генераломъ Фаддѣевымъ или княземъ Мещерскимъ? Нѣтъ: онъ себя считаетъ *русскимъ Аристотелемъ!* Возмнивъ себя Аристотелемъ, онъ, разумеется, не нуждается ни въ чьихъ похвалахъ и поощреніяхъ; потому-что, хотя и есть французская пословица: *chaque sot... etc.*,—но все-таки едва-ли кто ухитрится превознести его выше, чѣмъ онъ самъ себя превозноситъ. Впрочемъ, на похвалы и поощренія нашъ Аристотель не слишкомъ, кажется, падохъ. По свойственной скромности ему вспоминается не та французская пословица, которую мы сейчасъ начали было цитировать, а другая, болѣе классическая, гласящая: „что никто въ своемъ отечествѣ не бывалъ пророкомъ“. Какъ-бы предчувствуя, что современники не въ состояніи будутъ постигнуть обще-европейское значеніе его „*Политики*“, какъ они не постигли его „*Исторію и Методъ*“, —онъ заранѣе объявляетъ, что русскіе читатели вообще

не дозрѣли до пониманія истинъ „равно далекихъ, какъ отъ либеральнаго катехизиса, такъ и отъ абскуртантнаго“ (стр. 461), и что „наша интеллигенція текущаго дня представляетъ бѣдность по истинѣ изумительную“, что „никогда со временъ Петра (отчего же Петра? не лучше-ли Рюрика!) не представляла она такой засухи и такого безплодія“ (стр. 457). Бѣдная интеллигенція и счастливый г. Стронинъ! Теперь уже можно смѣло выдавать себя не только за Аристотеля, но даже и за пророчицу Девору (ниже мы увидимъ, что г. Стронинъ и отъ этого не прочь). „Никто ему не указъ, ибо всѣ эти указчики плевка моего не стоятъ!“ Мы и не будемъ ему ничего указывать; полемизировать съ нимъ, оспаривать его—было-бы дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, напраснымъ. Но воспользоваться имъ для опредѣленія составныхъ элементовъ и выясненія истиннаго характера нашихъ обрусителей, это, какъ мы видѣли выше, трудъ не совсѣмъ неблагодарный и во всякомъ случаѣ весьма любопытный. Такъ мы и поступимъ: мы будемъ говорить *по поводу* г. Стронина, но отнюдь не съ г. Стронинимъ; мы будемъ пользоваться его сочиненіемъ, но, конечно, не полемизировать съ нимъ.

II.

Для того, чтобы составить себѣ ясное, строго-научное понятіе о чрезвычайно сложныхъ историко-общественныхъ отношеніяхъ, чтобы свести все разнообразіе общественной жизни къ одному общему синтезу, чтобы отыскать въ этой непрерывной, и, повидимому, совершенно хаотической смѣнѣ явленій какое-нибудь опредѣленное постоянство „его послѣдовательностей и сосуществованій“, короче, для того, чтобы установить законъ общественнаго движенія,—для этого нужно, конечно, подвергнуть эти разнообразныя отношенія, эти непрерывно смѣняющіяся явленія строгому, методическому, всестороннему изученію. Только путемъ такого изученія, притомъ изученія, безвозвратно отрѣшившагося отъ узъ старой метафизики и вполне усвоившаго приемы точной науки, только такимъ путемъ мы можемъ дойти до правильнаго представленія объ истинной сущности историко-общественныхъ явленій. Но это долгій и несносный путь. Гораздо легче и проще подставить вмѣсто этого искомого представленія готовый образъ. Вообразите, наприимѣръ, себѣ, чита-

тель, что общество есть нѣкоторая геометрическая фигура; удлите въ эту фигуру всѣ извѣстныя вамъ общественныя элементы, свяжите эти элементы такими-же отношеніями, какими въ индивидуальномъ организмѣ связаны отдѣльные органы, и затѣмъ изучайте эту фигуру и стройте, съ ея помощью, свои общественныя, политическія и всякія инія теоріи! Просто и удобно. Законы геометрическихъ фигуръ извѣстны, законы органической жизни тоже извѣстны, значить, вамъ не предстоитъ ни малѣйшаго труда опредѣлить и законы общественной жизни; въ сущности, вы уже ихъ и опредѣлили, построивъ свою фигуру и назвавъ ее организмомъ. Очевидно, если представленіе объ обществѣ замѣнено представленіемъ объ организмѣ, или о геометрическомъ, физическомъ, химическомъ тѣлѣ, или всѣми этими представленіями заразъ, то, само собою, общественныя законы отождествляются съ законами біологіи, химіи, физики, механики, математики. Вы, мсжете быть, скажете, читатель, что я считаю васъ, вѣроятно, за помѣшаннаго, потому что только помѣшанный можетъ воображать подобныя несообразности и обманывать себя подобными подтасовками. Да, читатель, это правда: только помѣшанный можетъ обманывать себя подобными подтасовками. Но вѣдь представьте себѣ, вся антропоморфическая *) философія исторіи, вся антропоморфическая философія общества сводятся къ одной этой подтасовкѣ, и о ея великой пользѣ и необходимости г. Стронинъ написалъ даже цѣлую книгу (*Исторія и методъ*); въ этой книгѣ онъ, съ логикою истиннаго ташкентца, доказывалъ тожество общества съ организмомъ, на основаніи предполагаемой тожественности законовъ органической и общественной жизни, и тожественность законовъ органической и общественной жизни, на основаніи предполагаемаго тожества общества и организма. Въ этой-же книгѣ, на основаніи послѣдняго тожества, онъ доказывалъ тожественность законовъ общественной жизни съ законами механики, физики, химіи и даже астрономіи. Что удивительнаго,

*) *Антропоморфизмъ*—это первая ступень умственного развитія, съ которой начинается работа человѣческой мысли. Дикарь всѣмъ явленіямъ окружающей его природы навязываетъ свое я, и эта первая стадія антропоморфизма можетъ быть названа субъективной. Вторая стадія, когда полудивилизованный дикарь объясняетъ всѣ внутреннія, психическія движенія своего я внѣшними явленіями природы, можетъ быть названа объективнымъ антропоморфизмомъ.

если онъ при такомъ упрощенномъ взглядѣ на общественные законы могъ вообразить себя Колумбомъ обществовѣденія? Нѣтъ, онъ оказался даже гораздо ловчѣе и практичнѣе Колумба. Колумбу нужно было все-таки прежде чѣмъ открыть Америку, доѣхать до нея. А г. Стронинъ, наоборотъ, прежде чѣмъ собрался изучать общество, уже открылъ его законъ. При этомъ нельзя не замѣтить, какъ въ самомъ этомъ открытіи сказались широкая, русская натура, съ ея вѣчнымъ девизомъ: „здраву моему не препятствуй.“ На западѣ истории и соціологи, стоявшіе на антропоморфической точкѣ зрѣнія, не шли обыкновенно далѣе отождествленія общественныхъ законовъ съ законами одной какой-нибудь группы однородныхъ явленій, органическихъ, напирѣзь (Дрэперъ, Спенсеръ), или астрономическихъ (италіянскіе мистики XV и XVI, в.в.) и т. п. Никому изъ нихъ не приходило въ голову отождествить законы общественной жизни разомъ и съ законами біологическими, и химическими, и физическими, и астрономическими, и математическими. У каждаго былъ въ головѣ нѣкоторый царь, который сдерживалъ слишкомъ пылкія увлеченія фантазіи. Нашъ-же обруситель вполне эмансипированъ отъ власти головного царя; почему-же, думаетъ онъ, нельзя подвести общественныхъ явленій и подъ органическіе законы и подъ химическіе, физическіе и т. д.; вѣдь законы физики сводятся, въ концѣ концовъ, на законы математики, законы химіи—на законы физики, законы біологіи — на законы химіи и физики, ну, значить, законы общественные суть ничто иное, какъ законы біологіи, химіи, физики и математики и т. п. И г. Стронинъ снимаетъ всякую узду здраваго смысла съ своей фантазіи. Вамъ, читатель, приходилось, конечно, часто слышать выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „разъяренная толпа, подобно бурному потоку, ринулась“... „идея, какъ бомба, упала“... „на общественномъ горизонтѣ скопились тучи и ударилъ громъ“ и т. п. Но всегда вы понимали эти цвѣтистыя выраженія въ смыслѣ простыхъ метафоръ, и вамъ никогда на умъ не приходило, что движеніе толпы можно серьезно объяснять тѣми-же законами, которые управляютъ движеніями волны, законы распространенія идей отождествлять съ законами движенія твердыхъ тѣлъ, законы столкновенія и борьбы общественныхъ элементовъ съ законами образованія тучъ и молніи. Г. Стронинъ всѣ эти метафоры принимаетъ à la lettre. Факты общественной

жизни онъ объясняетъ фактами изъ области физики, химіи, физиологіи, механики; изъ законовъ соединенія и разложенія химическихъ частицъ, движенія твердыхъ тѣлъ, пищеваренія, кровообращенія и т. п. онъ выводитъ законы движенія, сложенія и разложенія общественныхъ элементовъ. Развѣ это не приемы измышленія первобытнаго дикаря? Развѣ бушменъ не объясняетъ точно также поражающіе его факты внѣшней природы (въ родѣ бурь, затмѣній, землетрясеній, грозъ и т. п.), обыденными фактами своей домашней жизни? Но извѣстно, что бушменъ свои наивныя объясненія всегда облачаетъ въ какой-нибудь наглядный образъ, такъ какъ образность есть необходимое дополненіе антропоморфизма. Въ какой-же образъ, въ какую-же геометрическую фигуру укладываетъ нашъ Аристотель свои антропоморфическія понятія объ обществѣ?

III.

Угрюмъ Бургеевъ, тотъ знаменитый „идіотъ изъ прохвостовъ“, котораго такъ типически изобразилъ историкъ города Глупова (см. Исторія одного города, стр. 192—201 и др.), укладывалъ все извѣстные или, лучше сказать, *допускаемые* имъ общественные элементы въ фигуры круга: въ центрѣ высшая администрація и манежи, отъ центра радіусами идутъ роты, въ которыхъ размѣщаются обыватели, затѣмъ форштадтъ и земляной вахъ. Г. Стронинъ предпочитаетъ кругу *пирамиду*. Пирамиду эту онъ раздѣляетъ не на роты, а на шесть трапецій и три трехугольника. Въ трехъ нижнихъ трапеціяхъ, у основанія пирамиды, онъ поселяетъ *рабочихъ* (раздѣленныхъ имъ на земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ); въ трехъ среднихъ трапеціяхъ *средній классъ*, который, въ свою очередь, тоже раздѣляется на *арендаторовъ, мануфактуристовъ и банкировъ*, и каждому изъ этихъ под-отдѣловъ отводится своя клѣтка. Затѣмъ въ трехъ верхнихъ трехугольникахъ отводятся квартиры для *собственниковъ*; а на вершинѣ трехугольниковъ устанавливается правительство или верховная власть пирамиды. Кромѣ собственниковъ въ трехугольникахъ-же поселяются: законодатели, судьи и администраторы, и при этомъ соблюдается такой порядокъ: судьи помѣщаются въ

среднемъ треугольникѣ, а законодатели и администраторы въ двухъ крайнихъ. „Каждая изъ этихъ общественныхъ сферъ въ основаніи своемъ, также какъ и вся пирамида, гораздо шире, гораздо многочисленнѣе, а къ вершинѣ гораздо уже, малочисленнѣе. Малочисленность эта доходитъ до того, что въ самой вершинѣ каждая изъ трехъ сферъ оканчивается одною точкою, и даже до того, что всѣ три вершины сливаются въ одной (тутъ-то и отводится квартира верховной власти), отъ этой общей вершины идутъ двѣ расходящіяся линіи вплоть до самаго основанія пирамиды. По этимъ линіямъ размѣщаются *мыслители, художники и политики*; при этомъ опять-таки наблюдается, чтобы мыслители и политики помѣстились по краямъ, а художники въ серединѣ. Вообще, при размѣщеніи всѣхъ обывателей, соблюдаются слѣдующія правила: земледѣльцы-арендаторы, законодатели и мыслители занимаютъ квартиры въ лѣвомъ фасадѣ пирамиды: первые въ подвальномъ этажѣ, вторые—въ бель-этажѣ, третьи—въ третьемъ этажѣ, мыслителямъ дозволяется жить во всѣхъ этажахъ (т. е. опредѣленныхъ по штату квартиръ имъ не полагается: найдутъ—хорошо, а нѣтъ—и такъ останутся). Ремесленники, мануфактуристы, судьи и художники поселяются въ среднемъ фасадѣ: ремесленники въ первомъ этажѣ, мануфактуристы — во второмъ, судьи—въ верхнемъ, художникамъ опредѣленныхъ квартиръ не полагается. Торговцы, банкиры, администраторы и политики размѣщаются въ правомъ фасадѣ съ соблюденіемъ той-же іерархіи этажей: торговцы—внизу, банкиры—въ серединѣ, администраторы—въ верху, политики—гдѣ хотятъ.

Которая изъ фигуръ вамъ больше нравится, читатель: бургеевскій-ли кругъ или стронинская пирамида? Что касается до меня, я отдаю рѣшительное предпочтеніе Угрюмъ-Бургееву. Въ его образѣ все такъ просто, ясно и отчетливо: кругъ, на периферіи форштадтъ, въ центрѣ—манежъ, судьи, законодатели и администраторы, по радіусамъ—роты, въ ротахъ—квартиры обывателей, безъ всякихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій. Въ образѣ-же Стронина обиліе клѣтокъ и сложность ихъ продольныхъ и поперечныхъ дѣленій какъ-то подавляющимъ образомъ дѣйствуютъ на умъ. Кромѣ того знаменитый Угрюмъ-Бургеевъ, рисуя мысленно свою утопію, не считалъ нужнымъ вступать въ длинныя объясненія и доказательства, почему, напр., манежъ долженъ по-

мѣщаться въ центрѣ, почему рта не должна быть длиннѣе 6 сажень, почему всѣ дома обывателей должны быть окрашены въ свѣтло-сѣрую краску и т. п. Онъ просто говорилъ: *такъ должно быть!* вотъ и весь резонъ. По крайней мѣрѣ, тутъ не могло быть никакихъ пререканій и недоумѣній. *Такъ должно быть.* Чего-же больше? Я позволяю себѣ думать, что непреклонная категоричность этого „идіота“ была несравненно мудрѣ колеблющейся мудрости нашего Аристотеля. Онъ не удовлетворяется простымъ: такъ должно быть. Онъ пускается въ многословныя доказательства, *почему* такъ должно быть и *почему* иначе быть не можетъ. Доказательства эти такого рода, что если-бъ ихъ вздумалъ приводить Угрюмъ-Бургеевъ, для оправданія своей военно-казарменной утопіи, то даже и глуповскіе обыватели, несмотря на всю ихъ „нехитрость“, усумнились-бы въ достоинствѣ его градоначальническаго проекта. Почему, въ самомъ дѣлѣ, арендаторы поселены въ одномъ фасадѣ съ законодателями, мануфактуристы съ судьями, а банкиры съ администраторами? „Это потому, разсуждаетъ г. Стронинъ, что дѣятельность арендаторовъ даетъ инициативу всей экономической жизни, какъ дѣятельность законодателей—всей политической“; „мануфактура-же есть продолженіе судебного трехугольника въ среднемъ классѣ, потому что обрабатываетъ продукты земледѣлія, какъ юстиція обрабатываетъ продукты законодательства“ (!); „банкъ-же, кредитъ есть продолженіе правительственнаго режима въ среднемъ классѣ, потому что онъ такъ же направляетъ всю его дѣятельность и также распредѣляетъ въ немъ всѣ продукты земледѣлія и мануфактуры, какъ администрація направляетъ дѣятельность всѣхъ классовъ и распредѣляетъ между ними продукты законодательства и правосудія“... (стр. 21, 22). Почему мыслители поселены въ одномъ фасадѣ съ законодателями и арендаторами, художники—съ судьями и мануфактуристами, политики—съ банкирами и администраторами? „А это потому“, отвѣчаетъ нашъ Аристотель, „что мыслители производятъ *сырой матеріалъ*, художники его *обрабатываютъ*, а политики, какъ прожектеры, какъ пропагандисты, уподобляются и правительству, и банку, и торговлѣ“ (!). Но будетъ ли это такъ и всегда? Можетъ-ли наша пирамида, со всѣми ея вѣточками, трапеціями и трехугольниками, претендовать на вѣчное существованіе? И всегда-ли человѣческія общества неуклонно

слагались въ эту фигуру? задаетъ себѣ вопросы философствующій ташкентецъ и тутъ-же самъ себя огорошиваетъ: „Предлагать такіе вопросы—это все равно, что спросить: да точно-ли организація человѣка будетъ и всегда такова, какъ была до сихъ поръ и какъ есть теперь? и не можетъ-ли эта организація перевернуться современемъ вверхъ-дномъ? Конечно, можетъ; но въ извѣстныхъ и весьма тѣсныхъ предѣлахъ“. „Но все-таки ни нервы, ни мускулы, ни легкія, ни сердце, ни голова, ни туловище уйти вонъ изъ организаціи не могутъ (стр. 24), а следовательно, и пирамидальное строеніе общества и распредѣленіе обывателей на вышеуказанные трехугольники и трапеціи уничтожиться не можетъ“ (стр. 25, 26). Но, однако, почему-же это *следовательно*? А потому, что общество есть пирамидальный организмъ. Почему-же общество есть пирамидальный организмъ? Потому, что всѣ его обыватели размѣщены въ пирамидальныхъ клѣткахъ и всѣ клѣтки соединены между собою органическою связью. Почему-же общественные обыватели размѣщены въ эти клѣтки и почему эти клѣтки соединены органически? Потому что общество—есть пирамидальный организмъ. Почему-же общество есть пирамидальный организмъ? Потому, что всѣ его обыватели и т. д., и т. д. Безконечная сказка о бѣломъ бычкѣ. Не правъ-ли-же былъ Угрюмъ-Бургеевъ, когда онъ, вмѣсто того, чтобъ усыплять глуповцевъ этой безконечной сказкою, грозно рычалъ: *такъ должно быть!* Вѣдь и онъ-бы могъ точно также доказывать законмѣрность саженой длины ротъ и свѣтло-сѣрой краски домовъ законмѣрностью существованія сердца, легкихъ и печени въ человѣческомъ организмѣ. Какъ онъ ни былъ глупъ, а на такія доказательства и его ума, конечно, хватило-бы. Но онъ не любилъ пустословить, и въ этомъ его великое преимущество передъ г. Стронинимъ! Ну, а насчетъ строгости и непреклонности г. Строниня не уступитъ Бургееву. Померещились ему какіе-то *пропагандисты* и потребовали они у него, чтобъ онъ выкинулъ изъ своей пирамиды „аристократію и торговлю“. Г. Строниня, не на шутку вспылить. „Требовать это (хотя, въ сущности, никто и ничего у него не требовалъ)—все равно, что имѣть притязаніе, ради осчастливленія человѣка, выбросить изъ него сосудистую систему, мозгъ и сердце. Отчего-же-бы лучше не выбросить самихъ пропагандистовъ“? (стр. 26).

Однако, эта похвальная непреклонность г. Стронина не всегда выдерживаетъ свой угрюмо-бургеевскій характеръ. Едва только сталъ онъ, въ своемъ „Послѣсловіи“, приспособлять сочиненную имъ пирамиду къ русскому обществу, какъ вдругъ, о, ужасъ! три среднія трапеціи—оказались пустыми! Не нашлось обывателей для ихъ пополненія (см. стр. 334, 335 и др. пос.). Наши ма-нуфактуристы, банкиры оказались всѣ нѣмцы да евреи, а арендаторовъ почти совсѣмъ нѣтъ. Угрюмъ-Бургеевъ сейчасъ-бы приказалъ: жидовъ и евреевъ перекрестить въ православную вѣру, собственность отъ крестьянъ отнять и превратить ихъ въ арендаторовъ. Но г. Стронинъ поступилъ и лучше, и мягче. Онъ нашелъ, что ни „жидовъ, ни нѣмцевъ“ перекрещивать не слѣдуетъ, крестьянъ-собственниковъ—въ арендаторовъ превращать незачѣмъ, это все должно остаться такъ, какъ есть, и что, за всѣмъ тѣмъ, стройность и гармонія его пирамиды ни мало не нарушается. Однако, какъ-же это не нарушается? Вѣдь среднія-то клѣтки все-таки остаются пустыми, ихъ слѣдуетъ выкинуть; а развѣ можно выкинуть изъ человѣческаго организма „сосудистую систему, мозгъ и сердце“? Ну, читатель, вы слишкомъ требовательны! Не можетъ-же г. Стронинъ быть постоянно неуклоннымъ логикомъ, позвольте-же ему быть немножко и патриотомъ.

IV.

Догадались-ли вы теперь, читатель, въ чемъ состоитъ основная мысль нашего Аристотеля? Эта основная мысль, какъ градоначальническихъ проектовъ Угрюмъ-Бургеева, такъ и философскихъ умозрѣній г. Стронина одна и та-же. Человѣкъ съ его радостями и печальми, съ его идеалами и стремленіями, со всѣмъ разнообразіемъ его внутренней жизни, и человѣкъ только воображающій, что не онъ существуетъ для общества, а общество для него, этотъ гордый-человѣкъ, съ точки зрѣнія гг. Строниныхъ и Бургеевыхъ, есть не болѣе, какъ ничтожный атомъ какого-то мифическаго тѣла. Онъ живетъ не *самъ по себѣ* и не *самъ для себя*; онъ только микроскопическая частичка нѣкоторой ткани, а эта ткань, въ свою очередь, частичка нѣкотораго органа, а органъ—нѣкотораго организма; онъ долженъ, подь условіемъ „экскорпировація изъ

тѣла“ (выражаясь языкомъ г. Стровина),— онъ долженъ приурочить себя къ этой ткани, къ этому органу, къ этой клеткѣ. Въ ихъ онъ не мыслимъ. До его радостей и печалей, до его идеаловъ и стремленій мифическому организму нѣтъ дѣла; если эти стремленія не согласуются съ функциями атома, если они нарушаютъ симетрію общаго плана, организмъ выдѣляется изъ себя негодный атомъ и замѣняетъ его другимъ; если, покорно исполняя свои функціи, атомъ мучится и страдаетъ, тѣмъ хуже для него: организмъ не измѣнитъ ради него своихъ вѣчныхъ законовъ и не освободитъ его отъ тяжелаго бремени. Все въ этомъ организмѣ заранѣе предусмотрѣно и предустановлено; личная инициатива, личная дѣятельность сводятся къ нулю. „Я — *все*, говоритъ общество человѣку, „а ты *ничто*. Только мною и только для меня ты живешь; если я увижу, что ты меня стѣсняешь, я имѣю точно такое-же право уничтожить тебя, какое ты имѣешь — вырѣзать свою мозоль“. Вотъ вамъ, въ короткихъ словахъ, основная догма этой Угрюмъ-Бургеевъ-Стровинской философіи, вотъ вамъ высшая мораль этой ташкентской мудрости! Какъ-же нашимъ науко-обрусителямъ не возлюбить теоріи, которая ведетъ къ такимъ много-полезнымъ практическимъ результатамъ... „Позвольте“, скажутъ, пожалуй, нѣкоторые, не совсѣмъ проныцательные читатели, „позвольте, что можетъ быть общаго между нивеляторскими утопіями глуповскаго градоначальника и понятіемъ объ обществѣ, какъ организмѣ? Съ точки зрѣнія первыхъ общество можно дѣлать и передѣлывать по фантазіи любого барона. Съ точки зрѣнія второго, — оно внѣ всякихъ баронскихъ передѣлокъ; взаимныя отношенія его частей, ихъ расположеніе и развитіе слѣдуютъ непреложнымъ законамъ, измѣнить которые не во власти не только глуповскаго градоначальника, но и какого-бы-то ни было человѣка“.

Но развѣ Угрюмъ-Бургеевъ не вѣрилъ также въ непреложность, неизмѣнность и, такъ сказать, *естественную закономерность* своего „начертанія“? И онъ былъ, подобно г. Стровину, глубоко убѣжденъ, что въ его *начертаніи* заключается истинный и несомнѣнный *типъ* всякаго человѣческаго общества, что взаимныя отношенія составныхъ элементовъ его круга также предопредѣлены самою природою, какъ и отношенія трапеціи стровинской пирамиды, какъ и отношенія частей человѣческаго

организма. И онъ, подобно г. Стронину, не допускалъ мысли, чтобы какая-нибудь человѣческая сила могла нарушить общую симетрію его плана, чтобы какой-нибудь дерзновенный обыватель могъ измѣнить направленіе роты, окрасить свой домъ въ свѣтло-желтую, вмѣсто свѣтло-сѣрой краски, перенести манежъ изъ центра къ периферіи или форштадтъ отъ периферіи къ центру. Всѣ подобныя случайности казались ему ровно на столько-же невозможными, на сколько г. Стронину кажется невозможнымъ, чтобы вершина его пирамиды очутилась у основанія, чтобы обыватели нижнихъ трапецій пережѣстились въ среднія и т. п. „Но, замѣтить, пожалуй, опять непроницательный читатель, — вѣдь г. Стронинъ ничего не выдумываетъ изъ своей головы, онъ не строитъ никакихъ утопій: онъ беретъ только тѣ общественные элементы, которые имѣются налицо, и располагаетъ ихъ приблизительно въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ они расположены въ дѣйствительности. Угрюмъ - Бургеевъ - же хотя также беретъ только тѣ элементы, которые находитъ въ Глуповѣ, но онъ располагаетъ ихъ въ иномъ порядкѣ, чѣмъ они были расположены до него. Отсюда радикальная разница во взглядахъ г. Стронина и во взглядахъ Бургеева на окружающую ихъ дѣйствительность. Первый относится къ ней съ спокойствіемъ благодушнаго консерватора и признаетъ *постепенность* высшею пробю политическою мудрости (стр. 127). Второй, напротивъ, неуклонно и стремительно проводитъ въ жизнь свои реформаціонные проекты и ради нихъ не только разрушаетъ цѣлый городъ, но даже и самое „теченіе водъ“ хочетъ измѣнить. Это замѣчаніе совершенно справедливо, но только оно нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Бургеевъ былъ реформаторъ (хотя и состоялъ въ чинѣ градоначальника), Стронинъ-же (хотя въ чинѣ градоначальника и не состоитъ) — консерваторъ. Вотъ и вся разница. И если-бы г. Стронинъ родился и жилъ въ городѣ Глуповѣ въ тотъ именно моментъ, когда утопія Угрюмъ-Бургеева была вполне осуществлена (чего, впрочемъ, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, никогда не было), то, навѣрное, онъ, вмѣсто пирамиды, размѣстилъ-бы общество въ *кругъ* и предпочелъ-бы радіусы трапеціямъ. Такимъ образомъ, революціонеръ Бургеевъ расходится съ консерваторомъ Стронинимъ лишь во взглядѣ на ту геометрическую фигуру, которая въ данный моментъ времени должна изображать общество, но они все-

таки остаются вполне солидарными въ своихъ взглядахъ на живого человѣка, на его общественную роль и назначеніе. Превратите мысленно Угрюмъ-Бургеева въ консерватора — и онъ явится сторонникомъ стронинской пирамиды; превратите Стронина въ революціонера — онъ станетъ защищать бургеевскій кругъ.

V.

Извѣстно, что объективный историко-общественный антропоморфизмъ прошелъ на Западъ двѣ ступени развитія. Сперва, когда естественныя науки были еще въ младенчествѣ, на общество переносились лишь нѣкоторые процессы органической жизни; впоследствии-же понятіе объ обществѣ было подведено всецѣло подъ понятіе объ организмѣ, взятомъ во всемъ его объемѣ. Отождествленіе жизни общества съ нѣкоторыми условіями жизни организма породило два различные взгляда на исторію общественнаго движенія. Для однихъ (антропоморфистовъ первой стадіи развитія) это движеніе представлялось въ видѣ безконечнаго круговаго процесса (Полибій, Макіавелли, Вико), въ которомъ каждое общество пробѣгаетъ безконечное число разъ три періода органической жизни: дѣтство, зрѣлость и старость. Начинаясь варварскимъ состояніемъ, оно переходитъ, по мнѣнію Вико, путемъ постоянного прогресса, въ періодъ человѣчности; затѣмъ, послѣ временнаго застоя, регрессируетъ къ „варварству цивилизованному“, — къ смерти; но за смертью слѣдуетъ немедленное возрожденіе: опять отъ варварства общество возвышается до человѣчности, снова спускается до варварства и т. д. Эти знаменитые виковскіе *Cicogni* возродились въ наше время въ теоріи безконечно сменяющихся *акцій* и *реакцій* (Гервинусъ), измѣнивъ только свой трехчленный на двухчленный процессъ. Впрочемъ, и предшественникъ Вико, Макіавелли, ограничивалъ циклъ историческаго движенія общественной жизни всего двумя періодами: періодомъ возростанія доблести (современная акція) и періодомъ паденія ея (реакція). За первымъ періодомъ неизбѣжно слѣдуетъ, по его мнѣнію, второй, за вторымъ опять первый и т. д. до безконечности. Антропоморфисты второй стадіи развитія (Дрэнперъ) рѣшительно отвергаютъ этотъ круговращательный процессъ исторической жизни. Об-

щество, подобно человѣку, растетъ, старѣетъ и умираетъ. Старость его можетъ быть безконечно длинна, но она все-таки не можетъ возвратиться къ юности; кромѣ смерти у ней нѣтъ никакого другого исхода. Смерть одного общества очищаетъ мѣсто другому, но это новое общество не есть возрожденное старое. Оно можетъ быть порождено имъ, подобно тому, какъ одинъ человѣкъ рождаетъ другого, но рожденный ребенокъ не есть уже возрожденный родитель.

Такимъ образомъ, послѣдователь дрэперо-спенсероваго взгляда не можетъ быть въ то-же время и послѣдователемъ Вико, а сторонникъ круговращеній Вико не можетъ стоять на точкѣ зрѣнія дрэперо-спенсероваго міросозерцанія. Г. Стронинъ, какъ мы видѣли, является сторонникомъ спенсероваго антропоморфизма: онъ всецѣло переноситъ на общество понятіе объ индивидуальномъ организмѣ: ходячія метафоры о нервахъ и телеграфѣ, о торговлѣ и кровообращеніи и т. п. онъ принимаетъ à la lettre. Мало того: онъ непреложно вѣруетъ, что каждое общество, каждое государство должны скончаться естественною смертью, подобно всякому животному организму. Умирая, животный организмъ разлагается; его разложившіяся части, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, служатъ снова матеріалами для организаціи жизни, и, такимъ образомъ, въ природѣ совершается вѣчный круговой процессъ отъ жизни къ смерти, отъ смерти къ жизни. Но если вы будете имѣть передъ глазами не жизнь всей природы, а лишь жизнь нѣкоторыхъ органическихъ индивидовъ, то здѣсь вы не встрѣтите никакого намека на круговоротъ: умершій человѣкъ не возродится, подобно фениксу, изъ своего пепла; его остатками, подъ тою или другою органическою формою, можетъ быть, будутъ питаться его потомки, но жизнь этихъ потомковъ не есть все-таки продолженіе жизни ихъ предка. Потому, если общество уподобится организму, если человѣчество есть совокупность такихъ общественныхъ организмовъ, то въ исторіи общества, въ исторіи человѣчества метаморфоза отъ смерти къ жизни, отъ жизни къ смерти и т. д. не можетъ имѣть мѣста. Такая метаморфоза несомнѣнна для исторіи всей природы, разсматриваемой въ общей совокупности органической и неорганической жизни, но она не осуществляется въ каждомъ отдѣльномъ отрывкѣ этой исторіи, въ спеціальной исторіи того или другого животного или расти-

тельного вида. Но г. Стронинъ нисколько не стѣсняется подобны-ми соображеніями. Позаимствовавъ у новѣйшихъ антропоморфистовъ ихъ историко-соціальную мякину, онъ не забылъ и Вико. Что ему за дѣло, что взгляды послѣдняго весьма мало сходятся со взглядами первыхъ. И вотъ, удостовѣривъ своимъ чертежомъ читателя, что общество есть индивидуальный организмъ, имѣющій форму пирамиды, онъ удостовѣряетъ его другимъ чертежомъ (стр. 123), что исторія общества есть безконечный круговоротъ отъ смерти къ жизни, отъ жизни къ смерти. Этотъ круговой процессъ слагается не изъ двухъ звѣньевъ, какъ у Маккиавелли, не изъ трехъ, какъ у Вико, а изъ шести. Эти шесть стронинскихъ періодовъ называются: *прогрессъ*, *застой*, *регрессъ*, *вырожденіе*, *перерожденіе*, *возрожденіе*. Послѣднее звѣно соединяется съ первымъ и, такимъ образомъ, составляетъ *замкнутая цѣпь* исторіи. Какъ въ „пирамидѣ“ человѣческая инициатива не можетъ измѣнить ни единой черточки, отгораживающей одну трапецію отъ другой, такъ въ этомъ „кругѣ“ она не можетъ ни вынуть, ни перемѣстить ни единого звѣна. Все заранѣе предвидѣно и предуславлено авторомъ „Политики“. За прогрессомъ всегда и съ неизбѣжною необходимостью долженъ слѣдовать застой, застой съ такою-же необходимостью влечетъ за собою регрессъ, регрессъ — вырожденіе, вырожденіе — перерожденіе, перерожденіе — возрожденіе, возрожденіе — прогрессъ и т. д., и т. д., — опять старая сказка про бѣлаго бычка. Но чтобы ничѣмъ уже не пренебречь, г. Стронинъ, позаимствовавъ у итальянскихъ мистиковъ теорію историческаго круговорота, позаимствовалъ и у новѣйшихъ либераловъ теорію перемежающихся періодически *акцій* и *реакцій* (т. е. одну и ту-же ребяческую фантазію позаимствовалъ два раза, подъ двумя соусами). Такимъ образомъ, каждое звѣно круговой цѣпи раздѣляется на рядъ маленькихъ звѣньевъ: *акцій* и *реакцій*. Истинность этого положенія г. Стронинъ опять подтверждаетъ чертежомъ (см. стр. 164). При этомъ онъ утверждаетъ, что реакція совѣмъ не есть *понятный* шагъ, — нѣтъ: это только „шагъ въ глубину“. „Поступь историческая, философствуетъ онъ (стр. 164), — состоитъ не изъ шаговъ то впередъ, то назадъ, какъ это обыкновенно думаютъ, и даже не изъ шаговъ то вправо, то влѣво, а *только изъ шаговъ то внизъ, то вверхъ, то въ высоту, то въ глубину* (!). Жаль, что г. Стро-

нинъ, столь щедрый вообще на чертежи, не иллюстрировалъ этой мысли соответствующей картинкою. По правдѣ сказать, она болѣе, чѣмъ всякая другая мысль г. Стронина, нуждается въ наглядномъ изображеніи. Безъ картинки я никакъ не могу себѣ представить „человѣчество“ идущее то „въ глубину, то въ высоту“ и притомъ недѣлающее попятныхъ шаговъ. Воистину стронинское человѣчество должно быть удивительнымъ акробатомъ. Но послушайте, однако, къ чему сводится вся эта арлекинская теорія. „Реакція такъ-же необходима и полезна для прогресса, какъ и самая акція, потому что она есть ничто иное, какъ раздѣленіе (въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ это *анализомъ*), по необходимости противоположаемое предшествующему усиленному соединенію (*акціи*, которую Стронинъ называетъ также *синтезомъ*). Въ волнообразномъ теченіи жизни за всякою волною генерализаціи непремѣнно должна наступать волна спеціализаціи (т. е. реакціи), за всякимъ подъемомъ, вздыманіемъ волны должно слѣдовать опаденіе, опусканіе ея. Оно такъже необходимо, какъ покой послѣ движенія, какъ день субботній послѣ недѣли, какъ ночь послѣ дня“. „Требованіе постоянной прогрессіи (т. е. акціи) безъ реакцій, ропотъ на прерываніе первой послѣднею похожи, слѣдовательно, на сожалѣніе о невозможности постоянной ѣды, похожи на досаду, что необходимо выжидать пищеваренія прежде, чѣмъ станетъ возможнымъ новый приѣмъ пищи“ (стр. 166, 167).

Нашъ читатель не найдетъ, конечно, въ этой философіи реакціи ничего удивительнаго, онъ замѣтитъ только, что это та-же „теорія точекъ“, которую давно уже проповѣдуетъ кн. Мещерскій. Но кн. Мещерскій, подобно лаконическому Угрюму-Бурчеву, считаетъ излишнимъ пускаться въ многословныя доказательства своей философіи. Онъ ограничивается категорическимъ: „*car, tel est notre bon plaisir*“. И онъ правъ.

V.

Выраженіе „національный квасъ“, конечно, не слѣдуетъ понимать такъ, какъ г. Стронинъ понимаетъ выраженія: „волны жизни“, „свѣтлый день прогресса“, „темная ночь реакціи“ и т. п.; т. е. не нужно думать, будто здѣсь дѣло идетъ о настоящемъ

квасъ, о нѣкоторой смѣси воды съ хлѣбомъ. Нѣтъ, такъ-какъ я говорю съ читателями, а не съ г. Стронинимъ, то я позволяю себѣ употреблять невинныя метафоры. „Національный квасъ“, въ смыслѣ метафорическомъ, не совсѣмъ похожъ на національный квасъ въ смыслѣ буквальномъ. Въ немъ нѣтъ хлѣба (даже метафорическаго), вмѣсто него тамъ есть такъ-называемый *квасной патриотизмъ*, тотъ патриотизмъ, который формулируется въ восклицаніи: „мы ихъ, басурмановъ, шапками закидаемъ“! Другую составную часть метафорическаго кваса является, какъ и въ настоящемъ квасѣ, вода, но, конечно, вода метафорическая: вода фразъ и пустословія. Этой воды во всѣхъ сочиненіяхъ нашихъ научно-обрусителей всегда обрѣтается весьма изрядное количество. Но г. Стронинъ едва-ли не перещеголялъ ихъ всѣхъ. Выжмите всю воду пустословія изъ его толстой книги и что останется? Пять, шесть заимствованныхъ глупостей, одна, двѣ оригинальныхъ. И заимствованное, и оригинальное не требовало для своего обстоятельнаго изложенія болѣе 2, 3 печатныхъ листовъ, а г. Стронинъ разогналъ эти глупости (главная сущность которыхъ приведена нами выше) на 30 слишкомъ листовъ! Конечно, онъ поступилъ такъ не безъ цѣли: глупости, сконцентрированныя на 3 листахъ, слишкомъ неприятно рѣзали-бы глаза; глупости, разведенныя на 30 листахъ, теряются и ступшевываются въ общей массѣ пустословія. Пустословіе г. Стронина состоитъ, главнымъ образомъ, въ доказательствахъ того, что ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается. Нужно-ли, въ самомъ дѣлѣ, доказывать, что общество имѣетъ форму пирамидъ, что за акцію неизбѣжно должна слѣдовать реакція, что высшая мудрость политики есть постепенность и т. п.? А г. Стронинъ все это норовитъ доказать; съ однимъ изъ способовъ этихъ доказательствъ мы уже ознакомились: мы видѣли, что онъ сводитъ его къ сказкѣ о бѣломъ бычкѣ. Но г. Стронинъ не всегда употребляетъ его; иногда онъ предпочитаетъ безконечной сказкѣ о бѣломъ бычкѣ ссылку на историческіе примѣры. Еще Вейль сказалъ, что съ исторію принято обращаться, какъ съ кускомъ мяса на кухнѣ; каждое историческое событіе кладется во столько соусовъ, сколько существуетъ поваровъ-историковъ. Конечно, такое сравненіе не совсѣмъ деликатно, но оно очень справедливо. Поэтому историческій способъ

доказательствъ всегда считался и считается самымъ деликатнымъ и удобнымъ; съ помощію его можно съ одинаковою убѣдительною доказать всякое про и всякое contra. И мы знаемъ, что это не только *можно*, но что это такъ и дѣлается. Каждая общественная партія, каждая общественная философія стараются подпереть свои тезисы и оправдать свои идеалы историческими данными. Въ арсеналѣ исторіи для каждаго человѣческаго мнѣнія заранѣе заготовлены соответствующія ему орудія. Бери изъ нихъ любое — и рази своихъ враговъ. Разумѣется, достоинству мнѣнія вполне отвѣчаетъ достоинство оружія. Есть мнѣнія такіа старья-престарья, такъ давно всѣми заброшенныя, что для защиты ихъ, кромѣ стараго, заржавленнаго оружія, ничего не найдешь. Мнѣнія нашей ташкентской философіи исторіи, какъ извѣстно читателю, принадлежать именно къ числу этихъ давно заброшенныхъ мнѣній, защищаемыхъ лишь съ помощію старой рутины. Эта философія, устами гг. Гильфердинговъ и Данилевскихъ, признаетъ за каждымъ народомъ какую-то особую миссію, вѣруеть въ необходимость паденія (въ прошломъ) римской имперіи, въ неизбежность паденія (въ будущемъ) романо-германской цивилизаціи и въ пышный разцвѣтъ славянской; и Стронинъ тоже во все это вѣруеть, и, кромѣ того, онъ вѣруеть въ незыблемый авторитетъ російскихъ Смарагдовыхъ и нѣмецкихъ Веберовъ. Онъ хорошо помнитъ тѣ дѣтскіе учебники, по которымъ мы въ юности долбили исторію. „Греція, со времени Перикла, клонится къ явному упадку“, „Римъ палъ, развѣдаемый своею внутреннею испорченностью“, „Французская революція есть ничто иное, какъ уличное безчинство и т. п. Всѣ эти фразы крѣпко вѣрзались въ память нашего Аристотеля и онъ разводилъ ихъ на многія и многія страницы для доказательства своихъ тезисовъ: за прогрессомъ долженъ слѣдовать застой и регрессъ, за аціею реакція; каждому государству предоставленъ предѣлъ, „его-же не преидеши“. Но развѣ, въ концѣ концовъ, все это не сводится опять-таки къ безконечной сказкѣ о бѣломъ бычкѣ!

Но мнѣ кажется, что все-таки тому первому способу пустословія, о которомъ мы говорили выше, слѣдуетъ отдать рѣшительное преимущество передъ пустословіемъ историческимъ, — оно не такъ длинно и не такъ скучно. То-ли, напримѣръ, дѣло: „по закону физики всякая сила есть движеніе“, „вода портится,

когда застаивается“; *отсюда* „необходимость общественнаго прогресса“ (стр. 73): „*Но, по закону механики*, никакое движеніе не можетъ быть вѣчнымъ, и хотя по инерціи оно стремится къ тому, но послѣ сопротивленій рано или поздно прекращается. Отсюда необходимость *застоя*. Наконецъ, по прекращеніи даннаго движенія, не преобразуются, однакожь, всё другія окружающія силы (?) и въ томъ числѣ тѣ, которыя остановили движеніе. Продолжая-же дѣйствовать въ томъ-же направленіи, онѣ рано или поздно выводятъ тѣло изъ застоя, но на этотъ разъ уже въ сторону противоположную, обратную первоначальному движенію. Отсюда необходимость *регресса*“ (стр. 73, 74). Вотъ и все: необходимость застоя, прогресса и регресса *въ исторіи* доказана самымъ очевиднымъ и спору неподлежащимъ образомъ! Кто теперь можетъ сомнѣваться, что если, „по закону физики“ и по закону механики, тѣло *движется* въ направленіи наибольшей силы, *останавливается* при встрѣчѣ съ равною силою, дѣйствующею въ противоположномъ направленіи, и, наконецъ, *измѣняетъ* свое первоначальное направленіе, когда послѣдняя сила возьметъ верхъ надъ первой; кто послѣ этого, говорю я, можетъ усомниться, что общественный прогрессъ всегда и неизбѣжно долженъ смѣняться застоємъ, застой регрессомъ? Зачѣмъ-же, скажите Бога ради, для доказательства столь блистательно доказанной истины нужны еще историческіе примѣры? Зачѣмъ тутъ понадобились Смарагдовы съ Веберами? Конечно, уже не въ интересахъ истины (она уже и безъ этого доказана) и не въ интересахъ читателя, а единственно въ интересахъ самого автора, которому нужно-же чѣмъ-нибудь попополнить 34 печатныхъ листа.

Иначе ничѣмъ нельзя объяснить авторскаго пустословія. По-вѣрите-ли вы, читатель, что онъ, напримѣръ, на многихъ страницахъ (и опять-таки съ помощью своихъ курьезныхъ способовъ) доказываетъ великую и, по его мнѣнію, весьма новую мысль о томъ, что „подъ луною все тлѣнно, все скоропреходяще“! Ему кажется, будто, доказавъ эту мысль, онъ уничтожилъ и посрамилъ какихъ-то „либераловъ“, вѣрующихъ „въ безконечность чело-вѣческаго существованія“ (стр. 69, 70). Съ такою-же комическою увѣренностью—будто онъ открываетъ Америку—г. Стронинъ подробно доказываетъ (т. е. опять-таки треплетъ Смарагдова и Вебера), что борьба общественныхъ партій всегда сводится на лич-

ную борьбу представителей этихъ партій (стр. 177, 179). Разболтавъ на нѣсколько страницъ эти банальныя истины, нашъ философъ докладываетъ читателю, что онъ не просто занимался чесаніемъ языка, а строилъ какую-то „теорію общественныхъ партій!“ Удивительный, право, шутникъ!

VIII.

Но довольно уже о стронинскомъ пустословіи, посмотримъ теперь на стронинскій патриотизмъ.

Общая формула нашего квасного патриотизма извѣстна. Въ короткихъ словахъ, она сводится къ тому положенію, что „мы“ не въ примѣръ лучше Европы; Европа уже склоняется къ регрессу, а мы все еще прогрессируемъ и прогрессируемъ (см. стр. 364 и др.); у Европы есть только прошлое, а у насъ — великое будущее; экономическій и политическій строй Европы заклеименъ печатью пауперизма и пролетаріата, буржуазизма и аристократизма; у насъ нѣтъ никакихъ сословныхъ перегородокъ, нѣтъ ни пролетаріевъ, ни буржуа (стр. 343, 344 и др.); наша крестьянская община—идеаль экономическаго устройства и т. д., и т. д. Мы-бы никогда не кончили, если-бы вздумали перечислять всѣ тѣ лестныя для насъ паралели, которыя г. Стронинъ проводитъ между нами и Европой. Только одно не нравится нашему патриоту въ нашей исторіи, ему кажется, что мы слишкомъ быстро прогрессируемъ. Указавъ на расширеніе нашей территоріи и на возрастаніе нашего населенія за послѣдніе 150 лѣтъ, онъ восклицаетъ: „Нужно-ли добавлять доказательство возрастанія политическаго: въ цивилизаціи, въ культурѣ, въ гражданственности? Мало того, нельзя не признать даже особенной быстроты всего этого роста: мы растемъ, дѣйствительно, какъ нашъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ...“ и т. д. (стр. 365). Неестественная быстрота нашего развитія возбуждаетъ въ г. Стронинѣ большія опасенія, и онъ настоятельно совѣтуетъ „понимающимъ патриотамъ и либераламъ“ всячески воздерживаться отъ всякихъ великихъ идеаловъ политическихъ“ (стр. 367). И, чтобы придать своему совѣту болѣе вѣсу, онъ вдругъ забылъ о нашемъ богатырскомъ ростѣ и начинаетъ доказывать, что мы еще „не созрѣли“.

Кромѣ нашего „богатырскаго роста“, г. Стронинъ недоволенъ еще нашею текущею литературою. „Несмотря, говорить онъ,—на природныя дарованія нашей націи,—нынѣшній личный составъ нашей интеллигенціи—плохой атестатъ для нея“ (стр. 457). Прежде у насъ были великіе умы и блестящіе таланты по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ, а теперь: „все старое вымерло до тла, а новое не народилось“; „ни одного талантливаго ученаго, ни одного поэта, ни одного художника, беллетриста, критика, актера, публициста, агитатора (?), реформатора (?); ни одной свѣжей мысли, никакого новаго движенія ни въ теоріи, ни въ искусствѣ, ни въ практикѣ“ (стр. 457). Какъ это печально! Боже мой, какъ это печально! Но въ то-же время какъ это и старо. Въ какой-же періодъ нашей литературы партія обрусителей, которую изображаютъ теперь гг. Страховы, Данилевскіе, Стронины и имъ подобныя, не плакала и не горевала о паденіи современныхъ ей науки, искусства и журналистики? Когда-же она не обращала съ любовью своихъ взоровъ къ прошлому и не относилась презрительно къ настоящему? „Вотъ прежде такъ были люди! Богатыри—не вы! Какіе умы! Какіе таланты? Ужь они-то бы навѣрно насъ оцѣнили! А теперь что, и говорить-то не съ вѣмъ: все мелюзга, жалкая, безталанная посредственность!“ и т. д., и т. д. Старая, очень старая пѣсня! Утѣшайтесь ею, гг. Стронины: въ вашемъ положеніи это дѣйствительно единственное утѣшеніе. Но г. Стронинъ способенъ утѣшаться не только прошлымъ, но онъ утѣшаетъ себя и надеждами на будущее. Вѣроятно, къ этому времени онъ окончитъ свое созиданіе „соціальной науки“.

Точно также и по части „славянно-русской миссіи“ авторъ „Политики, какъ науки“ далеко оставилъ позади себя не только какихъ-нибудь московскихъ Погодиныхъ, Аксаковыхъ или петербургскихъ Ламанскихъ, Миллеровъ, но даже и самого Данилевскаго. Московскіе и отчасти петербургскіе патріоты не идутъ обыкновенно дальше панславизма. Подай имъ славянъ, да только *остъхъ* славянъ, гдѣ-бы они ни жили, въ Африкѣ-ли, въ Азіи-ли, хоть даже на лунѣ, подай имъ ихъ всенепремѣнно, безъ этого имъ и жизнь не въ жизнь, у нихъ и будущаго нѣтъ. „Объединить славянство, исторгнуть его изъ подъ гнета разныхъ нѣмцевъ и басурманъ—вотъ великая миссія Россіи“. Но г. Стронину и этого мало; какъ истый ташкентецъ онъ „все“ хочетъ захватить въ свои руки. „Что

миѣ одни славяне, что миѣ ваши Греція и Константинополь; много-ли въ нихъ толку?—нѣтъ, миѣ подавай всю Европу, всю какъ есть: о меньшемъ и слышать не хочу!“ Вы, можетъ быть, думаете, читатель, что я шучу. Нисколько. По миѣнью г. Стронина, Россія предопредѣлена всемірная завоевательная миссія. „Наша завоевательность, говоритъ онъ,—и ея вѣроятный исходъ, всемірное владычество наше, имѣетъ весь характеръ необходимости исторической“ (стр. 386). Мы, т. е., гг. Стронины, Данилевскіе и К°, „сосудъ, предназначенный для совмѣщенія всей цивилизаціи стараго свѣта и передачи ея будущимъ вѣкамъ и новому свѣту“ (стр. 383); „эта завоевательная миссія наша есть наша неволя, а не охота (будто-бы?), она есть тяжелый крестъ, а не развлеченіе (ще-бы!) и прихоть“ (стр. 384). По разсчетамъ г. Стронина, свои завоеванія мы начнемъ съ славянъ. Славяне, видите ли, „простираютъ къ намъ руки, идутъ къ намъ на встрѣчу“ (стр. 385). При видѣ такого трогательнаго зрѣлища ташкентцы, устами г. Стронина, вопрошаютъ себя: „Что-же, бросить ихъ, бросить... несмотря ни на себя, ни на нихъ?..“ (ib). Бросить никакъ нельзя; они (т. е. ташкентцы) слишкомъ чувствительны и великодушны для того, чтобы рѣшиться на такое гнусное дѣло. Ну, а если бросить нельзя, то нужно завоевать. Но тутъ, резонно сообщаетъ г. Стронинъ, мы встрѣтимся съ Турціею, съ Австріею, съ Пруссіею и Германіею; а одолѣвъ ихъ (что разумѣется само собою), — мы встрѣтимся со всею остальною Европою (ib). Очевидно, восклицаетъ нашъ всемірный завоеватель, „что мы пойдемъ, такимъ образомъ, дальше своей цѣли (т. е. славянъ); чтобъ ее достигнуть, пойдемъ и за Вислу, и за Дунай, и за Карпаты, и за самыя Альпы и Рейнъ, и всюду, куда повлечетъ насъ рокъ нашъ (сирѣчь г. Стронинъ съ Данилевскимъ), пока не дойдемъ до Атлантическаго океана. Тутъ только конецъ (не одобряю: почему-же бы намъ не освѣжиться немножко въ Атлантическомъ Океанѣ?), тутъ только дальше идти некуда (ну, ужъ это вы напрасно!..). Вотъ степень нашей охоты (именно *охоты!*) и степень нашей неволи; чего больше,—пусть судить каждый!“ (стр. 386). Чего больше! много благодарны и за это! А только, все-таки, говоря по сущей правдѣ, вѣдь можно было-бы и побольше! Вѣдь славяне-то, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ патріотовъ, обрѣтаются и въ Африкѣ, и въ Малой Азій; а г. Стра-

ховъ полагаетъ даже, что и на лунѣ. Почему-же бы и туда не махнуть? Ну, конечно, луна-то далеко, ее можно оставить на закуску („roug la bopne bouche“, какъ говорятъ французы), — а Африку и Азію уже нѣтъ никакого резона откладывать! Нужно надѣяться, что будущій Стронинъ, который явится при „пышномъ раздвѣтѣ нашей интеллигенціи“, поправитъ этотъ промахъ нынѣшняго Стронина, явившагося, увы! въ эпоху слишкомъ неблагоприятную для великихъ мыслей и гениальныхъ плановъ!

Какой-же видъ, однако, приметъ Европа, когда гг. Стронины, Данилевскіе, Страховы, Өадѣвы etc., etc. осуществятъ, наконецъ, свои завоевательные планы? Г. Стронинъ полагаетъ, что она все-таки останется пирамидою: „вверху расположится великорусское племя, съ его соединеніями и раздѣленіями, подъ нимъ — славянское съ своими соединеніями и подраздѣленіями; внизу — германское и романское, съ своими интегрированіями и дезинтегрированіями, вотъ будущая пирамида Европы“ (стр. 409); „федерация славянская; подъ гегемонію Великороссіи, и европейская, подъ гегемонію славянства, есть та наивысшая форма организаціи, которую только могло до сихъ поръ выработать человѣчество (сирѣчь г. Стронинъ) для наибольшей совокупности своей (ib). Но для чего-же, однако, г. Стронинъ желаетъ, чтобы мы завоевали всю Европу? что онъ хочетъ съ нею дѣлать?

Жилъ-былъ одинъ нѣмецъ (Бруно Бауеръ), который тоже обязательно предоставлялъ Россіи миссію всесвѣтной завоевательницы. Но онъ имѣлъ при этомъ ехидный умыселъ: онъ хотѣлъ, чтобы Россія только пришла и „встряхнула“ старую Европу, а затѣмъ удалась-бы во-свояси. Эту „встряску“ хитрый нѣмецъ для того хотѣлъ устроить, чтобы Европа, очистившись подъ всеславянскимъ бичемъ отъ вѣковой своей пыли и грязи, могла-бы, наконецъ, зажить новою, разумною жизнью... Наша міровая роль сводилась, такимъ образомъ, къ роли гунновъ. Конечно, тутъ не было ничего для насъ особенно лестнаго, но, по крайней мѣрѣ, въ этой утопіи былъ хоть какой-нибудь смыслъ. Бруно Бауеръ, расточая намъ комплименты, льстя намъ паневропеизмомъ, понималъ этотъ паневропеизмъ въ смыслѣ временнаго, скоропреходящаго „урагана“. Не такъ-ли смотреть на него и г. Стронинъ? Упаси Боже! Г. Стронинъ видитъ въ нашей космополитической миссіи не вѣчто преходящее, а нѣчто вѣчное и постоян-

ное; не мимолетную „встряску“, а высшій конечный результатъ славяно-германо-романскаго развитія. Что-же, не хочеть-ли онъ обслаивать германцевъ и романцевъ, подобно тому, какъ онъ тщится обслаивать ихъ науку? Нѣтъ, и этого онъ не хочеть. Германцы, по-прежнему, останутся германцами, романцы—романцами, славяне — славянами. И притомъ каждое изъ этихъ племенъ останется при своей „пирамидѣ“. „Мы“ (т. е. опять-таки Стронинъ, Данилевскій и Б^о) великодушно оставимъ побѣжденнымъ ихъ цивилизацію, мы не тронемъ ихъ общественнаго быта и ихъ вѣрованій въ своихъ завоеваніяхъ, мы „возьмемъ себѣ за образецъ древнихъ Римлянъ; подобно имъ, мы будемъ уважать (какъ это и дѣлаемъ до сихъ поръ, въ доказательство чего г. Стронинъ приводитъ наши отношенія къ чувашамъ, остякамъ и др. инородцамъ) чужую національность. Однимъ словомъ, „мы“ никого не будемъ встряхивать и все оставимъ по-прежнему. Зачѣмъ-же, спрашиваю я опять, нужно намъ завоевывать Европу? А просто въ интересахъ красоты и симетріи „европейской пирамиды“. Европа, въ ея современномъ видѣ, сокрушаетъ пирамидальнаго философа. Въ ней нѣтъ никакой симетріи, никакого іерархическаго порядка. Трудно даже сказать, гдѣ у нея вершина и гдѣ основаніе. Ничего не разберешь. Германцы не хотятъ стать ниже романцевъ, романцы — ниже германцевъ. Франція и Англія не дозволяютъ Бисмарку утвердиться на вершинѣ, а Бисмаркъ не намѣренъ устраиваться въ низшихъ этажахъ; Італія, даже Испанія и тѣ порываются наверхъ. Никакой субординаціи, никакой іерархіи! Можно-ли это терпѣть? Не есть-ли это самое грубое и наглое посягательство на „принципы пирамиды“? Европа представляется глазамъ Стронина въ положеніи славянъ до призванія Рюрика. „Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ“, слышится ему голосъ европейскаго Гостомысла. И вотъ, чтобы примирить взаимныя распри и притязанія неуступчивыхъ германцевъ, франковъ, нормановъ, англо-саксовъ и иныхъ, нашъ философъ считаетъ необходимымъ прикрыть ихъ всѣхъ одною пирамидою съ великорусскимъ малахаемъ. Тогда всякія пререканія сами собою прекратятся и іерархическій порядокъ установится на незыблемыхъ началахъ. А зачѣмъ-же это? Какъ зачѣмъ? да, вѣдь, безъ этого-же невозможно построить никакой пирами-

ды. А зачѣмъ-же нужна пирамида? Какъ зачѣмъ? для іерархическаго порядка! И опять сказка о бѣломъ бычкѣ.

Но какъ-бы тамъ ни было, а нельзя не согласиться, что заботливость нашихъ ташкентцевъ о судьбахъ Европы и ихъ искреннее желаніе осчастливить ее, даже хотъ и пирамидой (чѣмъ богаты, тѣмъ и рады), несомнѣнно свидѣтельствуютъ о великодушій и чувствительности ихъ сердець. Ахъ, если-бы они были хотъ въ половину также чувствительны и великодушны относительно своихъ соотичей! Но, нѣтъ, тутъ они не могутъ почему-то выдержатъ и прорываются... Послушайте-ка, напримѣръ, что говорить г. Строния о роковой необходимости „экскорпорировать“ нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ (стр. 421, 422). Просто страшно даже становится, а если и не страшно, то какъ-то конфузно, очень конфузно за нашихъ пан-европейцевъ. Невольно вспоминаются слова Наполеона: поскобли немножко русскаго и сейчасъ доскоблишься до татарина. Нѣтъ, многихъ даже и скоблить не нужно: они сами норовятъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, счесывать съ себя тонкій слой европейскихъ бѣлилъ. Они сами убѣдительнѣйше просятъ васъ, чтобы вы ихъ какъ-нибудь не смѣшали съ европейцами.

О, наши европейскіе цивилизаторы, изобрѣтатели *панславизмовъ* и *паневропеизмовъ*, хотъ-бы вы себя-то, по крайней мѣрѣ, настолько цивилизовали, чтобы васъ можно было слушать и не краснѣть за васъ! Право, это было-бы гораздо патріотичнѣе и полезнѣе, чѣмъ рисовать фантастическія карты нашихъ будущихъ завоеваній и создавать „науки“, въ которыхъ вы ни аза не смыслите.

П. И.

НЕПОДКРАШЕННАЯ СТАРИНА.

Статья вторая.

(По поводу послѣднихъ повѣстей г. Тургенева.)

...«И первые будутъ послѣдними!»

I.

О Тургеневѣ говорилось такъ много, каждое произведеніе его вызывало столько всевозможныхъ рецензій, что толковать о немъ снова, и толковать *по поводу* послѣднихъ его „писаній“, слабость которыхъ признается самими его поклонниками — можетъ показаться очень дерзкимъ, съ точки зрѣнія этихъ поклонниковъ, и до крайности скучнымъ, съ точки зрѣнія обыкновеннаго читателя. „Неужели у васъ нѣтъ лучшей темы для разговоровъ, кромѣ г. Тургенева?“ совершенно резонно можетъ мнѣ замѣтить читатель:—что тутъ можно сказать новаго? Общественное значеніе г. Тургенева давнымъ давно опредѣлено, итоги его литературной дѣятельности почти подведены, характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ его произведеній самымъ тщательнымъ образомъ проанализированы и вмѣстѣ съ критическими приговорами давно сданы въ архивъ. Неужели вы опять хотите затануть эту старую, всѣмъ надоѣвшую канитель о „ветхихъ людяхъ“ и букольныхъ герояхъ 40-хъ годовъ?“ Спаси меня Боже! Я, какъ и самый легкомысленнѣйшій изъ легкомысленныхъ читателей, ненавижу архивной пыли и ни за что не соглашусь подвергнуть себя несносной пытки — повторять „старое“ о „старомъ“... „Ну, а если вы не хотите повторять *старого*, если вы думаете высказать о немъ какое-нибудь *новое* мнѣніе,“ высокомерно замѣтятъ мнѣ поклонники

художественнаго таланта Тургенева, „то вы не имѣете права основывать ваше мнѣніе на однихъ послѣднихъ произведеніяхъ нашего великаго художника. Это и дерзко, и недобросовѣстно!“ Это вѣдь тоже, пожалуй, весьма резонное замѣчаніе, не такъ-ли, читатель? Поэтому его нельзя оставить безъ отвѣта или, лучше сказать, *по поводу его* нельзя не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній. Замѣчанія же будутъ довольно пространны; но они не только не отклоняютъ насъ отъ нашей цѣли, — напротивъ, вѣрнѣе приведутъ къ ней. Вообще, читатель, вы должны приготовиться встрѣтить на послѣдующихъ страницахъ гораздо больше разсужденій *по поводу* произведеній г. Тургенева, чѣмъ о самыхъ произведеніяхъ его. Начиная толковать съ вами о Тургеневѣ, я дѣлаю предположеніе, что вы хорошо знакомы съ его беллетристическими трудами и что вы помните главные, наиболѣе излюбленные имъ характеры, а потому я буду просто ограничиваться ссылками на то или другое дѣйствующее лицо, избѣгая при этомъ всякихъ длинныхъ выписокъ, анализовъ и т. п. Я думаю, что я имѣю право такъ поступать, „принимая во вниманіе“, какъ отрицательную популярность г. Тургенева, такъ и обиліе написанныхъ о немъ рецензій.

II.

При оцѣнкѣ всякаго беллетристическаго произведенія, при опредѣленіи достоинства какого-бы-то ни было художника, критика сталкивается съ двоякаго рода вопросами: съ вопросомъ: *что* изображаетъ художникъ въ своихъ произведеніяхъ? и съ вопросомъ: *какъ* онъ изображаетъ? Для разрѣшенія перваго вопроса, ей приходится анализировать характеры, рисуемые романистами, опредѣлять и разбирать тѣ нравственныя и общественныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ выработались эти характеры, оцѣнивать ихъ значеніе, съ точки зрѣнія интересовъ породившей ихъ среды, выяснять тотъ моментъ въ историческомъ развитіи общества, который отражается на этихъ характерахъ. Если же писатель пользуется беллетристическою формою не столько въ интересахъ изображенія характеровъ живыхъ людей, сколько въ интересахъ популяризаціи той или другой от-

влеченной идеи (какъ это дѣлають нѣкоторые изъ нашихъ беллетристовъ), то вопросъ о „что“ сведется для критики къ вопросу объ оцѣнѣ достоинства и разумности проводимой авторомъ идеи, объ указаніи ея связи съ вызвавшими ея условіями практической жизни и опредѣленіи возбуждаемыхъ ею интересовъ и т. д. Рѣшивъ всѣ эти вопросы, относящіеся до „что“, критика исполнитъ едва-ли не самую важную часть своей задачи; отъ того или другого отвѣта на нихъ будетъ зависеть ея приговоръ объ *общественномъ значеніи* писателя, объ его міросозерцаніи, объ его идеалахъ и стремленіяхъ. Конечно, на практикѣ невозможно провести слишкомъ рѣзкой черты между вопросами первой и второй категоріи, — вопросами, относящимися до „какъ“; въ дѣйствительности объ эти категоріи находятся въ тѣсной между собою связи и взаимно вліяютъ другъ на друга.

Какъ-бы ни были разумны или нелѣпы идеалы и стремленія писателя, но если *какъ* не соответствуетъ *что*, то общественное значеніе писателя, степень его вліянія на современное поколѣніе (въ дурную или хорошую сторону) окажутся очень незначительными. Поэтому многіе критики или, лучше сказать, цѣлая критическая школа (именно эстетическая) выдвигаетъ вопросъ о *какъ* на первый планъ, на самое видное мѣсто. Для нея этимъ однимъ вопросомъ почти исчерпывается вся задача критики, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ *художественной* оцѣнѣ писателя. И хотя вопросъ о *художественности* того или другого произведенія обнимаетъ собою объ категоріи вопросовъ, но обыкновенно онъ сводится только на послѣдній, т. е. на вопросъ *какъ*? Подъ художественностью подразумѣвается лишь *нѣкоторый способъ изображенія* характеровъ, душевныхъ состояній, разныхъ жизненныхъ комбинацій и т. п., производящій на насъ тотъ психическій эффектъ, который извѣстенъ подъ именемъ эстетическаго удовольствія.

Что касается вопросовъ первой категоріи, я вполне готовъ признать, что они по отношенію къ г. Тургеневу, если и не рѣшены категорически, то, по крайней мѣрѣ, выяснены съ достаточною полнотою. Поэтому этихъ вопросовъ я не буду трогать. Затронувъ ихъ, мнѣ дѣйствительно пришлось-бы повторять слишкомъ много стараго, а, главное, слишкомъ долго рваться въ ве-

щахъ, давно уже знакомыхъ и давно уже надѣвшихъ читателя, мнѣ пришлось-бы опять перерывать всѣ сочиненія нашего плодовитаго романиста. Вопросы-же второй категоріи не представляютъ такой сложности и, что самое важное, матеріалы для ихъ рѣшенія имѣются уже на лицо у cadaго читателя, знакомаго съ произведеніями г. Тургенева. Послѣднія его повѣсти будутъ только иллюстрировать то общее заключеніе, которое мы постараемся составить себѣ, на основаніи предшествующихъ беллетристическихъ его трудовъ, о характерѣ творческаго процесса, о художественномъ значеніи г. Тургенева. Мы будемъ брать наиболѣе общія, выдающіяся черты его творчества, мы будемъ ссылаться на матеріалы старыя и спору подлежащія, но, выходя изъ этихъ безспорныхъ положеній, основываясь на этихъ старыхъ данныхъ, мы придемъ, какъ увидитъ читатель, къ выводу, прямо противоположному общепризанному взгляду на художественное значеніе нашего романиста. По общепризанному взгляду, художественный авторитетъ г. Тургенева не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Г. Тургеневъ — „художественный перлъ“; современные беллетристы ему и въ подметки не годятся. Посмотримъ-же, на сколько удовлетворяетъ этотъ „художественный перлъ“ самымъ элементарнымъ условіямъ художественности? Вотъ тотъ довольно скромный вопросъ, разрѣшеніемъ котораго мы ограничимся въ настоящей статьѣ.

III.

Читатель, быть можетъ, замѣтитъ, что это вопросъ не только скромный, но и простой. Если, читая Тургенева, онъ испытываетъ неопредѣленное, пріятное чувство, называемое эстетическимъ удовольствіемъ, то ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, удовлетворяетъ или не удовлетворяетъ Тургеневъ элементарнымъ условіямъ художественности; для него онъ все-таки останется художникомъ, и наоборотъ: если этого чувства онъ не испытываетъ, то онъ и безъ насъ знаетъ, что г. Тургеневъ очень плохой художникъ. Да, это совершенно вѣрно; но съ этой точки зрѣнія всякая художественная критика есть дѣло праздное и бесполезное. И она дѣйствительно такъ, если она, по-

добно читателю, будет основывать свои сужденія и приговоры на своихъ субъективныхъ ощущеніяхъ. Къ несчастію, она всегда такъ и поступаетъ; и въ этомъ случаѣ наша такъ называемая реальная критика ничѣмъ не отличается отъ критики эстетической. Какъ у той, такъ и у другой для оцѣнки *художественности* произведенія, нѣтъ никакихъ другихъ критеріевъ, кромя чисто-субъективныхъ, или чисто-метафизическихъ. Высшимъ трибуналомъ для ея художественныхъ приговоровъ служатъ или какое-то необъяснимое „эстетическое чутье“, или абстрактная теорія метафизической эстетики. Эстетическую критику нельзя упрекать за это въ непослѣдовательности, въ отреченіи отъ своихъ принциповъ. Напротивъ, она поступаетъ совершенно послѣдовательно, и поступать иначе было-бы противно ея основной догматикѣ. Но нельзя сказать того-же о реальной критикѣ. Ея фундаментальный принципъ требуетъ, чтобы она „относилась и къ произведенію художника точно такъ-же, какъ къ явленіямъ дѣйствительной жизни; она изучаетъ ихъ, стараясь опредѣлить ихъ собственную норму, собрать ихъ существенныя характерныя черты, но вовсе не суетится изъ-за того, зачѣмъ этотъ овесъ — не рожь и уголь — не алмазь...“ (Сочин. Добролюбова, Т. III, стр. 16); т. е. реальная критика должна относиться къ данному художественному произведенію точно такъ-же, какъ естествоиспытатель относится къ изучаемому имъ явленію; она должна совершенно вычеркнуть изъ своего изслѣдованія вопросъ о тѣхъ или другихъ субъективныхъ ощущеніяхъ, производимыхъ или непродводимыхъ этимъ произведеніемъ на читателя; она должна искать нормы для оцѣнки его въ суммѣ тѣхъ общественныхъ и психическихъ факторовъ, которые участвовали въ самомъ творческомъ процессѣ. Эта норма имѣетъ чисто-объективный характеръ; критика, подобно химику, разлагаетъ въ ретортѣ своего анализа сумму производящихъ факторовъ на ея составныя элементы, рассматриваетъ въ отдѣльности каждый элементъ, каждый факторъ и опредѣляетъ степень его участія въ созданіи той сложной величины, которая называется художественнымъ произведеніемъ. Ее такъ-же мало должны интересовать тѣ неуловимыя ощущенія удовольствія или неудовольствія, которыя возбуждаются въ читателѣ при чтеніи этого произведенія, какъ мало интересуютъ химика, анализирующаго составъ того или другого кушанья, тѣ пріятныя

или неприятныя чувства, которыя оно возбуждаетъ въ гастрономѣ. Но если мы устранимъ субъективное эстетическое ощущеніе, если мы сведемъ задачу критики въ простому анализу тѣхъ факторовъ, которыми обуславливается творческій процессъ т. е., въ выясненію условій, породившихъ, какъ *воспроизводимое явленіе*, такъ и самый актъ „воспроизведенія“, то не отнимемъ-ли мы у себя тѣмъ самымъ всякую возможность рѣшить вопросъ о степени художественности этого воспроизведенія? Кромѣ *эстетическаго чутья*, что другое можетъ подсказать намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ? Вѣдь *художественнымъ* называется только то, что производитъ эстетическое удовольствіе; слѣдовательно, о первомъ мы можемъ судить только по второму; эстетическое удовольствіе не возбуждается—значитъ произведеніе не художественно, возбуждается—значитъ оно художественно. Какъ-же возможно говорить о художественности и въ то-же время не стоять на точкѣ зрѣнія субъективныхъ ощущеній? А съ другой стороны, подводя понятіе художественности подъ точку зрѣнія индивидуальнаго эстетическаго чувства, мы превращаемъ это понятіе въ понятіе чисто-субъективное, и ни для кого необязательное. Въ самомъ дѣлѣ, для кого могутъ быть обязательны, кого могутъ импонировать приговоры художественной критики, когда они основаны на такомъ неумовимомъ, зыблющемся началѣ, какъ *личныи вкусъ* того или другого критика? Что намъ за дѣло, какія эстетическія ощущенія испытывалъ критикъ при созерцаніи даннаго художественнаго произведенія, когда мы знаемъ, что эти ощущенія такъ непостоянны и измѣнчивы, какъ *петербургская погода*, что они зависятъ не только отъ степени его умственного и нравственнаго развитія, но и отъ большей или меньшей правильности его пищеваренія, отъ давленія воздуха на ртуть въ барометрѣ, отъ того или другого солнцестоянія и вообще отъ безчисленнаго множества всевозможныхъ маленькихъ и большихъ, важныхъ и неважныхъ обстоятельствъ, обуславливающихъ въ данную минуту его *настроеніе духа*? Кому неизвѣстно, что одно и то-же художественное произведеніе вызываетъ весьма различныя ощущенія не только въ различныя эпохи, у различныхъ народовъ, но только у различныхъ индивидуумовъ одного того-же народа, одного и того-же вѣка, но даже у одной и той-же личности въ различныя минуты его жизни? Когда ея кровь отравлена *жолчью*, или когда она по-

лучаетъ слишкомъ мало питательныхъ веществъ, когда нервная дѣятельность подавлена и угнетена, мы и въ „Мадоннѣ“ Рафаэля будемъ склонны видѣть каррикатуру, въ „характерахъ“ Шекспира—утрировку, въ симфоніяхъ Бетховена—кошачій концертъ. Напротивъ, когда мы находимся въ „благодушномъ настроеніи“, когда мы веселы и довольны, когда мы чувствуемъ въ своей груди приливъ какой-то бодрости и свѣжести, мы готовы и Базарова возвести въ художественный образъ и Рѣшетникова, купно съ г. Гл. Успенскимъ признать за великихъ художниковъ...

Сравните далѣе эстетическія ощущенія, испытываемыя въ одно и то-же время въ партерѣ театра или въ залахъ художественной академіи меланхоликомъ и весельчакомъ, ожирѣвшимъ флегматикомъ и мускулистымъ, нервнымъ сангвиникомъ, человѣкомъ, предрасположеннымъ къ анеміи или аневризму, и человѣкомъ вполне съ нормальнымъ кровообращеніемъ, человѣкомъ съ болѣзнію легкихъ и человѣкомъ съ болѣзнію печени и т. д., и вы увидите, какъ мало будетъ въ нихъ общаго, какъ различенъ будетъ эффектъ, производимый на всѣхъ этихъ людей одними и тѣми-же впечатлѣніями. Вы скажите, что мы не имѣемъ права ссылаться на ощущенія *больныхъ людей*. Больныхъ людей! Но гдѣ-же тотъ идеальный, во всѣхъ отношеніяхъ здоровый человѣкъ, ощущенія котораго мы могли-бы принять за *норму* здоровыхъ человѣческихъ ощущеній? Такіе физиологически-идеальные люди могутъ существовать только въ фантазіи благодушной метафизики! Реальная жизнь ихъ не знаетъ и, можетъ быть, никогда не узнаетъ. Но допустимъ на минуту физиологическую невозможность, допустимъ, что наши эстетическія ощущенія не подвергаются ежеминутно капризному вліянію неувимыхъ физиологическихъ процессовъ, физико-химическихъ комбинацій, постоянно измѣняющихъ *тонъ* и *характеръ* всѣхъ нашихъ субъективныхъ ощущеній, и мы все-таки немного выиграемъ даже и при этомъ неестественномъ предположеніи. Принадлежность къ той или другой общественно-литературной партіи, то или другое умственное міросозерцаніе, помимо нашей воли и желанія, до такой степени вліяютъ на нашъ эстетическій вкусъ, что только крайняя тупость анализа и умственная близорукость могутъ заставить насъ видѣть въ немъ нѣчто постоянное и неизмѣнное. Когда мы выросли, намъ трудно

представить себѣ, чтобы наше эстетическое чувство могло когда нибудь удовлетворяться повѣстями Разина и Чистякова; такъ точно намъ трудно себѣ представить, чтобы то, что въ данную минуту намъ кажется эстетическимъ (т. е. возбуждаетъ въ насъ извѣстныя специфически-пріятныя ощущенія) могло казаться другому, равнаго съ нами развитія, человѣку—уродливымъ и неестественнымъ (т. е. возбуждать въ немъ специфически-непріятныя ощущенія). А между тѣмъ наша собственная литература, наша собственная критика, и такъ называемая реальная, и такъ называемая эстетическая, доказываютъ не только простую возможность, но постоянную неизбѣжность этого факта. Припомните только, въ какія противорѣчія впадали всѣ наши, даже лучшіе критики, какъ только дѣло доходило до эстетическихъ приговоровъ!

Ссылаться на примѣры тутъ не зачѣмъ: ихъ такъ много, они такъ общеизвѣстны и на нихъ такъ часто указывали, что читатель, и безъ меня, легко возстановитъ ихъ въ своей памяти. Я знаю, что защитники „единства“ эстетическаго чувства любятъ ссылаться на тотъ фактъ, что, при созерцаніи твореній общепризнанныхъ классическихъ художниковъ (напр., Шекспира, Гете), каждый развитой человѣкъ непремѣнно испытываетъ эстетическое удовольствіе. Я не стану отрицать фактъ, я готовъ допустить его вполне и безъ всякихъ оговорокъ. Но что-же онъ доказываетъ? Только то, что рутинная, предвзятое мнѣніе, установившаяся и вѣками освященная репутация имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на характеръ нашихъ эстетическихъ ощущеній. Мы никогда не сознаемъ этого вліянія, нашъ умъ гордо протестуетъ противъ всякаго авторитета, но что толку въ этихъ протестахъ? Какъ-бы мы ни хотѣли, а все-таки не можемъ освободиться отъ деспотическаго гнета тѣхъ неуволнимыхъ психическихъ свойствъ и предрасположеній, тѣхъ—если можно такъ выразиться—*потенциальныхъ ощущеній*, которыя мы унаслѣдовали отъ нашихъ предковъ, восхищавшихся Шекспиромъ и Гете,—предрасположеній, которыя развились и окрѣпли въ насъ гораздо раньше, чѣмъ мы сами стали читать произведенія этихъ художниковъ. Но даже если-бы мы и не имѣли никакого унаслѣдованнаго предрасположенія къ тѣмъ или другимъ эстетическимъ ощущеніямъ, мы все-таки невольно подчиняемся господ-

ствующему мнѣнію, потому-что во всемъ, что „общепринято“, есть какое-то эпидемическое свойство. Это не праздная психологическая гипотеза, это фактъ вполне реальный. Чтобы убѣдиться въ его реальности, стоитъ только прослѣдить эстетическія впечатлѣнія, производимыя твореніями художника-классика на послѣдовательный рядъ поколѣній, отдѣляющій его отъ насъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ приближаться къ современнымъ ему поколѣніямъ тѣмъ болѣе разнообразія мы будемъ находить въ этихъ ощущеніяхъ; по мѣрѣ приближенія къ намъ, это разнообразіе сглаживается и вмѣстѣ съ *обобщеніемъ мнѣнія* о достоинствахъ художника обобщается и производимое имъ эстетическое впечатлѣніе. При этомъ нельзя не замѣтить, что чѣмъ ближе, по времени, стоитъ къ намъ художникъ, тѣмъ меньшею устойчивостью пользуется его эстетическая репутація. О Шекспирѣ, какъ художникѣ, никто уже не споритъ: его художественный авторитетъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Напротивъ, авторитетъ Гете или Байрона далеко не такъ безспоренъ; преобладающимъ, однако, мнѣніемъ является мнѣніе, благопріятное для обоихъ художниковъ, изъ чего мы въ правѣ заключить, что у нашихъ потомковъ эстетическая репутація ихъ получить болѣе устойчивый характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщатся тѣ эстетическія ощущенія, которыя вызываются въ насъ ихъ произведеніями. Изъ современныхъ художниковъ нѣтъ ни одного, который-бы во всехъ чѣтателяхъ, стоящихъ, разумѣется, на одинаковомъ уровнѣ умственного и нравственного развитія, вызывалъ однѣ и тѣ-же эстетическія ощущенія.

Итакъ, очевидно, мы попали въ какой-то закодированный кругъ: съ одной стороны, эстетическія ощущенія слишкомъ субъективны, неопредѣленны и непостоянны, а потому и не даютъ намъ права влать ихъ въ основу нашихъ понятій о художественности; съ другой-же стороны, помимо нихъ у насъ не имѣется пока никакихъ данныхъ указаній для различенія художественнаго отъ нехудожественнаго. Съ одной стороны, критика, желающая возвыситься надъ капризною измѣнчивостью *личноо вкуса*, не должна опираться въ своихъ художественныхъ приговорахъ на свои субъективныя, безотчетныя ощущенія; съ другой,—внѣ этихъ ощущеній у нея нѣтъ никакого критерія для вѣрной оцѣнки. Противорѣчіе, повидимому, безвыходное. А между тѣмъ, пока мы не вый-

демъ изъ него, у насъ не будетъ точнаго мѣрила для опредѣленія *художественности* того или другого писателя вообще и г. Тургенева въ частности. Намъ придется или отказаться отъ нашей задачи, или повторять избитыя фразы. Будутъ-ли эти фразы тождественны съ фразами поклонниковъ художественнаго таланта г. Тургенева, или противоположны имъ, — въ томъ и въ другомъ случаѣ онѣ будутъ одинаково неубѣдительны для читателя, потому-что, кромѣ нашихъ личныхъ, неопредѣленныхъ, субъективныхъ ощущеній, мы ничего не можемъ привести въ ихъ подтвержденіе. Безотчетныя „ощущенія“ играли и до сихъ поръ играютъ самую существенную роль во всѣхъ чисто-художественныхъ оцѣнкахъ и нашей критики, и нашихъ читателей. Но если такая субъективная точка зрѣнія не гарантируетъ нисколько правильности нашихъ критическихъ сужденій вообще, то по отношенію къ г. Тургеневу въ частности, то она всего менѣ заслуживаетъ нашего довѣрія. Въ первой статьѣ я старался объяснить, почему публика была, такъ сказать, предрасположена восхищаться произведеніями нашихъ „старыхъ“ беллетристовъ (Тургенева, Гончарова, Писемскаго, даже забытаго теперь Григоровича, Некрасова, Станецкаго и пр.). Живая, публицистическая струйка, освѣжавшая ихъ, подвупала въ ихъ пользу читателей. Читатели видѣли въ нихъ и протестъ, и провозвѣщеніе „новыхъ началъ“, они искали въ нихъ „чего-то“ подъ строками... Это не могло не оказать вліянія на ихъ субъективныя эстетическія ощущенія. Въ особенности это справедливо относительно г. Тургенева. Этотъ писатель, какъ весьма вѣрно замѣтилъ о немъ еще Добролюбовъ (см. т. III соч. Добролюбова, ст. „Когда-же придетъ настоящій день?“ стр. 305, 308), всегда затрогивалъ въ своихъ повѣстяхъ какой-нибудь „современный интересъ“, касался какого-нибудь „очередного вопроса“. „Какой-то глубоко-мысленный критикъ, говоритъ Добролюбовъ, — даже упрекалъ Тургенева за то, что въ его дѣятельности такъ сильно отразились „всѣ колебанія общественной мысли“. Но мы, продолжаетъ авторъ „Темнаго царства“, — „но мы именно въ этомъ-то и видимъ самую жизненную сторону таланта г. Тургенева, и этой стороною объясняемъ, почему съ такой симпатіей, почти съ энтузіазмомъ встрѣчалось до сихъ поръ каждое его произведеніе“ (ib.). Вотъ совершенно вѣрное и вполнѣ согласное

съ нашимъ взглядомъ объясненіе литературнаго успѣха г. Тургенева и его сотоварищей—беллетристовъ. Не затрогивай онъ минутныхъ потребностей современнаго ему общества, онъ, по мнѣнію Добролюбова, едва-ли-бы и пользовался какимъ-нибудь прочнымъ успѣхомъ; объ немъ забыли-бы также скоро, какъ забыли о г. Фетѣ.

Отсюда мы можемъ видѣть, что нашъ лучшій критикъ не былъ высокаго мнѣнія о художественныхъ достоинствахъ нашего „художественнаго перла“. Но все-таки его „невысокое мнѣніе“ о талантѣ г. Тургенева, какъ и противоположное мнѣніе, возвышающее г. Тургенева надъ всѣми современными беллетристами, опиралось лишь на субъективныя ощущенія, а потому не могло и не можетъ имѣть существеннаго авторитета. Чтобы сдѣлать это мнѣніе убѣдительнымъ и авторитетнымъ, нужно предварительно отыскать какой-нибудь *общій* постоянный критерій для оцѣнки художественности вообще. Примѣняя этотъ критерій къ г. Тургеневу, мы увидимъ, кто правъ: тѣ-ли, которые главное значеніе г. Тургенева видятъ въ „публицистическомъ характерѣ“ его произведеній, или тѣ, которые возводятъ ихъ въ „художественный перлъ“.

IV.

Значительная часть человѣческихъ познаній возникаетъ изъ безсознательныхъ субъективныхъ ощущеній. Постоянно анализируя эти ощущенія, отдавая себѣ въ нихъ отчетъ, возводя ихъ въ ясныя и опредѣленныя представленія, человѣкъ доходитъ до ясной и опредѣленной *идеи* тѣхъ условій, при которыхъ они возникаютъ. Онъ начинаетъ изучать эти условія, выдѣляетъ ихъ изъ массы всѣхъ другихъ окружающихъ его условій, даетъ имъ специфическое названіе, устанавливаетъ ихъ характеристическіе признаки и получаетъ, такимъ образомъ, строго-научное, точное *понятіе* о томъ явленіи, о которомъ прежде не зналъ ничего, кромѣ только того, что есть *нѣчто*, способное возбуждать въ немъ тѣ или другія, пріятныя или непріятныя ощущенія. Такимъ образомъ, выходя изъ безотчетнаго чувства, изъ неуловимыхъ, неопредѣленныхъ „психическихъ волненій“, человѣкъ

доходить до весьма опредѣленнаго логическаго представленія о вѣшнемъ образѣ, вызвавшемъ въ немъ эти безотчетныя чувства, эти неувимыя „психическія волненія“. Разъ онъ дошелъ до такого представленія, разъ онъ ввелъ его въ систему своего міросозерцанія, — онъ уже имѣетъ *точный критерій*. Для оцѣнки всѣхъ однородныхъ явленій онъ уже не нуждается въ указаніяхъ безотчетнаго чувства. Чувство отступаетъ на задній планъ и не нарушаетъ своими нерѣдко капризными и произвольными требованіями ясной правильности его сужденій. Теперь его сужденія опираются на *точное знаніе*, они утратили характеръ *личнаго вкуса* и получили обязательный авторитетъ для всѣхъ одинаково мыслящихъ съ нимъ людей. Переставъ быть *инстинктивными*, они сдѣлались доступными повѣркѣ, критикѣ, открылась возможность опровергать, исправлять и доказывать ихъ съ помощью обыкновенныхъ приѣмовъ и ресурсовъ общечеловѣческой логики. Перейдя изъ субъективной сферы чувства въ сферу логическаго мышленія, они превратили свой *субъективный критерій*, т. е. критерій, опирающійся на индивидуальное чувство, въ *критерій объективный* — опирающійся на обязательные для всѣхъ людей выводы логики.

Изъ этихъ общихъ и совсѣмъ не новыхъ соображеній о процессѣ развитія нѣкоторыхъ изъ нашихъ понятій мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе: хотя о существованіи нѣкоторыхъ явленій мы и узнаемъ первоначально при помощи только безотчетныхъ, неопредѣленныхъ „психическихъ волненій“, но это не мѣшаетъ намъ придти впоследствии къ отчетливому, ясному пониманію этихъ явленій и судить о нихъ уже не на основаніи нашего личнаго ощущенія, а на основаніи ихъ собственной объективной природы.

Примѣните это заключеніе къ тому явленію, которое мы называемъ *художественностью*, и противорѣчіе, указанное нами въ предшествующей главѣ, разрешится само собою. Инстинктивное (т. е. несознанное, безотчетное) эстетическое чувство указываетъ намъ на существованіе *нѣкоторой* особой комбинаціи *нѣкоторыхъ* объектовъ вѣшнихъ впечатлѣній. Эту комбинацію мы опредѣляемъ словомъ: „художественная“. Однако, пока мы стоимъ на точкѣ зрѣнія безотчетнаго чувства, открывшаго ее, мы не имѣемъ еще никакого опредѣленнаго представленія ни объ ея

свойствахъ, ни объ ея существенныхъ признакахъ; мы не имѣемъ никакого прочнаго критерія для ея оцѣнки и для отличія ея отъ другихъ комбинацій, подобныхъ или неподобныхъ ей. Наше понятіе о *художественномъ* запечатлѣно еще характеромъ инстинктивности; кромѣ непосредственнаго чувства, оно не можетъ привести въ свое оправданіе никакихъ доводовъ. Но когда мы, отрѣшившись отъ всякихъ личныхъ чувствъ, станемъ изучать ту комбинацію, на которую чувство обратило наше вниманіе, опредѣлимъ условія ея существованія, разложимъ ее на составные элементы, отыщемъ постоянную связь между этими элементами, опредѣлимъ значеніе каждаго изъ нихъ и т. д., и т. д., — тогда, однимъ словомъ, наше инстинктивное понятіе мы переведемъ на понятіе логическое, тогда мы получимъ точные и вѣрные критеріи для оцѣнки художественнаго, и въ этихъ критеріяхъ не будетъ уже ничего произвольнаго, постоянно мѣняющагося и колеблющагося по капризу субъективнаго чувства. Необходимость этихъ постоянныхъ критеріевъ понимала старая метафизическая школа эстетики: она старалась найти ихъ, но ея старанія не могли увѣнчаться успѣхомъ, потому что она держалась на ложномъ пути. Чуждая всякой научности, она не имѣла ни охоты, ни возможности критически изучать и анализировать психическія явленія; вмѣсто того, чтобы сдѣлать инстинктивное чувство лишь исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій, она превратила его въ субстанцію, въ какою-то неразложимую сущность, назвала эту сущность „вѣчною идеею красоты“, „субстанціею истинно-прекраснаго“ и т. п. и сдѣлала изъ нея объектъ своихъ отвлеченныхъ умствованій. Какъ и слѣдовало ожидать, призрачный объектъ, порожденный невѣжествомъ и дѣтскимъ состояніемъ ума, привелъ къ призрачнымъ, фантастическимъ теоріямъ искусства и къ абсолютнымъ идеаламъ „истинно-прекраснаго“. Какъ и слѣдовало ожидать, эти теоріи и идеалы, несмотря на всѣ свои притязанія на „вѣчность“ и „безусловность“, оказались весьма условными и измѣнчивыми, весьма произвольными и субъективными. Нелѣпость и несообразность ихъ съ реальными фактами стала, наконецъ, до того очевидною, что даже сама эстетическая критика отказалась пользоваться ими. Но, отвергнувъ старыя идеалы старой эстетики, ей ничего болѣе не оставалось, какъ откровенно признать негодность всякихъ объектив-

ныхъ критеріевъ и всецѣло положиться на свое такъ-называемое „эстетическое чутье“. Реальная критика не можетъ идти по ея слѣдамъ; она не можетъ основывать свои сужденія на такомъ зыбкомъ и неопредѣленномъ чувствѣ, какъ это „эстетическое чутье“. Она отыскиваетъ точный, объективный критерій для оцѣнки художественности; этотъ критерій не претендуетъ, подобно критеріямъ метафизиковъ, на вѣчность и абсолютность, но за то онъ выводится не изъ бессмысленнаго созерцанія фантастическихъ субстанцій, а изъ точнаго анализа нашихъ психическихъ ощущеній.

Первый вопросъ, который представится критику, ищущему такого объективнаго критерія, будетъ, конечно, слѣдующій вопросъ: въ чемъ собственно состоитъ то неопредѣленное удовольствіе, тотъ интересъ, который возбуждается въ насъ чтеніемъ художественнаго произведенія? Я говорю *чтеніемъ художественнаго произведенія*, потому что интересъ, возбуждаемый чтеніемъ, имѣетъ свой особый, специфическій характеръ, значительно отличающійся отъ того чувства, которое мы испытываемъ, *слушая* или *смотря* на художественное произведеніе. Въ послѣднемъ случаѣ психическій интересъ осложняется участіемъ *специфически-пріятныхъ* зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній и вслѣдствіе этого самый анализъ эстетическаго удовольствія становится весьма затруднительнымъ. Тутъ приходится брать въ расчетъ слишкомъ много и чисто-физиологическихъ, и психо-физиологическихъ, и чисто-психическихъ элементовъ, и потому подвести это чувство подъ дѣятельность одной какой-нибудь группы факторовъ почти невозможно. Напротивъ, все это весьма возможно, когда дѣло идетъ о психическомъ удовольствіи, возбуждаемомъ *чтеніемъ* художественнаго произведенія. Безъ сомнѣнія, анализъ откроетъ, что и это, сравнительно говоря, простое удовольствіе слагается въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ изъ множества разнообразнѣйшихъ физиологическихъ и психическихъ элементовъ. Выше я уже указалъ на нѣкоторые изъ этихъ элементовъ; благодаря ихъ вліянію, наше эстетическое удовольствіе получаетъ свой неопредѣленный, трудно-уловимый характеръ; его составные факторы постоянно измѣняются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и оно само. Психическій анализъ и наблюденіе показываютъ, однако, что большая часть этихъ составныхъ факторовъ не имѣетъ ни ма-

дѣйшаго отношенія къ самому произведенію; они только *видоизмѣняютъ* впечатлѣніе, производимое на насъ читаемымъ; но сами они не вызываются имъ. Другіе же факторы хотя возбуждаются въ насъ непосредственно чтеніемъ, но имѣютъ слишкомъ частный, случайный, индивидуальный характеръ. Чтеніе, напр., можетъ вызвать въ нашей памяти давно-забытые образы прошлой жизни, напомнить намъ нашихъ старшихъ знакомыхъ, какія-нибудь детали, касающіяся нашей личности, нашей обстановки и т. д., а эти воспоминанія могутъ возбудить въ насъ тѣ или другія пріятныя или непріятныя чувства, подъ вліяніемъ которыхъ *эстетическій эффектъ* художественнаго произведенія, безъ сомнѣнія, значительно измѣнится. Само собою понятно, что причина дѣятельности, какъ первыхъ, такъ и вторыхъ факторовъ лежитъ не столько въ самомъ произведеніи, сколько въ личности читателя. Исключивъ ихъ изъ всей суммы факторовъ, участвующихъ въ образованіи чувства эстетическаго удовольствія, мы получимъ тѣ именно факторы, которые составляютъ наиболѣе общій и постоянный элементъ этого чувства. Въ дѣйствительности онъ никогда не существуетъ *въ чистомъ видѣ*; онъ всегда перемѣшанъ и спутанъ съ массою самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Выдѣлить его изъ этой массы возможно только путемъ абстрактнаго анализа. Только этотъ выдѣленный остатокъ и имѣетъ для насъ значеніе; только онъ можетъ указать намъ истинныя, реальныя и постоянныя условія того явленія, которое называется художественностью. Разсматривая психическую природу этого остатка, мы найдемъ, что онъ слагается изъ двухъ психическихъ мотивовъ, изъ двухъ субъективныхъ ощущеній, извѣстныхъ въ обществѣ подъ именами *любопытства* и *симпатіи*. Всякое литературное произведеніе, возбуждающее въ насъ любопытство и заставляющее насъ *интересоваться* (т. е. чувствовать симпатію) судьбою, жизнію и характерами дѣйствующихъ въ немъ лицъ,—всякое такое произведеніе будетъ возбуждать въ насъ такъ называемое *эстетическое удовольствіе*, т. е. будетъ удовлетворять условіямъ художественности. *Любопытство* возбуждается въ насъ преимущественно самымъ ходомъ описываемыхъ въ данномъ произведеніи событій, ихъ большею или меньшею сложностью, драматизмомъ положенія участвующихъ въ нихъ лицъ и т. п.; симпатію же вызываютъ въ насъ *характе-*

ры, рисуемые авторомъ. Но для возбужденія, какъ перваго, такъ и втораго чувства необходимо, чтобы мы впали предварительно въ нѣкотораго рода *иллюзію*, — чтобы мы приняли вымыселъ за живую, реальную дѣйствительность. Только подѣ условіемъ этой иллюзіи, мы заинтересовываемся рассказываемыми событіями, переносимъ себя на мѣсто дѣйствующихъ лицъ, сочувствуемъ имъ или негодуемъ на нихъ, плачемъ и радуемъ съ ними, однимъ словомъ, относимся къ нимъ какъ къ реальнымъ, живымъ людямъ. Чуть мы отрѣшились отъ этой иллюзіи, чуть мы перестали вѣрить въ реальность вымысла, насъ сейчасъ перестаютъ интересовать и эти событія, и эти лица; мы начинаемъ относиться къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ. Чѣмъ полнѣе иллюзія, производимая художественнымъ произведеніемъ, тѣмъ оно совершеннѣе.

Безъ сомнѣнія, сила иллюзіи въ значительной степени будетъ зависѣть отъ уровня умственнаго развитія читателя; неразвитой человѣкъ весьма легко поддается обману; самый грубый и топорный вымыселъ онъ безъ труда приметъ за истину; любопытство его возбуждается очень легко; а *любопытство* играетъ преобладающую роль въ его „эстетическомъ чувствѣ“, какъ *симпатія* играетъ первенствующую роль въ эстетическомъ чувствѣ человѣка развитаго. Однако, это обстоятельство нисколько не должно мѣшать установленію объективныхъ условій художественности; напротивъ, оно лучше всего доказываетъ, какъ мало мы можемъ полагаться, въ дѣлѣ художественной оцѣнки, на наши субъективныя ощущенія. Разъ мы узнали, въ чемъ собственно заключается эффектъ, производимый художественнымъ произведеніемъ, мы можемъ опредѣлить его существенные элементы и выяснить его необходимыя условія, безъ всякаго отношенія къ чувствамъ того или другаго индивидуальнаго лица. Такъ точно постукаетъ и логикъ, когда онъ опредѣляетъ объективные критеріи доказательствъ, создаетъ *ихъ теорію*; ему нѣтъ дѣла до того, что эта теорія не можетъ быть примѣнена ко всѣмъ людямъ, что одни легко убѣждаются доказательствами, весьма мало соотвѣтствующими требованіямъ логики, а другіе не убѣдятся и самыми логическими доводами. Общія правила „убѣдительности доказательствъ“ нисколько отъ того не страдаютъ и нисколько не измѣняются.

Какимъ-же условіямъ должно удовлетворять беллетристи-

ческое произведение для того, чтобы быть художественнымъ, т. е. чтобы возбуждать въ насъ чувство *любопытства* и чувство *симпатии*?

Такъ какъ мы пишемъ теперь не теорію критики вообще, а желаемъ только выяснитъ художественное значеніе одного изъ нашихъ романистовъ, то, не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся лишь самыми общими указаніями на эти условія. Чтобы возбуждать и поддерживать въ напряженномъ состояніи наше любопытство, беллетристическое произведеніе должно представлять описываемыя событія и положенія дѣйствующихъ лицъ въ такой комбинаціи, которая-бы имѣла для насъ интересъ *новизны*, т. е. которая-бы отличалась отъ комбинацій, постоянно встрѣчаемыхъ нами въ нашей обыденной жизни. Но въ то-же время эта художественная комбинація должна быть запечатлѣна характеромъ строгой реальности, или, какъ говорятъ нѣкоторые, выражать собою „правду жизни“. Вымышленныя событія должны развиваться въ силу тѣхъ-же причинъ, на основаніи тѣхъ-же законовъ, которыми обуславливается развитіе событий дѣйствительной жизни. Дѣйствительная жизнь представляетъ безчисленное множество единичныхъ фактовъ, способныхъ возбуждать челоуѣческое любопытство въ высочайшей степени. Художникъ запоминаетъ и обобщаетъ эти факты; но въ этомъ обобщенномъ фактѣ должна сохраниться живая яркость тѣхъ отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ онъ сложился. Благодаря именно этому обстоятельству, художественная комбинація вымышленныхъ событий производитъ на насъ иллюзію *дѣйствительныхъ событий*. А такъ какъ кромѣ того эта комбинація имѣетъ для насъ характеръ новизны, хотя и составлена изъ болѣе или менѣе знакомыхъ намъ отдѣльныхъ фактовъ, и къ тому-же фактовъ, способныхъ возбуждать наше любопытство, то она естественно будетъ вызывать въ насъ живой интересъ. Какого рода должны быть эти факты, и входятъ-ли въ обязанность критики опредѣлять ихъ, этихъ вопросовъ я здѣсь не стану касаться. Замѣчу только одно, что на этомъ пунктѣ критика сливается съ научною психологіею: она перестаетъ быть критикою литературнаго произведенія и превращается въ критику общечелоуѣческаго „чувства любопытства“.

Способность, дающая возможность художнику создать художественную комбинацію, опредѣлена нами въ предшествующей статьѣ

словомъ *фантазія*. О роли и значеніи фантазіи въ созданіи художественнаго произведенія мы уже говорили. Здѣсь можно еще замѣтить, что это значеніе, по преимуществу, отвѣчаетъ тому элементу эстетическаго чувства, который мы назвали любопытствомъ. Однако, любопытство возбуждается въ насъ не однимъ только этимъ факторомъ творческаго процесса. Если художникъ успѣлъ возбудить въ насъ живой интересъ (чувство симпатіи) къ изображаемымъ лицамъ, то мы часто переносимъ тотъ-же интересъ къ тѣмъ событіямъ, въ которыхъ принимаютъ они участіе, какъ-бы ни были эти событія сами по себѣ обыкновенны, будничны, *не интересны*. Такимъ образомъ, сильно возбужденный второй элементъ эстетическаго удовольствія можетъ вызвать и первый элементъ, хотя-бы фантазія не играла почти никакой роли въ творческомъ процессѣ. Отсюда само собою понятво, что достоинство художественнаго произведенія главнымъ (но не единственнымъ) образомъ зависитъ отъ того, насколько оно способно возбуждать въ насъ *чувство симпатіи*, т. е. насколько рисуемые имъ характеры производятъ на насъ иллюзію характеровъ *живыхъ людей*. Условія, при которыхъ подобная иллюзія можетъ быть достигнута, тѣ-же самыя, какъ условія, при которыхъ достигается *художественная комбинація событій*. Ниже мы еще вернемся къ нимъ, а теперь замѣтимъ, что опредѣленіе ихъ точнымъ анализомъ есть опять-таки дѣло *опытной психологіи*, и литературная критика здѣсь снова сливается съ этою наукою. Въ ней, въ ея наблюденіяхъ она должна черпать матеріалы для своихъ выводовъ; на суммѣ выработанныхъ ею точныхъ данныхъ, а не на безотчетныхъ субъективныхъ ощущеніяхъ, не на шаткихъ указаніяхъ эстетическаго чувства, должна она основывать свои критеріи. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли уже, что весь вопросъ о художественной комбинаціи событій сводится къ анализу *чувства любопытства*, точно такъ же, какъ вопросъ о художественномъ воспроизведеніи характеровъ мы свели сейчасъ къ вопросу о *психологической правдѣ* этихъ характеровъ (о сходствѣ ихъ съ характерами живыхъ людей), т. е. опять-таки къ вопросу чисто-психологическому.

На этой уже чисто-научной почвѣ никакія субъективныя индивидуальныя ощущенія, никакіе капризы *личнаго вкуса* не могутъ имѣть мѣста; художественность измѣряется здѣсь стро-

го-опредѣленными, логически-выясненными критеріями, безъ всякаго отношенія къ тому или другому индивидуальному эстетическому чутью. Мы указали уже въ обшихъ чертахъ эти критеріи. Посмотримъ-же, насколько удовлетворяетъ ихъ требованіямъ художественный талантъ г. Тургенева.

V.

Самые пристрастные поклонники автора „Отцевъ и Дѣтей“ не станутъ отвергать, что онъ, по части художественной фантазій, не только не выше, но скорѣе даже ниже любого изъ современныхъ беллетристовъ. Современныхъ беллетристовъ обыкновенно упрекаютъ въ однообразіи *сюжетовъ*, въ полномъ отсутствіи художественной изобрѣтательности. Приглашаемъ читателя пересмотрѣть на досугѣ нѣсколько томовъ сочиненій г. Тургенева; меньшей изобрѣтательности въ художественномъ вымыслѣ, большаго однообразія въ сюжетахъ даже и представить себѣ невозможно.

Если современные беллетристы съ неумѣреннымъ постоянствомъ эксплуатируютъ мотивъ „честности“, не позволяющей таскать платки изъ чужого кармана, то г. Тургеневъ еще съ большимъ упорствомъ исключительно разрабатываетъ мотивъ „не вытанцовывающейся (говоря словами Гоголя) любви“. На этомъ мотивѣ основана фабула всѣхъ его и крупныхъ, и мелкихъ произведеній. При этомъ любовь не *вытанцовывается* у него всегда по двумъ причинамъ: или потому, что мужчина спасуетъ передъ женщиной (Ася, Бретеръ, Пѣтушковъ, Пасынковъ, Три портрета, и т. п.), или потому, что онъ (или она, всегда почти онъ) преждевременно разлюбитъ ее (или его) (Андрей Колосовъ, Затишье, Два пріятели и т. п.); очень рѣдко вводятся въ эту скучную и однообразную повѣсть неудовлетворенной любви какія-нибудь осложняющія обстоятельства, въ родѣ общественныхъ предразсудковъ, (напр., въ Дворянскомъ гнѣздѣ), или насильственная смерть. Но и самая „насильственная смерть“ запечатлѣна какимъ-то однообразнымъ характеромъ: изъ всѣхъ возможныхъ способовъ насильственнаго прекращенія человѣческой жизни, г. Тургеневъ почти исключительно останавливается только на одномъ поединкѣ. Кстати, онъ очень любитъ поединки; рѣдкіе его рассказы обходятся безъ дуэли, или, по крайней мѣрѣ, безъ вызова. Вспомнимъ на-

удачу нѣсколько его повѣстей изъ „старыхъ“. Въ Бретерѣ, напри- мѣръ, двѣ дуэли, одна смертоносная; *Три портрета* — одна дуэль смертоносная; *Лишній человекъ* — двѣ дуэли, по обѣ не смертельны; *Пасынковъ* и *Затишье* — въ обѣихъ вы- зовъ на дуэль и т. п. Эта дуэлеманія не покинула г. Турге- нева и на старости лѣтъ. „Отцы и Дѣти“ не обошлись безъ вызова, въ „Вешнихъ водахъ“ — дуэль опять является одною изъ главныхъ пружинокъ маленькой драмы, сблизившей героя съ героинею. Во всѣхъ этихъ дуэляхъ нѣтъ ничего неправдоподоб- наго, но только зачѣмъ-же такое однообразіе. Никто, конечно, не скажетъ, чтобы оно могло съ выгодной стороны рекомендо- вать изобрѣтательность нашего романиста. Разумѣется, это ча- стность, мелочь: но обратите вниманіе на утомительное однооб- разіе самой фабулы его разсказовъ, на ея крайнюю простоту и несложность. Внѣшній ходъ событій васъ никогда не заинтере- суетъ въ произведеніяхъ Тургенева; ваше вниманіе исключитель- но сосредоточивается на внутреннемъ, психологическомъ развитіи характеровъ. Все дѣйствіе, вся драма ограничивается исключи- тельно одною сферою *внутренней жизни человека*. Сфера его внѣшней жизни, его дѣятельность, его обстановка, его столкно- венія съ окружающими людьми отступаютъ на задній планъ и почти никогда не возбуждаютъ вашего любопытства. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы внѣшнія условія жизни тургеневскихъ ге- роевъ и героинь, взятая сами по себѣ, не давали весьма обиль- ной почвы художественной фантазіи романиста. Напротивъ, та почва, на которой разыгрываются, воспѣваемая имъ *любов- нья интрижки*, почва помѣщичьяго самодурства, почва крѣ- постного права — была богата всевозможными драматическими *эффектами*, и сравнительно съ этими *эффектами* нить *лишнихъ людей* и любовныя бури разныхъ *барышень* и *барченковъ* по- лучаютъ какой-то пошло-тривіальный характеръ; они кажутся намъ „мизерностями“, незаслуживающими серьезнаго вниманія. Заниматься этими „мизерностями“, останавливаться на внутрен- ней психической жизни „ветхихъ“ людишекъ, когда въ ихъ внѣшней жизни, когда въ условіяхъ ихъ общественнаго быта было столько потрясающихъ драмъ, столько глубокого, захва- тывающаго душу, интереса, — кто можетъ быть на это способенъ, кромѣ *русскаго романиста*? Въ предшествующей статьѣ, говоря

о гг. Некрасовѣ и Станицкомѣ, я старался объяснять, почему русскій романистъ не въ состояніи ни глубоко запечатлѣть въ своемъ умѣ потрясающихъ драмъ нашей *внѣшней жизни* (я говорю *внѣшней* въ томъ смыслѣ, что эти драмы вызываются не столько психическими, сколько чисто-внѣшними факторами нашей жизни), ни ярко и рельефно представлять ихъ читателю. Когда г. Некрасовъ вздумалъ коснуться ихъ, вышла какая-то сухая офиціозная докладная записка; когда о нихъ заговорила Марко-Вовчевъ—вышло какое-то слащавое причитаніе; когда ихъ вздумалъ воспроизводить г. Григоровичъ—вышелъ какой-то „плачь помѣщика“ объ утратѣ права кулака. Вездѣ слышалась фальшь, натяжка, вездѣ сквозило желаніе какъ-нибудь искусственно раздражить свои нервы и выказать себя съ „чувствительной стороны.“ Но г. Тургеневъ поступилъ лучше. Онъ совсѣмъ устранилъ изъ своихъ описаній всѣ „страхи“ и „ужасы“ крѣпостныхъ порядковъ; для него какъ будто ихъ совсѣмъ не существовало; все его вниманіе привлекали исключительно разныя „нѣжныя проявленія“ человѣческой души, изнывающей подъ гнетомъ крѣпостного права; но ея стонъ, доходя до его ушей, превращался въ какую-то любовную мелодію, въ какой-то тихій, сентиментальный шопотъ; этотъ шопотъ является ему въ видѣ сентиментальныхъ Ипатовыхъ, добродушно-легкомысленныхъ Перетатьевыхъ (Затишье), добродѣтельныхъ Лежневыхъ, Липиныхъ, Волницевыхъ (Рудинъ), Вязовиныхъ, Крупицныхъ (Два пріятеля) и т. д., и т. д. Какіе это все премилые и предобродушные люди! Если таковы были представители крѣпостничества, то, право, можно усомниться, дѣйствительно-ли рабство было зломъ? И въ самомъ дѣлѣ „Записки Охотника“ набрасываютъ какой-то идиллическій колоритъ на крѣпостное право. Крестьяне отличаются почти такимъ-же добродушіемъ и нѣжностью, какъ и господа помѣщики. Пусть читатель припомнитъ „Хоря и Калиныча“, „Касьяна съ Красивой Мечи“, „Бѣжинъ лугъ“ и т. п. Крѣпостные „благовѣютъ передъ своими господами“ (Хорь и Калинычъ, стр. 10) *); когда ихъ сѣвутъ, они приговариваютъ: „а и по дѣломъ намъ; у насъ по пустякамъ не наказываютъ; такого заведенія у насъ нѣту; у насъ баринъ не такой“... (Два помѣщика, стр. 192). Если иногда и плохо имъ живется, то,

Дсѣ цитаты дѣлаются по изданію братьевъ Салаевыхъ, 1865 года

по большей части, виновать свой-же братъ-мужикъ, разныя „Софроночи“ да „Еремѣичи“... (см. Контора, Бурмистръ, т. I, стр. 138—173). Впрочемъ, все слишкомъ рѣзкое, слишкомъ бьющее въ глаза и раздражающее нервы тщательно удаляется изъ воспоминаній охотника; въ его памяти остались одни лишь поэтическія картинки сельской природы, нѣсколько поверхностныхъ представлений о встрѣченныхъ помѣщикахъ и о *прекраснодушій* крестьянина. Разъ ему случилось вспомнить, какъ одинъ крѣпостной человекъ бросился съ поднятыми кулаками на главнаго конторщика (также изъ крѣпостныхъ) госпожи-помѣщицы Лосняковой; этотъ крѣпостной подозрѣвалъ всесильнаго конторщика въ желаніи разлучить его съ его возлюбленной, и въ „наушничаньи“ на послѣднюю передъ барынею. Конторщикъ, сваленный на землю быстрымъ натискомъ своего врага, завопилъ: „въ кандалы его, въ кандалы!..“ Передъ вами начала развѣртываться тяжелая драма, драма глубоко-потрясающая нервы, вы ждете съ любопытствомъ, что будетъ, но авторъ быстро опускаетъ завѣсу передъ вашими глазами: „конца этой сцены я не берусь описывать; я и такъ боюсь, не оскорбилъ-ли я чувство читателя.“ (Контора, стр. 172). Вотъ какая деликатность! какое галантерейное обращеніе съ читателемъ! Не даромъ-же эта галантерейность тургеневскихъ произведеній такъ восхитила вывѣтрившагося Жоржъ-Занда, что онъ только одного Тургенева и считаетъ достойнымъ вниманія французской публики, потому что все остальные русскіе романисты, по его мнѣнію, чистые *варвары*. Итакъ могъ-ли такой *деликатный человекъ* останавливать свое вниманіе на той грубой, реалистической сторонѣ крѣпостнаго права, которая ежесекундно давала себя чувствовать въ жизни и помѣщиковъ, и крестьянъ, могъ-ли онъ глубоко понимать и надолго запоминать потрясающіе эффекты этой жизни? Въ „Запискахъ Охотника“ свѣтъ и тѣни такъ ловко и искусно перемежались, что, читая ихъ, вы чувствуете наклонность къ *примиренію*, а совсѣмъ не къ *протесту*. Говорятъ, будто въ этомъ и состоитъ задача художника. Но чѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, художественныя задачи отличаются отъ задачъ волостнаго правленія и становаго пристава? „Мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служить, говорила наша критика, характеристическими чертами таланта г. Тургенева“ (Добролюбовъ, т. III,

стр. 305). Это совершенно справедливо, и потому-то именно г. Тургеневъ и не могъ воспроизвести жизни, выработанной крѣпостнымъ правомъ: она отражалась въ его умѣ въ слишкомъ „мягкихъ и поэтически-умѣренныхъ“ формахъ, т. е. въ формахъ, весьма мало соответствующихъ дѣйствительности. Прикрытая розовымъ флеромъ сентиментальнаго резонерства (такъ называемой *поэзии*), очищенная отъ всякихъ рѣзкостей и грубостей, она представляла весьма скудную пищу для фантазіи художника. Въ ней не осталось почти ничего возбуждающаго живой интересъ, захватывающаго за душу, ничего... кромѣ любовныхъ интрижекъ! Ея матеріала съ трудомъ даже хватало на три, четыре повѣсти; поэтому любимая форма беллетристическихъ произведеній г. Тургенева—коротенькій рассказъ, очеркъ. Крошечныя наблюденія надъ будничной дѣйствительностью или, лучше сказать, надъ „поверхностью“ этой дѣйствительности легко и удобно укладывались въ рамки „очерка.“ Такимъ образомъ, г. Тургенева можно считать родоначальникомъ той особой литературы „очерковъ“, которую потомъ съ такимъ усердіемъ разрабатывали гг. Левитовы, Слѣпцовы и оба Успенскихъ. Но нельзя не согласиться, что произведенія названныхъ авторовъ стоятъ если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже „очерковъ“ г. Тургенева; въ нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, той приторной слащавости, которая идеализируетъ помѣщика и поэтизируетъ крестьянина (см., напр., Затопье, Два пріятели, Хорь и Калинычъ, Касьянъ и т. п.); въ нихъ больше грубаго реализма (исключеніе, быть можетъ, составляетъ г. Левитовъ; онъ большой охотникъ до сентиментальностей), въ нихъ нѣтъ „мягкости“ и „умѣренности“, составляющихъ отличительную черту, по мнѣнію лучшаго нашего критика, таланта г. Тургенева. Само собою понятно, что въ этой узкой сферѣ наблюденій надъ жизнью—фантазіи нечего создавать; а если романтизмъ не способенъ нускаться въ психологическія тонкости, то у него скоро не хватитъ и матеріаловъ для творчества; ему придется или постоянно повторяться, подобно г. Левитову, или своевременно замолчать, какъ гг. В. Слѣпцову и Н. Успенскому. Та-же судьба постигла-бы, вѣроятно, и г. Тургенева, но ему помогла психологія. Во „внутреннемъ мірѣ“ человѣка онъ нашелъ тѣ ресурсы, которыхъ не могъ-бы отыскать въ „мірѣ внѣшнемъ.“ Слѣдовательно, при оцѣнкѣ художественной стороны его произведеній,

все наше вниманіе должно сосредоточиться лишь на вопросѣ о *психологической правдѣ* рисуемыхъ имъ характеровъ. Относительно-же художественной фантазіи онъ стоитъ нисколько не выше какого-нибудь Н. Успенскаго или Слѣпцова.

VI.

При какихъ условіяхъ беллетристическое произведеніе можетъ удовлетворять требованіямъ *психологической правды*? Всякій знаетъ, что для этого нужно, — *во-первыхъ*, чтобы оно не стояло въ разрѣзъ съ общими психическими законами человѣческой природы, чтобы создаваемый имъ *вымышленный характеръ* какъ можно ближе подходилъ къ характерамъ живыхъ людей, и *во-вторыхъ*, чтобы этотъ характеръ, при всей своей индивидуальной конкретности, заключалъ въ себѣ такія черты и свойства, которыя были-бы общи многимъ людямъ, живущимъ подъ болѣе или менѣе одинаковыми условіями общественной жизни; чтобы эти люди признали въ немъ *частичку своего я*, чтобы у нихъ были съ ними какіе-нибудь общіе интересы, какая-нибудь точка соприкосновенія. Обыкновенно, такое свойство художественнаго характера выражается словомъ *типичность*. Такимъ образомъ, психологическая правда требуетъ, чтобы воспроизводимый характеръ, съ одной стороны, былъ типиченъ, а съ другой — конкретенъ, индивидуаленъ. Повидимому, это два противоположныя требованія. Какъ можетъ быть характеръ въ одно и то-же время и типиченъ, и индивидуаленъ? Дѣйствительно, создать такой характеръ путемъ сознательнаго мышленія невозможно; логика нашего ума отвергаетъ его: *обобщенная индивидуализация* и *индивидуализированное обобщеніе* — это логическія нелѣпости. Но логика подчиняетъ своимъ правиламъ только наши сознательныя впечатлѣнія; впечатлѣнія-же, лежащія внѣ сферы сознательнаго мышленія, объединяются, раздѣляются, слагаются въ понятія и образы, по другимъ правиламъ, по другимъ законамъ, по законамъ нашей памяти. Невозможное для логики ума часто возможно для логики памяти. Какимъ-же образомъ создаетъ память типически-конкретные характеры?

Наша критика имѣетъ на этотъ счетъ такого рода теорію.

„Дѣло“, № 12.

4

Художникъ, по ея мнѣнію, подмѣтивъ проявленіе какой-нибудь черты человѣческаго характера во множествѣ единичныхъ случаевъ, запоминаетъ эти разнообразныя проявленія, *обобщаетъ ихъ* и затѣмъ воплощаетъ свое обобщеніе въ индивидуальномъ характерѣ того или другого дѣйствующаго лица. „Что въ живыхъ людяхъ заключено въ малыхъ дозахъ, то художникъ, говорилъ одинъ нашъ знаменитый критикъ (цитата не буквальная, у меня нѣтъ подъ рукою первой статьи Писарева объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“, изъ которой я заимствую эту мысль) собираетъ, объединяетъ и создаетъ такимъ образомъ *типъ*. Въ этой *типической чертѣ*, какъ въ фокусѣ, сливаются всѣ тѣ частныя, индивидуальныя черты, отъ которыхъ она заимствовала свой характеръ. Однимъ словомъ, это *обобщенная копія, абстракція однородныхъ, хотя и не вполне тождественныхъ конкретностей*. Художникъ образуетъ въ своей памяти эту абстракцію точно такимъ-же путемъ, какимъ мыслитель создаетъ въ своемъ умѣ *общій выводъ*. Только мыслитель облачаетъ свое обобщеніе въ отвлеченное понятіе, а художникъ—въ конкретный образъ. Такова теорія. А какова *теорія* критики, такова должна быть и *практика* нашихъ художниковъ. Критика, создавая свои правила, всегда сознательно или безсознательно идетъ лишь по слѣдамъ послѣднихъ: приемы ихъ творческаго процесса возводятся ею, обыкновенно, въ норму творческаго процесса вообще. Поэтому, по художественнымъ теоріямъ критики почти безошибочно можно судить о характерѣ художественныхъ произведеній той или другой литературы. Если наша критика, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, видитъ въ абстракціи индивидуальныхъ фактовъ характерную особенность *типа*, то мы должны думать, что наши художники создаютъ свои типы именно путемъ такой абстракціи. На самомъ дѣлѣ, оно такъ и есть. Русскіе беллетристы *à la lettre* исполняютъ предписанія своей критики: они добросовѣстно подмѣчаютъ какую-нибудь особенность, или какое-нибудь настроеніе, свойство человѣческаго характера, обобщаютъ его и затѣмъ эту обобщенную черту, обобщенное душевное настроеніе переносятъ на индивидуальное лицо. Такимъ образомъ, на лицо переносится не конкретное индивидуальное свойство, а, если можно такъ выразиться, *эссенція* этого свойства, т. е. нѣчто такое, чего мы никогда не видимъ и не встрѣчаемъ въ дѣйствительной жизни. Это у

насъ называется *созданіемъ типическаго характера*. Создавать такіе типы очень легко; но за то въ нихъ и нѣтъ никакой конкретной реальности: они относятся въ характерамъ живыхъ людей точно также, какъ *средній выводъ* статистики къ единичнымъ фактамъ дѣйствительности; подобно ему, они имѣютъ чисто-абстрактное значеніе; но такъ какъ абстрактное свойство припиливается къ индивидуальному характеру, ставится въ тѣсныя рамки условій жизни *единичнаго* конкретного, а не какого-нибудь отвлеченнаго лица, то этотъ характеръ, это лицо превращается въ чистую каррикатуру, — каррикатуру, быть можетъ, годную для сатиры, но совершенно неумѣстную въ художественномъ произведеніи. Вспомните, читатель, наши *художественныя типы*, начиная отъ героевъ Лермонтова и Марлинскаго до героевъ любого изъ новѣйшихъ беллетристовъ! Развѣ это живые характеры? Это простые абстракты — и ничего болѣе. Каждый изъ нихъ опредѣляется двумя, тремя словами; съ первыхъ-же страницъ типъ очерчивается сполна. Авторъ подводитъ его подъ ту или другую рубрику, и критикъ остается только разбирать эту рубрику, а не анализировать живой характеръ. Потому въ нашей литературѣ дѣло критики, съ одной стороны, крайне просто и несложно, а съ другой — почти совершенно излишне. Самъ романистъ беретъ на себя ея задачи: онъ не только приподноситъ читателю уже вполне готовый выводъ, онъ даже иногда снабжаетъ этотъ выводъ критико-полемическими замѣчаніями; устами другихъ дѣйствующихъ лицъ онъ обыкновенно произноситъ приговоръ надъ своими героями. И наша критика убѣждена, что такъ именно и слѣдуетъ создавать художественныя типы; для нея совершенно ускользаетъ разница между творческими приемами *сатирика* и *художника*; она безразлично считаетъ художниками Грибоѣдова, Гоголя, Тургенева, Гончарова и даже Щедрина. Недавно мнѣ попалась рецензія одного изъ нашихъ еженедѣльныхъ обозрѣвателей журналовъ. Въ этой рецензіи о г. Щедринѣ было высказано такое мнѣніе: мы (т. е. обозрѣватель) не считаемъ Щедрина за сатирика, вся его сила заключается въ *художественномъ изображеніи* характеровъ. Какъ ни оригиналенъ подобный взглядъ на одного изъ остроумныхъ нашихъ сатириковъ, а, между тѣмъ, онъ вполне понятенъ съ точки зрѣнія „художественной теоріи“ нашей кри-

тви. Но въ этомъ-то смѣшеніи пріемовъ художественнаго и сатирическаго творчества лучше всего и обнаруживается несостоятельность такой теоріи. Художественный типъ долженъ прежде всего удовлетворять требованіямъ *психологической правды*, типъ сатирической никогда ими не связываетъ себя. Если-бы сатирикъ, желая бичевать дурныя или смѣшныя стороны чловѣческой природы, вздумалъ соблюдать психологическую правду, то онъ написалъ-бы не сатиру на живые характеры, а просто изобразилъ-бы эти характеры во всей ихъ индивидуальной конкретности; его произведеніе имѣло-бы чисто-художественное, но отнюдь не сатирическое значеніе. Чтобъ написать сатиру, онъ долженъ, подмѣтивъ тѣ или другія черты индивидуальныхъ характеровъ, переработать ихъ, соединить въ *одну*, рѣзко-опредѣленную форму ихъ существенныя свойства, и эту-ту обобщенную типическую черту (никогда не встрѣчающуюся во всей своей рѣзкости у живыхъ людей) втиснуть въ рамки индивидуальнаго характера. Созданный такимъ образомъ характеръ будетъ нарушать всякое психологическое правдоподобіе, но за то его преувеличенныя стороны глубоко врѣжутся въ нашу память; въ нашемъ умѣ сейчасъ-же сложится о нихъ рѣзкое и опредѣленное сужденіе, и мы невольно будемъ примѣнять это сужденіе къ аналогичнымъ, хотя и съ меньшею реальностью выраженнымъ чертамъ характеровъ живыхъ людей. Такимъ образомъ, сатирикъ достигаетъ своей задачи, наводя увеличительныя стекла на чловѣческіе слабости и недостатки, т. е. нарушая психологическую правду. Но художникъ, употребляя тѣ-же пріемы для созданія *типическаго характера*, не достигаетъ ни цѣлей сатиры, ни цѣлей художественнаго произведенія; онъ оставляетъ въ читателѣ неопредѣленное и неудовлетворительное впечатлѣніе. Онъ не можетъ заинтересоваться характеромъ, совершенно несоотвѣтствующимъ характеру живыхъ людей; но онъ и не можетъ видѣть въ немъ сатиры; научная точка зрѣнія художника на свое созданіе сбиваетъ съ толку читателя. Художникъ, желая выдать свое изображеніе за чисто-художественное, сглаживаетъ его рѣзкость, освѣщаетъ фальшивымъ свѣтомъ, вводитъ подробности и детали, нарушающія необходимыя условія сатиры. И „выходитъ Матрена ни цава, ни ворона“. Таковы именно *типическіе характеры* г. Тургенева. Въ четырехъ своихъ знаменитыхъ повѣ-

стях („Дворянское гнѣздо“, „Рудинъ“, „Наканунъ“ и „Отцы и Дѣти“) онъ старался представить типическіе характеры „героевъ дня“. Здѣсь не мѣсто разбирать, дурно или хорошо онъ понялъ ижъ общественное значеніе;—мы ограничимся чисто-художественнымъ вопросомъ: изобразилъ-ли онъ въ нихъ живые типы или типы мертвые, абстрактныя? Относительно героевъ „Отцовъ и Дѣтей“—вопросъ этотъ, кажется, окончательно рѣшенъ и критикою, и читателями. Можетъ быть, въ настоящее время, одинокъ только Страховъ рѣшится назвать Базарова художественнымъ типомъ. Базаровъ столько-же походитъ на живого человѣка, сколько „воронье пугало“ на живое существо. Даже поклонники г. Тургенева считаютъ „Отцовъ и Дѣтей“ знаменіемъ паденія его таланта. Читатель помнитъ, что послѣ этого романа слава Тургенева стала быстро улечиваться, и что онъ, наконецъ, самъ увидѣлъ себя въ необходимости торжественно отказаться отъ Базарова, какъ отъ художественнаго типа, и наивно сознаться, что онъ просто скопировалъ въ этой невозможной фигурѣ одного своего пріятеля-доктора! Этимъ своимъ признаніемъ г. Тургеневъ значительно облегчилъ дѣло критика: онъ самъ открылъ тайны своего творческаго процесса. И какъ-же немудрены и несложны эти тайны! Подмѣтить наружность, манеры, психическія особенности того или другого пріятеля, создать изъ этихъ индивидуальнихъ чертъ нѣкоторое подобіе его характеру и пришить къ этому характеру какое-нибудь абстрактное свойство, въ родѣ базаровскаго отрицанія,—вотъ „и дѣло въ шляпѣ“. Совершенно по такому-же рецепту былъ созданъ и „Рудинъ“. Правда, по поводу его г. Тургеневъ не дѣлалъ никакихъ признаній; но улики такъ ясны, что въ „собственномъ сознаніи“ не чувствуется необходимости. Только особыми, исключительными обстоятельствами, обстоятельствами съ самимъ романомъ ничего общаго неимѣющими, можно объяснить тотъ фактъ, что наша критика отнеслась къ Рудину не такъ, какъ она отнеслась къ Базарову. Но г. Тургеневъ отнесся къ лучшимъ людямъ 40-хъ годовъ (т. е. къ своимъ, такъ сказать, однобашникамъ) точно такъ-же, какъ онъ отнесся къ людямъ 60-хъ годовъ. Разница только въ томъ, что люди 60-хъ годовъ могли, хоть и слабо, но все-таки протестовать противъ дикаго и недѣльно-односторонняго изображенія ихъ идеаловъ, стремленій и ха-

ракторовъ. А люди 40-хъ годовъ не могли этого сдѣлать. Поэтому фальсификація базаровскаго типа сейчасъ-же и обнаружилась, а фальсификація рудинскаго типа не обнаружена и до сихъ поръ. Тургеневъ могъ въ то время безнаказанно плевать въ своихъ „пріятелей“, могъ выдѣлывать надъ ними какіе ему было угодно „художественные эксперименты“, и никто не чувствовалъ ни охоты, ни желанія его останавливать, никто не рѣшался спросить его: да какой-же, однако, резонъ вы имѣете плевать на нихъ? („Рудинъ“, напомнимъ читателю, вышелъ въ 1855 г.). Авторъ „Рудина“ былъ, очевидно, *счастливецъ* автора „Некуда“. Это *счастіе* для него кончилось съ „Отцами и Дѣтьми“, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончилась и его популярность. Пиши Бѣлинскій въ то время, когда появился „Рудинъ“, эта популярность, конечно, окончилась-бы гораздо раньше. Но Бѣлинскій лежалъ уже въ могилѣ, а „оплеваннѣмъ пріятелямъ“ было тогда не до г. Тургенева... Впрочемъ, мы уже условились не касаться общественнаго значенія дѣятельности нашего романиста. Посмотримъ-же на характеръ Рудина съ чисто-художественной точки зрѣнія. Когда, по прочтеніи романа, читатель можетъ сейчасъ-же въ двухъ, трехъ словахъ опредѣлить весь характеръ героя, то это лучшій признакъ, что вымышленный герой не похожъ на дѣйствительнаго живого человѣка. Въ характерѣ живыхъ людей (какъ-бы ни были одинаковы условія, при которыхъ они развиваются) всегда слишкомъ много разносторонности, разнообразія, противурѣчій для того, чтобы его можно сейчасъ-же, безъ всякаго предварительнаго „анализированія“ и „абстрагированія“, уложить въ опредѣленную, замѣнутую логическую формулу. Формула всегда окажется слишкомъ узкою или слишкомъ широкою, она не будетъ исчерпывать характеръ сполна: что-нибудь окажется лишнимъ, а чего нибудь будетъ мало. Примѣните теперь эту иѣрку къ Рудину и посмотрите, что выйдетъ: раньше чѣмъ вы успѣли закрыть книгу, въ вашемъ умѣ уже сложилась совершенно опредѣленная и точная формула его характера. Сколько-бы вы потомъ ни думали о немъ, сколько-бы вы его ни анализировали, вы не прибавите къ этой формулѣ никакой новой черты: вы ее ни на волосъ не съюзите и не растянете. Въ ней—весь Рудинъ. Себялюбивый, безхарактерный, дряблый эгоистъ, вѣчно и безъ конца „болтающій“ о честности высокой и

объ иныхъ „матеріяхъ важныхъ“ — вотъ онъ вамъ весь на лицо. Это — абстрактъ болтливой дряблости и ничего болѣе. И вы доходите до этого опредѣленія даже не путемъ самостоятельнаго анализа: вамъ его, съ первыхъ-же страницъ, подсказываетъ самъ авторъ. Устами Пигасова и Лежнева онъ рекомендуетъ вамъ героя и произноситъ надъ нимъ приговоръ. Вамъ остается только согласиться, что эта рекомендація совершенно справедлива и что этотъ приговоръ „вполнѣ сообразенъ съ обстоятельствами дѣла“. Лежневъ характеризуетъ Рудина такимъ образомъ: „...въ сущности онъ пустой человѣкъ“, „деспотъ въ душѣ, лѣнивъ, не очень свѣдущъ“... „любитъ пожить на чужой счетъ, разыгрываетъ роль“, „онъ холоденъ, какъ ледъ, и знаетъ это, и прикидывается пламеннымъ“... „онъ не честенъ, онъ даже не Тартюфъ. Тартюфъ тотъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, чего добивался, а этотъ, при всемъ своемъ умѣ...“ („Рудинъ“, стр. 303—305). Пигасовъ дополняетъ эту характеристику, говоря о немъ: „Слова употребляетъ все такія длинныя. Ты чихнешь, онъ тебѣ сейчасъ станетъ доказывать, почему ты именно чихнулъ, а не кашлянулъ... Хвалить онъ тебя, точно въ чинъ производить... Начнетъ самого себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ, ну, думаешь, теперь на свѣтъ божій глядѣть не станетъ. Какое! повсесѣветъ даже, словно горькой водкой себѣ поподчивалъ“. „По моему мнѣнію, онъ просто ничто иное, какъ лизоблюдь“ (ib. стр. 298, 362). И во всей повѣсти Рудинъ остается вѣрней этой характеристикѣ. Онъ болтаетъ, точно за языкъ повѣшанный, болтаетъ и ораторствуетъ даже тогда, когда никто не чихаетъ. Встрѣчаетъ онъ, напримѣръ, въ саду совершенно почти незнакомую ему дѣвушку, — ему почему-то вспоминается слово „стихи“, и онъ начинаетъ: „Поэзія — языкъ боговъ. Я самъ люблю стихи. Но не въ стихахъ однихъ поэзія: она разлита вездѣ, она вокругъ насъ... Взгляните на эти деревья, на это небо, — отовсюду вѣетъ красотой и жизнью, а гдѣ красота и жизнь“... ну, и т. д. (стр. 291): Развѣ это не шаржъ, развѣ это не глупая пародія на *кого-то* и на *что-то*? И въ такомъ-то шутовскомъ родѣ онъ ораторствуетъ не только съ кисейными барышнями, но и съ солидными помѣщиками и помѣщицами, съ разными Лежневыми, Волынцевыми, Пигасовыми, Дарьями Михайловными и т. п. Въ награду за такое добро-

вольное шутовство кисейныя барышни изъясняются передъ нимъ въ любви, а солидные помѣщики и помѣщичи даютъ ему въ займы (напередъ зная, что безъ отдачи) деньги. Затѣмъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ лицамъ, къ любящей его дѣвушкѣ, къ матери этой дѣвушки, къ Волынцеву, къ Лежневу, къ Басистову, къ помѣщику, „возлюбившему науку“ (см. стр. 374), является только безчестнымъ, дряблымъ эгоистомъ, неспособнымъ проникнуться самыми обыкновенными человѣческими чувствами, безцѣльнымъ Тартюфомъ, цѣликомъ подходящимъ подъ мѣрку пугасовско-лежневскаго опредѣленія. Одно уже это *однообразіе колорита* характера ясно свидѣтельствуетъ объ отсутствіи художественности въ его изображеніи. Но если вы подумаете, хоть минуту о томъ, возможно-ли, чтобы человѣкъ, „беззавѣтно увлекающійся“ благороднѣйшими и гуманнѣйшими идеями, чтобы человѣкъ, слова котораго электризируютъ молодежь, котораго эта молодежь слушаетъ съ благоговѣніемъ и считаетъ своимъ „пророкомъ“ и „геніемъ“, — возможно-ли, чтобы этотъ человѣкъ (а такимъ именно хочеть представить Рудина самъ авторъ, см. стр. 298, 308, 310, 364 и др.) могъ оказаться такимъ безусловно-дряннымъ пошлякомъ во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ? Нѣтъ, это невозможно! Это клевета и утрировка: никогда у живого человѣка не можетъ быть такого полного и абсолютнаго разлада между его *теоріями* и его *практикой*. Добро-бы еще, эти теоріи были у него „пакостными“, добро-бы онъ ихъ проповѣдывалъ ех *offició*, но нѣтъ, онъ были плодомъ его убѣжденій, онъ сжился съ ними, онъ имъ не разу не измѣнилъ, онъ ихъ пропагандировалъ съ опасностью для себя, онъ запечатлѣлъ ихъ истину своею кровью, и вы хотите насъ увѣрить, что этотъ „рыцарь идеи“ былъ только пустой шутъ, дряблѣй и себялюбивѣй пошлякъ! Если живые люди рѣдко (а, можетъ быть, даже и никогда) бываютъ *последовательны* своимъ идеямъ во всѣхъ мелочахъ своей практической жизни, то, и обратно, абсолютная и всегдашняя *последовательность* — фактъ невозможный. „Сладныя души“ могутъ существовать только въ дурно-развитой фантазіи беллетриста. Психическую природу человѣка нельзя раздвигать такою грубою и рѣзкою чертою: нельзя смотрѣть на нашу душу, какъ на рядъ отгороженныхъ и неимѣющихъ между собою никакого сообщенія, клѣтокъ. Какъ-бы ни было различно содержимое этихъ клѣтокъ,

но оно всегда будет переливаться изъ одной въ другую. И въ силу этой живой солидарности, объединяющей разнообразныя стороны чловѣческаго характера, въ дѣйствительности немнслимы люди, подобныя Базаровымъ и Рудинымъ. Это — мертвыя куклы, это — плохо сочиненныя пасквили, но это не художественныя типы.

Герой третьей повѣсти — Инсаровъ — не пасквили, не каррикатура, но за то онъ совсѣмъ и не чловѣкъ: онъ не болѣе, какъ простая, отвлеченная идея, изображенная въ фигурѣ чловѣка. Если-бы Тургеневъ совсѣмъ не выводилъ этой фигуры на сцену, а только просто оповѣстилъ-бы читателя, что „Елена воспылала любовью къ нѣкоторой особѣ, любящей родину больше всего на свѣтѣ и обладающей при этомъ весьма солидною физическою силою“, то мы знали-бы о предметѣ Елениной любви нисколько не меньше, чѣмъ мы знаемъ теперь, когда авторъ во очю представилъ намъ эту „нѣкоторую особу“. Сколькo-бы разъ мы ни перечитывали „Наканунъ“, мы не извлечемъ изъ него никакихъ другихъ свѣденій о героѣ, кромѣ того, что онъ „очень любитъ Болгарію“ и здоровенный малый. Этою, весьма мало говорящею характеристикою исчерпывается вся положительная сторона его личности. Затѣмъ устами другихъ дѣйствующихъ лицъ романа (Елены, Шубина, Берсеньева и т. п.) авторъ старается опредѣлить намъ эту личность отрицательными указаніями на то, чего она *не дѣлаетъ*, и чего она *не одобряетъ*. Еще раньше насъ критика указала на эту чисто-отрицательную характеристику Инсарова. Такъ, напр., Добролюбовъ говоритъ: „Берсеневъ и Шубинъ, и сама Елена, и наконецъ, даже авторъ повѣсти характеризуютъ его все болѣе отрицательными качествами. Онъ никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему слову, не беретъ займы денегъ, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ исполненія принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ и т. п.“ („Когда-же придетъ настоящій день?“ Т. III, стр. 324). Можетъ быть, все это, сущая правда, но мы должны вѣрить автору на слово. При томъ-же и самыя отзывы объ Инсаровѣ разныхъ Шубинныхъ, Еленъ, Берсеневыхъ такъ общи и такъ односторонни, что изъ нихъ нельзя вывести никакого яснаго понятія объ его индивидуальномъ характерѣ. Очевидно, что Шубинъ, Берсеневъ, Елена etc, несмотря на ихъ близкія отношенія къ Инсарову, совершенно его не знали. Въ про-

тивномъ случаѣ, они нашли-бы какія-нибудь болѣе опредѣленныя выраженія для опредѣленія своего о немъ мнѣнія. Что это за человѣкъ, который никогда не жметъ, не беретъ взаимны денегъ, всегда держитъ свое слово, никогда не откладываетъ своихъ рѣшеній и т. д.? Это какой-то абстрактъ, кака-то воплощенная мораль „дѣтскихъ прописей“.

Лаврецкій (въ Дворянскомъ гнѣздѣ) представляетъ собою характеръ болѣе живой, но только потому, что онъ воплощаетъ въ себѣ наиболѣе старательно-разработанныя Тургеневомъ черты такъ называемыхъ „лишнихъ людей“. И вся жизненность его заключается именно въ этой характеристикѣ. За вычетомъ дрянности и трусливой пассивности съ хныканьемъ рабской подчиненности „силѣ обстоятельствъ“, — у Лаврецкаго ничего не остается кромѣ имени. На этотъ разъ я позволю себѣ не согласиться со взглядомъ автора „Темнаго царства“; Добролюбовъ полагаетъ, что между Лаврецкимъ и типомъ „лишнихъ людей“ есть нѣкоторая разница, и онъ видитъ эту разницу въ томъ, что первые изнемогали подъ бременемъ собственной дрянности, тогда какъ послѣдній изнемогъ будто-бы подъ бременемъ „не отъ него зависящихъ обстоятельствъ“, — обстоятельствъ, „борьба съ которыми дѣйствительно устрашить самого энергическаго и смѣлаго человѣка“ (ib. стр. 310). О, Боже мой, что-же это за ужасныя обстоятельства? Вы ихъ помните, вы ихъ знаете, читатель: ложныя понятія, предвзятія мнѣнія какой-нибудь 17—18 лѣтней барышни — вотъ та гранитная стѣна, о которую разбилась энергія этого героя, вотъ та страшная пропасть, которая отдѣлила Лизу и Лаврецкаго отъ взаимнаго счастья! Неужели-же требовалось „сила богатырская“, чтобы разрушить эту стѣну, „смѣлость безпримѣрная“, чтобы перешагнуть эту пропасть? Вспомните, что Лиза была почти ребенокъ, что ея понятія стояли въ противорѣчійхъ съ естественными требованіями ея природы, что герой, котораго она любила, не раздѣлялъ ихъ, что ея любовь готова была вступить въ союзъ съ Лаврецкимъ противъ нихъ, вспомните все это, и вы согласитесь со мной, что человѣку, мало-мальски одаренному силою воли и здравымъ смысломъ, борьба съ такими понятіями не представила-бы большихъ затрудненій. Но Лаврецкій умѣлъ только хныкать и говорить „жалкія слова“. Авторъ Записокъ лишняго человѣка имѣетъ полное пра-

во признать его за родного брата; отъ Рудина онъ отличается только тѣмъ, что не способенъ разыгрывать роль болтающаго шута. Положеніе его можетъ казаться „драматичнымъ“ развѣ только для какихъ-нибудь гг. Пасынковыхъ, Пѣтушковыхъ и т. п. Если-бы наша жизнь изобиловала только такими *драмами*, толь ко такими „бурями въ стаканѣ воды“, какъ-бы хорошо было жить на свѣтѣ! Какъ-бы мы тогда весело смѣялись надъ фантастическими страданіями, надъ умилительнымъ самоистязаніемъ разнѣхъ Лаврецкихъ, Пѣтушковыхъ, Пасынковыхъ, Рудинныхъ, Веретьевыхъ и имъ подобныхъ! А теперь они намъ только гадки и отвратительны: они „бѣсятся съ жиру“, и когда видишь, что вокругъ нихъ тысячи умирали отъ недостатка этого вещества, то ихъ бѣснованіе кажется какою-то возмутительною насмѣшкою надъ реальными страданіями, надъ неподдѣланными слезами ихъ ближнихъ.

Итакъ Лаврецкаго мы должны отнести къ типу „*лишнихъ людей*“. Этотъ типъ, какъ мы уже много разъ говорили, разрабатывается нашею литературою съ особенною любовью; и на немъ г. Тургеневъ, какъ говорится, набилъ себѣ руку. Почти въ каждой своей повѣсти, въ каждомъ разсказѣ онъ воспроизводитъ вамъ какого-нибудь *лишняго человека*. Онъ изучилъ отлично, какъ по опыту, такъ и въ теоріи человѣческую дряблость, безхарактерность, эгоистическую трусливость и другія аналогичныя психическія состоянія, изучилъ ихъ весьма тщательно и добросовѣстно и выжалъ изъ нихъ какую-то „эссенцію“ *лишняго человека*. Этою эссенціею онъ окропляетъ почти всѣхъ своихъ героев—однихъ больше, другихъ меньше, но въ этомъ и вся разница: Лучковъ (въ Бретерѣ), Веретьевъ (Затишьѣ), лишній человекъ, Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Рудинъ, Лаврецовъ, Пасынковъ, Бизменьковъ, Берсеневъ и т. д., и т. д.,—все это одного поля ягоды, на всѣхъ ихъ лежитъ печать безсилія и дряблости, всѣ они хнычатъ, недовольны собою, разыгрываютъ роли какихъ-то неудавшихся людей; вся разница между ними только въ томъ, что одни передъ женскимъ поломъ пасуютъ, (Лучковъ, лишній человекъ, герой повѣсти „Ася“ и т. д.), а другіе хотя и влюбляютъ въ себя барышень довольно успѣшно, но возбужденной любви удовлетворить никогда не могутъ. Всего обильнѣе сочтется эссенціею *лишняго человека* Пѣтушковъ (см.

Т. II, стр. 149—201). Пѣтушковъ—это самое полное воплощеніе коренныхъ свойствъ этого типа; онъ его родоначальникъ, всѣ остальные герои Тургенева — вплоть до героя „Вешнихъ Водъ“ — разбавленные и разжиженные Пѣтушковы. Самъ Обломовъ есть ничто иное какъ Пѣтушковъ, размазанный на нѣскольکو частей. Скучающіе и меланхолическіе герои современной беллетристики—старая варьяція все на ту-же пѣтушковскую тему. Это поразительное однообразіе творческаго вымысла лучше всѣхъ критикъ опредѣляетъ степень художественнаго таланта нашихъ беллетристовъ вообще и г. Тургенева въ частности. Истинный художникъ никогда-бы не могъ такъ скучно повторяться и такъ упорно вертѣться на одной и той-же точкѣ, какъ повторяется и вертится авторъ Пѣтушкова. Воспримчивость художника не можетъ ограничиваться какою-нибудь одною стороною человѣческой природы; при такой односторонней впечатлительности онъ никогда не будетъ въ состояніи удовлетворить требованіямъ психологической правды, и вмѣсто конкретнаго типа у него всегда выйдетъ лишь типъ абстрактный. Такою-то именно абстрактностью и запечатлѣнъ типъ лишняго человѣка. Свойства *лишнихъ людей*, ихъ безхарактерность и неспособность заняться чѣмъ-нибудь путнымъ, постоянное, сознаніе своей собственной дрянности, вѣчное резонированіе или „прожиганіе жизни“ съ видомъ разочарованнаго и непонятаго генія,—такія свойства присущи до извѣстной степени очень многимъ людямъ и они не остаются безъ вниманія и въ иностранной беллетристикѣ. Но только наша литература возвела ихъ въ какой-то универсальный типъ. Разумѣется, отчасти это слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что подобныя душевныя настроенія знакомы русскимъ людямъ, особенно людямъ той среды, въ которой, по преимуществу, возвращаются наши беллетристы, знакомы едва-ли не болѣе, чѣмъ, напр., англичанамъ или французамъ. Однако, главную причину или, лучше сказать, непосредственную причину можно видѣть, какъ мнѣ кажется, въ тѣхъ творческихъ приемахъ нашихъ художниковъ, о которыхъ мы говорили выше. Они создали изъ конкретныхъ чертъ индивидуальный характеръ, изъ временныхъ и болѣе или менѣе мимолетныхъ душевныхъ настроеній—какую-то абстракцію и надѣляютъ этою абстракціею конкретныя, одиночныя лица. Отсюда колоссальная и, такъ сказать,

огульная *дрянность* этихъ лицъ,—дрянность, въ которой исчезаютъ и стираются индивидуальныя особенности ихъ характеровъ; отсюда—этотъ невозможный и нескончаемый плачь надъ собственнымъ безсиліемъ. Типическія свойства лишняго чело-вѣка, утративъ свою конкретность, утратили и свою правдоподобность. Надѣляемые ими характеры перестали походить на характеры живыхъ людей. Живые люди, какъ-бы они ни были слабохарактерны и дрянны, не могутъ-же быть *только* слабохарактерными и дрянными; не могутъ-же они постоянно и непрерывно находиться въ положеніи *лишнихъ людей*, постоянно и непрерывно чувствовать недовольство собою и испытывать внутренній разладъ, однимъ словомъ, повторяю опять, въ характерѣ живого чело-вѣка немыслима та односторонность и та монотонность настроенія, которую опредѣляется рассматриваемый типъ.

VII.

Если читатель согласенъ съ мыслями, высказанными въ предшествующей главѣ, то онъ долженъ согласиться также и съ нашимъ заключительнымъ выводомъ,—съ выводомъ, что г. Тургеневъ не удовлетворяетъ самому существенному условію психологической правды: рисуемые имъ характеры не имѣютъ конкретной типичности. Какъ и у большинства нашихъ беллетристовъ, и новѣйшихъ и старѣйшихъ,—его типы слишкомъ абстрактны; а кругозоръ его художественной наблюдательности слишкомъ узокъ и одностороненъ. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ: гдѣ нужно искать причину этой, какъ мы видѣли, *повальной* неспособности нашихъ беллетристовъ вообще и г. Тургенева въ частности создавать живые характеры, типы? Мнѣ кажется, тутъ дѣйствуетъ та-же причина, на которую мы указали въ предшествующей статьѣ, говоря объ отсутствіи фантазіи у нашихъ романистовъ. Факты дѣйствительной жизни не остаются въ ихъ памяти во всей своей конкретной реальности. Они сохраняютъ о нихъ лишь блѣдное абстрактное понятіе. Самыя поражающія, самыя трагическія явленія неспособны глубоко взволновать ихъ флегматическое равнодушіе. Въ этомъ случаѣ, наши беллетристы вполне *русскіе люди*, они вполне достойны своихъ чита-

телей. Тутъ нечему удивляться и тутъ некого обвинять: ви поградъ не растутъ на терновникѣ, и репейникъ не даетъ смоквы. Среди тѣхъ тысячелѣтнихъ историческихъ условий, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась наша жизнь, у насъ не могли выработаться ни всесторонняя воспримчивость, ни высокая нервная чувствительность, ни чуткая *отзывчивость* къ чужимъ скорбямъ и слезамъ, которая способна переносить человѣка въ положеніе его страдающаго ближняго. Повидимому, мы всегда и охотно готовы сочувствовать чужимъ несчастіямъ, но это сочувствіе не идетъ далѣе *принципа*; оно имѣетъ чисто разсудочный, резервскій характеръ; оно не потрясаетъ всего пылаго организма, оно не болѣе, какъ на одну минуту, нарушаетъ наше обычное, самодовольное спокойствіе. Мы сейчасъ-же вспоминаемъ, что „и не то еще бываетъ“, и это утѣшительное воспоминаніе мгновенно восстанавливаетъ равновѣсіе нашей души.

А между тѣмъ, чтобы создать конкретный типъ, для этого художникъ долженъ быть именно одаренъ высокою нервною впечатлительностью, способностью запоминать единичные факты во всемъ ихъ разнообразіи. Вымышленный характеръ удовлетворяетъ требованіямъ конкретности и типичности не тогда, когда онъ будетъ воплощать въ себѣ какое-нибудь *обобщенное* индивидуальное свойство, а тогда, когда это свойство не обобщено, когда оно взято во всей его конкретной индивидуальности, но притомъ, обставлено такими психическими и социальными условіями, въ связи съ которыми оно чаще всего проявляется въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, типическое свойство получаетъ типичность, не оттого, что оно представляетъ нѣкоторую абстракцію, нѣкоторую выжатую эссенцію изъ однородныхъ, индивидуальныхъ свойствъ; нѣтъ, оно типично потому только, что является въ сопровожденіи типическихъ обстоятельствъ; сохранить въ своей памяти такіа *типическія обстоятельства*, т. е. тѣ разнообразныя отношенія, которыми у живыхъ людей чаще всего связывается данное, необходимое свойство съ другими сторонами ихъ характеровъ, конечно, это гораздо труднѣе, чѣмъ запомнить, а потомъ обобщить только это одно, избранное свойство. Но за то вы получите живой, а не абстрактный типъ. Вы не замѣтите въ немъ (по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда) никакого преобладающаго тона, его типическая черта не будетъ подавлять

и затемнять другія его стороны, болѣе индивидуальныя, болѣе частныя; вамъ трудно будетъ вставить его въ рѣзко-очерченныя рамки; вы не опредѣлите его съ двухъ словъ, сначала вы даже и не признаете его за типъ. А между тѣмъ въ вашемъ умѣ одинъ за другимъ начнутъ появляться забытые образы, и прежде чѣмъ вы успѣете отдать себѣ ясный отчетъ, подвести итоги этого, повидимому, совершенно индивидуальнаго характера, вы уже почувствуете, что въ немъ есть что-то знакомое, что-то общее, родственное съ характерами живыхъ людей той или другой среды, той или другой партіи, той или другой мѣстности и т. д. и т. д. У Диккенса, у Теккерея, у Антони Тролопа почти каждый характеръ типъ; а попробуйте подвести его подъ абстрактную рубрику, наклеить ему ярлыкъ съ опредѣленнымъ именемъ и вы убѣдитесь, что это не такъ легко, какъ подводить подъ рубрики и наклеивать ярлыки на наши русскіе типы.

Теперь мы можемъ указать и на другую причину абстрактности нашихъ типовъ, родственную первой, но не вполне съ нею тождественную. Я старался объяснить сейчасъ, что, при созданіи типическаго характера, совсѣмъ не требуется обобщать то или другое индивидуальное свойство. А между тѣмъ творческій процессъ нашихъ беллетристовъ всегда опирается на такое обобщеніе. Не отражается-ли въ этомъ творческомъ приѣмѣ общая склонность русскаго ума къ поверхностной дедукціи,—склонность, опять-таки обусловливаемая тѣми историческими условіями, при которыхъ развивался нашъ умъ? Его воспитательныя средства всегда отличались крайнею скудностью, ему негдѣ и неначемъ было выработать себѣ привычку къ самостоятельному, независимому мышленію, къ методическому и упорному труду; напротивъ, ему очень легко было развить въ себѣ способность усвоить чужія мысли, чужіе выводы. А изъ этой способности возникли въ свою очередь сильное *предрасположеніе* къ законченной формулѣ, къ готовому понятію и слабая воспріимчивость къ конкретнымъ частностямъ и мелочамъ. Благодаря этому обстоятельству, намъ очень легко подняться до уровня великихъ обобщеній западной науки, и въ сферѣ логическаго мышленія дедуктивныя свойства нашего ума имѣютъ для насъ громадную цѣну; они сообщаютъ смѣлость нашей мысли, неустрашимость нашему выводу; они, при стеченіи благопріятныхъ условій, могутъ

выработать изъ среды насъ великихъ и геніальныхъ мыслителей. Но за то на наше творческое искусство они оказываютъ самое гибельное вліяніе; они отнимаютъ жизненность и конкретность отъ художественнаго образа, они превращаютъ наши типы въ абстракты, мнѣ даже кажется, что они дѣлаютъ совершенно невозможнымъ появленіе у насъ могущественнаго художественнаго таланта. Въ настоящее-же время талантъ нашихъ беллетристовъ неидетъ далѣе обрисовки характеровъ, чисто-индивидуальныхъ, т. е. неизмѣющихъ никакого типическаго значенія. Для такой обрисовки ничего, собственно говоря, не требуется, кромѣ простой наблюдательности. Какъ-бы ни была вѣрна такая обрисовка, какъ-бы близко *копія* ни подходила къ оригиналу, она все-таки не будетъ имѣть художественнаго значенія. Характеръ, неудовлетворяющій условіямъ типичности, по причинамъ, объясненнымъ выше, никогда не возбудитъ въ насъ живого интереса; мы никогда надъ нимъ серьезно не задумаемся, и онъ не потревожитъ насъ никакими вопросами; не вызвавъ въ насъ никакихъ воспоминаній, онъ исчезнетъ изъ памяти такъ-же быстро и такъ-же бесслѣдно, какъ ночное сновидѣніе. Наши новѣйшіе беллетристы, въ особенности гг. Успенскій и Слѣпцовъ, большіе мастера въ дѣлѣ такихъ обрисовокъ. Дальше этого они не идутъ, поэтому мы и не считаемъ ихъ не только *великими*, но даже сносными художниками. Это довольно остроумные *наблюдатели*, удовлетворительные *разскащики* и ничего болѣе. Къ этой-же категоріи разскащиковъ принадлежитъ и г. Тургеневъ. Въ живой обрисовкѣ *индивидуальныхъ характеровъ* исчерпывается весь его художественный талантъ; и когда онъ ограничивается только такою обрисовкою, онъ изображаетъ дѣйствительно живыхъ людей и не впадаетъ въ абстракцію. И если вы вычтете изъ его произведеній типъ *мишкихъ людей* и „героевъ дня“ (четыре разобранныхъ выше повѣсти), вы не найдете въ нихъ ничего, кромѣ очерковъ различныхъ *индивидуальностей*. *) Это показываетъ, что и самъ г. Тургеневъ не совсѣмъ ошибается насчетъ истинныхъ размѣровъ своего таланта. Форма, наиболѣе соответствующая индивидуальной обрисовкѣ характеровъ, — коротенькій раз-

*) Я употребляя здѣсь это слово только какъ противоположность слову *типичность*.

сказъ, и иногда совершенно бессодержательный, иногда прикрашенный какимъ-нибудь незамысловатымъ анекдотцемъ, эта форма, такъ хорошо знакомая нашимъ новѣйшимъ беллетристамъ, чаще всего, какъ было уже сказано, встрѣчается въ беллетристическихъ произведеніяхъ г. Тургенева. И въ этомъ отношеніи его послѣдніе повѣсти и очерки ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ его предшествующихъ работъ. Въ нихъ г. Тургеневъ снова возвращается къ тому, съ чего началъ и на чемъ-бы, судя по размѣрамъ его художественнаго таланта, весьма удобно могъ остановиться, если-бы его умственное развитіе, и въ особенности, вліяніе даровитыхъ личностей, окружавшихъ его, не увлекли его на арену беллетристической публицистики. На этой аренѣ ему удалось приобрести большую популярность, но его художественный талантъ нисколько отъ того не увеличился. Когда „Отцы и Дѣти“ сдѣлали для него совершенно невозможными дальнѣйшія упражненія его на публицистическомъ поприщѣ когда „Дымъ“ потерпѣлъ рѣшительное фіаско, г. Тургеневъ, авторъ „Рудина“, „Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунѣ“, подобно рыбаку въ извѣстной сказкѣ о „золотой рыбкѣ“, опять превратился въ прежняго г. Тургенева, скромнаго автора „Андрея Колосова“. „Татьяны Борисовны и ея племянника“, „Лекаря“, „Двухъ Пріятелей“ и т. п.; онъ опять взялся за свои старыя „художественныя неводы“, опять принялся за старое ремесло, опять сталъ посвящать свои досуги уженію очень мелкой и мало-питательной художественной рыбицы. Но и теперь, какъ прежде, онъ исполняетъ свое дѣло тщательно и аккуратно, не обнаруживая, однако, при этомъ ни малѣйшей изобрѣтательности. Такимъ образомъ, послѣдніе повѣсти и рассказы г. Тургенева знаменуютъ собою совсѣмъ не *паденіе* таланта нашего беллетриста, а только возвращеніе его въ „предѣлы“ самую природою для него предоставленныя. Почитатели г. Тургенева напрасно увѣряютъ, будто его *новыя* повѣсти хуже старыхъ; это съ ихъ стороны даже просто недобросовѣстно: ну, скажите, Бога ради, чѣмъ, напр., „Андрей Колосовъ“. (1844 г.) „Три Портрета“. (1846 г.) „Три Встрѣчи“. (1851 г.) „Уѣздный Лекарь“, „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“ (въ 1844—46 г.) и т. д. чѣмъ эти рассказы лучше „Степного Короля Лира“, „Лейте-
„Дѣло“, № 12.

нанта Ергунова“, „Собаки“, „Стукъ-стукъ-стукъ“? И тамъ, и здѣсь живая обрисовка индивидуальных особенностей характера, отсутствіе типичности, отсутствіе творческой фантазіи, крайняя скудость вымысла.

Для того, чтобы лучше иллюстрировать это свойство художественнаго таланта г. Тургенева, я позволю себѣ остановить вниманіе читателей на одномъ изъ его новѣйшихъ разсказовъ или, какъ онъ называетъ, „студіи“ — „Стукъ-стукъ-стукъ“. Я выбираю эту „студію“ не потому, чтобы она была лучше или хуже другихъ, а потому, что она весьма рельефно обрисовываетъ указанныя выше свойства и притомъ-же характеръ ея героя имѣетъ много родственныхъ чертъ съ характеромъ героя одного изъ старыхъ разсказовъ г. Тургенева — *Бреттёръ* (Лучковнмъ).

Фабула разсказа по обыкновенію пустая и несложная: нѣкоторый офицеръ, наклонный къ меланхоліи, отказавшись жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, потому что она мѣщанка, а онъ дворянинъ и дядю богатаго имѣетъ, узнаетъ, что отвергнутая дѣвушка умерла; вообразивъ, что онъ причиною ея смерти (что было однакоже совершенно невѣрно: возлюбленная его умерла отъ холеры, а не отъ отравы, какъ онъ думалъ) меланхолическій офицеръ застрѣливается. Если-бы за разработку этой темы взялся настоящій художникъ, онъ-бы изобразилъ намъ въ характерѣ Тяглева (фамилія офицера) типическія черты меланхолика; при томъ широкомъ распространеніи, которое получило въ наше время, эта болѣзнь, такой характеръ, будь онъ типиченъ, возбуждалъ-бы въ насъ живой интересъ, и самое развитіе темы разсказа (меланхолія, приводящая къ самоубійству) не потребовала-бы никакихъ постороннихъ эффектовъ, никакихъ чисто-театральныхъ „совпаденій“, искусственно подогнанныхъ случайностей. Но тургеневскій Тяглевъ не имѣетъ въ себѣ ничего типическаго, и это характеръ совершенно индивидуальный, въ которомъ меланхолія до такой степени пережѣтана съ его чисто личными свойствами, тоже не отличающимися никакою типичностью, что трудно даже сказать, меланхоликъ-ли это, или только невѣжественный, суевѣрный и болѣзненно самолюбивый чловѣкъ. Повидимому, самъ авторъ смотритъ на него, какъ на чловѣка здороваго. Оттого и самое самоубійство получаетъ характеръ не роковой неизбѣжности, а простой случайности. Оно

не вытекаетъ, какъ естественное послѣдствіе основныхъ факторовъ его внутренней жизни, а вызывается чисто внѣшними посторонними условіями. Тургеневъ предварительно заставляетъ Тяглева разорвать связь съ любимой имъ дѣвушкой, потомъ напугиваетъ его своимъ „стукъ-стукъ-стукъ“, потомъ убиваетъ эту дѣвушку холерою, приводитъ его къ мысли, что она отравилась изъ-за него, что онъ ее убилъ. Теперь, кажется, идея самоубійства (къ которой онъ, какъ меланхоликъ, и прежде чувствовалъ склонность) должна-бы окончательно овладѣть его умомъ; безо всякаго посторонняго вмѣшательства, безо всякихъ „новыхъ случайностей“ она сдѣлаетъ свое дѣло... Если-бы мы имѣли передъ собою типическій характеръ, мы ни на минуту не могли-бы въ этомъ усумниться. Но за Тяглева поручиться нельзя; г. Тургеневъ того-же мнѣнія. И вотъ онъ призываетъ на помощь свою фантазію, устраиваетъ новое *сoup de théâtre*. Онъ выдумываетъ какого-то гребенщика, котораго, какъ и Тяглева, зовутъ Ильею; гребенщикъ назначаетъ своей любовницѣ свиданіе около тяглевскаго дома, а г. Тургеневъ заставляетъ эту любовницу громко звать своего возлюбленнаго по имени. Тяглевъ, услышавъ среди ночи свое имя, воображаетъ, что это зоветь его отвергнутая имъ дѣвушка. Узнавъ на другой день, что она умерла, онъ окончательно убѣждается въ этой идеи и тогда только застрѣливается.

По этому образчику вы можете судить, какими скудными ресурсами обладаетъ творческая фантазія г. Тургенева и какъ ему трудно справиться даже съ такою простою темою, какъ самоубійство меланхолика. Та-же скудость фантазій, предпочитающей театральные эффекты естественной логикѣ событій, поражаетъ васъ и въ „Исторіи лейтенанта Ергунова“. Тоже отсутствіе типичности характеровъ вы видите и во всѣхъ герояхъ послѣдней повѣсти г. Тургенева. Несмотря на живость ихъ изображенія, они нисколько васъ не интересуютъ; вы видите въ нихъ случайныя наблюденія романиста, и больше ничего. Зачѣмъ онъ сообщаетъ намъ эти наблюденія? Зачѣмъ-же, зачѣмъ онъ сообщалъ намъ свои наблюденія надъ Андреемъ Колосовымъ, Татьяною Борисовною и ея племянникомъ, надъ уѣзднымъ лекаремъ, надъ Чертопановымъ, Недопюскинымъ и т. д. и т. д.; зачѣмъ-же, зачѣмъ это дѣлаютъ и новѣйшіе беллетристы; просто такъ, въ

интересахъ пріятнаго времяпрепровожденія, а больше отъ „бездѣлья“. Кому дано мало, отъ того и нельзя многого требовать: если человѣкъ умѣетъ выдѣлывать одни лишь дѣтскія игрушки, то ему и не слѣдуетъ браться за серьезныя модели сложныхъ машинъ. Благо г. Тургеневу, что онъ снова возвратился на старыя пути!

VIII.

Теперь намъ остается коснуться еще одной стороны художественнаго таланта г. Тургенева, стороны, имѣющей не малое значеніе и для оцѣнки его, какъ писателя общественнаго.

Наклонность нашихъ беллетристовъ вообще, и г. Тургенева въ частности, къ абстракціи и созерцанію собственныхъ чувствъ, приводитъ ихъ къ созданію не только абстрактнаго типа, но и абстрактнаго чувства. Сосредоточивая свое вниманіе на одномъ какомъ-нибудь чувствѣ, почти всегда половой любви, они выдѣляютъ его изъ индивидуальнаго характера, рассматриваютъ и анализируютъ его, какъ сказать, *à parte*, дѣлаютъ изъ него какой-то *общій типъ* и затѣмъ уже прилаживаютъ эту абстракцію къ той или другой конкретной личности. Отсюда и дѣйствующія лица нашихъ романовъ по необходимости должны отличаться крайнимъ однообразіемъ въ проявленіяхъ своихъ чувствъ. Мы, на примѣръ, напередъ знаемъ, какъ будутъ „любиться“ герои и героини г. Крестовскаго-гусара и г. Крестовскаго-псевдонима, герои и героини Тургенева, или Боборыкина, или хоть Достоевскаго. Если вы прочли описаніе любовныхъ отношеній въ одномъ какомъ-нибудь романѣ одного изъ названныхъ романистовъ, то вы смѣло можете пропускать эти описанія во всѣхъ другихъ романахъ того-же романиста: вы найдете въ нихъ лишь слабую вариацию на старую тему. Романистъ впередъ уже составилъ себѣ понятіе о томъ, какъ мужчины и женщины должны любить другъ друга; это понятіе можетъ быть совершенно вѣрно; но только оно абстрактно; романистъ забываетъ, что въ дѣйствительности нѣтъ двухъ людей, которые любили-бы совершенно одинаково. Характеръ и проявленіе любви, въ каждомъ частномъ случаѣ, обуславливаются та-

кимъ безчисленнымъ множествомъ психическихъ и физиологическихъ особенностей индивида, что ни о какихъ общихъ мѣркахъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Поэтому любовь у нашихъ беллетристовъ-психологовъ отличается такимъ-же абстрактнымъ, метафизическимъ колоритомъ, какъ и у тѣхъ беллетристовъ-метафизиковъ, о которыхъ мы говорили въ предшествующей статьѣ. Разница только въ томъ, что первые не дерзаютъ подвергать ее анализу, что для нихъ она—неразложимая субстанція, переполняющая собою человѣческія внутренности, а вторые весьма подробно и тщательно ее анализируютъ, весьма тонко подмѣчаютъ ея различные оттѣнки, различные фазисы ея развитія: но и у тѣхъ и у другихъ, она относится къ конкретнымъ характерамъ дѣйствующихъ лицъ, какъ нѣчто *внѣшнее*, постороннее имъ, а потому она *не реальна*, и у тѣхъ, и другихъ идеализирована.

Г. Тургеневъ считается, по преимуществу, поэтомъ любви и другихъ нѣжныхъ чувствъ. Оттого его съ большимъ удовольствіемъ читаютъ сантиментальныя барышни и неврѣлыя юности. Но если надется, что сантиментальныя барышни и неврѣлыя юности не отдаютъ себя отъ ледянаго дѣтства на стѣну *реального* свойства тѣхъ „*нравныхъ чувствъ*“, которые возбуждаютъ и въ нихъ рбмъ носталь. Въдѣ это даже совбвтъ и не *чувства*, т. е., не чловѣческія чувства, это просто животныя инстинкты, бессмысленныя, сліяныя безсознательнаго влеченія, которыя имъ принадлежатъ къ категории такъ называемыхъ *спинномозговыхъ влеченій*, но *симпатическихъ влеченій*, на высшихъ, инстинктивныхъ ступеняхъ своего развитія, ничѣмъ не отличаются, но *сущности* своей, эти влеченія чисто *эмоциональныя*. Почти вся задача нравственнаго развитія человека состоитъ въ томъ, чтобы постоянно и *недавляюще* себя эти инстинкты, *бессознательно* живущія подъ ихъ *дисциплинарнаго* гнета, превращать въ *интеллектуальныя*, *осмысленныя* чувства, чѣмъ *больше* поднимается человекъ до *человѣческаго* уровня, тѣмъ *больше* онъ сознаетъ, что *инстинктивные* влеченія, *прива-зности*, *симпатіи* такъ мало своеобразны, мало разумны, мало *человѣческими* особенностями, какъ и *эмоциональныя* *эмпатіи*, *ненависть*, *слѣвое* *своекорыстіе*, *животный* *эгоизмъ*. Отъ *первыхъ* *первыхъ* *отъ* *большинства* *случаевъ*, *они* *безсочетанны* *симпатіи*, *даже* *когда* *они* *обращены* *не* *на* *нашихъ* *ближнихъ*, *а* *на* *окружающихъ*

насъ животныхъ, превращаютъ свой объектъ въ свою *жертву*; онѣ приносятъ ему гораздо больше дѣйствительныхъ страданій, чѣмъ сколько-бы могъ ихъ принести нашъ индифферентизмъ. Въ двухъ своихъ разсказахъ: „Муму“ (Т. II, стр. 362—397) и „Конецъ Чертопханова“ („Вѣст. Евр.“ 1872 г. № 11, стр. 16—46) г. Тургеневъ изображаетъ, напр., трогательную (т. е. трогательную съ точки зрѣнія сантиментальныхъ барышень) привязанность нѣкоего нѣмого дворника Герасима къ маленькой собачкѣ и нѣкоего полу-помѣшаннаго помѣщика Чертопханова—къ верховой лошади. Герасимъ, дюжій мужикъ, „двѣнадцати вершковъ росту“, „работавшій за четверыхъ“, влюбляется сперва въ нѣкую Танюшу, дворовую дѣвушку, а когда Танюшу выдали замужъ за башмачника Капитона, онъ переноситъ всю свою любовь на маленькую собачку, вытащенную имъ изъ воды. Г. Тургеневъ очень нѣжно описываетъ, какъ онъ ухаживалъ за нею, поилъ ее молочкомъ и т. д. (стр. 379 — 380 и др.), однако, эта привязанность мало пользы принесла собачкѣ, и, въ концѣ-концовъ, онъ самъ-же ее утопилъ, правда со слезами и съ „печалью въ сердцѣ“, но все-же утопилъ. Зачѣмъ? Барыня приказала. Но барыня не было никакого дѣла до того, жива-ли собака или нѣтъ; она не хотѣла только ее видѣть. Нужно было съ нею разстаться; а пламенный обожатель Муму (такъ звали собаку) рассудилъ, что лучше ей совсѣмъ не жить, чѣмъ жить безъ него. Чертопхановъ поступилъ еще жестокосердиѣе съ предметомъ своей страсти—съ своимъ Малекъ-Аделемъ. Настоящаго Малекъ-Аделя у него украли, когда онъ узналъ объ этомъ, онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что чуть не убилъ ни, въ чемъ неповиннаго еврея, а затѣмъ сейчасъ-же снарядился въ походъ: подобно Ламанчскому рыцарю, онъ пустился въ поиски только не за идеаломъ, а за своей верховой лошадыю. Цѣлый годъ онъ ѣздилъ по всямъ и городамъ россійской имперіи и, наконецъ, какъ ему показалось, обрѣлъ ее у какого-то цыгана. Разумѣется, лошадь сейчасъ-же была выкуплена и съ торжествомъ возвращена въ чертопхановскую конюшню. Чертопхановъ былъ счастливъ, но не надолго. Мрачныя сомнѣнія и горькія предчувствія начали мучить его душу: „прежній-ли это Малекъ-Адель, не обманулъ-ли онъ внѣшнимъ сходствомъ?“ и т. п. Жизнь его была отравлена,—онъ считалъ теперь себя несчастнѣйшимъ че-

ловѣкомъ въ мірѣ. Наконецъ, когда сомнѣнія превратились почти въ увѣренность, онъ торжественно застрѣлилъ несчастный предметъ своей страсти, и самъ съ горя совсѣмъ спился, и тоже умеръ.

Такимъ образомъ, и „собачка“, и „лошадка“ заплатились жизнью за глупую привязанность къ нимъ человѣка. Почти къ такимъ-же послѣдствіямъ приводятъ инстинктивныя симпатіи и въ сферѣ человѣческихъ отношеній. Большая часть „любовей“ героевъ и героинь г. Тургенева, какъ извѣстно читателю, кончаются самымъ несчастнымъ образомъ: смертоубійствами, утопленіями, монастыремъ, или преждевременною смертію. Въ-место того, чтобы вносить счастье, свѣтъ и радость въ суровую будничную жизнь людей, — любовь и дружба вносятъ горе, слезы, страданія и разочарованіе, порождаютъ взаимное недоразумѣніе, служатъ нескончаемыми темами для всевозможныхъ мелодрамъ и трагедій. Скажите, какой разумный интересъ связываетъ всѣхъ этихъ друзей и пріятелей, безъ которыхъ у него не обходится ни одинъ почти рассказъ? Что связываетъ „рассказчика“ съ Андреемъ Колосовымъ? Чертопханова съ Недопюскинымъ? „Складную душу“ съ Инатовымъ? Кирсанова съ Базаровымъ? Кюстера съ Лучковымъ? Эмиля съ Санинымъ? и т. д. Ничего, кромѣ бессознательной, слѣпой симпатіи. Это совершенно первобытныя, животныя отношенія человѣка къ человѣку... Точно на такой-же ступени развитія стоитъ и прославляемая г. Тургеневымъ любовь. Половое чувство играетъ въ ней преобладающую роль; а потому, чуть только „влюбленные“ поближе знакомятся другъ съ другомъ, между ними сейчасъ-же и возникаетъ какое-нибудь „недоразумѣніе“, а затѣмъ является „роковая развязка.“ Повидимому, это противурѣчитъ реальнымъ фактамъ: чисто-половая (т. е. не осложненная вѣщательствомъ интеллектуальныхъ факторовъ) любовь не должна играть слишкомъ важной роли во внутреннемъ мірѣ интеллектуально-развитыхъ людей; притомъ она отличается всегда „острымъ теченіемъ“, а потому не можетъ имѣть „хроническаго характера“, сдѣлаться „скорбью и печалью“ цѣлой жизни человѣка, какъ это мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ въ повѣстяхъ г. Тургенева. Но видите-ли въ чемъ дѣло: почти всѣ герои автора „лишнихъ людей“ отличаются необыкновенною дряблостью и безхарактерностью, и всѣ они страш-

ные резонеры. А резонеръ, подобно ипохондригу, любить возиться и нянчиться съ каждымъ своимъ чувствомъ, какъ бы оно ни было, само по себѣ, и слабо и мизерно. Разумѣется, и свое половое влеченіе онъ будетъ разцвѣчивать и раскрашивать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, убѣдить себя, что „въ душѣ его играетъ какая-то небесная музыка“, что не слушать этой музыки все равно, что ни жить и т. п. Постоянно сосредоточивая все свое вниманіе на своемъ половомъ чувствѣ, подмѣчая и преувеличивая каждое душевное движеніе, стоящее такъ или иначе въ связи съ нимъ, онъ совершенно извращаетъ всѣ нормальныя отправленія своего психическаго организма и, подъ влияніемъ чисто-болѣзненныхъ представленій о своей любви, впадаетъ въ одно-предметное помѣшательство, кончающееся у героев и героинь г. Тургенева то дипсоманіею (Пѣтушковъ), то самоубійствомъ (Марья Павловна, въ Затисьѣ), то меланхоліею и смертію (см. напр., Переписка, Записки лишняго человѣка, Три портрета и т. п.).

Въ реальной жизни такое одно-предметное помѣшательство встрѣчается, какъ кажется, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ и въ весьма ограниченномъ меньшинствѣ. Дѣлать изъ подобныхъ чувствій какую-то норму—это все равно, что болѣзненныя фантазіи ипохондрика выдавать за чувства здороваго человѣка. Представьте себѣ, что какой-нибудь романистъ вздумалъ-бы выбрать мотивомъ для своей драмы желудочный катаръ. Болѣзнь не особенно серьезная, легко излечиваемая, совсѣмъ не мучительная, а потому немогущая, повидимому, играть никакого существеннаго значенія въ психической жизни человѣка. Если нашъ романистъ не одержимъ ипохондріею и не склоненъ навязывать живымъ, т. е. изображаемымъ имъ людямъ, свои субъективныя воззрѣнія на эту болѣзнь, то ему не необходимости придется превратить драму въ водевилъ съ дундетами и передѣлками. Но если онъ самъ ипохондрикъ или уловилъ себѣ воззрѣнія тѣхъ ипохондриковъ, которые склонны видѣть въ катарѣ желудка язву или даже и еще хуже—волды или эмболоиды, то онъ, безъ всякихъ особенныхъ усилій, выработаетъ вамъ не катаръ, но только одну драму по цѣлѣной сонно медлодрамѣ. Такъ точно поступаетъ и г. Тургеневъ со своимъ катаромъ. Она служитъ несомнѣнною темою его безцѣлостнаго

вдохновенія, хотя по своему безотчетному и инстинктивному характеру она едва-ли можетъ имѣть для умственно-развитыхъ и здоровыхъ индивидовъ большее значеніе, чѣмъ желудочный катаръ. Онъ смотритъ на нее глазами больныхъ людей, и эту болѣзненную абстракцію переноситъ и на здоровыхъ. Отсюда большинство дѣйствующихъ лицъ его романа производятъ на васъ какое-то странное, если хотите, грустное впечатлѣніе: вамъ трудно признать въ нихъ людей вполне нормальныхъ; вамъ чувствуется, что у нихъ въ головѣ не совсѣмъ ладно. Въ самомъ дѣлѣ: ну можно-ли назвать Пѣтушкова, Пасынкова, Вязовнина, Лучкова, Чертопханова, Тятлева и т. д., и т. д. здоровыми людьми? Можно-ли назвать здоровыми людьми Марью Павловну (Затишье), Лизу (Дворянское гнѣздо), Софью Николаевну и Варвару Николаевну (Пасынковъ), Вѣру (Фаустъ) и т. д., и т. д.? Да и можетъ-ли имѣть здоровый видъ человѣкъ, которому художникъ привилъ свою болѣзненную любовь?

Чтобъ иллюстрировать примѣромъ тургеневскую идеализацію полового чувства, я обращу снова вниманіе читателя на одну изъ его послѣднихъ повѣстей, напечатанную въ январьской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ за 1872 годъ. Называется она „Вешнія воды“, и описывается въ ней „первая любовь“ нѣкоего шалопая изъ „дворянскихъ дѣтокъ“ и нѣкоей „прелестной“ итальянки, торговавшей вмѣстѣ съ матерью въ „Итальянской кондитерской Джіованни Розели“, во Франкфуртѣ. Юношѣ было 22 года, а Джеммѣ (такъ звали „прелестную“ итальянку) не болѣе, вѣроятно, 18-ти. Самая, что называется, пора для пламенной любви. И, разумѣется, за любовью дѣло не стало. После самаго короткаго продолжительнаго времени (хотя и обильнаго разными приключеніями, въ томъ числѣ и дуэлью), оба они записали и, представьте себѣ, первую любовь! „Первая любовь“, въ сущности, по этому поводу самъ авторъ, — первая любовь — та-же революція: однообразно вълюбленные и страсти сложившейся жизни разбить и разрушить въ одно мгновѣніе, железостѣй стоять на баррикадѣ, высоко вѣтается ея яркая знамя, и чтобы тамъ впередъ ея ни ждало, смерть или побѣда жизни — всему она шлетъ свой восторженный привѣтъ (стр. 7 Р.). Это очень поэтично. Только сантиментальныя барышни и чезръвѣчные юнгоши не должны вѣрить г. Тургеневу на слово: никакой тутъ „революціи“, „разрушенія“ правительнаго строя

жизни“ и тому подобнаго на лицо не оказалось. „Прелестная“ итальянка, просто на просто, немножко взбудоражила нашего соотечественника и больше ничего. Стоило только этому соотечественнику на *три дня*, на *три* всего дня, отлучиться от предмета своей страсти, и первая любовь, со всею ея поэзіей и проч. забыта. Въ три дня онъ снова влюбляется, и на этотъ разъ уже не въ иностранку, а въ свою-же соотечественницу, жену своего пріятеля. Вотъ какую „первую любовь“ прославляетъ и поэтизируетъ романистъ! Но это еще не все. Судя по характеру Санина (такъ звали нашего соотечественника) и по его быстрой забывчивости и влюбчивости, можно было-бы думать, что вторая любовь будетъ столь-же продолжительна, какъ и первая, и что вообще всѣ эти его „любви“, имѣющія характеръ мимолетной прихоти, могутъ, конечно, преждевременно разстроить его физическій организмъ, но никакихъ особнхъ переворотовъ въ его нравственномъ и интеллектуальномъ мірѣ не произведутъ. Но мы уже сказали, что у большинства нашихъ романистовъ вообще и у Тургенева въ частности, *характеръ* и *любовь* рѣдко гармонируютъ между собою. Такъ случилось и съ Санинымъ. Можете себѣ представить: этотъ легкомысленный шалопаи сдѣлался жертвою любви. Вторая любовь, въ противность всему, что мы знаемъ объ этомъ изъ практики и изъ теоріи, оказалась не только продолжительнѣе, но и гораздо сильнѣе первой. Санинъ до такой степени воспылялъ страстью къ нашей „плѣнительной“ соотечественницѣ, что превратился вскорѣ изъ ея любовника въ покорнаго и безгласнаго раба, „которому не позволялось ни ревновать, ни жаловаться“ (стр. 125); онъ всюду ѣздилъ за гордою „владычцею своего сердца“ и съ упорнымъ постоянствомъ разыгрывалъ роль ея вѣрнаго и самоотверженнаго рыцаря. Наконецъ, онъ до того надѣлся, что его бросили. И вотъ, увѣряетъ насъ г. Тургеневъ, „жизнь его была *отравлена* и *опустошена*“ (ib), онъ сдѣлался совсѣмъ несчастнымъ человѣкомъ, и сталъ впадать даже въ меланхолю. Въ одну изъ такихъ меланхолическихъ минутъ онъ вдругъ вспомнилъ о своей „первой любви“. Повидимому, о такихъ пустякахъ и не стоило-бы вспоминать, тѣмъ болѣе черезъ 30 лѣтъ! А между тѣмъ, дѣло-то это опять оказалось не пустяками; вообразите: старикъ-Санинъ все еще ощущалъ нѣкото-

рое нѣжное чувство къ „прелестной итальянкѣ“, той итальянки, съ которою Санинъ-юноша *около недѣли* упражнялся въ любовныхъ разговорахъ! О, святая любовь! какія ты творишь чудеса! Воспоминаніе о первой любовной шалости опять произвело „революцію“, опять „однообразно-правильный строй сложившейся жизни былъ разбитъ и разрушенъ въ одно мгновеніе“. И на этотъ разъ онъ былъ дѣйствительно разбитъ и разрушенъ. Санинъ бросаетъ свои дѣла и знакомыхъ, отправляется во Франкфуртъ, узнаетъ тамъ, что „прелестная итальянка“ давнымъ-давно вышла замужъ и живетъ въ Америкѣ,—разыскиваетъ ея адресъ, пишетъ ей нѣжное и трогательное письмо, умоляя ее простить его „вину“ (это черезъ тридцать-то лѣтъ!) и тѣмъ дать ему хоть возможность спокойно умереть. Получивъ отъ „итальянки“ полное прощеніе, онъ, не долго думая, сталъ распродавать всѣ свои имѣнія и собираться въ Америку.

Но, Боже мой! неужели это поэзія, неужели это художественность? Въ такомъ случаѣ, гдѣ-же грань отдѣляющая поэзію отъ нелѣпости, художественность отъ „не люблю не слушай и врать не мѣшай?“

На этомъ мы остановимся. Когда-нибудь, говоря о другихъ нашихъ беллетристахъ, я, быть можетъ, еще разъ вернусь къ нашему „художественному перлу“. Для цѣли настоящей статьи достаточно и сказаннаго. Пусть теперь самъ читатель рѣшитъ вопросъ: что лучше въ чисто-художественномъ отношеніи, новая или старая беллетристика?

Постыль.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издатели—въ бѣгахъ.—Журнальныя лавочки и ихъ рекламы.—Кавалерственныя выходки «Русскаго Мира». — Совсѣмъ не кавалерственное самовосхваленіе г. Шрейера и Львова.—Плачь «Гражданина» о равнодушіи къ нему публики. — Восемьдесятдѣтніе читатели и сотрудники «Русскаго Вѣстника». — Беллетристы и поэты «Вѣстника Европы». — Гостинница «Доброе Пристаніще» или московскій журналъ «Бесѣда». — «Русскій Архивъ». — «Русская Старина». — «Отечественныя Записки» и безтактность ихъ полемизаторовъ. — Общее заключеніе.

Слушайте! я расскажу вамъ про мышей и лягушекъ.

Жуковский.

Старый журнальный годъ оканчивается, — годъ высочайшій, таинственный, какъ это видно изъ скандальной летописи разныхъ спекуляторовъ, усмотрѣвшихъ въ литературѣ какую-то мутную воду, гдѣ легко ловится рыба; эта летопись гласитъ, что за нынѣшній годъ этихъ chevaliers d'industrie оказалось почти столько-же въ бѣгахъ, сколько и въ наличности. Въ самомъ дѣлѣ, сколько неожиданныхъ событий, сколько сплетней для развлеченія нашей скачущей публики! Редакторъ-издатель „Искры“, г. Леонтьевъ, вдругъ исчезъ изъ своей редакціи, предоставивъ своимъ подписчикамъ удовольствіе перечитывать старые №№ своего журнала. Это таинственное исчезновеніе породило разные толки и догадки. Друзья его извѣщали, что онъ отправился куда-то „по своимъ дѣламъ“, т. е. нашель болѣе выгоднымъ опочить на лаврахъ послѣ многотрудныхъ подвиговъ въ „Голосѣ“ и въ „Искрѣ“. Отчего-же и не опочить! Но зачѣмъ было утекать отъ своего товарища, г. Курочкина, и отъ своихъ подписчиковъ, которые, конечно, рассчитывали на неизблужную твердость положенія своего издателя. Но не то говорили враги г. Леонтьева; они утверждали, что онъ скрылся въ Турцію, въ томъ, конечно, убѣжденіи, что гораздо лучше быть турецкимъ нашею, чѣмъ русскимъ журналистомъ. Точно такимъ-же сюрпри-

зомъ подарилъ своихъ, въ счастію, немногихъ читателей издатель „Азіятскаго Вѣстника“, г. Пашино. Онъ тоже исчезъ безслѣдно, послѣ первой книжки своего жертворожденного органа, оставивъ своимъ подписчикамъ въ утѣшеніе обильный матеріалъ для печатныхъ заявленій о неизвѣстномъ мѣстопробываніи новаго журнальнаго искателя приключеній и для разныхъ домашнихъ саусегіес... Кто знаетъ азіятскія симпатіи г. Пашино, тотъ не сомнѣвался, что ему не куда болѣе дѣваться, какъ въ Ташкентѣ съ благою цѣлію просвѣщать тюременовъ. Мы, впрочемъ, еще до выхода въ свѣтъ почившаго „Азіятскаго Вѣстника“ предсказывали ему эту горькую участь; мы говорили, что такая задача, какъ сліяніе востока съ западомъ, Азіи съ Европой, не можетъ иначе разрѣшиться, какъ преждевременною смертію всепримиряющаго органа. Такъ и случилось, и г. Пашино, конечно, жалѣеть теперь, что не послушалъ нашего добраго совѣта. Вотъ г. Генкель, — тотъ не хлопоталъ ни о какомъ сліяніи и примиреніи, и тоже на время исчезъ, предоставивъ „Недѣль“ отдохнуть и собраться съ силами, чтобы замѣнить ветхаго денши Генкеля новымъ Молчалинымъ въ лицѣ какого-то Рагозина. Куда-то исчезалъ и издатель „Переводовъ отдѣльныхъ романовъ“, г. Львовъ, редакторъ журнальной ерунды, которую ему угодно называть „Переводами иностранныхъ романовъ“. Но мы увѣрены, что всѣ эти издатели, взявшіе на утебъ въ лѣтніе мѣсяцы, вернутся зимой, во времени подписки, на свои прежніе посѣвы и объявятъ о продолженіи своихъ изданій. Какой-же жнецъ пропуститъ время жатвы! И дѣйствительно, только-что мы написали эти строки, какъ намъ положили на столъ рекламу г. Львова объ изданіи его журнала въ будущемъ 1873 году. Въ этой развязной рекламѣ, болѣе развязной, чѣмъ самъ гоголевскій Хлестаковъ, г. Львовъ увѣряетъ публику, что онъ „достаточно выяснилъ преимущества своей программы передъ другими подобными періодическими изданіями“ и что „шестилѣтній опытъ указалъ редакціи, какого свойства и характера романы предпочитаетъ читающая публика“. Шестилѣтній опытъ убѣдилъ г. Львова, что романы Габоріо и Лакэна, Тайны мадридскаго и французскаго двора — самый подходящій суррогатъ, которымъ можно питать такого ненасытнаго (когда дѣло идетъ о романахъ) *бамбино*, какъ наша публика. Спорить о вкусахъ вообще трудно, а съ г. Львовымъ рѣшительно невозможно, но мы

не понимаемъ, въ чемъ онъ усматриваетъ преимущества своей программы передъ другими подобными періодическими изданіями. Какъ мы ни старались разъяснить этотъ вопросъ, но, говоря откровенно, не нашли ни въ чемъ этого преимущества, развѣ только въ обиліи корректурныхъ ошибокъ и въ лубочныхъ переводахъ иностранной беллетристики, въ чемъ можетъ соперничать съ г. Львовымъ только одинъ г. Плотниковъ. Точно такимъ-же беллетристическимъ мѣсивомъ набиваетъ свой журналъ и г-жа Ахматова, но она, по крайней мѣрѣ, внимательно редактируетъ свои переводы и слѣдитъ за правильной разстановкой запятыхъ; слѣдовательно, всѣ преимущества на ея сторонѣ. И если шестилѣтній опытъ не научилъ г. Львова мало-мальски сносному употребленію знаковъ препинанія, то не лучше-ли было-бы ему оставить литературу и возвратиться къ своимъ плитнымъ ломкамъ и къ почтовымъ станціямъ. Впрочемъ, г. Львовъ еще довольно скромнень въ своихъ рекламахъ, какъ мы увидимъ это ниже.

Одновременно съ эпидемическимъ бѣгствомъ издателей-редакторовъ настоящій высокосный годъ принесъ съ собою нашей журналистикѣ и эпидемическую смертность. Число могилъ на журнальномъ кладбищѣ увеличилось новыми и свѣжими могилами. Самое почетное мѣсто въ этомъ ряду принадлежитъ, конечно, „Зарѣ“. Она родилась больной, чахоточной и, не выходя изъ лазарета, болѣе трехъ лѣтъ, наконецъ, въ нынѣшнемъ году скончалась, — скончалась тихо, безмятежно, какъ умираютъ обыкновенно, долго одержимые болѣзнью. *Sit terra tibi levis*, покойная протопопица, нѣкогда пророчившая смерть *мѣдно-лобымъ западникамъ*, а себѣ цвѣтущее здоровье и долгую жизнь. Почтимъ твою память эпитафией, которую Байронъ написалъ для Кольриджа:

Прохожій! здѣсь спитъ „Зара“,
Остановись и пом..

Скончался въ малѣ и „Иллюстрированный журналъ“ г. Звонарева, а вмѣстѣ съ нимъ умерли и „всѣ лучшіе иностранные писатели“, въ числѣ которыхъ мы особенно оплакиваемъ Марко-Вовчка. А сколько больныхъ, еле-двигающихъ ноги, приближается къ этому обширному кладбищу. Признаемся, прежде намъ было жалко разставаться съ тѣмъ или другимъ журналомъ, а теперь такъ и хочется сказать: туда вамъ и дорога! Прежде самый плохонькій печатный органъ старался быть если не совсѣмъ опрятнымъ и разборчивымъ отно-

сительно своего содержанія, то, по крайней мѣрѣ, интереснымъ и занимательнымъ, а теперь... теперь остается каждому издателю, какъ Качу, расхваливать себя въ своихъ собственныхъ рекламахъ. И какъ это безцеремонно дѣлается въ наше алчное время. Послушайте, что говоритъ редакторъ-издатель „Новостей“ о своей худосочной газеткѣ, желая влачить ея существованіе и въ 1873 году; и говоритъ онъ это не въ кабинетѣ своемъ, съ глазу на глазъ съ своимъ простодушнымъ кредиторомъ, а съ публикой вообще и печатно. „Дорожа досугомъ читателей и не считая себя призванною, по отношенію къ нимъ, становиться въ положеніе учителя, редакція тщательно устранить съ толбцовъ „Новостей“ всякій балластъ и лишнія разглагольствованія, и надѣется, что ей удастся создать такую русскую газету, которую всякій грамотный человекъ, на какой-бы ступени общественнаго развитія ни находился, прочтетъ отъ первой строки до послѣдней, съ пользою и интересомъ“. Далѣе, редакторъ „Новостей“ извѣщаетъ насъ, что запросъ на его газету въ настоящее время *удесятирился*, что въ его фельетонѣ будутъ помѣщаться небольшіе рассказы *нашихъ лучшихъ беллетристовъ*, что онъ, безъ всякаго самовосхваленія, можетъ засвидѣтельствовать, что успѣхъ его предпріятія превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія и т. д. И кто-бы, вы думаете, рекомендуетъ себя такимъ образомъ нашей добродушной публикѣ? Г. Шрейеръ, у котораго столько-же общаго съ литературною дѣятельностію, сколько у ростовщика Карповича съ безкорыстнымъ самоотверженіемъ, напимѣръ, Броуна. Онъ, этотъ Шрейеръ, создастъ лучшую русскую газету, которая будетъ читаться отъ первой строчки до послѣдней! онъ изгонитъ балластъ изъ своего изданія и будетъ поучать только чистымъ истинамъ! Щедрая газетка, наполняемая разными уличными сплетнями и враньемъ, претендуетъ на какое-то первенство въ журналистикѣ. Самъ по себѣ этотъ фактъ не заслуживалъ-бы никакого вниманія, если-бы онъ не служилъ истолкованіемъ духа времени; если-бы онъ не указывалъ на то жалкое явленіе, когда пустоту внутренняго содержанія журналистики хотятъ замѣнить пышными рекламами и спекуляторскими приманками. Но и въ этихъ расчетахъ гг. Шрейеры — а ихъ теперь легіоны — горько ошибаются. Какъ ни простовата наша публика, но, наученная долговременнымъ опытомъ, она начинаетъ понимать, что въ подобной хлестаковщинѣ

не нуждается тотъ органъ, у котораго есть хоть какая-нибудь живая связь съ общественными потребностями; она знаетъ, что дѣйствительное достоинство не прибѣгаетъ къ каческимъ рекламамъ, и потому такое самовосхваленіе въ глазахъ мало-мальски развитого человѣка равняется публичному самозаушенію. Хорошій литературный органъ можетъ смѣло говорить съ публикой о своихъ недостаткахъ, и все-таки его будутъ читать, ему будутъ сочувствовать; а такая газетка, какъ г. Шрейера, сколько ни объявляй на всю Россію о своихъ совершенствахъ, останется и безъ подписчиковъ, и безъ всякаго значенія.

Рядомъ съ г. Шрейеромъ выступаетъ на сцену съ своей длинной, предлинной рекламой редакторъ-издатель „Гражданина“, г. Градовскій. Мы совѣтуемъ каждому прочесть эту широковѣщательную исповѣдь г. Градовскаго, потому что, за неизбѣннѣмъ юмористическаго органа, она доставитъ самое пріятное развлеченіе въ минуты скуки и грустнаго настроенія. Въ исповѣди г. Градовскаго, кромѣ его profession de foi, рассказывается вся домашняя жизнь „Гражданина“, перемежается, такъ сказать, все его грязное бѣлье. Тутъ вы найдете повѣствованіе о томъ, какъ однажды собрался небольшой кружокъ единомыслящихъ людей и порѣшилъ, что такъ какъ всѣ русскія газеты и журналы никуда негодятся; то необходимо для спасенія Россіи основать настоящій русскій органъ, каковымъ вслѣдъ затѣмъ изъ утробы г. Градовскаго и вышла „Гражданинъ“. Затѣмъ кн. Мещерскій, отслуживъ молебень и облекшись въ рыцарскія латы, принялся грошить своихъ враговъ и крамольниковъ Россіи; утвердившись *посреди русской жизни*, т. е. почти на самомъ пупѣ нашей обширной земли, этотъ рыцарь объявилъ непримиримую войну *всѣмъ моднымъ идеямъ* и всякому заискиванію популярности. Далѣе, въ исповѣди говорится, что „Гражданинъ“ цѣлый годъ стоялъ „подъ проливнымъ дождемъ“ журнальной брани, которою осыпали его почти единодушно всѣ органы нашей печати; этого мало; къ нему адресовалось множество писемъ такого содержанія, которое могъ переваривать только г. Градовскій. „Къ такимъ эпизодамъ, продолжаетъ плакать редакция „Гражданина“, остается еще прибавить изрядное количество полученныхъ нами неподписанныхъ писемъ, исполненныхъ брани и злобы, размѣры которой не могли не удивить насъ, какъ мы ни

были приготовлены ко всевозможнымъ ея проявленіямъ“. (См. Петерб. Вѣдом. 1872 г. 29 окт. Объявленіе). Но „Гражданинъ“ ничѣмъ не смущается, ни отъ чего не унываетъ. Утвердившись въ самомъ центрѣ русской жизни, онъ знаетъ, что сбить его съ этой позиціи трудно, тѣмъ болѣе трудно, что онъ только одинъ, по его собственному мнѣнію, и вѣщаетъ Россіи *правду*, подобно тому, какъ г. Шрейеръ только одинъ и можетъ создать настоящую русскую газету. Но... о неблагодарное отечество! „Гражданинъ“ не оцѣненъ по достоинству и понесъ въ нынѣшнемъ году матеріальный убытокъ, т. е. охотниковъ слушать *правду*, провозвѣщаемую кн. Мещерскимъ, нашлось мало, и потому на будущій годъ онъ обращается съ покорнѣйшею просьбой „подписаться“ на его журналъ: „просимъ ихъ (тѣхъ, кто не читалъ „Гражданина“) быть на-столько *храбрыми*, чтобы изрѣдка съ нимъ побаловать—виноваты—ознакомиться; *право онъ не такъ дуракъ, какъ разгласили о немъ наши недоброжелатели*“. Это милое признаніе кн. Мещерскаго и обращеніе къ храбрости тѣхъ, кто возьметъ въ руки журналъ г. Градовскаго, заслуживаетъ полнѣйшаго состраданія. И когда намъ говорятъ:

Подайте бѣдному на хлѣбъ!

мы немедленно беремъ пакетъ, вкладываемъ въ него 8 р. и посылаемъ ихъ въ редакцію „Гражданина“. И великодушно, и дешево,—за 8 р. вся *правда* русской земли!

Но тутъ-то мы встрѣчаемся съ *точкой* не нашему прогрессу, а крайней недалекости г. Градовскаго. Чтобы рассчитывать на извѣстный кругъ читателей, на сочувствіе того или другого слоя публики, надо взывать не къ ея храбрости, а къ здравому смыслу, и не городить той ерудны, которою наполняются столбцы „Гражданина“; безграмотности своей не нужно называть оригинальностію мысли, неумѣнья логически связать пару идей—безпристрастіемъ, стремленія женщины къ равноправности—развратомъ и т. п. Чтобы адресоваться къ здравому смыслу публики и на немъ основывать успѣхъ своего органа, а не на храбрости какого-нибудь степного чудака, которому все равно—что-бы ни читать, лишь-бы читать, не нужно ставить точекъ прогрессивной идеѣ тамъ, гдѣ потребность ея сознается не только публицистомъ, но и всякимъ чиновникомъ Управы благочинія. Вотъ въ этомъ-то и достоинство современнаго „Дѣло“, № 12.

меннаго русскаго журнала, и когда г. Градовскій это пойметъ, ему не нужно будетъ взывать ни къ *храбрости*, ни къ *великодушію* своихъ подписчиковъ.

Совершенно иначе, какъ и слѣдуетъ кавалерственному органу, взываетъ къ публикѣ „Русскій Міръ“, „сей птенецъ гнѣзда Каткова“. Онъ не жалуется и не плачется на свою матеріальную и нравственную скудость, а рапортуетъ, по всѣмъ правиламъ воинскаго устава, о своей задачѣ стоять на стражѣ и охранять насъ отъ вѣшнихъ враговъ съ помощію такого воинства, какъ гг. Вс. Крестовскій, Стебницкій и Писемскій. Эти отставные фельдфебели русской литературы будутъ помогать „Русскому Міру“ не тесаками и алебардами, а беллетристическими произведеніями, которыя, впрочемъ, дѣйствуютъ не хуже старыхъ алебардъ. „Мы будемъ, говоритъ г. Комаровъ и К^о, слѣдовать своей программѣ, какъ слѣдовали ей доселѣ, *прямымъ путемъ*, посвящая вниманіе исключительно *дѣлу* и рѣшительно устраняя при этомъ всякіе *вопросы личные*, которые... и т. д. (См. „Голосъ“ 1872 г. № 196). Стремленіе, какъ видите, самое похвальное, обѣщаніе торжественное. Но позвольте спросить васъ, гг. *кавалеры* „Русскаго Міра“, зачѣмъ-же вы открываете у себя страннопріимное отдѣленіе для такихъ беллетристовъ, которые кромѣ личныхъ вопросовъ ничего не затрогивали въ своихъ твореніяхъ и кромѣ сплетней ничего не въ состояніи дать публикѣ? Неужели г. Стебницкій можетъ написать что нибудь, не бросивъ грязью въ ту или другую личность, въ то или другое противоположное ему направленіе? А развѣ авторъ „Взбаломученнаго моря“ — не того-же поля ягода? А между тѣмъ вы похваляетесь *откровенностью и искренностью*, которыя будто-бы будутъ вашими неразлучными спутниками и на 1873 годъ. Развѣ люди искренніе станутъ увѣрять своихъ читателей въ такой, напримѣръ, чепухѣ, что только одинъ „Русскій Вѣстникъ“ (ужь не кровный-ли онъ вамъ братецъ?) и отличается серьезнымъ и честнымъ отношеніемъ къ литературѣ, что „въ будущей исторіи нашего духовнаго развитія этому журналу, безъ сомнѣнія, принадлежитъ такое прочное и почетное мѣсто, на какое не могутъ рассчитывать спекулятивныя изданія, пользующіяся эфемернымъ успѣхомъ, весьма похожимъ на успѣхъ скандала“. И далѣе гг. кавалеры рапортуютъ намъ о

мнимо-либеральной журналистикѣ слѣдующее: „Среди чисто-коммерческихъ отношеній къ беллетристичѣ, руководящихъ большинствомъ нашихъ журналовъ, зазывающихъ подписчиковъ „Новой повѣстью Тургенева“ или дающихъ въ бойкіе мѣсяцы по нѣскольку страничекъ дорогаго художественнаго матеріала, чтобы въ остальные мѣсяцы спокойно наполнять книжки купленной по дешевой цѣнѣ посредственностью, — „Русскій Вѣстникъ“ стоитъ совершенно уединенно, обнаруживая прямое и честное отношеніе къ литературѣ, чуждое всякихъ коммерческихъ соображеній“. (См. Рус. Міръ, 1872 г. 17 ноября). Конечно, всѣ эти зазыванія, всѣ эти банальныя вывѣски, которыя выставляются журнальными лавочками и въ которыхъ имя Тургенева, какъ старой дѣвицы съ богатымъ приданымъ, выставляемой на видъ своимъ женихамъ, употребляется все, давно уже отзываются нѣкоторой пошлостью, но развѣ „Русскій Міръ“, идущій прямымъ путемъ, не то-же самое дѣлаетъ? Въ томъ-же №-рѣ и только на другомъ столбцѣ онъ зазываетъ подписчиковъ гг. Стебницкимъ и Вс. Крестовскимъ. Этого мало; ужъ если дѣло пошло на зазыванія, то мы думаемъ — и, вѣроятно, съ нами согласится всякій, кромѣ г. Комарова, — что лучше зазывать г. Тургеневымъ, чѣмъ такими молодцами, какъ гг. Крестовскій и Стебницкій. Чтобы понять это, ненужно имѣть даже искренности, а нѣкоторую долю человѣческаго смысла. А его-то, къ сожалѣнію, и не достааетъ унтеръ-офицерскому органу; въ противномъ случаѣ онъ не сталъ-бы поднимать себя на смѣхъ ниже-слѣдующей рекламой: „Только въ наше печальное время какого-то повальнаго недоброжелательства къ талантамъ могутъ проходить неопѣненными критикой такія литературныя явленія, какъ „Въ лѣсахъ“ Андрея Печерскаго, или „Соборяне“ Н. С. Лѣсова, „Забитый вопросъ“ Б. М. Маркевича, „Изъ-за благъ земныхъ“ В. Г. Авсѣенко и др. *„Явись эти произведенія въ сороковыхъ или пятидесятихъ годахъ, они были-бы приветствуемы лучшими органами печати, какъ явленія высоко-замѣчательныя, которымъ мѣсто подлѣ самыхъ славныхъ произведеній русской литературы“.* (См. тамъ-же). По-истинѣ фельдфебельская логика у этого „Рус. Міра“, и мы не знаемъ, чему болѣе тутъ удивляться — этой логикѣ или рыночному самовосхваленію, потому-

что, перевозноса до небесъ весь этотъ литературный соръ, сметенный въ „Русскій Вѣстникъ“, органъ г. Комарова косвенно перевозноситъ и себя: всѣ эти гг. Лѣсковы, Авсеѣнки, Печерскіе не нынче, такъ завтра переберутся отъ г. Каткова къ г. Комарову. И дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ воскуреніемъ фиміама своей инвалидной командѣ, г. Комаровъ оповѣщаетъ Россію черезъ всѣ газеты, что у него будетъ печататься романъ г. Вс. Крестовскаго: „Внѣ закона“; оповѣщая объ этомъ, онъ, очевидно, придаетъ этому факту такое знаменательное значеніе, какъ-будто дѣло идетъ о приобрѣтеніи новаго Ташкента... Но мы возвращаемся къ логикѣ „Рус. Міра“ и имѣемъ честь спросить его: а что было-бы съ этими знаменитыми произведеніями, если-бъ они явились не въ сороковыхъ годахъ, а во времена Кирши Данилова или, по крайней мѣрѣ, въ эпоху отца Аввакума? Нѣтъ сомнѣнія, что они были-бы еще болѣе высоко-замѣчательными, что, однакожь, не мѣшаетъ имъ быть невыносимо скучными, безсодержательными и пошлыми въ 1872 году *). Вѣдь время имѣетъ вліяніе на все, даже на здравый смыслъ г. Комарова. Что-же касается „Русскаго Вѣстника“, какъ руководящаго органа современнаго поколѣнія, то, желая быть безпристрастными, мы, которые не брали его въ руки нѣсколько лѣтъ, пересмотрѣли его и убѣдились, что... „Рус. Міръ“ правъ. Дѣйствительно, игнорировать такой курьезный органъ со стороны нашей критики—непростительная ошибка; во-первыхъ, потому, что онъ представляетъ замѣчательное явленіе въ патологическомъ отношеніи; во-вторыхъ, потому, что у насъ еще никогда не издавалось специально-предназначенныхъ журналовъ не для извѣстнаго круга или сословія, а для извѣстнаго возраста, а „Рус. Вѣстн.“ издается исключительно (хотя этого и не значится въ его программѣ) для восьмидесятилѣтнихъ читателей, которые еще живо помнятъ Державина и Мерзлякова. Для такихъ читателей у него подобраны не менѣе маститые и сотрудники. Не подумайте, читатель, чтобы это была мистификація; нѣтъ, факты на лицо. Такъ, напр., Петербургскій Старожиль, описывающій въ сво-

*) Чтобы подтвердить свое мнѣніе объ этихъ романахъ, мы не разбираемъ здѣсь ни одного изъ нихъ, потому что въ слѣдующихъ книжкахъ «Дѣла» представимъ отдѣльный очеркъ этихъ *славныхъ произведеній* русской литературы.

ихъ „Воспоминаніяхъ“, какъ генераль Скобелевъ любилъ квасъ изъ хлѣбныхъ корокъ, и бывшій пріятелемъ Н. Греча, долженъ имѣть не менѣе 72 лѣтъ отъ роду. Г-жѣ Ладыженской, полемизирующей въ „Воспоминаніяхъ“ (старость ужасно любитъ воспоминанія) съ „Вѣстникомъ Европы“ и г-жей Хвостовой, по самому скромному разсчету, должно быть около 60 лѣтъ, потому-что она хорошо помнитъ первую холеру, посѣтившую Москву въ 1832 году. Слѣдовательно откуда-же и сіять истинному свѣту, какъ не изъ „Рус. Вѣстника“, у котораго и читатели, и сотрудники народились еще во времена пугачевского погрома? А, по логикѣ „Рус. Міра“, чѣмъ старше, тѣмъ знаменитѣе, и умственныя произведенія „Рус. Вѣстника“ въ этомъ отношеніи могутъ соперничать съ самыми старыми сигарами и сыромъ, которые тоже пріобрѣтаютъ свою высокую цѣнность, только благодаря своей давности. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ г. Комаровъ.

Но если „Рус. Вѣстникъ“ издается для восьмидесятилѣтнихъ отроковъ, то „Вѣстникъ Европы“ имѣетъ въ виду читателей годамидесятью моложе, и слѣдовательно захватываетъ кругъ публики болѣе обширный, т. е. публики, могущей переживать не одни воспоминанія, но и современные вопросы,—публики, уже по тому одному болѣе свѣжей, что у нея еще сохранилось зрѣніе для чтенія и зубы для жеванія. Но такъ-какъ десять лѣтъ не составляютъ рѣзкой разницы въ человѣческомъ возрастѣ, то оба почтенные органы близко соприкасаются между собою своимъ умственнымъ темпераментомъ. Оба они одинаково усердно занимаются археологіей; если „Вѣстникъ Европы“ напечатаетъ воспоминанія г-жи Хвостовой, то „Русскій Вѣстникъ“ непременно помѣститъ на своихъ страницахъ воспоминанія г-жи Ладыженской; если послѣдній заговоритъ о русскихъ пѣсняхъ, то и первый отзовется на ту-же занимательную тему; если „Русскій Вѣстникъ“ станетъ увеселять своихъ читателей „Характеристикой семитическихъ народовъ“ г. Хвольсона, то „Вѣстникъ Европы“ сейчасъ-же противопоставитъ ему г. Маркова съ его „Пещерными городами Крима“ и т. д. Но на этомъ ихъ родство еще не окан-

чивается: и тотъ, и другой одержимы какими-то припадками умственного просвѣтлѣнія, которые, впрочемъ, зависятъ отъ чистой случайности и, благодаря болѣе измѣнчивой температурѣ Петербурга, чаще совершаются въ „Вѣстникѣ Европы“, чѣмъ въ „Рус. Вѣстникѣ“. Въ первомъ, напримѣръ, вдругъ ни съ того, ни съ сего среди гг. Кавелиныхъ, Гильфердинговъ, Ломачевскихъ, Стороженко и др. явится имя Сѣченова, опровергающаго того-же г. Кавелина, который въ томъ-же органѣ сотрудничаетъ, а въ послѣднемъ также ни къ селу, ни къ городу напечатается статья г. Бредихина: „Кометы“ или „Война и Революція“. Поэтому, какъ ни великовозрастны и на соображенія ни туги читатели этихъ старческихъ органовъ, но иногда становятся въ рѣшительный тупикъ и недоумѣваютъ: какъ это въ нашемъ великосвѣтскомъ обществѣ вдругъ очутились г. Сѣченоевъ или „Кометы“—Бредихина? Но... но, перевернувъ нѣсколько страницъ, они сейчасъ-же успокоиваются, какъ на мягкихъ подушкахъ, на какихъ-нибудь воспоминаніяхъ и былинахъ и сладко, пресладко засыпаютъ...

Не имѣя ни времени, ни охоты, я не сталъ перечитывать съ докторальной усидчивостью и сравнивать археологическое содержаніе „Вѣстн. Европы“ съ „Рус. Вѣстн.“, и потому не знаю, кому изъ нихъ принадлежитъ пальма первенства въ этомъ отношеніи, но могу положительно сказать, что количественное достоинство этого архивнаго мусора принадлежитъ не московскому, а петербургскому органу. Такъ за нынѣшній годъ „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ на своихъ страницахъ слѣдующія яко-бы историческія статьи: „Олонецкая губернія и ея народныя рапсоды“, Гильфердинга (№ 3); „Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ“ (№ 9 и 10); „Русская народная поэзія“, Костомарова (№ 6); „Возсоединеніе Уніи“, Морошкина (№ 4 и слѣд.); „Калѣвки переходящія и богумильскіе странники“, Веселовскаго (№ 4); „О старомъ зимнемъ дворцѣ и палатѣ, въ коей скончался государь императоръ Петръ В.“, Майера, „Кронпринцесса Шарлотта“, Герье, „Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ В.“, Де-Пуле (№ 5); „Пещерные города Крыма“, Маркова (№ 6 и слѣд.); „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ“, Пыпина (№ 1 и 7), и т. д., и т. д. Всѣ эти статьи были-бы не безынтересны гдѣ нибудь въ „Православномъ обозрѣніи“, „Русской Старинѣ“, „Запискахъ археологическаго обще-

ства“, но отнюдь не въ литературно-политическомъ журналѣ, который называетъ себя на обложкѣ, „Вѣстникомъ Европы“. Даже въ упомянутыхъ изданіяхъ половину этихъ *матеріаловъ* никто не читалъ-бы, исключая присяжныхъ специалистовъ. Вотъ, напр., чѣмъ занята *цѣлая половина* (14 листовъ или 221 страница) іюньской книжки: „Кронпринцесса Шарлотта“, (*окончаніе*); „Народная пѣсенная поэзія“, (*часть первая*); „Возсоединеніе Уніи“, (*продолженіе*); „Пещерные города Крыма“ (*продолженіе*). И всѣ эти статьи столько-же тяжеловѣсны, сколько скучны. Читая ихъ, испытываешь такое-же состояніе, какое мы испытываемъ послѣ ванны изъ отрубей: не то хочется спать, не то ходить, но подъ конецъ все-таки пріятно засыпаешь. Такъ, напримѣръ, чтобы одолѣть „Возсоединеніе Уніи“, занимающей нѣсколько сотъ страницъ, нужна нѣкотораго рода храбрость. И зачѣмъ это, думаешь, понадобилась эта Унія „Вѣстнику Европы“? Зачѣмъ этотъ „Чумакъ въ народныхъ пѣсняхъ“? Какая можетъ быть связь — не говоримъ логически-историческая, а хоть чисто-внѣшняя — между этими „Пещерными городами Крыма“ и „Кронпринцессой Шарлоттой“? Неужели всѣ эти Бокли, Дреперы, Дарвины нисколько не коснулись своимъ живымъ вѣяніемъ этихъ заматорѣвшихъ буквоѣдовъ и самого превосходительнаго редактора „Вѣстника Европы“, который, сколько намъ извѣстно, каждый годъ отлучается за-границу, чтобы обмыть свою редакторскую неопрятность въ ключевыхъ баденскихъ водахъ? Неужели для этихъ господъ не существуетъ болѣе серьезныхъ и живыхъ историческихъ вопросовъ? Но стремленіе удалиться отъ живыхъ современныхъ темъ такъ сильно въ этомъ журналѣ, что имъ увлеченъ, и увлеченъ болѣе всѣхъ другихъ даже г. Пыпинъ. Его матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ — это безсвязныя и пригодныя исключительно для специалистовъ по исторіи масонства отрывочныя выписки изъ архивовъ. Отъ г. Пыпина трудно было ожидать подобнаго сюрприза и можно ручаться, что ни одинъ русскій журналъ, кромѣ „Чтеній“ Бодянскаго, не помѣстилъ-бы у себя подобныхъ выписокъ, такъ-какъ содержаніе ихъ не только не интересно, но даже во многихъ случаяхъ вовсе не понятно для лицъ, незанимавшихся масонствомъ вообще и русскимъ въ частности. Неужели и г. Пыпинъ, поддаваясь духу

времени, намѣренъ изъ публициста превратиться въ архивнаго буквѣйда? По всей вѣроятности, нѣтъ. Но къ чему-же въ такомъ случаѣ печатать свои архивныя выписки не въ изданіяхъ *академіи*, а въ литературно-политическомъ журналѣ?

Стремленіе къ старинѣ и въ „сферы безпечальнаго созерцанія“ такъ настоятельны въ „Вѣстникѣ Европы“, что ему подчиняются даже стихотворцы и притомъ такіе стихотворцы, какъ г. Буренинъ. Во всѣхъ другихъ изданіяхъ сей пята посвящаетъ свои труды исключительно современнымъ вопросамъ. Въ „Искрѣ“ онъ писалъ забористые стишки; въ академической газетѣ соперничалъ съ г. Суворинимъ по части сплетень, а въ „Вѣстникѣ Европы“ служить искусству для искусства и перелагаетъ въ рифмованную окрошку Киршу Данилова. Подобный выборъ сюжетовъ зависитъ, мы думаемъ, не отъ самого знаменитаго стихотворца, а отъ редакціи, которая всегда имѣла сочинителя по этой части. Въ прошлые годы подобныя поддѣлки подъ древне-русскія быliny поставлялъ ей графъ Толстой, а нынѣ подрядъ этотъ снялъ г. Буренинъ и началъ воспѣвать Чурилу Пленковича, Микулу Селяниновича и т. д. (№ 4 и 6). И что за поддѣлка древне-русскихъ сказаній, что за стихи! Г. Буренинъ даже слова подгоняетъ къ размѣру, переставляя ударенія. Богатырь Вольга, напр., называется у него поперебънно то Вольга, то Вольга... Изъ иностранныхъ авторовъ г. Буренинъ переводитъ также исключительно то, что относится къ „области безпечальнаго созерцанія“, и притомъ такія старыя вещи, какъ сцены изъ Кальдерона, изображающія вавилонскую царицу Семирамиду (№ 3).

Впрочемъ, поэзія достопочтеннаго журнала не всегда воспѣваетъ старину, а подчасъ, обращается и къ современной жизни, поучая читатели въ докторально-педагогическомъ тонѣ. Таково стихотвореніе Маслова, „Современныя желанія“ (№ 5). Въ этомъ политическомъ *profession de foi* выражены всѣ требованія современнаго русскаго либерала. Всего стихотворенія, довольно длиннаго, мы выписывать не будемъ, а изложимъ въ краткихъ словахъ его содержаніе. Россіи необходимо, чтобы 1) „не всякъ былъ плохъ *въ дѣлѣ*“ (въ какомъ, неизвѣстно); 2) чтобы мы „на радость земли *спѣли*“ (значить еще до сихъ поръ мы не *постѣли*); 2) чтобы всякій любилъ Русь „страстно“; 4) „созна-

валь-бы идеаль ясно“; 5) чтобы окраины обрусѣли; 6) чтобы па-
стыри говорили овцамъ „не о хлѣбѣ простомъ, а о другомъ, но-
вомъ“ (что это за *новый* — опять неизвѣстно); 7) расколъ-бы
уничтожился; 8) народъ „не милостивъ былъ-бы въ вору“; 9)
„шель-бы въ гору“... Всего двадцать шесть такихъ желаній
и это еще очень деликатно со стороны стихотворца, потому-что
редакція точно такъ-же напечатала-бы и сто подобныхъ пожела-
ній, какъ двадцать шесть. Впрочемъ, чтобы не лишить нашихъ
читателей наслажденія, доставляемого самимъ оригиналомъ, мы при-
ведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ:

„Кабы земство вездѣ
Помогало бѣдѣ
Трудной...
Чтобы намъ въ городахъ
Успѣвать въ промыслахъ
Быстро;
Всѣ удобства добыть,
Все прибрать, освѣтить
Чисто.
Кабы личный расчетъ
Не губилъ-бы хлопотъ
Общихъ;
Городской-бы совѣтъ
Не разсматривалъ смѣтъ
Тощихъ...
Кабы намъ меньше пить
Да трезвѣй проводить
Время... и т. д.

Даже покойный въ литературѣ Розентеймъ не наполнялъ сво-
ихъ виршей такой рифмованной болтовней. Неужели редакція не
понимаетъ всей смѣхотворности этихъ виршей, въ родѣ которыхъ
всякій, даже неучившійся въ семинаріи, можетъ писать сколько
угодно. Не угодно-ли редакціи, мы беремся поставлять ей по
15,000 такихъ стиховъ въ каждую книжку и начнемъ ихъ по-
желаніями на новый годъ г. Стасюлевичу въ такомъ родѣ:

Кабы вамъ, генераль,
Повести свой журналъ,
Съ толкомъ;
Чтобъ порядокъ въ немъ былъ,
Чтобъ Полонскій не вылъ
Волкомъ... п т. д., и т. д., и т. д.

Не одни поэты журнала пытаются подпустить въ свои произ-

веденія современнаго либеральнаго духа; о томъ-же хлопочуть и беллетристы, неизвѣстно гдѣ откопанные редакціей. „Вѣстникъ“ теперь уже не украшается скабресными произведеніями, въ родѣ гончаровскаго „Обрыва“. Въмѣсто знаменитыхъ беллетристовъ въ немъ пишутъ теперь, большею частію, неизвѣстные, начинающіе. Во главѣ ихъ стоитъ г. Ромеръ съ своимъ романомъ „Дилеттанты.— Половина первая: Строители“ (№ 4, 5 и 6). Въ романѣ, какъ это слѣдуетъ по положенію о тенденціозныхъ романахъ, есть дѣвушка, живущая своимъ трудомъ, есть другая дѣвушка, родственники которой хотятъ насильно выдать ее замужъ, но доводятъ ее только до горячки, а потомъ до побѣга отъ нихъ и т. д. Главный-же герой романа это никто иной, какъ Печоринъ, хотя онъ и называется молодымъ помѣщикомъ Изгоевымъ. По его собственному сознанию, онъ „золъ, какъ собака“, онъ „задѣваетъ всѣхъ“ и потому ни съ кѣмъ не сходится въ обществѣ, оставаясь одинъ съ своимъ горемъ. Больше всего онъ золъ на самого себя и въ своихъ монологахъ онъ злостно улыбается, „криво усмѣхается“, вообще ведетъ себя, какъ подобаетъ разочарованному герою временъ Печорина. Онъ разочарованъ во всемъ; не вѣритъ ни въ любовь, ни въ дружбу, ни въ науку, ни въ искусство, и пишетъ въ альбомъ ужасные стихи, какіе писывались въ двадцатыхъ годахъ:

Полюбуйся, надъ могилой
 Воетъ вѣтеръ, снѣгъ валитъ,
 Въ бѣломъ саванѣ твой милый,
 Ненаглядный твой лежитъ.
 Весь источенный червями,
 Ротъ осклизши большой,
 Смотритъ сгнившими глазами
 На тебя красавецъ твой.

Страшно! ужасно страшно! *Осклизшійся ротъ и черви*—это-бы еще ничего! Но сгнившіе глаза—вотъ что поднимаетъ волосъ дыбомъ. А Изгоеву такіа картины не страшны; онъ при видѣ ихъ только „криво усмѣхается“. Онъ, какъ герои Лермонтова, научился „все знать, все чувствовать, все видѣть и все на свѣтѣ презирать“. „Земля, этотъ муравейникъ *царей природы*, при близайшемъ разсмотрѣніи оказывается просто огромнымъ домомъ сумасшедшихъ, гдѣ одинъ помѣшался на справедливости, другой на любви, третій на счастья, четвертый на долгѣ, пятый на насла-

деніи, и всѣ суетятся, выбиваются изъ силъ, чтобы подсыпать соли на хвостъ собственной галлюцинаціи; строить какія-то фантастическія зданія, не замѣчая, какъ безпощадная дѣйствительность каждый разъ хладнокровно сметаетъ рукою и постройку, и строителей“. При этомъ Изгоевъ страстно любитъ справедливость, счастье, наслажденіе, всей душой стремится къ „человѣческому идеалу“, но, сознавая всю глупость этихъ порываній впередъ, онъ такъ мучится, неистовствуетъ, какъ нѣкогда это дѣлалъ на сценѣ одинъ только Каратыгинъ. Считаая себя погибшимъ, онъ желаетъ „передъ смертью грануть въ міръ громовымъ словомъ, напугать и удивить эти жалкіе умишки, блеснуть ослѣпительнымъ метеоромъ, освѣтить недоступныя бездны, скрыться въ тучахъ вершины и исчезнуть...“

Все это, конечно, превосходно, но все это изъ старыхъ книжекъ. Изъ Державина:— „Рѣка временъ въ своемъ теченіи уноситъ всѣ дѣла людей“ и т. д.; изъ Лермонтова, изъ Марлинскаго и т. п. Что-же касается послѣдняго изгоевскаго желанія, то и оно лѣтъ сорокъ назадъ выражено еще въ болѣе трескучихъ фразахъ:

О, если-бъ могъ я шаръ земной
Схватить озлобленной рукою,
Схватить, измать и бросить въ адъ,
Я былъ-бы счастливъ, былъ-бы радъ.

Конечно, въ современномъ обществѣ множество остатковъ отъ всевозможныхъ типовъ прошлаго; есть экземпляры не только Печорина, а, пожалуй, даже попа Сильверста; но рыться въ этомъ хламѣ могутъ развѣ только романисты „Вѣстника“, столь наклоннаго къ археологическимъ изысканіямъ. Выставлятъ-же Печорина современнымъ героемъ— это ужъ слишкомъ наивно. Русскіе Манфреды, какъ извѣстно, не удавались у насъ даже въ то время, когда на нихъ свирѣствовала мода. Они, обыкновенно, или спивались съ кругу или, усѣвшись на спокоѣ въ какой-нибудь помѣщицкѣй трущобѣ, страдали не отъ высокихъ порывовъ и разочарованій, а отъ ожирѣнія и одѣшки, но теперь они сдѣлались рѣшительно невозможны. Нынѣ Печорину волей-неволей пришлось-бы или броситься въ акціонерную компанію, или поступить въ земство, или ѣхать въ Ташкентъ или служить по акцизу. У него былъ-бы уже реальный объектъ для злости и его силы устремлены были-бы на

посильную борьбу съ этими объектомъ. Злостныя идеи празднаго ума замѣнились-бы одной идеей—легчайшаго стяжанія. Понятно, что подобный молодецъ не годится въ герои романа, и вотъ г. Ромеръ реставрируетъ стараго Печорина и надѣваетъ на этого гороховаго шута новое платье. Романъ остановился печатаніемъ на первыхъ двухъ частяхъ, и мы не знаемъ, чѣмъ Ромеръ закончитъ его. Но уже въ этихъ частяхъ онъ пришилъ къ своему манекену нѣсколько новыхъ элементовъ, сильно напоминающихъ упомянутаго нами молодца, ѣдущаго въ Ташкентъ. Изгоевъ при первой встрѣчѣ съ обыкновеннѣйшей уѣздной барышней, находитъ уже, что она „добрая“; другихъ барышень, барынь и сосѣдей онъ находитъ также „добрыми“; „это не сволочь“, говоритъ онъ. При этомъ онъ „страстно любитъ Россію“, обличаетъ неправды, помогаетъ бѣднымъ; онъ изъ тѣхъ помѣщиковъ, которые „подняли знамя овчиннаго тулупа“ и т. д. Слѣдоват. нашъ тульскій Манфредъ начинаетъ излечиваться отъ своего разочарованія и примиряться... Поэтому, если г. Ромеръ оставитъ вовсе своего манекена и будетъ развивать этотъ дѣйствительный типъ юнаго землевладѣльца, то Изгоевъ преблагополучно женится на своей „добррой“ барышнѣ, будетъ заводить сыроварни, поступитъ въ предсѣдатели земской управы (хотя-бы и уѣздной, на первый разъ) или, наконецъ, возьметъ желѣзно-дорожную концессию, но во всякомъ случаѣ его программю будетъ служить упомянутое стихотвореніе Маслова —

„Все удобство добыть,
Все прибрать, освѣтить
Чисто“ и т. д.

Изъ всѣхъ повѣстей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, можно указать, какъ на довольно сносный очеркъ Левитова „Сельское ученіе“ (№ 2); остальныхъ-же хоть и не читай. „Вешнія воды“ Тургенева (№ 1) служатъ новымъ доказательствомъ того, что нашъ знаменитый романистъ окончательно потерялъ всякій тактъ и вмѣсто того, чтобы остановиться послѣ „Довольно“ или, по крайней мѣрѣ, послѣ своего публичнаго покаянія по поводу Базарова, онъ все еще старается приподносить публикѣ свои старческія воды. Остальныя повѣсти и очерки тоже изъ рукъ вонъ плохи. „Рекрутскій наборъ“ (№ 7 и 8) еще имѣетъ кое-какой

смысль и читается, хотя съ большимъ трудомъ; но „Отець Варфоломей“ (№ 9) уже рѣшительно неудобочитаемъ. Описывается сельскій священникъ, чрезвычайно добродушный, но весьма недалекій, сгрызаемый и забитый своею злоющей попадьей и приводящій въ отчаяніе каждаго встрѣчнаго своею безконечною наивною болтовней. Въ такое-же отчаяніе приходитъ и читатель, принудившій себя прочесть этотъ очеркъ.

Перехода къ статьямъ научнаго и публицистическаго содержанія, мы должны повторить, что значительная часть ихъ не имѣтъ никакого общаго интереса. Впрочемъ, изъ матеріаловъ можно прочесть „Записки Жандарма“, А. Ломачевскаго (№ 4 и 5) и „Петербургская духовная академія“, — воспоминанія Р. С. (№ 7, 8, 9). Въ первой статьѣ читатель найдетъ не безынтересные матеріалы, къ которымъ однакожь нужно относиться критически. Не менѣе интересно и предисловіе редакціи къ этимъ запискамъ, какъ видно, — плодъ творчества самого г. Стасюлевича... Во второй — рассказы довольно интересныя подробности о бытѣ старинной петербургской академіи. Замѣчательно, что, несмотря на всѣ тогдашнія строгости, духъ времени увлекалъ не только многихъ студентовъ, но даже нѣкоторыхъ профессоровъ. Какъ боролись съ этимъ духомъ, показываетъ слѣдующій случай. Одинъ ректоръ, узнавъ, что главнѣйшіе рационалисты — изъ нѣмцевъ, началъ преслѣдовать всѣ нѣмецкія книги. Однажды увидѣвъ у студента такую книгу, онъ вырвалъ ее и, бросивъ ее на полъ, назвалъ глупостью. Но оказалось, что это новый завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ, и сконфуженный ректоръ тотчасъ ретировался. Ревность къ преслѣдованію была страшная, но знанія и умѣнья никакого, почему преслѣдователи и достигали результатовъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, какихъ они желали. „Записки С. Глинки“ (№ 9) далеко не такъ интересны, какъ извлеченіе изъ нихъ, напечатанное нѣкогда въ „Современникѣ.“ Что-же касается мемуаровъ Буссе (№ 10), въ которыхъ онъ рассказываетъ о своихъ амурскихъ дѣянiяхъ, то помѣщеніе ихъ въ „Вѣстникѣ“ мы объясняемъ только *дешевизною* подобныхъ матеріаловъ; можетъ быть, за нихъ и вовсе не платится.

Но въ числѣ публицистическихъ сочиненій „Вѣстника“ есть нѣсколько капитальныхъ статей, полныхъ интереса. Такова, напр.,

„Восточная политика Германіи и обрусеніе“ (№ 2, 4, 5). Вопросъ о Польшѣ и другихъ окраинахъ рассмотрѣнъ здѣсь въ связи съ внѣшними отношеніями Россіи и съ русскими общественными вопросами, и рассмотрѣнъ такъ обстоятельно, что въ нашей литературѣ едва-ли можно указать на другую равную этой статьѣ по тому-же предмету, хотя съ нѣкоторыми частными мнѣніями автора не согласятся многіе.

Еще выше упомянутой статьи стоитъ рядъ этюдовъ „Десять лѣтъ реформъ“, которые печатались втеченіи всего прошлаго года и кончены только въ нынѣшнемъ.

Къ числу интересныхъ статей относятся также „Современная Глушь“ Назарьева (№ 2), „Польскія фантазіи на славянофильскую тему“ Спасовича (№ 8), статья объ уставѣ реальнѣхъ училищъ (№ 9) и др. Вообще, если-бы „Вѣстникъ“ помѣщалъ только статьи такого рода, очистивъ ихъ немножко отъ либеральнаго благодушія, которое иногда смахиваетъ на маниловщину, и не печаталъ археологическаго хлама, которымъ онъ нагружается теперь почти на половину, да держался-бы хотя какого-нибудь направленія, какой-нибудь логической связи между своими отдѣлами, то онъ былъ-бы современнымъ журналомъ. А теперь, исключая статей по внутренней и отчасти внѣшней политикѣ, это не журналъ, а сборникъ, въ которомъ всякій говоритъ свое и никто другъ друга не слушаетъ, какъ въ той сценѣ Щедрина, въ которой послѣ обѣда и достаточной выпивки началась „конституція“. Въ „Вѣстникѣ“ такая „конституція“ господствуетъ и въ философскихъ, и въ историческихъ, и въ беллетристическихъ статьяхъ, а подъ часъ даже и во внутреннемъ отдѣлѣ. Читатели также имѣютъ полное право требовать отъ редакціи болѣе честныхъ заботъ о библиографическомъ отдѣлѣ, въ которомъ царитъ теперь невообразимый хаосъ. Здѣсь рекомендуется подъ часъ даже такія книги, какъ русская исторія Погодина. Объ однихъ и тѣхъ-же книгахъ здѣсь даются иногда совершенно противоположные отзывы. Такъ, напр., новая „Исторія XIX в.“ Мишле весьма не одобряется за разсказъ автора о революціонныхъ дѣятеляхъ и за его презрительно-скептическія страницы о военной дѣятельности Бонапарта; а въ рецензіи (№ 8) та-же самая книга и за *то-же самое* превозносится до небесъ! Другой примѣръ: очеркъ

г. Шашкова „Русскія реакціи“ не одобряется за насмѣшливое отношеніе автора къ депутатамъ екатерининской законодательной комиссіи, за мнѣніе объ ихъ невѣжествѣ и полной неспособности къ дѣлу; между-тѣмъ то-же самое мнѣніе и основанное на тѣхъ-же самыхъ матеріалахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ „Историческаго Общества“, высказываетъ самъ „Вѣстникъ Европы“ въ библиографическомъ листѣ своемъ (1871 г., № 11)! Это и значитъ служить и нашимъ, и вашимъ; это значитъ не *умѣть конца съ началомъ сопрягать*. Противорѣчія эти тѣмъ болѣе печальны, что рецензіи „Вѣстника“, по своей краткости, имѣютъ цѣлью только рекомендовать или не рекомендовать читателю извѣстную книгу. Но кто-же будетъ полагаться на отзывъ рецензентовъ, которые находятся въ состояніи полной „конституціи“!

Нѣкоторые сравниваютъ „Бесѣду“ съ лагеремъ тушинскаго самозванца по разношерстности ея сотрудниковъ. Но такое сравненіе, во-первыхъ, очень обидно для этого милаго журнала, а во-вторыхъ, оно невѣрно. Въ „Бесѣдѣ“ нѣтъ ничего мятежнаго, ничего воинственнаго, ничего напоминающаго собою разнузданность смутнаго времени. „Бесѣда“,—это гостинница для пріѣзжающихъ, которую собственно слѣдовало-бы назвать „Добрнымъ Пристанищемъ“, такъ-какъ ея номера для пріѣзжающихъ и содержимыя при нихъ *chambres garnies* открыты для всѣхъ, кому только угодно помѣститься въ нихъ. Г. Юрьевъ, съ истинно-русскимъ, даже нѣсколько славянскимъ гостепрѣимствомъ принимаетъ каждаго посѣтителя и великодушно слушаетъ все, что тотъ ему ни рассказываетъ. Заходитъ къ нему древній старецъ М. Погодинъ и начинаетъ свою безконечную болтовню о варягахъ (№ 4), — г. Юрьевъ слушаетъ, записываетъ и потомъ передаетъ своимъ подписчикамъ. Пріѣзжаетъ изъ Петербурга за своей надобностью слишкомъ знаменитый г. Буренинъ и оставляетъ г. Юреву стихи на память (№ 8), хотя при отъѣздѣ и проситъ за нихъ по четвертаку за строчку, и редакторъ „Бесѣды“ печатаетъ стихи

и платить нѣсколько четвертаковъ. У того-же г. Юрьева рядомъ съ Тиндалемъ является профессоръ Градовскій; наряду съ кіево-печерскимъ беллетристомъ г. Чаевымъ ведетъ свой превосходный разсказъ извѣстная писательница Андре Лео; промышленникъ Шиповъ ведетъ чинную бесѣду о фабричной механикѣ, а г. Н заливчатски поетъ извѣстную „Пѣсню Работниковъ“ Дюпона (№ 8); словомъ, отиѣнное разнообразіе лицъ, сюжетовъ, направленій. „Бесѣда“ выдаетъ себя за славянофильскій журналъ, но славянофильства въ ней, какъ увидимъ ниже, очень мало. Это сильно шокируетъ истыхъ славянофиловъ, изъ которыхъ ни одинъ чистокровный славянофилъ не хочетъ идти къ г. Юрьеву. Указывая на то, что совершенно непристойно на страницахъ славянофильскаго органа называть Бѣлинскаго „отцомъ русской общественной мысли“, какой-то почитатель „Бесѣды“ вполне основательно внушаетъ г. Юрьеву, что разница „между направленіемъ, которое признаетъ Бѣлинскаго своимъ отцомъ, и тѣмъ, котораго органомъ служить „Бесѣда“, такъ существенна, что между ними цѣлая пропасть“ (№ V, стр. 129). Редакція на это отвѣчаетъ, что, допуская въ своемъ журналѣ говорить каждому, что ему Богъ на душу положить, она только слѣдуетъ принципамъ, которые лежатъ въ основѣ ея доктрины, — „духу всестерпящей любви“, вѣротерпимости и, прибавимъ мы отъ себя, гостепримства. „Если кого изъ почтенныхъ читателей нашего журнала (говоритъ редакція) приводитъ въ недоумѣніе то, что мы на страницахъ нашего изданія помѣщаемъ статьи съ именами писателей, которыхъ воззрѣнія исходятъ изъ началъ противоположныхъ нашему, — что въ статьяхъ, печатаемыхъ нами, встрѣчаются по частнымъ вопросамъ мнѣнія, несогласныя съ нашими, — если все это смущаетъ нѣкоторыхъ изъ слѣдящихъ за нашимъ изданіемъ, то мы покорнѣйше просимъ *православныхъ* читателей, такъ думающихъ, принять въ соображеніе, что мы прежде всего во главу нашихъ нравственныхъ воззрѣній и нашихъ идеаловъ, а слѣдовательно и всей нашей дѣятельности, положили нравственную истину, исповѣдуемую Вселенскою Христовою Церковью... Духъ-же вселенской церкви есть духъ всестерпящей любви... На основаніи этого мы принимаемъ всякое слово, изъ какого-бы лагеря оно ни исходило, если только оно не противорѣчитъ *главнымъ основаніямъ нашего на-*

правленія“. Затѣмъ послѣ туманныхъ и непонятныхъ фразъ о Бѣлинскомъ, изъ которыхъ ясно только одно, что Бѣлинскіе и Хомяковы дѣлали въ сущности одно дѣло, редакция заключаетъ: „миновало время сектаторской исключительности. Время жизненной правды, вѣротерпящаго единенія *всѣхъ русскихъ мыслителей и дѣятелей* во имя всесторонняго и дружнаго изученія народной жизни и содѣйствія свободному развитію всей полноты ея творческихъ силъ уже настало“. Тоже самое говоритъ въ своей программѣ на 1873 годъ и „Гражданинъ“ вн. Мещерскаго. Онъ тоже раскрываетъ свои любвеобильныя объятія всѣмъ, желающимъ печататься въ немъ, и нѣтъ той ерунды, которая-бы не нашла себѣ пріюта на страницахъ этого страннопріимнаго или, какъ онъ называетъ себя, безпристрастнаго органа. „Предпринимая наше изданіе, мы не приписываемся ни къ какому цеху. Мы становимся прямо и твердо среди жизни русскаго государства и изъ нея черпаемъ тѣ начала, которыя должны лечь въ основу нашего журнала“. Впрочемъ, если „Бесѣда“ и „Гражданинъ“ выражаются о своемъ страннопріимномъ заведеніи такъ откровенно, то другіе органы, умалчивая объ этомъ, дѣлаютъ тоже-самое. Кромѣ этого „вѣротерпящаго единенія“ „Бесѣда“ стоитъ „за непреклонность бытовыхъ основъ народной жизни и за невозмутимое органическое ея развитіе“ (№ 5, стр. 133—147). Въ этихъ общихъ фразахъ, столь-же безсодержательныхъ, какъ и фразы въ-малѣ скончавшихся „Времени“ или „Зари“, выражается все то, что „Бесѣда“ считаетъ своимъ направленіемъ. Она держится и панславизма, но и панславизмъ представляется ею въ такихъ-же неопредѣленныхъ, туманныхъ образахъ. Славянскія племена должны имѣть общій литературный языкъ (№ 6, стр. 392—395). Это еще понятно. Но общій литературный языкъ необходимъ для того, чтобы совершалось единственно возможное объединеніе всѣхъ племенъ славянскихъ, — объединеніе нравственное. Въ чемъ-же состоитъ оно и для чего оно нужно, что такое вообще панславизмъ, — на эти вопросы „Бесѣда“ не отвѣчаетъ. Г. Будиловичъ взялся было отвѣчать, но, засыпавъ обычными фразами, что славяне братья, что они сознаютъ это, что послѣ германцевъ имъ суждено выступить на всемірно-историческую арену, онъ пришелъ въ „Дѣло“, № 12.

тому, что панславизмъ еще не родился и чѣмъ будетъ онъ, сказать трудно!.. Авторъ, впрочемъ, готовъ согласиться съ извѣстной теоріей г. Данилевскаго, по которой всѣ славяне должны объединиться подъ гегемоніей Россіи и по пути объединить подъ собою примѣрно около $\frac{2}{3}$ земного шара. Но въ подстрочномъ примѣчаніи редакція заявляетъ, что она не согласна съ этой теоріей. Съ чѣмъ-же она согласна? Оставимъ-те, читатель, этотъ неразрѣшимый вопросъ!

Къ счастью читателей, „Бесѣда“ очень мало занимается славянофильствомъ. Во весь годъ, кромѣ трехъ-четырехъ небольшихъ замѣтокъ, она помѣстила одну только упомянутую, да и то не особенно широковыщательную статью Будиловича „Мечта-ли Панславизмъ?“ Въ политическомъ обзорѣни, правда, много говорятъ о славянскихъ дѣлахъ, но говорятъ почти такъ-же, какъ и въ неславянофильскихъ хорошихъ журналахъ.

Итакъ, „Бесѣда“ не журналъ, а сборникъ и при этомъ такой сборникъ, въ которомъ помѣщаются подчасъ очень хорошія статьи, какъ, напр., переведенный съ рукописи романъ Андре Лео, „Исторія одного честнаго буржуа“ (№ 1 и слѣд.); „Признаки старой болѣзни въ нашей педагогіи“, Маркова (№ 3) „Наши монастыри“ (№ 3 и слѣд.). Отдѣлъ иностранной библиографіи ведется хорошо. Во внутреннемъ отдѣлѣ встрѣчаются интересныя корреспонденціи, преимущественно по крестьянскому дѣлу, какъ, напр., о селѣ Ивановѣ (№ 1), о крестьянской реформѣ въ деревнѣ Коноховѣ (№ 8), о крестьянахъ юго-западнаго края (№ 10). Попадаютъ недурныя стихотворенія г. Якунина и др.

Но указанными произведеніями и ограничивается все, что было интереснаго въ прошлогодней „Бесѣдѣ“. Остальныя статьи не имѣютъ рѣшительно никакого современнаго интереса, а между тѣмъ ими заняты почти всѣ книги этого „журнала“. Вотъ, напр., „Современныя Воззрѣнія на Государство и Національность“ — Градовскаго, (№ 1 и 2), — *современныя* Гуго Гроцію или Пуффендорфу; „Время Людовика XIV и Петра В.“ Соловьева (№ 1, 2, 3, 4); „Колонизація Заволочья и Обрусѣніе Заволоцкой Чуди“ (№ 2 и 3); „Южнорусское народное пѣсенное творчество“ — Костомарова (№ 4 и слѣд.); „Очеркъ Славянской мифологіи“ — Квашнина-Самарина, „Новое мнѣніе Иловайскаго“ —

М. Погодина (№ 4); „Звѣринный промыселъ въ уральскихъ горахъ“, „О свадебныхъ обрядахъ въ олонецкой губерніи“, „О краледворской рукописи“ (№ 6), и т. д., и т. д. Большая часть этихъ статей, особенно о чуди заволоцкой, о звѣриномъ промыслѣ на Уралѣ, о свадебныхъ обрядахъ олонецкой губерніи, о Самаркандѣ (№ 5 и слѣд.) составлены такъ, какъ обыкновенно пишутъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ литераторы-обыватели. Даже матеріаловъ-то интересныхъ въ нихъ нѣтъ, и попадаютъ онѣ въ „Весѣду“ единственно по „духу всетерпящей любви“, которымъ руководствуется г. Юрьевъ въ своей редакторской дѣятельности. Хорошо еще, что его журналъ не очень распространенъ, а то бѣда была-бы его подписчикамъ, если-бы о „духѣ всетерпящей любви“ и гостепріимствѣ г. Юрьева узнали безчисленные литераторы-обыватели, которыхъ такъ много въ провинціи. Тогда все, что теперь относится къ начальникамъ газетныхъ столовъ и потому печатается въ губернскихъ вѣдомостяхъ, стекалось-бы въ „Весѣду“.

Тоже самое творится у г. Юрьева и въ его беллетристическомъ отдѣлѣ. Рядомъ съ прекраснымъ романомъ Лео онъ помѣщаетъ такіа творенія, отъ которыхъ несетъ затхлостію времянъ Лажечникова и Загоскина. Вотъ „Богатыри, романъ въ трехъ частяхъ изъ времянъ императора Павла“, Чаева (№ 2 и слѣд.). Бездарность г. Чаева известна, но въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ онъ былъ добросовѣстнѣе, чѣмъ въ этомъ историческомъ романѣ; въ первыхъ онъ яко-бы въ беллетристическую форму сваливалъ груду архивныхъ матеріаловъ, а въ настоящемъ романѣ нѣтъ даже и этого. Что романъ изъ времянъ Павла — это можно видѣть только изъ того, что въ немъ разсказывается объ итальянскомъ походѣ Суворова. Что-же касается богатырей, то это обыкновенные русскіе солдатики, намалеванные красками, разведенными на квасномъ натріотизмѣ. Къ богатырямъ-же авторъ причисляетъ и бакалавра духовной академіи, сражающагося съ волтеріанствомъ. Этотъ бакалавръ залѣзъ однажды къ Гете и началъ выражать передъ нимъ несогласіе съ его взглядами. Гете все молчалъ, а потомъ съ улыбкою спросилъ его, много-ли въ Россіи инородцевъ? Таковыми-то чертами рисуетъ Чаевъ своего „богатыря“... И при всѣхъ усиліяхъ г. Чаева, у него не вышло ни одного богатыря,

кромѣ адмирала Пустошкина. „Все въ немъ, начиная съ загорѣвшихъ пальцевъ до тяжелой ступни въ отчищенномъ сапогѣ, было массивно, крупно, обличало силу чуть не Ильи Муромца; онъ былъ не толстъ, но великъ, волосаленъ; точно корни столѣтняго дуба, выдавались жилы на рукахъ, на шеѣ; даже морщины надъ густыми бровями были широки, крупны“ (№ 5, стр. 15). Въ одной изъ слѣдующихъ главъ (№ 10), впрочемъ, авторъ говоритъ, что тогдашніе люди были большею частію подобныхъ-же размѣровъ, — богатыри, однимъ словомъ! Еще лучше г. Чаева другой беллетристъ „Бесѣды“, Бабииковъ, прославившійся изданіемъ книжки о публичныхъ женщинахъ, до того безграмотной и глупой, что она не разошлась, несмотря даже на крайнюю сальность своего содержанія. Повѣсть „Порванныя струны“ (№ 6) вполне достойна пера такого автора и особенно замѣчательна тѣмъ, что начинается съ конца, такъ что о г. Бабииковѣ вполне справедливо можно сказать, что онъ —

Конецъ съ началомъ сопрягаетъ
И смертію животоу даритъ!

Разсказавъ, какъ мужъ засталъ свою жену съ любовникомъ и потомъ убилъ ее, Бабииковъ заключаетъ: „грустную исторію разсказалъ я вамъ, но исторія эта только что *начинается*, хотя струны уже и порвались.“ Послѣ такого *начала* читатель ждетъ продолженія, но оказывается, что безграмотный авторъ смѣшалъ начало съ концомъ. Въ одной-же книжкѣ съ бабииковской повѣстью помѣщена размазня какого-то Балкашина, подъ названіемъ: „Изъ народныхъ страстей“, драма въ 4 дѣйствіяхъ, и цѣлыхъ три стихотворенія изъ Горація. И г. Бабииковъ, и г. Балкашинъ, и г. Кельшъ съ своимъ Гораціемъ производятъ такое впечатлѣніе, словно держишь передъ собой не „Бесѣду“ 1872 г., а какой-нибудь журналъ сороковыхъ годовъ. Разсказъ-же графа Толстого „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“ (№ 8), составленный для народнаго чтенія, рѣшительно не имѣетъ никакого смысла и сильно напоминаетъ собою повѣсти, попадавшія въ „Маякъ.“ Купецъ Аксеновъ отправляется въ дорогу; жена удерживаетъ его, потому что видѣла сонъ, предвѣщающій несчастье; и дѣйствительно, сонъ сбылся: дорогой Аксенова заподозрили въ убійствѣ, засудили и сослали въ каторгу. Онъ рѣшилъ, что мо-

жетъ освободиться отъ незаслуженнаго наказанія не посредствомъ просьбъ или другихъ юридическихъ способовъ, а путемъ молитвы. И онъ усердно молился на ваторгѣ цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ; наконецъ, дѣйствительный убійца самъ объявилъ себя; но когда Аксенову вышло освобожденіе, онъ уже умеръ. Вотъ и весь рассказъ, и какъ ни бейтесь, вы не откроете въ немъ другого смысла, кромѣ: „не ѣзди въ дорогу, если наканунѣ снился дурной сонъ“... Изъ беллетристики „Добраго пристанища“ интересенъ еще путевой очеркъ „Волга“, г. Сальяса (№ 1). Г. Сальясъ проѣхалъ по всей Волгѣ и настрочилъ о ней около 70 страницъ. Видитъ какого-нибудь господина въ пиджакѣ, описываетъ и господина, и его пиджакъ, подслушиваетъ какой-нибудь разговоръ, записываетъ и его, и т. д.; но главное вниманіе г. Сальясъ обращаетъ на архитектуру церквей, при чемъ даетъ иногда такіе отзывы: „церковь эта очень оригинальна, но чѣмъ—трудно сказать“ (стр. 93). По всей Волгѣ г. Сальясъ возмущается тѣмъ, что въ церковной архитектурѣ мало благолѣпія, но вотъ пріѣзжаетъ онъ въ Саратовъ, и его возмущенное чувство поражается окончательно. „Соборъ недуренъ... Одно только смущаетъ мое православное сердце: это это поддерживаетъ крышу собора? Я вижу десятки и даже сотни лицъ и головъ, торчащихъ кругомъ рядышкомъ, и готовъ покланяться, что эти головы слѣплены со статуи какого-нибудь сатира или фавна. Душа моя смущается отъ этихъ рожекъ, глядящихъ изъ-подъ карниза“ (стр. 115).

Такимъ образомъ, беллетристика „Бесѣды“ старается угодить всевозможнымъ вкусамъ и понятіямъ, всѣмъ возрастамъ и поколѣніямъ, и столько-же принадлежитъ, по своему внутреннему достоинству, нашему времени, сколько прошлому столѣтію. Въ этомъ отдѣлѣ „Доброе пристанище“ обращается въ настоящій постоянный дворъ. Такъ называемый ученый отдѣлъ, какъ мы уже видѣли, наполняется большею частью статьями, чуждыми всякаго современнаго интереса, за исключеніемъ двухъ-трехъ, которыя могутъ напомнить читателю, что журналъ г. Юрьева издается въ 1872, а не въ 1822 году. Во внутреннемъ отдѣлѣ кромѣ упомянутыхъ уже нами интересныхъ корреспонденцій, помѣщаются большею частью сырые и очень объемистые матеріалы, какъ, напр., „Сословное хозяйство московскаго купечества“ (№ 3 и слѣд). Вообще, отно-

сительно собиранія матеріаловъ о современномъ состояніи Россіи „Бесѣда“ хлопочетъ много, принимая на себя обязанности, лежащія собственно на изданіяхъ географическаго общества, предпочитающаго такимъ изслѣдованіямъ снаряженіе экспедицій въ Новую Зеландію и т. п. Напечатавъ для руководства своихъ сотрудниковъ „Программу изслѣдованія мелкой крестьянской промышленности въ Россіи“, редакція „Бесѣды“ обѣщаетъ напечатать современемъ „такія-же программы относительно другихъ сторонъ жизни русскаго народа и въ то-же время предпринимаетъ, въ лицѣ нѣсколькихъ изъ своихъ сотрудниковъ, посильныя работы согласно этимъ программамъ“ (№ 3, стр. 63). Посвящая весьма значительную часть своего журнала печатанію подобныхъ матеріаловъ, редакція хотя и сильно вредитъ этимъ популярности своего вселенскаго сборника, но все-таки дѣлаетъ очень полезное дѣло. Бѣда въ томъ только, что и въ этомъ отношеніи она руководствуется тѣмъ „духомъ всетерпящей любви“, который лишаетъ ее всякой способности отличать бѣлое отъ чернаго, нашихъ отъ вашихъ. Немного будетъ толку отъ упомянутыхъ изслѣдованій, если ихъ будутъ дѣлать люди въ родѣ автора „Звѣринаго промысла на Уралѣ“; немного будетъ толку отъ подобныхъ изслѣдованій, если имъ посвящать свои труды промышленники въ родѣ г. Шипова, который уже подводитъ въ „Бесѣдѣ“ механику относительно повышенія покровительственнаго тарифа (№ 5, стр. 147 и слѣд.). Что-же касается собственно направленія, котораго держатся по внутреннимъ вопросамъ эти изслѣдователи и „Бесѣда“ вообще, то оно по своей сбивчивости, неопредѣленности и по тѣмъ чертамъ, которыя можно уловить случайно, близко подходитъ къ такъ называемому направленію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Для характеристики этого постояннаго шатанія изъ стороны въ сторону, можно указать на статью Нила Колюпанова. „Есть-ли настоящая необходимость въ немедленномъ у насъ учрежденіи всесословныхъ волостей?“ (№ 10). Г. Колюпановъ, какъ типъ либерально-ретрограднаго писателя, какъ продуктъ новѣйшаго времени, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для талантливаго романиста. Въ г. Колюпановѣ соединяются самыя разнохарактерныя черты, иногда достигающія истиннаго драматизма: это въ одно и то-же время старая дѣва тридцатыхъ годовъ по убѣжденіямъ,

юноша семидесятыхъ годовъ по увлеченію, самый ограниченный чиновникъ по своимъ взглядамъ на земство и земскій дѣятель на фраззахъ; однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь отъ г. Колупанова. Съ одной стороны онъ желаетъ дальнѣйшаго развитія реформъ (стр. 88—91); съ другой, онъ обращается съ мольбой и къ людямъ администраціи, и къ земскимъ дѣятелямъ, и къ публицистамъ: „*пощадите! Довольно ломки и реформы! Дайте народу оглядѣться, разобратъся, усвоить себѣ тотъ непрерывный дождь реформъ, который его поливалъ такъ обильно въ послѣднее время*“ (стр. 124). Съ одной стороны онъ другъ общины, а съ другой непремѣнно желаетъ устранить тѣ преграды, которыя препятствуютъ ея разложенію. „*На мѣстѣ теперешней поземельной общины должна образоваться новая свободная поземельная община; при свободѣ выхода, съ переходомъ надѣла въ собственность крестьянъ, часть теперешнихъ общинниковъ, можетъ быть самая богатая, отдѣлится, часть перейдетъ на другія мѣста*“, и землевладѣльцы будутъ составлять „свободныя поземельныя общины, въ родѣ англійскихъ фермерскихъ ассоціацій“ (стр. 118—120). Понятно, куда гнетъ этотъ балансирующій на канатѣ другъ народа! Община будетъ разлагаться, въ средѣ крестьянства возникнетъ своего рода землевладѣльческая аристократія, а масса можетъ тогда совершенно безпрепятственно освобождаться отъ земли. Вотъ къ этому-то блаженному времени и слѣдуетъ подогнать учрежденіе всесословной волости. Включеніе въ составъ волости всѣхъ живущихъ въ ней, т. е. и помѣщиковъ, еще при обсужденіи крестьянской реформы, было мечтою крѣпостниковъ. Теперь та-же самая мечта, хотя и въ другой, измѣненной формѣ, преслѣдуетъ многихъ друзей народа, въ родѣ гг. Кошелева и Колупанова. Послѣдній въ принципѣ совершенно согласенъ съ необходимостью всесословной волости (стр. 123), но на практикѣ онъ считаетъ рѣшительно невозможнымъ немедленно учреждать такую волость, пока крестьяне не воспитаются для самоуправленія (стр. 126). А воспитаетъ ихъ сама жизнь. Учрежденіе всесословной волости теперь значило-бы просто „перечисленіе владѣльческихъ земель въ завѣдываніе и распоряженіе крестьянскихъ обществъ“ чего, конечно, не будетъ тогда, когда вслѣдствіе проектируемаго Колупановымъ превращенія теперешней общины въ „сво-

бодную“, въ ней возникнетъ солидарный съ теперешними землевладельцами классъ богатыхъ крестьянъ-собственниковъ. При всемъ искусствѣ прикрывать либеральными фразами самую отчаянную рутину, г. Колюпановъ не счумѣлъ, какъ слѣдуетъ замаскировать этой затаенной мысли. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ воззваніе, въ родѣ обращеннаго нѣкогда къ варягамъ: „придите-же къ намъ (на службу земству), въ нашу лѣсную и степную глушь, люди мысли и труда, *безплодно граничіе мостовыя большихъ городовъ!*“ (стр. 127). Это призваніе варяговъ въ земство, которое „широко и обильно, но порядка въ немъ нѣтъ“, очень характерично въ своемъ родѣ... „Обильное“ земство и приглашаемые въ него шалопаи, *„безплодно граничіе мостовыя“!*..

Мы сказали, что „Бесѣда“ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походить на „С.-Петербургскія Вѣдомости“; но при этомъ нужно отдать ей полную справедливость въ томъ отношеніи, что она никогда не унижается до сплетень, инсинуацій, клеветы съ одной стороны, и до безстыднаго восхваленія извѣстныхъ лицъ и извѣстныхъ дѣлъ съ другой стороны. Говоря вообще, это сборникъ, въ которомъ среди всякаго хлама попадаются хорошія статьи и интересные матеріалы...

Редакція „Русской Старины“ въ первый годъ ея изданія печатала именныя списки своихъ подписчиковъ, обозначая ихъ званіе, чинъ и мѣстожителство. Это былъ самый интересный отдѣлъ „Старины“ и мы не понимаемъ, почему г. Семейскій уничтожилъ его... Напрасно и другія подобныя изданія, въ родѣ „Русскаго Архива“, не держатся этого обычая. Эти списки показали-бы, для кого собственно существуютъ „Архивъ“ и „Старина“. Конечно, они приносятъ извѣстную пользу специалистамъ по русской исторіи, но польза эта очень ограничена, и поддерживаются они вовсе не специалистами, а массою любителей такого чтенія, какое даютъ эти сборники. Прежде всего, многія фамиліи интересуются въ нихъ матеріалами, относящимися къ ихъ знаменитымъ и незнаменитымъ предкамъ. Семейныя архивы даютъ большую часть старыхъ бумагъ, печатаемыхъ въ этихъ изданіяхъ. Гг. Семейскій и Бартевевъ печатаютъ все, что относится къ мало-мальски извѣстной личности, и снабжаютъ печатаемое подстрочными примѣчаніями о томъ, какую кто службу проходилъ, какіе ордена имѣлъ,

на комъ женатъ былъ, это были его тетки и т. д. По поводу этихъ свѣдѣній и изысканій возникаетъ нерѣдко на страницахъ этихъ журналовъ очень оживленная полемика. Вотъ, напримѣръ, „Генеалогическое Недоумѣніе“, Н. Невѣдомцева („Архивъ“ № 10, стр. 2044). „Въ 9 книжкѣ „Русской Старины“ 1872 года помѣщено письмо святителя Дмитрія Ростовскаго къ Грахольскому. Въ замѣткѣ, сопровождающей это письмо, сообщено, что своеручный подлинникъ письма вмѣстѣ съ иконою св. Дмитрія принесены генераль-адъютантомъ Потаповымъ въ даръ святодуховскому виленскому монастырю; но при этомъ сказано, что М. Г. Грахольскій есть прадѣдъ (по матери) Александра Львовича Потапова. Слѣдовательно, родительница послѣдняго происходила изъ фамиліи Грахольскихъ; между тѣмъ извѣстно по родословной книгѣ, что она была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грахольскимъ. Какимъ-же образомъ дворяне Грахольскіе могутъ быть родственниками дворянамъ Потаповымъ? Просимъ нашихъ генеалоговъ разъяснить это недоумѣніе“. И подобныя просьбы не остаются втунѣ. Гг. Семейскій и Бартенева съ своими сотрудниками начинаютъ докапываться и потомъ печатаютъ результаты своихъ раскопокъ. Все это для многихъ очень интересно. Даже прислугу не забываютъ эти исторіографы. Такъ, напр., мы знаемъ, что у Зиновьева былъ „человѣкъ“ Иванъ, который въ 1785 г. „занемогъ было рожей и чуть было не умеръ, но попеченіемъ лекаря Голубаго выздоровѣлъ“; у кн. Циціанова былъ „человѣкъ“ Сережка и тоже въ 1785 году выдержалъ горячку (№ 11, стр. 2111) и т. д. Въ послѣднее время, когда матеріалы о господахъ видимо истощаются, „Архивъ“ и „Старина“ болѣе чѣмъ прежде начинаютъ заниматься прислугой. Такъ, напр., въ томъ-же 11 № (стр. 2261—2268) помѣщены „Разказы и Воспоминанія Лорера“ о „почтеннѣйшемъ“ вучерѣ Ильѣ Байковѣ...

„Архивъ“ и „Старина“ нравятся своимъ читателямъ еще потому, что часто помѣщаютъ на своихъ страницахъ старинныя потѣшныя вирши, разказы, анекдоты. Таковы, напр., въ „Русскомъ Архивѣ“ „Обращенія Стариннаго Острословія“ (№ 10), а въ „Русской Старинѣ“ большая часть анекдотовъ Карабанова (№ 3 и слѣд.). До какой степени подобныя разказы и остроты зани-

мають нашихъ старичковъ, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Во второмъ томѣ „XIX Вѣка“ г. Бартевевъ напечаталъ „Старую Записную Книжку“,—сборникъ глупѣйшихъ старинныхъ анекдотовъ. Въ 11 № „Архива“ появились чьи-то „замѣчанія“ на эту книжку, и по поводу ихъ г. Бартевевъ говоритъ: „Старая Записная Книжка“, кагъ и ожидали мы, прочтена съ любопытствомъ и нами получено уже нѣсколько благодарственныхъ писемъ за ея обнародованіе“. Для привлеченія любителей стариннаго балагурства г. Семевскій, кромѣ анекдотовъ, печатаетъ цѣлныя довольно обширныя произведенія, стихотворные образцы старинной ерунды, въ родѣ, напр., „Солдатской Связки“ Чернышева (№ 6) и т. п. Въ 8 № онъ напечаталъ стихотвореніе М. А. Максимовича:

Пѣсня даръ небесъ великій
 Намъ на жизненныхъ путяхъ;
 Пѣсней ангельскіе днѣи
 Славятъ Бога въ небесахъ!

Стихотвореніе это помѣщено потому только, что г. Максимовичъ очень ужъ *старъ*, а слѣдовательно, все, что онъ ни напишетъ, должно печататься въ „Старинѣ“.

Далѣе, „Архивъ“ и „Старина“ удобны для своихъ подписчиковъ тѣмъ, что они служатъ для нихъ чѣмъ-то въ родѣ *сорокоустниковъ* или поминальныхъ книжекъ, а гг. Семевскій и Бартевевъ весьма хорошо исполняютъ роль похоронныхъ плакальщицъ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ г. Геннади ведетъ даже особый заупокойный отдѣлъ, „Браткія свѣденія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ (такомъ-то) году“ (№ 10); въ скобкахъ значитса, что это изъ „справочнаго словаря о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Геннади“. Когда-же авторъ кончитъ этотъ словарь умершихъ? Очевидно, тогда, когда перемрутъ всѣ наши писатели и ученые; г. Геннади надѣется пережить всѣхъ ихъ и тогда уже издать свой словарь. Впрочемъ, не думайте, читатель, что г. Геннади поминаетъ за упокой однихъ только писателей и ученыхъ; нѣтъ, въ его сорокоустникѣ много всякаго народа. Онъ заноситъ въ него всѣхъ умершихъ профессоровъ, которые ничего не писали, даже учителей гимназій, которые тоже ничего не писали! Тутъ у него и гофъ-акушеръ Дейчъ,

и совѣтникъ семипалатинскаго областнаго правленія Абрамовъ, и фон-Юпкъ, сочинившій „Полное практическое руководство приготовления кievскихъ сыропныхъ вареній“ и т. д. Біографическихъ данныхъ — никакихъ, кромѣ коротенькихъ выдержекъ изъ формулярныхъ списковъ. При этомъ, нашъ знаменитый библиографъ дѣлаетъ подчасъ самыя грубыя ошибки; напр. „Сравнительную Анатомію и Зоологію“ Герцена-сына онъ приписываетъ Герцену-отцу (стр. 1995)!.. Некрологическій отдѣлъ „Русской Старины“ не такъ обширенъ, какъ въ „Русскомъ Архивѣ“, но за то каждое причитанье г. Семейскаго полно кладбищенскаго многословія, а списки г. Бартенева сухи и до того кратки, что никогда не превосходятъ размѣровъ надгробной надписи. Г. Семейскій—это настоящая плакальщица. Вотъ, напр., печаталъ онъ мемуары медика Т.; сынъ этого Т., сообщившій мемуары и ничѣмъ рѣшительно не заявившій себя въ общественной дѣятельности, но только знакомый Семейскому, умеръ, и г. Семейскій тотчасъ разражается печатнымъ плачемъ по поводу его смерти (№ 8, стр. 99—100)!..

Въ обоихъ журналахъ масса матеріаловъ не представляетъ интереса; но при этомъ въ „Русской Старинѣ“ гораздо больше интересныхъ документовъ, чѣмъ въ „Архивѣ“; таковы напр. разные матеріалы о Павлѣ I (№ 2 и др.), Шутки и потѣхи Петра Великаго (№ 6), мемуары Дениса Давыдова и записка Липранди по дѣлу Петрашевскаго (№ 7) и др. Въ „Архивѣ“—же мы находимъ „Воспоминанія Лубяновскаго“ (№ 3, 4), Записки Берга о польскихъ возстаніяхъ (№ 3, 4), Записки Вебера (№ 6, 7, 8) и Калейдоскопъ Воспоминаній (№ 9, 10); почти всѣ остальные матеріалы — балластъ. Кромѣ этого балласта г. Бартеневъ помѣщаетъ иногда творенія живущихъ теперь, но уже очень старыхъ писателей, не стихи, какъ дѣлаетъ это Семейскій, а глубоко-мысленныя разсужденія. Вотъ, напр., „Подарокъ изъ Скандинавіи“ Погодина (№ 2). Г. Погодинъ теперь уже не споритъ о норманнахъ, а только обращается къ своимъ противникамъ съ жалостною просьбою, чтобы они не дѣлали ему никакихъ возраженій: „да дайте-же мнѣ умереть спокойно“! (стр. 440). Другой курьезъ: г. Бартеневъ считаетъ свой „Архивъ“ какимъ-то запобѣднымъ имѣніемъ, изъ котораго никто не имѣетъ права заимство-

вать ни одной строчки. По закону, какъ извѣстно, допускается перепечатывать изъ чужихъ изданій, но не болѣе одного печатнаго листа сразу. Г. Бартевевъ не хочетъ знать этого закона, и потому каждый № „Архива“ украшается надписью: *„Перепечатка статей изъ Русскаго Архива (какъ въ цѣломъ, такъ и въ отрывкахъ) не допускается“*. Само собой понятно, что на это запрещеніе никто не смотритъ, но совершенно непонятно, почему г. Бартевевъ не прекратитъ своихъ бесполезныхъ „недопусканій“, Это можно объяснить только тѣмъ предположеніемъ, что онъ не читаетъ ни газетъ, ни журналовъ и не знаетъ, какъ они пользуются своимъ несомнѣннымъ правомъ, перепечатывая изъ его „Архива“ все сколько нибудь интересныя вещи.

„Отечественныя Записки“ въ истекшемъ году, подобно всемъ другимъ журналамъ, значительно понизили свой тонъ сравнительно съ предыдущими годами. Ничего новаго, ничего живого, и во всемъ проглядываетъ одна только торопливая заботливость измыслить что-нибудь новое и живое. Ну, и измышляютъ! Возьмемъ сначала хотя беллетристику. „Отечественныя Записки“ потѣшаются надъ „Вѣстникомъ Европы“ по поводу ромеровскаго романа и его героя, Изгоева, и въ то-же время печатаютъ у себя точно такой-же романъ и съ такимъ-же точно нелѣпнымъ героемъ. Мы говоримъ о романѣ г-жи Смирновой, „Соль Земли“. Въ немъ, по положенію, есть женщина и мужчина, объятые гражданскою скорбью и стремящіеся къ честному труду. Они, смотря по обстоятельствамъ и вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній, то страстно любятъ, то ненавидятъ другъ друга, но, въ концѣ концовъ, все-таки остается любовь пламенная, возвышенная, скрѣпленная единствомъ ихъ стремленій. Герой, Черникъ, управляющій имѣніемъ одной старухи, — это дѣятель, который своимъ умомъ покоряетъ себѣ все окружающее общество и заставляетъ его безсознательно содѣйствовать своимъ планамъ; съ губернаторомъ и съ врагомъ его предводителемъ, съ губернаторшей и съ враждебной ей предводительшей, со всеми онъ на дружеской ногѣ и двигаетъ ими, какъ маріонетками. Какія-же это цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ и для достиженія которыхъ ему помогаютъ волей-неволей все, кончая губернаторомъ. „Я, говоритъ онъ, — хочу устроить скромное промышленное общество, самымъ скромнымъ образомъ научить

крестьянъ, что вмѣсто отвратительнаго льна можно сѣять хоро-
шій, что это будетъ гораздо выгоднѣе; что организовавши мало-
мальски правильный кредитъ, можно не терять десять процентовъ
при покупкѣ матеріала и двадцать при продажѣ товара; что сы-
тое брюхо къ ученью не такъ глухо, какъ голодное; что дѣй-
ствовать сообща много удобнѣе, что одной грамоты мало, ибо она
еще ничему путному не научить. И если мнѣ это удастся, то я
буду считать свою земскую карьеру вполне законченной“ (№ 5,
стр. 144). Для достиженія этого гражданскаго идеала Черникъ
употребляетъ такіа хитрости, интриги, извороты, что становится
даже смѣшно при видѣ этого Гамбетты въ російскомъ губерн-
скомъ городѣ, который хлопочетъ объ основаніи между своими
крестьянами артели и правильнаго кредита, которые можно осно-
вать и безъ всякихъ подобныхъ хитростей. Но это все еще ни-
чего. Черникъ, какъ уже сказано, любить—и любимъ взаимно—
жену одного помѣщика, Анну Игнатьевну. Во имя своей любви, во
имя общаго дѣла они стремятся къ тѣснѣйшему сближенію между
собой. Мужъ Анны не подозрѣваетъ ихъ связи; но это такой
добродушный человѣкъ, что не способенъ обидѣть даже мухи, и
если бы онъ узналъ о связи, то никогда не сталъ бы удерживать
жены и предоставилъ бы ей полную волю стремиться вмѣстѣ съ
Черникомъ къ общему дѣлу. Но Анна не желаетъ огорчать
его и старается скрыть свою связь, а Черникъ тоже боится,
что если Анна честнымъ образомъ разойдется съ мужемъ и
будетъ открыто вмѣстѣ съ нимъ, Черникомъ, „стремиться къ
общему дѣлу“, то погубить свою репутацію въ обществен-
номъ мнѣніи! Въ силу такихъ разсужденій героевъ романа, и
вслѣдствіе того, что они не могутъ разойтись—и по своей сильной
привязанности другъ къ другу, и потому, что соединены узами об-
щей идеи, они устраиваютъ такую комбинацію. По предложенію
Анны и чтобы предупредить всякія подозрѣнія относительно ихъ
связи, Черникъ женится на племянницѣ аниинаго мужа, но въ
самый-же день свадьбы Анна, возмущившаяся этой мерзостью, ко-
торую затѣяла она-же сама, публично обнаруживаетъ тайну. Мужъ
покидаетъ тотчасъ Анну, Черника тотчасъ-же покидаетъ жена, а
черезъ нѣсколько времени Черникъ сходится съ Анной и они вмѣ-
стѣ стремятся къ общему дѣлу. Къ чему-же авторъ приплелъ всѣ

эти неестественныя глупости, въ родѣ любовной связи, прикрытой женитьбой Черника? Все прѣблагополучно устроилось-бы и безъ этого, такъ-какъ со стороны анниваго мужа прѣпятствій не было-бы, онъ былъ-бы огорченъ гораздо меньше, о чемъ заботилась Анна, а репутація послѣдней, о чемъ заботился Черникъ, пострадала-бы далеко не такъ, какъ, конечно, пострадала она послѣ глупостей и пакостей, учиненныхъ этими честными и въ такой степени даровитыми людьми, что одинъ изъ нихъ водить за носъ цѣлый городъ и заставляетъ его содѣйствовать своимъ планамъ!..

Такова „Соль земли“, въ которой, по крайнему нашему разумѣнію, гораздо больше мякины, чѣмъ настоящей соли. Вообще „Отечественныя Записки“ выходили этотъ годъ почти безъ всякой соли, которой даже въ очеркахъ Щедрина и въ „Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ“ такъ мало, что ея вовсе незамѣтно въ огромномъ количествѣ растворяющей ее воды.

Что-же касается современнаго отдѣла, то мы не понимаемъ, какими соображеніями руководствовалась редакція, лишивъ его послѣдней жизненной струйки — библиографическихъ рецензій? Это было-бы менѣ замѣтно, если-бъ въ „Отеч. Запискахъ“ процвѣталь критическій отдѣлъ. Но критики нѣтъ, и отсутствіе библиографіи становится важнымъ пробѣломъ вліятельнаго органа. А между тѣмъ никто не понимаетъ лучше, какъ г. Некрасовъ, какъ важенъ критическій отдѣлъ для русскаго журнала; критика даетъ тонъ, жизнь и направленіе органу, который претендуетъ на современное значеніе и не желаетъ быть складочнымъ депо разнаго матеріала, мертваго и живого, годнаго и негоднаго, какъ это мы видимъ на „Русск. Вѣстникѣ“, „Бесѣдѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“. И это не только въ нашей литературѣ, но и въ иностранной. Самые лучшіе европейскіе журналы, наиболѣе распространенные и вліющіе на общественную мысль, — именно тѣ, въ которыхъ критика стоитъ на первомъ планѣ, въ воззрѣніи которыхъ есть строгая послѣдовательность и единство. Для насъ это еще важнѣе, потому что хаотическое состояніе нашихъ понятій, качающихся изъ стороны въ сторону, отсутствіе твердыхъ и опытомъ выработанныхъ убѣжденій, наконецъ недостатокъ тѣхъ руководящихъ началъ, которыя-бы управляли общественнымъ и литературнымъ мнѣніемъ, требуютъ постояннаго разъясненія, анализа,

поддержки и оппозиціи, т. е. критики въ обширномъ значеніи этого слова. Критика — душа хорошаго журнала, и безъ нея нѣтъ и не можетъ быть у него ни вліянія, ни авторитета. Лучшіе наши таланты и публицисты составили себѣ имя и приобрѣли общее уваженіе критикой. И это очень хорошо знаетъ г. Некрасовъ, такъ долго работавшій въ кругу людей замѣчательно умныхъ и, съ помощію ихъ, такъ долго державшій камертонъ нашей литературной и общественной мысли. Слѣдовательно онъ не можетъ не чувствовать, какъ важенъ недостатокъ критическаго отдѣла въ журналѣ. Только упадкомъ критики и можно объяснить ту путаницу, которая господствуетъ въ нашихъ головахъ и въ журналахъ, ту повальную тупость редакторовъ, которая въ одноѣмъ и томъ-же органѣ и только въ разныхъ отдѣлахъ и хвалитъ, и порицаетъ, и утверждаетъ, и отрицаетъ, превращая журналъ въ нѣчто похожее на арлекинскую куртку. Чѣмъ объяснить, какъ не отсутствіемъ критики, эту толпу *нищихъ духомъ*, которая, потерявъ всякій руководящій масштабъ, готова служить всѣмъ органамъ, направленіямъ и за двугривенный возьмется превозносить или ругать? Чѣмъ объяснить эту ребяческую полемику „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ съ „Отеч. Записками“, которая тянулась чуть не цѣлый годъ и окончилась показываньемъ языковъ другъ другу, — полемику, несумѣвшую статью ни на одну минуту на точку зрѣнія общихъ принциповъ, небросившую ни одной идеи въ публику и ограничившуюся только личными перебранками? И что это за комичное зрѣлище — видѣть на сценѣ какого-нибудь дурака, который самъ себя возводитъ въ герои и похваляется тѣмъ, что онъ восторжествовалъ и поразилъ своего соперника! Отъ *полемики идей* до *полемики личныхъ мелкихъ самолюбій* — цѣлая пропасть. И если г. Коршъ обдѣленъ Богомъ понимать это, то какимъ образомъ не поняли этого „Отеч. Записки“ и допустили простую драку на своихъ страницахъ вмѣсто дѣйствительной полемики? Неужели у нихъ не нашлось подъ рукой матеріала, чтобы осмыслить свою полемику, или такта повсе не связываться съ такими молодцами, какъ коршевскіе челядинцы! Даже у такой тупицы, какъ г. Антоновичъ, вѣроятно, въ этомъ случаѣ нашлось-бы болѣе такта... О характерѣ этой полемики и способностяхъ ратоборцевъ можно судить по слѣдующему примѣру. Г. Демертъ, говоря о мо-

сковской выставкѣ (№ 7), выписалъ отзывъ „Русскихъ Вѣдомостей“ о томъ, что *въ отдѣлѣ кустарной* промышленности выставлена коляска, и затѣмъ началъ подсмѣиваться, что вотъ, дескать, какъ нелѣпо распредѣляли предметы господа распорядители — „выставили *въ отдѣлѣ ботаники* щегольскую коляску!“ Явное дѣло, что вмѣстѣ съ „Русск. Вѣд.“ г. Демертъ не зналъ значенія слова *кустарный*, производилъ его отъ *кустъ* и считалъ синонимомъ *садоводческой, ботанической*. Суворинъ, недреманнымъ окомъ наблюдающій не только за врагами, но даже и за друзьями своими, обличилъ г. Демерта въ такомъ невѣжествѣ. Демерту оставалось только молчать, но онъ началъ оправдываться (№ 9) и достигъ того, что несомнѣнно доказалъ свое непониманіе смысла слова *кустарный*, объясненнаго ему всевѣдущимъ г. Суворинимъ. Демертъ оправдывается такъ: сказавъ сначала *кустарной*, я потомъ уже вездѣ говорилъ *ботанической*, слѣдовательно... слѣдовательно, г. Демертъ, вы считали эти слова синонимами! Къ чему-же эта неискренность со стороны человѣка, обладающаго несомнѣннымъ талантомъ и котораго никто не смѣшивалъ ни съ г. Буренинымъ, ни съ г. Суворинимъ. У г. Демерта нѣтъ ни образованія, ни даже литературнаго лоска, — въ этомъ отношеніи онъ такой-же младенецъ, какъ и г. Гл. Успенскій, — но у него есть чувство справедливости, съ которымъ неразлучна и искренность... Поэтому не только въ интересахъ своихъ читателей, но и своихъ собственныхъ, „Отеч. Запискамъ“ не слѣдовало-бы пренебрегать критическимъ отдѣломъ. На немъ воспитывались-бы не только читатели, но и сотрудники г. Некрасова, въ числѣ которыхъ есть люди очень умные и даровитые... Въ противномъ случаѣ журналъ можетъ мало-по-малу возвратиться ко временамъ г. Громеки, Альбертини, Зарина и Милюкова... Поэтому весь современный отдѣлъ „Отеч. Зап.“ за нынѣшній годъ такъ слабъ, что если исключить изъ него полемическую драку, то въ немъ не останется ничего, что бы обращало на себя вниманіе. Что касается насъ лично, то мы въ особеннѣности интересуемся біографіей автора анонимной статьи „Храмъ современнаго счастья“ (№ 9). Намъ кажется, что авторъ много пострадалъ отъ женщинъ и что ему особенно достались солоно современные женщины. Онъ недоволенъ ими: „хотятъ, чтобы имъ открытъ былъ доступъ къ тому-же самому образованію, какое

получаютъ мужчины, и чтобы также открытъ былъ доступъ къ общественнымъ должностямъ, какъ и мужчинамъ“. Авторъ совершенно согласенъ съ этимъ (въ „Отечеств. Запискахъ“ таковое согласіе необходимо „по положенію“), но все-таки очень и очень недоволенъ тѣмъ, что учащіяся женщины запускаютъ хозяйство. Хозяйственныя занятія, видите-ли, *„непретѣнно должны быть совмѣщаемы съ занятіемъ науками; женщина можетъ заниматься высшей математикой, фізіологіей, філософіей, какими ей угодно науками“*, но при этомъ она безусловно обязана научиться *„и пироги испечь, и щи сварить, и шить, и бѣлье выстирать, и полъ вымыть, и т. д.“*, т. е. и чулки вязать, и масло бить, и огурцы солить, и куриць щупать и проч. Нынѣшнія-же учащіяся и ученныя женщины (всѣ эти Сусловы, Кашеваровы, Боковы, вся эта толпа дѣвушекъ, нахлынувшая на курсы при Медицинской академіи), *„какъ и женщины прежняго времени, хотятъ быть ничѣмъ инымъ въ жизни, какъ дамами пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ блистали въ гостинныхъ своими нарядами, манерами, возвышенными чувствами, а онѣ, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ дамы новаго времени, хотятъ блистать въ гостинныхъ и различныхъ общественныхъ собраніяхъ своими познаніями и гражданскою скорбью... И какія-бы науки ни изучила женщина, но если она не пріучилась къ черному труду, то ея воспитаніе не можетъ быть иначе названо, какъ жалкимъ“*. Вѣроятно, автору уже больно захотѣлось домашняго пирожка покушать, а супруга оказалась на лекціяхъ!.. Положимъ, что домашній пирогъ, особенно съ осетриной, вещь очень хорошая, а желаніе покушать его не только вполне извинительно, но даже можетъ служить рекомендаціей благонадежности, ибо кто любитъ національную кулебяку, тотъ несомнѣнно любитъ и отечество,—но все-таки авторъ поступаетъ очень не хорошо. Въ то время, какъ только начинается въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ осуществленіе желанія женщинъ получать серьезное образованіе,—въ то самое время, какъ разныя зловѣщія птицы кричатъ противъ такого „безобразія“ и стараются замарать учащихся,—въ то время, какъ „Гражданинъ“ съ цинизмомъ стараго вахтера издѣвается надъ стремленіями женщинъ, — „Отеч. Записки“ начинаютъ подтягивать этому хору, хотя съ уступками и съ ого-

ворками, слѣдующими по положенію!.. Вообще, женское дѣло какъ-то не дается „Отеч. Запискамъ.“ Въонъ статья „Женскій вопросъ въ Америкѣ“ (№ 4),—статья довольно интересная, ничего нѣтъ въ ней ни о пирогахъ, ни о томъ, что ученые женщины тоже въ своемъ родѣ—дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ; но все-таки вторую половину статьи невозможно читать безъ смѣха. Статья написана какимъ-то спиритомъ и его спиритскія измышленія преспокойно находятъ себѣ мѣсто на страницахъ уважаемаго органа. Впрочемъ, не одинъ женскій вопросъ не дается „Отеч. Запискамъ,“—многое имъ не дается. Вотъ, напр., началъ г. Михайловскій философствовать о томъ, „что такое счастье“ (№ 3), сочинилъ введеніе, и дальше не пошелъ. Началъ то-же кто-то писать о „Плутократіи и ея основахъ“ (№ 2), но то-же кончилъ началомъ. Такимъ образомъ, по современнымъ животрепещущимъ вопросамъ въ „Запискахъ“ помѣщались большею частью или замѣтки à propos, какъ выше приведенное мѣсто о женщинахъ, или одни только начала статей. Редакція и ея сотрудники, какъ въ прежніе годы, такъ и нынѣ, дружно стараются хранить по нѣкоторымъ вопросамъ глубокомысленное молчаніе, маскируя имъ то отсутствіе опредѣленнаго направленія, какимъ отличается ихъ журналъ. Дали-ли „Отеч. Записки“ хотя одну солидную статью по вопросамъ о податной реформѣ, о народномъ образованіи, о земскихъ учрежденіяхъ и т. д? Нѣтъ, они предпочитаютъ отговариваться отъ подобныхъ вопросовъ оракульскими изреченіями, сатирическими намеками, или корреспонденціями, иногда, впрочемъ, не дурными, какъ, напр., письма изъ деревни Энгельгарта (№ 5 и др.), „Комиссаровская техническая школа“ (№ 3) и т. д. За то современный отдѣлъ наполняется соннымъ мурлыканьемъ г. Скабичевского о томъ, напр., что графъ Левъ Толстой превосходный художникъ (№ 8 и 9). Мы рѣшительно не понимаемъ, для кого пишетъ этотъ г. Скабичевскій свои сновторныя измышленія, въ родѣ статей о графѣ Толстомъ или „Очерковъ умственнаго развитія нашего общества“ (№ 4, 5, 6)? Кто его можетъ читать, кромѣ такого-же сочинителя, только другого пола, а именно г-жи Цебриковой, которая вкупѣ съ г. Скабичевскимъ могла-бы составить нѣчто цѣлое и законченное! Въ упомянутыхъ очеркахъ, напр., авторъ объ *обществѣ* даже не заикается, а говоритъ исключи-

тельно о представителяхъ литературы и говорить то, что уже говорили не разъ и говорили гораздо лучше, чѣмъ онъ. Разсказавъ, напр., по матеріаламъ, помѣщеннымъ въ жизни Добролюбова, онъ распространяется о томъ, что Добролюбовъ не походилъ на Базарова и на другіе лживые типы, сочиненные романистами съ цѣлью осмѣянія молодого поколѣнія. Возьмите старыя журналы шестидесятыхъ годовъ, и тамъ вы найдете все это изложеннымъ и полнѣе, и живѣе, и толковѣе. Г. Скабичевскій составлялъ эти очерки до того небрежно, что не пользовался даже тѣми немногочисленными матеріалами объ умственномъ развитіи нашего общества, какіе есть въ „Русскомъ архивѣ“, „Русской старинѣ“ и другихъ изданіяхъ.

Большая часть статей, помѣщаемыхъ въ первомъ отдѣлѣ, отличается отиѣвною скукою и неизмѣнимъ современнымаго интереса, какъ, напр., „Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія“ (№ 7 и др.). Болѣе другихъ интересна компиляція „Политическіе процессы при Реставраціи“ (№ 6), да имѣютъ еще нѣкоторый интересъ „Письма объ Америкѣ“ Славинскаго (№ 1 и слѣд.), „Письма объ Испаніи“ (№ 9 и слѣд), да, пожалуй, еще „Аграрный вопросъ въ Ирландіи“ (№ 7, 8). Вообще, по своей безцвѣтности „Отечественныя Записки“ приближаются къ тому времени, когда онѣ находились подъ единовластіемъ г. Краевскаго. Конечно, въ нихъ нѣтъ уже такихъ нелѣпныхъ сочинителей, какъ Incognito, Щегловъ, Крестовскій, поэтому и духъ ихъ не тотъ; но во-первыхъ, невозможно опредѣлить характера этого измѣненнаго духа, а, во-вторыхъ, значительная часть статей подходит ко всякому духу или даже не содержитъ въ себѣ никакого духа... А между тѣмъ никогда журналистика не могла-бы оказать обществу такихъ существенныхъ услугъ, какъ въ настоящее время. Эпохи реформъ и пробуждающагося сознанія въ обществѣ, обыкновенно, всегда и вездѣ отличались смутнымъ пониманіемъ возникающихъ новыхъ вопросовъ и потребностей, жгучимъ желаніемъ услышать разумный и искренній отвѣтъ на нихъ, напряженной любознательностию — разрѣшить свои сомнѣнія и догадки. А гдѣ искать всего этого нашему обществу, какъ не въ литературѣ, къ которой оно привыкло обращаться, какъ къ довѣренному своимъ лучшимъ надеждъ и стремленій? Въ такое время литература, уважающая свое

призваніе, должна служить не только высшимъ выраженіемъ общественнаго сознанія, но и руководителемъ его; ея голосъ долженъ быть голосомъ самой справедливости и вліяніе ея должно быть основано на ея безукоризненной честности и добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу. Это прямая обязанность отцовъ, которые не хотятъ передать своимъ дѣтямъ неоконченнымъ тотъ трудъ, который выпалъ на нашу долю; это, наконецъ, прямая выгода самого общества, которое не желаетъ нѣсколько лѣтъ своего существованія провести бесплодно, вычеркнувъ ихъ, какъ нуль, изъ исторіи своего народа. Но не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Журналистика сдѣлалась биржей, гдѣ разные искатели наживы ищутъ какихъ-то барышей, гдѣ еврейская чуткость ко всему, что пахнетъ деньгами, усмотрѣла новую добычу и угрожаетъ намъ въ близкомъ времени обратить литературу въ свой праздничный шабашъ... Вотъ почему со стороны нашихъ лучшихъ органовъ и нужна вся оппозиція этому спекулятивному повѣтрію, проникающему въ сферу печатнаго слова.

Намъ слѣдовало-бы дополнить этотъ очеркъ характеристикой нашихъ главныхъ газетъ и такихъ журналовъ, какъ, напр., „Всемирная Иллюстрація“, г. Гоппе, но говорить о носовыхъ платкахъ и относиться къ нимъ критически — вовсе не входило въ планъ настоящей статьи...

БѢДНЯКЪ.

(Окончаніе.)

V.

Наконецъ насталъ день суда. Веселое апрѣльское солнце какъ-бы съ проницательной улыбкой заливало яркимъ свѣтомъ мрачную, закопѣлую залу, переполненную народомъ. Ноэль Рамберъ, узнавъ, что онъ черезъ нѣсколько минутъ предстанетъ передъ присяжными и судьями, былъ очень блѣденъ и судорожно кусалъ губы. Жандармы, приведшіе за нимъ, мигали другъ другу, какъ-бы говоря: «экъ у него бьется сердце!»

Дѣйствительно, сердце его тревожно билось. Онъ, честный, благородный человѣкъ, мужественный до самопожертвованія, добрый до самозабвенія, долженъ былъ явиться на скамьѣ подсудимыхъ и слушать хладнокровно, какъ его стануть публично называть преступникомъ, убійцей. Идя по маленькой, узкой лѣстницѣ, которая ведетъ изъ тюрьмы въ залу засѣданій уголовного суда, Ноэль Рамберъ закрылъ глаза и, подобно влюбленному, который, вступая въ битву, цѣлуетъ письмо своей возлюбленной, онъ магической силой любви вызвалъ передъ собою образъ маленькаго Жака. Этотъ отецъ, который любилъ свое дѣтище до того, что забывалъ для него все на свѣтѣ, не имѣлъ другого утѣшенія, другой поддержки, какъ мысль о немъ.

Когда отворилась маленькая дверь, въ которую вводятъ подсудимаго, гробовое молчаніе водворилось въ залѣ и сотни любопытныхъ глазъ устремились на Ноэля. Въ первую минуту ему стало стыдно и страшно; онъ поникъ головою и сталъ смотрѣть на рѣшотку, отдѣляющую отъ остальной залы скамью подсудимыхъ. Но онъ скоро оправился и, рѣшившись бороться до конца, поднялъ голову и спо-

койно взглянулъ вокругъ себя. По какому-то странному миражу чувства ему теперь казалось, что онъ не подсудимый, а простой зритель, и грозная драма, въ которой шелъ вопросъ объ его жизни, разыграется передъ нимъ, какъ обыкновенное театральное представлѣнiе.

И онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на тяжелую люстру временъ Людовика XVI, на старинную печь, на закоптѣлый потолокъ, на судей, которые засѣдали въ своихъ красныхъ мантияхъ, на толпу обычныхъ посѣтителей судебныхъ засѣданiй, съ блѣдными, желтыми, безпокойными лицами. Веселые, теплые лучи апрѣльского солнца, которые пробивались сквозь складки желтыхъ занавѣсей и отражались на пестрыхъ нарядахъ женщинъ и на лысыхъ головахъ мужчинъ, обратили его мысли въ иную сторону. Уже такъ давно онъ не видалъ солнечнаго свѣта, и невольно подумалъ:

— Какъ хорошо должно быть теперь въ Венсенскомъ гѣсу! Сегодня 5-е апрѣля: все зеленѣетъ, все оживаетъ. Сколько тамъ гуляющихъ, какъ тамъ тепло и отраднo!

Обвинительный актъ возвратилъ бѣднаго Рамбера къ мрачной дѣйствительности. Онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ послѣднимъ дѣйствiемъ драмы, съ послѣднимъ актомъ рокового преслѣдованiя, которому его подвергла нелѣзная судьба. Все теперь должно было кончиться. Но какъ? Черезъ нѣсколько часовъ его признаютъ виновнымъ или оправдаютъ. Оправдаютъ!.. Неужели это было возможно? Неужели онъ могъ выйти изъ тюрьмы, дышать чистымъ воздухомъ, увидѣть своего Жака? Но если свобода и была возможна, то на долго-ли? Не былъ-ли онъ уже осужденъ чахоткой, которая еще безжалостнѣе приговора судей? Эти мысли возбуждали въ немъ тѣ мучительныя сомнѣнiя, которыя терзали его въ послѣднее время, но въ эту рѣшительную минуту его положенiе представлялось ему съ убiйственной ясностью и опредѣленностью. Онъ сознавалъ вполне, что стоялъ передъ страшной дилемой: свобода и нищета для Жака, или позорная казнь и богатство для Жака.

Погруженный въ эти тревожныя думы, онъ смутно слышалъ чтенiе обвинительнаго акта, какъ вдругъ его защитникъ сунулъ ему въ руку какую-то бумажку. Ноэль машинально прочелъ написанныя на ней слѣдующiя слова, непонятныя, ничего незвучащiя для всякаго другого, но роковыя, страшно краснорѣчивыя для него: «*Достаточно одного слова, и все будетъ передано сегодня*».

Никогда Ноэль Рамберъ не ощущалъ такого страннаго, горькаго чувства, какъ въ эту минуту. Точно громадный камень налегъ на его сердце; онъ едва переводилъ дыханiе и, быть можетъ, первый

разъ въ жизни почувствовалъ какой-то необъяснимый страхъ. Онъ боялся упасть въ обморокъ и, такимъ образомъ, дать толпѣ, жадной на подобныя зрѣлища, возможность сказать, что онъ низкій трусъ.

— Ну, произнесъ онъ въ глубинѣ своей души, — еще одно испытаніе и — все кончено. Надо быть человѣкомъ.

И сверхъестественнымъ усиліемъ онъ выпрямился во весь ростъ, поднялъ голову и, опершись рукою на рѣшетку, на которую опирались столько обогранныхъ кровью рукъ, сталъ смотрѣть прямо въ глаза толпѣ, не дерзко, но открыто. Его пальцы отъ времени до времени судорожно сжимались и выбивали по холодному дереву рѣшетки какой-то несуществующій маршъ.

— Подсудимый, какъ васъ зовутъ? спросилъ предсѣдатель суда среди гробового молчанія.

— Луи Франсуа Ноэль Рамберъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать четыре, отвѣчалъ бѣднякъ, которому на видъ было, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Работникъ на фабрикѣ.

Бѣднякъ съ блестящими, какъ уголья, глазами, съ блѣдными, впадыми щеками, съ небритымъ, заросшимъ подбородкомъ, говорилъ тихимъ, медленнымъ, глухимъ голосомъ, какъ говорятъ чахоточные.

— Вы были подъ судомъ? спросилъ предсѣдатель.

— Да, по политическимъ причинамъ, отвѣчалъ Рамберъ, и его слова, видимо, произвели дурное впечатлѣніе на присутствующихъ.

— Вы принимали участіе въ мятежѣ, вы дрались на улицѣ?

— Да, это было заблужденіе. Ружейные выстрѣлы ничего не доказываютъ.

— Вы признаете, что тогда заблуждались?

— Да, я и прежде это сознавалъ.

— Послѣ амнистіи вы возвратились въ Парижъ, принялись за прежнія занятія и постоянно старались возбуждать въ вашихъ товарищахъ чувства мести и ненависти; работая, вы пѣли пѣсни, которыя раздаются только въ несчастнѣйшіе дни нашей исторіи.

— Я пѣлъ то, что мнѣ нравилось; впрочемъ, я недолго распѣвалъ. Что-же касается до ненависти, то, право, нѣтъ человѣка, котораго-бы я ненавидѣлъ.

— Да, я знаю, вы представляетесь добрякомъ.

— Я не добръе, но несчастіе другихъ.

— Есть свидѣтели, которые показываютъ, что вы постоянно возбуждали вашихъ товарищей.

— Свидѣтели?

— Да, ваши товарищи — рабочіе.

— Товарищи показываютъ противъ меня? Бѣдные! ихъ надо сожалѣть, а не осуждать.

Предсѣдатель предложилъ подсудимому оказывать должное уваженіе суду и свидѣтелямъ.

— Вы потомъ соблазнили молодую дѣвушку, по имени Гарди, продолжалъ онъ.

— Но, произнесъ Рамберъ, съ усиліемъ удерживаясь отъ слезъ, — мы тогда любили другъ друга. Мы соединились по любви. Мы жили вмѣстѣ нѣсколько времени душа въ душу... потомъ пришло несчастье, мы разстались и забыли другъ друга.

— То, что вы называете союзомъ любви, есть прелюбодѣяніе. Но во всякомъ случаѣ вы въ одинъ прекрасный день бросили вашу подругу, мать вашего сына.

— Я ее не бросилъ, отвѣчалъ Ноэль, — она сама вамъ это скажетъ.

— Марта Гарди показала на слѣдствіи, что вы съ нею обращались жестоко.

— Неужели? сказалъ просто Рамберъ.

— Но въ вашу пользу говорить тотъ фактъ, что вы взяли къ себѣ незаконнаго сына, прижитаго вами съ Мартой Гарди. Но какъ вы его воспитали?

— Какъ?—я сдѣлалъ изъ него славнаго мальчугана. Впослѣдствіи я сдѣлалъ-бы изъ него человѣка. (Ироническій смѣхъ въ публикѣ.) Да, я сдѣлалъ-бы изъ него человѣка! Какъ я его воспиталъ? — да какъ можетъ воспитывать любящій отецъ. Я работалъ для него за четверыхъ.

— Вы не понимаете, что я хочу сказать. Я разумѣю, что вы не отдали его въ школу.

— Въ школу? — да я самъ его училъ. Онъ еще маленькій, а умѣетъ читать и рассуждать.

— Едва-ли-бы вы могли научить его чему слѣдуетъ.

— Я научилъ-бы его всему, что самъ знаю.

Въ публикѣ раздались протесты.

— Это правда, подумалъ Рамберъ, невольно краснѣя:—я не имѣю права такъ говорить. Эти слова, сказанныя мною, становятся позорными. Я знаю, что мнѣ надо сказать.

И въ его глазахъ блеснулъ необычайный огонь.

На всѣ вопросы объ убійствѣ въ Божонѣ, о событіяхъ въ ночь 1-го января, о томъ, что онъ дѣлалъ въ домѣ, гдѣ найденъ былъ трупъ Поля Лавердака, онъ ничего не отвѣчалъ.

— Объясните мнѣ, что вы дѣлали 1-го января? спросилъ предсѣдатель.

— Я бѣгалъ по улицамъ, я искалъ куска хлѣба, я былъ голоденъ.

— И однако, вечеромъ вы нашли средства утолить вашу жажду. Привратникъ дома, въ которомъ вы жили, показалъ, что, уходя вечеромъ, вы были очень взволнованы, точно пьяный. Куда вы пошли тогда изъ дома?

— Не помню.

— Впрочемъ, куда-бы вы ни пошли, дѣло неважное, а важно то, что васъ нашли и арестовали въ домѣ Гарнье въ Божонѣ. Вы только-что передъ тѣмъ убили человѣка. Причина, побудившая васъ къ этому преступленію, очевидна: вы убили для того, чтобы обокрасть несчастнаго.

— Обокрасть?! воскликнулъ Рамберъ, и въ этомъ крикѣ выразилась вся оскорбленная гордость честнаго труженика.

Онъ взглянулъ смѣло, гордо на человѣка, который дерзнулъ называть его воромъ; предсѣдатель, судья и прокуроръ, казалось, не обращали на него никакого вниманія: одинъ чистилъ себѣ ногти, другой ковырялъ за ухомъ, а остальные зѣвали. Несчастный былъ обезоруженъ, побѣжденъ этимъ хладнокровіемъ — явнымъ слѣдствіемъ ихъ убѣжденія въ его виновности.

И въ эту минуту онъ рѣшился: онъ заключить сдѣлку, онъ продастъ себя... Онъ тяжело опустился на скамью, дрожа всѣмъ тѣломъ, и, откинувъ голову назадъ, произнесъ съ ужасающей ироніей:

— Да, я убилъ для того, чтобъ обокрасть!

Въ его голосѣ слышалось какое-то страшное, подавленное рыданіе, но изумленная публика приняла это за глухой хохотъ.

— Такъ вы сознаетесь? холодно произнесъ предсѣдатель.

— Я сознаюсь? отвѣчалъ Ноэль:—въ чемъ? что я убилъ? Вы это докажете и безъ моего признанія. Развѣ правосудіе не знаетъ всего, не видитъ всего, не предугадываетъ всего? Въ комнатахъ находятъ двухъ людей: одного—мертваго, другого—живого. Дѣло ясное! Смерть убійцѣ! Смерть вору и убійцѣ!

Произнося эти слова, Ноэль Рамберъ былъ ужасенъ, величественно ужасенъ, и всѣ видѣвшіе его невольно вздрогнули. Онъ возбуждалъ

въ толпѣ инстинктивный страхъ. Блѣдный, исхудалый, съ автоматическими жестами, онъ говорилъ, какъ-бы во снѣ, какъ-бы въ бреду, онъ говорилъ, словно обращаясь къ кому-то невидимому, къ кому-то невѣдомому или къ будущимъ вѣкамъ.

— Такъ вы сознаетесь? повторилъ предсѣдатель, стараясь изловить Рамбера на словахъ.

— Вы доказываете мою виновность, сказалъ Рамберъ.

— Но вѣдь вы сами сознаетесь?

— Ну, да! я сознаюсь.

Нозль Рамберъ этими словами предавалъ себя въ руки палача. Добровольно, героически, съ дерзкой смѣлостью онъ отрекался отъ всего: отъ своей гордости, отъ своего прошедшаго. Онъ поддавался адскому соблазну. Онъ отдавалъ въ жертву своему сыну все, что было въ немъ хорошаго, великаго. Онъ безчестилъ себя, обагривалъ себя кровью передъ глазами всѣхъ; и для кого? Для маленькаго Жака. Онъ заключалъ сдѣлку съ убійцей, заступалъ его мѣсто и принималъ на себя все: позоръ и казнь. Съ какимъ-то дикимъ сладострастіемъ разрывалъ онъ свою честную, трудовую, тридцатилѣтнюю жизнь; и на это роковое дѣло разрушенія онъ напиралъ всѣ свои послѣднія силы. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, пасть величественно и теперь смѣло, даже съ вызовомъ относился къ толпѣ.

Послѣ публичнаго признанія подсудимаго, дѣло было кончено. Показанія работниковъ, товарищей Рамбера, полицейскихъ и прочихъ свидѣтелей, цвѣтистая рѣчь защитника, рѣзкое обвиненіе прокурора, все прошло незамѣченнымъ, все ступевалось передъ тѣмъ громаднымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на всѣхъ присутствующихъ роковой приговоръ, произнесенный Рамберомъ надъ самимъ собой.

— Онъ съ ума сошелъ! воскликнулъ одинъ изъ завсегдаевъ сулебныхъ процессовъ: — противъ него нѣтъ никакихъ доказательствъ! Его посадили-бы въ центральную тюрьму или отправили-бы въ Тулонъ. А онъ самъ кладетъ голову на плаху. Это не человекъ.

А онъ, обезумѣвъ отъ чувства самопожертвованія и любви къ своему ребенку, повторялъ про себя:

— Жакъ будетъ счастливъ! Жакъ будетъ богатъ!

И на его лицѣ выражалась героическая рѣшимость. Рамберъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые готовы открыть себѣ жилу, чтобы напоить своихъ жаждущихъ товарищей, которые предають себя всецѣло въ жертву идеѣ или любимому существу. Эти невѣдомые мученики и герои, жертвующіе собою въ тиши, встрѣчаются всего чаще въ рядахъ бѣдняковъ.

Нозль Рамберъ ощущалъ въ глубинѣ своей души, во всемъ своемъ существѣ безграничную, сверхъ-естественную любовь къ своему ребенку, — любовь инстинктивную, какъ любовь животнаго, нѣжную, какъ любовь женщины. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова отецъ. Никакая мать не ощущала той дикой, безумной радости, которая судорожно овладѣвала этимъ человѣкомъ, когда онъ прижималъ своего ребенка къ своей груди. Было что-то величественное въ этой любви отца къ сыну: Поэтому, не было ничего удивительнаго въ его самопожертвованіи для своего ребенка? Онъ отдавалъ жизнь! Но онъ съ радостью отдалъ-бы ее десять разъ, сто разъ. Онъ клалъ свою голову на плаху, такъ что-жь? Онъ обезпечивалъ своему сыну кусокъ хлѣба, кровь, свободу и жизнь! Онъ умиралъ ради него! Такъ что-жь? Онъ долженъ былъ и такъ умереть отъ чахотки черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ погибнетъ весной, когда листья зеленѣютъ, а не осенью, когда они желтѣютъ — вотъ и все. Во взглядѣ Нозля Рамбера выражалась радость и гордость. Передъ блѣдными присяжными, которые вынесли со страхомъ свой приговоръ, онъ стоялъ твердо, спокойно и съ счастливой улыбкой, почти съ благодарностью смотрѣлъ на нихъ. Когда-же они произнесли: «Да, виновенъ», онъ гордо поднялъ голову, и дикая радость сверкнула въ глазахъ этого человѣка, который жертвовалъ своею жизнію съ безумнымъ величіемъ мученика.

Даніель Морталь торжествовалъ. Одной силой воли онъ осуществилъ невозможное. Онъ вырвалъ изъ груди невиннаго признаніе въ винѣ, онъ завалилъ на шею другого преступленіе, совершенное имъ самимъ. Онъ могъ теперь безусловно вѣрить въ торжество силъ истины, могъ презирать всякій нравственный законъ, такъ какъ за нимъ осталась побѣда въ этомъ страшномъ неравномъ бою, который проигралъ-бы всякой другой человѣкъ. Онъ гордо вышелъ изъ суда, презрительно смотря на толпу, которая, въ своемъ невѣденіи, проклинала приговореннаго къ смерти бѣдника, и поспѣшилъ домой къ своей женѣ. Сіяя радостью, которая выражалась во всемъ: во взглядѣ, въ голосѣ, въ жестахъ, — онъ рассказалъ ей со всѣми подробностями судебное разбирательство. Клара съ холоднымъ молчаніемъ выслушала его рассказъ.

— Ну, я ошиблась! сказала она, когда ея мужъ замолчалъ.—Я напрасно васъ обвиняла. Не вы, а этотъ человѣкъ убилъ Лавердака. Убийца найденъ. Онъ сознался. Я никогда болѣе не произнесу имени Лавердака передъ вами. Нозль Рамберъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смерти. Этого довольно. Но подобный результатъ не

разрѣшаетъ нашего рокового положенія. Если я могла васъ подозрѣвать, то значить у меня много накопило въ сердцѣ. Вы меня обвиняли въ любви къ этому человѣку, а я васъ въ его убійствѣ. Надо жестоко ненавидѣть другъ друга, чтобы дойти до такихъ обвиненій. Мы стали уже чужими другъ для друга, мы будемъ жить подъ однимъ кровомъ, но насъ раздѣляетъ глубокая бездна.

— Что вы этимъ хотите сказать? спросилъ Морталь.

— То, что я ношу ваше имя, но болѣе вамъ не жена.

— А! произнесъ онъ съ улыбкой, — капризъ хорошенькой женщины! Это пройдетъ, какъ все проходитъ на свѣтѣ.

— Я васъ не люблю, произнесла рѣшительно Клара, — и насъ связываетъ только одинъ долгъ.

— Я буду и этимъ довольствоваться до новаго приказанія, сказала Морталь, кланяясь съ дерзкой учтивостью.

Извѣстіе о признаніи Рамбера виновнымъ быстро разнеслось по городу. Публика, ожидавшая интереснаго процесса съ поразительными эпизодами, была, видимо, разочарована. Ноэль слишкомъ рано сознался, въ преніяхъ не было никакого интереса, и онъ, по общему мнѣнію, явился обыкновеннымъ, мелкимъ преступникомъ, который рассчитывалъ, что его сознаніе послужитъ смягчающимъ обстоятельствомъ.

Товарищи Ноэля—рабочіе пожимали плечами. Одни говорили: — «Вѣрьте послѣ этого внѣшности!» Другіе: — «Много въ жизни бываетъ странностей». Третьи: — «Это невозможно, тутъ что-нибудь да кроется». Только одинъ изъ служащихъ въ конторѣ замѣтилъ глубокомысленно:

— Я всегда полагалъ, что Рамберъ кончатъ дурно: онъ республиканецъ!

Судебный приговоръ всего сильнѣе подѣйствовалъ на Паскаля Артеса; онъ былъ пораженъ имъ. Судъ могъ признать Рамбера виновнымъ, человѣческое правосудіе можетъ заблуждаться, но чтобы Рамберъ самъ сознался въ преступленіи, этого Артесъ никакъ не ожидалъ, этому онъ никогда-бы не повѣрилъ. Или всѣ его понятія о справедливости были ложны, или Ноэль Рамберъ не былъ убійцей. И, однако-жъ, онъ самъ сознался! Минута, въ которую Артесъ узналъ объ этомъ чудовищномъ сознаніи, была одна изъ самыхъ горькихъ въ его жизни. Онъ слѣпо вѣрилъ въ Ноэля Рамбера и готовъ былъ защищать его противъ всего свѣта, противъ приговора суда, но что могъ онъ сказать противъ собственнаго сознанія? Артесъ почувствовалъ какое-то отвращеніе ко всему человѣчеству, какой-то ужасъ охватилъ его. Кому и чему было теперь вѣрить? Для Артеса не

только погибалъ подъ вѣчнымъ позоромъ честный человѣкъ и благородный товарищъ, но въ немъ самомъ погибала вѣра въ людей, а что въ сравненіи съ подобнымъ разочарованіемъ всѣ разочарованія любви!

Артесъ пожелалъ увидѣть Рамбера и самому убѣдиться, какую вѣру слѣдуетъ дать этому признанію. Ему разрѣшили свиданіе съ Рамберомъ. Ноэль совершенно измѣнился; борода у него была обрита, волосы на вискахъ побѣлѣли, болѣзненный, дикій огонь свѣтился въ его глазахъ.

— Вы-ли это, Рамберъ! сказалъ Артесъ послѣ минутнаго молчанія.

— Я, отвѣчалъ бѣднякъ, — да, я, приговоренный къ смерти. Что вы на это скажете?

— Вы сознались? спросилъ Артесъ строго, жестоко, словно допрашивалъ несчастнаго.

— Я сознался, отвѣчалъ Ноэль рѣшительно.

— Такъ вы убили?

— Я убилъ? воскликнулъ Рамберъ и закусялъ губу, боясь высказать всю правду; черезъ минуту онъ прибавилъ въ пол-голоса: — я не знаю, убилъ-ли я, но знаю, что меня приговорили и что я счастливъ. Теперь все кончено.

— Нѣтъ! воскликнулъ Артесъ. — Это невозможно, вы не убійца. Вы не говорили судьямъ, что вы его убили. Посмотрите на меня и повторите эти страшныя слова.

— Я сказалъ на судѣ, что убилъ Поля Лавердака.

— Такъ вы солгали, говоря мнѣ, что вы невинны.

— Кому-нибудь я солгалъ: вамъ или судьямъ.

— Вы сумасшедшій или несчастный. Вы мнѣ не солгали, я въ этомъ вполне убѣжденъ. Вы не убили этого человѣка.

— Я сознался, и это главное, отвѣчалъ Ноэль съ какой-то злобой ироніей.

— Да, вы сознались! воскликнулъ Артесъ. — Вы предали себя въ руки судей! Но знаете, зачѣмъ я пришелъ сюда? Несмотря на ваше сознаніе, я убѣжденъ, что вы невиновны. Убійца — подлецъ въ душѣ, а вы не подлецъ! Васъ я знаю хорошо, Рамберъ! Вы убили человѣка для того, чтобы его ограбить! Вы, честный, благородный, чистый, великодушный человѣкъ! Нѣтъ, все мое существо возстаетъ противъ этого факта, и сколько-бы вы ни говорили: «я убійца», я вамъ отвѣчу: «ты лжешь».

Ноэль стоялъ у самой рѣшотки и обѣими руками старался заглу-

шить душнвѣше его рыданія и кашель. Крупныя слезы выступали на его красныхъ глазахъ, теперь уже безъ рѣсницъ. Онъ дрожалъ всею тѣлою и, казалось, хотѣлъ броситься къ Артесу, несмотря на раздѣляющую ихъ рѣшотку, и сказать ему: «да, вы правы, я солгалъ, я невиненъ!» Но мысль о Жакѣ его остановила, грустная улыбка показалась на его губахъ и, подумавъ: «къ чему? пускай и этотъ думаетъ то-же, что остальные!» — онъ сказалъ тихо, отрывисто, между припадками кашля:

— Не говорите со мною объ этомъ, г. Артесъ, если вы не хотите сдѣлать меня несчастнѣйшимъ изъ людей. Кто можетъ заглянуть въ совѣсть другого человѣка? Никто. Скоро всею будетъ извѣстно, почему я поступилъ такъ, а не иначе. Теперь-же не спрашивайте у меня ничего. Вы вѣрите въ мою невинность. Спасибо вамъ за это; вы благороднѣйшій человѣкъ на свѣтѣ. Вы не можете любить на половину, вы не вѣрите въ преступность тѣхъ, которые честно работали и боролись за свободу и справедливость рядомъ съ вами. Вы, можетъ быть, правы. Кто-бы подумалъ, что Новъль Рамберъ, веселый, честный малый, кончить такъ печально! О! Господи, какъ я былъ простъ, какъ я былъ добръ! Я вѣрилъ всему и вѣрилъ всею! Я рожденъ, чтобы любить все хорошее, все прекрасное! Нашей родинѣ я отдавалъ свою кровь и все свои помышленія. Только впоследствии, встрѣтивъ *другую*, — вы знаете Марту (бѣдная женщина!) — я забылъ политику. Въ этомъ я виноватъ. Я думалъ, свобода стоитъ дорого, я посидѣлъ за нее въ тюрьмѣ, довольно хлопотать о другихъ, подумаемъ о себѣ. Да здравствуетъ любовь и счастье! Да, я любилъ Марту! Но счастья я не узналъ и съ той минуты поглубь. Съ тѣхъ поръ я испыталъ скуку, горе, разочарованіе, отвращеніе къ жизни, однимъ словомъ, все, что приводитъ человѣка къ мысли о самоубійствѣ. Сколько разъ хотѣлъ броситься въ рѣку, но меня удерживала мысль о Жакѣ. А дѣло такъ просто: прыгнулъ съ моста и все кончено. Правда, говорятъ, это подло, это смерть труса, можно лучше умереть. Вотъ я избралъ лучшій способъ смерти. Когда нибудь вы очень удивитесь, но теперь удивляться нечему. Меня обвинили въ убійствѣ, мнѣ доказали мою виновность и я отвѣчалъ: хорошо, положимъ, я убійца. Теперь мнѣ остается только взойти на эшафотъ, и человѣческое правосудіе будетъ удовлетворено.

— Но, воскликнулъ Артесъ съ жаромъ, — убили-ли вы, убили-ли вы, Рамберъ?

— Я васъ прошу, не спрашивайте меня ни о чемъ, отвѣчалъ

Рамберъ, блѣдный, какъ полотно. — Убилъ-ли я, или нѣтъ, но ради того сочувствія, которое вы выказывали мнѣ, а теперь выказываете моему Жаку, я обращусь къ вамъ съ двумя просьбами, но общайте прежде, что вы ихъ исполните.

— А съ кѣмъ я говорю: съ гражданиномъ Рамберомъ или съ убійцей Рамберомъ?

— Вы добры и человеколюбивы, г. Артесъ, сказалъ Рамберъ, устремляя на него свой лихорадочный взглядъ: — вы любите моего сына. Дѣти не могутъ отвѣчать за преступленіе или за безуміе своихъ родителей. Общаете-ли вы мнѣ сдѣлать для маленькаго Жака то, что я васъ попрошу... даже если-бъ я былъ убійцею Лавердака?

— Но вѣдь вы сказали суду...

— Даже, если-бъ я былъ убійцей, повторилъ Рамберъ.

Артесу казалось, что въ словахъ этого человѣка, хладнокровно говорившаго о своемъ преступленіи, звучали тяжкое страданіе и сознаніе невинности. Артесъ содрогнулся. Онъ инстинктивно боялся найти въ немъ или жертву или убійцу. И то, и другое было ужасно.

— Я исполню ваши просьбы, отвѣчалъ онъ.

Тогда Рамберъ медленно, кашля за каждымъ словомъ, попросилъ Артеса прислать ему сочиненіе Сильвіо Пелико, по которому онъ научился читать, предварительно напитавъ ядомъ послѣднюю страницу, такъ что-бъ онъ могъ умереть спокойно въ тюрьмѣ, а не постыдной смертью на плахѣ. Артесъ обѣщалъ исполнить это желаніе. Другая просьба Рамбера: отправиться къ г. Морталю и получить конвертъ на имя Жака, который мальчикъ распечатаетъ только тогда, какъ ему минетъ двадцать лѣтъ, гораздо болѣе изумила Артеса, но и это онъ обѣщалъ исполнить, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Рамбера, Морталь интересовался мальчикомъ и желалъ сдѣлать что-нибудь для него.

— Благодарю васъ, продолжалъ Рамберъ; — теперь остается только поговорить о послѣднемъ моемъ желаніи. Я не хочу, что-бъ мой Жакъ носилъ имя преступника Рамбера. Онъ можетъ принять его послѣ, когда удостовѣрится...

— Когда удостовѣрится въ чемъ? воскликнулъ Артесъ, видя, что Рамберъ колеблется.

— Въ томъ, отвѣчалъ Нозль, — что въ силахъ нести такую обузу. До того времени дайте ему другое имя, только не имя его матери. Если-бъ она вздумала его взять къ себѣ, что-бъ сдѣлать

изъ него негодяя, какъ ея подлець... то скажите ей: поздно, ребенокъ уже не вашъ.

— Ноэль, хотите, чтобы я усыновилъ Жака? сказалъ медленно Артесъ.

— Хочу-ли я! воскликнулъ Рамберъ и въ глазахъ его блеснула неописанная радость.

— Ну, такъ скажите мнѣ, что вы не убили Лавердака.

— Я сознался, глухо промолвилъ Рамберъ.

— Убили вы его?

— Я сознался, повторилъ бѣднякъ.

— Бѣдный безумецъ! произнесъ Артесъ. — Въ глубинѣ вашего сердца кроется что-то, чего я не могу ни прочесть, ни отгадать. Васъ душитъ какая-то тайна, какое-то горе. Ноэль Рамберъ, вы правы. Виновы вы или нѣтъ, осталась-ли чистой, незапятнанной, ваша рука, которую я такъ часто дружески пожималъ и которая знала только трудъ и борьбу за родину, или она обогрена кровью, но есть существо невинное, которое не должно на себѣ нести тяжесть преступленія, искупаемаго вами жизнью. Умирайте покойно, Ноэль, маленькій Жакъ не покраснѣетъ отъ имени Рамбера, отъ имени бѣднаго труженника, которымъ онъ могъ-бы такъ гордиться. Онъ будетъ моимъ сыномъ, онъ будетъ носить мое имя.

— О! г. Артесъ! воскликнулъ Ноэль, — за эти слова я отдаю-бы свою жизнь, свою кровь! Ваша доброта меня утѣшила, и я, приговоренный преступникъ, презрѣнный, опозоренный, теперь счастливъ-вѣсьхъ на свѣтѣ! Мой Жакъ! мой маленькій Жакъ будетъ воспитанъ вами! Онъ будетъ человѣкъ!

Но тутъ, передъ этой мыслью, что Жакъ будетъ воспитанъ Артесомъ, Рамберъ съ ужасомъ взрогнулъ. Къ чему тогда приносить себя въ жертву, къ чему это величественное безуміе, когда Паскаль Артесъ обезпечиваетъ жизнь и воспитаніе Жака? Новое, еще болѣе ужасное искушеніе представилось Ноэлю. Онъ хогѣлъ все сказать, все объяснить, все открыть и, однимъ словомъ, нарушить роковой, позорный договоръ, заключенный съ Морталемъ. Но Артесъ возвратилъ его къ горькой, неумолимой дѣйствительности.

— Да, онъ будетъ человѣкъ, сказалъ Артесъ, — но бѣдный, побѣжденный, какъ я. Удастся-ли мнѣ еще сдѣлать его счастливымъ!

— Бѣдный! Побѣжденный! повторилъ Рамберъ и подумалъ про себя, — да, онъ будетъ бѣднякъ.

— Такъ что-жь, онъ будетъ бѣденъ, но честенъ, продолжалъ Артесъ.

— Хорошо! сказалъ въ глубинѣ своей души Рамберъ, — онъ будетъ богатъ, да, богатъ! Неужели безжизненный трупъ, ты променяешь его счастье на жизнь? Нѣтъ, онъ будетъ богатъ! онъ будетъ богатъ!

— И это все, что вы хотѣли мнѣ сказать, Рамберъ? произнесъ послѣ долгаго молчанія Артесъ, грустно смотря на бѣдняка.

— Все.

— Такъ они правы: вы виновны?

Рамберъ ничего не отвѣчалъ.

— Я уйду, сказалъ Артесъ, — я исполню все свои общанія. Но, прошу васъ, скажите мнѣ правду, Ноэль Рамберъ, скажите мнѣ правду.

— Правда то, что я васъ уважаю и что я васъ люблю такъ-же, какъ люблю сына. Правда то, что я бѣднякъ, котораго понялъ и простилъ только одинъ человѣкъ—вы. Правда то, что я жажду умереть, и что жизнь меня тяготитъ, меня душитъ. Правда то, что я умру вѣрный идеямъ моей юности и что послѣдняя моя молитва: подождите меня ненавидѣть!

— Подождать? воскликнулъ Артесъ.

— Прощайте, отвѣчалъ Рамберъ.

Выйдя изъ тюрьмы, Паскаль Артесъ подумалъ, что онъ видѣлъ въ послѣдній разъ не убійцу, а мученика.

На другой-же день, онъ исполнилъ обѣ просьбы Ноэля. Онъ получилъ изъ рукъ Морталя запечатанный пакетъ на имя Жака Рамбера и отправилъ въ тюрьму одинъ томъ сочиненій Сильвіо Пелико, предварительно напичкавъ ядомъ послѣднюю страницу; но попытка не повела ни къ чему. Черезъ нѣсколько дней, ему возвратили книгу съ надписью: «невозможно передать». Между-тѣмъ, Рамбера перевели изъ тюрьмы Консержерии въ Ла-Рокетъ. Тутъ, въ большой кельѣ приговоренныхъ къ смерти преступниковъ, скованный, въ арестантской рубашкѣ, отдѣленный отъ всего остального міра, онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Минута спасенія была недалеко. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ яда, который долженъ былъ спасти его отъ позорной казни, и все его мысли были сосредоточены на одномъ: Жакъ будетъ богатъ,—и при этомъ онъ забывалъ, что стоило ему это богатство Жака, и находилъ въ своей неземной радости достойную награду за свой безумный, геройскій подвигъ. Эти минуты, въ которыя онъ какъ-бы предвкушалъ смерть ради своего ненагляднаго ребенка, были лучшими въ его жизни. Однако, и въ его жизни бывали минуты свѣтлыя; онъ знавалъ беззаботную весе-

лость юности, благородный пылъ политическихъ мечтателей, наконецъ, хотя и кратковременную, но страстную любовь. Но какъ все казалось ему мелко, незначуще въ сравненіи съ тѣй лучезарной радостью, которая теперь наполняла его сердце, при мысли, что Жакъ былъ спасенъ, что Жакъ былъ счастливъ.

— Мы никогда не видали такого преступника, приговореннаго къ смерти, говорили тюремщики:—если-бъ не его изнуренный, болѣзненный видъ, то, право, онъ казался-бы веселымъ.

Пока, такимъ образомъ, бѣднякъ спокойно ждалъ своей участи, а орудія человѣческаго правосудія исполняли всѣ формальности, требуемыя для приведенія въ исполненіе смертнаго приговора, парижскія газеты вновь подняли старый, но вѣчно животрепещущій вопросъ о смертной казни.

Смертная казнь, теоретически побѣжденная, и практически въ половину побѣждена. Она уничтожена въ Голландіи, въ Швеціи (поселянами и сохранена лишь аристократами), въ Германіи, и нравственно отмѣнена во Франціи. Если во Франціи она и существуетъ по закону, то общественная совѣсть давно высказалась противъ нея.

Но есть еще люди, которые дрожатъ при одной мысли, что можно отмѣнить смертную казнь. Эшафотъ имъ кажется краугольнымъ камнемъ общественнаго зданія, точно нравственность можно насильно привить людямъ путемъ страшной кары? Но статистическими данными доказано, что съ отмѣной суровыхъ наказаній, количество преступленій не увеличивается. Съ тѣхъ поръ, какъ на французскихъ банковыхъ билетахъ перестали писать: *законъ караетъ смертью поддѣлку*, не увеличилось число фальшивыхъ билетовъ. Не боязнь казни останавливаетъ преступниковъ; ихъ побуждаетъ надежда избѣгнуть правосудія. Въ Англіи тридцать лѣтъ тому назадъ вѣшали за кражу лошадей; теперь этотъ жестокій законъ отмѣненъ, и развѣ лошадей крадутъ болѣе. Во Франціи отмѣнена смертная казнь для поджигателей и развѣ поджоги стали чаще? На эти вопросы статистика даетъ краснорѣчивый, безспорный, страшный отвѣтъ. Дѣйствительно, сухія цифры становятся страшны, когда онѣ ясно доказываютъ, что втеченіи десяти лѣтъ, отъ 1846 по 1856 годъ, въ Англіи и во Франціи совершенно десять судебныхъ убійствъ. Десять невинныхъ людей предано казни въ десять лѣтъ; значить, по одному на годъ.

И вотъ аргументъ рѣшительный, безспорный, окончательный противъ смертной казни. Смертный приговоръ, приведенный въ исполненіе, нельзя ни исправить, ни изгладить. Судебная ошибка, стоившая жизни челоуѣку, ложится несмываемымъ пятномъ на всѣхъ. Ка-

ласть и Лезюркъ—эти жертвы старой и новой системы правосудія во Франціи,—останутся вѣчно краснорѣчивѣйшими доказательствами необходимости уничтожить смертную казнь. При существованіи этой страшной смертной казни, необходимо признавать, что извѣстный классъ людей непогрѣшимъ, а мыслимо-ли это? Присяжные прозвонили приговоръ и нѣтъ никакихъ возраженій, никакихъ протестовъ. Все кончено. И однако, Филиппе, приговоренный къ смерти въ 1843 году, былъ невиненъ; Ланье, приговоренный къ каторгѣ въ 1848 году, былъ невиненъ; Бофе и Мелуарнъ, умершіе въ каторгѣ въ Кайенѣ, были невинны; дѣвица Дуазъ, признанная виновной въ отцеубійствѣ, была невинна и т. д. Дѣйствительно, отчего иногда зависитъ жизнь и смерть подсудимыхъ? Отъ настроенія присяжныхъ, отъ температуры залы, отъ краснорѣчія адвоката, отъ слезъ подсудимаго, отъ тысячи мелочей, которыя вліяютъ на самого честнаго, добросовѣстнаго присяжнаго. Вотъ почему смертная казнь должна быть уничтожена.

Шарль Лемеръ, юный, семнадцати-лѣтній безумецъ, избравшій гильотину орудіемъ самоубійства и просившій смерти, какъ милости, нравственно уничтожилъ смертную казнь. Съ ужасной ироніей сказалъ онъ судьямъ:

— Работать мнѣ надоѣло. Я хотѣлъ умереть: я убилъ. И вы меня убейте. Вы обязаны присудить меня къ смертной казни. Плаха оселокъ мужества. Быть можетъ, она вызоветъ у меня раскаяніе или страхъ.

А когда былъ произнесенъ страшный приговоръ, то Лемеръ съ улыбкой промолвилъ:

— Благодарю, гг. присяжные. Вотъ все, чего я желалъ. Хорошо.

Этотъ трусъ, испугавшійся жизни и хотѣвшій отдѣлаться отъ нея съ трескучимъ эффектомъ, этотъ убійца, требующій плахи, болѣе сдѣлалъ для уничтоженія смертной казни, чѣмъ всѣ писатели и философы, возстававшіе противъ нея. Онъ беретъ присяжныхъ, все общество, въ сообщники своего преступленія. Онъ убиваетъ, говоря: я могу убить, потому что меня убьютъ. Я беру жизнь другого, такъ что-жь? Это заемъ, я уплачу своей жизнью.

Въ Гарлемѣ, въ одной изъ залъ ратуши, показываютъ собраніе ужасныхъ, нелѣпныхъ машинъ. Тутъ колеса для четвергованія, кресты, на которыхъ распинали, клинья, которые забивали подъ ногти, скамьи, на которыхъ вытягивали жилы, бочки, окованные желѣзомъ, въ которыхъ возили по городу заболѣвшихъ гетеръ, которыя, такимъ образомъ, подвергались общественному позору и медленной смерти

удушемъ и т. д. и т. д. Съ грустной, недвѣрчивой улыбкой смотришь на всѣ эти орудія пытки. Неужели они существовали и дѣйствовали? Да, когда-то они жгли, окровавливали, убивали живыхъ людей, но они уже болѣе никому не принесутъ вреда. Эти остатки дикаго прошедшаго, эти призраки варварской эпохи преданы забвенію. Теперь смотришь на нихъ безъ всякаго страха, и точно также будутъ вскорѣ смотрѣть на гильотину, когда ее станутъ показывать въ музеяхъ, какъ диковинку, какъ ужасный анахронизмъ. И съ недвѣрчивой улыбкой спросятъ тогда себя удивленные зрители:

— Неужели это существовало?

Да, смертная казнь существуетъ, и однажды вечеромъ Парижъ, жадный до всевозможныхъ зрѣлищъ, узналъ, что на площади Ла-Рокетъ воздвигнута гильотина, и на разсвѣтѣ будетъ казненъ Ноэль Рамберъ, убійца Поля Лавердака.

Даніэль Морталь узналъ объ этомъ въ клубѣ, играя въ карты. Онъ уже давно запасся билетомъ для присутствованія при казни Рамбера, такъ какъ въ глубинѣ его сердца все-же гнѣздилась тѣнь-безпокойства. Можетъ быть, въ послѣднюю минуту Ноэль нарушитъ заключенный договоръ и выдастъ имя настоящаго убійцы, поэтому, онъ хотѣлъ самъ присутствовать при послѣднихъ минутахъ Ноэля и, въ случаѣ какого нибудь довѣса съ его стороны, принять необходимыя мѣры къ спасенію. Итакъ, узнавъ о времени казни, онъ немедленно отправился въ Ла-Рокетъ.

Было около часу ночи, передъ тюрьмой кишѣла уже толпа, оглашавшая воздухъ криками, пѣснями, смѣхомъ. Передъ самыми воротами мрачнаго зданія возвышалась гильотина, на платформѣ которой звонали какія-то тѣни.

Вокругъ слышалась команда офицеровъ, топотъ лошадей и бряцанье сабель отряда муниципальной гвардіи, который слерживалъ толпу на приличномъ разстояніи. Морталь предъявлялъ свой билетъ и его пропустили. Увидавъ неожиданно гильотину, онъ невольно вздрогнулъ, но черезъ мгновеніе съ презрительной улыбкой медленно взошелъ на роковую платформу и приблизился къ чудовищной машинѣ, блестящій ножъ которой между двумя рукоятками рельефно выдавался во мракѣ. Невольно отступивъ шага на два, онъ наткнулся на ящикъ, въ который падаетъ обезглавленное тѣло. Онъ хотѣлъ улыбнуться и представить себѣ, что-бы онъ чувствовалъ, если-бъ ему приходилось умереть на этой плахѣ.

— Какое безуміе! сказалъ онъ самъ себѣ:—байронизмъ вышелъ уже изъ моды.

И онъ отправился въ ворота тюрьмы. Тамъ ему сказали, что въ комнатѣ преступника было уже слишкомъ много народа и надо было подождать въ канцеляріи. Это была узкая, невысокая комната съ большой топившейся печью и нѣсколькими стульями. Тутъ также было много народа: нѣсколько офицеровъ муниципальной гвардіи, выстроенной на площади, два извѣстныхъ комическихъ актера, знаменитый журналистъ, нѣсколько странныхъ личностей, всюду попадающихъ въ Парижъ, и такъ далѣе. Особенно обратили на себя вниманіе Мортала два скромные старичка, на взглядъ добродушные, почтенные буржуа. Онъ съ изумленіемъ прислушивался къ ихъ разговору и спрашивалъ себя, что они тутъ дѣлали. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ о великолѣпныхъ цвѣтахъ въ своемъ саду, а другой о томъ, что выгоднѣе: билеты парижскаго займа или акціи желѣзныхъ дорогъ. Актеры громко смѣялись, передавая другъ другу закулисные скандалы; офицеры разсуждали о наградахъ и товарищахъ. Морталь долго присматривался къ этой странной сценѣ, представлявшей кулисы публичной казни. Наконецъ, онъ подошелъ къ сторожу и спросилъ съ любопытствомъ, кто были скромные старички, говорившіе о цвѣтахъ и акціяхъ. Оказалось, что это были провинціальныя палачи, прибывшіе изъ Лиможа и Тура на помощь къ парижскому палачу.

Долго сидѣлъ тутъ Морталь; наконецъ, это траги-комическое зрѣлище стало ему невыносимо. Онъ вышелъ на воздухъ и сталъ ходить взадъ и впередъ передъ тюрьмой; день только что начинался и сѣроватый свѣтъ обливалъ толпы народа, шумѣвшія вокругъ эшафота.

— Странно, подумалъ Морталь, у котораго невольно волосы становились дыбомъ, — мнѣ какъ будто холодно!

И, вытаращивъ глаза, онъ дико смотрѣлъ на возвышавшійся передъ нимъ эшафотъ. Онъ видалъ въ свою жизнь всевозможныя формы смерти, и никогда она не казалось ему страшной, но передъ этой машиной, которая лишила человѣка жизни механически, быстро, въ глазахъ смѣющейся толпы, невольно содрогался даже и онъ, смѣлый искатель приключеній, презиравшій всѣ опасности.

Наконецъ, пробило пять часовъ и Морталь снова вернулся въ канцелярію. Несмотря на странныя чувства, овладѣвшія имъ, онъ не могъ оторваться отъ этого рокового зрѣлища. Онъ какъ-бы предчувствовалъ, что ему могла грозить опасность, и потому хотѣлъ какъ можно скорѣе убѣдиться въ томъ, что все кончено. Уйти, ждать у себя извѣстія о роковой развязкѣ онъ былъ не въ силахъ.

«Дѣло», № 12.

Войдя въ комнату, онъ увидалъ, рядомъ съ двумя добродушными старичками, человека высокаго роста, здоровеннаго, съ красными глазами, большими бакенбардами и въ суконной фуражкѣ.

— Это, вѣрно, палачъ, подумалъ Морталь и инстинктивно взглянулъ на его толстыя, покрытыя волосами руки.

Потомъ, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ лихорадочнымъ волненіемъ.

— Неужели, думалъ онъ, — я дѣйствительно взволнованъ. Если-бы я понималъ, что такое страхъ, то подумалъ-бы, что испытываю именно это невѣдомое для меня чувство.

Между тѣмъ, всѣ разговоры въ комнатѣ утихли. Каждый чувствовалъ, что роковая минута приближалась, и теперь было не до глупостей, не до шутокъ. Только извнѣ шумѣла толпа и отъ времени до времени долетали громкіе звуки скандальной пѣсни, или грубый смѣхъ тѣхъ поддонковъ общества, которые составляютъ обычныхъ зрителей приличныхъ казней.

— Ну, произнесъ одинъ изъ старичковъ, обращаясь къ толстому мужчинѣ въ суконной фуражкѣ.—Пора!

— А? сказалъ палачъ, какъ-бы очнувшись отъ сна, и Морталью показалось, что онъ вздрогнулъ. Потомъ онъ снялъ со стѣны шляпу, надѣлъ ее себѣ на голову и промолвилъ:—Пойдемъ.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Мортала.

— Еще рано, сказалъ кто-то.

— Нѣтъ, время, отвѣчалъ палачъ и, вынувъ изъ жилета большой хронометръ, прибавилъ хладнокровно:—*у меня по биржѣ.*

И палачи отправились на *туалетъ* преступника, какъ говорится на тюремномъ языкѣ, а Морталь остался на своемъ мѣстѣ неподвижный, какъ-бы окаменѣлый.

Нозль Рамберъ уже проснулся съ часъ тому назадъ. Его разбудили отъ болѣзненнаго, лихорадочнаго сна словами:—«Сегодня».

— Что? что сегодня? произнесъ Рамберъ, забывъ совершенно, гдѣ онъ и что съ нимъ, но черезъ минуту онъ прибавилъ, покачавъ головой:—ахъ, да. Сегодня, ну тѣмъ лучше. У меня въ груди такъ жжетъ, что я бросился-бы въ огонь, только-бы разомъ покончить. А что, гильотина готова? Я ничего не слышалъ, это странно. Вѣрно, стѣны очень толсты. Впрочемъ, я спалъ сегодня, что въ последнее время случалось со мною рѣдко.

Произнося эти слова, онъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, не отъ страха смерти, но отъ стыда, что его публично казнятъ.

— Не приносили-ли для меня книги? спросилъ онъ, черезъ минуту.

— Книги?

— Да, сочиненіе Сильвіо Пелико. Я-бы хотѣлъ его почитать.

Всѣ присутствующіе взглянули на него съ изумленіемъ и невольно подумали: не сошелъ-ли онъ съ ума. Впродолженіи послѣднихъ дней онъ только и спрашивалъ, что объ этой книгѣ.

Въ эту минуту вошелъ патеръ.

— Благодарю васъ, сказалъ Рамберъ,—но я пойду одинъ.

Патеръ началъ говорить о раскаяннн, объ искупленіи, о милосердіи Божіемъ, но Нозль его перебилъ.

— Г. аббатъ, сказалъ онъ простодушно, — видали-ли вы часто преступниковъ съ такимъ спокойнымъ взглядомъ и, кажется, честнымъ?

Патеръ вздрогнулъ отъ этого взгляда, дѣйствительно честнаго, глубокаго; потомъ онъ всѣмъ рассказывалъ, что преступникъ оказался ему мученикомъ.

— Вы не хотите исповѣдываться?

— Нѣтъ, благодарствуйте.

— Но ваше преступленіе...

— Я не совершилъ никакого преступленія.

— Сынъ мой, раскаяніе...

— Я раскаиваюсь только въ томъ, что жилъ, произнесъ Рамберъ и потомъ прибавилъ:—я-бы желалъ имѣть сочиненіе Сильвіо Пелико, которое мнѣ обѣщали прислать.

Онъ надѣялся еще поднести ядъ къ своимъ губамъ, но патеръ уничтожилъ всѣ его надежды, сказавъ, что какую-то книгу приносили для него, но директоръ тюрьмы не принялъ ее, такъ какъ, по правиламъ, заключенные могутъ читать только книги изъ тюремной бібліотеки.

— Такъ книгу не приняли, сказалъ Нозль съ грустной улыбкой и прибавилъ, какъ-бы говоря про себя:—судьба! приходится вынести все, до конца. Ну, Жакъ, мой маленькій Жакъ, люби крѣпко твоего отца. Онъ тебя болѣе никогда не подѣлуетъ.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ не могли удержаться отъ слезъ.

Нозль теперь сильно раскашлялся и кровь показалась на его губахъ. Одинъ изъ помощниковъ палача обтеръ ему ротъ платкомъ.

— Это выходитъ кровь Лавердака, произнесъ шопотомъ одинъ изъ присутствующихъ, но Рамберъ, всѣ чувства котораго были крайне возбуждены, услыхалъ это дикое замѣчаніе и молча взглянулъ на говорившаго.

Приступили къ туалету преступника; ему обрѣзали волосы на

затылокъ и воротникъ на рубашкѣ. При холодномъ прикосновеніи ножица, Ноэль вздрогнулъ и промолвилъ сквозь зубы:

— Самопожертвованіе не легко!

Потомъ ему предложили выпить чего нибудь для подкрѣпленія силъ, водки или коньяку.

— Нѣтъ, благодарствуйте, я не боюсь.

Онъ былъ очень слабъ, едва держался на ногахъ, но могучимъ, сверхъ-естественнымъ усиленіемъ онъ возвратилъ себѣ все, что быстро его покидало: жизнь, силы, и, гордо выпрямившись, вышелъ изъ своей тюрьмы. Проходя по двору, онъ замѣтилъ, что на маленькомъ кустѣ сирени распускались цвѣты.

— Они проживутъ долѣе меня, подумалъ онъ.

Потомъ, обратясь къ патеру, который шелъ рядомъ съ нимъ, онъ попросилъ взять у него изъ подъ тюфяка свернутое письмо, писанное карандашемъ, и передать доктору Артезу, опекуну его сына. Патеръ далъ слово исполнить это предсмертное желаніе несчастнаго и Ноэль сказалъ:

— Я умираю спокойный, довольный.

Въ эту минуту тяжелыя ворота тюрьмы отворились и Ноэль увидалъ передъ собою роковую картину: гильотину, толпу, деревья, противоположныя зданія. Однимъ взглядомъ, — взглядомъ умирающаго онъ обнялъ все и, гордо поднявъ голову, казалось, хотѣлъ сказать:

— Только-то!

Потомъ онъ опустилъ глаза и продолжалъ идти, произнося въ полголоса нѣя, дорогое, милое для него, которое утѣшало и поддерживало его: «Жакъ!»

Патеръ блѣдный, блѣднѣе Рамбера, простился съ нимъ у подножія эшафота. Входя твердыми шагами на роковую платформу, Ноэль сильно раскашлялся.

— Я-бы и такъ умеръ, подумалъ онъ:—торгъ выгодный, я продалъ себя дорого!

И онъ улыбался.

Эту улыбку больного, улыбку безумнаго энтузіаста онъ сохранилъ и подъ ножемъ гильотины. Онъ не сопротивлялся палачу и только повторялъ въ полголоса, не думая ни о чемъ, въ восторженномъ сознаніи своего мученическаго самопожертванія:

— Жакъ будетъ богатъ! Жакъ будетъ богатъ!

Мертвое, гробовое молчаніе наступило вслѣдъ за страшнымъ крикомъ, вырвавшимся изъ устъ тысячной толпы въ ту минуту, какъ покатила по плахѣ голова этого человѣка, который отдалъ свою

жизнь подъ напѣемъ самого величественнаго, самаго святаго изъ человѣческихъ безумій: чудовищнаго самопожертвованія отца для счастья своего сына.

Толпа стала молча расходиться и только кое-гдѣ слышался полусдержанный смѣхъ или пѣсня. Кабаки стали наполняться посетителями; извозчиковъ брали приступомъ. Человѣкъ блѣдный, какъ смерть, съ крупными каплями холоднаго пота на лбу, смотрѣлъ почти безознательно на телѣгу, увозившую трупъ казеннаго преступника. Это былъ Морталь.

Онъ возвратился домой больной, разбитый, взялъ ванну и, освѣжившись, отправился въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, гдѣ и позавтракалъ съ аппетитомъ.

— Ну, сказалъ онъ самъ себѣ, выпивъ стаканъ вина и закуривъ сигару,—я выкупилъ письмо къ Лавердаку за двѣсти тысячъ франковъ. Дорогонько! Но я спасень!

VI.

На другой день, послѣ казни Ноэля, Артесъ, зная, что тѣло казеннаго отдають въ клинику, если его не потребуютъ родственники, отправился въ Ла-Рокетъ, чтобы спасти безжизненный трупъ своего стараго товарища отъ анатомическаго ножа, но ему объявили, что тѣло уже отправлено въ медицинскую школу. Онъ отправился туда и, взойдя во дворъ, обогнулъ музей Дежюитрена и вошелъ въ маленький флигель анатомическаго театра. Тамъ работаютъ надъ человѣческимъ тѣломъ. Его рѣжутъ, разсѣкаютъ, изучаютъ. Удушливый смрадъ поражаетъ васъ при входѣ въ это зданіе и Артесъ, несмотря на привычку къ подобной атмосферѣ, невольно отшатнулся, но все-же вошелъ въ сѣни, гдѣ на деревянномъ столѣ стояли кѣтки съ кроликами и бѣлыми мышками, предназначенными для анатомическихъ опытовъ. Въ концѣ сѣней находилась витая лѣстница, по которой Артесъ и поднялся во второй этажъ. Тамъ онъ вошелъ въ большую залу, гдѣ трое или четверо студентовъ занимались, распѣвая пѣсни, анатомической работой. На столѣ валялась рука, съ открытыми красными мускулами, подлѣ исхудалой, еще нетронутой ноги и другой, судорожно сжатой кисти руки.

— Господа, сказалъ Артесъ,—я докторъ Паскаль Артесъ, (студенты поклонились) и я желалъ-бы видѣть Клода Бернара.

— Его здѣсь нѣтъ, докторъ, но что прикажете ему сказать?

— Я пришелъ просить тѣло вчера казеннаго человѣка.

— Рамбера?

— Да.

— О! произнесъ одинъ изъ молодыхъ людей, указывая на разбросанные части трупа, — его тѣло намъ уже отдано, докторъ, вотъ оно.

Артесъ ничего не отвѣчалъ и только поблѣднѣлъ, взглянувъ на разбросанные остатки человѣка, котораго онъ когда-то любилъ.

— Я пришелъ поздно, произнесъ онъ, какъ-бы про себя.

— Субъектъ интересный, продолжалъ студентъ. — Онъ умеръ-бы черезъ мѣсяць отъ чахотки, если-бъ Гейнрихъ не вылечилъ его разомъ. Здѣсь былъ хиромантикъ и призналъ на рукѣ много линий, доказывающихъ жестокость.

— Болванъ! сказалъ Артесъ.

— А вотъ и голова, произнесъ другой студентъ, кладя на столъ какую-то массу, на которую Артесъ взглянулъ, пожавъ плечами.

Черепъ былъ открытъ и костяная коробка снята. Кожа со лба закрывала лицо, позеленѣвшее, судорожно сжавшееся; бѣлые, длинные зубы торчали изъ-подъ открытыхъ синихъ губъ.

— Онъ васъ интересовалъ, докторъ, вы хотѣли его изучить?

— погодите! воскликнулъ другой студентъ, — я вамъ тотчасъ составлю голову.

Онъ накрылъ костяной коробкой отпиленную часть черепа, натянулъ кожу, приклеилъ ее къ костямъ и, оборачивая черепъ къ Артесу, сказалъ съ самодовольной улыбкой: — Вотъ!

Артесъ тщетно старался узнать Рамбера. Смерть и анатомическій ножъ изуродовали его лицо. Судорожное сжатіе мускуловъ придавало ироническій, страшный, фантастическій видъ этой мертвой головѣ.

— И однако, онъ жилъ, любилъ, страдалъ и вѣрилъ въ истину, думалъ Артесъ и прибавилъ громко: — это ужасно, я его не узнаю.

— Такъ вы его знали? спросили студенты.

— Я его любилъ.

Наступило молчаніе. Артесъ, блѣдный, сіяя своей благородной красотой, смотрѣлъ на мертвую голову, съ такимъ глубокимъ выраженіемъ грусти, что студенты не смѣли прервать тяжелой думы великаго бойца науки и свободы.

— Вы положите все это въ гробъ, сказалъ онъ наконецъ; — Рамберъ будетъ имѣть мѣсто на кладбищѣ казенныхъ.

Студенты молча поклонились.

— Прощайте, господа.

Студенты почтительно проводили Артеса до дверей. Онъ послѣшно

спустился по лѣстницѣ, жадно вдохнулъ въ себя чистый воздухъ и удалился скорыми шагами.

— Какая грустная вещь жизнь! бормоталъ онъ про себя.

Впродолженіи цѣлаго дня, Паскаль Артесть ходилъ взадъ и впередъ по улицамъ безсознательно, какъ сумасшедшій. Къ вечеру онъ усталъ и остановился на томъ самомъ Аустерлицкомъ мосту, на которомъ бѣдный Рамберъ стоялъ 1-го января, мучимый соблазнительнымъ желаніемъ броситься въ рѣку. Машинально устремилъ Артесть свой утомленный взглядъ на разстилавшуюся передъ нимъ панораму Парижа, освѣщенную милліонами газовыхъ рожковъ.

— Это Парижъ, думалъ Артесть, — Парижъ, неподозрѣвающій всѣхъ язвъ и преступленій, всего позора и горя, которые скрываются въ немъ, — Парижъ, веселящійся, смѣющійся, танцующій, наслаждающійся и нежелающій знать, что несправедливость, нищета и смерть косятъ его дѣтей, что въ его стѣнахъ есть голодные, жаждущіе, больные, умирающіе. Это Парижъ, не чувствующій, какъ я, что его обгаряетъ невинная кровь, пролитая вчера на эшафотѣ.

И этотъ блестящій городъ ему казался какимъ-то мрачнымъ вертепомъ, въ которомъ совершилось страшное преступленіе. Преступленіе это было совершено или Рамберомъ, или человѣческимъ правосудіемъ. Онъ не зналъ, кѣмъ именно, но инстинктивный ужасъ объялъ его.

— Сколько тутъ совершается, думалъ онъ, — подлостей, измѣнъ, униженій, коварствъ! Сколько тутъ разврата и нечестія! Но тутъ также работаетъ и умъ, рождается надежда, и кто знаетъ, быть можетъ, взойдетъ заря счастья!

Такъ думалъ человѣкъ, отдавшій всю свою жизнь идеѣ права и справедливости. Ночь застала его въ этихъ думкахъ.

— Морталь всемогущъ, а Рамберъ казненъ за убійство! говорилъ онъ самъ себѣ: — послѣ этого можно дойти до отчаянья. Но нѣтъ, надъ людьми витаетъ идея. Право возьметъ свое. Человѣческая низость найдетъ свою кару. Кто знаетъ, что будетъ съ Морталемъ?

Возвратясь домой и стараясь забыть ужасное зрѣлище, которое представляетъ человѣкъ, убитый человѣческимъ правосудіемъ, онъ нѣжно поцѣловалъ Жака и сказалъ съ чувствомъ:

— Я буду горячо тебя любить, Жакъ, а ты меня будешь называть...

— Я знаю, отвѣчалъ ребенокъ со слезами на глазахъ, — я буду называть васъ отцомъ.

Въ это самое время, въ другомъ концѣ Парижа, неутѣшная мать

оплакивала своего погибшаго сына. Г-жа Лавердакъ съ изумленіемъ узнала о приговорѣ суда. Она повѣрила слову и взгляду Рамбера, поклявшагося ей, что не онъ убилъ ея сына, и потому она съ ужасомъ узнала объ его сознаніи. Но теперь вѣсть объ его казни не наполнила ее сердце роковой, горькой радостью мести.

— Развѣ это возвратитъ мнѣ моего сына? говорила она, и потомъ, устремляя свои заплаканные глаза на единственнаго оставшагося у нея сына Жоржа, она прибавляла:—какъ онъ походить на Поля! Толькобы судьба его была другая. Я буду любить его за всѣхъ тронхъ.

И бѣдная женщина, лишившаяся и мужа, и сына, рѣшилась жить для ненагляднаго Жоржа, который теперь былъ для нея единственной надеждой.

Даніэль Морталь снова возвратился къ своей прежней блестящей жизни и всячески старался побѣдить холодность Клары, но всѣ его усилія были тщетны.

— Но вы рѣшительно обращаете свой домъ въ монастырь, милая Клара, говорилъ онъ.

— Почти, отвѣчала сухо Клара.

— Въ такомъ случаѣ будьте совершенно набожной женщиной,— это васъ займетъ. Хотите, я вамъ представлю аббата Долиньяка? Объ его проповѣдяхъ говорятъ чудеса.

— Нѣтъ, я хочу оставаться одна. Я люблю уединеніе и безмолвіе. Они для меня служатъ утѣшеніемъ.

— Раненное сердце утѣшаютъ уединеніе и безмолвіе, произнесъ саркастически Морталь:—нечего сказать, веселая теорія!

— Мое сердце не ранено, а убито, отвѣчала Клара.

Съ этой минуты Морталь сказалъ себѣ, что глупо гоняться за такой нелѣпой любовью, и вскорѣ весь Парижъ заговорилъ объ его связи съ знаменитой венгерской пѣвицей, блестящіе экипажи которой славились въ Булонскомъ лѣсу.

Обезображенные останки Нозля Рамбера были преданы землѣ Паскалемъ Артесомъ въ томъ уголкѣ Кламарскаго кладбища, который отведенъ казненнымъ преступникамъ, признаннымъ ихъ семействами. На крестѣ нѣтъ имени, а только одна для всѣхъ надпись: *Упокой, Господи, душу раба Твоего*, и годъ 1859.

Густая трава, усѣянная полевыми цвѣтами, покрываетъ эту невѣдомую могилу, въ которой покоится прахъ несчастнаго бѣдняка.

ПОЗИТИВИСТЫ О ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

(Письмо въ редакцію).

I.

Въ сентябрьской книжкѣ „Дѣла“ г. Пашковъ приводитъ въ своей хроникѣ мнѣніе д-ра Бриджа по женскому вопросу. Д-ръ Бриджъ, заявляя необходимость для женщинъ совершенно такого же образованія, какое получаетъ мужчина, высказывается, какъ позитивистъ, противъ независимаго и равноправнаго отношенія половъ.

Это извѣстіе навело меня на мысль поговорить нѣсколько подробнѣе о томъ, какъ позитивисты смотрятъ на такъ называемую женскую эмансипацію.

Прежде всего, я хотѣлъ-бы выяснитъ читателямъ то смѣшеніе понятій, которое вкралось уже въ слово „позитивистъ“. У насъ до сихъ поръ еще недостаточно извѣстно, что научное мышленіе, приведенное въ систему Огюстомъ Контомъ, имѣетъ не одинаковое, значеніе для двухъ лагерей позитивизма. Позитивисты, признающіе цѣликомъ ученіе Огюста Конта, т. е., кромѣ его системы положительнаго мышленія, и политику, и религію позитивизма, образуютъ особую секту. Во Франціи глава этихъ позитивистовъ Шьеръ Лафитъ. Въ Англіи — Конгривъ. Это — такъ называемые „вѣрующіе позитивисты“. Для нихъ обязательно все, что Огюстъ Контъ измыслилъ послѣ написанія своей „системы“. Они не признаютъ того рѣзкаго противорѣчія, которое существуетъ между научными основами мышленія, заключающагося въ „системѣ“, и чисто произвольнымъ діалектическимъ приѣмомъ, съ помощью котораго Огюстъ Контъ сдѣлался установить законы своей позитивной политики и религіи. Они считаютъ и его „Субъективный Синтезъ“ послѣднимъ словомъ положительнаго мышленія, несмотря на то, что этотъ субъективный синтезъ подрываетъ въ корень всякій научный методъ и приводитъ къ торжеству полнѣйшей мистической

разнуданности. Вѣрующіе позитивисты, какъ всякіе люди традицій и преданія, не осмѣливаются до сихъ поръ относиться хоть сколько-нибудь критически ко всему тому, что изрекъ Огюстъ Контъ. А онъ дошелъ до мистическаго поклоненія женщинѣ, подъ которымъ, однако, была прежняя подкладка, т. е. строгое разграниченіе между правами, обязанностями и отправлениями мужчины и женщины, на основаніи особенностей, будто-бы неизбежно установленныхъ наукой. Замѣчательно, однако, что въ Англии, гдѣ по преимуществу развелись вѣрующіе позитивисты, пропаганда происходитъ, больше всего, посредствомъ женщинъ. Джорджъ Эллиотъ принадлежитъ къ такимъ позитивисткамъ. Если онѣ и не признаютъ вовсе положенія контовскаго мистицизма, то доказываютъ все-таки практическую необходимость держаться религіознаго ученія Конта потому, что для англійскихъ натуръ одно голое философское мышленіе недостаточно. Для нихъ нужна какая-нибудь замѣна тѣхъ вѣрованій, которыя они утрачиваютъ, усвоивъ себѣ позитивизмъ. И среди такихъ вѣрующихъ позитивистокъ мы какъ разъ видимъ женщинъ предающихся самостоятельному труду, начиная съ Джоржа Эллиота, которая по своей дѣятельности стоитъ нѣсколькими головами выше цѣлой массы мужчинъ. Стало-быть, на дѣлѣ у вѣрующихъ позитивистовъ женщина играетъ гораздо большую роль; но когда рѣчь зайдетъ о теоретическомъ разрѣшеніи вопроса объ эмансипаціи женщинъ, „начетчики“ религіознаго позитивизма выступаютъ съ стоячими фразами и опредѣленіями Огюста Конта, къ которымъ они не хотятъ и не могутъ относиться критически.

Другой лагерь позитивистовъ взялъ въ основу своего міросозерцанія „Систему положительнаго мышленія“. Они группируются во Франціи около Литтре. Въ Германіи и въ Англии не имѣютъ они общезвѣстныхъ вожаковъ. Исторія позитивнаго развитія Литтре носитъ на себѣ типическій характеръ. Черезъ тотъ-же очистительный анализъ долженъ пройти каждый умъ, которому дорого положительное знаніе. Литтре уже зрѣлымъ человекомъ, на 40-мъ году жизни познакомился съ ученіемъ Огюста Конта и сдѣлался его послѣдователемъ. До этого онъ получилъ разностороннее и солидное научное образованіе, которое привело его къ признанію научныхъ истинъ единственными руководительницами здороваго

мышленія. Въ „Системѣ“ Огюста Конта нашелъ онъ подкрѣпленіе всѣхъ своихъ думъ и стремленій.

Въ ней увидалъ онъ единственную философію, находящуюся въ неразрывной связи съ выводами точнаго знанія. Онъ сдѣлался ученикомъ Конта сознательно. Позитивная доктрина помогала ему во всѣхъ его изслѣдованіяхъ и давала ту цѣльность мировоззрѣнія, которую невозможно пріобрѣсти однимъ частичнымъ изученіемъ фактовъ. Кромѣ „Системы“, Литтре, подчиняясь силѣ обобщающаго ума своего учителя, призналъ и положенія его „Позитивной Политики“, на сколько они не противорѣчили научнымъ основамъ. Но когда Огюсть Контъ вдавался въ мистицизмъ, Литтре не могъ слѣдовать за нимъ по тому-же пути. Они разошлись. Въ позитивизмѣ образовался расколъ. Правовѣрные позитивисты, принадлежащіе къ паствѣ Лафита и Конгрива, предають анафемѣ Литтре и всѣхъ тѣхъ, кто не признаетъ догматовъ позитивной религіи. А между тѣмъ, очевидно, что для умовъ, развивавшихся на почвѣ научнаго изслѣдованія, только и можно держаться „Системы“ Огюста Конта. Такой рационалистическій позитивизмъ одинъ и способенъ на дальнѣйшее научно-философское развитіе. Но и въ немъ долженъ въ скоромъ времени состояться новый расколъ, или, лучше сказать, выдѣленіе тѣхъ позитивистовъ, которые не ограничиваютъ свой критическій анализъ мистицизмомъ Огюста Конта. Нѣсколько существенныхъ вопросовъ, по которымъ позитивисты повторяютъ доводы Конта, нуждаются въ дальнѣйшей очистительной критикѣ.

II.

Къ числу ихъ принадлежитъ, во первыхъ, вопросъ о женщинѣ. Отъ рациональныхъ позитивистовъ слѣдовало-бы ожидать гораздо болѣе серьезной постановки и обработки этого вопроса, чѣмъ отъ вѣрующихъ. Но до сихъ поръ эти рациональные позитивисты оставляли его подъ спудомъ, показывая этимъ, что они удовлетворяются положеніями, до которыхъ дошелъ самъ Контъ. Новѣйшей обработки женскаго вопроса вы не встрѣтите въ современной литературѣ рациональнаго позитивизма. И когда случается надобность высказаться по вопросу положенія женщины въ современномъ обществѣ, вы не находите у такихъ позитивистовъ никакого желанія провѣ-

рить доводы Конта новѣйшими биологическими открытіями, съ одной стороны, а съ другой, неоспоримыми фактами общественной науки, показывающими, что женщинѣ надо, такъ или иначе, разставаться съ теперешнимъ своимъ положеніемъ. Извѣстно, что Огюстъ Контъ слишкомъ поспѣшно обобщилъ нѣкоторыя научныя данныя не только по женскому вопросу, но и по многимъ другимъ: такъ, наприимѣръ, онъ придалъ френологіи серьезное значеніе; и многія его соображенія по этой части не могутъ не показаться новѣйшимъ ученымъ — дилетантскими. Обвинять его въ этомъ не слѣдуетъ. Онъ пользовался тогдашнимъ запасомъ знаній и обобщалъ то, что казалось ему довольно точно обследованнымъ. Въ вопросѣ о женщинѣ онъ взялъ результаты историческаго движенія и старался объяснить ихъ особенностями женской организаціи. Такъ какъ онъ стремился во всемъ къ установленію прочныхъ, *положительныхъ* основъ, то онъ и не могъ оставить женскаго вопроса неразрѣшеннымъ. Доводы защитниковъ женской самостоятельности, съ которыми онъ лично вступалъ въ полемику, казались ему лишенными всякаго научно-философскаго характера. И въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ было гораздо больше произвольнаго, чѣмъ въ тѣхъ результатахъ опыта и наблюденія, которые Контъ обобщалъ со свойственною ему силою логики. Остальное додѣляли: слишкомъ большая склонность къ обобщеніямъ и личный характеръ. Ему нельзя было ждать. Онъ довольствовался уже накопленнымъ запасомъ фактовъ. Довѣряя своимъ мыслительнымъ дарованіямъ, онъ поторопился произнести вердиктъ и, на основаніи его, воздерживался уже отъ всякихъ компромиссовъ съ поборниками женскаго вопроса. Но не трудно доказать, что поспѣшные выводы Огюста Конта нисколько не обязательны, даже и для тѣхъ, кто въ общемъ слѣдуетъ приемамъ научно-философскаго мышленія. Въ этомъ мышленіи важно лишь признаніе безусловной необходимости идти отъ разрозненныхъ фактовъ къ отысканію общаго непреложнаго закона. Никакой рациональный позитивистъ не станетъ оспаривать, напр., того, что не только по физиологіи, но и по органической химіи запасъ фактовъ, послужившихъ Конту для его выводовъ, весьма недостаточенъ съ новѣйшей точки зрѣнія. Довольно того: въ то время, когда онъ писалъ свою систему, по отдѣлу химіи, послѣднимъ открытіемъ, надѣлавшимъ шуму, было искусственное приготовленіе мочевины. Гдѣ-же основаніе для того; чтобы признать

данныя, служившія Контю послѣднимъ словомъ науки? Все, что въ новѣйшее время было писано по этому предмету, показываетъ несостоятельность тѣхъ фізіологическихъ доказательствъ, которыя выставляемы были врагами женской эмансипаціи до профессора Бишоффа включительно. Ужь, конечно, такой Бишоффъ имѣеть въ рукахъ своихъ гораздо большій запасъ анатомическихъ и фізіологическихъ данныхъ, нежели каковой былъ у Конта. А между тѣмъ мы видимъ, что научные факты даютъ ему самую малую поддержку; главные-же его доводы — діалектическаго свойства. Этимъ жрецамъ науки слѣдовало-бы отставить къ сторонѣ разсужденія, не основанныя на точныхъ результатахъ знанія, и говорить приблизительно слѣдующее:

„Мы не имѣемъ никакихъ предвзятыхъ взглядовъ на такъ-называемый женскій вопросъ. Обычай, преданія, правила формальной морали все это для насъ, какъ для людей науки, необязательно. Мы не хотимъ ничего предрѣшать, мы не хотимъ еще разъ провозглашать апріорически, что женщина призвана совершенно къ той-же общественной дѣятельности, какъ и мужчина. Мы подождемъ результатовъ научныхъ изслѣдованій и общественнаго опыта. Мы не видимъ никакихъ причинъ для того, чтобы отказать женщинѣ въ равноправности; но добьется-ли она въ различныхъ сферахъ дѣятельности мѣста, равнаго мужчинѣ, это дѣло спорное, а стало быть, нуждающееся въ рядѣ опытовъ“.

Точно тоже должны были-бы говорить и позитивисты, нежелающіе измѣнять принципу научнаго изслѣдованія. Между такими позитивистами и людьми точнаго знанія нѣтъ никакой разницы. Для нихъ также существеннѣе всего — наблюденіе и опытъ; а всѣ традиціонныя взгляды для нихъ ни мало не обязательны, коль скоро эти взгляды не имѣютъ научной подкладки. Если-бъ позитивисты, нежелающіе отнестись трезво къ женскому вопросу, ограничились одними социологическими фактами, то и тогда они не выдержали-бы серьезнаго спора съ сторонниками женской эмансипаціи. Аргументація самого Огюста Конта, и по этой части, страдаетъ бѣдностью фактовъ. Даже не вдаваясь въ крайности защитительной діалектики Джона Стюарта Милля, не трудно доказать, что историческіе итоги нисколько не говорятъ за нелѣпость и невозможность допущенія женщины до свободнаго совмѣстничества съ мужчиной во всѣхъ сферахъ частной и общественной

жизни. Выводить какіе-либо социологическіе законы изъ фактовъ подчиненности женщины можно только для научной обработки прошедшаго, а вовсе не какъ законы, обязательные для дальнѣйшаго движенія человѣчества. Это все равно, что законъ, установленный Огюстомъ Контомъ, о трехъ фазисахъ мыслительнаго развитія. Последній фазисъ, положительный, представляетъ собою, по толкованію Конта, высшую грань умственнаго движенія. Но два первые уже пережиты меньшинствомъ человѣчества и никакой позитивистъ не пожелаетъ загонять это меньшинство изъ третьяго фазиса опять во второй или первый. Человѣчество должно пройти черезъ двѣ предварительныя ступени для того, чтобы попасть на ступень позитивную. Прохожденіе по двумъ первымъ ступенямъ можетъ быть признано закономъ; но для извѣстной доли людей законъ этотъ имѣетъ теперь одно лишь историческое значеніе. Вся исторія женщины до нашихъ дней есть только доказательство того, что, поставленная въ извѣстныя общественныя условія, она должна была въ своемъ развитіи такъ значительно отстать отъ мужчины. Самая постановка вопроса объ эмансипаціи женщины принадлежитъ къ позитивному фазису, хотя противники эмансипаціи и называютъ этотъ вопросъ метафизическимъ. Онъ могъ быть возбужденъ идеалистами, но въ настоящій моментъ его постановка носить на себѣ точный положительный характеръ. Серьезные его поборники дѣйствуютъ не возгласами, а научными данными, выставляютъ впередъ итоги и цифры, указываютъ на несомнѣнную необходимость для женщины завоевывать себѣ полную самостоятельность. Никакого идеализма и метафизики тутъ нѣтъ. Если у васъ въ данной странѣ значится полтора милліона одинокихъ женщинъ, живущихъ своимъ умомъ и руками, и если онѣ окажутся, по прошествіи ста или двухъ-сотъ лѣтъ, неспособными на нѣкоторые роды дѣятельности, мужчины не замедлятъ стать на ихъ мѣсто. Въ прагматической жизни это сводится къ борьбѣ за существованіе или за преобладаніе. Парламенты и митинги, состоящіе изъ мужчинъ, могутъ упорно противиться эмансипаціи женщинъ; но люди научнаго мышленія не должны довольствоваться простыми соображеніями консерватизма или либерализма. Они не имѣютъ права разсуждать, какъ люди партій; а точная наука не уполномочиваетъ ихъ также произносить свое окончательное „Veto“.

III.

Органъ раціональныхъ позитивистовъ — журналъ, издаваемый въ Парижѣ г. Литтре, могъ-бы отнестись къ женскому вопросу такъ, какъ я сейчасъ намѣтилъ, но эти раціональные позитивисты еще недостаточно эмансипировались, чтобы критически отнестись къ взгляду Кюнта на женскій вопросъ. Я полагаю даже, что они взглянули-бы на того, кто не хочетъ предрѣшать женскаго вопроса, какъ на лже-позитивиста. Въ этомъ они жестоко ошибаются. Заключившись въ рамки устарѣлой аргументаціи, они должны по необходимости или сторониться отъ одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ современной культуры, или-же пробавляться противорѣчивыми соображеніями. Примѣръ доктора Бриджа на лицо; онъ желаетъ, чтобы женщины получали совершенно равное образованіе съ мужчинами, и отказываетъ имъ въ одинаковомъ участіи въ общественномъ движеніи. Вы пустите женщинъ въ академіи, въ университеты, въ технологическіе институты, а потомъ лишите ихъ самаго права жить своими трудами. Въмѣсто того, чтобы впадать въ такія дѣтскія противорѣчія, лучше было-бы позитивистамъ, разсуждающимъ, какъ докторъ Бриджъ, изслѣдовать вопросъ: на что роковымъ образомъ должны будутъ обратиться умственные силы женщинъ, когда вы имъ дадите равное съ мужчинами образованіе?

Не избѣжать подобныхъ противорѣчій и позитивистамъ, группирующимся около органа г. Литтре. И имъ неловко будетъ не согласиться на серьезное образованіе женщинъ; а во всемъ остальномъ они поведутъ себя, или враждебно, или индифферентно. Точно будто такое отношеніе къ женскому вопросу непримѣнный мундиръ позитивизма. Мыслители не обязаны, конечно, увлекаться модными идеями, играть во что-бы то ни стало роль ихъ пропагандаторовъ. Но правильная постановка такого важнаго вопроса есть первая обязанность положительныхъ мыслителей. Если-бы выводы науки были совершенно доказательны, тогда можно было-бы сказать: „это дѣло рѣшенное, и мы имъ больше не занимаемся“. Но на это ни одинъ позитивистъ не имѣетъ права. Онъ долженъ ждать результатовъ социологическаго опыта, и не сложа руки, не съ равнодушной или скептической усмѣшкой.

а такъ, какъ онъ ждетъ ихъ во всѣхъ областяхъ точнаго знанія. Отчего-же онъ слѣдитъ съ интересомъ за успѣхами той или иной науки, того или иного культурнаго движенія? Онъ знаетъ, что безъ извѣстныхъ опытовъ, наблюденій и фактическихъ, данныхъ ему нельзя будетъ установить никакого новаго закона. А какъ только дѣло коснется широкой экспериментации по женскому вопросу, онъ сейчасъ—на попятный дворъ, за обветшалые доводы Конта.

Позитивизмъ—міровоззрѣніе, а не секта. Въ немъ — два рычага, два момента для раскрытія доступной намъ истины: научный методъ и положительный законъ, добываемый посредствомъ его. Вотъ что установилъ Огюстъ Контъ, какъ основы возможно правильнаго міросозерпанія. Держаться ихъ слѣдуетъ всякому, называющему себя позитивистомъ. Больше онъ не долженъ налагать на себя никакихъ запретовъ и зароконъ. Что-бы ни говорилъ Огюстъ Контъ объ эмансипации женщины, коль скоро въ настоящее время можно поставить этотъ вопросъ гораздо шире и научнѣе, позитивистамъ не сектантамъ слѣдуетъ это сдѣлать непремѣнно. Иначе они окажутся не только солидарными съ врагами всякаго движенія, но и крайне отсталыми въ научно-философскомъ смыслѣ. Иностранная пословица говоритъ, что „всѣ дороги ведутъ въ Римъ“; но не всѣ толки позитивизма приводятъ къ истинно-научному, а, стало быть, и прогрессивному міровоззрѣнію.

Н. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Гдѣ-же земскія силы и земскіе дѣятели? — Сны и дѣйствительность земскаго дѣла. — Подвиги земской управы Смоленскаго уѣзда. — Сборникъ пермскаго земства, какъ образецъ бюрократической формалистики. — Система налоговъ, установленная пермскимъ земствомъ. — Количественная и качественная ея диспропорція. — Смертность населенія пермской губерніи и ея медицинскія средства. — Степень образованія и отношеніе его къ общей массѣ невѣжества. — Первобытная дикость населенія темныхъ угловъ. — Отчеты вятскаго земства. — Каждый за себя, и Богъ за всѣхъ — девизъ вятскихъ земцевъ.

Юношескій возрастъ, или выражаясь точнѣе, *медовый мѣсяцъ* нашего земства давно уже прошелъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, наступило для него спокойное и благоразумное мужество, или лучше, прямо за юношескимъ періодомъ насталъ періодъ старчества, и если-бы земство не заявляло о своемъ существованіи такими громкими фактами, какъ, напр., расхищеніе земскихъ денегъ кн. Шаховскимъ, то мы легко могли-бы и забыть о немъ. А между тѣмъ давно-ли мы считали его великимъ „чаяніемъ Израиля“? Давно-ли оно, устами своихъ златоустовъ, говорило намъ торжественно, что въ немъ-то и надо искать всенасцѣляющаго средства отъ нашихъ застарѣлыхъ болѣзней и обновленія всей общественной жизни? Не оно-ли увѣряло насъ, что самоуправленіе наше вызоветъ изъ нѣдръ общества новыя силы, новыхъ дѣятелей, новые гражданскіе элементы, что изъ него, какъ изъ живого родника, потекутъ на насъ всѣ блага, о какихъ только въ правѣ мечтать русскій человѣкъ? Но сны исчезли, а гдѣ-же дѣйствительность? Гдѣ эти новые дѣятели и силы, гдѣ это великое „чаяніе Израиля“? Всѣ эти вопросы

невольно представляются тому, кто слѣдить за послѣдними событіями земскаго дѣла.

Но почему-же оно не оправдало и тѣхъ скромныхъ надеждъ, которыя возлагались на него? Почему оно даже въ узкой и специальной сферѣ, отведенной его дѣятельности, оказалось бессильнымъ и апатичнымъ? Никто, конечно, не станетъ оспаривать той общеизвѣстной истины, что самоуправленіе намъ необходимо, что мы слишкомъ долго и много выносили на себѣ всевозможныхъ постороннихъ опекъ, что мы, всего ожидая отъ Бога и отъ своего правительства, наконецъ, утратили всякую способность думать сами о себѣ и управлять своими собственными дѣлами. Чтобы вывести насъ изъ этого безпомощнаго положенія, земскія учрежденія положили начало той общественной реформѣ, необходимость которой, повидному, такъ давно чувствовалась. Поэтому въ принципѣ земство должно было-бы представлять одно изъ самыхъ живучихъ учреждений, способныхъ и къ развитію, и къ процвѣтанію. А если какое-нибудь учрежденіе является, какъ результатъ глубокой потребности въ народной жизни, то оно быстро къ ней прививается, растетъ и дѣлается необходимымъ и существеннымъ ея элементомъ. Такова исторія всѣхъ учреждений, играющихъ болѣе или менѣе значительную роль въ жизни западно-европейскихъ народовъ. Кому неизвѣстно, что самоуправленіе Англій постепенно шло впередъ и оказало не мало великихъ услугъ, какъ самой Англій, такъ и тѣмъ народамъ, среди которыхъ она бросала его плодотворныя сѣмена? Такъ оно и должно быть тамъ, гдѣ общество не думаетъ, что благосостояніе его должно падать на него съ неба, гдѣ оно само подготавливаетъ почву, на которой впоследствии разрабатывается та или другая социальная реформа; гдѣ, наконецъ, общественное чувство воспитано не педагогическими теоріями и чахлыми книжками нашихъ народниковъ, а долговременнымъ историческимъ опытомъ и борьбой за свою самостоятельность, — воспитано такъ что умѣетъ отлпчать общественные интересы отъ своихъ личныхъ и не приносить первыхъ въ жертву послѣднимъ. Тамъ, гдѣ этимъ чувствомъ проникнуты всѣ и каждый, нѣтъ надобности вбивать въ общественнаго дѣятеля азбучныя истины, въ родѣ тѣхъ, что онъ работаетъ не ради себя и своего кармана, а для общей пользы и счастья; что неприлично платить предсѣдателю земской управы 2000 р. въ годъ въ то время, когда на учителя сельской школы не достается и 40 р. въ годъ, а на арестанта отпускается только 3 к. въ день. Говорять, что корень нашей народной жизни—община, что изъ нея, такъ или иначе, должны вытекать всѣ наши гражданскія понятія, вся внутренняя организація общественнаго устрой-

ства. А между тѣмъ, когда дѣло касается общественнаго участія и поддержки того или другого полезнаго учрежденія, мы отличаемся такимъ особнячествомъ, что какъ-будто только для насъ и сочинена пословица: Богъ за всѣхъ и каждый за себя; какъ-будто мы еще не вышли изъ періода удѣльныхъ междоусобій... Что такое земство, не въ тѣсномъ и бюрократическомъ смыслѣ, а вообще? Земство — это весь народъ, вынесшій на своихъ плечахъ всѣ невзгоды нашей исторической жизни и съ судьбой котораго такъ неразрывно связывается судьба нашего настоящаго и будущаго. Но понимаетъ-ли это большинство нашихъ земскихъ дѣятелей? Не думаемъ, потому что факты даютъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Посмотримъ, на примѣръ, на личный составъ нашихъ земствъ. Извѣстно, что крестьяне *de facto*, если не *de jure*, почти вовсе не участвуютъ въ дѣятельности земства. Земскія собранія и управы состоятъ главнымъ образомъ изъ дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и разбогатѣвшихъ крестьянъ; обыкновенные-же крестьяне, даже будучи гласными, остаются всегда безгласными; да ихъ и чрезвычайно мало въ земскихъ собраніяхъ или почти вовсе нѣтъ; въ губернскихъ-же земскихъ собраніяхъ чрезвычайно мало даже и богатыхъ крестьянъ, болѣе или менѣе чуждыхъ насущнымъ интересамъ крестьянской массы. Вторыхъ, земскія собранія съ самаго начала вкривь и вкось перетолковали принципъ, на которомъ они должны быть основаны. Они должны были-бы состоятъ изъ выборныхъ представителей народа, посредствомъ которыхъ народъ заботится о своихъ экономическихъ нуждахъ, о своемъ просвѣщеніи, здоровьѣ и т. д. На самомъ-же дѣлѣ такого представительства вовсе нѣтъ. Выбранные народомъ представители дѣлаются не слугами, а господами народа, облагаютъ и переоблагаютъ его налогами, распоряжаются его силами для своихъ личныхъ или сословныхъ выгодъ. Гласнымъ и ихъ избирателямъ, напр., нужна гимназія и они чрезъ земское собраніе основываютъ ее на деньги, собранныя преимущественно съ крестьянъ, хотя крестьянскія дѣти не имѣютъ никакой возможности учиться въ гимназіи. Или вотъ, напр., галицкое земство, для улучшенія породы крестьянскихъ лошадей, приобрѣло нѣсколько жеребцовъ, на покупку которыхъ затратило 1,200 р., а на содержаніе ихъ тратится ежегодно болѣе 850 р. Жеребцами этими пользуются почти исключительно помѣщики, а расходуемая на нихъ деньги пропадаютъ для крестьянъ совершенно бесполезно, между тѣмъ какъ ихъ можно было-бы употребить на болѣе настоятельную нужду, чѣмъ улучшение лошадиной породы. И это

неумѣнье отнестись къ дѣйствительнымъ нуждамъ и интересамъ народа постоянно проглядываетъ въ распоряженіяхъ земства. При такомъ равнодушіи и постоянныхъ промахахъ со стороны земскихъ людей не обходится и безъ злоупотребленій, которыя такъ часто украшаютъ собою свѣжія страницы земской лѣтописи. Вотъ, для примѣра, подвиги земской управы смоленскаго уѣзда.

Бѣдность крестьянъ смоленской губерніи уже давно извѣстна. Въ прошломъ году плохой урожай, градобітія, червь окончательно разстроили крестьянское хозяйство. Губернское собраніе признало необходимымъ покупку хлѣба и раздачу его крестьянамъ и съ этою цѣлью ассигновало на смоленскій уѣздъ 58,000 р. Но управа закупила такой хлѣбъ, котораго не ѣли даже свиньи. Чрезвычайное земское собраніе нарядило слѣдствіе, изъ котораго, между прочимъ оказалось, что „народъ находится подъ тяжкимъ гнетомъ волостнаго начальства и страшится высказывать правду, боясь угрозъ (такъ, напр., старшина бѣлорусской волости угрожалъ судомъ сельскимъ старостамъ, приложившимъ печати къ акту, составленному о качествѣ хлѣба), и что старшины поставлены какъ-бы въ обязательныя отношенія къ операторамъ пособія, г. Энгельгарту (предсѣдателю управы) и г. Романовскому (члену управы)“. Закупленная управою рожь „представляла собою какіе-то каменные комья, покрытые пухомъ, — комья, изъ которыхъ вылетала удупливая пыль, когда ихъ разламывали и терли. Этотъ гнилой, затхлый, на вкусъ горькій хлѣбъ былъ вреденъ не только человеку, но и скоту, лошадямъ и птицамъ; люди, ѣвшіе его, страдали и страдаютъ болью подъ ложечкой, тошнотой и поносомъ; въ Кошнинской волости отъ этого хлѣба пала тройка лошадей, въ деревнѣ Темчинской пара, а въ Стрѣльниковѣ 5 поросятъ и 13 цыплятъ; только куры безвредно для себя выбирали нѣкоторые зерна... Овесъ былъ такого-же качества. Кисель изъ него сварить трудно, жидокъ, ѣсть невозможно, горькій. А кому пришлось хватить — катался животомъ съ сутки. Скотъ голодный, и тотъ плохо ѣлъ. Лошади въ Кошнинской волости получали отъ овса поносъ, ослабѣвали и у нихъ пухла морда. У крестьянъ Лобковской волости пали лучшія лошади отъ этого овса, а въ разрѣзанныхъ животахъ ихъ овесъ найденъ цѣлый, комьями, снѣгъ“... Крестьянъ спаввали, чтобы добыть отъ нихъ одобрительные приговоры о хорошемъ качествѣ этого хлѣба, отвели у нихъ чрезвычайно много времени на безтолковую перевозку его, самый хлѣбъ раздавали кому попало, даже лицамъ, которыя вовсе чужды крестьянскимъ обществамъ; при раздачѣ, какъ водится, обсчитывали, давали горздо меньше, чѣмъ значилось на бумагѣ. Когда открылось чрез-

вычайное уѣздное собраніе, то предсѣдатель Полянскій доложилъ ему, что 1) управа почему-то не нашла возможнымъ разослать повѣстки гласнымъ и даже просила губернатора отложить засѣданіе до 26 іюня (на 10 дней), а настоящее засѣданіе состоялось только потому, что предсѣдатель собранія принялъ на свою отвѣтственность передъ губернаторомъ своевременную доставку повѣстокъ гласнымъ, что и сдѣлалъ черезъ полицейское управленіе. Г. Энгельгартъ, явившись въ полицейское управленіе, предлагалъ сначала исправнику, затѣмъ разсылнымъ и сотскимъ благодарность, если повѣстки будутъ задержаны. Аѣтъ объ этомъ, представленный предсѣдателемъ собранію, постановлено приобщить къ дѣлу. 2) Прочтенъ актъ, составленный уѣзднымъ врачомъ, Русановымъ, изъ котораго видно, что когда врачъ объѣзжалъ уѣздъ, отъ него прятали въ кусты и за изгороди гнилой въ мукѣ и печеный хлѣбъ. 3) Изъ управы выбылъ одинъ гласный, недавно въ нее поступившій (Згоржельскій); новые выборы въ члены были неудачны, почему собраніе и постановило: 4) извѣстить г. губернатора о незаконности состава управы и просить о созывѣ чрезвычайнаго губернскаго земскаго собранія“ („Голосъ“, № 68).

Подобныя злоупотребленія со стороны земскихъ дѣятелей напоминаютъ клушинскую ревизію въ пермской губерніи. Они тѣмъ болѣе непростительны, что совершаются при полномъ дневномъ свѣтѣ, на глазахъ людей, которымъ такъ легко знать мѣстныя нужды и устранять явныя злоупотребленія. Но отсутствіе общественнаго чувства, непониманіе своего призванія дѣлаютъ изъ нашихъ земскихъ людей казихъ-то подъячихъ временъ Котошихина. Завѣдывая, напримѣръ, такими, требующими спеціальныхъ свѣденій дѣлами, какъ земская медицина и народное образованіе, они стараются совершенно подчинить себѣ и школу, и больницу, подчинить не въ интересахъ самого дѣла, а въ интересахъ своей власти и своего самолюбія. Самое лучшее, конечно, было-бы, если-бы земскія школы предоставлены были управленію педагоговъ, а земская медицина — надзору медиковъ. Тогда выиграло-бы и самое дѣло, а земскія управы перестали-бы самоуправно распоряжаться врачами и педагогами, на что теперь слышится отвсюду такъ много жалобъ. Но земцы не только не заботятся о такомъ существенномъ улучшеніи, а по мѣстамъ даже принимаютъ самыя неблагоприятныя мѣры къ подавленію всякихъ попытокъ подобной реформы. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить высшее реальное училище въ Екатеринославлѣ, о которомъ мы говорили уже въ октябрьской книжкѣ нашего журнала.

И многое множество такого рода фактовъ мы могли-бы приве-

сти изъ кратковременной лѣтописи нашего земства, если-бы не боялись утомить ими читателя. Но мы обратимся къ разбору двухъ отчетовъ пермскаго и вятскаго земства, чтобы, во-первыхъ, заставить говорить за себя самихъ земцевъ, а во-вторыхъ, не выходить изъ границъ самой точной фактической оцѣнки ихъ дѣятельности.

Передъ нами лежатъ нѣсколько книжекъ „Сборника Пермскаго Земства“ за 1872 годъ, и значительная часть ихъ наполнена перепискою о разныхъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ по вопросамъ формалистики. Во всежъ сборникѣ нѣтъ даже ни одной рѣчи, какъ-будто ихъ вовсе и не произносятъ въ земскихъ собраніяхъ! Словомъ, всѣ эти документы имѣютъ рѣшительно тотъ-же характеръ, какъ и бумаги старыхъ бюрократическихъ канцелярій. Бюрократизмъ, впрочемъ, господствуетъ не въ одномъ пермскомъ земствѣ; въ саратовскомъ, наприимѣръ, онъ въ послѣднее время дошелъ до такихъ размѣровъ, что готовъ окончательно поглотить все мѣстное самоуправленіе. Вотъ что пишутъ въ „Недѣлю“ (№ 23—24) изъ Саратова. Въ 1868 году утверждена была концессія на тамбовско-саратовскую желѣзную дорогу, гарантированная земствами: саратовскимъ, кирсановскимъ уѣзднымъ и городомъ Саратовомъ. Изъ общей суммы гарантіи въ 384,977 р. саратовское *губернское* собраніе самую большую долю, около 260,000 р., распорядилось наложить на саратовское уѣздное земство. Послѣднее отказалось платить и черезъ губернатора хотѣло ходатайствовать объ избавленіи его „отъ участія въ гарантіи, какъ неправильно привлеченнаго въ этомъ коммерческомъ предпріятіи *безъ согласія населенія уѣзда*“. Губернаторъ отказалъ, и теперь земство ходатайствуетъ о томъ-же черезъ сенатъ. Подобные казусы постоянно встрѣчаются въ земской практикѣ.

Земство въ настоящее время уполномочено взиманіемъ мѣстныхъ доходовъ и надлежащимъ расходованіемъ ихъ на извѣстныя мѣстныя нужды. Существующая система налоговъ будетъ парализовать развитіе земства, пока не совершится всѣми желаемая и ожидаемая податная реформа. Неудобства этой системы очевиднѣе всего въ пермской губерніи, въ которой существуютъ самыя разнообразныя отрасли промышленной дѣятельности, подлежащей обложенію,—самые разнообразные разряды землевладѣльцевъ, заводы, пріиски, фабрики и т. д. Поэтому смѣты губернскихъ и уѣздныхъ налоговъ пермскаго земства очень назидательны и мы здѣсь остановимся на нихъ. Начнемъ съ уѣздовъ. Смѣта расходовъ екатеринбургскаго уѣзда, обладающаго богатѣйшими горными заво-

дами, пріисками и значительной торговлей, опредѣлена въ 142,000 руб., которыя по сословіямъ распредѣляются такъ:

	Руб.	Коп.
На крестьянскія общества	25,303	64
> городское общество	6,789	52
> частныхъ владѣльцевъ	51,386	4
> горное вѣдомство	15,443	67
> вѣдомство Двора Е. И. В.	946	21
> дома купцовъ и мѣщанъ въ уѣздѣ	916	71
> торговлю и промыслы	18,723	79

Въ прбитскомъ уѣздѣ смѣта въ 60,863 р.; изъ нихъ платять:

	Руб.
сельскія общества	35,670
горное общество	5,625
частные владѣльцы	4,084
вѣдомство государств. имуществъ	3,261
горное вѣдомство	5,991
торговля и промышленность	3,181

Обращаемъ вниманіе читателя особенно на послѣднюю цифру, такъ-какъ одна только прбитская ярмарка дѣлаеть оборотъ на сумму около 40 милліоновъ рублей.

Сумма всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ смѣтъ представляетъ цифру въ 1,273,520 р., изъ которыхъ платять:

	Уѣздн. сборъ. Руб.	Губ. сборъ. Руб.
сельскія общества	457,152	50,064
городскія общества	29,869	4,087
частные владѣльцы	305,427	33,361
государственныя имущества	174,421	13,207
горное вѣдомство	84,886	9,032
удѣльное вѣдомство	4,091	449
акцизное вѣдомство	490	101
имущества кабинета Е. В.	946	—
духовное вѣдомство	159	19
торговля и промышленность	83,977	646

Очевидно, масса налоговъ лежитъ на крестьянахъ, которые платять ихъ по степени доходности своего имущества, между тѣмъ какъ купцы, фабриканты, заводчики платять не съ своихъ доходовъ, а только со стоимости помѣщеній, фабрикъ и т. д. Изъ 1,300,000 р. на торговля и промышленныя помѣщенія приходится только

25,423 р., а на золотые прииски, желѣзные рудники, добычи драгоценныхъ камней, известковые прииски, каменоломни, рыбныя ловли и т. д.—только 15,736 рублей!.. Конечно, земство не виновато въ этомъ, хотя оно и всегда старается сваливать тяжесть налоговъ на однихъ крестьянъ, какъ это дѣлаютъ и другія земства, которыя ходатайствуютъ, напримѣръ, чтобы «расходы на содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій отнести исключительно на крестьянскія общества», и только одно правительство сдерживаетъ ихъ въ этомъ стремленіи (Сборникъ, I, 20, II, 13). Вообще, правительство въ послѣднее время поставлено въ необходимость не только разъяснять земству его обязанности, но даже удерживать его отъ уклоненія пользованіемъ тѣми правами и вольностями, какія предоставляетъ ему законъ. Въ земствѣ, напримѣръ, есть представители интересовъ казны и удѣла, и нѣкоторыя земскія собранія, не стѣсняясь, выбираютъ ихъ на должности земскихъ гласныхъ; но сенатъ прекращаетъ это и разъясняетъ земству различіе между депутатомъ чиновникомъ и выборнымъ представителемъ народа (III, 9—13).

Какъ относительно раскладки налоговъ, такъ и относительно расходования ихъ земство руководствуется строго опредѣленной программой. Оно обязано прежде всего заботиться о почтовыхъ дорогахъ и на этотъ предметъ идетъ всюду денегъ болѣе, чѣмъ на что-либо. Пермское земство расходовало въ 1872 году:

	Руб.
на дорожную повинность	310,795
» содержаніе земскихъ станцій.	299,386
» народное образованіе	133,118
» медицинскую и ветеринарную часть	194,996
» содержаніе земскихъ управъ	124,938
» содержаніе мировыхъ посредниковъ	91,977
» исправленіе проселочныхъ дорогъ	7,227
» улучшеніе сельскаго хозяйства въ прѣ- битскомъ уѣздѣ	100

Вотъ самыя существенныя статьи расхода. Изъ нихъ мы видимъ, напримѣръ, что земскіе дѣятели себя не забываютъ (124,938 р.), что на такую настоятельную потребность, какъ на улучшеніе земледѣлія, они отпускаютъ 100 рублей, а на пособіе какому-то верхотурскому «обществу стрѣлковъ и гимнастовъ» (!!) 300 р. и т. д. Все это совершенно въ порядкѣ вещей, и поэтому перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей расхода.

Дорожная повинность—это первая и самая хлопотливая забота

всякаго земства. Администрація зорко слѣдитъ за дорогами. Даже проѣзжающія официальные лица слѣдятъ за ними. Въ газетахъ мы недавно читали, что генераль-губернаторъ Восточной Сибири, проѣзжавшій изъ столицы въ Иркутскъ, изъ Тюмени телеграфировалъ министру внутреннихъ дѣлъ о крайне дурномъ состояніи дорогъ пермской губерніи. Земство выбивается изъ силъ, чтобы поправлять и поддерживать ихъ; изъ уѣздныхъ и губернскихъ сборовъ оно назначило на почтовые дороги въ 1872 г. 401,545 руб. (III, 32),—почти $\frac{1}{3}$ своихъ доходовъ! Само земство сознается, что дороги скверны, но средствъ къ приведенію ихъ въ надлежащее состояніе оно рѣшительно не имѣетъ. «Назначать такую сумму, какая необходима для хорошаго устройства дорогъ, уѣздныя земства не въ состояніи, говоритъ докладъ губернской управы;—ограничиться-же ассигнованіемъ средствъ только на поддержку трактовъ, не производи капиталныхъ исправленій, значить рисковать вызвать административную мѣру исправленія дорогъ на основаніи 10 ст. п. о земск. учр. *), какъ это едва не случилось въ настоящемъ году въ пермскомъ и кунгурскомъ уѣздахъ». Суммы, ассигнованныя этими земствами на дороги, показались администраціи недостаточными и она хотѣла воспользоваться 10 ст. положенія, но министерство на этотъ разъ не разрѣшило, «такъ-какъ это было-бы крайнее средство, которое еще не было примѣнено къ земскимъ учрежденіямъ ни въ одной губерніи...»

Подводная повинность стоитъ земству на 1872 г. 290,856 р., кромѣ шадринскаго уѣзда, гдѣ она отправляется натурой. Посредствомъ контроля надъ пользованіемъ земскими лошадьми, земство успѣло сократить на 36% эту повинность, которая прежде стоила 475,118 р. Но „укоренившійся обычай пользованія земскими подводами, ни мало не стѣсняясь требованіями закона, продолжаетъ дѣйствовать и до настоящаго времени... Существуетъ много произвола въ пользованіи земскими лошадьми, въ особенности при требованіи лошадей чинами полиціи для ихъ безчисленныхъ нарочныхъ, а также полицейскими, сотскими и десятскими... Земскимъ учрежденіямъ много нужно времени только для того, чтобы заставить признать за собой извѣстныя законныя права и, между прочимъ, права контроля за правильнымъ пользованіемъ земскими лошадьми. До тѣхъ-же поръ, пока это право не будетъ признано,

*) «Если земскими учрежденіями не будетъ сдѣлано распоряженій въ отправленію обязательныхъ повинностей, то губернаторъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, приступаетъ къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства».

земство, очевидно, не можетъ имъ вполнѣ воспользоваться, потому что не имѣетъ для этого, безъ должнаго содѣйствія со стороны губернскаго начальства, никакой возможности, а вслѣдствіе этого и расходы на подводную повинность не могутъ быть до тѣхъ поръ сокращены до предѣловъ нормальныхъ."

Всѣ обязательныя земскія губернскія и уѣздныя повинности (дорожная, подводная, квартирная, этапная, содержаніе мировыхъ учреждений и т. д.) на 1872 г. стоить 837,003 р.; если-же къ нимъ присоединить изъ необязательныхъ расходовъ такіе, которые вѣдутъ непосредственно на народныя нужды, какъ, напр., содержаніе земскихъ управъ, 124,938 р., вознагражденіе сельской полиціи 1,000 р., пособіе верхотурской уѣздной полиціи 2,000 р., пособіе обществу стрѣлковъ и гимнастовъ 300 р., на окраску верстовыхъ столбовъ по случаю проѣзда одной особы 257 р., на устройство литографіи при верхотурской управѣ 1,500 р., вознагражденіе почтовыхъ конторъ 500 р.,—то, вмѣстѣ съ обязательными расходами, составитъ сумма въ 967,498 р. Непосредственныхъ-же расходовъ на народныя нужды,—образованіе (133,118 р.), медицину и ветеринарію (194,996 р.), исправленіе проселочныхъ дорогъ (7,227 р.), содержаніе сельской почты (5,389 р.), изслѣдованіе фарватера р. Туры (990 р.), улучшеніе сельскаго хозяйства (100 р.) и т. д. — всего только 372,076 р., кромѣ 39,881 р., ассигнованныхъ на непредвидимыя расходы...

Губернскій продовольственный капиталъ составлялъ къ 1 января 1872 г. 440,102 р., изъ которыхъ было въ долгахъ за крестьянами 9,643 р. Значительныхъ неурожаевъ и голодovieвъ въ пермской губерніи нѣтъ, поэтому и не случается значительныхъ ссудъ изъ продовольственнаго капитала. Но и при сравнительной незначительности продовольственныхъ операций онѣ безъ грѣха необходимы. Ирбитская управа просила въ пособіе крестьянамъ сначала 6,000 р., а послѣ повѣрки числа нуждающихся членомъ Фроловымъ—7,346 р. Губернская управа, въ виду разности этихъ требованій, командировала своего члена Адутова удостовѣриться на мѣстѣ въ размѣрахъ дѣйствительной потребности. Оказалось, что Фроловъ не внесъ въ списки многихъ нуждающихся, внесъ много людей ненуждающихся, многимъ назначилъ ссуды свыше ихъ потребностей; крестьяне при этомъ заявили, что будто-бы Фроловъ обѣщаль имъ ссуду только въ томъ случаѣ, если они будутъ брать ее хлѣбомъ. „Такое заявленіе объясняется желаніемъ Фролова сбыть свой негодный хлѣбъ за выгодную для себя, а для крестьянъ обременительную цѣну.“ При этомъ крестьяне дополняли еще, „что, при приѣмѣ дорожныхъ участковъ, Фроловъ поступалъ при-

страстно, изъ желанія взять на себя подрядъ по постройкѣ мостовъ.“ Всего лишнихъ денегъ, затребованныхъ ирбитской управой по неправильнымъ сообщеніямъ Фролова, оказалось 1,453 р. Г. Фроловъ обидѣлся и началъ переписку изъ-за того главнымъ образомъ, что будто-бы Адутовъ и губернская управа считаютъ его „спеціалистомъ!..“

Незначительность неурожаевъ и отсутствіе голодоловокъ еще не ручаются за матеріальное благосостояніе народа. Земледѣліе и вообще сельское хозяйство въ пермской губерніи, какъ и во всей Россіи, въ самомъ незавидномъ положеніи. И для улучшенія ихъ земство до сихъ поръ не сдѣлало ничего, да, говоря по правдѣ, и не можетъ сдѣлать что-либо существенное до тѣхъ поръ, пока рациональная податная реформа не выведетъ крестьянъ изъ ихъ настоящаго положенія. А теперь, если земство и дѣлаетъ что-нибудь по этой части, то почти исключительно для исполненія формальности, да и то ему не всегда удается. Главноуправляющій государственнымъ коннозаводствомъ, напр., приглашаетъ земство участвовать въ улучшеніи сорта рабочихъ лошадей (I, 40). Земство соглашается, но съ тѣмъ, чтобы ему передана была пермская случная конюшня. Главное управленіе коннозаводства готово передать земству, но не случную конюшню, а только содержаніе ея: „заготовки провіанта и фуража, пріобрѣтеніе различныхъ матеріаловъ, выдачу содержанія чинамъ ея и т. п. расходовъ, отпускаемыхъ по земскимъ смѣтамъ; казенныя-же лошади, команда нижнихъ чиновъ и вообще техническая и распорядительная часть управленія остаются по-прежнему въ вѣденіи главнаго управленія“ (III, 166)!.. Само собой понятно, что земство не могло добровольно принять на себя этой новой повинности. И безъ нея не на что чинить дорогъ.

Самая важная промышленность пермской губерніи—горная, но о поднятій ея и о пользованіи ею земство даже и не мечтаетъ. Между тѣмъ, частная горнозаводская промышленность на Уралѣ въ настоящее время находится въ такомъ состояніи, что, такъ сказать, сама просится въ руки земства. Частные горнозаводчики,—сообщала губернская управа сенатору Клушину,—владѣя громадными капиталами, которые скопили ихъ предшественники, вдалились въ расточительность, не знавшую границъ, и бросили заводы, поселясь въ столицѣ или путешествуя въ чужихъ краяхъ. Заглазное управленіе заводами и безпрестанное требованіе денегъ изъ заводскихъ кассъ, безъ соображенія съ заводскими нуждами, не могло привести къ инымъ результатамъ кромѣ тѣхъ, которые видны при настоящемъ положеніи заводовъ. Уничтоженіе крѣпостного, почти дароваго труда окончательно подорвало заводское дѣло.“ Всѣ эти

заводы за свои неоплатные долги состоятъ въ управленіи казны или опекунскомъ, которое ничего не можетъ подѣлать съ ними. Нѣкоторые изъ нихъ уже поступили въ публичную продажу, но покупщиковъ не нашлось, такъ какъ продажная цѣна назначена самая высокая, чтобы покрыть долги, лежащія на этихъ заводахъ. Но все-таки люди компетентные и съ ними ученый комитетъ корпуса горныхъ инженеровъ считаютъ необходимымъ продать ихъ (IV, 93—104). Пермскому земству предстоитъ такимъ образомъ не только возможность, но и положительная обязанность хлопотать о приобрѣтеніи этихъ заводовъ, чтобы поднять горнозаводскую промышленность и эксплуатировать ее въ пользу всего земства. Это даже необходимо, потому что масса горно-заводскихъ крестьянъ, освобожденная теперь отъ крѣпостного рабства, давнымъ давно уже занимается традиціонной горнозаводской профессіей и теперешній надѣлъ ей землю, надѣлъ крайне невыгодный по мѣстнымъ условіямъ, не даетъ ей возможности даже кормиться досыта отъ непривычнаго для нея земледѣлія... Но пермское земство, какъ мы уже сказали, даже не мечтаетъ, не заикается, не думаетъ ни о чемъ подобномъ. Оно только стонетъ о томъ, что у него денегъ не хватаетъ на обязательныя повинности, да ходатайствуетъ о субсидіяхъ изъ государственнаго земскаго сбора... Назначивъ 100 рублей на улучшеніе земледѣлія (въ ирбитскомъ уѣздѣ), да 200 рублей преміи „за указаніе средствъ къ истребленію наскомаго кобыльи“, земство на этомъ и остановилось въ дѣлѣ поднятія производительныхъ силъ губерніи. Конечно, для этого нужны деньги; но горе въ томъ, что со стороны пермскаго земства незамѣтно никакихъ серьезныхъ желаній объ отысканіи новыхъ источниковъ дохода. На горные заводы мы уже указывали; уважемъ еще на почты, которыя въ пермской губерніи находятся въ откупномъ частномъ содержаніи и приносятъ откупщику большую пользу и много вреда проѣзжающимъ. Эти „вольныя почты“ были-бы выгодны земству.

Одна изъ главныхъ задачъ земства—организация земской медицины, въ пермской губерніи, пожалуй, важнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что этотъ край одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ. Населеніе шадринскаго уѣзда, напр., каждую весну чуть не поголовно страдаетъ жестокими лихорадками. Оспа поражаетъ всюду множество народа. Холера частая гостья въ этомъ краѣ. „Сифилисъ въ губерніи представляетъ одинъ изъ самыхъ ужаснѣйшихъ бичей народнаго здравія, съ которымъ не можетъ сравниться даже самая холерная эпидемія.“ Смертность въ губерніи сильная. Въ то время, какъ въ Норвегіи, находящейся, повидимому, далеко не въ такихъ

благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ пермская губернія, умираетъ 1 изъ 53 жителей, въ петербургской губерніи 1 изъ 26, въ архангельской губерніи 1 изъ 24, въ пермской губерніи умираетъ 1 изъ 20, а въ городѣ Перми *1 изъ 14 жителей!* Причины такой смертности лежатъ не столько въ естественныхъ климатическихъ условіяхъ, сколько въ антигигіенической обстановкѣ народнаго быта. Вотъ, что говоритъ объ этомъ докладъ шадринской уѣздной управы. „Большая часть сель и деревень расположены при озерахъ, которыя больше похожи на огромныя болота, на мѣстахъ низменныхъ, сырыхъ. Въ этихъ озерахъ заключается единственное водохранилище для людей и животныхъ. Между тѣмъ обращеніе съ этими драгоценными вмѣстилищами необходимой воды самое невѣжественное, можно сказать, безсовѣстное. Прежде всего около нихъ истреблена всякая растительность, защищающая озера отъ солнечныхъ лучей и испареній. Въ лѣтнія жары озера мелѣютъ, берега дѣлаются топкими, изобилуютъ всякаго рода инфузоріями и наглядными насѣкомыми. Зимой на этихъ озерахъ молотятъ и вѣютъ хлѣбъ, оставляя остатки мякнцы, колосевъ и соломы осѣдать въ воду. Но мало того, сюда-же вывозится навозъ и остатки нечистотъ съ дохлыми собаками и кошками. Такимъ образомъ, засорено и испорчено множество озеръ, въ которыхъ была чистая вода. Во многихъ мѣстахъ засорены даже рѣки, какъ, напр., Ольхова, въ которой подъ самыми селеніями лежалъ и гнилъ цѣлое лѣто трупъ человѣка. Даже самую Исеть около города ожидаетъ та-же участь. Истоки всѣ завалены навозомъ, мелѣютъ и заростаютъ травой. Мудрено-ли, что въ этихъ мѣстностяхъ гнѣзятся ежегодно лихорадки, кровавые поносы—у людей и чума, повальное воспаленіе легкихъ и жаба—на скотѣ. Итакъ, вотъ гдѣ таятся источники всѣхъ народныхъ бѣдствій, его болѣзней и бѣдности, а вовсе не въ маломъ числѣ фельдшеровъ или даже врачей. Губернская-же управа съ своей стороны прибавляетъ, что нарисованная такими живыми красками картина не есть какая нибудь единственная, исключительная для одного уѣзда, а напротивъ, она обща, лишь съ различными оттѣнками, для цѣлой губерніи“.

До земства никто и не думалъ бороться противъ этого зла. Уѣздные врачѣ ѣздили на эпидеміи и получали суточные по чину. Земства во всѣхъ почти губерніяхъ постарались съ самага-же начала реформировать медицинскую часть, но желаемыхъ результатовъ не достигло почти ни одно земство. Извѣстный пермскій земскій врачъ, Моллесонъ, говоритъ: „Что касается провинціальныхъ больницъ, то много было говорено о новгородскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ, но я долженъ замѣтить, что шумъ, надѣланный Новго-

родомъ далеко не соотвѣтствуетъ тому, что мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности въ отношеніи больницъ. Недешево стоило земству выстроить домъ умалишенныхъ, богадѣльню и проч., но, входя въ нихъ, только удивляешься, когда говорятъ, что они существуютъ всего какихъ нибудь 4—5 лѣтъ: такъ мало они отличаются и по конструкціи, и по гигиенической обстановкѣ отъ тѣхъ, которыя видѣли въ своихъ стѣнахъ уже десятки и сотни тысячъ больныхъ" (с. 134). Нипѣ, какъ извѣстно, считаютъ необходимымъ строить для больницъ не громадныя зданія, а группу небольшихъ отдѣльныхъ павильоновъ. Но по этой системѣ построена только одна рождественская больница въ Петербургѣ. „Въ Нижнемъ Новгородѣ хотя и готовы уже два домика для нѣсколькихъ кроватей, но они не типичны и имѣютъ много неудобствъ, устраняемыхъ бараками. Въ послѣднюю сессію Самарское губернское земство ассигновало значительную сумму на постройку вмѣсто стараго зданія—больницы, по системѣ павильоновъ. Въ Пермской губерніи, кажется, только еще въ одномъ Осинскомъ уѣздѣ проектируются настоящіе бараки. Что-же касается до другихъ мѣстностей Россіи, то земства,—не знаю ужъ, вслѣдствіе-ли особыхъ взглядовъ на экономію или въ силу иныхъ какихъ соображеній,—ограничиваются одной поправкой ужъ престарѣлыхъ своихъ зданій, совершенно забывая слова: „въ мѣхи старые вино новое не вливаютъ“. И увѣсь эти *улучшенія*, какъ богатая заплаты на ветхомъ рубищѣ ищаго, дѣлая его только смѣшнымъ, не приносятъ съ собой ни тепла, ни чистаго воздуха, ни малѣйшей гарантіи отъ смерти. Блестящимъ примѣромъ можетъ служить казанская земская больница. Несмотря на солидную сумму, которую стоило въ ней устройство вентиляціи, водоснабженія и т. д. — больница, какъ и прежде, также остается безъ свѣжаго воздуха, больные также рискуютъ умереть въ ней отъ какой-нибудь чисто-больничной болѣзни и будутъ умирать, задыхаясь отъ вони до тѣхъ поръ, пока сама больница будетъ стоять на глубоко-зараженной миазмами мѣстности, со стѣнами, навсось пропитанными тѣми-же миазмами (стр. 128). Впрочемъ нужно замѣтить, что эта вредная рутина поддерживается главнымъ образомъ недостаткомъ денежныхъ средствъ. Хорошая больница стоитъ очень дорого. Одна, напр., прачечная въ дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго стоитъ 47,000 рублей!... Въ частности, пермское земство, которое смотритъ на медицинское дѣло совершенно правильно, передаетъ веденіе его въ руки врачей, устраиваетъ сѣзды земскихъ врачей,—удерживается отъ надлежащихъ реформъ по медицинской части скудостью своихъ денежныхъ средствъ. На медицинскую и ветеринарную часть

земство ассигнуеть около 200,000 руб., но что-же это значить для двухмилліоннаго населенія губерніи?!

Земство, руководясь совершенно вѣрною мыслью, что „уменьшеніе массы болѣзней въ народонаселеніи не можетъ быть вполнѣ достигнуто при настоящей системѣ леченія уже *заболѣвшихъ*, безъ одновременнаго предупрежденія отъ *заболѣванія здоровыхъ*“, обратило особенное вниманіе на общественную гигиену. Оно пригласило на службу особаго санитарнаго врача, устроило ежегодныя сѣзды земскихъ врачей, озаботилось изслѣдованіемъ губерніи въ гигиеническомъ отношеніи. Изъ всѣхъ земствъ пермское имѣетъ предшественника въ этомъ дѣлѣ только въ одномъ полтавскомъ земствѣ, „гдѣ при губернской управѣ учреждена постоянная санитарная комиссія изъ врачей, занимающихся разработкой санитарныхъ вопросовъ, но пока, къ сожалѣнію, теоретическимъ, кабинетнымъ образомъ, и идеи, выработанныя комиссіей, не вошли еще въ жизнь“. Да и долго еще не войдутъ. Вѣдь и въ пермской губерніи правила общественной гигиены, несмотря на санитарнаго врача и на медицинскіе сѣзды, все-таки остаются въ теоріи, и хотя сколько нибудь серьезное осуществленіе ихъ на практикѣ положительно невозможно. Только тогда, когда крестьяне освободятся въ значительной степени отъ своего невѣжества и, главное, отъ своей бѣдности, только тогда можно толковать о гигиеническомъ устройствѣ ихъ быта. А до тѣхъ поръ остается ограничиваться только теоріей, изученіемъ мѣстныхъ условій и кое-какими второстепенными нововведеніями, въ родѣ, напр., искорененія обычая запружать рѣки навозомъ и пить этотъ навозный настой. Впрочемъ, одна изъ самыхъ величайшихъ предупредительныхъ санитарныхъ мѣръ вполнѣ осуществима и при настоящихъ условіяхъ народнои жизни. Это оспопрививаніе, такъ сильно вліяющее на общую цифру смертности и средній уровень народнаго здоровья. Въ Пруссіи, въ 1776—1780 г., до введенія оспопрививанія число умершихъ отъ оспы равнялось $\frac{1}{12}$ всѣхъ умершихъ за это время; а въ 1816—1830 г. на оспу приходилось только $\frac{1}{150}$ общей смертности; въ 1781—1805 г. изъ каждыхъ 292 человекъ 1 умиралъ оспой, а въ 1818—1831 г., когда оспопрививаніе распространилось, оспой умиралъ только 1 изъ 10,000 чел. Несмотря на такое важное значеніе этой предохранительной мѣры, наши земства большею частію не обращаютъ на нее не только должнаго, но часто и никакого вниманія, оставляя ее по-прежнему въ рукахъ нѣсколькихъ невѣжественныхъ и пьяныхъ оспопрививателей. Въ ветлужскомъ уѣздѣ, напр., въ 1870 г. на врачеваніе болѣзней назначено 2354 р., а на оспопрививаніе *ничего*; въ кузнецкомъ уѣздѣ сара-

товской губерніи отпускается на медицину 5835 р., на оспопрививаніе *ничего*; во всей пермской губерніи въ 1870—71 г., на медицину 106,376 р., на оспопрививаніе-же 5484 р., т. е. почти въ 20 разъ менѣе. Но въ настоящее время пермское земство взялось поставить это дѣло на болѣе широкихъ основаніяхъ.

Скотскіе падежи—это одна изъ самыхъ крупныхъ бѣдъ народной жизни. Въ пермской губерніи они свирѣпствуютъ почти постоянно и доходятъ до того, что во многихъ селеніяхъ вымираетъ весь скотъ поголовно, такъ что „п копытца не остается“, какъ выражаются крестьяне. Предохранить губернію отъ чумы положительно невозможно при настоящихъ условіяхъ, такъ-какъ болѣзнь эта приходитъ главнымъ образомъ изъ киргизскихъ степей и быстро распространяется, благодаря дурному кормленію и скверному содержанію скота. Палый скотъ не убрается, какъ слѣдуетъ, часто даже не вывозится со дворовъ, пока не начнетъ гнить; съ него сдираютъ шкуры и продаютъ ихъ и т. д. Нравы народа совершенно парализируютъ всѣ ветеринарныя мѣры и медицинско-полицейская дѣятельность до сихъ поръ приносятъ очень мало пользы въ этомъ отношеніи. Насколько суевѣрный народъ способенъ бороться противъ подобныхъ бѣдствій, показываетъ слѣдующее обстоятельство: Въ осинскомъ уѣздѣ бѣшенный волкъ укусилъ одного крестьянина и перекусалъ много животныхъ. „Собразивъ, что волкъ былъ бѣшенный, крестьяне, послѣ долгихъ соображеній и разсужденій, пришли къ заключенію, что самое вѣрное средство къ излѣченію укушенныхъ волкомъ животныхъ—*вытѣнивать у нищихъ хлѣбъ и кормить имъ больныхъ*. Запасъ нищенскаго хлѣба оказался, однако-же, недостаточнымъ для прокормленія всѣхъ укушенныхъ, и потому до десяти человѣкъ, которымъ принадлежала перекусанная волкомъ скотина, рѣшились помочь горю, надѣвъ на себя нищенскія сумки, и отправились за подаяніемъ въ окрестныя селенія“. Конечно, предпринимаемая земствомъ врачевныя и полицейскія мѣры могутъ до известной степени ослаблять эпидеміи и сокращать ихъ продолжительность, но пока скотъ будетъ кормиться и содержаться такъ-же плохо, какъ теперь, до тѣхъ поръ скотскія болѣзни не перестанутъ разстроивать крестьянскаго хозяйства, не перестанутъ повергать крестьянина въ совершенно безвыходное положеніе. А возможно-ли при теперешнихъ обстоятеляхъ, чтобы крестьянинъ держалъ свою скотину какъ слѣдуетъ, когда и самъ-то онъ живетъ немногимъ лучше чѣмъ она, сплошь и рядомъ занимая одно съ нею помѣщеніе. Когда производительность страны и народное богатство поднимутся, тогда крестьяне, конечно, перестанутъ сдирать для про-

дажи кожи съ павшаго скота, будутъ кормить его лучше и т. д., и только тогда можно будетъ съ успѣхомъ бороться противъ эпизоотій. Какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ этомъ вопросѣ сводится къ экономическому развитію народа.

Отъ этого условія зависятъ и успѣхи народнаго образованія. Существующія теперь народныя школы грамотности не имѣютъ развивательнаго значенія; въ самомъ лучшемъ своемъ видѣ онѣ могутъ внушить только любовь къ чтенію и ученію, любовь, для удовлетворенія которой нужны другія училища, которыя служили-бы каналами, разносящими въ народной массѣ истины современнаго знанія. Пермское земство ассигнуетъ на народное образованіе 133.118 руб. На 2.183.500 жителей къ 1872 году было только 310 школъ и 12.972 ученика. Учителей порядочныхъ чрезвычайно мало. Въ 80 сельскихъ училищахъ должности законоучителя (священника, дьякона или псаломщика) и учителя соединялись въ одномъ лицѣ. Всѣхъ книгъ и брошюръ въ упомянутыхъ училищахъ только 2,908 названій. Въ уѣздахъ чердынскомъ и шадринскомъ вовсе нѣтъ сочиненій, необходимыхъ для руководства и самообразованія учителей. Большая часть школъ помѣщается въ тѣсныхъ, грязныхъ неудобныхъ домахъ. Осмотры училищъ (для которыхъ, между прочимъ, земство имѣетъ у себя особо назначенное лицо, *Марью Александровну Воскресенскую*) показываютъ, что во многихъ изъ нихъ преподаваніе ведется такъ-же, какъ и въ тѣ блаженныя времена, когда руссійское юношество училъ дьячки за грошъ въ годъ, за горшокъ каши въ недѣлю. Вышеупомянутые недостатки, неимѣніе хорошихъ учителей, скудость училищныхъ библіотекъ, малочисленность школъ и дурныя помѣщенія, отведенныя для нихъ, плохое преподаваніе,—эти недостатки не такъ легко искоренить. Для этого нужно денегъ и людей (теперь даже на 300 р. жалованья въ Пермской губерніи трудно найти учителя), а главнымъ образомъ, нужно денегъ. Чтобы существующихъ школъ было достаточно, для этого надо, по крайней мѣрѣ, впятеро увеличить число ихъ, и тогда на нихъ потребуется уже не 133,000, а 665,000 р. Если-же ихъ устроить какъ слѣдуетъ, дать удобныя помѣщенія, снабдить хорошими учебными пособіями, основать хоть сколько-нибудь на первый разъ училищъ съ болѣе обширною противъ теперешней программю, то потребуется ежегодно не меньше 1.000,000 р.

Но объ этомъ земство не можетъ пока и мечтать. Съ теперешними скудными средствами ему остается только постепенно умножать и школы, и готовить учителей въ своей учительской

школъ, которую оно основываетъ въ Перми. Программа школы довольно широкая: законъ божій, русскій и славянскій языки, математика, физика, географія и русская исторія (въ размѣрѣ гимназическаго курса), необходимыя свѣденія изъ естественныхъ наукъ, сельскаго хозяйства, технологии и практической механики, методика, общія понятія о государственномъ устройствѣ, чистописаніе, черченіе, рисованіе и пѣніе. Подобнымъ учрежденіямъ, какъ учительскія школы, нельзя, конечно, желать ничего, кромѣ полнѣйшаго успѣха; но успѣхъ этотъ можетъ быть тогда только, когда сельскіе учителя будутъ получать солидное развитіе, будутъ обеспечены достаточнымъ жалованьемъ и имѣть возможность быть въ деревняхъ представителями интеллигенціи, а не букваристами, обучающими только чтенію и письму.

Въ пермской губерніи, съ ея горными промыслами, необходимы еще техническія училища, конечно, съ общимъ реальнымъ образованіемъ. Высшая спеціальная школа для приготовленія горныхъ инженеровъ существуетъ только въ Петербургѣ и едва удовлетворяетъ потребностямъ однихъ лишь горныхъ заводовъ: въ ней воспитываются дѣти горныхъ инженеровъ и для простыхъ смертныхъ она недоступна по своей аристократичности. Для казенныхъ-же заводовъ въ Екатеринбургѣ существуетъ уральское горное училище, для приготовленія мастеровъ и уставщиковъ работы, но и оно не соотвѣтствуетъ потребностямъ одной даже казенной промышленности. Двѣ классическихкія гимназіи, пермская и екатеринбургская, естественно ничѣмъ не могутъ содѣйствовать образованію техниковъ. Основаніе реальныхъ и техническихъ школъ настоятельно необходимо. Но земство молчитъ о нихъ. Екатеринбургское земство, котораго болѣе всего касается это дѣло, отбивается не только отъ такихъ школъ, но даже и отъ народныхъ. По словамъ корреспондента «Бесѣды» (№ 8), „не сочувствіе и содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, а энергическое протнводѣйствіе выказали съ своей стороны заводоуправленія въ екатеринбургскомъ земскомъ собраніи, при обсужденіи доклада управы объ устройствѣ сельскихъ школъ. Докладъ этотъ утвержденъ только благодаря горячей защитѣ его со стороны представителя казенныхъ заводовъ (полковника Штейнфельда) и тому обстоятельству, что большинство собранія состояло изъ крестьянъ, единодушно поддерживавшихъ въ этомъ дѣлѣ г. Штейнфельда“.

Такимъ образомъ, екатеринбургскіе заводчики думаютъ, что народу школъ не слѣдуетъ давать... И это заявляется въ той губерніи, изъ жизни которой взять этнографическій очеркъ „Подлиповцы“! Ужь если вездѣ въ Россіи, то особенно въ подобныхъ мѣст-

ностямъ заботы о просвѣщеніи народной массы должны стоять на первомъ планѣ. Если-бы пермское, вятское и другія земства отдаленныхъ губерній вмѣстѣ съ санитарными комиссіями учреждали подобныя-же комиссіи для изслѣдованія нравовъ и умственного развитія народа, то онѣ, при самой скромной долѣ искренности, убѣдились-бы въ необходимости не противодѣйствовать, а всѣми силами содѣйствовать образованію народа. Къ сожалѣнію, земскіе отчеты и сборники не сообщаютъ подобныхъ свѣденій, а между тѣмъ въ пермской и вятской губерніяхъ несомнѣнно существуютъ цѣлыя мѣстности, населенныя настоящими подлиповцами.

Но въ однихъ-ли этихъ губерніяхъ можно найти подлиповцевъ?

«Земля наша широка и обильна» и подобнаго народа вы найдете въ ней великое множество.

Когда Рѣшетниковъ издалъ свои рассказы о „Подлиповцахъ“ и поѣхъ „Николѣ Знаменскомъ“, то многіе наивные россияне сочли ихъ за карикатуру. „Возможно-ли“, думали они, „чтобы въ любезномъ отечествѣ существовали такія мѣста, въ которыхъ русскіе стоятъ на одинаковой ступени развитія, съ какими-нибудь патагонцами“? Но кто бывалъ въ нашихъ безчисленныхъ захоlustьяхъ, въ родѣ печерскаго края, въ Мезени, Колѣ, Березовѣ, на сибирской линіи, Нарымѣ, Туруханскѣ, въ уѣздахъ якутской области и т. д., тотъ, конечно, наблюдалъ цѣлыя населенія, состоящія изъ подлиповцевъ и наставляемыхъ личностями, въ родѣ Николая Знаменскаго. Если-бы всѣ подобныя мѣстности соединить въ одну сплошную массу, то онѣ составили-бы площадь болѣе обширную, чѣмъ вся Европа, съ малочисленнымъ населеніемъ, разсѣяннымъ по ней оазисами. И это населеніе стоитъ несравненно ниже того, что мы привыкли понимать подъ названіемъ русскаго народа, основывая свое представленіе о немъ на свойствахъ народонаселенія центральныхъ и живыхъ мѣстностей. Это не русскіе, а россияне, превратившіеся въ подлиповцевъ, или подлиповцы, недоразвившіеся до россиянь. Мы уже не разъ указывали на ту или другую изъ этихъ мѣстностей, и теперь снова 3 № „Извѣстій сибирскаго отдѣла русскаго географическаго общества“ представляетъ намъ случай поговорить о нихъ.

Прежде всего обратимся къ березовскому округу тобольской губерніи. Русское населеніе здѣсь сильно смѣшалось съ остяками. Въ устройствѣ его тѣла, въ выраженіи фізіономіи, въ характерѣ почти все остяцкое, а въ языкѣ множество словъ остяцкихъ, самоѣдскихъ и татарскихъ. Вотъ что говоритъ о нихъ путешественникъ Абрамовъ: „У здѣшнихъ русскихъ, совершенно унодобившихся туземнымъ остякамъ и самоѣдамъ, ровно нѣтъ ника-

кихъ умственныхъ интересовъ, хоть сколько-нибудь выходящихъ изъ ряда обыденной, остяцко-самоѣдской жизни. Въ Обдорскѣ не нашелъ я ни одной книги, кромѣ сибирскаго регламента, ни одной ежедневной газеты, никакого собранія естественныхъ предметовъ и древностей, хотя для всего этого тамъ могли-бы быть значительныя собранія. Изъ числа христіанъ я не могъ найти тамъ ни одного индивидуума, который былъ-бы занятъ инымъ интересомъ, чѣмъ тотъ, какъ-бы получить безчеловѣчный процентъ. Другого ничего нельзя и ждать отъ людей, которые чужды утѣхъ и наслажденій цивилизованной жизни и у которыхъ одно только на умѣ,—какъ-бы хитростью и обманомъ притянуть къ себѣ трудомъ и потомъ приобретенное имущество простодушнаго туземца. Такіе поступки, правда, дѣлають ихъ счастливыми, но вслѣдствіе этого большая часть ихъ стала нравственно портиться, погружаться въ звѣрскую грубость. Во всемъ образѣ жизни, и во-первыхъ, въ образѣ питанія они совсѣмъ уподобились туземнымъ остякамъ и самоѣдамъ. Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Обдорскъ и вошелъ въ жилище одного изъ Тобольска переселеннаго мѣщанина, я нашелъ всю его семью сидящею на полу и пожирающею сырую рыбу, которую отецъ разрѣзывалъ на части. Образованнѣйшій житель города хвастался тѣмъ, что онъ втеченіи цѣлаго полгода ѣлъ одно сырое мясо. Ежедневная одежда у жителей та-же самая, что у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ схожи съ самоѣдами и въ томъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя олени стада. Наконецъ, русскіе жители обдорскаго края стали такъ-же боязливы и дики, какъ остяки и самоѣды. Есть въ числѣ древностей города одна фамилія, которая въ березовскомъ краѣ довольно распространена. Ихъ праотецъ во время войны Петра Великаго съ королемъ шведскимъ измѣнилъ царю и бѣжалъ въ этотъ отдаленный уголокъ, чтобы здѣсь избавиться отъ напасти. „Сочлены, сродники этой фамиліи не хотѣли имѣть со мною никакого сообщенія. Встрѣтилъ я ихъ на улицѣ въ разстояніи на выстрѣлъ,—такъ они побѣжали отъ меня и затворились. Съ такимъ-же страхомъ и неприязненностью принимала меня и большая часть прочихъ жителей города, которымъ я казался опаснѣйшимъ пройдохой въ коммерческихъ сдѣлкахъ“.

Превращеніе русскихъ въ инородцевъ посредствомъ метисаціи съ ними сильно и въ туруханскомъ краѣ, какъ это показываютъ наблюденія А. П. Шапова (стр. 142—152). Здѣсь русскіе постоянно вступаютъ въ бракъ съ остяками и якутами и наоборотъ. Даже раскольники и православное духовенство не чуждаются такихъ

связей. Вотъ, напр., интересная родословная. „У тазовской церкви былъ попъ, у него жена была *остячка*. У нихъ былъ сынъ Андрей и женился на русской, которая родила двухъ сыновей, Евграфа и Егора. Изъ нихъ Евграфъ женился на *остячкѣ* и оставилъ двухъ дочерей и четыре сына; всѣ четыре сына женились на *остячкахъ*, а обѣ дочери вышли замужъ за *остяковъ*. Евграфъ и Егоръ до того обстоячались, что записались даже поостячки въ ясаки! Несмотря на то, Егоръ женился на дочери тазовскаго священника и избранъ былъ княземъ тазовскихъ остяковъ. Другая дочь того-же тазовскаго священника выдана была за *остяка*, а рожденный ею сынъ женился на *остячкѣ* и прижилъ съ ней шестерыхъ дѣтей, полурусскихъ, полу-остяковъ. Третья дочь того-же священника вышла замужъ тоже за *остяка*, а родившійся отъ нихъ сынъ женился на *остячкѣ*,“ и т. д. Еще сильнѣе смѣшиваются съ инородцами казаки, мѣщане, крестьяне. Результатомъ этого смѣшенія является то, что поколѣніе метисовъ такъ-же малоросло и слабо физически, такъ-же дико и косно въ умственномъ отношеніи, какъ и инородцы. Но такое одичаніе россіянъ, такое превращеніе ихъ въ подлиповцевъ отнюдь нельзя считать слѣдствіемъ одного полового смѣшенія ихъ съ инородцами. Даже въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, въ которыхъ если это смѣшеніе когда-нибудь и было, то въ такой слабой степени, что не оставило почти никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ, русскіе все-таки превратились въ подлиповцевъ, какъ это показываютъ замѣтки о Нижнеколымскѣ (стр. 160—166). Жители этого города не имѣютъ почти никакихъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ. Почта приходитъ къ нимъ три раза въ годъ. Во всемъ городѣ нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, почти вовсе нѣтъ грамотныхъ; все занятіе дѣтей состоитъ въ томъ, что они съ утра до вечера гоняютъ собакъ на улицѣ, въ буквальномъ смыслѣ. Даже начальства никакого нѣтъ въ городѣ, а есть только выборные смотрители казенныхъ магазиновъ да „частный командиръ“, избираемый на тотъ конецъ, чтобы исполнять приказанія исправника, живущаго за 500 верстъ. Лѣтомъ всѣ жители уѣзжаютъ и въ городѣ остаются только *частный командиръ* да священникъ. Умственная косность жителей простирается до того, что они вовсе не заботятся о самыхъ существенныхъ и вполне возможныхъ улучшеніяхъ своего быта. Во всемъ городѣ 30 полуразвалившихся лачугъ и только въ трехъ изъ нихъ есть пекарныя печи. Главная пища жителей и ихъ рабочаго скота — собакъ, заключается въ рыбѣ; сельдь ловится здѣсь въ страшномъ изобиліи, но періодическіе нуловы ея ведутъ за собой періодическія голодовки, а нижнеколымцы никакъ не могутъ додуматься до необходимости запасать рыбу на

два года, что очень возможно. Они предпочитают дармоѣдничать. Какъ только голодъ, нежнеколымцы тотчасъ отправляются къ чукчамъ, и тѣ кормятъ ихъ своими оленями, или даромъ, или за самое ничтожное вознагражденіе. «Понадобилось нижнеколымцу мясо, онъ беретъ топоръ или какую нибудь желѣзную подѣлку и ѣдетъ, по обыкновенію, къ своему знакомому чукчѣ, который и убиваетъ для него известное количество оленей. Русскій, отправляясь домой, непременно постарается украсть привезенную имъ вещь и съ нею-же ѣдетъ къ другому знакомому чукчѣ. Здѣсь онъ опять кормится нѣсколько дней даромъ и снова получаетъ оленей за ту-же вещь. Нижнеколымцы считаютъ подобныя выходки удальствомъ и готовы повторять ихъ на каждомъ шагу. Чукча, если положительно удостовѣрится, что потерявшаяся вещь украдена тѣмъ самымъ русскимъ, которымъ привезена, то въ слѣдующій пріѣздъ русскаго только выскажетъ ему шутками объ его поступкѣ, желая сконфузить и предупредить его на будущее время, но нижнеколымецъ постарается оправдать себя да еще поругаетъ чукчу за оскорбленіе». Болѣзней нижнеколымцы не признаютъ, а считаютъ ихъ порчекъ; лечатся знахарскими средствами. Каждый носитъ два имени, одно общезвѣстное, напр., Иванъ, а другое секретное, напр., Петръ, для того, что если кто вздумаетъ испортить его заклинаніемъ, то употребить для этого имя Иванъ и болѣзнь перейдетъ на человѣка, секретное имя котораго Иванъ, а Иванъ, секретно называющійся Петромъ, останется цѣль и невредимъ! Колдуны играютъ въ городѣ первостепенную роль. Поэтому многіе стараются прослыть въ народѣ колдунами, а кто успѣлъ заслужить это названіе, старается передать его своимъ дѣтямъ. Передъ смертью колдунъ призываетъ къ себѣ сына и говоритъ ему: „ну, Ванька, будь такимъ-же, какимъ былъ твой чача“ (тяти, отецъ), и, показывая на свою голову, продолжаетъ: „я передаю тебѣ все, что у меня здѣсь есть“. Послѣ этого народъ уже смотритъ на Ваньку, какъ на колдуна. Нижнеколымцы вѣруютъ главнымъ образомъ въ какого-то монаха, умершаго въ ихъ городѣ лѣтъ сто назадъ, да въ домового. Въ каждомъ домѣ постоянно стоитъ булка съ солью, предназначенная для этого домашняго божка. Потеря какой-нибудь мелкой вещи, ключей, напр., приписывается не иначе, какъ шуткѣ домового, и при этомъ обращаютъ вниманіе на то, не засохла-ли выставленная для него булка.

Эти городскіе подлиповцы, конечно, немного развитѣе деревенскихъ подлиповцевъ Рѣшетникова, но за то, когда послѣдніе выжили на Волгу и стали бурлачить, то въ нихъ зашевелились такія мысли и чувства, о которыхъ нижнеколымцы никогда и не слы-

хивали. А между тѣмъ, нижеколымцы далеко еще не составляютъ низшей ступени въ развитіи русскаго народа. Въ нашихъ селахъ и деревняхъ, съ ихъ мракомъ суевѣрія и невѣжества, съ ихъ самыми грубыми правами, вы постоянно можете встрѣчать картины, которыя, пожалуй, не нравятся даже и нижеколымцамъ. А въ европейской Россіи вы думаете нѣтъ городовъ и посадовъ въ родѣ Нижеколымска! Многимъ-ли выше Нижеколымска Красный Яръ, напримѣръ, какъ изобразилъ его покойный Якушевннъ. Даже въ тѣхъ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ, которыя, повидному, значительно уже ушли впередъ отъ подлиповцевъ въ своемъ умственномъ развитіи, господствуетъ такая тьма и такое неумѣнье взяться за всякое новое для нихъ дѣло, что невольно опять вспоминаешь подлиповцевъ. Вотъ, напримѣръ, какая исторія творилась и до сего дня творится въ знаменитомъ селѣ Ивановѣ. Крестьяне 7 мая прошлаго года получили отъ владимѣрскаго суда повѣстку, которую ихъ общество приглашалось явиться въ судъ въ качествѣ отвѣтчика по иску съ него присяжнымъ повѣреннымъ В. С—вымъ, по довѣренности купца П. С., 15,000 руб. сер. Составили сходъ, и оказалось, что никто почти не знаетъ, что это за искъ такой въ 15,000. Ни повѣренныхъ, ни отъѣзжа въ судъ послать *не успѣли*, а онъ заочно постановилъ взыскать съ нихъ слѣдующую сумму. Дѣло оказалось такого рода. Ивановское общество крестьянъ въ 1862 году изъ-за уставной грамоты начало тяжбу съ своимъ помѣщикомъ, гр. Шереметьевымъ, и поручило веденіе ея С—ву, давъ ему довѣренность, въ которой *о вознагражденіи ничего не говорится*. Ждали, ждали ивановцы желанныхъ результатовъ дѣятельности своего довѣреннаго, наконецъ, терпѣніе лопнуло, и въ 1864 году выбрали двухъ новыхъ ходатаевъ, которые передали свою довѣренность тому-же С—ву, а онъ заключилъ съ ними условіе, по которому ивановцы по успѣшномъ окончаніи дѣла, обязаны заплатить ему 10,000 р., если-же они безъ его согласія помирятся съ гр. Шереметьевымъ, то платятъ С—ву эти 10,000, да еще 5,000 „неустойки“. Проходитъ еще годъ, а толку отъ повѣреннаго все нѣтъ; ивановцы выбираютъ новаго уполномоченнаго, а этотъ опять передаетъ свою довѣренность С—ву и подписываетъ заключенное съ нимъ условіе, въ которомъ, кромѣ упомянутыхъ уже 15,000 р., ивановцы обязаны были платить ему еще пзвѣстные % съ лавокъ, площадей и т. д. Въ 1866 году ивановцы дошли до такого бѣдственнаго положенія, что вынуждены были заключить мировую съ гр. Шереметьевымъ, а г. С—въ, взыскавъ съ нихъ 15,000, собирается взыскивать „по другимъ обязательствамъ“ еще около 70,000 р.! Объ этихъ взысканіяхъ

они узнали только изъ опредѣленія суда. Наняли потомъ для веденія дѣла какого-то Б. за 1,000 р., но судъ отказалъ, такъ-какъ ивановцы не умѣли составить даже правильной довѣренности! Довѣренность Б. уничтожили и наняли за 3,000 какого-то Г... Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно, но оно во всякомъ случаѣ характеристично. Вести его такъ, какъ вели ивановцы, сдумали-бы, конечно, и подлиповцы... Тутъ нечего возмущаться подвигами російскихъ „аблокаторовъ“, въ родѣ г. С—ва, но какъ не возмущаться такимъ невѣжествомъ, такую умственную косностью, благодаря которымъ люди сами лѣзутъ въ петлю. И пока земство не употребитъ всѣхъ своихъ усилій на умственное развитіе народа, до тѣхъ поръ темные русскіе люди будутъ цѣлыми мастами стремиться въ подобныя сѣти, не говоря уже о множествѣ другихъ золь, неразлучныхъ съ невѣжествомъ и умственною косностью.

Теперь мы обратимся къ отчету одного изъ лучшихъ земствъ,— вятскаго, и на этомъ примѣрѣ покажемъ, какъ много недостатковъ въ земствѣ даже въ томъ случаѣ, если оно дѣйствуетъ не равнодушно и слѣдитъ за поступками своихъ членовъ. (Матеріалами для насъ будутъ служить журналы губернскаго собранія послѣдней сессіи; 2 тома, Вятка, 1872 года).

Вятская губернія считается одною изъ очень хлѣбородныхъ и вообще богатыхъ. Но это можно признать справедливымъ только сравнительно съ какою-нибудь смоленскою или псковскою губерніями. Вятское собраніе третьей очередной сессіи поручило г. Заволжскому произвести изслѣдованіе экономическаго быта вятскаго народонаселенія. Въ прошломъ году вышелъ трудъ г. Заволжскаго, касающійся, впрочемъ, только пятнадцати волостей. Въ нихъ 108,036 жителей, въ томъ числѣ 48,180 мужскихъ ревизскихъ душъ. Главное занятіе жителей—земледѣліе, которое, однако-жь, не даетъ достаточнаго количества хлѣба: въ годовомъ бюджетѣ крестьянъ не хватаетъ ржи 878,850 пудовъ, овса-же остается въ излишкѣ 791,050 пудовъ; если даже предположить, что весь этотъ овесъ идетъ на питаніе людей, что невозможно, то все-таки во ржи будетъ дефицитъ въ 87,800 пудовъ, на 35,120 рублей. Общій заработокъ отъ земледѣлія и другихъ промысловъ простирается до 515,550 р. въ годъ. Издерживаютъ-же крестьяне на соль 32,410 р. на покупку недостающаго хлѣба 35,120 р.; на водку и пиво 83,351 р.; на одежду 9,133 р.; на постройку 18,308 р.; государ-

ственные подати 302,209 р.; земскія 35,773 р.; мірскія 15,899 р.; страхованіе 2,047 р.; содержаніе церквей 11,500 р.; содержаніе духовенства 58,580 р.; всего 604,132 р.: годовой дефицитъ — 88,582 р.; или 1 р. 83 к. на ревизскую душу. Долговъ по хлѣбнымъ магазинамъ, ссуднымъ кассамъ и т. д. 483,090 т. е. 10 р. 2 к. на ревизскую душу; недоимокъ 239,579 р., слѣдовательно, долговъ и недоимокъ 722,670. Недоимки страшно возрастаютъ; въ 1861 г. недоборъ податей составлялъ 5% общей суммы сбора, въ 1867 г. 109%, а въ 1869 г. уже 260%!. Крестьяне, вслѣдствіе дефицита, плохо одѣваются и кормятся. „Ѣда мякны и другихъ неудобоваримыхъ суррогатовъ, говоритъ г. Заволжскій, повліяла на органическое развитіе народонаселенія. Общій видъ его такой: лицо истомленное, глаза тусклые и впалые, волосы рѣдкіе, мускулы слабы и дряблы; такимъ образомъ, физически оно совершенно вырождается. Вѣчная борьба съ лишеніями повліяла на характеръ населенія, развѣвъ апатію, неподвижность и неразсчетливость, которою пользуются разнаго рода промышленники. Заработная плата уменьшена до минимума. Годовая плата на хозяйской одеждѣ и пищѣ доходитъ до 25 р. и менѣе. Поденная плата лѣтомъ мужчинѣ 25 к., женщинѣ 15 к.; а зимой мужчинѣ 15 к., женщины-же идутъ работать изъ-за хлѣба...“ За ссуды крестьянинъ платитъ обыкновенно 144% въ годъ... Недостатокъ продовольствія до того значителенъ, что земское собраніе утвердило ссуды на хлѣбъ въ 1872 г. вятскому уѣзду 3,000 р., орловскому 15,000 р., вольническому 10,000 р., малмыжскому 8,000 р., елабужскому 5,000 р., глазовскому 5,000 р., слободскому 2,000 р. Между тѣмъ, какъ подобныя ссуды накопляютъ недоимки, земледѣліе въ вятской губерніи постепенно падаетъ, вслѣдствіе оскуднѣнія почвы, отъ недостатка удобренія и отъ невозможности производить, какъ это было недавно, расчистки подъ пашню новыхъ мѣстъ. Недостатокъ-же удобренія объясняется паденіемъ скотоводства (журналы I, 163). Порода скота ухудшается вслѣдствіе дурного содержанія и уменьшается отъ падежей. Въ 1871 г. по губерніи чума похитила скота на сумму до 300,000 р.

Перейдемъ теперь къ дѣятельности земства и прежде всего обратимъ вниманіе на составъ земскаго собранія. Впродолженіи шести губернскихъ собраній предсѣдателями ихъ былъ постоянно предсѣдатель казенной палаты. Изъ 37 гласныхъ было мѣщанъ 2, крестьянъ 2, остальное чиновники, купцы и 3 священника. Содержаніе управы и собранія, какъ во всѣхъ земствахъ, такъ и въ вятскомъ, составляетъ одну изъ значительныхъ статей расхода. Вятская губернская управа стоитъ ежегодно 20,000 р., и когда

одинъ гласный предложилъ, вслѣдствіе усиленія расходовъ, уменьшить ея содержаніе на 2,000 р., то получилъ единодушный отказъ. При значительномъ жалованьи, нѣкоторые члены управы, какъ было офиціально заявлено собранію, отличаются рѣшительнымъ бездѣйствіемъ. Такъ, напр., губернскому собранію было доложено, что предсѣдатель яранской управы „только разъ въ мѣсяцъ является въ управу и то за полученіемъ собственно жалованья“ (I, 184). Такое превращеніе выборной должности въ чиновничью синекуру явленіе, конечно, рѣдкое, но подобное стремленіе замѣчается даже въ лицахъ, служащихъ у земства по найму. Такъ, напр., ревизіонная коммиссія нашла, что одинъ земскій врачъ почти ничего не дѣлаетъ по своей обязанности, а когда въ его раіонѣ явилась холера, то онъ взялъ отъ уѣздной управы отпускъ на мѣсяцъ и уѣхалъ, а вмѣсто него принуждены были командировать врача изъ другого уѣзда (II, 426). За что-же платятъ земскія деньги подобнымъ господамъ?.. Вообще какъ-то непріятно читать въ земскихъ журналахъ разныя заявленія и пренія, въ которыхъ выражается желаніе земскихъ представителей получать какъ можно больше выгодъ отъ своей службы. Въ вятскомъ губернскомъ собраніи, напр., шли довольно оживленныя пренія по поводу требованія депутата отъ горнаго вѣдомства объ увеличеніи ему содержанія. По закону земство обязано платить горнымъ депутатамъ двойные оклады того содержанія, какое присвоено ихъ служебнымъ *должностямъ*; вятскій-же депутатъ получалъ двойное жалованье *по чину* полковника, да не одно двойное жалованье, а и двойныя столовыя, двойныя квартирныя, двойныя деньщичья. По поводу производства своего въ чинъ статскаго совѣтника, горный депутатъ потребовалъ увеличенія своего содержанія... На дополнительное содержаніе ему назначено 2,000 р. (II, 4—9). Въ этомъ случаѣ земство обязано было такъ поступить, тѣмъ болѣе, что прежнее ходатайство его объ отнесеніи на счетъ казны содержанія горнаго депутата не имѣло успѣха. Довольно характеристично поведеніе и гласнаго Соломина. Сдѣлавшись членомъ губернской управы, онъ безъ всякой платы и безъ всякаго разрѣшенія собранія или управы, занялъ квартиру во флигелѣ больницы, между тѣмъ какъ въ больницѣ, вслѣдствіе этого, вовсе не осталось мѣста даже для фельдшеровъ, постоянное присутствіе которыхъ такъ необходимо больнымъ (I, 185; II, 87, 110). Въ этомъ-же родѣ поступилъ и гласный г. Красовскій. По вопросу о принятіи въ вѣденіе земства вятской публичной бібліотеки г. Красовскій подалъ весьма энергическое заявленіе, пренсполненное благодарныхъ чувствъ. Онъ доказывалъ, что бібліотека находится „въ скверномъ состо-

яніи;“ что $\frac{1}{10}$ часть книгъ растеряна, что, употребляя на выписку книгъ только 26 р. въ годъ, она „расходуетъ на освѣщеніе (38 р.) болѣе, чѣмъ на просвѣщеніе,“ что собирать съ крестьянъ деньги на содержаніе библіотеки, которой они не пользуются, да и не могутъ пользоваться, совершенно несправедливо. Поэтому онъ предлагалъ земству вовсе отказаться отъ библіотеки и уничтожить ее, раздѣливъ и розславъ по уѣздамъ. Въ преніяхъ по этому поводу выяснилось, что въ статистическихъ данныхъ г. Красовскаго относительно сквернаго состоянія библіотеки много натяжекъ и невѣрностей; но при всемъ этомъ, основная идея заявленія Красовскаго все-таки оставалась справедливою и благородною: собирать съ уѣздныхъ горожанъ и съ крестьянъ деньги на библіотеку, которою пользуются только жители Вятки, да и то не всѣ, а преимущественно дворяне и чиновники, — несправедливо. Но какъ ни благородно, какъ ни энергично отстаивалъ г. Красовскій свое предложеніе, онъ окончательно ступшевался и замолкъ, когда гласный Домелунксевъ выяснилъ собранію мотивы этого предложенія. Г. Домелунксевъ заявилъ, что „гласный Красовскій ведетъ въ г. Вяткѣ книжную торговлю. Слѣдовательно, становится повятымъ, почему г. Красовскій старался отклонить собраніе отъ принятія публичной библіотеки съ предлагаемымъ открытіемъ при ней *книжной продажи и склада книгъ для народныхъ школъ*“ (I, 247,—260, 651; II, 300—308). Судите по одному этому факту, какимъ мелкимъ эгоистамъ, какимъ ограниченнымъ людямъ ввѣряетъ народъ свое представительство.

Приводя эти факты, мы вовсе не желаемъ набрасывать какой-либо тѣни на честность вятскаго земства и считаемъ ихъ только общими характеристическими явленіями времени. Въ другихъ земствахъ, какъ, напр., въ смоленскомъ, желаніе пользоваться всевозможными выгодами земской службы доходитъ до необузданности, до неразумной маніи, какъ о томъ свидѣлствуютъ, напр., исторіи кн. Шаховскаго и гр. Каменскаго. Правда, что и вятское губернское собраніе имѣло дѣло не съ одними злоупотребленіями, что преслѣдовать ихъ судебнымъ порядкомъ было-бы также совѣстно, какъ карать гоголевскаго судью за то, что онъ бралъ взятки борзыми щенками. Тѣмъ не менѣе эти злоупотребленія, о которыхъ не мало разсуждало собраніе, очень характеристичны. Они какъ-то и еволюно напоминаютъ старую подьяческую поговорку, что „курочка по зернышку клюетъ, а сыта бываетъ...“ Такъ, напр., по изслѣдованію авію дѣйствій предсѣдателя вятской уѣздной управы, оказалось, что: 1) онъ вывелъ въ расходъ 27 р. на вставку 90 стеколъ въ 16 рамахъ, между тѣмъ какъ, по освидѣтельствованіи этихъ рамъ,

оказалось, что такого количества стеколь въ нихъ вставлено **быть** не могло; 2) расходъ на окраску половъ, 29 р. 75 к., эксперты нашли выше нормальной цѣнности; 3) расходъ на штукатурку въ 65 р. найденъ чрезчуръ увеличеннымъ, и стоимость штукатурки признана экспертами не свыше 20 р. (II, 145). Предсѣдатель и члены яранской управы обвинялись въ неразсчетливой тратѣ денегъ по устройству мостовъ; въ запутанности счета поденщикамъ и въ припискѣ 1,000 поденщицъ лишнихъ, несуществовавшихъ въ дѣйствительности, въ томъ, что въ подрядахъ участвовали сами члены управы, что въ куварской богадѣльнѣ одно время прирѣваемые вовсе не получали пищи, которая уже изъ состраданія, была доставлена имъ купцомъ Соломинимъ и т. д. (171, 391) Впрочемъ, нужно замѣтить, что множество подобныхъ мелочныхъ злоупотребленій и упущеній зависитъ отъ одной только бездѣятельности управъ. Вотъ, что говорятъ, напримѣръ, о той-же яранской управѣ члены ревизіонной комиссіи: „Управа не позаботилась даже дать намъ хотя краткихъ общихъ отчетовъ по каждому предмету вѣденія и заботъ земства. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего и удивительнаго: нечего было и записать въ отчетъ, потому-что ничего не сдѣлано...“ По народному образованію, напримѣръ, управа не занималась ничѣмъ, „кромѣ канцелярской переписки, да представила докладъ, наполненный разсужденіями въ родѣ того, что лучше-бы нужно подметать поля въ училищахъ и проч.“ По народному здравію „ею не исполнено даже того, на что ей было указано, на что были даны деньги, что было вмѣнено собраніемъ исполнить и притомъ немедленно, какъ, напримѣръ, улучшение больницъ... Въ дѣлѣ попеченія о народномъ продовольствіи управа не позаботилась даже уяснить себѣ возложенныхъ на нее закономъ обязанностей... „Дороги и дорожныя сооруженія почти повсемѣстно совсѣмъ не поправлялись!“, а между тѣмъ въ полгода управа вывела въ расходъ на этотъ предметъ 1,500 р. (413—415). Это та самая управа, предсѣдатель которой посѣщаль ее однажды въ мѣсяцъ, „и то собственно за полученіемъ жалованья“.

Болѣе всего хлопотъ доставляетъ земству поддержаніе и улучшение *почтовыхъ* путей сообщенія. По смѣтѣ 1872 года на этотъ предметъ ассигновано 180,941 р. Требования администраціи относительно дорогъ очень строги и постоянно направляютъ вниманіе земства на это дѣло. 30 января 1872 года вятскій губернаторъ заявилъ о дурномъ состояніи дорогъ въ полинскомъ уѣздѣ; 27 февраля управляющій почтовою частью — о дурномъ состояніи дорогъ въ вятскомъ уѣздѣ; 28 февраля вятскій полиціймейстеръ — о дурномъ состояніи полицейскаго моста въ Вяткѣ; 7 апрѣля гу-

бернаторъ заявилъ о дурномъ состояніи всѣхъ почтовыхъ дорогъ по губерніи; 8 и 13 апрѣля онъ-же—о дурномъ состояніи хлыновскаго моста въ Вяткѣ; 26 апрѣля губернаторъ—о дурномъ состояніи сарапульско-воткинскаго тракта; всего-же втеченіи шести мѣсяцевъ управѣ дано *шестнадцать* такихъ заявленій и подтвержденій; по каждому изъ нихъ начиналась переписка, командировались лица для изслѣдованія, дѣлались поправки и т. д. (I, 96—106). Но, несмотря на всѣ эти хлопоты, дороги все-таки плохи. Во-первыхъ, на исправное содержаніе ихъ мало денегъ. Во-вторыхъ, злоупотребленія подрядчиковъ и небрежность распорядителей. Въ третьихъ, улучшение дорогъ представляетъ почти непреодолимое препятствіе зимою въ глубокихъ снѣгахъ и въ образующихся отъ ѣзды громадныхъ ухабахъ. Для устраненія послѣднихъ многіе земцы и за ними губернская управа придумали мѣру въ чисто-петровскомъ духѣ: запретить по всей губерніи сани съ нынѣшними короткими полозьями и повелѣть дѣлать новыя съ болѣе длинными полозьями (I, 513 и др.)... Такимъ образомъ, вятское земство, подобно другимъ, одну изъ главныхъ задачъ имѣетъ въ улучшеніи путей сообщенія по почтовымъ трактамъ, издержки котораго рациональнѣе всего отнести-бы было на проѣзжающихъ, большинство которыхъ состоить изъ дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, духовныхъ, обозовъ, а не изъ крестьянъ, несущихъ теперь на себѣ почти всю тяжесть дорожной повинности. Для экономическаго благосостоянія крестьянъ необходимо прежде всего улучшить непочтовые, проселочныя дороги, находящіяся въ первобытномъ состояніи. Но вятское губернское собраніе прямо заявляетъ, что „нѣтъ основанія и средствъ принимать постройки на проселочныхъ дорогахъ на счетъ земства“ (I, 226).

Къ тому-же расходу, какъ издержки на дорожную повинность, должны быть отнесены и значительные обязательные расходы на постройку и содержаніе казармъ, этаповъ, тюремъ и т. д. Все это, вмѣстѣ съ дорожными расходами, составляетъ главную сумму земскихъ издержекъ и какъ дѣло обязательно-официальное, обращаетъ на себя главное вниманіе земства.

Основная задача земства состоитъ въ понятіи экономическаго благосостоянія народной массы, — задача великая, трудная и, конечно, не по силамъ одного земства. Но оно могло-бы сильно содѣйствовать разрѣшенію этой задачи подготовительными работами, какъ, напримѣръ, подробнымъ и обстоятельнымъ изученіемъ экономическаго быта народа, собираніемъ статистическихъ данныхъ, болѣе разумными отчетами о мѣстныхъ потребностяхъ того или другаго края и т. п. Впослѣдствіи эти работы могли-бы ока-

зять существенную пользу тѣмъ, кто поведетъ реформу дальше. Въ настоящую-же минуту бѣдному крестьянину нужна немедленная поддержка и пособіе. Къ сожалѣнію, выдача пособій и ссудъ производится иногда такъ, что за нее пришлось предавать суду котельническую земскую управу прежняго состава (456). Постоянная выдача пособій возбуждаетъ во многихъ гласныхъ сильный протестъ. Находятся такіе господа, которые доказываютъ, что такимъ бѣднымъ уѣздамъ, какъ орловскій и котельническій, отнюдь не слѣдуетъ давать пособій (152, 457). Нѣкоторые земцы и малмыжская уѣздная управа даже заявляютъ, что „большая часть крестьянъ терпитъ нужду по праздности и беззаботности“, а поэтому пособія только потачать и портятъ ихъ нравственно (471). Развитие земскихъ кредитныхъ учрежденій справедливо считается немаловажнымъ подспорьемъ для крестьянъ, разоряемыхъ теперь кредиторами-кабалителями и въ случаяхъ временной пужды, продающихъ за безцѣнокъ свое имущество. Вотъ вятское земство и основываетъ свой банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 100,000 руб. Банкъ долженъ выдавать ссуды обществамъ взаимнаго кредита или сельскимъ ссуднымъ товариществамъ; но дѣло въ томъ, что земство должно было-бы употреблять свой запасный капиталъ преимущественно на ссуды подобнымъ товариществамъ, на доставленіе мелкаго и повсемѣстнаго кредита крестьянамъ. При теперешнемъ-же сосредоченіи кредитнаго капитала и при настоящемъ Уставѣ банка людямъ богатымъ будетъ доставаться гораздо больше ссудъ, чѣмъ крестьянамъ, а между тѣмъ они представляютъ главную податную единицу. Что-же касается основанія ссудосберегательныхъ обществъ, то всѣ уѣздныя земства заявили объ ихъ необходимости; губернское собраніе рѣшило рассмотреть этотъ вопросъ послѣ вопроса о банкѣ, но что изъ этого произошло—неизвѣстно. Земство кое-что сдѣлало по устройству страхованія отъ огня строеній, и не его, конечно, вина, что, благодаря волостнымъ правленіямъ, операція эта ведется подѣ-часъ совсѣмъ безчестно. Выпрашиваются, напр., деньги за несгорѣвшее строеніе и представляется при этомъ формальное свидѣтельство, что оно сгорѣло. Или, напр., черезъ мѣсяцъ послѣ пожара строеній священника Панова, они страхуются заднимъ числомъ за три мѣсяца и за нихъ выдается Панову 38 руб. (II, 51). Забавны также принятія губернской управою предположенія, составленныя агентомъ страхового общества, для предотвращения пожаровъ. Эти предположенія, выраженные въ 27 параграфахъ, чуть-ли не списаны съ воеводскихъ наказовъ XVII вѣка, потому что въ тѣхъ и другихъ правила одинаково скрупулезны и нѣкоторыя сходны почти буквально, напр., печь топить

съ осторожностью, дѣтямъ отнюдь не давать фосфорическихъ спичекъ, „не варить въ домахъ, въ службахъ и на дворахъ масла“ и т. д. (II, 35—41). Для предупрежденія скотскихъ падежей предложены подобныя же мѣры, ассигновано на случай эпизоотіи 5,000 руб., да составленъ уставъ о страхованіи скота. На народное здравіе въ 1872 г. ассигновано 218,000 р. Устраняется повивальная и фельдшерская школа. Но въ какомъ положеніи вообще дѣло земской медицины, журналы ничего не говорятъ. Достоинно вниманія, что по медицинскимъ вопросамъ губернская управа не рѣшается дѣйствовать своимъ умомъ, а имѣетъ соединенныя засѣданія со всѣми земскими врачами и съ представителями врачебнаго надзора (I, 53).

Точно также рационально разсуждаетъ вятское земство и о введеніи народнаго образованія. Оно полагаетъ необходимымъ „слить училищныя совѣты съ управами въ одно общее присутствіе по дѣламъ народнаго образованія. При этомъ дать голосъ и тому классу людей, которыхъ участь зависитъ отъ рѣшенія совѣтовъ и управъ, т. е. сельскимъ учителямъ, и предоставить имъ право избирать одного члена въ это общее присутствіе, въ которомъ учебный и земскій элементы имѣли-бы почти равное представительство“ (I, 282). На народное образованіе на 1872 г. ассигновано 211,000 р. Но при всей крупности этой цифры, она далеко недостаточна. Въ вятской губерніи 1 грамотный приходится на 200 человѣкъ, между тѣмъ какъ на Кавказѣ 1 на 153 ч. Учителей мало, школъ мало, школьныя зданія крайне убоги и грязны (278), положеніе учителей совершенно необезпечено (447) и т. д. Какъ на крупную мѣру земства нужно указать на основаніе учительской школы, на которую оно ассигновало по 25,000 р. въ годъ. Наконецъ, для усовершенствованія народныхъ учителей и ремесленниковъ вятское земство, подобно почти всѣмъ другимъ, командировало изъ нихъ нѣсколько лицъ на московскую политехническую выставку. Что изъ сего произошло, показываетъ заявленіе одного народнаго учителя, помѣщенное въ „Петерб. Вѣдомостяхъ“. Учителямъ кое-что почитали, кое-что показали и затѣмъ отпустили во-свояси. Самы учителя играли на съѣздѣ жалкую пассивную роль учениковъ, и не было поднято ни одного вопроса объ улучшеніи ихъ судьбы, напр., объ устройствѣ эмеритурной кассы.

Мы выставили всѣ выдающіяся стороны дѣятельности одного изъ лучшихъ земствъ, а именно вятскаго. Но обзоръ этотъ можетъ дать приблизительное понятіе о дѣятельности и другихъ земствъ. Равнодушіе къ общественнымъ интересамъ и постоянная забота только о себѣ, о своей мамонѣ замѣчаются во всемъ, особенно въ небреж-

номъ составленіи земскихъ отчетовъ. Въ его журналахъ вы не найдете никакихъ таблицъ или общаго обзора земской медицины, народныхъ школъ, этапной повинности; куда и на что, напр., тратится 400 съ лишнимъ тысячъ рублей, ассигнуемыхъ на медицину и народное просвѣщеніе, сколько земство содержитъ больницы, богадѣлень, врачей, школъ, учениковъ, учителей—все это покрыто мракомъ. Вотъ о дорогахъ, мостахъ, перевозахъ—о тѣхъ есть подробнѣйшія свѣденія; видно, что земство поставлено въ необходимость записаться ими не спустя рукава, хотя на содержаніе ихъ оно и отпускаетъ не многимъ менѣе, чѣмъ на медицину или просвѣщеніе. Во-вторыхъ, земство считаетъ себя хозяиномъ губерніи, насколько это допускается положеніемъ, и часто преслѣдуетъ пѣли совершенно постороннія прямымъ земскимъ интересамъ. Наконецъ, въ-третьихъ, въ земствѣ почти повсемѣстно незамѣтно никакой живой самодѣятельности. Рѣдкія земства хлопочуть даже о томъ, чтобы познакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ народа, какое, напримеръ, въ вятской губерніи сдѣлано г. Заволжскімъ. Руководясь своей рутинной, хотя во многихъ отношеніяхъ и рациональной программой, земства заводятъ школы, больницы, повивальныя училища, бібліотеки, этапы, казармы, и вслѣдствіе этого увеличиваютъ налоги съ крестьянъ, между тѣмъ какъ прежде всего они должны были-бы хлопотать объ облегченіи этихъ налоговъ, о пріисканіи новыхъ средствъ, напр., въ разумной и безобидной для народа эксплуатаціи почтъ и путей сообщенія, хлѣбной торговли, пароходства и т. д. Но въ земствѣ для этого слишкомъ мало предприимчивости, мало способностей, мало готовности служить народному дѣлу. Поэтому мы считаемъ вполне желательнымъ сдѣланное недавно однимъ нашимъ публицистомъ, практически знакомымъ съ земствомъ, предложеніе привлечь въ земство интеллигенцію страны. „Въ средѣ крестьянъ, говоритъ онъ, общественныхъ дѣятелей вовсе нѣтъ и крестьянство пока вовсе неспособно вести самостоятельно земское дѣло. До тѣхъ поръ, пока въ земство не проникнетъ этотъ третій элементъ и притомъ не только съ правомъ голоса, но и съ извѣстной долей участія, до тѣхъ поръ дѣло земства не подвинется впередъ, а застынетъ въ мертвыхъ формахъ, съ пустымъ, безжизненнымъ содержаніемъ“. Даже и теперь безъ этихъ людей земство не обходится. „Присмотритесь пристальнѣе, и вы убѣдитесь, что въ томъ земствѣ дѣло идетъ относительно хорошо, въ которомъ секретаремъ управы какой-нибудь добросовѣстный или даже подчасъ талантливый семинаристъ или какой-нибудь другой въ этомъ родѣ. Земство также не можетъ обойтись безъ медиковъ; часто случается, что въ земство попа-

дасть дѣльный врачъ, который умѣетъ сблизиться съ председателемъ и подвинуть его на что нибудь хорошее. Учителя-же, попадающіе въ школы, содержимыя земствомъ, пока остаются безъ всякаго вліянія“. Въ настоящее-же время въ земствахъ есть совершенно посторонніе имъ депутаты отъ вѣдомствъ удѣльнаго, горнаго, государственныхъ имуществъ, они засѣдаютъ для того, чтобы блюсти за интересами своихъ вѣдомствъ (II, 6). Если-же гласными собраній и членами управъ будутъ и медики и преподаватели учебныхъ заведеній и адвокаты, то они будутъ представителями не сепаратныхъ какихъ-нибудь интересовъ, а общеземскихъ. Ихъ компетентный голосъ будетъ чрезвычайно полезенъ въ земскихъ дѣлахъ, относящихся къ ихъ спеціальности, но еще полезнѣе будетъ онъ въ направленіи земской дѣятельности къ дѣйствительной пользѣ народа. Теперь народъ имѣетъ право избирать своими представителями священниковъ, то-же самое право слѣдовало-бы распространить и на народныхъ учителей, на медиковъ и т. д. Кромѣ того, каждая изъ этихъ корпорацій служащихъ земству, должна имѣть въ немъ свое представительство, крестьяне, землевладѣльцы, домовладѣльцы могутъ выбирать своими гласными учителей, медиковъ, адвокатовъ, архитекторовъ, литераторовъ; но служащіе въ земствѣ учителя, медики, архитекторы должны имѣть своихъ представителей. Но и эта скромная мысль не встрѣтитъ, конечно, симпатіи въ извѣстныхъ людяхъ и слояхъ современнаго общества. Недавно одинъ публицистъ, заслужившій въ короткое время самую незавидную извѣстность, заявилъ въ своей газетѣ, что необходимо «поставить реформамъ точку». Это измышленіе весьма характерно для переживаемой нами эпохи, когда дѣйствуютъ такіа спутанныя идеи, такой сумбуръ понятій, такіа противоположныя стремленія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Вмѣстительство клерикальной партіи во Франціи въ администрацію страны. — Вліяніе іезуитовъ. — Дѣятельность клерикальной партіи въ послѣдніе два года. — Генералъ Кателіно. — Приѣздъ Генриха V во Францію. — Бурбонскій договоръ. — Клерикальныя манифестаціи въ южной Франціи. — Неудачи, постигшія бурбонскіе замыслы. — Дѣятельность Шаррета. — Обѣдъ въ Курьерѣ. — Политическія колебанія клерикальной партіи. — Выразитель клерикализма, Люц Вельо. — Его хамелеонская политическая дѣятельность. — Причины, по которымъ клерикалы соединились съ легитимистами. — Католицизмъ возвращается къ средневѣковой традиціи. — Демонстраціи клерикаловъ. — Богомольное путешествіе въ Лурдъ. — Безсмертный ливеръ. — Главная ошибка партіи консервативныхъ республиканцевъ.

I.

Въ прошлой хроникѣ мы опредѣлили положеніе клерикальной партіи во Франціи. Въ нынѣшней статьѣ мы займемся дѣятельностью этой партіи въ послѣдніе два года. Она сильна и пользуется громаднымъ вліяніемъ въ странѣ. Имѣя въ виду исключительно свои интересы клерикалы употребляютъ всѣ усилія, чтобы поддерживать во Франціи анархію. Они держатъ большинство національнаго собранія въ своихъ рукахъ, и президентъ республики, Тьеръ, волей-неволей, тоже подчиняется ихъ вліянію. Исторія Франціи не представляетъ примѣра такого мало способнаго собранія, какъ нынѣшнее національное собраніе, между тѣмъ оно управляетъ государственнымъ механизмомъ, даетъ направленіе внутренней политикѣ Франціи. Находясь подъ вліяніемъ клерикаловъ, національное собраніе естественно желаетъ, чтобы вся администрація руководилась исключительно этимъ вліяніемъ. Клерикальная партія во Франціи пользуется теперь почти тѣмъ же значеніемъ, какимъ она пользовалась въ первые годы Рестав-

врации, и несравненно большимъ, чѣмъ во времена второй имперіи, когда она заставила французскую армию сражаться за папу подъ Мевтаной. Мы замѣтили уже, что такое значеніе клерикальной партіи во Франціи происходитъ вовсе не отъ религіозности французскаго народа, въ которой позволительно усомниться. Причины этого другія. Напуганная возрастающей силой рабочаго класса, французская буржуазія поспѣшила отдаться въ руки клерикаловъ, чтобы съ ихъ помощью удержать свое значеніе; она совершила ошибку, которой съ умомъ и ловкостью постоянно избѣгали англійская аристократія и буржуазія. Даже либеральная буржуазія во Франціи, когда-то боровшаяся противъ іезуитизма, теперь не находитъ ничего страннаго въ свсемъ тайномъ союзѣ съ клерикалами, котораго явно она не признаетъ. Радикальная партія въ національномъ собраніи, имѣющая очень много общаго съ либеральной буржуазіей и отличающаяся отъ нея главнымъ образомъ тѣмъ, что желаетъ широкаго развитія реформъ, которые либералы допускаютъ въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, — радикалы радуются, что либеральная партія подаетъ руку клерикаламъ, надѣясь, что если радикалы побѣдятъ, то они повалятъ разомъ обоихъ своихъ противниковъ. Оттого-то въ пренія, происходящія во французскомъ національномъ собраніи, безпрестанно вмѣшиваются религіозные вопросы, чего не замѣчается, или по крайней мѣрѣ не замѣчается въ такихъ размѣрахъ, въ другихъ конституціонныхъ собраніяхъ. При этомъ пренія ведутся горячо, страстно, ораторы часто переносятъ споръ на чисто личную почву, происходятъ частые перерывы и пренія принимаютъ бурный характеръ. «Никто не можетъ такъ ненавидѣть, какъ французскій католическій патерь», говорятъ бретонцы. Но такая ненависть естественно влечетъ за собой ненависть противной стороны, поэтому ни одно духовенство не имѣетъ такихъ ожесточенныхъ враговъ, какъ французское въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Вотъ уже три столѣтія, начиная съ Лиги и убійствъ варфоломеевской ночи, французское духовенство является всегда зачинщикомъ гражданской борьбы во Франціи. Всѣ споры партій во Франціи всегда легко кончались взаимными уступками, если при этомъ не вмѣшивались интересы духовенства, но лишь только выступали на сцену эти интересы, никакое соглашеніе, никакой миръ, не былъ возможенъ. И въ самомъ дѣлѣ, интересы свѣтскихъ людей всегда были соизмѣримы, ихъ границы удобно опредѣлять, тогда какъ духовенство постоянно считало и считаетъ свои интересы стоящими внѣ мѣры и пространства: центръ ихъ вездѣ, а окружность нигдѣ, какъ говорится въ извѣстномъ

средневѣковомъ литературномъ произведеніи «Романъ Розы». Къ тому же міряне всегда признавали, что «человѣку свойственно ошибаться», тогда какъ французское католическое духовенство неустанно твердить, что «ошибка исходитъ отъ дьявола», и считаетъ себя непогрѣшимымъ. Основываясь на этомъ, инквизиція считала себя вправѣ сожигать еретиковъ; она торжественно заявляла, что этимъ наказаніемъ она примиряла ихъ съ Богомъ. Основываясь на этомъ, французскіе клерикалы объявляютъ, что они не вправѣ прощать людей, виновныхъ противъ религіи,—конечно, религія упоминается ради красоты слога, подразумеваются же виновные вообще противъ клерикаловъ. Вотъ почему гражданскія войны во Франціи сопровождались всегда жестокостью и страшнымъ пролитіемъ крови. Французская нація была воспитана своимъ духовенствомъ въ тѣхъ идеяхъ, что каждый противникъ есть преступникъ. Сами враги католическаго духовенства росли подъ его-же вліяніемъ и питались его идеями. Самые рѣшительные враги католицизма во Франціи получали вполнѣ католическое, клерикальное воспитаніе и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока французскія школы не освободятся отъ вліянія іезуитовъ. И тогда только во Франціи возможно будетъ примѣненіе идей, выработанныхъ современнымъ прогрессомъ, тогда только прекратятся въ ней гражданскія войны и безцѣльная, безрезультатная борьба партій, какая идетъ, напримѣръ, теперь въ версальскомъ національномъ собраніи.

II.

Но пока еще настанетъ это время, а теперь главная сила находится въ рукахъ клерикаловъ. Инициатива дѣлъ въ департаментѣ идетъ изъ дворца монсеньера архіепископа или епископа; все духовенство точно исполняетъ полученныя оттуда приказанія. Когда новый епископъ вѣзжаетъ въ свою епархію, его принимаютъ съ такимъ торжествомъ и съ такою пышностью, какихъ не удостоивались даже триумфаторы древняго Рима во времена его богатства и роскоши. Когда монсеньеръ Жеро де-Лангалери вѣзжалъ въ свой архіепископскій городъ Омъ, конная свита въ полномъ вооруженіи, его сопровождавшая, растянулась почти на двѣ версты; по всѣмъ улицамъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, стояли толпы народы, восторженно его привѣтствовавшія. Надо замѣтить, что никто не имѣлъ понятія о томъ, что онъ за человѣкъ и можетъ-ли онъ и захочетъ-ли сдѣлать что-нибудь хорошее. Мон-

сеньера Робера внесли въ Константиноу, въ Алжиріи, уже прямо какъ триумфатора. Его внесли въ носилкахъ подъ балдахиномъ, внутри которыхъ было сѣдалище въ родѣ трона; кисти балдахина держали высшіе военные и гражданскіе администраторы провинціи; на всемъ пути его гремѣла военная музыка и въ честь его стрѣляли изъ пушекъ и ружей. Подобныхъ почестей прелаты удостоиваются потому, что отъ нихъ вполне зависитъ замѣщеніе высшихъ мѣстъ департаментской администраціи.

Французскіе епископы торжественно заявляютъ, что они знаютъ не хотятъ никакой власти, кромѣ папской. Для нихъ Тьеръ ровно ничего не значить, потому что онъ не вмѣшивается въ назначеніе прелатовъ, какъ это дѣлалъ Наполеонъ III, который самъ выбиралъ епископовъ на вакантныя кафедры, а папа ихъ только утверждалъ. Правительству Тьера, конечно, не особенно нравятся непрерывныя торжественныя службы въ честь папы, во время которыхъ говорятся проповѣди на тему, что Франція преступна, потому что позволяетъ оскорблять своего несчастнаго первосвященника и не спѣшитъ къ нему на помощь и спасеніе,—но оно ничего не можетъ предпринять противъ этихъ публичныхъ манифестацій; потому что боится клерикаловъ и отчасти подчинено ихъ вліянію. Іезуиты мало по малу прибираютъ все къ своимъ рукамъ.

Съ типомъ іезуита публика знакомится преимущественно по романамъ такихъ талаптливыхъ писателей, какъ Евгеній Сю. Но эти романисты эксплуатировали только одну, если можно такъ выразиться, трагическую сторону типа. Они представили намъ іезуита, втирающагося въ семейную жизнь своихъ прихожанъ, который разными путями добивается довѣрія преимущественно отъ женщинъ; онъ становится другомъ и совѣтникомъ стариковъ и старухъ и, то низкопоклонствомъ и лестью, то представленіемъ страшныхъ картинъ мученій въ будущей жизни, заставляетъ писать духовныя завѣщанія въ пользу іезуитскаго ордена. Въ романахъ встрѣчается чаще всего типъ такого іезуита. Но іезуиты занимаются не одной ловлей наслѣдства. Ихъ дѣятельность распространяется на всѣ сферы общественной и политической жизни. Тартюфъ занимается поэзіей, и теперь безпрестанно издаются его гимны и советы. Онъ любитъ живопись и скульптуру; онъ изобрѣлъ даже особый родъ іезуитскаго искусства, изобрѣлъ іезуитскій стиль, отличающійся крайней напыщенностію. Тартюфъ человекъ свѣтскій и охотно берется за всякую любовную интрижку. Іезуитъ романтикъ, и это очень естественно, потому что онъ непрерывно переходитъ изъ конфесіонала въ будуаръ, изъ будуара въ конфесію-

наль, гдѣ имѣеть дѣло почти исключительно съ однѣми женщинами. Посредствомъ женщинъ онъ пріобрѣтаетъ власть и богатство, и съ ихъ помощію надѣется покорить весь міръ. Онъ соблазняетъ женщинъ мистическимъ любовнымъ романомъ, но, порабоцая женщинъ, онъ самъ неволью становится ихъ рабомъ; онъ передѣлываетъ женщинъ на свой ладъ, но, въ свою очередь, и самъ подпадаетъ подъ ихъ вліяніе. Преобразуя женщинъ въ іезуитокъ, іезуитъ самъ пріобрѣтаетъ отличительныя качества женщины. Правда и костюмъ его схожъ съ женскимъ костюмомъ.

Іезуиты вотъ уже два года съ особенной ревностью проповѣдуютъ, что вскорѣ должно совершиться чудо и это чудо спасетъ Францію и возвратитъ ей прежнее блестящее положеніе въ мірѣ, она снова сдѣлается первенствующей державой въ Европѣ. Франція отомститъ тогда Германіи и не только возвратитъ потерянные провинціи, но значительно расширитъ свои предѣлы. Но чтобы удостоиться этого чуда Франція должна возстановить свѣтскую власть папы. Когда эта власть будетъ возстановлена, Франція смѣло можетъ вызывать Германію на единоборство: побѣда несомнѣнно останется за нею. Однакожъ Франція можетъ только въ такомъ случаѣ разсчитывать на эту блестящую будущность, если она уничтожитъ возрождающуюся республику и свергнетъ правительство Тьера.

Люди легковѣрные вѣрятъ всему, что говорятъ хитрые іезуиты, въ особенности когда затрогивается патриотическое чувство, сильно оскорбленное поражениями во время послѣдней войны. Іезуиты понимаютъ это хорошо и, въ свою очередь, вѣрятъ въ успѣхъ своей пропаганды. Они знаютъ, что, вызванная Монталамберомъ и Фаллу, римская экспедиція 1848 года предшествовала гражданской войнѣ во Франціи, которой они и теперь добиваются. Всѣ печатные органы клерикальной партіи уже два года непрерывно взываютъ къ гражданской войнѣ, подстрекаютъ большіе города къ возмущенію, разсчитывая, что, за усмиреніемъ бунтовъ въ этихъ городахъ, послѣдуетъ реакція, которой они, конечно, съумѣютъ воспользоваться. Самыми яростными противниками возмущившагося Парижа были бретонскіе волонтеры, до фанатизма преданные католицизму и клерикальной партіи, и еще болѣе пацскіе зуавы, находившіеся подъ начальствомъ извѣстнаго фанатика генерала Кателино. Эти фанатики, храбрые, впрочемъ, только съ плѣнными, которыхъ они разстрѣливали, выказали такую жестокость и высказывали такія тенденціи, что Тьеръ посчѣшилъ распустить ихъ, ссылаясь на конвенцію, заключенную съ Германіей относительно числа войскъ, которое можетъ имѣть Франція.

Правда, Тьеръ въ это время уже успѣлъ убѣдиться, что республиканская партія во Франціи несравненно болѣе живуча, чѣмъ онъ предполагалъ въ Бордо. Искусный дипломатъ, Тьеръ понялъ, что онъ можетъ воспользоваться существующимъ положеніемъ въ свою пользу, что ему вовсе нѣтъ надобности работать для герцога Омальскаго. Но для этого ему нужно было какъ можно скорѣе избавиться отъ генерала Кателино и его войскъ, которые въ слухъ говорили, что они ждутъ только случая, чтобы употребить свое оружіе въ пользу Генриха V. Кателино, видя невозможность сопротивляться, распустилъ свою армію, объявивъ ей, чтобы она готова была собраться снова, по первому его знаку, когда придетъ время употребить ее противъ правительства Тьера. Легитимисты выставили Кателино кандидатомъ для избранія въ Парижѣ, но онъ не былъ избранъ. Клерикалы продолжаютъ ухаживать за Кателино и онъ намѣченъ ими, какъ будущій предводитель ихъ арміи въ гражданской войнѣ съ республиканцами.

Клерикалы вполне убѣждены, что скоро имъ придется взяться за оружіе и дѣятельно приготавливаются къ войнѣ. Въ ихъ рукахъ очень много средствъ, главнѣйшее — конфесіоналы; отсюда безстрашно, не обращая никакого вниманія на существующіе законы, проповѣдуются ненависть и презрѣніе къ существующему правительству и оправдываются самыя возмутительныя теоріи. Клерикалы распространяютъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ брошюры, въ которыхъ въ болѣе мягкихъ формахъ развиваются идеи, провозглашаемыя въ тиши конфесіоналовъ. Нѣкоторые изъ этихъ брошюръ, написанные крайне безталанно, возбуждаютъ развѣ одинъ смѣхъ, на примѣръ, одна брошюра, въ которой Кателино называется анжуйскимъ святымъ, и гдѣ доказывается, что стоитъ французамъ сдѣлаться членами общества св. сердца и они будутъ непобѣдимы; нѣмцы побѣгутъ, лишь только завидятъ изображеніе сердца на груди воина за религію. Но большинство брошюръ написаны толково: авторы ихъ хорошо понимаютъ, въ какую сторону слѣдуетъ бить.

Въ то-же время, когда Кателино сходилъ со сцены дѣйствія, во Францію пріѣхалъ графъ Шамборъ — Генрихъ V клерикаловъ, — и поселился въ своемъ замкѣ Шамборъ. Здѣсь онъ принималъ знаки вѣрноподданнической преданности отъ легитимистовъ и клерикаловъ. Онъ надѣялся, что здѣсь предъ нимъ, какъ предъ главой династіи, преклоняютъ колѣни его кузены, герцоги Омальскій и Жуанвильскій и племянникъ, графъ Парижскій, но его надежда не осуществилась. Разсчитывая найти поддержку въ арміи, графъ Шамборъ поручилъ

своему предантѣйшему слугѣ Карайону-де-Латуру передать его удивленіе къ ихъ подвигамъ, генераламъ: Винуа, Дюкро, Ламиро, Галифе, и въ особенности маршалу Мак-Магону, котораго провидѣніе предназначило для спасенія Франціи. Дамы Сен-Жерменскаго предвѣстья поспѣшили приласкать маршалшу Мак-Магонъ, которая находится подъ вліяніемъ іезуитовъ и, изъ соперничества съ г-жею Тьеръ, недовольна существующимъ порядкомъ. Маршалша была полезна потому, что имѣетъ сильное вліяніе на мужа, что извѣстно всѣмъ и каждому въ Парижѣ. Разсчитывали на маршала Базена, отъ котораго заручились «положительнымъ обѣщаніемъ», однакожъ, вскорѣ замѣтили, что маршалъ дѣлаетъ частые визиты къ герцогу Омальскому. Между членами фамиліи Бурбоновъ французскихъ, испанскихъ и неаполитанскихъ былъ заключенъ договоръ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ итальянскаго короля Виктора-Эмануила въ Римѣ и Неаполѣ; этой экспедиціей долженъ былъ начальствовать Шарретъ. Въ то-же время слѣдовало начать наступательныя дѣйствія противъ испанскаго короля Амедея; осуществленіе этого предпріятія возлагалось на дон-Карлоса, а начальникомъ его главнаго штаба назначался генералъ Кателино. Но вскорѣ этотъ проектъ измѣнился въ томъ смыслѣ, что Кателино предложено оставитъ во Франціи для начальствованія надъ инсургентами южной Франціи, гдѣ, подъ покровительствомъ префекта, легитимиста де-Ларси, монсеньера Плантье, извѣстный аббатъ д'Альзонъ и другіе фанатики—патеры открыто проповѣдывали гражданскую войну. Здѣсь, подъ видомъ религиозныхъ процессій, устраивались враждебныя правительству манифестаціи. Эти манифестаціи были особенно часты въ Гардѣ и почти вездѣ производились по одному плану: впереди процессіи шли дюжіе парни съ огромными палками съ желѣзными наконечниками, потрясая которыми они кричали «да здравствуетъ Генрихъ VI! смерть республиканцамъ!» За ними шла толпа, распѣвавшая расподіи въ честь Генриха V; далѣе духовенство съ крестами и хоругвями; за нимъ толпа дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья. Процессія замыкалась толпой молодыхъ людей, большею частію воспитанниковъ учебныхъ заведеній, вооруженныхъ палками. Когда процессія проходила мимо домовъ протестантовъ и либераловъ, фанатичные поклонники Генриха V и іезуитовъ бросали въ окна камни. Если кто изъ встрѣчныхъ не снималъ шляпы передъ знаменемъ съ лиліями, его преслѣдовали толпы раздраженныхъ женщинъ съ криками: «смерть ему! Бейте его! Бросьте его въ воду! Да здравствуетъ Генрихъ VI!»

При такомъ настроеніи страны не мудрено, что генералъ Кателино, пріѣхавшій туда, встрѣчалъ вездѣ восторженный пріемъ. Мэры

встрѣчали его при въѣздѣ въ ихъ общины и привѣтствовали его; какъ знаменитаго полководца. По улицамъ городовъ и деревень носили бѣлое знамя, а «невѣжественные» братья выводили на улицу воспитанниковъ своихъ школъ и заставляли ихъ кричать: «смерть республиканцамъ! да здравствуетъ Генрихъ V!» Патеры ходили изъ дома въ домъ, посѣщали кабаки и трактиры, вездѣ распространяя слухи о скоромъ возстановленіи трона Генриха V, съ которымъ польются всѣ блага на Францію. Клерикальная партія пустила въ дѣло свою вѣрную армію нищихъ, которые кричали о благодѣніяхъ законнаго короля Франціи, уже и теперь заботящагося о своихъ подданныхъ. Фанатики патеры намѣтили протестантовъ и либераловъ, которыхъ слѣдовало убить и имена обреченныхъ жертвъ передавались отъ одного другому.

«Въ легитимистскихъ и клерикальных кружкахъ въ Нимѣ, писалъ въ то время корреспондентъ одной газеты, — замѣчается лихорадочное движеніе, неутомимая дѣятельность, всѣ толкуютъ о близкомъ осуществленіи великаго предпріятія. Дѣло идетъ о маленькомъ: о войнѣ съ Викторомъ-Эмануиломъ, объ изгнаніи его сына изъ Испаніи и о возстановленіи Генриха V на тронѣ его отцовъ. Когда пріѣхалъ сюда генераль Кателино, экзальтація дошла до крайнихъ предѣловъ, всякій хотѣлъ его видѣть, слышать, дотронуться до него. Подлѣ церкви св. Франциска давка была невообразимая; женщины окружили генерала, тискали его и, буквально, цѣловали его колѣна. Одна изъ нихъ спросила: «видѣлъ-ли онъ короля?»—«Да, я его видѣлъ и цѣловалъ», отвѣчалъ онъ. Едва произнесъ онъ эти слова, женщина стала душить генерала въ своихъ объятіяхъ. Генераль Кателино въ глазахъ этой толпы не былъ обыкновеннымъ человекомъ, онъ былъ святой.

«На обѣдъ, данный въ честь его, генераль Кателино вошелъ въ сопровожденіи огромной толпы, предъ нимъ несли двѣ зажженные свѣчи. Генераль открылъ пиръ приблизительно слѣдующей рѣчью: «Папа въ плѣну. Надо освободить его изъ плѣна. Кто его освободитъ? Король! Этимъ королемъ будетъ Генрихъ V! Да, папа подвергается большимъ опасностямъ. Необходимо летѣть къ нему на помощь. Въ охотникахъ для этого дѣла недостатка не будетъ. Ни одинъ изъ моихъ солдатъ, носившихъ освященную медаль, не былъ убитъ!»

«Легитимисты и клерикалы сильно рассчитывали на Авиньонъ, куда генераль долженъ былъ пріѣхать въ тотъ самый часъ, какъ люди набожные расходились по домамъ послѣ обѣдни. Его, дѣйствительно, встрѣтила большая толпа, но уже не было того энтузіазма,

какъ въ Нимѣ. Онъ проявился только въ салонѣ г-жи де-Шаберъ, гдѣ старухи и молодыя ханжи дошли до того, что стали вымаливать у Кателино благословенія, точно у патера. Необходимо замѣтить, что Кателино, провозглашенный анжуйскимъ святымъ, никогда не отличался святостью въ своей жизни; напротивъ, онъ всегда былъ извѣстенъ, какъ мотъ и кутила, какъ человѣкъ, ведущій развратную жизнь и погрязшій по уши въ долгахъ. Несмотря на эту репутацію, авиньонскія дамы избрали его своимъ рыцаремъ и надавали ему кучу букетовъ. Въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе онъ сказалъ: «да, вы увидите своего короля и его бѣлое знамя! Да, онъ освободитъ церковь и спасетъ Авиньонъ!»

Въ Монпелье окончился триумфъ генерала Кателино. Легитимисты и клерикалы и здѣсь устроили торжественную встрѣчу Кателино съ восклицаніями: «да здравствуетъ Генрихъ V». Студенты и рабочіе устроили контр-манifestацію и встрѣтили свистками восклицанія клерикаловъ. Произошла схватка, съ обѣихъ сторонъ полетѣли камни и клерикалы были обращены въ бѣгство; сынъ Кателино получивъ серьезную рану въ плечо камнемъ. Тогда только вмѣшался Тьеръ и, черезъ префекта, приказалъ Кателино убраться изъ южной Франціи, что онъ поспѣшилъ исполнить, убѣдившись, что дѣло его не выгорѣло.

Мѣстная администрація спокойно сносила манифестаціи, направленные противъ правительства и въ тоже самое время засадила въ тюрьму и привлекла къ суду въ Нантѣ протестантскаго пастора, виновнаго въ томъ, что онъ бесплатно раздавалъ рабочимъ брошюру о вредѣ пьянства. Судъ нашелъ его виновнымъ въ нарушеніи закона о разносной торговлѣ и присудилъ къ ста франкамъ штрафа. Нѣсколько позже префектъ департамента Жиронды воспретилъ вльзасцамъ и лотарингцамъ, проживавшимъ въ Бордо, явиться торжественной процессіей въ мэрію, чтобы объявить о желаніи своемъ избрать французскую національность.

Въ то самое время, какъ Кателино оставлялъ Монпелье вслѣдствіе народной манифестаціи, направленной противъ него и его партіи, графъ Шамборъ поспѣшно оставилъ Анверъ, побуждаемый къ тому подобной-же народной манифестаціей.

III.

Бурбонское предпріятіе потерпѣло подобную-же неудачу и въ другихъ странахъ. Нашимъ читателямъ извѣстенъ исходъ карлистскаго возстанія въ Испаніи, начатаго благословіемъ папы и отчасти на деньги его святѣйшества; карлисты, какъ извѣстно, болѣе всего занимались порчей желѣзныхъ дорогъ и грабежемъ путешественниковъ, ѣдущихъ по желѣзнымъ дорогамъ и въ дилижансахъ. Впрочемъ карлистское возстаніе еще продолжается, но когда-же въ Испаніи не бываетъ какого-нибудь возстанія? Возстановленіе папы и итальянскихъ Бурбоновъ пришлось отложить на неопредѣленное время, хотя клерикалы были убѣждены, что на осуществленіе этого предпріятія потребуется мѣсяца два, три, не болѣе. Впрочемъ, ихъ неосновательное увлеченіе было естественно въ виду того страннаго факта, что, въ то время, какъ Тьеръ въ отношеніи Италіи держался политики соглашенія и явно добивался заручиться союзомъ съ итальянскимъ королевствомъ и возбудить къ себѣ симпатію короля Виктора-Эмануила, — одинъ изъ его министровъ послалъ агента къ кардиналу Антонелли, которому поручено было сказать, что Франція обѣщаетъ поддержку святому престолу. Зная это, клерикалы смѣло производили манифестаціи въ пользу возстановленія свѣтской власти папы, хотя-бы цѣною самой безумной войны. Они постоянно выставляли на видъ, что итальянцы удивили міръ своей неблагодарностію въ отношеніи Франціи, подобно тому, какъ австрійцы изумили міръ своей неблагодарностію въ отношеніи Россіи.

Военный министръ генералъ Сиссе и другой министръ правительства Тьера, де-Ларси подъ рукой помогали этой пропагандѣ. Военный министръ принялъ папскихъ зуавовъ въ составъ французской арміи и позволилъ генералу Шаррету сформировать «легіонъ западныхъ волонтеровъ»; конскриптамъ набора 1871 года разрѣшено было поступать или въ дѣйствующую армію или въ легіонъ Шаррета, формируемый неизвѣстно для какой цѣли... «Съ какихъ это поръ дозволяется частному человѣку, пожалуй генералу, писать въ газетѣ „Siècle“, — отъ своего имени формировать отрядъ войскъ, располагать его по квартирамъ и посылать, куда ему заблагоразсудится. Что сказали-бы гг. депутаты правой стороны если-бы, въ то самое время, когда Шарретъ формируетъ свой западный легіонъ, Гари-

бальди или какой-нибудь изъ гамбетовскихъ генераловъ стать формовать свой на югѣ?»

Послѣ того, какъ газеты «Gironde», «Siècle» и «Journal des Debats» подняли крикъ по поводу сформирования шарретовскаго легіона, этотъ легіонъ безъ шума распустили и постарались поспѣшно замаять дѣло. Говорятъ, что Тьеръ ничего не зналъ о формированіи западнаго легіона и чрезвычайно удивился, когда прочелъ объ этомъ въ газетахъ. За то Италия прекрасно поняла съ какой цѣлю онъ формируется и приняла это къ свѣденію. Зная, что это дѣло клерикаловъ и легитимистовъ, не трудно было догадаться, что этотъ легіонъ предназначается для служенія папѣ противъ итальянскаго королевства.

Лишенный своего легіона Шарретъ ворстился въ Вандею, чтобы присутствовать на свадьбѣ своей сестры съ виконтомъ Кериганомъ. Эта брачная церемонія также послужила манифестаціей въ честь папы и Генриха V. На свадьбѣ присутствовало до 500 человекъ; сословія были перемѣшаны, вмѣстѣ съ старинными дворянами за столомъ сидѣли мѣстные крестьяне. Пили за здоровье Пія IX, потомъ Генриха V и въ заключеніе вывѣсили бѣлое знамя. Тогда одинъ изъ сосѣднихъ крестьянъ, отказавшійся присутствовать на свадьбѣ, вывѣсилъ у себя въ окнѣ трехцвѣтное (т. е. правительственное) знамя. Крестьяне, изъ числа гостей Шаррета, сочли это за оскорбленіе, сорвали трехцвѣтное знамя, а самого крестьянина, вывѣсившаго его, угостили ударомъ ножа. Безполезно говорить, что администрація не потревожила ни хозяевъ, ни гостей, и убійцы избѣгли наказанія.

Послѣ этого Шарретъ окончательно сошелъ съ политической сцены, хотя имя его еще разъ появилось въ разсказѣ объ одномъ скандальномъ происшествіи. Въ то время, какъ Тьеръ проживалъ въ Трувилѣ, Шарретъ въ обществѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Бретани, позавтракавъ устрицами съ шампанскимъ, котораго выпито было огромное количество, вышли на площадь и стали кричать: да здравствуетъ король! Собравшая здѣсь толпа народа встрѣтила ихъ свистками и криками: да здравствуетъ республика! Шарретъ съ своими друзьями, конечно, поспѣшили удалиться.

Шарретъ зять графа Шамбора. Герцогъ Беррійскій, эмигрировавшій во время первой революціи, женился въ Англіи на мистрисъ Броунъ. Такъ какъ отъ этого брака онъ имѣлъ только двухъ дочерей, то Людовикъ XVIII нашелъ необходимымъ развести его съ женой и предложилъ ему вступить въ бракъ съ неаполитанской прин-

цессой Каролиной. Отъ этого второго брака родился графъ Шамборъ. Шарретъ женился на старшей сводной сестрѣ графа.

Въ послѣдній разъ оба генерала клерикальной партіи, Кателино и Шарретъ, присутствовали на огромномъ легитимистскомъ и клерикальномъ обѣдѣ въ Курьерѣ, въ департаментѣ Па-де-Кале. Оба генерала рѣшительно наставляли, что теперь самое удобное время повалить республику, и что партіи порядка необходимо немедленно преобразиться въ «партію дѣйствія». Рѣшено начать энергическое наступленіе, но, какъ всегда, главнымъ вопросомъ, подвергнутымъ обсужденію собранія, была война съ Италіей и Германіей. Этотъ вопросъ, какъ и всегда, вытѣснилъ вопросы внутренней политики. Произнесено было множество запальчивыхъ, страстныхъ рѣчей, высказаны надежды на скорое возмездіе исконному, непримиримому врагу Франціи,—Германіи, выражена радость по случаю приближающагося скорого освобожденія папы изъ плѣненія вавилонскаго, — и послѣ всего этого собраніе разошлось при крикахъ: да здравствуетъ Пій IX! да здравствуетъ Генрихъ V!

IV.

Спрашивается: почему французское духовенство такъ ревностно служить партіи легитимистовъ или, какъ называютъ ихъ теперь во Франціи, генрихистовъ?

Тотъ будетъ сильно заблуждаться, кто станетъ думать, что духовенство въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ по обдуманному плану, по тщательно сдѣланному выбору между партіями. Нѣтъ, они соединились потому, что не соединиться имъ было невозможно, какъ невозможно не соединиться желѣзу съ кислородомъ, если оно подверглось дѣйствию сырости. *A priori* ничто не мѣшаетъ духовенству соединиться съ либеральной партіей, какъ оно и дѣлало не разъ въ исключительныхъ случаяхъ, какъ оно это дѣлаетъ теперь въ Бельгій, Голландіи и Швеціи. До обнаруженія силлабуса было не мало священниковъ либераловъ, которые въ тоже время считали себя католиками не хуже ультрамонтановъ. И теперь нѣмецкіе католическіе патеры, непризнавшіе догмата непогрѣшимости папы или, какъ они называютъ себя, старо-католики заявили, что они по своимъ политическимъ убѣжденіямъ принадлежатъ къ либеральной партіи, Либерализмъ отца Лакордера въ свое время надѣлалъ много шума. Бывали священники, напимъ, Ламене, которые въ полити-

ческих убъжденіяхъ держались крайнихъ радикальныхъ тенденцій. Въ тревожныя эпохи, когда духовенству приходилось добиваться популярности, оно высказывало крайнія демократическія убъжденія. Теперь французское духовенство ставитъ деревья въ честь графа Шамбора, а въ 1848 году оно, въ демократическихъ клубахъ, требовало разръшенія водрузить у каждой церкви деревья свободы, что и производилось имъ съ религиозными церемоніями. Во всѣхъ тогдашнихъ революціонныхъ манифестаціяхъ участвовали патеры, имѣя въ рукахъ кресты; самъ парижскій архіепископъ, монсеньеръ Сибуръ, проповѣдывалъ въ церкви парижской Богоматери о гармоніи, существующей между вѣрой и разумомъ, и благословлялъ тогдашнее революціонное движеніе. Однакожь такое увлеченіе французскаго духовенства въ демократическую сторону продолжалось недолго, и послѣ римской экспедиціи, оно стало работать для уничтоженія республики. Союзъ римскаго католицизма съ революціей, конечно, не могъ продолжаться долго, потому что онъ не былъ искрененъ. Реакціонная партія можетъ соединиться съ прогрессистами только для какихъ нибудь личныхъ эгоистическихъ цѣлей, съ желаніемъ обмануть, обвести своихъ враговъ, сдѣлавшихся временными союзниками. Изъ корпорацій, существующихъ въ человѣческихъ обществахъ, корпорація католическаго духовенства, преимущественно предъ всѣми, руководствуется всегда закономъ личнаго эгоизма въ самомъ ограниченномъ и, слѣдовательно, худшемъ значеніи этого опредѣленія. Если въ частномъ человѣкѣ замѣчается такой эгоизмъ, все-же онъ нѣсколько смягчается привязанностями къ кому-нибудь, безъ которыхъ не обходится ни одно человѣческое существованіе. Но корпорація католическаго духовенства не знаетъ никакихъ привязанностей, кромѣ любви къ самой себѣ и къ своему главѣ, папѣ, какъ представителю и выразителю корпораціи. Поэтому, въ своихъ политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, французское католическое духовенство руководится исключительно побужденіями самаго узкаго эгоизма.

Политическія колебанія клерикальной партіи рельефнѣе всего выражаются въ жизни и дѣятельности самаго значительнаго послѣ папы человѣка въ новѣйшемъ католицизмѣ, Люи Вельо, органъ котораго „l'Univers“ пользуется въ католическомъ мірѣ почти такимъ-же авторитетомъ, какъ пастырскія посланія папы.

Вельо дебютировалъ въ политикѣ секретаремъ Дюшателя. За три тысячи франковъ въ годъ онъ оскорблялъ въ печати либеральную партію, льстилъ Людовику-Филиппу, расточалъ клеветы, и ругательства противъ республиканской партіи. Безполезно говорить, что мно-

гіе изъ священниковъ дѣлали то-же самое только за несравненно большую сумму.

Въ 1848 году онъ писалъ панегирики республикѣ, но въ 1850 году, когда республикѣ уже грозила видимая опасность, Вельо говорилъ: «Только чудо измѣнитъ наши нравы, удалить отъ насъ тяжелыя воспоминанія о нашихъ преступленіяхъ, преобразуетъ недостатки нашего національнаго характера... мы можемъ возвратиться къ порядку только посредствомъ монархіи, только возстановивъ на тронѣ старшую линію Бурбоновъ...»

Но Вельо вскорѣ снова прозрѣлъ. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря онъ пересталъ уже думать о старшей линіи Бурбоновъ. «Послѣ 2 декабря, пишетъ онъ, — во Франціи снова существуютъ правительство и армія, голова и руки. Подъ покровомъ этой двойной силы всякая честная грудь свободно дышетъ, въ сердцахъ водворяется надежда. 2-е декабря сразило нахальное зло... Несправедливость (республика), которая была увѣрена въ своемъ торжествѣ и заставляла дрожать передъ собою всѣхъ, въ свою очередь дрожитъ предъ справедливостію. Соціальная реставрація, которая могла совершиться развѣ чрезъ столѣтіе, совершилась теперь почти моментально... Совершивъ это, правительство можетъ хладнокровно и съ презрѣніемъ смотрѣть на своихъ враговъ революціонеровъ, тенденціи которыхъ возбуждаютъ омерзеніе, и на своихъ парламентскихъ противниковъ, болтовня которыхъ вызываетъ только жалость. Противъ этой безпорядочной толпы стоятъ двѣ арміи... одна состоитъ изъ четырехсотъ тысячъ человекъ... и другая, которой не имѣлъ Наполеонъ I и въ такомъ цвѣтущемъ положеніи не имѣетъ, можетъ быть, ни одинъ народъ въ мірѣ, — армія милосердія, состоящая изъ сорока тысячъ священниковъ и пятидесяти тысячъ монахинь...»

Когда палъ Наполеонъ III, Люи Вельо не замедлилъ обратиться противъ него съ своими обычными ругательствами. Далѣе онъ снова сдѣлался роялистомъ болѣе даже, чѣмъ самъ король.

Тѣже колебанія въ это время замѣчаются и въ политической дѣятельности всего французскаго духовенства. Его сильный и не совсѣмъ опрятный защитникъ въ своемъ органѣ проводитъ всегда именно тѣ идеи, которыя въ данный моментъ выгодны для самого духовенства. Для духовенства важно только то, чтобы власть, какая-бы она ни была, жила въ согласіи съ Римомъ, признавала, хотя-бы и не прямо, главенство папы въ дѣлахъ французскаго духовенства, проще сказать, предоставляла-бы духовенству полную свободу дѣйствій. По мнѣнію французскаго католическаго духовенства, всякія средства хо-

роши лишь-бы они вѣли къ одной цѣли: къ утвержденію преобладанія клерикализма. Республика Тьера, какъ она ни консервативна, не желаетъ ссориться съ Италіей и начинать борьбу за папу. Легитимисты же, по крайней мѣрѣ, теперь, пока власть еще не попала окончательно къ нимъ въ руки, во главѣ всего ставятъ вопросъ о возвращеніи свѣтской власти папѣ.

Далѣе, не духовенство ищетъ союза съ легитимистами, а на оборотъ, легитимисты добиваются дружбы клерикаловъ. Это и понятно клерикалы несравненно сильнѣе партіи бурбонскаго легитимизма. Начиная съ 1815 года французская монархія три раза насильственно прекращала свое существованіе и каждый разъ, при своемъ паденіи, заключала тѣсный союзъ съ духовенствомъ; этой тактики держались одинаково бурбонская, орлеанская и бонапартовская монархіи. Каждая изъ нихъ искала поддержки въ духовенствѣ, рассчитывая съ его помощью вернуть потерянное; что-же касается расплаты за услуги, то, въ случаѣ побѣды, обѣщанія можно было исполнить и не во всей силѣ; ссылаясь на давленіе обстоятельствъ, потому что противъ обстоятельствъ трудно что-нибудь сдѣлать. Изъ всехъ трехъ искателей поддержки духовенства, для него, конечно, самый любезный графъ Шамборъ, потому что онъ слишкомъ много обѣщаетъ, слѣдовательно есть надежда, что если онъ исполнитъ хотя треть своихъ обѣщаній, духовенство все-таки будетъ хорошо вознаграждено за свои услуги. Къ тому-же духовенство рассчитываетъ, что, вступивъ на престолъ, графъ Шамборъ будетъ вполнѣ въ его рукахъ.

«Мы желаемъ только прославленія церкви, мы желаемъ, чтобы слава Франціи возрасла, пишутъ въ клерикальной газетѣ «Monde». — И то и другое, одно для другого, можетъ дать намъ только одинъ человекъ. Этотъ человекъ—графъ Шамборъ или кто нибудь другой? Про то Богъ знаетъ. Но графъ Шамборъ имѣетъ рѣдкое достоинство: онъ способенъ другихъ сдѣлаться королемъ истинно христіанскимъ. И ни въ какомъ другомъ изъ лицъ королевскаго французскаго дома не замѣчается этой способности.

«Онъ началъ выраженіемъ сильной вѣры. Когда былъ провозглашенъ догматъ непогрѣшимости папы, въ то время весьма непопулярный, графъ Шамборъ торжественно заявилъ, что онъ принимаетъ его и тѣмъ разомъ отшатнулся отъ галликанской традиціи, которая была одной изъ важныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ его династіей, и которая послужила причиной многихъ несчастій для его родины.

«Онъ продолжалъ выраженіемъ высокаго мужества. Когда папа, въ качествѣ свѣтскаго государя, былъ лишенъ своего трона, графъ

Шамборъ объявилъ о необходимости возвращенія папѣ свѣтской власти и не побоялся соединить свое собственное дѣло съ дѣломъ этого великаго страдальца. То, что всемогущій Бонапартъ вычеркнулъ изъ своей программы, Бурбонъ, лишенный престола, вписалъ въ свою, и показалъ тѣмъ разницу между обѣими династіями... Церковь теперь хорошо знаетъ, чего она можетъ ожидать отъ каждой изъ нихъ.

«Онъ наконецъ окончилъ доказательствомъ своей глубокой искренности. Ему предложили вступить на тронъ цѣною отреченія (принять трехцвѣтное знамя буржуазнаго парламентаризма), но онъ отвергъ такое отступничество отъ своихъ убѣжденій...»

Все это очень ясно. Католическое духовенство предпочитаетъ графа Шамбора другимъ претендентамъ на французскій тронъ потому, что графъ въ самомъ широкомъ смыслѣ призналъ догматъ непогрѣшимости папы, какъ-бы указывая тѣмъ, что, сдѣлавшись королемъ, онъ будетъ только намѣстникомъ святѣйшаго отца. Онъ торжественно заявилъ о необходимости возстановить свѣтскую власть папы, чѣмъ выказалъ свое желаніе объявить войну Италіи. Онъ отвергъ галликанскую традицію и этимъ заявилъ, что въ его царствованіе духовенство можетъ рассчитывать на полную свободу дѣйствій. Конечно, при такомъ королѣ, который будетъ находиться совершенно въ ихъ рукахъ, французскому католическому духовенству не трудно будетъ установить владычество теократіи, подобно тому, какъ это было въ Испаніи въ теченіе двухъ столѣтій, когда король вполнѣ зависѣлъ отъ воли великаго инквизитора.

Духовенство, заключивъ союзъ съ легитимистами, не приняло на себя обязательства во всякомъ случаѣ и при всякихъ обстоятельствахъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Иногда духовенство отдѣляется отъ нихъ и дѣйствуетъ совершенно самостоятельно. Такъ, во время выборовъ въ Морбиганѣ, легитимисты и клерикалы согласились поддерживать одного извѣстнаго въ краѣ землевладѣльца изъ генрихистовъ, молодого, красиваго, блестящаго; никто не сомнѣвался, что кандидатура этого господина пройдетъ огромнымъ большинствомъ, но за нѣсколько дней до вотированія клерикальный комитетъ внезапно измѣнилъ свое намѣреніе и объявилъ себя за лавочника, некрасиваго, грязнаго, глупаго. Легитимистскій комитетъ не осмѣлился противиться; изысканный землевладѣлецъ удалился, а іезуитъ лавочникъ, благодаря поддержкѣ легитимистовъ, попалъ въ національное собраніе.

У клерикаловъ въ рукахъ много средствъ, чтобы обращать выборы въ свою пользу; конфесіональ и проповѣдническая кафедра, конечно, самыя могущественныя; если присоединить сюда другія, какъ, напри-

мѣръ, вліяніе на женщинъ, то нельзя не согласиться, что на избирателя, вотпировавшаго противъ клерикаловъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на человѣка съ весьма сильнымъ характеромъ и слишкомъ твердыми убѣжденіями.

«Консервативный комитетъ предложилъ кандидата, который, по своимъ качествамъ вполне достоинъ выбора въ депутаты, пишетъ въ своемъ циркулярѣ ко всемъ приходскимъ священникамъ шамберійскій кардиналъ-архіепископъ.—Въ день вотпировація отслужите пораньше обѣдню и въ своей проповѣди предложите избирателямъ подать голосъ за этого добраго католика, объяснивъ имъ, что неисполненіе этой вашей просьбы будетъ важнымъ грѣхомъ.»

Правительство не вмѣшивается въ такія распоряженія клерикаловъ, за то оно строго преслѣдуетъ вмѣшательство въ выборы въ другихъ случаяхъ. Докторъ Пелисье, мэръ общины Рэми, былъ отставленъ отъ должности за то, что онъ предложилъ избирателямъ подавать голоса за республиканскаго кандидата. Предложеніе мэра небольшой общины признано административнымъ вмѣшательствомъ, а циркуляръ архіепископа, разосланный по всему департаменту, — частнымъ документомъ. Вездѣ теперешнее французское правительство впадаетъ въ подобное противорѣчіе: аналогичные факты оно измѣряетъ различными вѣсомъ и мѣрою. И однакожь, не смотря на предупредительность правительства въ отношеніи клерикаловъ, въ послѣдніе два выбора они потерпѣли рѣшительное поражение.

V.

Французское католическое духовенство очевидно всего выказало свое желаніе стать господствующей партіей въ государствѣ — частымъ устроивъ торжественныхъ путешествій на богомолье. Подобно тому, какъ въ Англіи и въ Соединенныхъ штатахъ защитники соціальной или политической реформы устраиваютъ торжественныя манифестаціи, желая показать какъ велико число ихъ сторонниковъ, — во Франціи духовенство устраиваетъ богомольныя путешествія, стараясь, чтобы число богомольцевъ было очень велико. Этимъ оно рассчитываетъ повліять на правительство, показавъ ему, какая масса народа стоитъ на сторонѣ клерикальной партіи.

Духовенство рассчитывало, что эти богомольныя путешествія, если только число богомольцевъ велико, произведутъ сильное впечатлѣніе на противниковъ духовенства, и со стороны самихъ богомольцевъ непремѣнно

вызвать внушительную манифестацію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Путешествіе на богомолье усилить, наконецъ, вѣру въ участникахъ манифестаціи. Вѣрующій, сидя въ своемъ кабинетѣ, можетъ быть, не имѣть и сотой доли той вѣры, которая охватываетъ его, когда онъ находится въ обществѣ нѣсколькихъ тысячъ людей, какъ и онъ, путешествующихъ на богомолье къ какой-нибудь святынѣ, особенно чтимой всеми вѣрующими. Въ массѣ вѣра проявляется несравненно ярче, чѣмъ въ отдѣльномъ человѣкѣ; въ массѣ легче разжечь религиозный фанатизмъ, чѣмъ въ единичной личности. Католикамъ XIX вѣка необходимо подогрѣваніе извиѣ, чтобы они почувствовали себя истинными католиками, лучше сказать, средне-вѣковыми; а это подогрѣваніе очень удобно, когда въ одномъ мѣстѣ, для одной религиозной цѣли собрались тысячи людей; здѣсь одинъ дѣйствуетъ на другого; каждый старается превзойти своихъ товарищей. И такъ какъ католицизмъ не допускаетъ сознательнаго и разумнаго отношенія къ нему вѣрующихъ, то понятно, что онъ долженъ какъ можно чаще дѣйствовать на ихъ воображеніе: торжественныя процессіи и богомольныя путешествія болѣе всего способствуютъ къ достиженію этой цѣли.

Самыми важнѣйшими изъ путешествій, устроенныхъ французскими клерикалами, были путешествія въ Лурдъ и Салетъ.

Клерикалы и легитимисты, замѣчая, что съ каждымъ годомъ число богомольцевъ въ Лурдѣ увеличивается, захотѣли воспользоваться такимъ настроеніемъ публики, устроивъ богомольное путешествіе туда въ огромныхъ размѣрахъ, и это путешествіе обратить въ манифестацію въ пользу папы и Генриха V. Одинъ изъ замѣтныхъ членовъ легитимистской партіи, маркизъ Франлье, уговорилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей по національному собранію, принять участіе въ путешествіи въ качествѣ представителей націи, и занять главную роль въ процессіи, которой будутъ предшествовать знамена французскихъ провинцій. Легитимисты имѣли въ виду напугать лѣвую сторону національнаго собранія и въ особенности Тьера, которымъ они сильно недовольны. Былъ распущенъ слухъ, что въ процессіи будутъ нести около 500 знаменъ провинцій и городовъ Франціи, что будутъ знамена изъ Эльзаса, Лотарингіи и Алжирія. Цѣль богомолья—испросить прощеніе у Богоматери въ томъ, что ея старшая дочь, королевство (?) французское, такъ сильно провинилась противъ нея во время прусской войны.

Католическое духовенство обнародовало прокламацію, въ которой говорить, что лурдское чудо совершилось именно для того, чтобы из-

влечь Францію изъ пропасти, въ которую втокнули ее свободные мьслители; чтобы даровать Франціи новую славу, величіе и благоденствіе и пр.

Процессія знаменъ должна была раздѣлиться на двѣ части: первая часть представляла *раскаявающуюся Францію*, которая шла на богомолье въ лурдскій гротъ, чтобы просить помилованія за свои грѣхи. Вторая—это *церковь*, которая съ поспѣшностію идетъ къ ней на встрѣчу, чтобы принять раскаявшагося грѣшника и примирить его съ Богомъ.

Вся программа была точно выполнена. Одно только сильно не понравилось жокакамъ, что богомольцевъ явилось гораздо меньше, чѣмъ они предполагали. Компаніи желѣзныхъ дорогъ, выдававшіе льготные билеты богомольцамъ, выдали ихъ всего 6,300, въ этомъ числѣ, разумеется, воспользовались дешевыми билетами любопытные, ѣхавшіе въ Лурдъ вовсе не съ религиозными цѣлями. Въ Бордо компанія южной желѣзной дороги приготовила 150 вагоновъ для богомольцевъ, а ихъ явилось всего 18 человекъ. Такимъ образомъ, громкое предпріятіе, на которое было возложено столько блестящихъ надеждъ, потерпѣло полное фіаско, что, конечно, заставило сильно призадуматься его организаторовъ, привыкшихъ къ постояннымъ удачамъ.

Но отъ всего можно отпереться, говорить дон-Базилію. Клерикальная газета „Monde“ стала кричать, что всѣ слухи о неудачѣ лурдскаго богомолья невѣрны, что въ сборѣ было не менѣе ста тысячъ человекъ.

„Illustration“ напечатала у себя рисунокъ, изображающій Лурдъ во время торжества. На картинѣ видны преимущественно священники и монахи, и еще болѣе монахинь. Всѣ они сгруппировались около лавокъ, гдѣ продаются священные предметы и около фонтановъ. Въ этомъ рисункѣ рельефно выдаются парижскія элегантныя дамы, прогуливающіяся среди толпы въ сопровожденіи аббатовъ; сзади нихъ переступаютъ ихъ папа и мужья, судя по одеждѣ и выраженію лицъ, все крупныя собственники, у каждаго изъ нихъ въ рукахъ непременно дождевой зонтикъ. Въ глубинѣ видна церковь съ высокой колокольной.

Въ Нантѣ толпу богомольцевъ, возвращавшихся изъ Лурда, встрѣтили свистами и насмѣшками. Клерикалы вознегодовали, подняли крикъ и кончилось тѣмъ, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ, Гуляръ, для ихъ успокоенія, уволялъ нантскаго мэра.

Клерикальная манифестація, конечно, сопровождалась манифестаціей легитимистовъ; толпы ихъ ходили по улицамъ Лурда, распѣва

пѣсни въ честь Генриха V. На каждомъ шагу слышались крики: да здравствуетъ Пій IX, папа римскій! » « да здравствуетъ Генрихъ V. »

Лурдская манифестація, скандализировавшая не только либераловъ, но также и искреннихъ католиковъ, напоминаетъ собою времена традиціоннаго средневѣковаго католицизма, который требовалъ только наружныхъ знаковъ вѣры, и нисколько не заботился о внутреннемъ сознаніи. Ближайшимъ послѣдствіемъ лурдскихъ манифестацій появились новыя чудеса въ разныхъ мѣстахъ. Большая часть изъ этихъ чудесъ такого сорта, что въ нихъ позволяетъ себѣ сомнѣваться даже „l'Univers“; мы не приводимъ ихъ, потому что перечисленіе фактовъ суевѣрія и обмана не особенно интересно.

Другимъ послѣдствіемъ лурдскаго богомолья было значительное приращеніе денежныхъ суммъ въ кассы духовенства. По признанію самихъ клерикаловъ богомольцы вложили въ кассу лурдской церкви болѣе 200,000 франковъ. Если считать всѣхъ богомольцевъ 8,000 (мы принимаемъ, что 1,700 человекъ пріѣхали въ экипажахъ и пришли пѣшкомъ), то на каждого изъ нихъ среднимъ числомъ приходится по 25 франковъ. Прибавьте къ этому, сколько они оставили денегъ въ лавкахъ, торгующихъ священными предметами, то эта цифра значительно увеличится.

Замѣчательно, что въ Лурдѣ, какъ и въ Салетѣ выдѣлывается особый ликеръ, носящій названіе «безсмертный». Выдѣлкой его занимаются монахи; онъ пользуется еще большою извѣстностью, чѣмъ салетскій. Этотъ ликеръ, по словамъ производителей, имѣетъ чудесныя свойства: выпитый передъ обѣдомъ онъ развиваетъ аппетитъ и утоляетъ желудочныя боли; послѣ обѣда онъ гораздо пріятнѣе коньяка или шартреза (тоже производимаго монахами, которые продаютъ его на 1,800,000 франковъ въ годъ).

Лурдскіе монахи занимаются также производствомъ духовъ подобно тому, какъ салетскіе—помады. Духи имъ даютъ хорошій доходъ.

Вообще почти нѣтъ ни одного доходнаго производства, какимъ не занимались-бы французскіе монахи. Всѣ эти производства даютъ имъ значительный доходъ и способствуютъ пропагандѣ клерикальныхъ убѣжденій.

VI.

Всего, что мы сообщили въ настоящей и предъидущей статьѣ, о положеніи клерикальной партіи во Франціи, кажется достаточно, чтобы судить о ея силѣ и значеніи и сдѣлать выводъ, что она пусты-

ла въ ходъ всѣ средства для уничтоженія во Франціи республики и смѣщенія правительства Тьера. Въ согласіи съ ними, при полномъ знакомствѣ съ ихъ планами и предположеніями, дѣйствуетъ монархическая партія всѣхъ оттѣнковъ: орлеанисты, бонапартисты и легитимисты. Въ невольномъ-же согласіи съ ними, но при незнакомствѣ съ ихъ планами и предположеніями, дѣйствуютъ буржуазные республиканцы, которые никакъ не хотятъ понять, что пока высшія административныя мѣста будутъ находиться въ рукахъ ихъ противниковъ, они не могутъ надѣяться осуществить свою завѣтную мечту: утвержденіе консервативной республики съ президентомъ Тьеромъ. Они какъ будто не понимаютъ, что клерикалы и ихъ союзники легко могутъ произвести государственный переворотъ. Консервативные республиканцы утѣшаютъ себя мыслью, что Тьеръ пользуется громадной властью и всегда легко можетъ разрушить замыслы враговъ своей консервативной республики, и что пока Тьеръ живъ теперешнему порядку вещей не представляется серьезной опасности.

Но что-же это за странный порядокъ, который держится однимъ человѣкомъ. Что это за государственное устройство, которое можетъ рухнуть со смертію извѣстнаго человѣка. Къ тому-же Тьеръ вовсе не какой-нибудь феноменъ, онъ обыкновенный человѣкъ, со всѣми человѣческими достоинствами и недостатками. Многими затрудненіями, изъ которыхъ ему не легко выбраться, онъ отчасти обязанъ самому себѣ. Какъ человѣкъ болѣе хитрый, чѣмъ искусный, Тьеръ во многомъ слишкомъ перехитрилъ и лишилъ себя необходимой силы и поддержки. Тьеръ по натурѣ своей не любитъ пути ровнаго и прямого, онъ предпочитаетъ окольный, который перерѣзанъ рвами и западнями; его страсть бороться съ препятствіями, обходить ихъ и употреблять хитрость тамъ, гдѣ гораздо удобнѣе дѣйствовать смѣло и прямо. Тьеръ далекъ отъ того образцоваго типа государственныхъ людей, какой выработала англійская жизнь, и ошибаются тѣ, кто сравниваетъ его съ лучшими дѣятелями Англіи.

Однакожь сила клерикальной партіи и слѣпота партіи консервативныхъ республиканцевъ не даютъ еще права заключить, что Франція должна непременно попасть въ руки клерикаловъ, которые возстановятъ въ ней бурбонскую монархію.

Нѣтъ, вѣроятнѣе всего, что клерикальная партія сама себя уберетъ. Она отдала себя во власть іезуитамъ, а іезуиты кончали всегда тѣмъ, что возбуждали общую ненависть. Къ тому-же Бурбоны не имѣютъ никакихъ шансовъ на поддержку въ средѣ крестьянъ и мелкихъ буржуа, которые съ ихъ именемъ соединяютъ феодальный порядокъ.

Одинъ патерь въ Тарнѣ, на сельской площади сильно осуждалъ республику; вокругъ него толпилось много слушателей. «За что вы такъ ругаете республику?» спросилъ одинъ изъ крестьянъ.—«Если она окончательно утвердится, она не станетъ давать деньги духовенству».—«Только-то, отвѣчалъ крестьянинъ,—такъ пусть ее живетъ да здравствуетъ, намъ хуже не будетъ». А другой прибавилъ: «земель у насъ не отберутъ, только того мы и желаемъ».

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДЪЛО», въ С.-Петербургъ,
уголь Надеждинской ул. и Манежнаго пер., д. № 39/5.)

**Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ
сочиненія**

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благо-
свѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третье-
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной, какъ прило-
женіе къ 3-му выпуску, редакція наша возможнымъ издать отдѣльную книжку
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка
эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а ино-
городнихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ
какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ-же продаются слѣдующія изданія Редакціи журнала „Дѣло“:

О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев.
съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц.
1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

УРОВНИ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ФИЗИОЛОГИИ, Томаса Гексли. Изда-
ніе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писа-
рева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—
за 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра
В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ.

Издание второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Издание третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиѣны*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гигиѣны“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта.

Комедія всемірной исторіи, Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку — за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго. Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

О Питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, сочиненіе доктора Жюля Спра, перев. съ франц. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.

У книгопродавца **Н. А. ШИГИНА**. Въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., домъ Пажескаго корпуса, № 2.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Соч. Мигуэля Сервантеса Са-ведры въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго В. Карелина. Изд. второе съ 27 картинами и портретомъ автора. Спб. 1873 г. Ц. 4 р. съ перес. 4 р. 50 к.

РУССКАЯ ОБЩИНА въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Исслѣдованія и наблюденія надъ жизнью тюремныхъ, ссыльныхъ и бродяжескихъ общинъ.—Историческій очеркъ сибирской ссылки.—Сравненіе разныхъ системъ наказанія у насъ и въ западной Европѣ.—Основы новой рациональной системы исправленія согласно выводамъ пенитенціарной науки и опытамъ русской тюремной общины. Н. М. Ядринцева. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 3 р.

БАСТИЛИЯ. 1374—1789. Историческій очеркъ.—Тайны Бастилии.—Ея арестанты.—Пытки.—Процессы.—Побѣги. Соч. Арнульда, Альфонза дю-Пжоль и Огюста Макэ. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.

ЖИВАЯ СИЛА. Романъ Фр. Герштеккера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ВПЕРЕДЪ. Романъ Фр. Шпильгагена, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ ПЛЕБИСЦИТА. Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей сказавшихъ «Да». Эркмана Шатриана. Перев. съ французскаго, и **ДЖИНКСОВЪ МЛАДЕНЕЦЪ.** Политико-сатирическій разсказъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою 1 р. 75 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. С. С. Шашкова, 2 т. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р., въ отличномъ переплетѣ 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ. С. С. Шашкова. Изданіе исправленное и дополненное съ прибавленіемъ статьи „Русская проституція.“ Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

ЛѢСЪ РУБЯТЪ—ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ. Романъ А. Михайлова, въ двухъ частяхъ. Спб. 1871 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою.

КРАСОТА И ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ. К. Реклама, переводъ съ нѣмецкаго. **ОСНОВЫ ЖИЗНИ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢВЦЪ.** Е. Глевуэля, переводъ съ англійскаго. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. съ пересылкою

ШВЕЙЦАРІЯ И ШВЕЙЦАРЦЫ. Соч. Вильяма Гепворта Диксона съ присоединеніемъ его-же статьи «Учебныя заведенія въ Цюрихѣ»,

перев. съ англійскаго подъ редакціей А. Михайлова и Н. И. Шульгина. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к. съ пересылкою.

ЗАГАДОЧНЫЯ НАТУРЫ. Романъ Фр. Шпильгагена, перев. съ вѣмецкаго, изд. второе. Спб. 1870 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ИЗЪ МРАКА КЪ СВѢТУ. Романъ Фр. Шпильгагена въ четырехъ частяхъ, изд. второе, продолженіе романа «Загадочныя природы». Спб. 1871 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

НѢМЕЦКІЕ ПИСНЕРЫ. Романъ Фр. Шпильгагена, перев. съ вѣмецкаго. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Открыта подписка на 1873 годъ на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СІЯНІЕ“

Самый доступный изъ всѣхъ издающихся въ Россіи иллюстрированныхъ журналовъ.

Журналъ, сохраняя свою прежнюю программу, будетъ выходить въ 1873 году еменедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ два печатныхъ листа (in quarto), и въ продолженіи года составитъ два изыщныхъ тома; въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться до трехъ и болѣе росношныхъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими русскими и иностранными художниками и граверами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ.

	Р.	К.
Безъ доставки, въ С.-Петербургѣ.	4	
„ „ „ Москвѣ	4	50
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5	—
Для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою.	5	—

НА ПОЛГОДА.

	Р.	К.
Безъ доставки, въ С.-Петербургѣ.	2	
„ „ „ Москвѣ	2	25

Съ доставкою въ С.-Петербургъ 2 60
Для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 3 —

Сочувствіе, которымъ пользовался журналъ «СІЯНІЕ» въ первый годъ своего существованія, расходясь въ количествѣ 12,000 экземпляровъ, даетъ возможность редакціи улучшить въ 1873 году какъ литературный, такъ и художественный отдѣлы изданія. Съ этою цѣлью редакція заручилась уже сотрудничествомъ многихъ русскихъ литераторовъ и художниковъ, а въ видахъ улучшенія художественнаго отдѣла вошла въ соглашеніе съ лучшими заграничными изданіями; вслѣдствіе этого редакція имѣетъ возможность вести журналъ «СІЯНІЕ» въ параллель съ извѣстными заграничными изданіями, какъ-то: „Gartenlaube“, „Daheim“, „Magasin Pittoresque“ „Familian Herald“ и др.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ главной конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ *В. П. Турбы*, на углу Вознесенскаго проспекта и *Б. Мъщанской ул.*, д. *Елизьева*, (бывшій *Тура*).

2) ВЪ МОСКВѢ: въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на *Страстномъ бульварѣ*.

3) ЗА ГРАНИЦЕЮ въ главной коммиссіонерской конторѣ *Гюнтера*, въ Прагѣ (*Geschäfts-Agentie Prague*).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться со своими требованіями исключительно въ Главную Контору журнала «СІЯНІЕ».

Редакторъ-издатель В. П. ТУРБА.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1873 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ.

(**И. С. Львова**).

Въ теченіи шести лѣтъ своего существованія, редакція достаточно ознакомила читателей съ своимъ журналомъ и окончательно выяснила преимущества своей программы предъ другими подобными періодическими изданіями, — почему не дѣлая никакихъ заманчивыхъ обѣщаній, редакція въ 1873 году, какъ и прежде постарается печатать въ одной книгѣ законченный романъ; только такіе романы, которые по своему объему окажутся болѣе 30 пе-

чатныхъ листовъ, будетъ помѣщать въ 2-хъ и 3-хъ книгахъ. Шестилѣтній опытъ указалъ редакціи, какого свойства и характера романы предпочитаетъ читающая публика. Современныя европейскія событія и въ настоящее время для большинства остаются на первомъ планѣ: начатые печататься въ 1872 году нѣкоторые уже законченные романы: „Война 1870 г.“ „Желѣзный графъ“ (Бисмаркъ) и „Лондонскія драмы“, разошлись въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ; напечатанные въ 1871 году „Изабелла или Тайны Мадридскаго двора“, нынѣ изданы вторымъ изданіемъ и продаются; „Евгенія или Тайны Французскаго двора“, печатаются и выйдутъ на этихъ дняхъ вторымъ изданіемъ. Руководясь этими соображеніями редакція заготовила на 1873 годъ романы даровитыхъ авторовъ: „Парижскіе Тунеядцы“ Гертрана Бори, „Интернационалъ“ П. Закконе и „Кувыркомъ“ Е. Габорія. Всѣ эти романы крайне интересны и охватываютъ собою нѣкоторыя событія 1870 г.

Цѣна за годовое изданіе состоящее изъ 12 книгъ безъ пересылки и доставки 7 рублей, съ доставкою на домъ 7 рублей 50 коп., съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 8 рублей.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи журнала, Милліонная, домъ № 7, и въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, въ Гостинномъ дворѣ. Гг. иногородные непосредственно адресуютъ свои требованія: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію Отдѣльныхъ Романовъ. Для желающихъ допускается разсрочка съ платою впередъ по полугодно и по третямъ при подпискѣ.

Редакція покорнѣе проситъ гг. иногородныхъ: 1) Объявлять свои требованія заблаговременно, чтобы не испытать поздняго полученія отдѣльныхъ романовъ, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) Присылать адреса, написанные четко, съ означеніемъ ближайшей почтовой канторы, губерніи и уѣзда и 3) Если кто желаетъ получить билетъ на этотъ журналъ, то заявить объ этомъ, приложивъ почтовую марку.

При главной конторѣ журнала „Дѣло“ продается:

ФИЗИОЛОГІЯ РАЗМНОЖЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Происхожденіе живыхъ существъ.—Безсиліе и бесплодность.—Искусственное оплодотвореніе.—Беременность.—Роды.—Гермафродитизмъ.—Самопроизвольное зарожденіе.

Соч. д-ра Густава Лебона.

Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой 2 р.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ дѣляется уступка 20%.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

Газета политическая, общественная и литературная выходитъ ежедневно въ большомъ форматѣ листа.

Условіе подписки на 1873 годъ.

		Безъ доставки.		Съ доставкою.		Съ пересылкою.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.
На	1 годъ	13	—	14	50	16	—
„	11 мѣсяцевъ.	12	40	13	75	15	50
„	10 „	11	—	13	—	14	25
„	9 „	10	25	11	75	12	50
„	8 „	9	50	10	50	11	50
„	7 „	8	50	9	75	11	—
„	6 „	7	50	8	25	10	—
„	5 „	6	25	7	50	9	—
„	4 „	5	—	6	25	8	—
„	3 „	3	75	5	25	6	—
„	2 „	2	50	3	25	4	—
„	1 „	1	50	1	75	2	—

Для Гг. служащихъ дѣляется разсрочка при посредствѣ казначеивъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПОДПИСКѢ НА ГАЗЕТУ

„КАВКАЗЪ“

на 1873 годъ.

Цѣна газеты: на годъ для городскихъ подписчиковъ—11 р. 50 к. и на полгода—6 р., Для иногородныхъ съ пересылкою на годъ—13 руб. и на полгода—7 руб.

Подписка исключительно принимается въ конторѣ редакціи газеты „Кавказъ“, помѣщающейся въ домѣ Соломона Антонова на Головинскомъ проспектѣ въ г. Тифлисѣ.

Газета „Кавказъ“ будетъ выходить по три раза въ недѣлю и согласно прежней программѣ.

Редакторъ-издатель Е. С. СТАЛИНСКІЙ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ СОЧИНЕНІЯ:

ЗАМѢТКИ
О ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНѢ
ВЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

А. В. ПЕТРОВА и А. Я. ЩЕРБАКОВА

Профессоровъ въ Казани.

Докладъ

Обществу врачей г. Казани.

19 ноября 1871.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп.

1) **Протоколы Общества врачей г. Казани за 1872 годъ съ Приложеніями** (Дневникъ Общества). Вышли: Протоколы №№ 1—10. Дневникъ №№ 1—14.

2) **Труды Общества врачей г. Казани за 1872 годъ—въ двухъ Отдѣлахъ.** Вышли: Отд. I. Вып. 1 и 2. Отд. II. Вып. 1. Цѣна каждому выпуску (отъ 6—8 листовъ, со многими рисунками и таблицами) 60 коп., съ пересылкою 75 коп.

3) **Нѣсколько новыхъ остеопластическихъ операцій на нижней конечности** (съ фотогр. рис.). Дисс. В. Д. Владимірова. Казань. 1872. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

4) **Матеріалы къ ученію о происхожденіи и развитіи рака нижней губы.** Дисс. Н. Э. Высоцкаго. Казань. 1872. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

5) **Замѣтки о санитарномъ состояніи Тетюшскаго уѣзда Казанской губ.** Соч. А. А. Серебрякова. (Съ 2 литогр. и мног. таблицами). Казань. 1872: Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

ОБЩЕСТВА ВРАЧЕЙ Г. КАЗАНИ:

1) Протоколы Общества врачей г. Казани за 1870 годъ съ Извлеченіями изъ Протоколовъ за 1868—69 гг., съ 2 табл. фотографическихъ и 2 табл. литограф. рисунковъ и рисунками въ текстѣ. Казань. 1870. Цѣна 3 руб., съ пересылкою 3 р. 25 коп.

2) Протоколы Общества врачей г. Казани за 1871 годъ съ Приложеніями. 50 листовъ in-8°, со многими таблицами и рисунками. Казань. 1871. Цѣна съ пересылкою 5 руб.

3) Обь отношеніяхъ между тѣломъ и духомъ, между умственными и другими разстройствами нервной системы. Три лекціи Доктора Генриха Модсли (читаны въ Королевской Лондонской медицинской коллегіи, 1870). Переводъ съ англійскаго Е. А. Безобразовой. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

4) О строеніи корешковъ спинныхъ нервовъ, спинного и продолговатаго мозга человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Соч. П. В. Рудановскаго. Д-ра при Нижнетагильскихъ заводахъ, члена Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ и Общества врачей г. Казани. О строеніи корешковъ спинныхъ нервовъ (съ 30 фотографическими рисунками на 4 таблицахъ). Цѣна 3 руб. 25 коп., съ пересылкою 3 руб. 50 коп. Слѣдующіе выпуски выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

5) Руководство къ хирургіи для фельдшеровъ и фельдшерскихъ учениковъ. Н. И. Студенскаго. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 45 коп.

6) Оспoprививаніе. Н. И. Студенскаго. Цѣна 10 коп. сер.

7) Разборъ питанія нашихъ солдатъ и характеръ болѣзней, имъ обусловливаемый. В. И. Дунаева. Старш. врача въ Перми. Казань. 1871. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

8) Земская медицина, очеркъ И. И. Моллесона (земскаго врача въ г. Перми). Казань. 1871. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 50 коп.

9) Смертность отъ холеры въ Пензѣ въ 1830, 1831, 1847, 1848 1866 и 1870 годахъ. Соч. Н. И. Студенскаго. Казань. 1871. Цѣна 30 коп.

10) Запѣтки о земской медицинѣ въ Казанской губерніи. А. В. Петрова и А. Я. Щербакова. Казань. 1872. Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп.

Съ требованіями обращаются непосредственно къ Предсѣдателю Общества врачей г. Казани, профессору университета Александру Васильевичу Петрову, въ Казань.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасов, № 13)

КЪ 5-МУ МАРТА ВЫЙДЕТЪ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ ВЫПУСКЪ
СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

Половой подборъ,

съ приложеніемъ ст. т. Гексли: КРИТИКИ ДАРВИНА.

Перев. съ англійскаго подъ редакцію Благосвѣтлова.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ болѣе 80-ти печатныхъ листовъ, съ рисунками, 5 р.

На пересылку 3-го и послѣдняго выпуска, составляющаго болѣе сорока печати. листовъ, просимъ иногороднихъ покупателей дослать 50 к., именно тѣхъ, кто уже получилъ 1-й и 2-й выпуски по старой почтовой пересылочной тактѣ.

ЛѢСЪ РУБЯТЪ — ЩЕПКИ ЛЕТАЮТЪ.

Романъ *А. Михайлова.*

(Изданіе исправленное и значительно дополненное). Цѣна за два тома 2 р. 50 к.; за пересылку предлагается сообразно съ почтовою таксою за два фунта.

Въ редакцію журнала «Дѣло» присланы въ пользу Бузулукскихъ погорѣльцевъ: отъ Н. Ш.—4 р. 50 к.; отъ П.—выхъ—6 р. 50 к.; отъ г. Курги—1 р.; отъ Церкунова—1 р.; отъ А. Церкуновой—1 р.; отъ Е. Церкуновой—50 к. Всего 14 р. 50 к. Деньги эти отправлены въ Бузулукъ городскому головѣ, котораго редакція проситъ увѣдомить о полученіи ихъ.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1872 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) о выходѣ романа А. Михайлова: «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ»; 4) Физиологія размноженія человѣка и животныхъ, Г. Лебона; 5) Красота и здоровье женщинъ, Н. Реклама; 6) объ изданіи Собранія иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ; 7) о книгѣ: Божественная комедія. Адь. Данте. Пер. В. Петрова; 8) о книгѣ: Швейцарія и швейцарцы, Вильяма Гепворта Диксона.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1872 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи, въ
Троицкомъ переулкѣ, домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ для иногород-
нихъ, на Невскомъ проспектѣ, про-
тивъ Думы, № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Солов-
ева, бывшій Базунова, на Страстномъ
бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн	15 > 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 >

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—
19.; Франція и Данія—21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и
Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

3 2044 079 301 990

